ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ СМЕРТИ

Лю Цысинь

Лауреат премии «Локус» и финалист премии «Хьюго»

fanzon

Вечная жизнь Смерти

Лю Цысинь

Аннотация
Лю Цысинь. Вечная жизнь Смерти
Предисловие переводчика
Действующие лица. из «Задачи трех тел» и «Темного леса»
Отрывок из предисловия к «Прошлому вне времени»
Часть I
Май 1453 года от Р. Х. Смерть колдуньи
Эра Кризиса, год 1-й. Режим жизни
Эра Кризиса, год 4-й. Юнь Тяньмин
Отрывок из «Прошлого вне времени»
Эра Кризиса, год 4-й. Юнь Тяньмин
Эра Кризиса, годы 1–4-й. Чэн Синь
Отрывок из «Прошлого вне времени»
Эра Кризиса, годы 1–4-й. Чэн Синь
Отрывок из «Прошлого вне времени»
Эра Кризиса, годы 1–4-й. Чэн Синь
Эра Кризиса, годы 5–7-й. Программа «Лестница»
Часть II
Эра Устрашения, год 12-й. «Бронзовый век»

Отрывок из «Прошлого вне времени»
Эра Устрашения, год 12-й. «Бронзовый век»
Эра Устрашения, год 13-й. Суд
Эра Устрашения, год 61-й. Держатель Меча
Отрывок из «Прошлого вне времени»
Эра Устрашения, год 61-й. Держатель Меча
Отрывок из «Прошлого вне времени»
Эра Устрашения, год 61-й. Держатель Меча
Эра Устрашения, год 62-й. «Гравитация» в окрестностях облака Оорта
Отрывок из «Прошлого вне времени»
Эра Устрашения, год 62-й. «Гравитация», окрестности облака Оорта
Эра Устрашения, год 62-й, 28 ноября, между 16:00 и 16:17. Центр Устрашения
Отрывок из «Прошлого вне времени»
Эра Устрашения, год 62-й, 28 ноября, между 16:00 и 16:17. Центр Устрашения
Последние десять минут Эры Устрашения: год 62-й, 28 ноября, с 16:17:34 до 16:27:58. Центр Устрашения
Эра Пост-Устрашения, первый час. Потерянный мир
Отрывок из «Прошлого вне времени»
Эра Пост-Устрашения, первый час. Потерянный мир

Эра Пост-Устрашения, день 60-й. Потерянный мир

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Эра Пост-Устрашения, день 60-й. Потерянный мир

Эра Пост-Устрашения, год 2-й. Австралия

Последние десять минут Эры Устрашения: год 62-й, 28 ноября, с 16:17:34 до 16:27:58. «Гравитация» и «Синий космос», межзвездное пространство

Эра Пост-Устрашения, год 2-й. Утро после Великого переселения, Австралия

Эра Пост-Устрашения, дни с первого по пятый,. «Гравитация» и «Синий космос», далеко за пределами облака Оорта

Часть III

Эра Космической Передачи, год 7-й. Чэн Синь

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Эра Космической Передачи, год 7-й. Чэн Синь

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Эра Космической Передачи, год 7-й. Томоко

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Эра Космической Передачи, год 7-й. Томоко

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Эра Космической Передачи, год 7-й. Юнь Тянь-мин

Эра Космической Передачи, год 7-й. Сказки Юнь

Тяньмина
Первая сказка Юнь Тяньмина
Вторая сказка Юнь Тяньмина
Третья сказка Юнь Тяньмина
Эра Космической Передачи, год 7-й. Сказки Юнь Тяньмина
Отрывок из «Прошлого вне времени»
Эра Космической Передачи, год 7-й. Сказки Юнь Тяньмина
Отрывок из «Прошлого вне времени»
Эра Космической Передачи, год 7-й. Сказки Юнь Тяньмина
Отрывок из «Прошлого вне времени»
Эра Космической Передачи, год 8-й. Судьбоносный выбор
Отрывок из «Прошлого вне времени»
Эра Космической Передачи, год 8-й. Судьбоносный выбор
Отрывок из «Прошлого вне времени»
Эра Космической Передачи, год 8-й. Точка Лагранжа Земля — Солнце
Часть IV
Эра Космических Убежищ, год 11-й. Мир космоградов
Эра Космических Убежищ, год 11-й. Скорость Света II

Эра Космических Убежищ, год 11-й. Гало-Сити
Часть V
Эра Космических Убежищ, год 67-й. Млечный Путь, рукав Ориона
Эра Космических Убежищ, год 67-й. «Ореол»
Эра Космических Убежищ, год 66-й. За границей Солнечной системы
Эра Космических Убежищ, год 68-й. Плутон
Эра Космических Убежищ, год 68-й. Двумерная Солнечная система
Часть VI
Галактическая Эра, год 409-й. Наша Звезда
Около семнадцати миллиардов лет от начала времени. Наша Звезда
Вне времени. Наша вселенная
Отрывок из «Прошлого вне времени»
Вне времени. Наша вселенная

Аннотация

Через 50 лет после Битвы Судного Дня и конца Эры Устрашения. Противостояние Земли и Трисоляриса не окончено. Но над цивилизацией нависла еще более грозная опасность: земные сигналы могут привести других агрессивных высокоразвитых разумных обитателей Темного Леса. Ведь космос населен врагами, стремящимися уничтожить конкурентов.

Чэн Синь, космический инженер из начала XXI века, выходит из анабиоза. Ее знание давно позабытых программ периода Кризиса Трисоляриса может нарушить хрупкий баланс между такими разными культурами.

Мир вступает в новую эпоху — Эру Убежищ. Людям предстоит объединиться и подготовиться к возможному апокалипсису. Этот путь будет полон удивительных свершений, побед и трагедий, потрясающих открытий и прозрений. Достигнет ли человечество звезд или погибнет в своей колыбели?

Лю Цысинь. Вечная жизнь Смерти

Предисловие переводчика

Над переводом этой книги работали два переводчика-соавтора: пишущая эти строки Ольга Глушкова, ранее переведшая «Задачу трех тел», и Дмитрий Накамура, переведший «Темный лес».

Итак, работа над трилогией «Воспоминания о прошлом Земли» окончена. Это был долгий и трудный полет для всех нас. Начался он в 2014 году, а закончился в 2017-м.

Первая книга трилогии — «Задача трех тел» — приобрела большую популярность, и читатели попросили перевести следующую — «Темный лес». Я сильно устала после перевода «Задачи трех тел» — жанр был мне не очень привычен — и поэтому с чисто трисолярианским коварством подбила на перевод второго романа цикла того самого Д. Накамуру, который терпеливо выправлял мои научные ляпы. До того момента Дмитрий занимался только научно-техническим переводом, а художественным — никогда. Он принимался за эту работу с оглядкой, но я обещала всемерную поддержку. Вместе мы одолели «Темный лес». Каждый из нас работал не подни-

мая головы, забывая про сон и еду. И даже про вышивку. Д. Накамура справился с огромной и очень сложной книгой просто блестяще.

В работе над «Темным лесом» к нашему скромному экипажу присоединился Андрей Сергеев, которому мы быстренько дали позывной «Дождик». За этим легкомысленным прозвищем скрывается, однако, кандидат физико-математических наук с огромным добрым сибирским сердцем. Этот человек читает книги по квантовой механике на сон грядущий. Его помощь просто неоценима — и с точки зрения правильной научной терминологии, и с точки зрения стиля. Дождик, мы любим тебя!

С нами работала также Миррима — она выловила множество ошибок и опечаток, давала ценные советы по части подбора того или иного слова. Спасибо ей от всей души.

В основном практически эта же команда, за исключением Константина Васенина (впрочем, он немного помог вначале, за что ему тоже благодарность!) и Мирримы, работала и над третьим романом цикла. Процесс этот был долгим, напряженным, но без малейших конфликтов, возникающих в группе людей, полностью оторвавшихся от земной действительности, хотя

и не без споров и горячих обсуждений. Мы с Дмитрием переводили, нам помогал все тот же Дождик, а также Наталья Мужичкова — филолог, моя землячка, чем я очень горжусь. Наталья оказала огромную помощь по части грамматики, а также стилистики и просто поддерживала нас морально и выискивала интересные исторические факты. Факт о держателе меча при дворе китайского императора, оказавший влияние на концепцию перевода, обнаружила именно она.

Огромная благодарность нашему бета-ридеру Андрею Красько — его замечания позволили выловить множество нестыковок и пылевых частиц.

Наша постоянная и верная помощница Миляуша Шакирова делала обложки ко всем книгам трилогии, а обложка к «Вечной жизни Смерти» — это ее оригинальное творение. Она также занималась оформлением хронологических таблиц.

У нас были и другие временные помощники, которые быстро отстыковались, поняв, что звездолет набрал слишком большую скорость. Все равно большое спасибо им от команды выживших.

И, конечно, мы не можем не выразить огромную, многомерную благодарность великолепной

Linnea, моему бессменному редактору и другу, с которой мы готовы лететь на другой край Вселенной. Она навела окончательный глянец на нашу работу. Дорогая Linnea, спасибо тебе!

* * *

В работе мы столкнулись с рядом проблем, о путях решения которых велись жаркие споры. Одна из них: как коротко и четко называть корабль, который способен летать со скоростью света? Не писать же каждый раз «корабль, способный летать со скоростью света»! К тому же ни один корабль никогда не сможет летать со скоростью света, но — хотя бы чисто теоретически — лишь с околосветовой скоростью. Однако автор везде называет такие космолеты кораблями, летающими со скоростью света. Как быть переводчику?

То же самое относится и к двигателю, но тут еще труднее: «двигатель, с помощью которого можно достигать скорости света». И так каждый раз?

Поэтому мы решили называть эти вещи попросту «световыми кораблями», «светолетами», «световым/пространственным приводом/двигателем», хотя это и неправильно. Придется читателю свыкнуться с не совсем привычной терминологией в угоду плавности речи.

Другая проблема заключалась в том, что мы зачастую уличали автора в нестыковках как чисто литературного, так и научного характера. Наши ученые мужи Дождик и Д. Накамура дали множество комментариев по части не совсем научно обоснованных идей автора. Эти комментарии, возможно, были бы интересны публике сами по себе, поскольку содержат изрядную дозу едких и отравляющих веществ, а также веселящего газа, но мы решили, что не вправе влиять на мнение читателей. Кое-какие чисто литературные неувязки, как, например, путаница с размерами и временными рамками, отмечены в сносках. Когда масштабы произведения настолько велики, немудрено и запутаться, так что давайте отнесемся к авторским ошибкам снисходительно.

Как и в предыдущих книгах, примечания Кена Лю обозначены «прим. К. Л.», примечания от переводчиков «прим. перев.».

* * *

Ну и напоследок мы не можем не выразить своей признательности еще одному человеку, помогавшему во время работы над всеми тремя романами.

Вся наша команда общалась в совместном чате.

Когда у нас возникали подозрения, а не ошибся ли переводчик с китайского на английский Кен Лю (хотя он отличный переводчик и прекрасный писатель сам по себе), мы тут же обращались к нашему китаеведу. И вот представьте себе такой диалог:

Дмитрий: Что это там за чушь написана про пространственные измерения?

О. Г.: А, ну, это к Альберту. Напишем ему.

Дождик (который не в курсе): Вы что, Эйнштейну писать собрались?! О_о

Мы все: Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Мы посылаем лучи вечной признательности Альберту Крисскому, нашему неизменно доброжелательному и терпеливому драгоману!

И, конечно, мы бесконечно благодарны всем читателям. Ваша поддержка и энтузиазм значили для нас чрезвычайно много!

Ольга Глушкова

Действующие лица из «Задачи трех тел» и «Темного леса»

Е Вэньцзе — астрофизик; ее семья подверглась репрессиям во времена «культурной революции». Именно она вступила в контакт с трисолярианами, что и вызвало Трисолярианский кризис.

Ян Дун — физик, дочь Е Вэньцзе.

Дин И — физик-теоретик и первый человек, осуществивший контакт с трисолярианскими космическими зондами — так называемыми «каплями». Близкий друг Ян Дун.

Чжан Бэйхай — офицер Азиатского флота. Перед Битвой Судного дня угнал корабль «Естественный отбор», чем подарил человечеству проблеск надежды посреди самого темного отчаяния. Возможно, первым из офицеров понял природу Сражений тьмы.

Сэй — Генеральный секретарь ООН во времена Трисолярианского кризиса.

Мануэль Рей Диас — Отвернувшийся; предложил план создания сверхгигантской водородной бомбы, так называемой «звездной бомбы», как

оружия в борьбе с трисолярианами.

Ло Цзи — Отвернувшийся, автор теории «темного леса»; положил начало Устрашению.

Отрывок из предисловия к «Прошлому вне времени»

Пожалуй, следовало бы называть мое повествование историей, если бы ему хватало исторической строгости, ведь в моем распоряжении лишь воспоминания.

Нельзя даже сказать, что я пишу о былом. Изложенные мною события не случались в прошлом, не происходят сейчас и не произойдут в будущем.

Я не хочу вдаваться в детали. Здесь лишь канва событий прошлого. Сохранившихся подробностей и так предостаточно. Надеюсь, что, подобно письмам в закупоренных бутылках, плывущим по волнам океана, они доберутся до новой Вселенной и попадут в чьи-нибудь руки.

Так что я описываю лишь общую схему событий, которую можно заполнить подробностями. Разумеется, это задача не для нас. Я лишь надеюсь, что кто-нибудь в один прекрасный день займется этим.

Мне очень жаль, что этого дня не было в прошлом, нет в настоящем и он не настанет в

будущем.

Я подталкиваю солнце к западу, и капельки росы на траве вспыхивают в закатных лучах, будто миллионы внезапно раскрывшихся глаз. Я приглушаю яркость солнца, торопя сумерки, и вглядываюсь в свой силуэт на отдаленном горизонте.

Я машу силуэту рукой, и он машет мне в ответ. Я гляжу на него и чувствую, как молодость возвращается ко мне.

До чего же замечательное время! Как раз для воспоминаний.

Часть I

Май 1453 года от Р. Х. Смерть колдуньи

Остановившись на мгновение, чтобы собраться с мыслями, Константин XI смел в сторону ворох планов городской обороны, поплотнее запахнул свою пурпурную мантию и замер в ожидании.

Он обладал превосходным чувством времени. Дрожь пришла точно в предвиденный момент — сильные, грубые толчки, казалось, исходили глубоко из-под земли. Зазвенела серебряная люстра; пыль, тысячу лет пролежавшая на крыше Большого дворца, поднялась в воздух, тонким облачком влетела в пламя свечей и вспыхнула там, как крошечный фейерверк.

Каждые три часа — столько времени требовалось османам, чтобы перезарядить исполинские бомбарды работы инженера Орбана — шестисоткилограммовые каменные ядра били в стены Константинополя, самые крепкие городские стены во всем мире. Их построил еще Феодосий II в V веке, и с тех пор их неустанно расширяли и укрепляли. Под защитой этих стен византийский двор уже не одно столетие отражал атаки многочисленных могучих врагов.

Но с каждым попаданием огромные ядра про-

бивали новые и новые бреши. Казалось, будто какой-то невидимый гигант откусывает один кусок стены за другим. Император представил себе, как взвиваются в воздух осколки, как толпы солдат и горожан спешат к очередной ране в стене сквозь тучи пыли, подобно бесстрашным муравьям. Люди бросали в проломы все, что было под рукой: мусор из развалин, мешки с землей, бесценные персидские ковры... Он даже представил себе, как облако пыли, пронизанное закатными лучами солнца, золотистым саваном неторопливо окутывает Константинополь.

Город уже пять недель находился в осаде, и стены тряслись семь раз в сутки — равномерно, словно бой гигантских часов. Это был пульс другого мира — мира нехристей. Подавленный этим ритмом, звон бронзовых часов с двуглавым орлом, стоявших в углу кабинета и отсчитывавших время христианства, был почти не слышен.

Дрожь утихла. Через какое-то время Константин заставил себя вернуться к реальности. Жестом он показал охраннику, что готов принять посетителя.

Вошел Сфрандзи, один из наиболее доверенных министров. За его спиной, держась поближе, следовала тонкая фигурка.

— Это Елена. — Сфрандзи сделал шаг в сторону, давая рассмотреть женщину.

Император взглянул на нее. Аристократки Константинополя любили богато украшенные одежды, а простой народ ходил в белых бесформенных балахонах длиной по щиколотку. Наряд этой Елены был чем-то средним между тем и другим. Вместо туники с золотой вышивкой она носила простое белое платье, но поверх него набросила дорогую накидку. Вместо пурпурного и красного цветов, дозволенных лишь знати, ее накидка была выкрашена в желтый цвет. Лицо, волнующее и чувственное, напоминало цветок, который предпочел бы увянуть под любящим взглядом, чем отцвести в одиночестве.

«Должно быть, продажная женщина — и неплохо зарабатывающая».

Посетительницу била дрожь. Она не поднимала глаз, но император заметил, что в них горит лихорадочный огонь азарта и рвения — редких качеств для людей ее социального положения.

— Ты утверждаешь, что владеешь магией? — спросил император.

Он хотел скорее покончить с этой аудиенцией. Как правило, Сфрандзи подходил к делу добросовестно. Сегодня Константинополь обороняли

восемь тысяч воинов. Среди них было немного солдат из регулярной армии и две тысячи генуэзских наемников. Всех остальных Сфрандзи набрал из населения города — практически поодиночке. Императора не слишком интересовала новая задумка министра, но авторитет Сфрандзи требовал, чтобы ему, по крайней мере, дали шанс.

— Да, я могу убить султана. — Тихий голос Елены трепетал, словно паутинка на ветру.

Пять дней назад Елена появилась перед дворцом и потребовала встречи с императором. Когда охрана попыталась ее прогнать, она предъявила предмет, ошеломивший солдат. Они не совсем понимали, что именно видят, но точно знали, что шлюхе вроде нее такую вещь иметь не положено. Елену повели во дворец, но не к императору, а на допрос, чтобы узнать, как ей удалось завладеть подобным предметом. Слова Елены подтвердились, и женщину привели к Сфрандзи.

И вот теперь здесь, в кабинете императора, Сфрандзи достал небольшой сверток, развернул льняную ткань и поставил предмет на стол.

Император не верил своим глазам. Точно так же пять дней назад на эту вещицу смотрела его охрана. Но в отличие от солдат император сразу

же понял, что это такое.

Больше девяти веков назад, при Юстиниане Великом, лучшие ювелиры отлили два кубка из чистейшего золота и украсили их драгоценными камнями. Кубки получились настолько прекрасными, что от их вида перехватывало дыхание. Они различались лишь формой и расположением камней. Один хранился у императоров Византии, а другой вместе с прочими сокровищами замуровали в секретной нише, в глубине фундамента собора Святой Софии, когда здание перестраивали в 537 году от Р. Х.

Блеск кубка, хранившегося во дворце и хорошо знакомого императору, с годами потускнел. Но этот, стоящий сейчас на его столе, сверкал так, будто его отлили лишь вчера.

Поначалу никто не поверил словам Елены — посчитали, что она, наверное, украла кубок у какого-нибудь богатого клиента. Хотя о секретной нише в фундаменте слышали многие, мало кто точно знал, где она находится. Более того, ниша таилась глубоко под землей, окруженная огромными каменными блоками, и к ней не вели ни двери, ни туннели. Чтобы добраться до тайника, пришлось бы разрыть всю улицу.

Четыре дня назад император приказал собрать

все драгоценности города на случай, если Константинополь падет. Собственно, это был жест отчаяния: император отлично понимал, что турки перерезали все дороги и отступать с сокровищами просто некуда.

Тридцать землекопов работали без остановки три дня, прежде чем докопались до секретной ниши. Ее стены и в самом деле были сложены из гигантских каменных блоков — ничуть не меньше тех, из которых выстроена великая пирамида Хеопса. Внутри ниши стоял тяжелый каменный саркофаг, наглухо запечатанный двенадцатью толстыми железными обручами. Потребовался целый день, чтобы распилить металл. Только тогда пятерым рабочим под пристальным надзором многочисленной охраны удалось поднять крышку саркофага.

Больше всего их поразили не сокровища и не священные реликвии, пролежавшие в саркофаге без малого тысячу лет, а гроздь свежего винограда на самом верху.

Елена утверждала, что это она положила виноград в саркофаг пять дней назад и что половину ягод она съела, оставив лишь семь.

Рабочие пересчитали сокровища и сравнили их со списком, оставленным внутри саркофага.

Все было на месте, за исключением кубка. Если бы кубок уже не обнаружили у Елены и если бы Елена не объяснила происшедшее, то всех работавших на раскопках людей пришлось бы казнить, даже если бы они единогласно уверяли, что обнаружили и секретную нишу, и саркофаг совершенно нетронутыми.

— Каким же образом ты достала кубок? — спросил император.

Елена задрожала еще сильнее. Похоже, при всей своей магии женщина не чувствовала себя в безопасности. Она с ужасом посмотрела на императора и выдавила ответ:

— Такие места... я просто вижу их... они для меня... — она поискала подходящее слово, — открыты...

— Можешь показать, как ты это делаешь? Возьми что-нибудь из закрытого сундука.

Елена замотала головой — от страха у нее отнялся язык. Она повернулась к Сфрандзи, взглядом умоляя о помощи.

Министр пояснил:

— Она утверждает, что ее магия действует только в определенном месте. Но она не может сказать, где находится это место, и никто не должен за ней следить. Иначе магия навсегда

исчезнет.

Елена энергично закивала, подтверждая слова министра.

— В Европе тебя уже давно сожгли бы на костре, — обронил император.

Елена рухнула на пол, обхватив себя руками, — маленькая фигурка, совсем как ребенок.

— Ты умеешь убивать? — продолжал допрос император.

Но Елена лишь тряслась. Сфрандзи попытался ее успокоить, и наконец, она кивнула.

— Хорошо, — обратился император к министру. — Испытай ее.

* * *

Сфрандзи повел Елену вниз по длинной лестнице, освещенной факелами. Под каждым факелом стояли два вооруженных солдата. Свет отражался от их брони и игриво переливался на стенах.

Наконец они добрались до темного подвала. Елена поплотней закуталась в накидку. Летом здесь хранили запасы льда для всего дворца.

Сейчас в подвале льда не было. В углу под горящим факелом сидел заключенный — судя по одежде, турецкий офицер. Он хищно, по-волчьи, глядел на Сфрандзи и Елену сквозь прутья ре-

шетки.

— Видишь его? — спросил Сфрандзи.

Елена кивнула.

Министр передал ей мешок из овчины.

— Теперь уходи. Вернешься с его головой не позже рассвета.

Елена достала из мешка ятаган, сияющий в свете факелов, как серп луны. Она вернула оружие Сфрандзи:

— Это мне не понадобится.

Затем она бесшумно зашагала вверх по ступеням. Когда колдунья проходила мимо факелов, казалось, будто ее фигура меняется — превращается то в кошку, то в женщину... А потом Елена растворилась в темноте.

Сфрандзи повернулся к одному из офицеров:

— Усильте здесь охрану! — И добавил, указав на заключенного: — Не спускайте с него глаз!

Офицер отправился исполнять повеление. Сфрандзи взмахнул рукой, и из сумрака проявился человек в черной монашеской рясе.

— Не подходи близко, — приказал Сфрандзи. — Не беда, если упустишь ее. Но ни в коем случае не дай ей заметить тебя!

Монах кивнул и устремился вверх по лестнице так же бесшумно, как и Елена.

* * *

Той ночью Константин плохо спал — впрочем, как и в любую другую ночь в осажденном городе. Дрожь от ударов огромных ядер будила императора, как только он начинал засыпать. Незадолго до рассвета он поднялся к себе в кабинет. Там его дожидался Сфрандзи.

Император уже позабыл про колдунью. В отличие от своего отца Мануила II и старшего брата Иоанна VIII, Константин был практичным человеком и знал: тот, кто полагается на чудо, чаще всего долго не живет.

Сфрандзи приблизился к двери и подал знак. Елена бесшумно вошла в кабинет. Похоже, сегодня она боялась не меньше, чем вчера: когда она подняла овчинный мешок, ее руки заметно тряслись.

Как только Константин увидел мешок, он понял, что без толку потратил время. Из тощего мешка не сочилась кровь. Совершенно очевидно, что головы узника в нем не было.

Но лицо Сфрандзи не выражало разочарования. Скорее министр смотрел рассеянно, словно блуждающий во сне лунатик.

— Похоже, она не принесла то, что мы требова-

ли? — спросил император.

Сфрандзи забрал мешок у Елены, положил на стол перед императором и раскрыл. Затем поднял на Константина такой взгляд, будто только что лицезрел привидение.

— Можно сказать, принесла...

Император заглянул в мешок. На самом дне лежало что-то серое, мягкое, наподобие испортившегося блюда из бараньего жира. Сфрандзи поднес канделябр поближе.

— Это мозг турка.

— Она что, раскроила ему череп? — Константин бросил взгляд на Елену. Та, закутавшись в накидку, дрожала, как перепуганный мышонок.

— Нет, на теле заключенного не нашли никаких ран. По моему приказу за ним следили двадцать человек, по пять в каждой смене, с разных сторон, не спуская глаз. Охранников у дверей подвала тоже предупредили; не пролетел бы даже комар. — Сфрандзи смолк, словно поражаясь собственному рассказу.

Император кивком велел ему продолжать.

— Через два часа после ее ухода турок внезапно забился в конвульсиях и повалился замертво. Среди наблюдателей были один опытный врач-грек и несколько солдат, ветеранов многих сражений.

Ни один из них ни разу не видел, чтобы кто-то умирал таким образом. Через час Елена вернулась с мешком. Тогда врач распилил мертвецу череп. Внутри оказалось пусто.

Константин внимательно рассмотрел лежащий в мешке мозг и не нашел ни единого повреждения. Нежный орган аккуратно извлекли целиком. Император заметил, что пальцы Елены сжимают отвороты туники. Он представил себе, как она протягивает руку и срывает этими пальцами прячущийся в траве гриб или как обрывает ими лепестки цветков яблони...

Властитель устремил взор в сторону городских стен, будто наблюдая, как что-то поднимается из-за горизонта. Дворец сотрясли новые удары осадных бомбард, но император впервые не обратил на них внимания.

«Если в мире бывают чудеса, то сейчас для них самое время».

Положение Константинополя было отчаянным, но пока еще не безнадежным. За пять недель кровопролитных сражений нападающие тоже понесли тяжелые потери. Кое-где горы трупов турецких солдат сравнялись по высоте с городскими стенами. Нападающие обессилели не меньше обороняющихся. Пару дней назад смелые моря-

ки-генуэзцы прорвали блокаду Босфора и вошли в залив Золотой Рог, доставив в город бесценные грузы и подкрепление. Никто не сомневался, что за ними следуют другие защитники христианской веры.

Турецкие войска пали духом. Большинство офицеров были не прочь принять предложенные Византией условия мира и отправиться по домам. Турки оставались на месте из-за одного-единственного человека.

Этот человек свободно говорил на латыни, знал искусство и науки и был опытным полководцем. У него не дрогнула рука утопить своего брата в ванне, чтобы занять трон самому. Он обезглавил прекрасную рабыню перед строем своих войск, чтобы доказать, что его воля сильнее женских чар... Султан Мехмед II был осью, на которой крутились шестеренки османской военной машины. Если эту ось сломать, машина развалится.

«Возможно, и в самом деле произошло чудо?»

— Чего ты хочешь? — спросил император, не отрывая взгляда от городских укреплений.

Елена явно ждала этого вопроса:

— Я хочу славы.

Константин кивнул. Эту женщину не привлекали ни деньги, ни драгоценности. Не существовало

такой сокровищницы, в которую, при желании, не проникла бы ее рука. Блудница жаждала почестей.

— Ты из семьи крестоносцев?

— Да. — Через мгновение она тихо пояснила: — Но не четвертого похода[1].

Император коснулся головы Елены, и женщина упала на колени.

— Иди, дитя. Если ты убьешь Мехмеда II, то спасешь Константинополь. Ты станешь святой покровительницей святого города.

* * *

На закате Сфрандзи провел Елену к стене недалеко от ворот святого Романа.

Земля под стенами почернела от крови; повсюду валялись тела, словно небеса пролились дождем из трупов. Чуть поодаль над полем боя тянулся тонкий, неуместно грациозный язык белого дыма, исходящего от громадных пушек. А дальше, до самого горизонта, стояли турецкие войска. Целый лес их знамен развевался на

[1] Примечания: 1

Четвертый крестовый поход (1202–1204 гг.) закончился тем, что крестоносцы, так и не добравшись до Святой земли, захватили и разграбили Константинополь. — *Прим. перев.*

влажном морском ветру под низким свинцовым небом.

Если посмотреть в сторону моря, турецкие корабли заполонили весь Босфор. Казалось, будто в голубое море вбили множество железных гвоздей.

Елена закрыла глаза. «Это мое поле боя, это моя война».

Она припомнила легенды, знакомые с детства, истории о предках, которые ей рассказывал отец. В Европе, на другом берегу Босфора, где-то в Провансе, был городок. Однажды над ним зависло облако, из которого вышла целая армия детей. Их возглавлял ангел, а на латах воинов сияли красные кресты. Тогда один из предков Елены, живший в этом городе, последовал знамению свыше и пересек Средиземное море, чтобы сражаться за Бога и за Святую землю. Понемногу он дослужился до рыцаря-тамплиера. Потом приехал в Константинополь, где встретил красивую девушку, тоже святого воина. Они полюбили друг друга, и от них пошел их славный род...

Когда Елена подросла, она узнала подлинную историю своей семьи. Отец не слишком погрешил против истины — ее предок действительно

принимал участие в детском крестовом походе[2]. В то время свирепствовала эпидемия чумы, и он присоединился к походу в поисках пропитания. Когда корабль пристал к египетскому берегу, его и десять тысяч других детей продали в рабство. Через много лет ему удалось сбежать, и в конце концов он оказался в Константинополе, где в самом деле встретил девушку, святую воительницу. Но и на ее долю выпало множество невзгод. Византийская империя надеялась, что христианские страны пришлют своих лучших рыцарей, чтобы сражаться с неверными, а получила армию хрупких девушек без гроша в кармане. Византийский двор отказался кормить «святое воинство», и женщинам-рыцарям пришлось продавать свое тело.

Больше ста лет «славный род» Елены влачил жалкое существование. При ее отце дела пошли еще хуже. Оголодавшая Елена вернулась к про-

[2] Примечания: 2

В начале 1212 года тысячи крестьян (в том числе детей и подростков) из Германии и Франции собрались в войско для завоевания Гроба Господня в Иерусалиме. В мае 1212 года, когда немецкое народное войско прошло через Кёльн, в его рядах насчитывалось около двадцати пяти тысяч детей и подростков, направляющихся в Италию, чтобы оттуда морем достигнуть Палестины. В хрониках XIII века более пятидесяти раз упоминается этот поход, который получил название «Крестового похода детей». (https://ru.wikipedia.org/wiki/Крестовый_поход_детей). — *Прим. перев.*

фессии прабабки; но отец узнал об этом, выпорол ее и пообещал убить, если еще хоть раз поймает за этим занятием... Ну разве что Елена станет приводить клиентов на дом. Уж он тогда и цену справедливую вытрясет, и деньги ее будет держать в сохранности...

Елена ушла из дома, стала жить самостоятельно и работать только на себя. Она побывала и в Иерусалиме, и в Трабзоне, и даже в Венеции. Девушка перестала голодать и начала красиво одеваться. Однако Елена знала, что ничем не отличается от травинки, растущей в грязи у дороги, — она никак не выделялась среди других, и ее топтали все кому не лень.

А потом Бог явил Елене чудо.

Даже тогда она не сравнивала себя с Жанной д'Арк — еще одной женщиной, которой коснулось божье благословение. Что дал Бог Орлеанской деве? Всего лишь меч. А Елене досталось нечто такое, что сделает ее святой, уступающей только деве Марии...

— Смотри. Вон там расположился лагерь *Эль-Фатиха*, Завоевателя. — Сфрандзи указал в сторону от ворот Св. Романа.

Елена взглянула туда и кивнула.

Сфрандзи передал ей новый овчинный мешок:

— Здесь три его портрета, с разных сторон и в разной одежде. И нож — он тебе понадобится. Нам нужна его голова целиком, а не только мозг. Лучше дождись ночи. Днем он не появляется в своем шатре.

Елена приняла мешок.

— Не забудьте о моем предупреждении, — напомнила она.

— Конечно.

Не следите за мной. Не заходите туда, куда я пойду. Иначе магия исчезнет навсегда.

Соглядатай, следивший за ней этой ночью под видом монаха, сообщил Сфрандзи, что Елена старательно путала следы, несколько раз поворачивала и возвращалась обратно, пока не дошла до Влахерн[3]. Этот квартал больше всего пострадал от турецкой бомбардировки.

Мнимый монах проследил, как Елена заходит в развалины минарета, бывшего когда-то частью мечети. Эту башню не тронули, когда Константин приказал разрушить все мечети города,

---

[3] Примечания: 3

Влахерны — северо-западный пригород Константинополя, со времен Юстиниана известный церковью Богородицы, где в 910 году произошло знаменитое явление Богоматери верующим. Здесь находился императорский дворец, который с 1081 г. стал основной резиденцией монарха. В 1453 г. турки ворвались в Константинополь, пробив стены Влахернского квартала. — *Прим. перев.*

потому что во время последней эпидемии чумы в минарет проникли несколько больных и там скончались. Никто не хотел даже близко подходить к ним. Когда началась осада, шальное ядро снесло верхнюю половину башни.

Помня о приказе Сфрандзи, соглядатай не последовал за Еленой внутрь минарета. Но он поговорил с двумя солдатами, которые бывали там прежде, чем в сооружение угодило ядро. Солдаты рассказали, что намеревались разместить там наблюдательный пост, но минарет оказался недостаточно высоким. По их словам, внутри башни не было ничего, кроме нескольких трупов, от которых остались только скелеты.

На сей раз Сфрандзи никого не отправил следить за Еленой. Он внимательно смотрел, как она пробирается между солдатами, толпившимися на стенах. Ее яркая туника выделялась на фоне грязных, окровавленных доспехов. Изнуренные солдаты не обращали на женщину внимания. Она спустилась со стены и, даже не стараясь запутать возможного преследователя, направилась во Влахерны.

Наступила ночь.

* * *

Константин не сводил взгляда с подсыхающего на полу мокрого пятна — символа его тающих надежд.

Воду принесли на своих башмаках его лазутчики. В прошлый понедельник дюжина доверенных людей, переодетых турками, в крохотной лодчонке проскользнула сквозь блокаду, чтобы встретить флот Европы. Предполагалось, что европейцы придут на помощь осажденному Константинополю. Но лазутчики увидели лишь пустынное Эгейское море и ни единого корабля долгожданных спасителей. Подавленные увиденным, лазутчики исполнили свой долг до конца: вернулись в город сквозь кольцо осады и доставили императору сокрушительное известие.

Константин наконец понял, что обещанная Европой помощь — не более чем пустые мечты. Святейшие короли христианского мира хладнокровно решили отдать Константинополь неверным — а ведь священный город на протяжении многих столетий отбивал атаки приверженцев Мухаммеда.

До ушей императора донеслись тревожные крики снаружи. Вбежал солдат и доложил, что

случилось лунное затмение. Ужасное предзнаменование! Ведь сказано же было, что Константинополь не падет, пока светит луна!

Сквозь узкое окно Константин следил, как луна растворяется среди теней, будто сходя в небесную могилу. Он был подсознательно убежден, что Елена не вернется и что ему не суждено увидеть отрезанную голову своего врага.

Прошел день, а за ним ночь. Никаких новостей от Елены.

* * *

Сфрандзи и его свита остановились перед минаретом во Влахернах, спешились и замерли от потрясения.

Озаренный холодным белым светом только что взошедшей луны, минарет стоял цел и невредим. Его острая вершина вонзалась в звездное небо.

Соглядатай клялся, что в прошлый раз у башни недоставало верхушки! Это подтвердили и несколько офицеров и солдат, знакомых с окрестностями.

Но Сфрандзи в гневе уставился на свою ищейку. Сколько бы свидетелей ни утверждало обратное, этот человек *лжет*! Минарет цел, какие еще нужны доказательства?! Однако для наказания

виновного нет времени. Турки уже скоро ворвутся в город, и тогда никто не избежит кары Завоевателя.

Один из солдат точно знал, что вершина минарета исчезла не из-за турецких ядер. Однажды утром, две недели назад, он заметил, что верхняя половина башни пропала. Но той ночью пушки не стреляли! Кроме того, вокруг здания не валялись обломки. В то утро солдат шел здесь с двумя сослуживцами, но они уже погибли в бою. Верно истолковав выражение лица министра, солдат решил промолчать.

Сфрандзи и его люди вошли внутрь минарета. Соглядатай, в ошибке которого министр ничуть не сомневался, пошел со всеми. На первом этаже валялись останки жертв чумы; их скелеты уже растащили по углам бродячие собаки. И никого живого.

Люди поднялись по лестнице. На втором этаже в мерцающем свете факела они нашли Елену, свернувшуюся клубком возле окна. Казалось, что она спит, но в ее полуоткрытых глазах отражалось пламя факелов. Одежда девушки превратилась в грязные лохмотья, а на лице сочились кровью несколько царапин — наверное, она сама разодрала себе щеки.

Сфрандзи осмотрелся. Они находились на самом верху минарета, на чердаке под конической крышей. На всем лежал толстый слой пыли, и лишь в нескольких местах остались следы — очевидно, Елена, как и они сами, вошла сюда недавно.

Елена очнулась и, опираясь о стену, поднялась на ноги. В лунном свете, льющемся сквозь окно, ее растрепанные волосы сияли, как серебряный нимб. Широко раскрытые глаза смотрели в одну точку. С трудом ей удалось отрешиться от наваждения, но затем она снова закрыла глаза, будто стараясь вернуться в прерванный сон.

— Что ты здесь делаешь? — закричал на нее Сфрандзи.

— Я... Я не могу войти туда.

— Куда?

Не открывая глаз, будто не желая расставаться с воспоминаниями — так ребенок цепляется за любимую игрушку, — она проговорила:

— Там так просторно... Так уютно...

Она открыла глаза и осмотрелась в ужасе:

— А здесь... здесь как в гробу! Что внутри минарета, что снаружи... Мне надо туда!

— Ты выполнила задание?

— Подождите! — Елена осенила себя крестным

знамением. — Подождите!

Сфрандзи указал на окно:

— Слишком поздно.

На людей навалилась какофония звуков. Если прислушаться, они исходили из двух мест.

Одна волна шума пришла из-за стен. Мехмед II решил завтра брать город штурмом. А сейчас молодой султан разъезжал по лагерю и провозглашал, что лично ему нужен только город: солдаты могут забирать себе и женщин, и золото Константинополя. После захвата города у них будет три дня на грабеж. Воины громко радовались, их голоса смешивались со звуками фанфар и барабанов, еще больше подогревающих веселье. Праздничный шум из турецкого лагеря, а также дым и искры многочисленных костров плотным гибельным приливом накрыли Константинополь.

А другая волна шума, тихого и печального, шла изнутри города. Все горожане собрались в Софийском соборе, чтобы принять участие в последней мессе. Ничего подобного раньше не случалось в истории христианства и не случится в будущем. Под звуки торжественных гимнов, в тусклом сиянии свечей император Византии, патриарх Константинополя, православные с Во-

стока и католики из Италии, солдаты в доспехах, торговцы и моряки из Венеции и Генуи и бесчисленные толпы простого народа пришли к Богу, чтобы приготовиться к последнему в их жизни сражению.

Сфрандзи понял, что его попытка не удалась. Вероятно, Елена была талантливой лгуньей и никакой магией не владела — он предпочитал это объяснение всем прочим. Но возможен и другой вариант: Елена умела колдовать, но перешла на сторону Мехмеда II, и он дал ей другое задание.

И в самом деле, что могла ей предложить разваливающаяся на глазах Византийская империя? Император пообещал сделать ее святой, но вряд ли сдержал бы слово. Ни Константинополь, ни Рим не объявили бы ведьму-потаскуху святой. Да, скорее всего, она вернулась от султана с новым списком жертв: Константин и он сам, Сфрандзи.

Разве не это произошло с Орбаном, инженером из Венгрии? Он пришел к Константину, принес чертежи огромных пушек — но у императора не нашлось денег ни на оплату его труда, ни на постройку исполинских орудий. Тогда Орбан отправился к Мехмеду II. Ежедневные бомбардировки служили постоянным напоминанием о его предательстве.

Сфрандзи бросил взгляд на свою ищейку. Тот немедленно выхватил меч и всадил его в грудь Елены. Меч пронзил женщину насквозь и намертво застрял в расщелине между камнями стены. Убийца потянул за рукоятку своего оружия, но оно даже не шевельнулось. Елена ухватилась за эфес; соглядатай отпустил меч, боясь прикоснуться к ведьме.

Сфрандзи и его люди ушли.

Во время казни Елена не проронила ни звука. Постепенно голова женщины бессильно поникла, покинув столб лунного света, и серебристый нимб ее волос угас. Лунные лучи высвечивали на темном полу башни небольшой квадрат. По нему, будто тонкая черная змейка, полз ручеек крови.

Перед началом великого сражения смолкли все звуки — и снаружи города, и внутри. Восточная Римская империя встречала свой последний день на Земле, на границе Европы и Азии, между морем и сушей.

На втором этаже минарета умерла колдунья, пригвожденная мечом к стене. Наверное, она была единственной настоящей колдуньей за всю историю человечества. К сожалению, десять часов назад недолгой эпохе магии тоже настал конец.

Эпоха магии началась в четыре часа дня 3 мая 1453 года, когда фрагмент многомерного пространства пересек орбиту Земли. Эпоха закончилась в девять часов вечера 28 мая 1453 года, когда фрагмент оставил Землю позади. Прошло двадцать пять дней и пять часов, и все вернулось на круги своя.

Вечером 29 мая турки захватили Константинополь.

Когда кровопролитная битва уже подходила к неизбежному концу, Константин, стоя перед наступающим морем врагов, вскричал: «Город пал, а я все еще жив!» Потом он сорвал с себя императорские одежды, выхватил меч и ринулся в бой. Его серебряные латы блеснули на мгновение, будто фольга, брошенная в темно-красную кислоту, и пропали.

Пройдет много лет, прежде чем люди поймут историческую значимость падения Константинополя. Для большинства это событие отметило последний вздох Римской империи. Византия, тысячелетний след колесницы древнего Рима, многие годы жила богато, но понемногу колея заросла и богатства истаяли, как испаряется лужа воды под жарким солнцем. В давние времена гордые римляне насвистывали песенки, нежась

в своих величественных термах, уверенные, что их империя, как и гранит их бассейнов, будет существовать вечно.

Но ничто не вечно под луной. Всему рано или поздно приходит конец. Абсолютно всему.

Эра Кризиса, год 1-й. Режим жизни

Ян Дун жаждала спасения, но знала, что надежды нет.

Она стояла на балконе последнего этажа центра управления и обводила взглядом замерший без дела ускоритель элементарных частиц. Отсюда она видела сооружение целиком, все двадцать километров его окружности. Отходя от традиции, кольцо ускорителя разместили не в подземном туннеле, а в наземной бетонной трубе. Под лучами заходящего солнца оно казалось огромной точкой[4].

Конец чего означает эта точка? Будем надеяться, что лишь конец физики.

Раньше Ян Дун верила, что, даже если в жизни и мире порой бывают недостатки, и в микроскопически малом, и в астрономически большом масштабе все оставалось прекрасно и гармонично. Наш повседневный мир — не более чем пена на поверхности безупречного океана фундаментальной реальности. А теперь оказалось, что мир — это просто красивая обертка. Микрокосм

---

[4] Примечания: 4

В китайском алфавите точка изображается вот так: 𠂇 — *Прим. К. Л.*

внутри нее и макрокосм снаружи куда более безобразны и хаотичны, чем обертка.

Даже подумать страшно.

Было бы легче, если бы она не беспокоилась о подобных вещах. Если бы выбрала карьеру подальше от физики, вышла замуж, завела детей и жила самой обычной, мирной жизнью, как миллионы других женщин. Но, конечно, для нее такое существование было бы полужизнью.

Ян Дун тревожило кое-что еще — ее мать, Е Вэньцзе. Однажды, совершенно случайно, Ян Дун обнаружила на компьютере матери несколько тщательно зашифрованных сообщений. Они пробудили в Ян Дун жгучее любопытство.

Подобно многим пожилым людям, Е Вэньцзе слабо разбиралась, как действует компьютер. Она просто удалила расшифрованные документы вместо педантичного затирания их текста. Она и понятия не имела, что удаленные документы можно легко восстановить даже после форматирования жесткого диска.

Впервые в жизни Ян Дун что-то скрыла от своей матери. Она тайком восстановила удаленные документы. Ей понадобилось несколько дней, чтобы их прочитать. Так она узнала о Трисоляри-се и о секрете, который хранили инопланетяне

и Е Вэньцзе.

Ян Дун словно громом поразило. Ее мать, человек, которому она доверялась бо́льшую часть своей жизни, оказалась совершенно чужой, причем настолько, что она и вообразить не могла! Ян Дун не решилась вызвать мать на разговор — и никогда не решится, потому что, как только она задаст ей вопрос, образ матери в ее душе переменится полностью и навсегда. Лучше делать вид, что ничего не произошло, что Е Вэньцзе такая же, как раньше, и жить по-старому. Конечно, Ян сочла бы такую жизнь полужизнью.

Но чем плохо состояние полужизни? Множество людей в ее окружении жили лишь наполовину. Если научиться забывать, если суметь приспособиться, то и полужизнь можно провести довольным и счастливым.

Одна половина жизни Ян кончилась вместе с физикой. Другая — с раскрытием секрета матери. Так что же у нее осталось?

Ян Дун облокотилась на перила и устремила взгляд в пропасть под собой, охваченная одновременно страхом и искушением. Перила задрожали под ее весом, и она отскочила, как будто ее ударило током. Ян не рискнула оставаться на балконе; она развернулась и шагнула обратно, в зал тер-

миналов.

Здесь Центр разместил аппаратуру для доступа к суперкомпьютеру, обрабатывающему результаты экспериментов. Несколько дней назад все экраны были отключены, но сейчас некоторые из них снова работали. Это немного утешило Ян Дун, но она знала, что суперкомпьютер больше не управляет ускорителем — его вычислительные ресурсы отдали другим проектам.

В зале находился лишь один молодой человек. Увидев Ян Дун, он встал. Молодой человек носил очки в толстой ярко-зеленой оправе, которые придавали ему весьма своеобразный вид. Ян начала было объяснять — мол, она зашла, чтобы забрать личные вещи, но как только очкарик узнал ее имя, он с воодушевлением принялся рассказывать, чем он тут занимается.

Оказалось, что он просчитывает математическую модель Земли. В отличие от прежних, эта модель сводила воедино биологию, геологию, астрономию, метеорологию, океанологию и множество других наук, чтобы реконструировать эволюцию поверхности Земли.

Молодой человек подвел Ян Дун к нескольким большим мониторам. По ним не бежали колонки цифр, не извивались линии сложных графиков.

На них красовались яркие цветные картины — виды континентов и океанов Земли с большой высоты. Он подвигал мышкой, изменил масштаб и показал, как выглядят вблизи реки и рощи его модели.

Ян Дун как будто ощутила дыхание свежего ветра в комнате, где до этого царили лишь абстрактные числа и теории. Ей почудилось, что она вырвалась на свободу.

Выслушав объяснения молодого ученого, Ян Дун собрала свои вещи, вежливо попрощалась и повернулась к выходу. Она чувствовала, что парень смотрит ей вслед, но она давно привыкла к такому поведению мужчин. Сейчас Ян не чувствовала раздражения — наоборот, ощутила удовольствие, словно среди глубокой зимы увидела солнце. Ее охватила внезапная жажда общения.

Она повернулась к очкарику:

— Вы верите в Бога?

Этот вопрос поразил саму Ян Дун. Но, учитывая модель, светящуюся на терминалах, тема была вполне уместной.

Вопрос ошеломил и ученого. Через какое-то время он сумел закрыть рот, а затем осторожно спросил:

— О каком именно боге вы говорите?

— Просто о Боге. — Она снова почувствовала себя полностью измотанной. Ей недоставало терпения объяснить подробно.

— Тогда не верю.

Ян Дун указала на большие мониторы:

— Но ведь физические параметры, регулирующие существование жизни, крайне безжалостны и не допускают ни малейшего отклонения! Возьмите для примера жидкую воду. Она существует только в узком диапазоне температур. Если же посмотреть на всю Вселенную, становится совершенно очевидно: сместись параметры Большого взрыва хотя бы на одну миллионную часть одной миллиардной, не образовались бы тяжелые элементы и не возникло бы самой жизни. Разве это не доказывает существование Создателя?

Молодой человек покачал головой:

— О Большом взрыве я знаю слишком мало. Но говоря о Земле, вы кое-чего не учитываете. Жизнь не просто зародилась на Земле — она изменила и саму планету. Взаимодействие между мертвой и живой природой создало ту окружающую среду, в которой мы с вами живем сегодня.

Он схватил мышку и принялся щелкать ею.

— Давайте запустим модель.

Он вызвал окошко со множеством цифр. Щелкнул мышкой на галочке в самом верху, и все цифры окрасились серым.

— Я отключил режим наличия жизни. Давайте теперь посмотрим, как стала бы развиваться Земля, если бы на ней не возникла жизнь. Я ускорю моделирование, чтобы нам долго не ждать.

Ян Дун бросила взгляд на другой терминал и заметила, что суперкомпьютер работает на всю мощность. Такая машина потребляет столько электроэнергии, сколько небольшой город. Однако Ян Дун не попросила собеседника остановить расчеты.

На большом экране появилась новорожденная планета. Ее поверхность светилась багровым, словно уголек в топке. Часы на экране отсчитывали геологические эры; планета понемногу остывала. Цвета и узоры на поверхности медленно менялись, завораживая взгляд. Через несколько минут оранжевый шар на экране застыл, и моделирование закончилось.

— Мы прогнали модель в ускоренном режиме. Для точного расчета понадобится больше месяца. — Ученый двинул мышкой и увеличил масштаб. Виртуальная камера пролетела над широкой пустыней, над группой незнакомых высоких

горных вершин и над впадиной наподобие метеоритного кратера.

— И что же это перед нами? — указала на экран Ян Дун.

— Это Земля. Только без жизни. Вот так выглядела бы наша планета.

— Но... где же океаны?

— Океанов нет. И рек нет. Вся поверхность совершенно сухая.

— Вы хотите сказать, что без жизни на Земле не было бы жидкой воды?

— Действительность, думается, оказалась бы еще более шокирующей. Заметьте, это очень грубое моделирование. Но, по крайней мере, теперь вы видите, насколько существенно жизнь повлияла на развитие Земли.

— Но...

— Вы, наверное, считаете, что жизнь — это что-то хрупкое, нежное, изо всех сил цепляющееся за поверхность планеты?

— А разве это не так?

— Только если вы забудете о факторе времени. Дайте колонии муравьев повод перетаскивать песчинки — и за миллиард лет она сровняет с

землей гору Тайшань[5]. Предоставьте жизни достаточно времени — и она окажется крепче камня и стали, могущественнее, чем тайфун или вулкан.

— Но горы образуются под воздействием геологических процессов!

— Не всегда. Даже если жизнь не способна создать гору, она может изменить ландшафт. Возьмите три горы: на двух из них растет лес. Третью же, лишенную растительности, скоро разрушит эрозия. «Скоро», конечно, означает «через миллионы лет», но в геологических масштабах это одно мгновение.

— А куда делись океаны?

— Надо будет изучить результаты моделирования; это работа не на один день. Но могу предположить вот что: растения, животные и бактерии повлияли на состав атмосферы. Без жизни наша атмосфера оказалась бы совсем другой. Возможно, она не смогла бы защитить поверхность от солнечного ветра и ультрафиолета. А это привело бы к испарению океанов. Потом парниковый эффект превратил бы атмосферу

---

[5] Примечания: 5

Тайшань (буквально гора Восхода, то есть Восточная гора) — гора в китайской провинции Шаньдун высотой 1545 м (https://ru.wikipedia.org/wiki/Тайшань). — *Прим. перев.*

Земли в подобие венерианской. Влага с течением времени рассеялась бы в космосе, и через несколько миллиардов лет на Земле не осталось бы ни капли воды.

Ян Дун молча взирала на пожелтевший труп планеты.

— Так что Землю, на которой мы живем, создала жизнь — создала под себя. Бог здесь совершенно ни при чем. — Молодой человек в зеленых очках распростер руки и шутливо обнял монитор. Очевидно, ему понравилась собственная речь.

Вообще-то Ян Дун не собиралась обсуждать такие темы, но в тот момент, когда собеседник движением мышки отключил в модели режим жизни, ее осенило.

И она задала страшный вопрос:

— А как насчет Вселенной?

— Вы о чем?

— Если мы построим такую же математическую модель для всей Вселенной и отключим режим жизни, какой получится наша Вселенная в результате?

Ее собеседник на мгновение задумался.

— Она останется такой же. Когда я говорил о влиянии жизни на окружающую среду, я имел в виду только Землю. Жизнь во Вселенной встре-

чается крайне редко, так что ее влиянием можно пренебречь.

Ян Дун прикусила язык. Прощаясь во второй раз, она попыталась изобразить признательную улыбку. Вышла из здания и подняла взор к усеянному звездами небу.

Из секретных документов матери она знала, что жизнь во Вселенной — явление отнюдь не редкое. Наоборот, Вселенная была полна жизни.

Насколько сильно эта жизнь изменила Вселенную?

Ян Дун с трудом поборола накатившую на нее волну ужаса.

Она знала, что теперь ей нет спасения. Ян Дун пыталась не думать ни о чем, погрузить свой разум во тьму пустоты, но не могла отделаться от одного упрямого вопроса:

А естественно ли мироздание?

Эра Кризиса, год 4-й. Юнь Тяньмин

Сегодня, привычно осмотрев пациентов и уже выходя из палаты, доктор Чжан оставил Юнь Тяньмину газету и сказал, что, раз уж тот так долго находится в больнице, ему нужно бы следить за мировыми событиями. В палате стоял телевизор, и поэтому слова врача удивили Юня. Может быть, он имел в виду что-то еще?

Тяньмин прочел газету и обнаружил, что таблоиды больше не забиты статьями о Трисолярисе и Обществе «Земля-Трисолярис» (ОЗТ). Журналисты стали писать и на другие темы, не имеющие отношения к кризису. Такова природа человека. Люди всегда предпочитали жить одним днем, и сегодняшние заботы оказались важнее событий, ожидаемых через четыре века.

Ничего удивительного. Он стал вспоминать, что происходило четыреста лет назад. Китаем тогда правила династия Мин. Юнь не помнил

точной даты, но предположил, что Нурхаци[6] только что создал империю, которой суждено погубить миллионы человек и прийти на смену Мин. В Европе только что закончилось Средневековье. До паровой машины еще сто с лишним лет. До электричества — триста. Если бы кто-нибудь в то время стал волноваться, что произойдет через четыреста лет, над ним бы просто посмеялись. Переживать о будущем так же бессмысленно, как и горевать о прошлом.

Что же до самого Тяньмина, то, судя по ходу болезни, ему незачем беспокоиться даже о том, что случится в следующем году.

Но одна статья на первой странице привлекла его внимание:

> Специальная сессия Третьего постоянного комитета при Всекитайском собрании народных представителей приняла закон об эвтаназии.

Статья озадачила Тяньмина. Специальную

---

[6] Примечания: 6

Нурхаци (1559–1626) — основатель маньчжурской империи, названной по ее династии Да Цзинь — «Великая Золотая» (она же Хоу Цзинь — «Поздняя Золотая»). Позже эта династия стала именоваться Цин — это была последняя династия Китая (https://ru.wikipedia.org/wiki/Нурхаци). — *Прим. перев.*

сессию созвали из-за Трисолярианского кризиса, а этот закон вряд ли имеет к нему какое-то отношение.

«Почему доктор Чжан хотел, чтобы я увидел эту статью?»

Он раскашлялся. Пришлось отложить газету и постараться заснуть.

На следующий день этот закон пару раз упомянули в выпусках телевизионных новостей и даже показали несколько интервью, но особого интереса у широкой публики он не вызвал.

Этой ночью Тяньмин спал плохо. Он кашлял, дышал с трудом, и его мутило после химиотерапии. Сосед по палате присел на край койки Тяньмина и держал ему кислородную маску. Фамилия соседа была Ли, и все звали его Лао Ли — «старина Ли».

Лао Ли оглянулся, убедился, что двое других пациентов в палате крепко спят, и затем сообщил:

— Тяньмин, я скоро уйду.

— Тебя выписывают?

— Нет. Воспользуюсь новым законом.

Тяньмин приподнялся в койке:

— Но почему? У тебя ведь такие заботливые, внимательные дети...

— Именно поэтому. Если я протяну еще дольше,

им придется продать свои дома. Но чего ради? Ведь это не лечится. Я обязан позаботиться и о своих детях, и о своих внуках.

Лао Ли вздохнул, потрепал Тяньмина по руке и вернулся в свою койку.

Деревья за окном раскачивались под порывами ветра. Тяньмин смотрел на их тени, мечущиеся по занавескам, и постепенно уснул. Впервые с того дня, когда ему поставили диагноз, ему приснился умиротворяющий сон.

Он плыл по спокойному океану в маленьком бумажном кораблике без весел. С затянутого туманом темно-серого неба сеял прохладный дождик, но ни одна капля не долетала до поверхности воды — океан оставался гладким, словно зеркало. Куда ни посмотри, серая вода сливалась с серым небом. Ни горизонта, ни берега...

Наутро Тяньмин проснулся и удивился, почему он так был уверен во сне, что там всегда идет дождь, что океан остается гладким, а небо — темно-серым.

* * *

В госпитале все было готово к проведению процедуры, избранной Лао Ли.

Журналисты спорили между собой до хрипоты,

пока не согласились использовать глагол «проводить». Другие варианты, такие как «привести в исполнение» или «осуществить», звучали неподобающе, а «завершить» намекало на неизбежность смерти — что, впрочем, было не совсем верно.

Доктор Чжан спросил Тяньмина, достаточно ли хорошо тот себя чувствует, чтобы присутствовать на церемонии эвтаназии Лао Ли. Врач поспешил добавить, что, поскольку это первый случай эвтаназии в городе, хотелось бы присутствия делегатов от различных заинтересованных групп, в том числе и кого-нибудь от других пациентов. И ничего иного он в виду не имел.

Тяньмин чувствовал, что за просьбой медика скрывается что-то еще, но доктор Чжан всегда хорошо заботился о своих пациентах, и поэтому Тяньмин согласился.

Позже он внезапно осознал, что имя и лицо доктора Чжана ему знакомы. А не встречались ли они раньше, до госпитализации? Он не мог вспомнить. Тяньмин не узнавал доктора раньше потому, что при встречах они обсуждали исключительно состояние Тяньмина и ход лечения. Работая, врач говорил в одной манере, а вне работы — совершенно в другой.

На процедуре не было никого из родственников

Лао Ли. Он решил держать свое решение в секрете от них и попросил городских чиновников, а не больницу, сообщить семье, когда все будет кончено. Новый закон давал ему такие права.

Приехало много репортеров, но большинство из них внутрь не пустили. Комнату эвтаназии оборудовали в отделении «скорой помощи». В стене установили одностороннее зеркало; присутствующие могли наблюдать за процедурой, но пациент их не видел.

Тяньмин протолкался сквозь толпу к самому зеркалу. Как только он увидел обстановку в комнате эвтаназии, его охватили страх и отвращение. Тяньмина чуть не стошнило.

Тот, кому поручили обставить и украсить комнату, постарался на славу. Окна прикрывали новые, красивые занавески, в вазах стояли живые цветы, а на стенах висели многочисленные розовые бумажные сердечки. Но сотрудник, действовавший из самых лучших побуждений и пытавшийся смягчить предназначение палаты, достиг прямо противоположного эффекта. Омрачавшая помещение тень смерти странно смешалась с картиной праздника, как будто чью-то усыпальницу пытались приспособить под спальню новобрачных.

Лао Ли спокойно лежал на койке в середине комнаты. Тяньмин сообразил, что они так и не попрощались, и ему стало грустно. Два нотариуса возились с бумагами. Лао Ли их подписал, и нотариусы вышли.

Вошел другой человек и объяснил Лао Ли порядок проведения процедуры. Этот сотрудник носил белый халат, но было неясно, врач ли он. Сперва он указал на большой экран возле кровати и спросил, может ли Лао Ли читать на нем текст. Тот кивнул. Затем человек в белом халате попросил пациента с помощью компьютерной мышки нажать кнопки на экране. Он пояснил, что, если это слишком сложно, у них есть и другие методы. Лао Ли попробовал мышку и сказал, что его все устраивает.

Тяньмин вспомнил, как Лао Ли рассказывал, что никогда не работал с компьютером. Когда ему требовались наличные, он вставал в очередь к кассиру в банке. Сегодня Лао Ли впервые в жизни пользовался мышкой.

Затем сотрудник рассказал Лао Ли, что на экране загорится вопрос, и этот вопрос зададут пять раз. Под вопросом будут кнопки, пронумерованные от нуля до пяти. Если Лао Ли желает ответить утвердительно, он должен щелкнуть

мышкой на кнопке с номером, написанным в инструкции на экране; для каждого вопроса компьютер выберет случайный номер. Если же Лао Ли захочет ответить отрицательно, он должен нажать «ноль», и процедура немедленно остановится. Обычных кнопок «да» и «нет» не предусматривается.

Человек в белом халате объяснил, что такой сложный метод не позволит пациенту нажимать одну и ту же кнопку раз за разом, не думая об ответе.

Вошла медсестра и ввела в левую руку Лао Ли иглу. Игла тонкой трубочкой соединялась с автоматическим инъектором размером с ноутбук. Человек в белом халате достал запечатанную упаковку, разорвал защитную пленку и извлек пузырек с желтоватым раствором, затем осторожно перелил содержимое пузырька в инъектор и вышел вместе с медсестрой.

В комнате остался только Лао Ли.

На экране загорелся вопрос, и его продублировал негромкий, мягкий женский голос:

— Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да, выберите три. Если нет, выберите ноль.

Лао Ли выбрал 3.

— Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да,

выберите пять. Если нет, выберите ноль.

Лао Ли выбрал 5.

Вопрос повторился еще два раза. А затем:

— Хотите ли вы прервать свою жизнь? Это последний вопрос. Если да, выберите четыре. Если нет, выберите ноль.

От нахлынувшей волны горя у Тяньмина закружилась голова, и он чуть было не упал в обморок. Он никогда раньше не ощущал такой острой боли, такой злости, даже когда умерла его мать. Он хотел закричать на Лао Ли: выбери ноль! Ему хотелось разбить стекло, ворваться в комнату и задушить этот голос.

Но Лао Ли выбрал 4.

Бесшумно заработал инъектор. Тяньмин видел, как укорачивается и исчезает столбик желтоватого раствора в ампуле аппарата. Лао Ли не пошевельнулся. Он закрыл глаза и уснул.

Толпа вокруг Тяньмина начала расходиться, но он остался возле окна — стоял, прижимая руки к стеклу. Он не смотрел на безжизненное тело внутри. Его глаза были открыты, но Тяньмин ничего не видел.

— Он не чувствовал боли, — послышался голос доктора Чжана, тихий, как звон комара. Тяньмин ощутил его руку на своем левом плече. — Это бы-

ла смесь мощных доз барбитала, миорелаксанта и хлорида калия. Сначала действует барбитал, и пациент глубоко засыпает. Миорелаксант прекращает дыхание, а хлорид калия останавливает сердце. Весь процесс занимает двадцать или тридцать секунд.

Чуть позже доктор Чжан убрал руку с плеча Тяньмина, и тот услышал, как врач уходит. Тяньмин так и не обернулся.

Внезапно он вспомнил, где встречал Чжана раньше:

— Доктор, — тихо позвал Тяньмин. Шаги остановились. Тяньмин по-прежнему не оборачивался. — Вы ведь знакомы с моей сестрой?

После продолжительной паузы прозвучал ответ:

— Да. Мы вместе учились в школе. Я видел тебя несколько раз, когда ты был маленьким.

Переставляя ноги, словно робот, Тяньмин вышел из главного корпуса онкологического центра. Теперь ему все стало понятно. Доктор Чжан работает на его сестру, а его сестра желает ему смерти. Нет, не так — она хочет, чтобы ему «провели процедуру».

Тяньмин часто вспоминал счастливые дни детства, которые делил с сестрой. Но когда дети

стали старше, между ними выросла стена. Они не задевали друг друга, не было открытых ссор. Просто они оказались совершенно разными людьми. Каждый из них думал, что другой его не выносит.

Сестра Тяньмина выросла хитрой, но не очень умной, и вышла замуж за такого же, как она сама. Карьера у обоих не задалась. Они так и не смогли купить дом, даже после того, как выросли дети. У родителей мужа места для них не нашлось, поэтому семья обосновалась в доме отца Тяньмина.

А Тяньмин был одиночкой. Он не превзошел сестру ни в карьере, ни в личной жизни. Жил он в общежитиях по месту работы и свалил всю заботу о престарелом отце на сестру.

Внезапно Тяньмин понял ход мыслей сестры. Медицинской страховки не хватало на оплату его лечения: чем дольше он лежал в больнице, тем больше рос его счет. Отец доплачивал из своих сбережений, но ни разу не предлагал денег сестре для покупки дома. Он явно ставил нужды сына выше нужд дочери. С точки зрения сестры, отец тратил деньги, принадлежавшие ей. Кроме того, дорогостоящие процедуры лишь замедляли развитие болезни, вылечить они не могли. Если Тяньмин решится на эвтаназию, сестре достанет-

ся более солидное наследство, да и ему самому не придется долго мучиться.

Небо было сплошь затянуто хмурыми облаками, такими же, как в недавнем сне. Тяньмин посмотрел вверх на эту бескрайнюю серость и тяжело вздохнул.

«Ладно. Если ты хочешь, чтобы я умер, я умру».

Он вспомнил рассказ Франца Кафки «Приговор». В нем отец проклинает сына и приговаривает его к смерти. Сын соглашается так же легко, как иной согласится вынести мусор или закрыть дверь. Он выходит на улицу, бежит к мосту и прыгает в реку. Позднее Кафка признался своему биографу, что, когда он писал этот эпизод, он представлял себе «неудержимую эякуляцию».

Теперь Тяньмин понимал Кафку — человека в шляпе-котелке и с портфелем, молча бродившего по мрачным улицам Праги сто лет назад. Человека, такого же одинокого, как и он сам.

* * *

Когда Тяньмин вернулся в палату, там его дожидался Ху Вэнь, однокурсник по колледжу.

За годы учения Вэнь стал ему почти что другом — но именно «почти что». Вэнь хорошо сходился с людьми, имел много знакомых, но Тяньмин

всегда оставался на самой периферии его круга общения. Они не встречались со дня окончания колледжа.

Вэнь не принес ни букета, ни другой подобной безделушки. Он пришел с картонной коробкой, полной банок с каким-то напитком.

После неловкого обмена приветствиями Вэнь удивил Тяньмина. Он спросил:

— Помнишь тот пикник на первом курсе? Мы впервые тогда поехали всей группой.

Разумеется, Тяньмин помнил. В тот раз Чэн Синь впервые села рядом и даже заговорила с ним.

Если бы она не начала первой, Тяньмин до конца учебы не осмелился бы с ней заговорить. Тогда он расположился в стороне от группы и стал смотреть на гладь водохранилища Миюнь, что недалеко от Пекина. Чэн села рядом и завела разговор.

Пока они говорили, она бросала камешки в воду. Беседа перескакивала с одного на другое, как это часто бывает при первом знакомстве однокурсников. Но Тяньмин запомнил каждое слово. А потом Чэн Синь сложила бумажный кораблик и спустила его на воду. Подгоняемый ветерком, кораблик неспешно плыл, пока не превратился в

крохотную точку вдали.

В памяти Тяньмина вокруг этого дня, лучшего за все годы колледжа, сиял золотой нимб. На самом деле погода тогда стояла не из лучших. Моросил дождик, по поверхности водоема бежали волны, и когда они с Чэн Синь бросали мокрые камешки, те выскальзывали из рук. Но с тех пор Тяньмин полюбил дождливую погоду, запах влажной земли и сырой гальки на берегу. Время от времени он складывал бумажный кораблик и ставил его на тумбочку возле своей кровати.

Он вздрогнул, подумав, что мир его недавнего сна — порождение тех воспоминаний.

Вэнь хотел поговорить о том, что случилось после; но Тяньмину не запомнилось ничего существенного. Впрочем, после нескольких подсказок Вэня ему удалось оживить потускневшую память.

Подошли подружки Чэн Синь и увели ее с собой. Потом рядом с Тяньмином присел Вэнь.

«Не переоценивай себя. Она ко всем хорошо относится».

Конечно, Тяньмин это знал. Но тут Вэнь заметил бутылку минеральной воды в руке Тяньмина, и разговор повернул в новое русло.

«Что это ты пьешь такое?»

В бутылке плескалась какая-то зеленая жидкость, в которой плавали травинки и обрезки листьев.

«Я помял и набросал в воду кое-какие травы. Самый натуральный напиток».

У Тяньмина было превосходное настроение, и он говорил больше обычного.

«Может быть, я однажды открою фирму и стану продавать этот напиток. Он всем понравится».

«Наверняка отвратный на вкус».

«Считаешь, сигареты и водка приятные? Наверное, даже кока-кола показалась тебе противной микстурой, когда ты ее впервые попробовал. И так со всем, к чему привыкаешь».

— Дружище, этот разговор изменил мою жизнь! — сказал Вэнь. Он открыл коробку и достал из нее банку. На темно-зеленой этикетке красовались луговые травы. Напиток назывался «Зеленый шторм».

Вэнь откупорил банку и передал Тяньмину. Тот отхлебнул. Душистый травяной напиток слегка горчил. Тяньмин закрыл глаза и представил себя на берегу водоема, под дождем, а рядом — Чэн Синь...

— Это особый рецепт. В магазины мы поставляем более сладкий продукт, — пояснил Вэнь.

— И покупают?

— Еще как! Меня беспокоит себестоимость. Ты думаешь, что трава ничего не стоит, но в небольших количествах она дороже фруктов или орехов. Кроме того, ее надо очистить, переработать, а это не так-то просто. Но у меня отличные перспективы! Мной заинтересовались инвесторы, а «Хойюань Джюс» хочет купить фирму целиком. Да пошли они...

Тяньмин уставился на Вэня, не находя слов. Вэнь учился на инженера аэрокосмической промышленности, но стал владельцем фирмы прохладительных напитков. Он был деятельным человеком и добивался результата. Таких людей называли хозяевами жизни. А подобные Тяньмину, всеми позабытые и оставленные позади, стояли и смотрели, как жизнь проходит мимо...

— За мной должок, — продолжил Вэнь. Он передал Тяньмину три кредитные карты и небольшую бумажку, осмотрелся, нагнулся поближе и прошептал:

— На счету три миллиона юаней[7]. Пароль в записке.

— Да ведь я не подавал заявку на патент! — за-

[7] Примечания: 7

Три миллиона юаней соответствуют 435 тысячам долларов США по курсу декабря 2016 года. — *Прим. перев.*

протестовал Тяньмин.

— Но это твоя идея. Без тебя не было бы никакого «Зеленого шторма». Если ты не против, то будем в расчете — по крайней мере, юридически. Как друг я навсегда в долгу перед тобой.

— Ты мне ничего не должен, ни юридически, ни еще как-либо.

— Прими деньги. Я знаю, что они тебе нужны.

Тяньмин умолк. Для него это была астрономическая сумма, но радоваться нечему. Деньги его не спасут.

Но надежда упряма. Когда Ху Вэнь ушел, Тяньмин записался на прием к специалисту. С доктором Чжаном он говорить не хотел; не без труда Тяньмин добился встречи с заместителем директора центра, известным онкологом.

— Можно ли меня вылечить, если деньги — не проблема?

Пожилой врач долго читал историю болезни, а потом покачал головой:

— Метастазы уже распространились из легких по всему организму. Хирургическое вмешательство бесполезно. Остаются только консервативные методы — химио- и лучевая терапия. Даже если у вас есть деньги... Молодой человек, вы помните поговорку? «Врач может излечить лишь

излечимую болезнь; Будда может спасти только того, кого можно спасти».

В душе Тяньмина погас последний луч надежды и воцарилось спокойствие. В тот же день он подал заявку на эвтаназию.

Он передал бумаги своему лечащему врачу, доктору Чжану. Того, похоже, грызла совесть, и он избегал встречаться взглядом со своим пациентом. Он посоветовал Тяньмину прекратить химиотерапию. К чему лишние мучения?

Оставалось только одно: решить, как распорядиться полученными от Вэня деньгами. По неписаным правилам их следовало передать отцу, а тот уже разделил бы сумму внутри семьи. Но тогда Тяньмин мог бы просто отдать все деньги сестре — а этого он делать не намеревался. Тяньмин уже согласился исполнить ее желание и умереть, больше он ей ничего не должен.

Он стал вспоминать, есть ли у него какие-нибудь неосуществленные желания. Неплохо бы прокатиться вокруг света на комфортабельном круизном теплоходе... но его тело не выдержит путешествия, да и времени оставалось мало. Как жаль! Он бы с удовольствием полежал в шезлонге на залитой солнцем палубе, не сводя глаз с убаюкивающего океанского простора и вспоминая

прожитую жизнь. Еще он мог бы в дождливый день сойти на берег в какой-нибудь необычной стране, сесть возле небольшого озерца и кидать мокрые камешки в воду, подернутую рябью...

Потом его мысли снова вернулись к Чэн Синь. В последнее время он думал о ней все чаще и чаще.

Тем вечером Тяньмин смотрел телевизор, и в новостях сообщили:

> Двенадцатая сессия Совета обороны планеты при ООН приняла резолюцию № 479, тем самым дав старт проекту «Наша цель — звезды». Комиссии, сформированной Программой развития ООН, Комитетом ООН по природным ресурсам и ЮНЕСКО, предоставлены полномочия для немедленной реализации проекта.
>
> Сегодня вечером начнет работу официальный китайский веб-сайт программы «Наша цель — звезды». По словам постоянного представителя Программы развития ООН в Пекине, китайский проект будет принимать заявки от частных лиц и фирм, но не станет рассматривать предложения от неправительственных

организаций...

Тяньмин поднялся с койки и сказал медсестре, что хочет пойти прогуляться. Но уже было время отбоя, и медсестра не пустила его наружу. Тяньмин вернулся в темную комнату, отодвинул занавески и открыл окно. Новый пациент, лежавший на месте Лао Ли, недовольно заворчал.

Тяньмин выглянул в окно. Звезды на небе терялись в свете городских фонарей, но он разглядел несколько серебристых точек.

Теперь он знал, как распорядится своими деньгами. Он купит для Чэн Синь звезду.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Инфантилизм в начале Кризиса

Многие из событий, произошедших в первые двадцать лет Кризиса, оказались необъяснимы как для современников, так и для потомков. Историки дали им название «Инфантилизм Кризиса».

Принято считать, что инфантилизм стал реакцией на беспрецедентную угрозу для всей цивилизации. Возможно, это утверждение верно для каждой отдельной личности, но применительно ко всему человечеству оно слишком упрощенно.

Трисолярианский кризис оказал на общество гораздо более глубокое влияние, чем представлялось поначалу. Вот несколько приблизительных аналогий. Говоря на языке биологии, Кризис можно сравнить с тем днем, когда предки млекопитающих выкарабкались из океана на берег. С точки зрения религии — с днем, когда Адама и Еву изгнали из рая. С точки зрения истории и социологии... здесь вообще нет никаких аналогий, даже самых приблизительных. Все предыдущие

радости и беды человечества меркли перед Трисолярианским кризисом. Он пошатнул основы основ культуры, политики, религии и экономики. Его отголоски достигли самых глубин цивилизации, но волны прежде всего всколыхнули поверхность. Вероятно, подлинную причину Инфантилизма Кризиса можно отыскать в сочетании этих откликов с огромной инерцией врожденной консервативности общества.

Классическими примерами инфантилизма являлись программы «Отвернувшиеся» и «Наша цель — звезды». И та и другая были международными проектами под управлением ООН, инициативами, вскоре ставшими непонятными для всех, кроме их современников. Проект «Отвернувшиеся» изменил ход истории — он настолько повлиял на развитие событий, что мы обсудим его особо. Те же истоки, что породили грандиозный проект «Отвернувшиеся», в то же время дали начало и проекту «Наша цель — звезды». Последний быстро заглох, и о нем больше никогда не слышали.

Основными побудительными причинами проекта «Наша цель — звезды» стали, во-первых, стремление расширить возможности ООН и, во-вторых, зарождение и популярность идей

эскапизма.

Вторжение инопланетян стало первой угрозой, нависшей над всем человечеством. Естественно, что многие возлагали надежды на ООН. Даже консерваторы соглашались, что ее необходимо полностью реорганизовать, дать больше власти и больше ресурсов. Радикалы и идеалисты настаивали на создании Земного союза с ООН в роли мирового правительства.

В частности, за усиление влияния ООН выступали небольшие страны. Они видели в Кризисе возможность добиться дополнительной технологической и экономической поддержки. Страны-лидеры, напротив, на идею усиления ООН реагировали прохладно. Когда разразился Кризис, все великие державы мира сделали значительные инвестиции в развитие космической обороны. Они сразу поняли, что космическое оружие прибавит их странам веса на политической арене будущего. Кроме того, они и раньше хотели вести такие исследования, но их сдерживали избиратели и международные договоренности. В некотором смысле Трисолярианский кризис дал руководителям крупных стран шанс, подобный тому, какой Кеннеди получил благодаря холодной войне, но только в сотни раз более весомый.

Великие державы не торопились отдавать свои исследования под эгиду ООН, и все же под напором многочисленных призывов к истинной глобализации им пришлось дать ООН кое-какие чисто символические обещания, которые они не собирались исполнять. Например, общепланетарная система космической обороны, за которую выступала ООН, от крупных стран почти ничего существенного не получила[8].

В начале Эры Кризиса ключевой фигурой стала Генеральный секретарь ООН Сэй. Она считала, что пришла пора для обновления ООН, и выступала за преобразование организации, по сути, являвшейся всего лишь местом встреч мировых держав и международным форумом, в независимую политическую структуру, наделенную

---

[8] Примечания: 8

Любопытно, но в 1991 году было выдвинуто такое предложение по созданию общепланетной системы космической обороны под эгидой ООН: «Группа специалистов — математиков и инженеров, анализирующих последствия возможной ядерной войны и использования космических средств, — пришла к выводу о необходимости и реальности создания под эгидой ООН Международной космической системы, способной выполнять по меньшей мере три функции...» (Из обращения академика Никиты Моисеева «Смерть идет из космоса».)

И спустя 20 лет идея снова витает в воздухе. «Идея Рогозина заключается в том, чтобы оформить саму систему ПРО как систему «Стратегической обороны Земли», защищающей всю планету не только от ракет террористов и стран-изгоев, но и от астероидов, комет и прочих опасных инопланетных объектов. Создаваемая система должна обладать способом мониторинга космического пространства вокруг Земли, а

также ударными возможностями для разрушения представляющих угрозу объектов при их подлете к Земле. Один из ключевых элементов российских предложений заключается в том, что новая система космической обороны Земли должна быть поставлена под контроль ООН». (https://newdaynews.ru/policy/353644.html). — *Прим. перев.*

достаточной властью для возведения оборонных систем Земли.

Для достижения этой цели ООН требовались значительные ресурсы. Получить их, учитывая реалии международных отношений, казалось невыполнимой задачей. Проект «Наша цель — звезды» был попыткой Сэй привлечь такие ресурсы. Этот план, независимо от его результатов, свидетельствует о воображении и политической изобретательности Сэй.

Проект основывался на Договоре о космосе — межправительственном документе, принятом задолго до Кризиса[9]. Над Договором о космосе работали много лет, опираясь на принципы, заложенные в Конвенции ООН по морскому праву и Договоре об Антарктике. Но соглашение, принятое до Кризиса, действовало лишь внутри пояса Койпера. Трисолярианский кризис заставил мировые державы устремить свой взгляд значительно дальше.

Поскольку даже Марс в то время находился

---

[9] Примечания: 9

Договор о космосе является основой международного космического права. Подписан Соединенными Штатами Америки, Великобританией и Советским Союзом 27 января 1967 года, вступил в силу 10 октября 1967 года. По состоянию на октябрь 2011 года 100 стран являются государствами-участниками договора, а еще 26 подписали договор, но не завершили ратификацию. — *Прим. перев.*

вне досягаемости людей, обсуждать дальний космос не имело смысла — по крайней мере, до истечения срока действия Договора о космосе, через пятьдесят лет после его принятия. Но великие державы увидели в Договоре отличную сцену для политического театра и внесли в него поправки о ресурсах за границами Солнечной системы. В поправках говорилось, что доступ к природным ресурсам, находящимся вне пояса Койпера, а также иная связанная с ними экономическая деятельность должны осуществляться под патронажем ООН. В документах скрупулезно перечислили, что имеется в виду под «природными ресурсами», но, по сути, эти слова означали любые ресурсы, не находящиеся под контролем инопланетных цивилизаций. Также Договор впервые в истории дал юридическое определение цивилизации. Впоследствии этот документ назвали «Поправками Кризиса».

Второй причиной создания проекта «Наша цель — звезды» был эскапизм. В те дни движение эскапистов только зарождалось, и никто не представлял себе возможные последствия. Многие считали эскапизм приемлемым способом разрешения кризиса. При таких условиях другие звезды, и особенно звезды с планетами, представ-

ляли ценность.

Резолюция, положившая начало проекту «Наша цель — звезды», давала ООН полномочия выставить на аукцион некоторые звезды и их планеты. Предполагалось, что покупателями станут государства, фирмы, негосударственные организации и частные лица. ООН направит выручку с аукциона на фундаментальные исследования технологий обороны Солнечной системы. Генеральный секретарь Сэй объясняла, что во Вселенной очень много звезд — более трехсот тысяч в радиусе ста световых лет; а в радиусе тысячи их больше десяти миллионов. По консервативной оценке предполагалось, что каждая десятая звезда имеет планеты. Продажа незначительной части этих звезд не окажет существенного влияния на освоение космоса в будущем.

Столь необычная резолюция ООН привлекла внимание и вызвала широкий резонанс. Постоянные члены Совета обороны планеты (СОП) подумали, посовещались, и каждый из них решил, что в обозримом будущем вреда от резолюции не будет. А с другой стороны, голос против нее в современном политическом климате обойдется дорого. Приступили к обсуждению и

сошлись на компромиссном варианте: продавать только те звезды, которые находятся не ближе ста световых лет от Земли.

Проект закрылся практически сразу по элементарной причине: товар никто не покупал. Удалось продать только семнадцать звезд, да и те по начальной цене. ООН выручила всего сорок миллионов долларов.

Ни один из покупателей не пожелал разгласить свое имя. Люди гадали, зачем отдавать такие громадные деньги за бесполезную бумажку — даже если учесть, что бумажка считалась юридическим документом. Может быть, покупателям просто приятно владеть далеким миром? Но какой в том смысл, если их мир можно увидеть, но нельзя потрогать? А кое-какие из проданных звезд даже не видны без телескопа.

Сэй так и не признала проект неудачным. Она утверждала, что достигла ожидаемого результата. По большому счету программа «Наша цель — звезды» была громким политическим заявлением со стороны ООН.

О проекте быстро забыли. Он стал классическим примером беспорядочных и нестандартных действий человечества в первые годы Кризиса.

Эра Кризиса, год 4-й. Юнь Тяньмин

Решив купить Чэн Синь звезду, Юнь Тяньмин на следующий же день позвонил по номеру, указанному на китайском веб-сайте проекта «Наша цель — звезды».

Потом он набрал номер Ху Вэня, чтобы узнать подробную информацию о Чэн Синь: ее почтовый адрес, номер удостоверения личности и все остальное. Тяньмин был готов к любой реакции Вэня: сарказму, жалости, удивлению. Но после затянувшейся паузы он услышал в трубке только слабый вздох.

— Все сделаю, — ответил Вэнь. — Но, скорее всего, она сейчас за границей.

— Только не сообщай ей, что это для меня.

— Не беспокойся. Я спрошу ее не напрямую.

На следующее утро Тяньмин получил сообщение от Вэня. Там было все, что он хотел знать, кроме места работы. Вэнь написал, что никому не известно, куда Чэн Синь устроилась после окончания Аэрокосмической академии в прошлом году. Тяньмин увидел, что у нее два почтовых адреса: один в Шанхае, другой в Нью-Йорке.

В полдень Тяньмин выпросил у доктора Чжана

разрешение выйти из больницы по делам. Доктор хотел отправиться вместе с Тяньмином, но тот настоял на поездке в одиночку.

Тяньмин поймал такси и добрался до офиса ЮНЕСКО в Пекине. С началом Кризиса все представительства ООН начали разрастаться, и теперь ЮНЕСКО занимала б`ольшую часть здания за четвертой кольцевой дорогой.

Тяньмин вошел в просторный офис проекта «Наша цель — звезды». С HD-экрана его приветствовала огромная звездная карта. На угольно-черном фоне горели звезды, серебристыми линиями соединенные в созвездия. Стоявший рядом компьютер позволял вести поиск в базе данных и управлять масштабом карты. Кроме секретарши в офисе никого не было.

Тяньмин представился. Секретарша побежала в глубь офиса и привела светловолосую женщину.

— Это директор офиса ЮНЕСКО в Пекине, — представила ее секретарша. — А также один из кураторов проекта «Наша цель — звезды» во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Директор явственно обрадовалась приходу Тяньмина. Она пожала ему руку и сказала на отличном китайском, что он первый китаец, заинтересовавшийся покупкой звезды. Она пред-

почла бы организовать большую церемонию, чтобы привлечь интерес журналистов, но уважала желание клиента остаться неизвестным. Судя по ее виду, ей и в самом деле было жаль упускать такую превосходную возможность рекламы проекта.

«Не беспокойся, — подумал Тяньмин. — Другого столь же глупого китайца не найдется».

Вошел презентабельный господин среднего возраста в очках. Директор представила его как доктора Хэ, сотрудника Пекинской обсерватории. Астроном должен помочь Тяньмину определиться с деталями покупки. Когда директор ушла, доктор Хэ предложил Тяньмину сесть и попросил секретаршу принести им чай.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросил он Тяньмина.

Тяньмин знал, что выглядит плохо. Но когда он отказался от химиотерапии, а она мало чем отличалась от пытки, ему стало лучше — как будто открылось второе дыхание. Не отвечая на вопрос доктора Хэ, он повторил свои слова, сказанные ранее по телефону:

— Я хочу купить звезду в подарок. Звезду следует зарегистрировать как собственность этого человека. Я не предоставлю никаких сведений о

себе и хочу, чтобы она никогда не узнала имени дарителя.

— Без проблем. Вы уже решили, какую звезду будете брать?

— Поближе к Земле. С планетами. В идеальном случае с планетами земного типа, — ответил Тяньмин, разглядывая звездную карту.

Доктор Хэ покачал головой:

— Суммы, которую вы назвали, на такую звезду не хватит. Они ст`оят дорого. Вы сможете купить звезду без планет, и она будет не очень близко. Позвольте мне объяснить: вы предлагаете слишком мало даже для покупки звезды без планет. Но когда вы вчера позвонили, мы посовещались и приняли решение, что раз вы первый китаец, заинтересовавшийся нашим проектом, то мы снизим стоимость одной из звезд до предложенной вами суммы.

Астроном подвигал мышкой, выбрал участок карты и увеличил его.

— Вот эта[10]. Скажите «да», и она ваша.

— И как далеко она от нас?

— Приблизительно двести восемьдесят шесть световых лет от Земли.

---

[10] Примечания: 10
http://palebluedot.whitedwarf.org/stars/4650422

— Это слишком далеко.

Доктор Хэ рассмеялся:

— Вижу, вы кое-что смыслите в астрономии. Однако подумайте сами: какая вам разница, сколько до нее — просто двести восемьдесят шесть или двести восемьдесят шесть миллиардов световых лет?

Тяньмин призадумался. Астроном прав, никакой разницы.

— У этой звезды есть одно большое преимущество, — продолжил доктор Хэ. — Она видна невооруженным глазом, а это крайне важно. Лучше владеть звездой подальше, на которую можно взглянуть, чем звездой поближе, пусть даже с планетами, но которую не видно. В конце концов, мы ведь только и можем, что любоваться ими. Разве я не прав?

Тяньмин кивнул: «Чэн Синь увидит звезду. Хорошо».

— Как она называется?

— Эту звезду сотни лет назад внес в свой каталог Тихо Браге. Но имени она так и не получила, только номер.

Доктор Хэ подвел курсор к сияющей точке, и рядом появился текст: DX3906. Затем астроном терпеливо объяснил Тяньмину, что означают

буквы и цифры, какой у звезды спектральный класс, какая видимая звездная величина и какая абсолютная, где она располагается в главной последовательности и так далее.

Оформление покупки не заняло много времени. Доктору Хэ помогали два нотариуса. Потом снова пришла директор, а с ней еще два чиновника: один из Программы развития ООН, другой из Комитета ООН по природным ресурсам. Секретарша подала шампанское, и все чокнулись бокалами.

Затем директор провозгласила, что DX3906 теперь собственность Чэн Синь, и передала Тяньмину дорогую на вид папку из черной кожи.

— Ваша звезда.

После ухода чиновников доктор Хэ повернулся к Тяньмину:

— Если не хотите, не отвечайте, но я так понимаю, что вы купили звезду для своей девушки?

Тяньмин мгновение поколебался, а потом кивнул.

— Вот ведь счастливица! — вздохнул доктор Хэ. — Хорошо быть богатым!

— Скажете тоже! — возразила секретарша и высунула язык, поддразнивая доктора Хэ. — При чем тут богатство? Да имей вы хоть тридцать миллиардов юаней, разве вы купили бы звезду

своей подружке? Ха! Я не забыла, что вы говорили позавчера!

Доктор Хэ смутился. Он опасался, что секретарша выболтает его личное мнение о программе «Наша цель — звезды»: «ООН идет по стопам аферистов, что точно так же обирали народ десять лет назад. Только тогда они продавали участки на Луне и Марсе. Чудом будет, если на это поведется хотя бы один недоумок!»

К счастью, секретарша думала совсем о другом:

— Деньги здесь ни при чем! Дело в любви! В романтике! Вы хоть понимаете?

Пока Тяньмин покупал звезду, девушка время от времени поглядывала на него так, будто он явился из сказки. Сначала ее взгляд выдавал любопытство, потом восхищение и уважение. Наконец, когда кожаная папка с документами перешла из рук в руки, на ее лице появилась зависть.

Доктор Хэ попытался сменить тему разговора:

— Мы как можно скорее отправим документы получателю. В соответствии с вашими указаниями о вас не сообщим ничего. Собственно, даже если бы хотели, мы не можем — я ведь не знаю вашего имени!

Он поднялся и подошел к окну. Уже стемнело.

— А теперь я могу показать вашу звезду... извините, я хотел сказать, звезду, которую вы купили для нее.

— Мы сможем ее увидеть с крыши?

— Нет. Засветка от уличных фонарей не позволит. Нам придется отъехать подальше от города. Если вам нездоровится, можем перенести на другой день.

— Поедем сейчас. Я очень хочу посмотреть.

Они ехали более двух часов, пока не оставили море огней Пекина далеко позади. Доктор Хэ свернул в поле, чтобы им не мешал свет встречных автомобилей. Он выключил фары, и они вышли из машины. На осеннем небе звезды сверкали особенно ярко.

— Видите Большую Медведицу? Теперь вообразите диагональ, пересекающую ковш, и продлите ее. Да, в эту сторону. Видите три звезды, образующие тупоугольный треугольник? Мысленно нарисуйте линию от вершины перпендикулярно основанию и ведите ее дальше. Видите? Вот она. Вот ваша звезда... звезда, которую вы ей подарили.

Тяньмин указал сначала на одну звезду, потом на другую, но доктор Хэ сказал, что это не те.

— Она находится между вот этими двумя, но

ближе к югу. Видимая величина пять с половиной. Как правило, чтобы ее разглядеть, нужен опыт. Но сегодня отличная погода, и у вас все получится. Сделайте вот как: не смотрите прямо на нее, отведите взгляд чуть-чуть в сторону. Периферическое зрение в темноте более чувствительно. А когда найдете, можно и прямо посмотреть...

С помощью доктора Хэ Тяньмин наконец увидел DX3906. Она была еле заметна; когда он отводил взгляд, он ее терял, и приходилось искать сначала. Обычно люди считают, что все звезды серебристые, но если присмотреться, то у каждой свой цвет. DX3906 оказалась красной.

Доктор Хэ пообещал прислать ему карты, помогающие найти звезду в разные времена года.

— Вы счастливчик, и девушка ваша тоже счастливица, — заявил доктор Хэ.

— Я бы не назвал себя счастливчиком. Я скоро умру.

Похоже, это откровение не удивило доктора Хэ. Он зажег сигарету и молча курил. Через какое-то время ответил:

— Даже если так, я считаю, что вам повезло. Большинство людей не смотрят в небо и не выглядывают за пределы нашего мира до самого последнего дня своей жизни.

Тяньмин посмотрел на доктора Хэ, затем в небо и без труда нашел DX3906. Сигаретный дым застилал ему глаза, и тусклая звездочка едва мерцала сквозь пелену. «Когда она ее увидит, я уже покину этот мир».

Конечно, звезда, которую он видит сейчас, и звезда, которую увидит она, — это всего лишь изображения, которым 286 лет. Тонкому лучику света пришлось лететь сквозь почти три столетия, чтобы встретиться с сетчаткой их глаз. Пройдут еще 286 лет, прежде чем свет сегодняшней звезды достигнет Земли. К тому времени Чэн Синь уже давно рассыплется прахом.

«Какую она проживет жизнь? Может быть, она не забудет, что в море звезд есть одна, принадлежащая лично ей».

* * *

Этот день станет для Тяньмина последним.

Он поискал в нем что-нибудь особенное, но ничего не нашел. Тяньмин проснулся в семь утра, как всегда. Луч солнца упал на свое привычное место на стене. Погода стояла ни хорошая, ни плохая. Небо, как обычно, серовато-синее. С дуба, росшего возле окна, облетели все листья — не осталось ни одного, даже символического послед-

него. И завтрак подали такой же, как вчера.

Такой же день, как и любой другой из двадцати восьми лет, одиннадцати месяцев и шести дней его жизни.

По примеру Лао Ли, Тяньмин не сообщил семье о принятом решении. Он попытался было написать письмо отцу (его передали бы по завершении процедуры), но так и не придумал, что сказать.

В десять утра он самостоятельно вошел в палату эвтаназии, так же бесстрастно, как заходил к врачу для ежедневного осмотра. Предстоящая процедура будет уже четвертой в городе, поэтому журналисты не проявили интереса. В комнате находились пятеро: два нотариуса, распорядитель, медсестра и какой-то чиновник онкологического центра. Доктор Чжан не явился.

Теперь Тяньмин мог уйти с миром.

Как он и просил, из комнаты убрали все украшения. Остались лишь голые белые стены, как в обычной палате. Как раз то, что надо.

Он объяснил, что знаком с процедурой и присутствия распорядителя не требуется. Тот кивнул, вышел из комнаты и встал по ту сторону зеркальной стены. Нотариусы покончили с формальностями, и Тяньмин остался наедине с медсестрой. Ее больше не терзали волнение и

страх, как во время первой процедуры. Уверенно и плавно она ввела иглу ему в вену. Тяньмина охватило необычное родственное чувство к медсестре — ведь она прощается с ним последней. Жаль, что он не знал имен врачей, взявших в руки новорожденного Тяньмина двадцать девять лет назад. Они принадлежали к небольшому числу тех, кто искренне старался ему помочь. Тяньмин хотел бы их поблагодарить.

— Спасибо!

Медсестра улыбнулась и покинула комнату, ступая тихо, словно кошка.

Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да, выберите пять. Если нет, выберите ноль.

Тяньмин родился в интеллигентной семье, но его родители не разбирались в политике и не знали «нужных людей», поэтому особого успеха в жизни не достигли. Сами не принадлежавшие к высшим кругам, они решили дать сыну образование, достойное отпрыска элиты. Тяньмину разрешалось читать исключительно классические книги, слушать исключительно классическую музыку. Ему позволяли заводить друзей только из культурных и рафинированных семей. Тяньмину говорили, что все прочие — плебеи, интересующиеся лишь общедоступной

жвачкой. А в его семье превосходный вкус.

Учась в начальной школе, Тяньмин сумел подружиться с несколькими одноклассниками, но никогда не приглашал их домой поиграть. Он знал, что родители не позволят ему общаться с простонародьем. Когда Тяньмин дорос до средней школы, из-за амбиций родителей он уже стал безнадежным отшельником. Как раз в то время родители развелись: отец встретил молодую женщину — страхового агента, а затем мать вышла замуж за обеспеченного генерального подрядчика.

Получилось, что родители Тяньмина нашли себе пары из той самой «вульгарной толпы», от которой они оберегали сына. Только тогда они поняли, что не имели морального права навязывать ему «элитарное» образование. Но сделанного не воротишь. Долгие годы ущербного воспитания стянули Тяньмина, как смирительная рубашка; чем больше он рвался на свободу, тем крепче становились путы. В последние годы школы он замкнулся в себе, стал нервным и отдалился от знакомых.

Серое детство, серая юность — таковы были его воспоминания.

Он нажал 5.

Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да, выберите два. Если нет, выберите ноль.

Он представлял себе, что колледж окажется пугающим местом: новая, непривычная обстановка, новые, незнакомые люди, множество вещей, к которым придется приспосабливаться... Он поступил в колледж, и поначалу все было именно так, как он и предполагал.

Пока он не встретил Чэн Синь.

Тяньмин и раньше интересовался девушками — но сейчас все было по-другому. Ему показалось, что окружающий мир, до сих пор остававшийся холодным и неуютным, пронизали теплые лучи солнца. Сперва он не понимал, откуда исходит этот свет. Такое бывает, когда бледный диск солнца просвечивает сквозь плотную пелену облаков. Лишь после захода солнца люди понимают, что оно светило им весь день. Солнце Тяньмина зашло, когда начались недельные каникулы в честь дня образования КНР[11]. Чэн Синь уехала домой. В тот день его мир снова стал тусклым и серым.

Вне сомнения, не один он испытывал подобные чувства к Чэн Синь. Его переживания, однако, не

---

[11] Примечания: 11

День образования Китайской Народной Республики — главный государственный праздник Китая, который отмечается каждый год 1 октября. — *Прим. перев.*

походили на страдания других парней, потому что он ни на что не надеялся. Тяньмин знал, что девушкам не по нраву ни его отчужденность, ни его ранимость. Оставалось только смотреть издали, греться в ее теплых лучах и безмолвно радоваться цветущей весне.

Сначала Тяньмину показалось, что Чэн Синь неразговорчива. Странно, ведь красивые девушки редко бывают застенчивы. Однако высокомерной и холодной «снежной королевой» она тоже не была. Чэн Синь мало говорила, но много и внимательно слушала. По ее спокойному, сосредоточенному взору собеседник понимал, что к его словам относятся со всей бережностью.

Чэн Синь отличалась от тех хорошеньких девушек, с которыми Тяньмин учился в школе. Она не считала его пустым местом. Каждый раз, завидев его, она улыбалась и говорила «привет». Когда однокурсники собирались на пикник или на вечеринку, они порой забывали о Тяньмине — иногда случайно, иногда нет. Тогда Чэн Синь находила его и приглашала. Потом она первой стала обращаться к нему по имени «Тяньмин», не упоминая фамилию. Из немногочисленных бесед с ней он вынес глубочайшее убеждение, что лишь Чэн Синь понимает его уязвимость и

старается не делать ему больно.

Но Тяньмин не строил иллюзий. Ху Вэнь был прав: Чэн Синь хорошо относилась ко всем.

Одно событие особенно запомнилось Тяньмину. Однажды в походе он с сокурсниками шел по тропе вдоль склона небольшой горы. Чэн Синь внезапно остановилась, нагнулась и подобрала что-то с земли. Тяньмин увидел, что в ее белых пальчиках извивается какая-то жуткая гусеница, мягкая и склизкая. Девушка рядом вскрикнула: «Какая гадость! Зачем она тебе?» Но Чэн Синь осторожно опустила гусеницу в траву рядом с тропой: «Не хочу, чтобы ее раздавили».

Честно говоря, Тяньмин редко говорил с Чэн Синь. За все четыре года колледжа он припоминал лишь пару случаев, когда они беседовали наедине.

Стояла прохладная ночь раннего лета. Тяньмин забрался на свое любимое место — на террасу над крышей библиотеки. Туда редко забредали студенты, и он оставался наедине со своими мыслями. Летний ливень расчистил небо; на нем даже сиял Млечный Путь, который обычно не разглядеть.

— А ведь и в самом деле похоже на пролитое

молоко![12]

Тяньмин посмотрел на сказавшую это. Волосы Чэн Синь развевались на ветру, как в его мечтах. А потом он и Чэн Синь вместе смотрели на галактику.

— Так много звезд! Будто туман, — сказал Тяньмин.

Чэн Синь обернулась к нему и указала на расстилающийся далеко внизу город:

— Там тоже прекрасно! Не забывай, мы живем здесь, а не в далекой галактике!

— Но мы же учимся на инженеров аэрокосмической промышленности! Наша задача — покинуть Землю.

— Это затем, чтобы сделать жизнь на Земле лучше, а не оставить планету навсегда.

Тяньмин понял, что Чэн Синь старается деликатно намекнуть на его нелюдимость. Он не нашелся с ответом. В эту встречу они сидели ближе друг к другу, чем когда-либо, и ему почудилось, что он чувствует исходящее от Чэн Синь тепло. Вот бы ветер поменял направление, чтобы хоть

---

[12] Примечания: 12

Читателю может показаться, что наша галактика по-китайски тоже называется «Млечный Путь». Но это не так. По-китайски она будет «Иньхэ» — «Серебряная Река». В Китае все студенты много лет учат английский язык. — *Прим. К. Л.*

одна прядь ее волос прикоснулась к его лицу!

Истекли первые четыре года обучения. Экзамены в магистратуру Тяньмин провалил, а Чэн Синь сдала без труда. Получив диплом, она уехала домой, но Тяньмин задержался вблизи студенческого городка, чтобы увидеться с ней в начале следующего учебного года. В общежитии могли жить только студенты, поэтому он снял поблизости комнату и стал искать работу в городе. Он подал бессчетное число заявок, ходил на одно собеседование за другим, но его так никуда и не приняли. Не успел он и глазом моргнуть, как лето кончилось.

Тяньмин вернулся в студенческий городок, но найти Чэн Синь не смог. Он осторожно навел справки и узнал, что она и ее руководитель уехали в Шанхай, в Академию космических технологий. Там Чэн Синь продолжит обучение. В тот же день Тяньмина пригласили на работу в только что созданную аэрокосмическую фирму — им отчаянно требовались профильные инженеры.

Так погасло солнце Тяньмина. С тяжелым сердцем он ступил во взрослую жизнь.

Он нажал 2.

Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да,

выберите четыре. Если нет, выберите ноль.

Он приступил к работе и некоторое время был счастлив. Тяньмин обнаружил, что по сравнению с амбициозными товарищами в колледже сотрудники фирм намного терпимее к мелочам и работать в таком коллективе легче. Он даже решил, что дни его отшельничества закончились. Но вскоре он запутался в паутине офисных интриг, понял, насколько мир жесток, и ощутил ностальгию по колледжу. Тяньмин снова замкнулся в себе и отдалился от общества. Разумеется, это разрушило его карьеру. Даже в государственном учреждении, таком как фирма Тяньмина, пылал огонь соперничества. У отшельника-одиночки не было ни единого шанса на продвижение по службе. С каждым годом он откатывался все дальше и дальше назад.

В этот период Тяньмин дважды пытался завести себе девушку, но отношения быстро распадались. Не потому, что в его сердце безраздельно властвовала Чэн Синь, — для него она навсегда останется солнцем, просвечивающим сквозь густые облака. Он просто хотел смотреть на нее, ощущать ее свет и тепло, но не осмеливался сделать ни шага навстречу. Тяньмин даже не пытался ничего о ней узнать. Он предполагал, что Чэн Синь вполне

способна приняться за кандидатскую диссертацию, но не строил догадок о ее личной жизни. Между Тяньмином и женщинами стоял барьер его нелюдимости. Он изо всех сил старался устроить свою жизнь, но ничего не получалось.

По сути дела, Тяньмин не годился ни для жизни в обществе, ни для жизни вне его. Ему оставалось только одно: балансировать на краю и страдать. Тяньмин понятия не имел, как жить дальше.

А потом он увидел конец пути.

Он нажал 4.

Хотите ли вы прервать свою жизнь? Если да, выберите один. Если нет, выберите ноль.

К тому времени, когда ему поставили диагноз «рак легких», уже началась последняя стадия. Не заметили, наверное, на предыдущем осмотре. Рак легких быстро распространяется по организму; жить Тяньмину оставалось недолго.

Тяньмин даже не испугался, когда ему сообщили диагноз. Выходя из здания онкологического центра, он чувствовал лишь одиночество. Отчуждение много лет копилось в его душе, но до сих пор сдерживалось какой-то невидимой плотиной. А сейчас плотина дала трещину, и долгие годы отшельничества обрушились на него гигантской темной волной. Сил на борьбу

уже не оставалось.

Ему нужно было увидеть Чэн Синь.

Не медля ни секунды, Тяньмин купил билет и в тот же день вылетел в Шанхай. К тому времени, когда такси остановилось, он немного пришел в себя. Тяньмин сказал себе, что умирающему не следует ее беспокоить. Он даже не привлечет ее внимания. Он просто посмотрит на нее один раз, издали, как утопающий, из последних сил хватающий глоток воздуха, прежде чем навсегда погрузиться в пучину.

Возле ворот Академии космических технологий Тяньмин почти успокоился. Он понял, до чего безрассудно ведет себя. Даже если Чэн Синь решила получить звание кандидата наук, она уже давно закончила учебу; может быть, она здесь уже не работает. Тяньмин переговорил с охранником; тот сказал, что в Академии больше двадцати тысяч человек, и если он хочет кого-то найти, то нужно знать конкретный отдел. Но Тяньмин давно уже утратил связь с сокурсниками и таких сведений не имел.

Ощутив прилив слабости и с трудом дыша, он присел на скамейку поодаль от ворот.

Но вдруг все же Чэн Синь здесь работает? Близится конец рабочего дня. Если он останется

здесь, то, возможно, увидит ее.

Ворота были очень широкие. Рядом, на черной стене, сверкали золотые иероглифы официального названия Академии. Со дня основания Академия существенно разрослась. Что, если у такого большого комплекса зданий не один вход, а несколько? Тяньмин с трудом поднялся и снова подошел к охраннику. Действительно, кроме этих ворот есть еще четыре.

Тяньмин медленно направился обратно к скамейке, сел и принялся ждать. Больше ему ничего не оставалось.

Шансы были против него: во-первых, Чэн Синь должна была остаться работать здесь после выпуска; во-вторых, находиться сегодня на работе, а не в командировке; в-третьих, выйти именно через эти ворота.

Этот момент был как вся его жизнь — старательное ожидание тонкого-тонкого лучика надежды...

Закончился рабочий день, и люди стали покидать комплекс — кто пешком, кто на велосипеде, кто на машине. Поток сначала рос, потом стал спадать. Через час сквозь ворота шли поодиночке лишь припоздившиеся служащие.

Чэн Синь так и не появилась.

Тяньмин был уверен, что не пропустил бы ее, даже если бы она сидела в автомобиле. Это значило, что либо она здесь не работает, либо не пришла сегодня, либо воспользовалась другим выходом.

В лучах заходящего солнца деревья и постройки отбрасывали длинные тени — словно множество рук с жалостью протянулись навстречу Тяньмину.

Он ждал до тех пор, пока совсем не стемнело. Тяньмин не помнил, как поймал такси, отвезшее его в аэропорт, как вернулся в Пекин и как добрался до общежития.

Он чувствовал себя уже мертвым.

Он нажал 1.

Хотите ли вы прервать свою жизнь? Это последний вопрос. Если да, выберите три. Если нет, выберите ноль.

Какую эпитафию хотел бы Тяньмин увидеть на своей могиле? Он даже сомневался, что у него будет могила. Участки для захоронения возле Пекина дорого стоят. Даже если отец захочет купить ему место на кладбище, сестра будет против — ведь она *живая*, а дома у нее по-прежнему нет! Скорее всего, тело сожгут, а урну с прахом поставят в ячейку колумбария на кладбище Ба-

баошань[13]. Но если бы у него был надгробный камень, он хотел бы, чтобы на нем написали:

> Он пришел; он любил; он подарил ей звезду; он ушел.

Тяньмин нажал 3.

* * *

С другой стороны зеркального стекла послышался шум. Тяньмин не успел еще отпустить кнопку мышки, когда распахнулась дверь и в комнату ворвались люди.

Первым бежал распорядитель; он ударил по выключателю автоматического инъектора. За ним спешил чиновник онкологического центра — он вырвал провод из розетки на стене. Подбежала медсестра и так резко дернула трубку, соединенную с иглой, что Тяньмин поморщился от острой боли.

Все склонились над прозрачной трубкой инъектора.

— Едва успели! В него не попало ни капли! — сказал кто-то.

---

[13] Примечания: 13

Народное кладбище Бабаошань — основное общественное кладбище Пекина. — *Прим. перев.*

Медсестра принялась перевязывать Тяньмину руку, из которой сочилась кровь.

Лишь один человек остался стоять у двери в палату эвтаназии.

Яркое солнце осветило мир Тяньмина: это была Чэн Синь.

* * *

Пижама на его груди повлажнела от слез Чэн Синь.

На первый взгляд девушка ничуть не изменилась. Но теперь он заметил, что она носит прическу покороче — волосы доходили до шеи, а не до плеч, а их концы красиво завивались. Ему не хватало смелости протянуть руку и дотронуться до волос, к которым его так долго влекло.

Он думал: «Ни на что я толком не годен!», но при этом чувствовал себя на седьмом небе от счастья.

Повисшая между ними тишина казалась райской, и Тяньмин желал, чтобы она длилась и длилась. «Ты не можешь спасти меня, — мысленно говорил он ей. — Я послушаюсь тебя и не стану искать эвтаназии. Но от судьбы мне не уйти. Надеюсь, ты примешь звезду в подарок и найдешь свое счастье».

Похоже, Чэн Синь услышала его беззвучную речь и подняла голову. Впервые их глаза оказались так близко друг к другу — ближе, чем в самых его смелых мечтах. Слезы из прекрасных глаз Чэн Синь разбили его сердце.

Но когда девушка наконец заговорила, она сказала нечто совершенно неожиданное.

— Тяньмин, а ты знаешь, что закон об эвтаназии приняли специально для тебя?

Эра Кризиса, годы 1–4-й. Чэн Синь

Начало Трисолярианского кризиса для Чэн Синь совпало с окончанием магистратуры. Ее отобрали в группу, занимающуюся разработкой двигателя для следующего поколения ракет «Чанчжэн» («Великий поход»). Всем казалось, что ей досталось идеальное место работы — важное и на виду.

Но Чэн Синь разочаровалась в выбранной специализации. Понемногу она стала отождествлять химические ракеты с гигантскими дымовыми трубами начала промышленной эры. В ту пору поэты воспевали леса труб, считая их признаком индустриального общества. Сегодня люди точно так же превозносили ракеты, полагая, что они знаменуют собой космическую эру. Но если человечество ограничится химическими двигателями, оно никогда по-настоящему не выйдет в космос.

Трисолярианский кризис еще больше подчеркнул этот факт. Было бы полнейшей глупостью строить оборону Солнечной системы, располагая лишь обычными ракетами. Открытая для всего нового, Чэн Синь записалась на курс теории ядер-

ных двигателей. Как только разразился Кризис, развитие по всем направлениям аэрокосмической промышленности резко ускорилось. Дали зеленый свет даже залежавшемуся на полке проекту космоплана первого поколения. Ее группе поручили разработку прототипа двигателя для космоплана. Чэн Синь светила отличная карьера. В группе высоко ценили ее способности; большинство главных конструкторов Китая начинали свой путь с работы над двигателями. Но поскольку Чэн Синь считала химические ракеты технологией вчерашнего дня, в долгосрочной перспективе ей виделся застой. Идти в неверном направлении еще хуже, чем стоять на месте; но ее работа требовала полной отдачи сил. Чэн Синь это выводило из себя.

А потом у нее появился шанс оставить химические двигатели позади. ООН приступила к созданию самых разных агентств, связанных с обороной планеты. В отличие от прежних подразделений ООН, эти подчинялись Совету обороны планеты напрямую, и в них трудились эксперты из разных стран. Аэрокосмическая промышленность Китая отправила множество своих сотрудников работать в новых структурах. Один высокопоставленный чиновник предложил Чэн

Синь место помощника директора Технологического центра при Агентстве стратегической разведки СОП. Разведывательная деятельность человечества против Трисоляриса до сих пор ограничивалась ОЗТ, но Агентство стратегической разведки — АСР — должно было заняться флотом Трисоляриса и его родной планетой непосредственно. Агентству требовались талантливые аэрокосмические инженеры.

Чэн Синь не задумываясь приняла предложение.

* * *

Штаб-квартира АСР располагалась в старинном шестиэтажном доме, неподалеку от комплекса зданий ООН. Построенное в конце XVIII века, здание выглядело монументально, как гранитный монолит. Когда Чэн Синь прилетела в Нью-Йорк и впервые переступила порог дома, она будто бы оказалась в старом замке, отчего ее пробрала дрожь. Это место ничуть не соответствовало ее представлениям о всепланетной разведывательной службе. Оно скорее напоминало лабиринт, в котором заговорщики шепотом составляют хитроумные планы.

В здании почти никого и ничего не было; Чэн

Синь приехала в числе первых. Своего начальника, директора Технологического центра АСР, Чэн Синь нашла в кабинете, забитом ящиками с мебелью и раскрытыми картонными коробками.

Михаил Вадимов оказался высоким, мускулистым мужчиной чуть за сорок. Он говорил с сильным русским акцентом — до Чэн Синь даже не сразу дошло, что он разговаривает по-английски. Сидя на картонной коробке, Вадимов заявил, что проработал в аэрокосмической промышленности больше десятка лет и что никакие помощники ему не нужны. Каждая страна норовит заслать в АСР побольше своих людей, а помочь бездушными презренными деньгами не спешит. Потом он сообразил, что перед ним стоит полная надежд молоденькая девушка, которую все сильнее угнетают его сетования, и постарался перевести все в шутку:

— Если наше агентство войдет в историю — что весьма вероятно, пусть даже история окажется не очень красивой, — нас запомнят как явившихся на работу первыми!

Чэн Синь обрадовало, что ее руководитель тоже пришел из аэрокосмической промышленности. Она спросила, над чем именно тот работал. Вадимов с ходу назвал космоплан «Буран», работу в

отделе главного конструктора некоего грузового корабля. Затем он туманно сообщил, что пару лет трудился на ниве дипломатии, после чего устроился в «одну контору», которая занималась «тем же, чем и мы сейчас».

— Рекомендую особо не расспрашивать наших будущих коллег об их прежней работе, — посоветовал Вадимов. — Шеф уже здесь. Его офис этажом выше. Зайди, поздоровайся, но не отнимай у него много времени.

В просторном офисе руководителя АСР стоял тяжелый запах сигарного дыма. На стене висела картина. Б`ольшую часть полотна занимали свинцово-серое небо и мрачная заснеженная земля. На горизонте, где облака и снег сливались воедино, темнели какие-то пятна. Присмотревшись, Чэн Синь увидела, что это грязные одноэтажные деревянные домишки и несколько двух- и трехэтажных зданий европейского стиля. По виду реки на переднем плане и другим географическим приметам Чэн Синь догадалась, что перед ней пейзаж Нью-Йорка начала XVIII века. От картины исходил мертвенный холод, вполне соответствующий, по мнению девушки, характеру хозяина кабинета.

Рядом с большим полотном висела картина

поменьше. На ней рука в бронзовой латной рукавице — виднелись лишь предплечье и кисть — держала старинный меч с золотой крестовиной и ярко сверкающим лезвием. Меч поднимал из воды венок, сплетенный из красных, белых и желтых цветов. В отличие от висящей рядом панорамы Нью-Йорка, картина радовала богатой палитрой — и в то же время чем-то пугала. Чэн Синь заметила пятна крови на белых цветах венка.

АСР возглавлял американец Томас Уэйд. Он был намного моложе, чем ожидала Чэн Синь, — на взгляд, даже моложе Вадимова, красивее, с классической внешностью. Позднее она поймет, что общее впечатление классичности создает его лицо, полностью лишенное всяческого выражения. Такое лицо могло бы быть у безжизненной статуи, словно сошедшей с могильно-холодного пейзажа на стене. Непохоже, чтобы Уэйд был занят делами. Его стол был совершенно пуст — ни компьютера, ни каких-либо документов. Он бросил взгляд на вошедшую, но сразу же вернулся к изучению своей сигары.

Чэн Синь представилась и начала было рассказывать, насколько она рада возможности поучиться у таких специалистов, но смолкла, как

только Уэйд поднял на нее глаза.

Чэн Синь увидела в его взоре усталость и лень, но почувствовала, что под этой маской прячется умный и опасный хищник. Ей стало неуютно. На лице Уэйда начала проявляться улыбка, как проступает вода из трещины во льду замерзшей реки. Его улыбка не согрела и не подбодрила Чэн Синь.

Она попыталась улыбнуться в ответ, но первые же слова Уэйда превратили ее в истукана:

— Ты продашь свою мать в бордель?

Чэн Синь отрицательно затрясла головой, но даже не попыталась ответить. Девушку охватил ужас — неужели она не поняла вопроса?! Но Уэйд махнул в ее сторону сигарой:

— Спасибо. Иди и займись чем следует.

Она рассказала о происшедшем Вадимову, и тот засмеялся:

— Это известная шутка в нашей... профессии. Мне говорили, что она зародилась в годы Второй мировой войны. Так старослужащие подшучивали над новичками. Суть же вот в чем: наша профессия — единственная на Земле, основанная на лжи и предательстве. Нам приходится проявлять... гибкость в общепринятых нормах морали. В нашем агентстве работают две группы людей.

Одна из них — технические специалисты вроде тебя. Другая — ветераны разведслужб всего мира. Эти группы думают и действуют по-разному. Тебе повезло, что я знаком с обеими; я помогу тебе найти с ними общий язык.

— Но наш враг — Трисолярис! Тут вряд ли подходят традиционные методы разведки.

— Кое-что не меняется никогда.

* * *

Новые сотрудники АСР прибывали еще несколько дней. В основном они приезжали из стран — постоянных членов СОП.

Сотрудники держались вежливо, но друг другу не доверяли. Технические специалисты всех сторонились, будто ожидали, что их в любую минуту могут обокрасть. Ветераны-разведчики вели себя общительно и дружелюбно, но постоянно высматривали, что бы стащить.

Как и предсказывал Вадимов, их больше интересовала слежка друг за другом, чем за Трисолярисом.

На третий день, хотя приехали еще не все, в АСР было проведено первое общее совещание. От руководства присутствовали Уэйд и три его заместителя: китаец, француз и англичанин.

Первым выступил заместитель Юй Вэймин. Чэн Синь понятия не имела, чем он занимался в Китае. У него было настолько непримечательное лицо, что потребовалось несколько встреч, чтобы его запомнить. К счастью, Юй Вэймин, в отличие от типичных китайских бюрократов, не любил долгих, витиеватых речей. Он ограничился сжатым набором общих фраз о важности поставленных перед АСР задач.

Юй Вэймин признал, что понимает: все сотрудники АСР присланы их странами и имеют двойное подчинение. АСР не станет требовать от сотрудников поставить долг перед Агентством выше долга перед своими странами — на это даже надеяться не стоило. Но поскольку АСР работает на благо всего человечества, он, Юй, ожидает, что все присутствующие как минимум постараются найти приемлемый баланс. Задача АСР — напрямую противодействовать угрозе Трисоляриса, поэтому ему следует стать самым сплоченным из всех недавно созданных агентств.

Чэн Синь заметила, что, пока Юй Вэймин говорил, Уэйд пинал ножки стола и понемногу отъезжал от него, как будто желая скрыться с авансцены. Когда ему предлагали произнести пару слов, он мотал головой, отказываясь.

Заговорил он только после того, как выступили все остальные. Указывая на загромождающие помещение кучи коробок с канцелярскими товарами, он сказал:

— Займитесь этим сами, — по-видимому, имея в виду организационную рутину. — Не отвлекайте ни меня, ни их, — он указал на Вадимова и его группу. — Специалистам Технологического центра с опытом космических проектов остаться. Остальные свободны.

Теперь в зале сидело около дюжины человек. Как только закрылись тяжелые дубовые двери, Уэйд ошеломил собравшихся:

— АСР должно отправить разведывательный зонд навстречу флоту Трисоляриса.

Сотрудники потрясенно переглянулись. Чэн Синь тоже удивилась. Она, разумеется, надеялась, что ей вскоре дадут какое-нибудь техническое задание, но не ожидала ни такой прямолинейной постановки вопроса, ни такой поспешности. АСР только что создали, у агентства не было ни национальных, ни региональных отделов, и оно, по-видимому, не могло еще вести крупномасштабных работ. Но больше всего поражала дерзость оглашенного Уэйдом проекта. На его пути стояли непреодолимые технические слож-

ности.

— Есть какие-то конкретные требования? — спросил Вадимов. Лишь он один сохранил хладнокровие после заявления шефа.

— Я неофициально переговорил с делегатами постоянных членов СОП, но формально идею еще не выдвигали. Насколько мне известно, основным для СОП требованием — и на компромисс они не пойдут — является скорость. Зонд должен разогнаться до одного процента от скорости света. Среди СОП имеются разногласия по другим параметрам, но я не сомневаюсь, что их уладят при официальном обсуждении проекта.

Встал эксперт из НАСА:

— Скажу без обиняков. При заданных параметрах полета и с учетом того, что гипотетически зонду надо только разгоняться, но не тормозить, он доберется до облака Оорта за два или три столетия. Там он найдет сбрасывающий скорость трисолярианский флот и изучит его. Извините, но мне кажется, что такой проект лучше оставить на будущее.

Уэйд покачал головой:

— Вокруг нас на световой скорости шныряют софоны, выведывают наши секреты, блокируют все фундаментальные физические исследования.

Нет никакой гарантии, что в будущем мы добьемся значительного технологического прогресса. Если человечеству суждено ползти сквозь пространство подобно улитке, следует начинать как можно раньше.

Чэн Синь заподозрила, что в задуманном Уэйдом проекте не последнюю роль играет политика. АСР предпримет первую в истории попытку активного контакта с внеземной цивилизацией; это поднимет статус агентства.

— Но состояние современных космических технологий таково, что до облака Оорта зонд будет добираться двадцать, если не тридцать тысяч лет. Даже если мы запустим зонд прямо сейчас, он и от земного крыльца не успеет далеко отлететь, когда через четыреста лет на орбите Земли появится флот Трисоляриса.

— Вот поэтому он и должен разогнаться до одного процента от скорости света.

— Вы говорите о том, чтобы поднять максимальную на сегодня скорость в сотню раз! Понадобится совершенно новый тип двигателя! Существующие технологии не позволяют достичь таких скоростей, и нет никаких причин ожидать прорыва в ближайшем будущем. Ваш проект неосуществим в принципе!

Уэйд шарахнул кулаком по столу:

— Вы забываете, что теперь у нас есть ресурсы! Еще вчера полеты в космос считались прихотью, а сегодня они — условие выживания. Я могу потребовать денег, людей, материалы — столько, сколько раньше никто не мог бы себе даже представить! И мы будем бросать их в дело, пока не переломим законы физики! Если надо, действуйте грубой силой, но мы обязаны разогнать этот зонд до одного процента от скорости света!

Вадимов рефлекторно оглянулся. Уэйд заметил его движение:

— Не волнуйся. Здесь нет ни репортеров, ни посторонних.

Вадимов рассмеялся:

— Не обижайтесь, пожалуйста. Но если вы скажете, что станете расходовать ресурсы, пока не переломите физические законы, наше агентство засмеют. Не повторяйте этого в СОП.

— Я и так знаю, что вы все надо мной смеетесь.

Сотрудники прикусили язык. Им хотелось, чтобы совещание поскорее окончилось. Уэйд пристально всмотрелся в каждого из присутствующих, а потом обратил взгляд к Чэн Синь:

— Нет, не все. Вот она не смеется. — Он указал на Чэн Синь. — Чэн, о чем ты задумалась?

Под пронизывающим взором Уэйда Чэн Синь почудилось, что он указывает на нее не пальцем, а мечом. Она беспомощно оглянулась. Кто она такая здесь, чтобы раскрывать рот?

— Вижу, без ВД не обойтись, — заметил Уэйд.

Чэн Синь совсем запуталась. Что такое ВД? Вечный двигатель? Валовой доход?

— Ты же китаянка! Как ты можешь не знать, что такое ВД?

Чэн Синь посмотрела на пятерых других китайцев в зале совещаний. Они тоже ничего не понимали.

— Во время Корейской войны американцы обнаружили, что простой китайский солдат, захваченный в плен, немало знает о планах командования. Оказалось, что ваши офицеры сообщали планы сражений даже рядовым, чтобы те могли поучаствовать в обсуждении и, быть может, придумать что-нибудь получше. Конечно, если вам суждено попасть в плен к трисолярианам, мы не хотим, чтобы вы знали *настолько* много.

Кое-кто из присутствующих рассмеялся. Чэн Синь наконец поняла: «ВД» означает «военную демократию». Участники совещания горячо поддержали предложение Уэйда. Разумеется,

элитные эксперты не ожидали от простого инженера никаких гениальных идей. Но большинство экспертов были мужчинами. Если они дадут Чэн Синь выступить с предложением, то получат прекрасный предлог, чтобы поглазеть на ее фигуру. Чэн Синь всегда старалась одеваться консервативно, но постоянно сталкивалась с подобным нежелательным вниманием к себе.

Чэн Синь начала:

— Я подумала...

— Вы придумали, как можно переломить или хотя бы погнуть физические законы? — бросила пожилая француженка Камилла, весьма уважаемый и опытный консультант Европейского агентства космических исследований. Она с презрением смотрела на Чэн Синь, как будто той вообще было не место на совещании.

— Скорее как их обойти. — Чэн Синь вежливо улыбнулась Камилле. — Наиболее ценным для нас ресурсом являются запасы ядерных бомб во всем мире. Если не случится технологического прорыва, они станут самым мощным источником энергии, который мы способны вывести в космос. Теперь представьте себе космический корабль или зонд, оснащенный радиационным парусом наподобие солнечного — тонкой плен-

кой, отражающей излучение. Если мы станем периодически взрывать бомбы позади паруса...

Раздалось несколько смешков. Камилла смеялась громче всех:

— Дорогая, спасибо за картинку из комикса! Твой корабль набит бомбами и несет огромный парус. На корабле летит астронавт, удивительно похожий на Арнольда Шварценеггера. Он бросает позади себя бомбы, те взрываются и толкают корабль вперед. Какая прелесть! — Когда все присутствующие присоединились к веселью, она продолжила: — Загляни в свои конспекты за первый курс колледжа и скажи: во-первых, сколько бомб потребуется загрузить в твой корабль и, во-вторых, какого ты достигнешь ускорения при таком соотношении тяга-вес?

— Ей не удалось даже погнуть физические законы, но проект удовлетворяет другому требованию шефа, — засмеялся другой консультант. — Как жаль, что такую хорошенькую девушку привлекло очарование грубой силы! — Хохот в зале стал оглушительным.

— Бомбы будут не на корабле, — спокойно пояснила Чэн Синь. Смех как ножом отрезало, будто она прижала рукой звенящий гонг. — Зонд состоит из небольшой капсулы с датчиками,

прикрепленной к большому парусу. Он легок, как перышко, и без труда разгонится под давлением излучения ядерных взрывов.

В комнате вдруг стало тихо. Все старались прикинуть, где же можно разместить такие бомбы. Когда все смеялись над Чэн Синь, Уэйд сохранял хладнокровие. Но теперь по его лицу поползла уже знакомая улыбка — словно вода просачивалась сквозь трещину во льду.

Чэн Синь вытащила из кулера стопку бумажных стаканчиков и расставила их на столе в ряд.

— Мы воспользуемся традиционными химическими ракетами и заранее разместим бомбы вдоль первого сегмента траектории зонда. — Она провела карандашом вдоль ряда, от стаканчика к стаканчику. — Когда зонд пролетает мимо бомбы, мы ее взрываем, давление света надувает парус, и зонд разгоняется.

Мужчины наконец оторвали взгляд от фигуры Чэн Синь. Теперь они всерьез прислушивались к ее предложению. Лишь Камилла продолжала смотреть на Чэн Синь как на постороннюю.

— Назовем эту технологию «попутным разгоном». На этом начальном сегменте зонд ускоряется. Время разгона составит ничтожную долю времени в пути. По грубой оценке, если мы при-

меним тысячу бомб, их можно расставить вдоль отрезка в пять астрономических единиц, от Земли до Юпитера. Но можно сжать этот участок до расстояния от Земли до Марса. Сегодняшним технологиям такая задача по силам.

Присутствующие начали перешептываться. Понемногу голоса становились громче, энергичнее — словно моросящий дождик переходил в ливень.

— Я так понимаю, что эта идея пришла тебе в голову не пять минут назад, — заметил Уэйд. Он внимательно следил за обсуждением.

Чэн Синь улыбнулась в ответ:

— Такой метод хорошо известен в аэрокосмических кругах. Станислав Улам[14] изобрел импульсный ядерный двигатель еще в 1946 году.

— Доктор Чэн, — вмешалась в обсуждение Камилла, — мы все отлично знаем, что такое импульсный ядерный двигатель. Но все прежние идеи основывались на том, что топливо будет храниться на борту корабля. Размещение бомб

---

[14] Примечания: 14

Станислав Мартин Улам — польский и американский математик. Участвовал в создании водородной бомбы в рамках ядерного проекта Лос-Аламосской лаборатории; внес большой вклад в развитие математических методов, доказал множество теорем, предложил вычислительный метод Монте-Карло, выдвинул теорию ядерного ракетного двигателя (https://ru.wikipedia.org/wiki/Улам,_Станислав). — *Прим. перев.*

вдоль трассы разгона — ваше изобретение. По крайней мере, я о таком никогда не слышала.

Разгорелась дискуссия. Эксперты вгрызлись в идею Чэн Синь, как стая голодных волков в кусок свежего мяса.

Уэйд снова ударил кулаком по столу:

— Довольно! Не углубляйтесь пока в подробности. Мы не обсуждаем сейчас, можно ли реализовать эту идею. Мы пытаемся понять, стоит ли вообще затевать такое обсуждение. Сконцентрируйтесь на серьезных препятствиях.

После недолгого молчания ответил Вадимов:

— У этого предложения есть одно важное достоинство: приступить к работе очень просто.

Все сразу же поняли, о чем говорит Вадимов. В первой фазе проекта «попутного разгона» потребуется вывести на околоземную орбиту значительное количество ядерных бомб. Человечество не только располагало такой технологией — бомбы уже находились на средствах доставки. Нужно только перепрограммировать стоящие на боевом дежурстве ракеты. И американские «МХ», и русские «Тополи», и китайские «Дунфэни» могли доставить боеголовки на низкую орбиту. На это способны даже ракеты среднего радиуса действия, если оснастить их ускорите-

лями. Принятый после начала Кризиса договор о разоружении предписывал их уничтожить. Запустить ракеты на орбиту окажется намного дешевле.

— Превосходно. Давайте отвлечемся на минуту от предложения Чэн Синь. У кого есть другие идеи? — Уэйд обвел комнату взором.

Несколько человек хотели было что-то сказать, но решили промолчать. Никто из них не считал свою идею лучше «попутного разгона» Чэн Синь. Вскоре взгляды присутствующих снова сфокусировались на ней — на сей раз с совершенно иным выражением.

— Мы проведем еще два мозговых штурма, попытаемся придумать что-нибудь другое. Параллельно приступим к анализу осуществимости проекта «попутного разгона». Ему нужно дать название.

— Зонд будет набирать скорость шаг за шагом после каждого взрыва... наподобие подъема по ступенькам, — стал рассуждать Вадимов. — Давайте назовем проект «Лестница». Кроме требования достичь одного процента от скорости света, у нас будет ограничение по массе зонда.

— Мы можем изготовить тонкий и легкий парус, — предложил специалист из России, од-

нажды имевший дело с неудавшимся проектом солнечного паруса. — Доступные уже сегодня материалы позволят создать парус площадью пятьдесят квадратных километров и массой около пятидесяти килограмм. Этого должно хватить.

— В таком случае основной проблемой станет масса капсулы зонда.

Все повернулись к присутствующему на совещании главному конструктору зонда «Кассини-Гюйгенс».

— Нам потребуются аппаратура для наблюдений, антенна и радиоизотопный источник питания, чтобы передать сигнал из облака Оорта. Обойдемся двумя или тремя тысячами килограмм.

— Не пойдет! — потряс головой Вадимов. — Чэн Синь ясно сказала: «легкий, как перышко»!

— Если ограничиться самыми основными датчиками, может быть, хватит и одной тысячи килограмм. Но я не гарантирую, что уложимся, — мне практически не с чем будет работать!

— Придется уложиться! — отрезал Уэйд. — Вместе с парусом зонд должен весить не больше одной тонны. Мы бросим все силы человечества на разгон тысячи килограмм полезного груза. И

будем надеяться, что тонна — это не слишком много.

* * *

Всю следующую неделю Чэн Синь удавалось поспать только в самолетах. В составе образованной Вадимовым рабочей группы она носилась между космическими агентствами США, Китая, России и Европы, согласовывая порученный им анализ осуществимости проекта «Лестница». За одну неделю она посетила больше стран и городов, чем за всю предшествующую жизнь, но видела их лишь сквозь окна автомобилей и конференц-залов.

Поначалу рабочая группа полагала, что сможет скоординировать работу всех космических агентств, но это оказалось политически невозможно. В результате каждое ведомство провело независимый анализ. С одной стороны, рабочая группа могла сравнить расчеты и убедиться в их точности; но с другой стороны, для АСР прибавилось работы. Чэн Синь никогда еще не вкладывала ни в один проект столько сил; впрочем, это ведь было *ее* детище.

Все четыре агентства быстро представили свои версии предварительного заключения, и они

практически совпали. Хорошей новостью оказалось то, что площадь паруса можно сократить до двадцати пяти квадратных километров; а если воспользоваться новейшими материалами, то масса паруса уменьшится до двадцати килограмм.

Затем шла очень плохая новость: чтобы достичь требуемой скорости — 1 процент от световой, — массу всего зонда необходимо сократить на 80 процентов — до двухсот килограмм. С учетом массы паруса на капсулу с приборами наблюдения и связи оставалось лишь 180 килограмм.

Когда сообщили Уэйду, тот и бровью не повел.

— Нашли над чем киснуть. У меня новости еще хуже. На последней сессии СОП резолюцию по программе «Лестница» отклонили.

Из семи постоянных членов СОП четверо проголосовали «против» — с удивительно схожими основаниями. Делегатов, в отличие от технарей АСР, технология не интересовала. Свои возражения они аргументировали тем, что зонд не сможет предоставить существенной разведывательной информации. Как выразился представитель США, «практически бесполезен».

Проект «Лестница» не предусматривал торможения зонда. Даже если учесть, что флот

Трисоляриса к тому времени значительно снизит скорость, зонд пролетит мимо него с относительной скоростью около пяти процентов от световой — если, конечно, один из кораблей не осуществит перехват аппарата землян. У зонда будет лишь несколько секунд на сбор информации о противнике. Поскольку в легкой капсуле не останется места для активных сенсоров, таких как радиолокатор, придется ограничиться пассивными датчиками. Б`ольшая их часть рассчитана на прием электромагнитных сигналов, но технология Трисоляриса далеко обогнала земную; скорее всего, противник пользуется не электромагнитным излучением, а нейтрино или гравитационными волнами. Эти технологии человечеству недоступны.

Более того, благодаря вездесущим софонам план посылки зонда будет совершенно прозрачен для врага, что сведет на нет все шансы на успех разведывательной миссии. Проект потребует грандиозных затрат и не принесет почти никакой пользы. Ценность плана будет чисто символической, поэтому великие державы и не проявили к нему интереса. Три других постоянных члена СОП проголосовали «за» просто потому, что их заинтересовала технология разгона.

— И в этом СОП совершенно прав, — признал Уэйд.

Все молча оплакивали проект. Чэн Синь огорчалась больше всех, но утешала себя тем, что она предложила неплохую для молодого инженера без опыта идею и многого достигла. Она даже не ожидала такого успеха.

— Мисс Чэн, ты чего нос повесила? — голос Уэйда прервал ее раздумья. — Может, считаешь, что мы отступимся от работы по «Лестнице»?

Собравшиеся, не находя слов, уставились на Уэйда.

— Так вот, мы *не собираемся* останавливать «Лестницу»! — Уэйд встал и принялся расхаживать по комнате совещаний. — С этой самой минуты, над чем бы вы ни работали — над «Лестницей» или какой другой программой, — вы не останавливаетесь, пока *я* не скажу вам остановиться! Поняли? — С лица Уэйда спала маска безразличия, и он взревел, как бешеный зверь: — Мы пойдем вперед! Вперед! Мы ни перед чем не остановимся!

Уэйд стоял как раз позади Чэн Синь. Ей показалось, что за спиной взорвался вулкан. Она съежилась и чуть было сама не закричала.

— Что будем делать дальше? — спросил Ва-

димов.

— Пошлем человека.

Голос Уэйда стал опять ровным и бесстрастным. Испуганные его воплем участники совещания не сразу догадались, что предлагает Уэйд. Он говорил не об отправке парламентера в СОП — нет, он решил послать живого разведчика во тьму и холод облака Оорта, удаленного на один световой год от Земли, чтобы следить за приближающимся врагом.

Уэйд пнул ножку конференц-стола и откатился на кресле в глубь комнаты, чтобы сидеть позади собравшихся и наблюдать за ходом обсуждения. Но никто не проронил ни слова. Повторялась ситуация недельной давности, когда Уэйд впервые потребовал послать зонд навстречу вражескому флоту. Люди раздумывали над словами шефа. Вскоре они поняли, что идея не настолько смехотворна, как показалось вначале.

Технология гибернации стала сравнительно надежной. Разведчик б`ольшую часть пути может провести в анабиозе. Если он весит 70 килограмм, на долю оборудования и капсулы, похожей на гроб, остается 110 килограмм. Но что потом? Через двести лет зонд встретится с кораблями флота. Как разбудить посланца и что он сможет

сделать?

Все эти соображения прокручивались в головах собравшихся, но никто не спешил заговорить. Уэйд, похоже, прочел их мысли:

— Мы пошлем представителя человечества в самое сердце врага!

— Но тогда, значит, расчет идет на то, что флот Трисоляриса перехватит наш зонд, — сказал Вадимов. — Потом разбудит нашего разведчика и оставит на борту.

— Очень даже вероятно, что так и случится. — Уэйд поднял глаза к потолку. — Разве нет?

Участники совещания поняли, что он адресовал последние слова софонам, кружащим вокруг них, словно привидения. Неведомые сущности на планете, отдаленной на четыре световых года, тоже «участвовали» в этом совещании. Люди часто забывали о вездесущих софонах; а когда вспоминали, то помимо страха ощущали себя ничтожными муравьями под лупой в руках любопытного и жестокого ребенка. Как можно сохранить уверенность в себе и своих планах, если враг разберется в них раньше, чем ты доложишь своему начальнику? Человечество с трудом привыкало к новым правилам ведения войны, — правилам, по которым враг знает все

твои секреты.

Но теперь Уэйд сумел слегка изменить ситуацию и сделать осведомленность врага залогом успеха. Трисолярис узнает, по какой траектории полетит зонд, и без труда сможет его перехватить. Софоны предоставили трисолярианам массу информации о человеческом обществе, но еще ценнее завладеть живым представителем вида для детального изучения.

При обычном противостоянии разведслужб нет смысла посылать шпиона, о котором противник знает. Но это не обычная война. Сама по себе отправка представителя человечества к флоту Трисоляриса станет смелым ходом. Какая разница, если трисоляриане заранее узнают, кто этот представитель? АСР даже не требовалось планировать действия своего агента по прибытии в расположение врага. Он и сам сориентируется, что ему делать; возможностей море. Идея Уэйда становилась еще привлекательнее потому, что разум трисолярианин открыт друг для друга; они беззащитны перед военной хитростью.

Мы пошлем представителя человечества в самое сердце врага.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Гибернация: Первая в истории человечества машина времени

Порой новая технология способна перевернуть общество, но пока она в младенчестве, не каждому человеку по силам оценить ее перспективы. Например, когда изобрели компьютер, его воспринимали как подспорье для математика, а кое-кто даже заявлял, что пяти машин хватит на весь мир. То же самое произошло с искусственной гибернацией. Пока она оставалась фантастикой, люди ограничивались мнением, что гибернация поможет неизлечимо больным дожить до тех дней, когда врачи научатся бороться с заболеванием. Иные, как следует подумав, утверждали, что гибернация найдет применение в длительных межзвездных полетах. Но как только гибернация стала явью, социологи поняли: она неузнаваемо изменит человеческую цивилизацию.

И все это опиралось на одну простую идею: «Завтра будет лучше, чем сегодня».

Вера в лучшее будущее зародилась лишь за

несколько веков до Кризиса и заслуженно считалась недавним изобретением. Раньше над ней только посмеялись бы. По сравнению с классическим Римом средневековая Европа обнищала и морально деградировала. В Китае жизнь простого народа в годы династий Вэй, Цзинь, Южной и Северной стала хуже, чем при только что окончившейся династии Хань. А династии Юань и Мин по всем параметрам проигрывали более ранним Тан и Сун. Но после промышленной революции жизнь стала неуклонно налаживаться, и вера человечества в светлое будущее крепла день за днем.

Эта вера росла вплоть до Трисолярианского кризиса. Холодная война закончилась много лет назад. Оставалось лишь несколько досадных неприятностей, вроде загрязнения окружающей среды. Появлялось все больше товаров, качество жизни росло; изобилию, казалось, не будет конца. Если спросить людей, чего они ожидают от будущего, они дали бы разные ответы о жизни в ближайшие десять лет, но мало кто усомнился бы, что через сто лет человечество будет жить как в раю. В это нетрудно поверить — достаточно сравнить сегодняшний образ жизни с тем, как люди жили сто лет назад!

Но если гибернация стала реальностью, что тогда удерживает тебя в настоящем?

С точки зрения социолога, даже технология клонирования людей оказалась безобиднее гибернации. При клонировании возникали моральные проблемы, но они волновали только тех, кто придерживался христианского мировоззрения. Гибернация приводила к осложнениям практического толка, которые оказывали влияние на всю человеческую расу. Как только гибернация станет коммерчески доступна, все, у кого найдутся деньги, сбегут в рай будущего — а остальным придется остаться в сравнительно суровом настоящем и строить для них этот рай. Но самой опасной и наиболее привлекательной приманкой будущего стало бессмертие.

Узнавая о новых и новых достижениях биологии, люди начинали верить, что через столетие или два удастся побороть саму смерть. Те, кто ляжет в гибернацию, сделают первый шаг навстречу вечной жизни. Впервые в истории смерть перестала уравнивать бедняка и богача. Последствия даже представить невозможно.

Возникшую ситуацию позже закономерно сравнивали с волнениями вокруг эскапизма, зародившегося сразу после Кризиса. В дальнейшем

историки назовут этот процесс «ранним эскапизмом», или «эскапизмом сквозь время». По этой причине до Кризиса правительства всех мировых держав сдерживали технологию гибернации; она находилась под еще более жестким контролем, чем клонирование.

Но Трисолярианский кризис все изменил. За одну ночь рай будущего превратился в сущий ад. Будущее не привлекало даже смертельно больных: что, если они проснутся в охваченном пламенем мире, где для них не найдется даже таблетки аспирина?

Поэтому после Кризиса ограничения на исследования в области гибернации сняли. Вскоре технология гибернации вышла на коммерческий рынок, и человеческая раса овладела своим первым инструментом для движения сквозь время.

Эра Кризиса, годы 1–4-й. Чэн Синь

Чтобы ознакомиться с технологией гибернации, Чэн Синь отправилась на остров Хайнань, в город Санья.

Тропический остров казался странным местом для размещения самого большого на планете исследовательского центра гибернации, одного из подразделений Академии медицинских наук Китая. Когда на материке стояла глубокая зима, здесь правила весна.

Белое здание центра пряталось за пышной растительностью. В его лабораториях около дюжины добровольцев лежали в краткосрочном экспериментальном анабиозе. Пока еще никого не погружали в холодный сон на столетия.

Первым делом Чэн Синь спросила, возможно ли довести вес аппаратуры до ста килограмм.

Директор института рассмеялся:

— Сто килограмм? Да мы сочтем за счастье, если облегчим его до ста тонн!

Директор преувеличивал, но не слишком. Он провел Чэн Синь по отделам центра и объяснил, что технология искусственной гибернации не совсем такая, какой ее представляет себе ши-

рокая публика. Например, для нее не нужны сверхнизкие температуры. Сначала всю кровь замещают хладостойким кровезаменителем, потом тело охлаждают до минус пятидесяти градусов и запускают аппарат искусственного кровообращения для поддержания минимального уровня биологической активности.

— Очень похоже на «режим сна» у компьютера, — объяснил директор.

Общий вес оборудования — капсулы гибернатора, систем жизнеобеспечения и охлаждения — составлял около трех тонн.

Как только Чэн Синь начала обсуждать с инженерами, как можно снизить вес установки, ее осенило: если температура тела должна оставаться около –50 градусов Цельсия, в условиях глубокого космоса капсулу гибернатора придется не охлаждать, а подогревать! Температура космического пространства за пределами орбиты Нептуна немногим отличается от абсолютного нуля[15]. В сравнении с ней –50 градусов внутри гибернатора покажутся раскаленной печью. Поскольку на дорогу уйдет одно или два столетия,

[15] Примечания: 15

При отсутствии существенного нагрева Солнцем на таком расстоянии это будет 2,7 градуса по Кельвину — температура реликтового излучения (http://e-science.ru/groups/Температура-вакуума). — *Прим. перев.*

без радиоизотопного генератора не обойтись. Директор центра не сильно преувеличил, когда заявил о сотне тонн оборудования.

Чэн Синь вернулась в штаб-квартиру АСР и отчиталась о результатах поездки. Рабочая группа изучила материалы, и инженеров опять охватило уныние. Но сейчас они с надеждой смотрели на Уэйда.

— Чего вы на меня уставились? Я не Господь Бог! — Уэйд окинул взглядом комнату совещаний. — Зачем вы здесь, по-вашему, — чтобы получать зарплату и докладывать о неудачах? Нет у меня для вас решений! Поиск решений — ваша работа! — Он изо всех сил пнул ножку стола и от удара отъехал дальше, чем когда-либо. Не обращая внимания на таблички «Не курить!», он зажег сигару.

Участники совещания посмотрели на присутствующих здесь же специалистов по гибернации. Те ничего не сказали, но даже не пытались скрыть свои чувства: им, профессионалам, какая-то кучка фанатиков приказывает совершить невозможное!

— А что, если... — Чэн Синь неуверенно оглянулась. Она еще не привыкла к ВД.

— Вперед! Ни перед чем не останавливаться!

— выдохнул в ее сторону Уэйд вместе с облаком дыма.

— Возможно, нам не придется посылать живого человека.

Вся команда посмотрела сначала на Чэн Синь, потом друг на друга, потом на экспертов по гибернации. Те затрясли головами — они тоже не понимали, о чем речь.

— Мы мгновенно заморозим человека до –200 градусов или даже ниже, а потом запустим тело в космос. Не нужно ни систем жизнеобеспечения, ни обогревателя; а контейнер с телом сделаем тонким и легким. Уложимся в 110 килограмм. Для нас такое тело — труп; а для Трисоляриса, может, и нет.

— Очень хорошо, — кивнул ей Уэйд. На ее памяти это был первый раз, когда Уэйд кого-нибудь похвалил.

Встал один из экспертов по гибернации:

— Вы говорите о криоконсервации, а не о гибернации. Самое сложное в реанимации такого тела — предотвратить образование кристаллов льда. Заморозьте тофу, разморозьте — и получите губчатую массу. Впрочем, вряд ли кто-нибудь из вас когда-либо замораживал тофу... — Эксперт, китаец, улыбнулся окружавшим его западным

коллегам. — Возможно, у Трисоляриса и найдется такая методика. Возможно, они знают, как разморозить все тело за ничтожное время — за миллисекунду или даже за микросекунду — без того, чтобы превратить его в облако пара.

Чэн Синь почти не следила за обсуждением. Она напряженно размышляла: и кто же станет этим телом, замороженным до –200 градусов и запущенным в глубокий космос? Она изо всех сил старалась двигаться вперед, не задумываясь о последствиях, но от этой мысли ее пробрал озноб.

* * *

Программу «Лестница» доработали и снова поставили на голосование в СОП. Уэйд переговорил с несколькими делегатами; по его словам, у «Лестницы» были неплохие шансы. В этой редакции целью программы стал первый контакт человечества и инопланетян, а не просто запуск зонда. Кроме того, человек, отправленный навстречу флоту, мог стать бомбой с часовым механизмом, заложенной в самое сердце врага. Агент, искусно пользуясь превосходством людей в науке хитрости и обмана, потенциально мог изменить ход войны.

Поскольку этим вечером на специальной сес-

сии Генеральной ассамблеи ООН собирались объявить о проекте «Отвернувшиеся», сессию СОП отложили на час. Сотрудники АСР дожидались в вестибюле зала Генеральной ассамблеи. На предыдущие сессии СОП приглашали только Уэйда и Вадимова; все прочие оставались за дверьми на случай, если СОП решит задать им какой-нибудь технический вопрос. Но на этот раз Уэйд попросил Чэн Синь проследовать за ним и Вадимовым в зал заседаний — высокая честь для скромного технического специалиста невысокого ранга.

Заседание Генеральной Ассамблеи завершилось. Чэн Синь и ее коллеги увидели, как окруженный кольцом репортеров мужчина — должно быть, один из только что назначенных Отвернувшихся — проходит через вестибюль и покидает здание. Поскольку сотрудники АСР работали только над «Лестницей», большинство из них не интересовалось другими проектами; лишь двое-трое вышли наружу, чтобы взглянуть на новоиспеченного Отвернувшегося. Поэтому, когда произошло вошедшее в историю покушение на Ло Цзи, никто из группы АСР не услышал выстрела; они только увидели сквозь стеклянные двери внезапно возникшую суматоху. Чэн Синь

вместе с другими работниками АСР выбежала на улицу; ее тотчас же ослепили прожекторы зависших над площадью вертолетов.

— Боже мой, Отвернувшегося убили! — крикнул, подбегая к ней, один из коллег. — Говорят, он получил несколько пуль! Прямо в голову!

— Кого назначили Отвернувшимися? — без особого интереса спросил Уэйд.

— Я и сам не уверен. Мне кажется, что трое из них хорошо известны. Четвертый, тот, кого убили, — ваш соотечественник. — Работник АСР кивнул в сторону Чэн Синь. — Но о нем никто до сих пор не слышал. Самый обычный человек.

— Мы живем в особенное время — «обычных людей» больше нет, — заявил Уэйд. — На совершенно случайного человека могут возложить тяжелую ответственность, а важного чиновника — сместить. — Он взглянул сначала на Чэн Синь, потом на Вадимова. В этот момент секретарь СОП отозвал Уэйда в сторону.

— Он угрожает мне, — прошептал Вадимов Чэн Синь. — Наорал вчера на меня и сказал, что ты без труда меня заменишь.

— Михаил, я...

Вадимов поднял руку, чтобы остановить ее. Яркий луч вертолетного прожектора просвечивал

его ладонь насквозь, и та отливала розовым.

— Он не шутит. Наше агентство не обязано придерживаться обычных кадровых процедур. Ты напориста, хладнокровна, трудолюбива, к тому же изобретательна. Ты подходишь к своей работе с гораздо большей ответственностью, чем можно ожидать от человека на этой должности. Редкое сочетание достоинств в твоем возрасте. Синь, я и в самом деле рад, что ты можешь заменить меня — но поверь, я могу делать такие вещи, на которые ты органически не способна.

Вадимов окинул взглядом царящий вокруг хаос.

— Ты не продашь свою мать в бордель. Когда дело доходит до этой особенности нашей профессии, ты все еще дитя. И я бы очень хотел, чтобы ты такой и осталась.

Подошла Камилла с ворохом бумаг в руках. Чэн Синь подумала, что это предварительный отчет о возможности осуществления программы «Лестница». Камилла подержала документы несколько секунд, но затем, вместо того чтобы передать бумаги одному из них, с размаху швырнула их на землю.

— Да пошли они ко всем чертям! — вскричала Камилла, перебивая грохот вертолетов. Несколь-

ко прохожих обернулись. — Эти проклятые свиньи способны только копошиться в грязи!

— О ком вы говорите? — спросил Вадимов.

— Обо всех! О человечестве! Полвека назад мы разгуливали по Луне! А сегодня у нас ничего нет, и мы ничего не можем сделать!

Чэн Синь наклонилась и собрала бумаги. Это в самом деле был предварительный отчет. Они с Вадимовым пролистали несколько страниц, но такой сложный технический документ невозможно читать «по диагонали». К ним вернулся Уэйд — секретарь СОП сообщил, что заседание начнется через пятнадцать минут.

В присутствии шефа АСР Камилла немного успокоилась:

— НАСА провело в космосе два испытания прототипа импульсного ядерного двигателя. Все цифры в отчете. Если коротко, то наша капсула по-прежнему слишком тяжела, чтобы разогнаться до требуемой скорости. По их расчетам, масса всего зонда не может превышать пяти процентов от нашего варианта! Пяти процентов! Это же десять килограмм!

— Впрочем, у них нашлись для нас и хорошие новости. Массу паруса можно уменьшить до десяти килограмм. Они сжалились над на-

ми и сказали, что мы можем рассчитывать на пятьсот грамм полезной нагрузки. Но ни граммом больше! Иначе понадобится усилить тросы для паруса; каждый дополнительный грамм полезной нагрузки отзовется тремя граммами тросов. Поэтому в нашем распоряжении только полкилограмма. Ха-ха, точно как наш ангел и предсказывала: «капсула, легкая, как перышко»!

Уэйд улыбнулся:

— Предложим полететь Монье, котенку моей матери. Впрочем, даже ему придется вдвое похудеть.

Когда вокруг него сосредоточенно и с удовольствием работали, Уэйд ходил мрачный, как туча. Когда все падали духом, Уэйд смеялся и шутил. Чэн Синь думала, что у него просто такой стиль руководства. Но Вадимов сказал, что она совсем не разбирается в людях. Настроение Уэйда не имело ничего общего ни со стилем руководства, ни с желанием подбодрить сотрудников. Он всего лишь наслаждался отчаянием других — даже тогда, когда ему самому стоило бы разделить их уныние. Чэн Синь удивилась, что Вадимов, всегда хорошо отзывавшийся о других, так плохо думает об Уэйде. Но сейчас, похоже, Уэйд и в самом деле радовался, глядя на утративших надежду

подчиненных.

У Чэн Синь больше не осталось сил. Сказалось многодневное переутомление: колени девушки подкосились, и она опустилась на лужайку.

— Встать! — приказал Уэйд.

Впервые Чэн Синь не исполнила его приказа. Лежа на траве, она прошептала:

— Как же я устала...

— Ты и ты, — распорядился Уэйд, указывая пальцем на Камиллу и Чэн Синь. — С этого момента запрещаю вам вот так терять над собой контроль! Вы должны идти вперед! Не останавливаться ни перед чем!

— Нам некуда идти, — возразил Вадимов. — Остается лишь опустить руки.

— Вам только кажется, что идти некуда — и это потому, что вы не умеете плевать на последствия!

— Что же делать с сессией СОП? Отменить?

— Нет. Продолжаем, как будто ничего не произошло. Но у нас нет времени, чтобы исправить документацию. Зачитаем новый план с трибуны.

— Какой новый план? С котенком весом пятьсот грамм?

— Нет, конечно.

В глазах Вадимова и Камиллы вспыхнул огонек

надежды. Чэн Синь тоже собралась с силами и поднялась с земли.

Четвертого Отвернувшегося погрузили в «скорую» и увезли под охраной армейских бронетранспортеров и вертолетов.

На фоне огней Нью-Йорка Уэйд казался черным призраком с глазами, сияющими холодным светом.

— Мы отправим только мозг, — заявил он.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Программа «Лестница»

В Китае XIV века, в эпоху династии Мин, военные моряки придумали оружие под названием «Холун Чу Шуй» — «Огненный дракон, взлетающий с воды». Это была многоступенчатая пороховая ракета, схожая по принципу работы с противокорабельными ракетами Общей Эры. К головному снаряду («Холун») привязывали несколько реактивных ускорителей и запускали. Ракета летела невысоко над поверхностью воды. Когда «первая ступень» выгорала, последние крупинки пороха воспламеняли «вторые ступени» — несколько ракет поменьше. Они вылетали из переднего конца ракеты и поражали вражеские корабли.

Оружейники древности также изобрели многозарядный арбалет, предшественник пулемета Общей Эры. Эти механизмы знали и на Западе, и на Востоке. Такие арбалеты китайского произ-

водства[16] находят в захоронениях, датируемых IV веком до Р. Х. и позже.

Для создания обоих типов вооружения мастера прошлого взяли примитивную технологию, немного усовершенствовали — и получили выдающееся для своего времени оружие.

То же можно сказать и о программе «Лестница», задуманной в самом начале Эры Кризиса. Опираясь лишь на доступную в то время примитивную технологию, она сумела разогнать небольшой зонд до одного процента от скорости света — достижение, казавшееся невозможным без технологии, которой еще только предстояло появиться через полтора столетия.

Ко времени программы «Лестница» люди уже запустили несколько космических аппаратов за пределы Солнечной системы и сумели посадить зонды на спутники Нептуна. Уже существовали достаточно надежные носители для размещения ядерных бомб вдоль трассы разгона. Однако управление полетом, в ходе которого зонд должен

[16] Примечания: 16

Чо-ко-ну — китайский многозарядный арбалет. В этом арбалете действия по натяжению тетивы, укладке болта и спуску тетивы производятся одним движением руки. Благодаря устанавливаемым на оружие магазинам с болтами многозарядный арбалет позволяет значительно увеличить темп стрельбы (примерно 10 болтов за 15 секунд) по сравнению с обычным (https://ru.wikipedia.org/wiki/Чо-ко-ну). — *Прим. перев.*

проходить рядом с бомбами, и подрыв каждого заряда в точно рассчитанный момент представили собой серьезнейшие технические проблемы.

Бомбу требовалось взорвать, как только парус пролетит мимо. В момент взрыва расстояние между эпицентром и парусом должно составлять от трех до десяти километров, в зависимости от мощности бомбы. По мере разгона зонда росли требования к точности срабатывания детонаторов. Но даже когда зонд достигнет одного процента от скорости света, погрешность времени подрыва будет все еще исчисляться в наносекундах. Доступная в то время электроника вполне справлялась с такой задачей.

У зонда двигателя не было. Его траектория полностью определялась взаимным расположением взрывающихся бомб. Каждую бомбу снабдили небольшим маневровым двигателем. Парус проходил лишь в нескольких сотнях метров от бомбы. Регулируя эту дистанцию, можно было влиять на угол между парусом и вектором тяги, которая возникала после ядерного взрыва, таким образом корректируя направление полета.

Парус, изготовленный из тончайшей пленки, тянул за собой капсулу с полезной нагрузкой. Весь зонд напоминал огромный парашют, толь-

ко летящий «вверх». Чтобы близкие ядерные взрывы — от трех до десяти километров позади паруса — не повредили капсулу, тросы пришлось сделать очень длинными, около пятисот километров. Капсулу также защищала многослойная термоизоляция. Каждый взрыв испарял тонкий слой изоляции, охлаждая капсулу и понемногу снижая массу зонда.

Тросы, в десять раз тоньше паутинки и невидимые для глаза, были изготовлены из наноматериала «Летающее лезвие». Сто километров нити весили всего восемь грамм. Трос выдерживал излучение ядерных взрывов и рывки паруса при разгоне.

Но, разумеется, «Холун Чу Шуй» значительно уступал двухступенчатой ракете, а многозарядный арбалет не мог соперничать с пулеметом. Точно так же программа «Лестница» не положила начало новому космическому веку. Она оказалась всего лишь отчаянным предприятием, в котором человечество применило весь набор своих примитивных технологий.

Эра Кризиса, годы 1–4-й. Чэн Синь

Групповые пуски ракет «Peacekeeper MX» продолжались уже более получаса. Дымные следы шести запущенных носителей переплетались и в лунном свете казались серебристой дорогой в небо.

Каждые пять минут по этой дороге поднимался очередной огненный клубок. Тени, отбрасываемые деревьями и людьми, кружились, словно секундные стрелки часов. В первой серии пусков задействовали тридцать ракет — им предстояло доставить на земную орбиту триста ядерных боеголовок мощностью от пятисот килотонн до двух с половиной мегатонн.

В это же время в России и Китае взлетали «Тополи» и «Дунфэни». Могло показаться, что началась ядерная война, но по кривизне траектории Чэн Синь видела, что ракеты идут не на соседний континент, а на орбиту. Их боеголовки, способные убить миллиарды людей, никогда больше не вернутся на Землю. Они объединят всю свою мощь, чтобы разогнать перышко до одного процента от скорости света.

В глазах Чэн Синь, наполненных горячими сле-

зами, отражалось яркое пламя поднимающихся к небу ракет. Снова и снова она убеждала себя: как бы ни развивались события, «Лестница» стоит приложенных усилий.

Но стоящих рядом Вадимова и Уэйда развернувшееся перед ними великолепное зрелище, похоже, нисколько не трогало. Вместо того чтобы смотреть в небо, они курили и негромко разговаривали. Чэн Синь не сомневалась в предмете их беседы: кого именно выберут для полета в капсуле зонда.

Недавняя сессия СОП стала первой в истории, на которой голосовали по устно представленному предложению. Чэн Синь довелось увидеть, насколько хорош в риторике обычно немногословный Уэйд. Он аргументировал так: если мы считаем трисоляриан способными оживить замороженное тело, почему они не сумеют вернуть к жизни замороженный мозг и общаться с ним при помощи аппаратуры? Ведь наверняка для цивилизации, которая развернула протон в двух измерениях и выгравировала на его поверхности электронные схемы, это не проблема? В каком-то смысле мозг человека — все равно что весь человек. Здесь хранятся его мысли, его личность, его память. И уж определенно в мозгу заключена

способность к созданию стратагем[17]. Если у нас все получится, этот мозг станет бомбой с часовым механизмом, заложенной в самое сердце врага.

Члены СОП сомневались, что мозг и его носитель — это одно и то же. Но другого выбора не было, особенно учитывая, что их в основном интересовала технология разгона зонда. В результате резолюцию приняли пятью голосами «за». Двое воздержались.

Как только программу «Лестница» одобрили, на первый план вышла проблема выбора агента. Чэн Синь не смела и помыслить о таком человеке. Даже если Трисолярис перехватит зонд и оживит мозг, жизнь после пробуждения — если такое существование можно назвать жизнью — станет бесконечным кошмаром. Каждый раз, когда она задумывалась над этим вопросом, Чэн Синь казалось, будто ее сердце стискивает рука, замороженная до минус двухсот градусов Цельсия.

Других участников проекта чувство вины не беспокоило. Если бы АСР было националь-

---

[17] Примечания: 17

Стратагема — хитроумный план, оригинальный путь к достижению военных, гражданских, политических, экономических или личных целей. В настоящее время стали широко известны 36 древнекитайских военных хитростей, по отношению к которым часто употребляется наименование «стратагема» (https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/141257). — *Прим. перев.*

ным агентством, решение приняли бы давно и без лишнего шума. Но АСР формировалось как сборная из представителей стран-членов СОП. Поэтому, когда о программе «Лестница» сообщили всему миру, выбор агента стал весьма деликатным вопросом.

Суть проблемы заключалась в том, что перед отправкой агента требовалось убить.

Когда схлынула первая волна паники, вызванной Кризисом, политики всего мира единогласно решили: нельзя позволить Кризису стать оружием против демократии. Сотрудники АСР получили от своих стран инструкции: крайне осторожно подходить к выбору кандидатов и не совершать политических ошибок, которые могут оконфузить родину.

И опять Уэйд предложил необычное решение: СОП и ООН должны склонить страны — и чем больше, тем лучше — к принятию закона об эвтаназии. Но даже он сам не был уверен, что его план сработает.

Три из семи постоянных членов СОП вскоре приняли законы об эвтаназии. Но в них четко указывалось, что эвтаназия доступна только неизлечимо больным. Неидеальный вариант для «Лестницы», но ни на что большее общество

пойти не могло.

Агента для программы «Лестница» придется искать среди смертельно больных людей.

* * *

Стих рокот двигателей, угасли последние сполохи пламени. Пуски ракет завершились. Уэйд и наблюдатели СОП сели в машины и уехали. Остались только Вадимов и Чэн Синь.

— Давай посмотрим на твою звезду, — предложил Вадимов.

Четыре дня назад Чэн Синь получила документы на DX3906. Она страшно удивилась, безумно обрадовалась и целый день повторяла про себя: «Мне подарили звезду, мне подарили звезду, мне подарили звезду...»

Зайдя с отчетом к Уэйду, она так сияла от счастья, что шеф поинтересовался, в чем дело. Она показала ему свидетельство.

— Бесполезная бумажка, — прокомментировал он, возвращая документ. — Если ты не дура, немедленно продай за полцены. Иначе останешься ни с чем.

Но цинизм шефа не задел его подчиненную — она и не сомневалась, что реакция будет именно такой. Чэн Синь почти ничего не знала о шефе,

кроме его послужного списка. Сначала он работал на ЦРУ, потом служил помощником секретаря Министерства внутренней безопасности и в конце концов занял пост руководителя АСР. О личной жизни главы АСР Чэн Синь знала лишь, что у него есть мать, а у матери котенок. Другие тоже ничего не знали, даже где он живет. Уэйд был подобен роботу: когда он не работал, то отключался в каком-то тайном чулане.

Чэн Синь не удержалась и похвасталась своей звездой перед Вадимовым. Тот с радостью поздравил ее:

— Тебе все девушки мира будут завидовать — и живые женщины, и мертвые принцессы. Ты, несомненно, первая в истории человечества, кому подарили звезду.

А что еще нужно женщине для полного счастья, кроме звезды в подарок от любящего человека?

— Но кто это может быть? — вполголоса спросила себя Чэн Синь.

— Не так уж трудно догадаться. Для начала: он богат. Он потратил несколько миллионов на символический подарок.

Чэн Синь покачала головой. У нее всегда хватало воздыхателей и ухажеров, но ни у кого из них не было *таких* денег.

— Кроме того, у него тонкая натура. Он не такой, как все, — Вадимов вздохнул. — Надо же, какой романтик! Если бы я прочитал о чем-то подобном в книге или увидел в кино, то сказал бы, что это ни в какие ворота.

Чэн Синь тоже вздохнула. В детстве она часто витала в облаках; над своими прошлыми розовыми мечтами сегодняшняя Чэн Синь только посмеялась бы. Но звезда, упавшая ей в руки из ниоткуда, намного превосходила даже самые смелые романтические грезы.

Она была уверена, что не знакома ни с кем, способным на такой подарок.

Что, если это какой-то тайный поклонник, восхищающийся ею издалека и внезапно решивший потратить ничтожную долю своего безграничного богатства на причуду, которую ей никогда не понять? Пусть даже и так, она все равно ему благодарна.

Той ночью Чэн Синь забралась на крышу Центра международной торговли, сгорая от нетерпения увидеть свою звезду. Она тщательно изучила приложенные к свидетельству звездные карты. Но небо над Нью-Йорком затягивали облака — и в ту ночь, и в другую, и в третью... Облака словно дразнили Чэн Синь, укрывая звезду от ее взора.

Однако она не огорчалась — знала, что никто не сможет отнять у нее этот подарок. DX3906 продолжала светить; возможно, она переживет и Землю, и Солнце. Когда-нибудь Чэн Синь ее увидит...

Стоя ночью на балконе своей квартиры, Чэн Синь глядела в небо и представляла себе свою звезду. Желтые фонари тускло подсвечивали пелену облаков, но ей в этом сиянии чудился розовый оттенок, который, конечно, ему придавал свет ее звезды.

Она уснула и видела, как летит над поверхностью звезды, над нежно-розовым шаром. Вместо обжигающего пламени она ощущала ласковое дуновение весеннего ветерка. А внизу она видела сквозь чистейшие воды океана, как на дне колышутся розовые облака водорослей...

Потом она проснулась и посмеялась над собой. И как только она, инженер аэрокосмической промышленности, могла позабыть, что у DX3906 нет ни одной планеты!

На четвертый день после получения сертификата на звезду Чэн Синь с группой сотрудников АСР вылетела на мыс Канаверал для участия в церемонии запуска первой группы ракет. Для выхода на орбиту МБР нуждались в помощи Земли — вращение планеты добавляло им скорости.

Ракеты забрали с точек базирования и доставили на космодром.

Дымные следы понемногу таяли в безоблачном ночном небе. Чэн Синь и Вадимов склонились над звездной картой. Оба немного разбирались в астрономии; вскоре они уже смотрели в направлении звезды Чэн Синь, но не могли ее обнаружить.

Тогда Вадимов достал два военных бинокля. С их помощью не составило труда увидеть DX3906, а потом найти звезду и без бинокля. Чэн Синь завороженно смотрела на тусклую красную точку, пытаясь осознать разделяющую их гигантскую бездну и перевести единицы расстояния во что-нибудь доступное восприятию человека.

— Если поместить мой мозг в зонд «Лестницы» и послать к этой звезде, ему понадобится тридцать тысяч лет, чтобы добраться до пункта назначения.

Ответа не последовало. Чэн Синь обернулась и увидела, что Вадимов больше не разглядывает вместе с ней звезду, а стоит, прислонившись к автомобилю, и смотрит в никуда. На его лице она заметила беспокойство.

— Что случилось?

Вадимов ответил не сразу:

— Я пренебрегаю своим долгом.

— О чем вы?

— Я самый подходящий кандидат для «Лестницы».

Заявление Вадимова шокировало Чэн Синь, но она тотчас же поняла, что он прав. Ее умудренный многолетним опытом начальник разбирался в космосе, дипломатии и разведке и обладал зрелым, устойчивым характером. Даже если бы АСР расширило список кандидатов и включило в него здоровых людей, Вадимов все равно остался бы лучшим.

— Но вы же здоровы!

— Здоров. Тем не менее я пытаюсь убежать от ответственности.

— На вас давят? — спросила Чэн Синь, думая про Уэйда.

— Нет. Но я знаю, что должен сделать. Я просто тяну время. Три года назад я женился, и моей дочери только что исполнился годик. Я не боюсь умереть, но люблю свою семью. Не хотел бы, чтобы они увидели, как из меня делают консервы. Это хуже смерти.

— Вы не обязаны идти на такое! Ни АСР, ни ваше правительство не приказывали вам и не могут приказать!

— Это так... но я все равно самая подходящая кандидатура. Хочу, чтобы ты знала.

— Михаил, человечество — это не какая-то абстракция. Любовь к человечеству начинается с любви к человеку, с ответственности за тех, кого вы любите. Как можно винить в этом себя!

— Спасибо, Чэн Синь. Ты заслуженно получила свой подарок, — Вадимов поднял глаза и взглянул на звезду. — Я с удовольствием подарил бы такой же моей дочери и жене.

В небе вспыхнула одна яркая точка, потом другая. В их свете на земле выросли тени. Далеко в космосе инженеры испытывали ядерный импульсный двигатель.

* * *

Отбор кандидатов на полет шел полным ходом, но на работе Чэн Синь это почти не отразилось. Ее только попросили убедиться, что люди соответствуют главному требованию — знакомы с основами космонавтики. Поскольку выбирать приходилось только среди неизлечимо больных, найти такого специалиста оказалось практически нереально. АСР принялось искать везде, где только возможно.

Одна из однокурсниц Чэн Синь приехала на-

вестить ее в Нью-Йорк. Разговор зашел о том, как сложилась жизнь у других их приятелей по колледжу, и подруга упомянула Юнь Тяньмина. Через Ху Вэня она знала, что у Тяньмина рак легких в последней стадии и ему осталось недолго. Чэн Синь немедленно отправилась к заместителю шефа Юй Вэймину и предложила Тяньмина в качестве кандидата на полет.

Чэн Синь запомнила этот момент до конца своих дней. Каждый раз возвращаясь к этим воспоминаниям, она признавалась себе, что не слишком задумывалась о Тяньмине как о личности.

Чэн Синь нужно было съездить в Китай по делам. Поскольку она была однокурсницей Тяньмина, Юй Вэймин поручил ей переговорить с бывшим однокурсником от лица АСР. Недолго думая, она согласилась.

* * *

Выслушав рассказ Чэн Синь, Тяньмин медленно присел в кровати. Чэн Синь попросила было его лечь, но Тяньмин объяснил, что хочет ненадолго остаться один.

Когда Чэн Синь вышла и прикрыла за собой дверь, Тяньмин истерически расхохотался.

«Какой же я безмозглый идиот! Думал, что, если от всего сердца подарю ей звезду, она ответит мне взаимностью! Думал, что она пересекла Тихий океан, чтобы спасти меня, залив своими святыми слезами! Что за волшебную сказку я себе сочинил!»

Нет, Чэн Синь приехала, чтобы попросить его умереть.

Тяньмин сделал еще одно умозаключение, от которого захохотал так надсадно, что у него перехватило дыхание. Судя по рассказу Чэн Синь, она не знала, что он уже решился на эвтаназию. Другими словами, если бы он не сделал шаг первым, она бы стала убеждать его пройти процедуру! Возможно, она принялась бы уговаривать его или давить, пока он не согласится.

Слово «эвтаназия» означает «хорошая смерть». Но Чэн Синь не уготовила для него ничего хорошего.

Сестра хотела, чтобы Тяньмин умер, поскольку считала, что нет смысла тратить деньги на лечение. Он понимал ее логику и верил, что сестра искренне желает ему умереть спокойно и безболезненно. А Чэн Синь хотела, чтобы он мучился бесконечно. Космос повергал Тяньмина в ужас. Как и любой другой специалист по аэрокосмиче-

ским технологиям, он отлично знал, насколько безжалостно космическое пространство. Ад находится не на Земле, а в небесах.

Чэн Синь хотела, чтобы его часть — та, в которой заключается его душа, — вечно блуждала в ледяной бесконечной и мрачной бездне.

Из двух альтернатив эта, пожалуй, была бы лучшей.

Ибо в другом случае — если Трисолярис перехватит зонд и завладеет его мозгом, к чему и стремилась Чэн Синь, — вот тогда начнется настоящий кошмар. Инопланетяне, эти нелюди, воткнут в мозг датчики и примутся исследовать его центры чувств. Разумеется, больше всех их заинтересует чувство боли; поэтому он пройдет сквозь муки голода и жажды, его будут стегать кнутом, жечь, душить, бить током... На нем опробуют все средневековые пытки, даже *линчи* — «смерть от тысячи порезов»...

Затем палачи расшифруют его память и определят, каких мучений он боится больше всего. Они узнают о пытке, о которой он однажды читал в книге по истории: сначала жертву бьют кнутом, пока не сдерут всю кожу; потом тело плотно обертывают повязками; а когда кровотечение прекратится, повязки разом срывают, обнажая

все раны... Тогда чужаки пошлют в мозг сигналы, имитирующие такую пытку. В книге жертва быстро погибала, но мозг Тяньмина не умрет. В самом крайнем случае мозг отключится из-за шока. С точки зрения трисоляриан его «компьютер» просто остановится — и они перезапустят его, чтобы провести какой-нибудь другой эксперимент — из любопытства или просто ради развлечения...

Побег невозможен. Без рук и тела он не сможет даже убить себя. Его мозг станет аккумуляторной батареей, раз за разом заряжаемой новой порцией боли.

И этим мукам не будет конца.

Он снова разразился хохотом.

Приоткрылась дверь, и в комнату заглянула Чэн Синь:

— Тяньмин, с тобой все в порядке?

Тяньмин задушил смех и застыл, словно мертвец.

— Тяньмин, от лица ООН, СОП и Агентства стратегической разведки я спрашиваю тебя, согласен ли ты как член человеческой расы возложить на себя ответственность и согласиться на это задание? Тебя никто не принуждает. Если не хочешь, откажись.

Он глядел на лицо Чэн Синь, торжественное и одновременно исполненное энтузиазма. Она сражается за человечество, за Землю... Но что это?! Что происходит вокруг? Свет заходящего солнца, льющийся сквозь окно, растекся по стене лужей крови... Ветви одинокого дуба за окном превратились в тощие руки, поднимающиеся из могилы...

Намек на улыбку — вымученную, бесконечно печальную улыбку — изогнул кончики рта Тяньмина. Понемногу улыбка расползлась по всему лицу.

— Разумеется, я согласен, — ответил он.

Эра Кризиса, годы 5–7-й. Программа «Лестница»

Погиб Михаил Вадимов. Он ехал по мосту Александра Гамильтона через реку Гарлем по шоссе I-95. Его машина проломила ограждение и упала в воду. Достать ее удалось только спустя сутки. Вскрытие показало, что Вадимов страдал лейкемией; авария произошла из-за кровоизлияния в сетчатку.

Чэн Синь искренне оплакивала Вадимова — он заботился о ней, словно старший брат, и помогал привыкнуть к жизни в чужой стране. Больше всего ей не хватало его великодушия. Несмотря на то, что Чэн Синь привлекала внимание своим интеллектом и во многом затмевала Вадимова (считаясь при этом всего лишь его помощником), он никогда ей не завидовал, а наоборот, поощрял демонстрировать свои таланты более открыто и для более широких кругов публики.

Гибель Вадимова разделила АСР на два лагеря. Большинство технических сотрудников, таких как Чэн Синь, сожалели о смерти своего руководителя. Но разведчики-профессионалы прежде

всего сокрушались, что тело Вадимова не успели своевременно извлечь и его мозг пропал без пользы.

Постепенно у Чэн Синь зародились подозрения. Больно уж много совпадений в этой истории. Сперва ее даже передернуло от такой мысли — слишком страшно и слишком подло все выглядело.

Она проконсультировалась у специалистов и узнала, что лейкемию можно вызвать искусственно. Для этого достаточно поместить источник радиации недалеко от жертвы. Но подобрать дозу облучения не так-то просто: при слишком низкой человек не успеет заболеть в нужное время, при передозировке — умрет от лучевой болезни, а мозг получит необратимые повреждения. Вадимов, судя по стадии заболевания, страдал лейкемией уже давно — следовательно, заговор против него должен был начаться приблизительно в то же время, когда СОП настаивал на принятии законов об эвтаназии по всему миру. Если Вадимова и в самом деле убили, то это сделал очень опытный киллер.

Чэн Синь тайком проверила кабинет Вадимова и его квартиру счетчиком Гейгера, но ничего подозрительного не обнаружила. Под подушкой она

нашла семейную фотографию — жена Вадимова, балерина, на одиннадцать лет моложе мужа, и его дочка... Чэн Синь утерла слезы с глаз.

Как-то Вадимов обмолвился, что из суеверия не держит фотографии семьи на столе или тумбочке. Ему казалось, что это навлечет на родных беду. Он прятал снимки и доставал, только когда хотел на них посмотреть.

Каждый раз, думая о Вадимове, Чэн Синь вспоминала Юнь Тяньмина. Тот жил вместе с шестью другими кандидатами на секретной базе недалеко от штаб-квартиры АСР. Там они проходили тестирование, по результатам которого из всей группы выберут одного.

После недавней встречи с Тяньмином в Китае на сердце у Чэн Синь становилось тяжелее и тяжелее, а потом и вовсе навалилась депрессия. Она вспомнила их самую первую встречу. В колледже начался первый семестр, студенты по очереди вставали и представлялись. Тяньмин сидел один, в углу. Чэн Синь сразу же поняла, насколько он уязвим и одинок. Ей и раньше попадались подобные одинокие и всеми забытые парни, но никто из них не вызывал в ней такого чувства, как этот: ей казалось, будто она видит все тайны в глубине его души.

Чэн Синь нравились уверенные в себе, оптимистично настроенные ребята. От них словно исходил теплый солнечный свет, которым они согревали себя и своих девушек. Тяньмин был полной их противоположностью, но ей хотелось заботиться о нем. Когда они беседовали, Чэн Синь вела себя осторожно, опасаясь случайно причинить ему боль. Ни с кем другим она не была так деликатна.

Когда ее подруга приехала в Нью-Йорк и речь зашла о Тяньмине, случилось неожиданное: несмотря на то, что Чэн Синь задвинула его образ в далекий уголок своей памяти, как только она вспомнила о Тяньмине, он отчетливо предстал перед ее глазами.

Однажды ночью Чэн Синь приснился очередной кошмар. Она опять летела над своей звездой, но розовые океаны водорослей почернели. Потом звезда провалилась внутрь себя и стала черной дырой. Вокруг нее кружил крохотный огонек, навсегда попавший в плен гравитации. Это был замороженный мозг.

Чэн Синь проснулась и увидела на занавесках свет фонарей Нью-Йорка. Она поняла, что натворила.

С одной стороны, Чэн Синь всего лишь пере-

дала Тяньмину предложение АСР участвовать в программе. Он мог и отказаться. Чэн Синь рекомендовала его потому, что хотела защитить Землю и все человечество, а его дни и так сочтены. Появись она в госпитале секундой позже, Тяньмин был бы уже мертв. Она, можно сказать, спасла его!

Чэн Синь не совершила ничего постыдного, ничего такого, о чем стоило бы сожалеть.

Но она понимала, что именно так продают мать в бордель.

Чэн Синь задумалась о гибернации. Технологию усовершенствовали до того, что некоторые пациенты — в основном неизлечимо больные, надеющиеся на исцеление в будущем, — уже легли в долгосрочный «холодный сон». Тяньмин мог воспользоваться таким шансом. Вряд ли он владел достаточной суммой, учитывая его невысокий социальный статус, но Чэн Синь помогла бы. А вместо этого она отняла у него последний шанс.

На следующий день Чэн Синь пошла к Уэйду.

Как обычно, тот сидел за столом и разглядывал свою дымящуюся сигару. Она редко заставала его занятым обычными делами администратора: говорящим по телефону, читающим документы,

ходящим на заседания... Она даже не понимала, когда Уэйд всем этим занимается — если занимается вообще. Он всегда сидел за столом и размышлял. Напряженно размышлял.

Чэн Синь объяснила, что, по ее мнению, кандидат № 5 не годится. Она хочет отозвать свою рекомендацию и просит впредь не рассматривать этого человека.

— Почему? По результатам тестирования он самый подходящий.

Слова Уэйда ошеломили Чэн Синь. У нее упало сердце. В одном из предварительных испытаний кандидата подвергали анестезии: он не чувствовал тела, но оставался в сознании. Предполагалось, что лишенный тела мозг будет испытывать подобные ощущения. Затем психологи оценивали, как хорошо кандидат приспособится к жизни среди инопланетян. Разумеется, разработчики теста не знали, какими окажутся условия на трисолярианском корабле, и придумывали их сами. Это было весьма суровое испытание.

— Но он даже не учился в магистратуре! — возразила Чэн Синь.

— У тебя, конечно, дипломов побольше, — заметил Уэйд. — Но если бы мы отправили твой мозг, то, вне всякого сомнения, он оказался бы

одним из худших.

— Он же отшельник! Другого такого нелюдима я в жизни не встречала. Он не сможет приспособиться!

— В этом и заключается главное достоинство кандидата № 5! Ты говоришь о человеческом обществе. Те, кто чувствует себя среди людей как рыба в воде, зависят от общества. Оторви такого от человечества, помести в чуждое окружение, и он свихнется. Отличный пример — ты сама.

Чэн Синь была вынуждена признать, что Уэйд прав. Она, скорее всего, заработала бы нервный срыв уже при тестировании.

Она точно знала, что не сможет уговорить шефа АСР отказаться от кандидата для «Лестницы». Но Чэн Синь и не думала отступать. Она собралась с духом. Она скажет все, что требуется для спасения Тяньмина.

— За всю жизнь он ни к чему не стремился. У него нет чувства ответственности перед человечеством, он не знает, что такое любовь! — произнесла Чэн Синь и тотчас же усомнилась в своих словах.

— Кое-что на Земле он все-таки ценит.

Уэйд не отрывал взгляда от сигары, но Чэн Синь чувствовала, что его внимание понемногу

переходит на нее, неся в себе жар огня. К ее облегчению, Уэйд заговорил о другом.

— У кандидата № 5 есть еще одно достоинство — его изобретательность. Вполне компенсирует недостаток знаний. Ты знала, что один из твоих сокурсников воспользовался его идеей и стал миллиардером?

Чэн Синь и в самом деле читала об этом в досье Тяньмина — значит, с одним настоящим богачом она все-таки знакома. Но она ни секунды не верила, что звезду ей подарил Ху Вэнь. Это просто смешно! Если бы она ему нравилась, он купил бы ей дорогой автомобиль или бриллиантовое ожерелье, а не звезду.

— А я-то волновался, что никто из кандидатов даже близко не годится. Уж и не знал, что делать. Но ты убедила меня в достоинствах кандидата № 5. Благодарю!

Уэйд наконец поднял глаза на Чэн Синь. На его лице расцвела холодная хищная улыбка. Как всегда, он наслаждался ее отчаянием и болью.

* * *

Тем не менее Чэн Синь не теряла надежды.

Она пришла на церемонию Присяги на верность человечеству, организованную для канди-

датов программы «Лестница». В Договор о космосе после Кризиса внесли несколько поправок. В одной из них говорилось, что любой человек, покидающий Солнечную систему для ведения бизнеса, или с целью эмиграции, или для научных исследований, или по любой другой причине и воспользовавшийся для своего путешествия общепланетными ресурсами, обязан поклясться в верности человеческой расе. Тогда думали, что эта поправка не пригодится еще много лет.

Церемонию назначили в зале Генеральной ассамблеи ООН. В отличие от сессии, на которой провозгласили начало проекта «Отвернувшиеся», посторонних в зал не пустили. Кроме семерых кандидатов, присутствовали только Генеральный секретарь Сэй, действующий председатель СОП и небольшая группа наблюдателей, в их числе Чэн Синь и другие сотрудники АСР; они сидели в первых двух рядах.

Церемония не заняла много времени. Кандидаты по очереди возлагали руку на флаг ООН, который держала Сэй, и произносили слова присяги: «навсегда оставаться верными человеческой расе, никогда не совершать действий, которые могут причинить вред человечеству».

Перед Тяньмином стояли четверо: два аме-

риканца, один русский и один англичанин. Замыкали очередь американка и китаец. Кандидаты выглядели плохо, двое сидели в инвалидных креслах. Но все горели энтузиазмом. Так старые масляные лампы ярко вспыхивают в последний раз, прежде чем угаснуть навсегда.

Чэн Синь смотрела на Тяньмина. С их последней встречи он исхудал и побледнел, но оставался совершенно спокойным. Он не глядел в ее сторону.

Присяга первых четырех кандидатов прошла как по маслу. Один из американцев, пятидесятилетний физик, страдавший раком поджелудочной железы, встал с инвалидного кресла и самостоятельно проковылял на сцену. Голоса кандидатов, слабые, но полные искренней преданности, отзывались эхом в пустом зале. Единственную заминку вызвала просьба англичанина поклясться на Библии. Просьбу удовлетворили.

Пришел черед Тяньмина. Чэн Синь не верила в Бога, но в эту секунду ей больше всего хотелось схватить Библию и начать молиться: «Тяньмин, пожалуйста, принеси присягу! Я знаю, что на тебя можно положиться. Ты будешь верен расе людей. Говорил же Уэйд, что на Земле есть что-то такое, с чем тебе тяжело расстаться...»

Девушка пристально следила, как Тяньмин поднимается на сцену и подходит к Генеральному секретарю. В этот момент Чэн Синь зажмурилась.

Она не услышала от Тяньмина слов присяги.

Тяньмин взял голубой флаг ООН из рук Сэй и возложил его на стоящую рядом трибуну.

— Я не стану принимать присягу. В этом мире я чужак. Мне не довелось ощутить здесь ни радости, ни счастья. Меня никто не любил. Конечно, я и сам в этом виноват...

Тяньмин говорил спокойно, будто вспоминая свою жизнь. Чэн Синь, сидящую в партере, охватила дрожь. Ей казалось, что настал Судный день.

— ...но я не приму присягу. Я не обещаю оставаться верным человечеству.

— Зачем же вы тогда согласились на участие в программе «Лестница»? — негромко спросила Сэй и мягко взглянула на Тяньмина.

— Я хочу увидеть другой мир. Насчет верности человеческой расе — это зависит от того, с какой цивилизацией я встречусь на корабле Трисоляриса.

Сэй кивнула:

— Присягу принимают добровольно. Вы сво-

бодны. Следующий, пожалуйста.

Чэн Синь трясло, словно она провалилась в ледяной погреб. Она прикусила губу и заставила себя не разрыдаться.

Тяньмин прошел последнее испытание.

Уэйд сидел в первом ряду. Он обернулся и посмотрел на Чэн Синь. Чем больше она страдала, тем б`ольшую радость испытывал ее босс. Казалось, его глаза говорят:

«Теперь ты видишь, как он хорош!»

«Но... что, если он говорит правду?»

«Если даже *мы* ему поверили, враг поверит наверняка».

Уэйд повернулся к сцене, но потом, словно вспомнив что-то важное, снова бросил взгляд на Чэн Синь:

«До чего же увлекательная игра, не так ли?»

Неожиданный отказ Тяньмина изменил настроение в зале. Последний кандидат, сорокатрехлетняя женщина, инженер НАСА по имени Джойнер, страдавшая ВИЧ, тоже отказалась от присяги. Она пояснила, что не хотела приходить, но пришла, иначе родственники прокляли бы ее и оставили бы умирать в одиночестве. Никто не знал, говорит ли она правду или ее вдохновил пример Тяньмина.

Ночью состояние Джойнер резко ухудшилось. Инфекция перешла в воспаление легких, у нее остановилось дыхание, и на рассвете она умерла. Медперсонал не смог вовремя извлечь мозг для замораживания.

Выполнение миссии было возложено на Тяньмина.

* * *

И наконец момент настал. Чэн Синь сообщили, что состояние Тяньмина резко ухудшилось. Требуется немедленно извлечь мозг. Процедуру проведут в Вестчестерском медицинском центре.

Чэн Синь замялась перед зданием госпиталя. Она и внутрь войти боялась, и уйти не могла; оставалось стоять и мучиться. Уэйд, приехавший вместе с ней, направился ко входу. У дверей он оглянулся и насладился ее болью. Удовлетворенный увиденным, он нанес последний удар:

— Ах да, у меня для тебя еще один сюрприз. Это ведь он подарил тебе звезду!

Чэн Синь окаменела. Теперь все встало на свои места. До сих пор она видела лишь тени, и только сейчас явились истинные краски жизни. Ее захлестнула волна эмоций, и она пошатнулась,

словно кто-то выбил почву у нее из-под ног.

Она ворвалась в госпиталь и бежала по длинным, извивающимся коридорам, пока перед дверьми отделения нейрохирургии ее не перехватили два охранника. Чэн Синь пыталась высвободиться, но они держали крепко. Она выудила удостоверение, махнула им перед парнями и побежала дальше, к операционной. Толпа снаружи в удивлении расступилась. Чэн Синь влетела в двери, над которыми горел красный огонек.

Она опоздала.

К ней обернулись несколько мужчин и женщин в белых халатах. Тело уже вывезли из операционной. На столе в середине комнаты стоял цилиндрический контейнер из нержавеющей стали, высотой около метра. Его только что закупорили; белый туман, в который превратились остатки жидкого гелия, еще не успел развеяться. Туман неспешно струился по стенкам цилиндра, лился по столу и срывался с края миниатюрным водопадом. Собравшаяся на полу лужица постепенно таяла. Окутанный морозным паром контейнер выглядел порождением инопланетного разума.

Чэн Синь бросилась к столу. Туман заклубился

от движения, и она почувствовала, как ее охватил холод, который тут же рассеялся. Она нашла то, что так долго искала, коснулась на мгновение — и тут же потеряла навсегда в безбрежности космоса и бесконечности времени.

Опустошенная, Чэн Синь расплакалась перед контейнером. Ее грусть растеклась по операционной, переполнила здание госпиталя и затопила весь Нью-Йорк. Над ней собралось целое озеро печали, а потом оно разрослось до океана. Чэн Синь чувствовала, что тонет.

Неизвестно, сколько прошло времени. Затем она ощутила на плече чью-то руку. Быть может, эта рука лежит здесь уже давно; быть может, кто-то уже давно с ней разговаривает...

— Не отчаивайся, — ласково и неспешно произнес пожилой человек, — надежда есть.

Чэн Синь задыхалась, содрогаясь от рыданий. Но следующие слова привлекли ее внимание:

— Подумай сама! Если они смогут оживить этот мозг, какая оболочка будет для него идеальной?

Голос не разменивался на бесполезные утешения, он говорил о конкретных вещах.

Чэн Синь подняла голову и сквозь стоящие в глазах слезы рассмотрела пожилого седого мужчину. Это был лучший нейрохирург мира,

профессор Гарвардской школы медицины. Именно он руководил операцией.

— Такой оболочкой окажется тело, в котором мозг находился изначально! В любой клетке мозга содержится вся генетическая информация, необходимая для воссоздания целого организма. Они наверняка клонируют тело и пересадят мозг. Тогда Тяньмин вернется к полноценной жизни.

Чэн Синь неотрывно глядела на стальной цилиндр. По ее лицу текли слезы, но она не стыдилась их. Затем девушка опомнилась и ошеломила присутствующих:

— А что он там будет есть?

Она выбежала из комнаты так же стремительно, как и вбегала.

* * *

На следующий день Чэн Синь, бледная как смерть, вошла в кабинет Уэйда и передала ему небольшой конверт:

— Эти семена необходимо положить в капсулу зонда.

Уэйд открыл конверт и вытряхнул на стол дюжину маленьких пакетиков. Он с интересом перебирал их:

— Пшеница, кукуруза, картофель... а это... ово-

щи, если не ошибаюсь? А вот это красный перец?

— Он его очень любит, — кивнула Чэн Синь.

Уэйд собрал пакетики обратно в конверт и оттолкнул от себя:

— Нет.

— Почему? Они же весят всего восемнадцать грамм!

— Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы избавиться даже от одной десятой грамма лишней массы.

— Ну так сделайте вид, что его мозг весит на восемнадцать грамм больше!

— Но он ведь не весит больше, разве нет? Из-за этих граммов капсула полетит медленнее и встретит флот Трисоляриса на много лет позже. — На лице Уэйда вновь появилась холодная усмешка. — И вообще, он же теперь только мозг — у него нет ни рта, ни желудка. Зачем ему еда? Не верь басням о клонировании. Трисолярианеи просто сунут его в приличный инкубатор, чтобы он не умер.

Чэн Синь захотелось вырвать сигару из руки Уэйда и затушить об его физиономию. Но она сдержалась.

— Тогда я пойду к вашему начальству.

— И ничего не добьешься. Тогда что?

— Я уволюсь!

— Не отпущу. Ты все еще нужна агентству.

Чэн Синь горько рассмеялась:

— Вы не можете меня остановить. Вы мне даже не начальник!

— Ты ничего не сделаешь без моего позволения.

Чэн Синь развернулась и направилась к двери.

— «Лестнице» требуется послать в будущее кого-нибудь, знакомого с Тяньмином.

Чэн Синь остановилась.

— Однако этот человек должен работать на АСР и находиться под моим руководством. Тебя это интересует? Или все же подашь заявление об уходе?

Чэн Синь снова зашагала к двери, но на этот раз не так решительно. Наконец, она опять остановилась. Голос Уэйда зазвучал снова:

— Подумай хорошенько!

— Я согласна отправиться в будущее, — проговорила Чэн Синь, опираясь на дверной косяк. Она так и не обернулась.

* * *

Чэн Синь довелось увидеть зонд «Лестницы» лишь однажды, когда на орбите раскрылся его

парус. Гигантское полотнище площадью двадцать пять квадратных километров ненадолго засияло под лучами солнца. Тогда Чэн Синь находилась в Шанхае. На угольно-черном небе возникла красно-оранжевая точка и понемногу начала тускнеть. Через пять минут она полностью исчезла, будто возникший из ниоткуда глаз, бросивший взгляд на Землю и лениво опустивший веко. Вывод зонда за пределы Солнечной системы не был доступен для наблюдения невооруженным глазом.

Чэн Синь утешало, что вместе с Тяньмином в капсуле летели семена — хоть и не те, что принесла она, а другие, тщательно отобранные отделом космического растениеводства.

Огромный парус весил 9,3 килограмма. От него к капсуле тянулись четыре троса длиной по пятьсот километров. Капсулу диаметром всего лишь сорок пять сантиметров покрывал слой термоизоляции; она весила 850 грамм. Когда разгон завершится, масса капсулы снизится до 510 грамм.

Трасса разгона протянулась от Земли до орбиты Юпитера. Вдоль нее разместили 1004 бомбы; две трети из них ядерные, остальные термоядерные. Они висели в пространстве, будто мины, под-

рываемые пролетающим мимо зондом. Вместе с бомбами в космос вывели многочисленные датчики, чтобы следить за скоростью и курсом зонда и корректировать местонахождение оставшихся зарядов. Взрывающиеся одна за другой, словно удары пульса, бомбы залили космос ослепительным светом, и в радиационном урагане «перышко» неслось все быстрее и быстрее. Вблизи орбиты Юпитера после детонации заряда № 997 датчики доложили, что зонд достиг скорости в один процент от световой.

Тогда-то и произошла авария. По анализу спектра излучения, отражаемого парусом, определили, что парус начал сворачиваться — по всей видимости, оборвался один из тросов. Но скорректировать взрыв бомбы № 998 не успели, и зонд отклонился от курса. Парус продолжал сворачиваться и вскоре исчез с экранов радиолокаторов. Без точных сведений о курсе зонда обнаружить его не удастся уже никогда.

Шло время, зонд все дальше и дальше отклонялся от запланированной траектории. Его шансы на встречу с флотом Трисоляриса падали. По ориентировочным оценкам, через шесть тысяч лет зонд пройдет мимо другой звезды, а через пять миллионов лет покинет пределы Млечного

Пути.

По крайней мере наполовину свою задачу программа «Лестница» выполнила. Впервые в истории человечества рукотворный объект разогнали до почти релятивистской скорости.

Реальная необходимость в отправке Чэн Синь в будущее отпала, но АСР тем не менее попросило ее лечь в гибернацию. Теперь ей дали другое задание: стать представителем программы «Лестница» в мире будущего. Если по прошествии двух веков проект сочтут полезным для развития космических технологий, то кому-то, хорошо знакомому с «Лестницей», необходимо присутствовать в той эпохе, чтобы оживить мертвые цифры и перевести язык мертвых документов. Не исключено, конечно, что подлинной причиной стало тщеславие — люди хотели, чтобы о «Лестнице» не забыли в будущем. Авторы других крупномасштабных проектов тех времен поступали таким же образом.

Если будущее решит судить наши действия, то, по крайней мере, мы можем отправить человека, который поможет преодолеть накопившееся за века непонимание.

Когда сознание Чэн Синь начало гаснуть в объятиях холода, она уцепилась за лучик утешения:

как и Тяньмину, ей суждено столетиями падать в бесконечную пропасть.

Часть II

Эра Устрашения, год 12-й. «Бронзовый век»

«Бронзовый век» приблизился к Земле и начал снижать скорость. Не занятые на вахте члены экипажа отправлялись на корму и сквозь широкие иллюминаторы разглядывали уже видимую невооруженным глазом планету.

На этом расстоянии Земля по-прежнему казалась лишь звездочкой, но в ее сиянии уже проглядывала синева. На заключительном этапе торможения включили главный двигатель; плававшие в невесомости люди стали медленно, словно осенние листья, дрейфовать в сторону иллюминаторов, пока не уперлись в стекло. Искусственная гравитация, порожденная торможением, нарастала и наконец достигла 1g. Стена с иллюминаторами превратилась в пол, и распластавшиеся на ней люди приняли тяжесть веса как объятия ждущей впереди матери-Земли. Зазвучали радостные голоса:

— Мы дома!

— Даже не верится!

— Я увижу своих детей!

— Мы сможем завести детей!

Законы ушедшего из Солнечной системы «Бронзового века» позволяли родить ребенка только в случае чьей-то смерти.

— Она сказала, что будет меня ждать!

— А зачем она тебе? Ты теперь герой человечества, за тобой будут гоняться стаи прекрасных девушек!

— Стаи? Ох, я столько лет не видел птичьих стай!

— Вам не кажется, что все, случившееся с нами, просто сон?

— Мне все это снится прямо сейчас!

— От этого космоса у меня душа уходит в пятки!

— И у меня. Как только приземлимся, сразу уволюсь. Куплю ферму и до конца дней пяток от земли не оторву.

* * *

Со дня уничтожения объединенного флота Земли прошло четырнадцать лет. Те, кто выжил в том бою и в последующих битвах Тьмы, оборвали связь с родной планетой. «Бронзовый век», однако, еще полтора года принимал радиосигналы с Земли, в основном от наземных систем связи, но

попадались и передачи для абонентов в космосе.

А затем, в начале ноября 208 года эры Кризиса, радиопередачи прекратились. На всех частотах воцарилась тишина, словно Землю, как лампочку, внезапно погасили.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Никтохилофобия[18]

Как только человечество узнало, что Вселенная — это темный лес, по которому крадутся безжалостные убийцы, беззаботное дитя, когда-то разжегшее яркий костер и кричавшее «Я здесь!», потушило огонь и притаилось, дрожа, в потемках. Его ужасала любая искорка.

В первые дни запретили даже мобильные телефоны; по всей планете принудительно отключали антенны. Раньше такое вызвало бы уличные беспорядки, теперь же встретило широкую поддержку населения.

Постепенно к людям вернулся здравый смысл, и мобильная связь была восстановлена. Однако по новым, более строгим законам все радиоканалы были обязаны работать на минимальной мощности передатчика. Нарушители рисковали попасть под суд за преступление против человечества.

Большинство людей отчетливо понимали, что

---

[18] Примечания: 18
Никтохилофобия — боязнь «темного леса». — *Прим. перев.*

эти меры чрезмерны и бесполезны. Излучение радиосигналов в космос достигло максимума в эру аналоговых технологий и мощнейших передатчиков теле- и радиовещания. Когда же превалирующими стали цифровые технологии, основные потоки информации потекли по электрическим и оптическим кабелям. Цифровая радиосвязь требовала значительно меньшей мощности сигнала, чем аналоговая. Планета почти ничего не излучала в космос. До Кризиса некоторые ученые даже опасались, что дружественные инопланетяне не смогут обнаружить Землю.

Более того, электромагнитное излучение — один из самых неэффективных методов связи во Вселенной. На космических расстояниях радиоволны быстро рассеиваются и ослабевают. Большинство земных радиосигналов можно обнаружить только на расстоянии до двух световых лет. Наблюдатели в других звездных системах услышат лишь сообщения наподобие передачи Е Вэньцзе, когда антенной послужило Солнце.

С развитием науки и техники человечество узнало о двух намного более эффективных методах связи: с помощью нейтрино и гравитационных волн. Грависвязь легла в основу системы

устрашения, развернутой человечеством против Трисоляриса.

Теория «темного леса» значительно изменила человеческую цивилизацию. Некогда полный оптимизма ребенок, а теперь отгородившийся от Вселенной одиночка сидел у погашенного костра и вздрагивал от любого шороха.

Эра Устрашения, год 12-й. «Бронзовый век»

Большинство членов экипажа «Бронзового века» расценило прекращение радиосигналов с Земли как признак полного захвата Солнечной системы Трисолярисом. «Бронзовый век» включил двигатели и направился к звезде с планетами земного типа, находившейся на удалении в двадцать шесть световых лет.

Но через десять дней радиоприемники корабля получили сообщение из штаба флота. Его послали одновременно «Бронзовому веку» и «Синему космосу», который находился на другой стороне Солнечной системы. Радиограмма в немногих словах объясняла, чт`о случилось на Земле, и извещала о создании системы устрашения для защиты от нападения Трисоляриса. Обоим кораблям предписывалось немедленно вернуться на Землю. Поскольку Земля сильно рискует, посылая это сообщение, повторять его не будут.

Поначалу на «Бронзовом веке» не поверили радиограмме: что, если это западня, расставленная захватчиками? Корабль прекратил разгон и

запросил подтверждения с Земли. Но ответ так и не пришел — планета хранила радиомолчание.

«Бронзовый век» уже готовился вновь лечь на курс прочь от Солнечной системы, когда случилось невероятное: на корабле возник софон, развернулся в нижних измерениях и предоставил экипажу квантовый канал связи с Землей. Наконец люди получили подтверждение происшедшему.

Команда корабля узнала, что их, последних выживших в катастрофе объединенного флота, провозгласили героями человечества. Весь мир, затаив дыхание, дожидается возвращения экипажей. Командование наградило их орденами и медалями.

«Бронзовый век» направился к Земле. В этот момент он находился в открытом космосе, на расстоянии 2300 а. е. от Земли, далеко за пределами пояса Койпера, но еще не в облаке Оорта. Поскольку корабль летел почти на предельной скорости, после разворота термоядерного топлива почти не осталось. Возвращаться пришлось на малой тяге, и на это ушло одиннадцать лет.

Когда «Бронзовый век» приблизился к Земле, перед ним возникла и стала быстро расти маленькая белая точка. Это была «Гравитация»,

высланный навстречу военный корабль, которому поручили приветствовать «Бронзовый век».

«Гравитация» стала первым кораблем звездного класса, построенным после битвы Судного дня. В эру Устрашения космические корабли больше не собирали по жестким типовым схемам. Вместо этого крупные корабли состояли из многочисленных модулей, образовывавших различные конфигурации. «Гравитация» была исключением. При виде ее белого цилиндрического корпуса казалось, что это безупречная фигура, созданная компьютерной программой, что это не материальный объект, а платонов философский идеал.

Если бы экипаж «Бронзового века» видел на Земле гравитационные антенны, он бы сразу узнал в «Гравитации» одну из них. Действительно, корпус корабля представлял собой одну большую антенну гравитационно-волновой связи. Так же как и наземные антенны, корабль мог в любую минуту передать сообщение в самые отдаленные уголки Вселенной. Антенны грависвязи как наземного, так и космического базирования были составной частью системы устрашения Трисоляриса.

Через день неспешного полета «Бронзовый век» под эскортом «Гравитации» занял позицию

на геостационарной орбите и медленно подошел к причалу орбитального космопорта. Члены экипажа увидели, что все свободное пространство жилого сегмента заполнено толпами людей, как при открытии Олимпийских игр или во время хаджа в Мекке. Боевой корабль проплыл сквозь море разноцветных букетов. Экипаж припал к иллюминаторам, высматривая родных. Раздавались крики радости, многие прослезились.

С легким толчком «Бронзовый век» замер у причала. Капитан доложил командованию флота о прибытии и сообщил, что намеревается оставить на корабле минимальную команду. Начальство ответило, что сейчас самое главное — воссоединить семьи и никого оставлять на борту не требуется. На «Бронзовый век» поднялся полковник с небольшой группой военнослужащих. Со слезами на глазах все обнялись.

К какому из трех флотов относятся гости, определить по знакам различия не удалось. Но они объяснили, что у Солнечной системы теперь единый флот и что участники битвы Судного дня, включая всех на борту «Бронзового века», получат в нем ответственные должности.

— Наше поколение завоюет Трисолярис, и он станет второй звездной системой, в которой по-

селится человек! — заявил полковник.

Кто-то признался, что страшится космоса и предпочел бы остаться на Земле. Полковник заверил, что с этим проблем не будет и что герои космоса могут сами решать, чем им заниматься. Но после небольшого отдыха они могут передумать. Лично ему хотелось бы снова увидеть этот прославленный корабль на поле боя.

Экипаж «Бронзового века» начал покидать корабль. Пройдя по длинному коридору, они вышли в жилую зону. Перед ними расстилалось открытое пространство. Воздух здесь казался чистым и свежим, будто после дождя, — даже не сравнить с атмосферой корабля. На заднем плане вращался голубой шар Земли. Над площадью понеслись радостные крики встречающих.

По просьбе полковника капитан «Бронзового века» провел перекличку. После этого полковник настоял, чтобы перекличку произвели повторно — он хотел убедиться, что все члены экипажа сошли с корабля и стоят на площади.

Затем воцарилась тишина.

Окружающие их радостные толпы продолжали танцевать и размахивать руками, вот только... от них не доносилось ни звука. Экипаж «Бронзового века» слышал только голос полковника. Его лицо

продолжало приветливо улыбаться, но голос в зловещей тишине резал, как острый нож.

— Настоящим сообщается, что вы уволены без вознаграждения за выслугу лет. Но то пятно, которым вы замарали флот, никогда не стереть! Вы никогда не увидите своих родных — они не желают вас видеть. Вас стыдятся родители; ваши мужья и жены давно развелись с вами. Мы не виним ваших детей, но они больше десяти лет жили под тенью вашего бесчестья. Они ненавидят вас! А теперь предаю вас в руки правосудия Конгресса Флотов.

Полковник и его люди ушли. В тот же миг радостные толпы встречающих замерцали и сменились темнотой. В лучах немногих прожекторов проявились вооруженные до зубов военные полицейские, взявшие в кольцо команду «Бронзового века». Полицейские стояли на платформах вокруг площади и целились в членов экипажа.

Кое-кто из прибывших обернулся и увидел, что плавающие вокруг «Бронзового века» букеты не голографические фантомы, а настоящие цветы. Но теперь казалось, что военный корабль стал гробом, который вот-вот опустят в могилу.

Отключилось питание электромагнитных ботинок экипажа, и люди всплыли над полом,

словно беспомощные мишени на стрельбище.

Откуда-то зазвучал бесчувственный голос:

— Всем вооруженным членам экипажа немедленно сдать оружие. Если вы не подчинитесь, мы не гарантируем вашей безопасности. Вы взяты под арест за предумышленное убийство и преступления против человечества.

Эра Устрашения, год 13-й. Суд

Дело «Бронзового века» разбирали в военном суде Флота Солнечной системы. Конгресс Флотов базировался большей частью между орбитами Марса и Юпитера, но в связи с напряженным интересом со стороны Земного Конгресса суд назначили на базе флота, расположенной на геосинхронной орбите.

Для удобства многочисленных наблюдателей с Земли базе придали вращение, создавая искусственную гравитацию. В широких иллюминаторах зала суда поочередно появлялись то голубая Земля, то яркое Солнце, то серебристые звезды, словно сам космос предлагал различные точки зрения, водя хороводы света и тени в зале суда. Судебный процесс шел целый месяц. Вот несколько выдержек из протоколов заседаний.

Нил Скотт, пол мужской, возраст 45 лет, капитан первого ранга, командир корабля «Бронзовый век»

СУДЬЯ: Давайте вернемся к событиям, результатом которых стало решение ата-

ковать «Квант».

СКОТТ: Я хочу повторить: решение об атаке принял я, и я же отдал приказ. Я не обсуждал его заранее ни с кем из офицеров «Бронзового века».

СУДЬЯ: Вы продолжаете брать всю ответственность на себя. Однако это не самая лучшая стратегия — ни для вас, ни для тех, кого вы покрываете.

ОБВИНЕНИЕ: У нас есть доказательства, что перед атакой проводилось голосование всего экипажа.

СКОТТ: Как я уже объяснял, из одной тысячи семисот семидесяти пяти членов экипажа только пятьдесят девять выступили за атаку. Голосование никак не повлияло на мое решение.

СУДЬЯ: Вы можете назвать эти пятьдесят девять имен?

СКОТТ: Голосовали тайно, через компьютерную сеть корабля. Просмотрите бортовой журнал и убедитесь в этом сами.

ОБВИНЕНИЕ: Вы опять лжете. У нас имеются доказательства, что голосование не было тайным. Более того, его резуль-

таты не соответствуют вашим словам. Вы внесли изменения в корабельный журнал.

СУДЬЯ: Мы хотим, чтобы вы предоставили подлинные результаты голосования.

СКОТТ: Того, что вы требуете, у меня нет. Я сказал правду.

СУДЬЯ: Мистер Скотт, позвольте вам напомнить: если вы продолжите запираться, то причините вред невиновным членам вашего экипажа. Кто-то голосовал против атаки, но без доказательств, которые можете предоставить лишь вы, мы не сможем их оправдать. Нам придется признать виновными всех офицеров, средний командный состав и рядовых «Бронзового века», как мужчин, так и женщин.

СКОТТ: О чем вы говорите? Вы настоящий судья? Это настоящий суд? Вы хоть слышали о презумпции невиновности?

СУДЬЯ: Презумпция невиновности не применима к преступлению против человечества. Так говорит закон, принятый в самом начале эры Кризиса. Предатели не должны уйти от наказания.

СКОТТ: Но мы не предатели человечества! Где были вы, когда мы сражались за Землю?

ОБВИНЕНИЕ: Вы несомненно предатели! Сгинувшее два века назад ОЗТ всего лишь предало интересы человечества. А вы предали основополагающие нормы морали — и это намного более тяжкое преступление.

СКОТТ: (молчит)

СУДЬЯ: Я хочу, чтобы вы поняли, к чему приведут ваши попытки сокрытия фактов. В начале процесса вы зачитали заявление от лица всех подсудимых. В нем вы выразили сожаление о гибели тысячи восьмисот сорока семи человек на борту «Кванта». Пора подкрепить слова покаяния делами.

СКОТТ (после продолжительной паузы): Хорошо. Я предоставлю подлинные результаты. Протокол голосования скрыт в шифрованной записи в бортовом журнале «Бронзового века».

ОБВИНЕНИЕ: Мы немедленно займемся извлечением этих данных. Вы можете приблизительно сказать, сколько прого-

лосовало за нападение на «Квант»?

СКОТТ: Одна тысяча шестьсот семьдесят. Девяносто четыре процента экипажа.

СУДЬЯ: Порядок! Порядок в зале суда! Я вынужден напомнить присутствующим, что во время заседания вы должны хранить молчание.

СКОТТ: Но это не имеет значения. Даже если бы меньше половины проголосовало «за», я все равно атаковал бы. Я принял решение единолично.

ОБВИНЕНИЕ: Неплохо задумано. Но «Бронзовый век» не входит в число новейших кораблей типа «Естественного отбора» из той, второй группы. Ваш корабль не оснащен централизованной системой управления. Вы не смогли бы произвести атаку без содействия многочисленных подчиненных.

Себастьян Шнайдер, пол мужской, возраст 31 год, капитан-лейтенант, командир группы огневой тактики и наведения оружия на борту «Бронзового века»

ОБВИНЕНИЕ: За исключением капита-

на вы единственный офицер с правами доступа, позволяющими вам предотвратить или прервать атаку.

ШНАЙДЕР: Так точно.

СУДЬЯ: И вы этого не сделали.

ШНАЙДЕР: Не сделал.

СУДЬЯ: О чем вы думали в тот момент?

ШНАЙДЕР: В тот момент — не в момент атаки, а тогда, когда я осознал, что «Бронзовый век» никогда не вернется домой, когда понял, что весь мой мир отныне заключен в стенах корабля, — я стал другим. Не постепенно — нет, я мгновенно преобразился с головы до пят. Как будто мне поставили «ментальную печать» из легенд.

СУДЬЯ: Вы считаете возможным, что на корабле находилось устройство для наложения ментальной печати?

ШНАЙДЕР: Нет, конечно. Я просто так выразился. Космос в какой-то мере накладывает свою собственную ментальную печать... В тот момент я утратил себя как личность. Весь смысл моего существования свелся к выживанию коллектива... Не знаю, как это лучше объяснить. Я не ожи-

даю, Ваша честь, что вы меня поймете. Даже если вы взойдете на борт «Бронзового века» и отлетите на двадцать тысяч астрономических единиц от Солнечной системы, а то и дальше, вы все равно не поймете.

СУДЬЯ: Почему?

ШНАЙДЕР: Потому, что вы можете вернуться! Ваша душа останется на Земле. У вас появится шанс почувствовать, сквозь что мне пришлось пройти, только когда за кормой корабля не останется ничего, кроме бездонной пропасти, когда и Солнце, и Земля, и все на свете растворится в пустоте.

Я родом из Калифорнии. В 1967 году по старому календарю один школьный учитель из моего города, его звали Рон Джонс, устроил любопытный эксперимент... Пожалуйста, позвольте мне договорить. Спасибо.

Чтобы помочь ученикам понять, что такое нацизм и тоталитаризм, он решил прямо в школе создать модель тоталитарного общества. Всего лишь через пять дней его класс превратился в миниатюр-

ное фашистское государство. Ученики добровольно отказались от индивидуальности и свобод, слились в единое общество и принялись с фанатическим упорством бороться за общие идеалы. Кончилось тем, что его эксперимент, начавшийся как безобидная игра, вышел из-под контроля. В Германии сняли фильм по мотивам эксперимента Джонса, а сам Джонс написал о нем книгу «Третья волна[19]». Когда экипаж «Бронзового века» понял, что нам суждено быть вечными странниками, мы тоже построили тоталитарное общество. Вы знаете, сколько нам понадобилось времени?

Пять минут.

Именно так. Мы созвали общее собрание, и через пять минут подавляющее большинство членов экипажа стали сторонниками тоталитарных идей. Затерянным в космосе нужно не более пяти минут, чтобы скатиться в тоталитаризм.

Борис Ровинский, пол мужской, возраст

---

[19] Примечания: 19

Эксперимент Рона Джонса не выдумка, а реальность (https://ru.wikipedia.org/wiki/Третья_волна_(эксперимент)). — *Прим. перев.*

36 лет, коммандер, первый помощник капитана «Бронзового века»

СУДЬЯ: Вы командовали первой группой десанта, высадившейся на «Кванте» после атаки?

РОВИНСКИЙ: Да.

СУДЬЯ: Вы обнаружили выживших?

РОВИНСКИЙ: Нет.

СУДЬЯ: Опишите, чт`о вы увидели.

РОВИНСКИЙ: Персонал корабля погиб от инфразвуковых колебаний, исходивших от корпуса «Кванта» под воздействием электромагнитного импульса, созданного взрывом термоядерной бомбы. Тела хорошо сохранились и не имели внешних повреждений.

СУДЬЯ: Как вы поступили с телами?

РОВИНСКИЙ: Мы построили монумент. «Синий космос» поступил так же.

СУДЬЯ: Вы хотите сказать, что вы поместили тела внутрь монумента?

РОВИНСКИЙ: Нет. И не думаю, чтобы в построенном «Синим космосом» монументе тоже были какие-нибудь тела.

СУДЬЯ: Вы не ответили на мой вопрос.

Я спросил, что вы сделали с телами.

РОВИНСКИЙ: Мы заполнили ими продуктовые морозильники «Бронзового века».

СУДЬЯ: Всеми телами?

РОВИНСКИЙ: Всеми.

СУДЬЯ: Кто отдал приказ питаться трупами?

РОВИНСКИЙ: Я... не припоминаю. Тогда это казалось совершенно естественным решением. На корабле я отвечал за снабжение и распоряжался переноской и складированием тел.

СУДЬЯ: Каким образом тела употребляли в пищу?

РОВИНСКИЙ: Самым обычным. Смешивали с овощами и мясом из замкнутой системы жизнеобеспечения, а потом варили.

СУДЬЯ: Кто ел эту пищу?

РОВИНСКИЙ: Все. На «Бронзовом веке» четыре столовых, и во всех подавали одно и то же. Другой еды не было.

СУДЬЯ: Они знали, что едят?

РОВИНСКИЙ: Разумеется.

СУДЬЯ: Как они к этому относились?

РОВИНСКИЙ: Я думаю, кому-то такая еда была не по вкусу. Но никто не возражал. Припоминаю, я однажды ел в офицерской столовой и услышал, как кто-то произнес: «Спасибо тебе, Кэрол Джойнер».

СУДЬЯ: Что он хотел этим сказать?

РОВИНСКИЙ: Кэрол Джойнер служила офицером связи на «Кванте». Этот человек ел ее мясо.

СУДЬЯ: Откуда он мог знать?

РОВИНСКИЙ: Нам всем под кожу левой руки ввели чип для идентификации, он не больше рисового зернышка. Порой чип не разрушался в котле. Я уверен, что этот человек увидел чип в своей тарелке, достал личный коммуникатор и прочел, кому он принадлежал.

СУДЬЯ: Порядок! Порядок в зале суда! Пожалуйста, вынесите упавших в обморок. Мистер Ровинский, вы, конечно же, понимали, что нарушаете самые фундаментальные законы, которые делают нас людьми?

РОВИНСКИЙ: Мы подчинялись другой морали, вам ее не понять. В битве Страш-

ного суда «Бронзовому веку» пришлось превысить конструктивно допустимое ускорение. Реакторы оказались перегружены, на два часа отключилась система жизнеобеспечения, многое вышло из строя. Ремонт занял продолжительное время. Системы гибернации тоже пострадали; мы смогли положить в анабиоз только пятьсот человек. Оставалась тысяча человек, которым надо что-то есть. Без дополнительного источника пищи половина экипажа умерла бы от голода.

Даже если не учитывать эти обстоятельства, перед нами лежала дорога в бесконечность. Как можно бросить в космосе так много бесценной белковой массы?

Я не пытаюсь оправдаться и не оправдываю действий кого-либо еще на «Бронзовом веке». Теперь, когда мой образ мышления вновь стал земным, мне тяжело рассказывать о происшедшем. Очень тяжело.

Заключительное слово капитана Нила Скотта

— Мне почти нечего сказать — кроме предостережения.

Когда жизнь вышла из океана на берег, начался новый этап эволюции. Однако первые рыбы, выползшие на сушу, перестали быть рыбами.

Точно так же, когда люди порывают с Землей и теряются в просторах космоса, они перестают быть людьми. И я скажу всем вам: если задумаетесь о том, чтобы навсегда улететь в космос, откажитесь от своих намерений. Вы заплатите непомерную цену.

Суд объявил капитана Нила Скотта и шесть старших офицеров виновными в убийстве и преступлениях против человечества. Их приговорили к пожизненному заключению. Из прочих 1768 членов экипажа оправдали только 138. Остальным достались сроки от двадцати до трехсот лет.

* * *

Тюрьма Конгресса Флотов располагалась в поясе астероидов, между орбитами Марса и Юпитера. Заключенным предстояло вновь поки-

нуть Землю. «Бронзовый век» стоял у причала на геостационарной орбите, но арестантам уже никогда не сделать последнего шага в тридцать тысяч километров на своем пути в 350 миллиардов километров.

Тюремный транспорт пришел в движение. Осужденных снова прижало к иллюминаторам в кормовой переборке, словно опавшую листву, которой, однако, не суждено коснуться корней дерева. Они смотрели, как не покидавшая их снов голубая планета съеживается и снова превращается в одну из множества звезд.

Прежде чем оставить базу флота, бывший коммандер Ровинский, бывший капитан-лейтенант Шнайдер и еще десяток офицеров под охраной вернулись в последний раз на «Бронзовый век», чтобы помочь с передачей корабля в руки нового экипажа.

Больше десяти лет корабль был их миром. Они старательно украшали интерьер голограммами лесов и полей, растили настоящие сады, строили пруды с рыбками и фонтанами — обустраивали корабль как родной дом. А теперь все следы их существования были стерты. «Бронзовый век» опять стал безликим боевым звездолетом.

Все, кого осужденные встречали на корабле,

либо смотрели на них сурово, либо не смотрели вообще. Отдавая честь, они твердо устремляли взор только на охрану; таким образом узникам давали понять, что приветствие относится исключительно к военным полицейским эскорта.

Шнайдера привели в одну из сферических кают, чтобы обсудить с тремя офицерами особенности системы наведения оружия. Те говорили со Шнайдером как с компьютером: ровным голосом задавали вопрос и дожидались ответа. Они не тратили время на вежливое обращение, не произнесли ни единого лишнего слова.

Через час вопросы подошли к концу. Пару раз Шнайдер побарабанил пальцами по неубранному голографическому интерфейсу управления, закрывая и открывая окошки как бы машинальными движениями. Внезапно он оттолкнулся ногами от стены и полетел к другому концу каюты. В то же время стены сдвинулись и разделили помещение на две половины. Трое офицеров и военный полицейский остались пойманными на одной половине, а Шнайдер оказался на другой.

Шнайдер вызвал панель управления системой связи и принялся с бешеной скоростью нажимать кнопки. Заработал мощный межзвездный передатчик.

Раздался слабый хлопок, пошел белый дым, и в разделяющей каюту переборке появилось небольшое отверстие. Военный полицейский просунул сквозь него дуло пистолета и направил на Шнайдера:

— Это последнее предупреждение. Прекратите ваши действия и откройте дверь!

— «Бронзовый век» вызывает «Синий космос». — Шнайдер не повышал голос. Он знал: громко он говорит или тихо — это на дальность связи не влияет.

Луч лазера вонзился в грудь Шнайдера. Из прожженной дыры повалил красный пар. Окутанный туманным облаком собственной крови офицер прохрипел последние в своей жизни слова:

— Не возвращайтесь! Здесь больше не ваш дом!

* * *

«Синий космос» с гораздо б`ольшим, чем «Бронзовый век», недоверием относился к уговорам Земли вернуться. Корабль лишь понемногу снижал скорость. Когда радиосигнал «Бронзового века» достиг адресата, тот продолжал удаляться от Солнечной системы.

Услышав предупреждение, «Синий космос» немедленно прекратил торможение и на полной тяге направился прочь.

Как только софоны поделились с землянами разведотчетом, у двух цивилизаций впервые в истории появился общий враг.

И Землю, и Трисолярис успокаивал тот факт, что на «Синем космосе» пока нет передатчиков, пригодных для устрашения обоих миров «темным лесом». Если применить для трансляции координат имеющееся на корабле оборудование, то передачу практически никто не услышит. Можно воспользоваться методом Е Вэньцзе и усилить сигнал звездой Барнарда, но до нее триста лет полета. Более того, «Синий космос» не повернул к ней, а продолжил движение к NH558J2; он достигнет места назначения только через две тысячи лет.

В погоню немедленно выслали «Гравитацию» — единственный корабль Солнечной системы, готовый к межзвездному полету. Трисолярис предлагал отправить для уничтожения «Синего космоса» скоростную «каплю» — она официально называлась зондом сильного взаимодействия. Но Земля категорически отказалась вовлекать инопланетян в свои внутренние дела. Боль самой

мучительной раны человечества, битвы Судного дня, за прошедшие десять лет нисколько не утихла. Было политически недопустимо позволить «капле» еще одну атаку на человека. Хоть люди на «Синем космосе» и стали уже чуждыми большинству человечества, передачей их в руки правосудия должны заняться исключительно земляне.

Трисолярис принял во внимание, что «Синий космос» еще долго не сможет представлять собой угрозу, и уступил — но подчеркнул, что на борту «Гравитации» имеется передатчик грависвязи и безопасность этого корабля является для Трисоляриса вопросом жизни и смерти. Поэтому с «Гравитацией» отправятся несколько «капель», они же обеспечат подавляющее превосходство над «Синим космосом».

«Гравитация» вышла в поход в сопровождении двух «капель», сохранявших дистанцию в две тысячи метров. Контраст между размерами объектов не мог быть разительнее. Если отдалиться, чтобы видеть всю «Гравитацию», «капель» не увидеть. А если приблизиться, чтобы разглядеть «каплю», то в ее зеркальной поверхности отразится корабль людей.

«Гравитацию» построили на десять лет поз-

же, чем «Синий космос». Технологически она почти не превосходила своего предшественника, за исключением гравитационной антенны. Например, ее оснастили лишь чуть более мощными двигателями. Уверенность «Гравитации» в успехе опиралась на полностью заправленные топливные баки.

Тем не менее «Гравитации» потребуется пятьдесят лет, чтобы догнать беглеца.

Эра Устрашения, год 61-й. Держатель Меча

Чэн Синь разглядывала свою звезду с вершины гигантского дерева. Из-за этой звезды ее и разбудили.

За всю недолгую жизнь проекта «Наша цель — звезды» общим счетом пятнадцать человек получили сертификаты собственности на семнадцать звезд. Следы четырнадцати из них затерялись среди столетий, не удалось найти даже наследников. Слишком многие не пережили Великую падь. Чэн Синь осталась единственной из законных собственников звезд.

Люди еще не летали в другие солнечные системы, но технологии развивались так быстро, что ценность звезд в радиусе трехсот световых лет от Земли уже перестала быть чисто символической. У DX3906, звезды Чэн Синь, обнаружили планеты. Одна из них оказалась очень похожей на Землю; это определили по массе, орбите и спектру атмосферы. Ценность звезды поднялась до небес. Ко всеобщему удивлению, у нее нашелся владелец.

ООН и Флот Солнечной системы пожелали

забрать DX3906 себе, но по закону требовалось, чтобы владелец согласился передать права на звезду. Вот ради этого Чэн Синь и разбудили после 264 лет гибернации.

Как только она проснулась, первым делом выяснила, что, как и ожидалось, о программе «Лестница» новостей нет. Трисолярис не только не перехватил зонд, он даже не знал, где тот находится. История забыла про «Лестницу», и мозг Тяньмина затерялся в бескрайнем космосе. Но Тяньмин, человек, слившийся с небытием, оставил своей возлюбленной вполне реальный мир — звезду и две планеты.

Честь открытия планет в системе DX3906 принадлежала кандидату наук, астроному по имени ☒ АА[20]. В своей диссертации она предложила методику использования гравитационного поля одной звезды в качестве линзы для наблюдений за другой.

АА показалась Чэн Синь жизнерадостной птич-

---

[20] Примечания: 20

Это имя — смесь китайских и английских букв. ☒ — фамилия, произносится как «Ай». Личное имя «АА» произносится как «Эйэй». — *Прим. К. Л.*

Да, английская часть имени действительно должна произноситься именно так, но мы решили, что это будет затруднять чтение, поэтому пишем его как АА — пусть читатель сам выбирает, как ему это произносить. Кстати, фанаты Лю Цысиня до сих пор спорят, что означает это странное имя. Автор хранит таинственное молчание. — *Прим. перев.*

кой, без устали хлопочущей вокруг. АА объяснила, что знакома с такими, как Чэн Синь — пришельцами из прошлого. Их называли людьми Общей Эры. Научный руководитель АА был одним из таких людей. Поэтому, как только она защитила диссертацию, комитет ООН по развитию космоса предложил ей работать с Чэн Синь.

Требование ООН и флота продать звезду поставило Чэн Синь в неудобное положение. Она чувствовала себя виноватой, владея целым миром, но ей становилось плохо от одной только мысли о торговле подарком, сделанным в порыве чистой любви. Чэн Синь предложила передать права на DX3906 безвозмездно, оставив себе лишь документы на память, но ей ответили, что по закону правительство не может забрать настолько ценную собственность бесплатно. Они настаивали на оплате. Чэн Синь отказывалась.

После долгих раздумий она предложила продать обе планеты, но оставить за собой звезду. Одновременно она подпишет с ООН и флотом договор, дающий человечеству право пользоваться энергией звезды. Юристы изучили ее предложение и сочли его приемлемым.

АА сообщила Чэн Синь, что, поскольку она продает только планеты, ей достанется значительно

меньшая сумма. Тем не менее ООН заплатит ей невероятно много, и потребуется создать фирму, чтобы грамотно распорядиться этими деньгами.

— Хочешь, я помогу тебе управлять этой фирмой? — спросила АА.

Чэн Синь согласилась. АА немедленно позвонила в комитет ООН по развитию космоса и уволилась.

— Теперь я работаю на тебя, — заявила она, — так что послушай-ка, что я тебе скажу. Ты что, совсем свихнулась?! Из всех вариантов ты выбрала наихудший! Ты могла бы продать звезду с планетами и стать богатейшим человеком во Вселенной! Или же не продавать ничего и остаться хозяйкой всей звездной системы. Закон охраняет частную собственность безоговорочно, никто бы у тебя ее не отобрал. Тогда ты могла бы лечь в гибернацию до тех пор, пока не научатся летать к DX3906. А потом отправиться туда! Такое раздолье! Океаны, континенты... Тебе решать, конечно, но ты могла бы прихватить с собой и меня...

— Я уже все решила, — ответила Чэн Синь. — Нас с тобой разделяют почти три столетия. Не стоит ожидать, что мы сразу поймем друг друга.

— Ну ладно, — вздохнула АА. — Но лучше бы тебе пересмотреть свои понятия о долге и совести.

Гляди: сначала долг заставил тебя расстаться с планетами, потом совесть не позволила продать звезду, а потом опять-таки долг вынудил тебя предоставить людям энергию звезды. Таких как ты, людей прошлого вроде моего научного руководителя, раздирают противоречия между двумя нравственными идеалами. Но в нашу эпоху ни совесть, ни долг нравственными эталонами не являются! Избыток того или другого рассматривается как психическое заболевание, расстройство личности под давлением общества. Тебе надо бы к мозгоправу.

* * *

Свет, исходящий от города снизу, не помешал Чэн Синь легко найти на небосклоне DX3906. Сейчас воздух был намного чище, чем в XXI веке. Она опустила глаза. Они с АА, словно двое муравьишек, стояли на вершине горящей огнями новогодней елки, а вокруг них рос целый новогодний лес. Ярко освещенные здания свисали с веток, словно листья. В отличие от городов прошлого этот был выстроен на поверхности, а не под землей. Благодаря миру, воцарившемуся в Эру Устрашения, человечество во второй раз в истории выбралось из пещер.

Подруги двинулись вдоль ветви к ее концу. Каждая ветвь на дереве представляла собой оживленную улицу, полную парящих информационных окон — из-за них улица казалась многоцветной рекой. Время от времени окно или два отделялись от основной массы, следовали за женщинами, а потом, когда Чэн Синь и АА не проявляли интереса, возвращались в поток.

Поскольку ветвь, по которой шли подруги, была самой верхней на дереве, то выше не было ничего, кроме звездного неба. Если бы они спустились ниже, над ними висели бы ярко освещенные коробки зданий, а сами они чувствовали бы себя мошками в зачарованном лесу, где сияет каждый листок и каждая ягода.

Чэн Синь пригляделась к прохожим: женщина, еще две, группа, еще одна, три — все женщины, все хорошенькие. В красивой светящейся одежде они казались феями волшебного леса. Чэн Синь и АА порой встречали других прохожих, постарше, тоже женщин; возраст не умалял их красоты. Когда девушки дошли до конца ветви и внизу перед ними предстало море огней, Чэн Синь задала давно занимавший ее вопрос:

— А где же мужчины?

За все дни с момента пробуждения она не уви-

дела ни одного мужчины.

— Ты о чем? Они же везде! — АА указала на людей вокруг. — Видишь вон там парня, прислонившегося к перилам? Тут трое. А эти два идут в нашу сторону.

Чэн Синь не верила своим глазам. У тех, на кого указала АА, были гладкие, красивые лица, они носили прическу до плеч, и казалось, что в их тонких, гибких телах даже кости мягкие. Мужчины двигались грациозно и плавно. Ветер доносил до нее ласково журчащие голоса... В ее эпоху таких мужчин назвали бы женоподобными.

Через мгновение она поняла. Дело к этому шло уже давно. Мужественность в ее традиционной форме перестала считаться идеалом еще с конца 1980-х годов. С тех пор и общество, и мода предпочитали мужчин, похожих на женщин. Она вспомнила, что однажды приняла нескольких поп-звезд, мужчин-азиатов, за девушек. В период Великой пади перемены приостановились, но этот тренд вернулся и даже усилился за полвека, когда Эра Устрашения принесла людям мир и благополучие.

— Действительно, люди Общей Эры не сразу могут различить мужчин и женщин, — продолжила АА. — Но я дам тебе подсказку. Обращай

внимание, кто как на тебя смотрит. Мужчины глаз оторвать не могут от такой классической красавицы, как ты.

Чэн Синь с подозрением покосилась на АА.

— Нет, нет, — засмеялась АА. — Я и вправду женщина, и ты меня в этом плане не привлекаешь. Но, честно говоря, не могу понять, что хорошего в мужчинах вашей эры. Грубые, дикие, грязные — ну троглодиты троглодитами. Ничего, привыкнешь, и в нашей эре красоты тебе понравится.

Когда без малого триста лет назад Чэн Синь готовилась к гибернации, она воображала себе самые разные трудности, с которыми ей придется столкнуться в будущем. Но о таком даже не думала. Как она будет жить в этом мире женщин? Загрустившая Чэн Синь снова подняла глаза к небу, высматривая свою звезду.

— Опять думаешь о нем, да? — АА обняла ее за плечи. — Даже если бы он не полетел в космос и остался с тобой на Земле, внуки ваших внуков уже бы скончались. Это новая эпоха, у тебя новая жизнь. Забудь о прошлом!

Чэн Синь последовала совету АА и заставила себя вернуться в настоящее. Она прожила здесь всего несколько дней и успела ознакомиться лишь с ключевыми событиями последних трех

столетий. Больше всего ее поразил стратегический баланс сил с Трисолярисом, выстроенный на концепции устрашения «темным лесом».

Ей в голову пришла мысль: «Женственный мир... способен ли он кого-либо устрашить?»

Чэн Синь и АА отправились в обратный путь вдоль ветви. Рядом с ними снова закружились информационные окна; на этот раз Чэн Синь заинтересовалась одним из них. В окне светилось изображение мужчины из прошлого. Изможденный, тощий, с всклокоченными волосами, он стоял рядом с черным надгробным камнем. Мужчину и камень окутывал сумрак, но в глазах человека отражался далекий рассвет. Текст внизу гласил:

> «В его эпоху убийцу приговаривали к смерти».

Лицо мужчины показалось Чэн Синь знакомым, но присмотреться она не успела — картинка быстро сменилась. На экране возникла женщина средних лет — по крайней мере, Чэн Синь решила, что это женщина. Одетая в официальном стиле и похожая на политика, она произносила речь. Фотография и субтитры под ней, которые Чэн Синь видела только что, были частью вы-

ступления.

Инфоокно заметило ее интерес, расширилось, появился звук. Речь политика текла красиво и сладко, как мед. Но сами слова ужасали.

— За что выносят смертный приговор? Ответ: за то, что убил. Но это лишь один из нескольких верных ответов.

Другой же верный ответ такой: потому, что мало убивал. Задушить одного человека — преступление. Зарезать десяток-другой — массовое убийство. Если ты лишил жизни тысячи или десятки тысяч, тебя следует казнить тысячу раз. А если от твоей руки погибли сотни тысяч? За это тоже к стенке, ведь правильно? А вот здесь-то те из вас, кто знаком с историей, призадумаются.

Что, если чьи-то действия привели к смерти миллионов? Гарантирую, этого человека не назовут убийцей. Более того, может оказаться, что он даже не нарушил ни одного закона. Если не верите, полистайте учебник истории! Того, кто убил миллионы, объявляли великим человеком, героем.

А если этот человек уничтожил целый мир, убил все живое на планете — тогда его провозгласят спасителем человечества!

— Они говорят про Ло Цзи, — пояснила АА.

— Хотят отдать его под суд.

— За что?

— Сложное дело. Если вкратце, за то, что он передал во Вселенную координаты звезды, а это привело к гибели целого мира. Мы не знаем, была ли на тех планетах жизнь — это всего лишь предположение. Ло Цзи обвиняют в потенциальном мундициде[21] — убийстве мира, самом тяжком преступлении по нашим законам.

— Простите, вы ведь Чэн Синь?

Она вздрогнула. Слова доносились из плавающего перед ней окошка. Политик глядела на нее с радостью и удивлением, словно встретила лучшую подругу.

— Вы хозяйка той далекой звезды! Как луч надежды, вы принесли к нам прекраснейшие черты былых времен. Вы, единственный человек, кому принадлежит целый мир, спасете и нашу планету. Мы вам полностью доверяем. Извините, позвольте представиться...

АА пинком погасила окно. Чэн Синь же поразилась современным технологиям. Она даже представить себе не могла, каким образом ее изображение достигло выступающей и как та

---

[21] Примечания: 21

Мундицид — убийство целого мира; происходит от латинских слов mundus (мир) и caedere (убивать). — *Прим. перев.*

смогла узнать ее среди миллиардов зрителей.

АА забежала перед Чэн Синь и попятилась перед ней спиной вперед.

— А ты бы уничтожила чей-нибудь мир, чтобы создать систему устрашения? А главное, если бы враг все-таки напал, ты нажала бы кнопку, обрекла бы на смерть и чужой мир, и Землю?

— Бессмысленный вопрос. Я бы ни за что не дала поставить себя в такое положение.

АА остановилась, схватила Чэн Синь за плечи и пристально посмотрела ей в глаза:

— В самом деле? Не дала бы?

— Нет, конечно. Что может быть страшнее? Это намного хуже смерти!

Она не понимала, почему АА настолько серьезна, но та кивнула:

— Ты меня успокоила... Давай-ка отложим разговоры до завтра. Сейчас ты устала, пора отдыхать. После гибернации надо целую неделю приходить в себя.

* * *

АА позвонила Чэн Синь на следующее утро и, сияя, заявила с экрана:

— У меня сюрприз для тебя — съездим в одно замечательное местечко. Поднимайся, автомо-

биль уже наверху дерева.

На верхней ветви Чэн Синь поджидал автомобиль с открытой дверцей. Девушка забралась внутрь, но АА там не оказалось. Дверца бесшумно закрылась, сиденье плотно, словно ладонь, охватило Чэн Синь. Автомобиль плавно поднялся в воздух и влился в транспортный поток города-леса.

Стояло раннее утро. Копья солнечного света, почти параллельные земле, пронзали летящий сквозь лес автомобиль. Вскоре здания стали попадаться реже и реже, а затем и вовсе пропали. Сверху — голубое небо, снизу — восхитительная зеленая мозаика рощ и лугов.

С началом Эры Устрашения почти всю тяжелую промышленность перенесли на орбиту, и экология планеты восстановилась. Земля теперь выглядела как до промышленной революции. Сокращение населения и выработка продуктов питания на фабриках позволили уменьшить пахотные площади. Ненужные поля и пастбища заросли травой. Земля понемногу превращалась в огромный парк.

Чэн Синь с трудом могла поверить, что этот прекрасный мир существует на самом деле. Казалось, что она все еще спит и видит сон.

Через полчаса автомобиль приземлился, дверца отъехала в сторону. Девушка вышла, аппарат поднялся в воздух и улетел. Шум пропеллеров сменился тишиной, которую изредка нарушали отдаленные голоса птиц. Чэн Синь осмотрелась. Ее окружали старые заброшенные и наполовину заросшие плющом постройки, по-видимому, жилые здания Общей Эры.

Зелень новой жизни поверх останков прошлого... Чэн Синь ощутила до того ускользавшую от нее реальность этого мира.

Она позвала АА, но ей ответил мужчина:

— Привет.

Она обернулась и увидела, что на увитом плющом балконе второго этажа стоит человек. Не один из нежных и красивых мужчин современности, а человек прошлого. Чэн Синь снова почудилось, что она спит и видит сон — продолжение ее кошмара из Общей Эры.

Это был Томас Уэйд — в неизменной черной кожанке, правда, несколько постаревший. Наверное, он лег в гибернацию позже, чем Чэн Синь, или проснулся раньше, или же и то, и другое.

Чэн Синь не отрывала взгляда от правой руки Уэйда, затянутой в черную кожаную перчатку. Старый, еще Общей Эры, пистолет был нацелен

точно в Чэн Синь.

— Заряжен патронами для подводной стрельбы, — сообщил Уэйд. — Предназначены для долгого хранения. Но прошло двести семьдесят с лишним лет. Кто знает, сработают ли они? — На лице Уэйда проступила знакомая улыбка — та самая, с которой он наслаждался чужой безысходностью.

Вспышка, хлопок — и сильный удар в левое плечо отбросил Чэн Синь к полуразрушенной стене. Звук выстрела быстро утих в густых зарослях плюща. Птицы продолжали распевать.

— Современным оружием пользоваться нельзя, — продолжил Уэйд. — Оно регистрирует каждый выстрел в полицейской базе данных.

Бывший шеф АСР говорил спокойно, словно объясняя подчиненной очередную задачу.

— За что? — Чэн Синь не чувствовала боли. Левое плечо вообще не ощущалось, словно не принадлежало ей.

— Я хочу стать Держателем Меча. Ты мой конкурент, и выберут тебя. Я не держу на тебя зла. Веришь или нет, мне вовсе не нравится делать то, что я делаю сейчас.

— Это вы убили Вадимова? — спросила она. Из угла ее рта потянулся ручеек крови.

— Да. Он был нужен программе «Лестница». А

теперь у меня новый план, и тебя в нем нет. Вы оба отлично работали, но сейчас ты мне мешаешь. Я пойду вперед и только вперед, не считаясь с последствиями.

Еще один выстрел. Пуля попала в живот слева. Чэн Синь по-прежнему не чувствовала боли, но она больше не ощущала ног и не могла стоять. Она съехала по заросшей плющом стене на землю, оставляя за собой яркие кровавые разводы.

Уэйд снова нажал на спуск. Наконец сказались три века хранения — оружие дало осечку. Он передернул затвор, выбрасывая неисправный патрон, и снова навел пистолет на Чэн Синь.

Его правая рука взорвалась облаком белого дыма, зелень балкона усеяли обгоревшие куски плоти и обломки костей. Пистолет упал на землю. Уэйд не пошевельнулся. Он бросил взгляд на культю правой руки, затем поднял глаза к небу. Оттуда пикировал полицейский автомобиль.

Как только автомобиль снизился, из него в густую траву, всколыхнувшуюся от вихрей, поднимаемых пропеллерами, выпрыгнули несколько вооруженных полицейских. Они были похожи на стройных, проворных женщин.

Последней выскочила АА. Перед глазами Чэн Синь уже все плыло, но она увидела заплаканное

лицо подруги и разобрала среди всхлипов:

— ...подделал мой видеозвонок...

Чэн Синь пронзила волна жестокой боли, и она потеряла сознание.

Девушка очнулась в летящем автомобиле. Ее туго укутали в какую-то пленку. Боли не чувствовалось — Чэн Синь не ощущала даже своего тела. Прежде чем забыться снова, она слабым голосом, который никто, кроме нее самой, не услышал, спросила: «Кто такой Держатель Меча?»

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Призрак Отвернувшихся: Держатель Меча

Вне сомнения, создание Отвернувшимся Ло Цзи системы устрашения на основе теории «темного леса» было великим достижением. Тем не менее давший ей жизнь проект «Отвернувшиеся» сочли нелепым и неразумным. Человечество, словно малое дитя, попавшее в незнакомую обстановку, при виде чуждой безжалостной вселенной испугалось, растерялось и принялось с ожесточением отбиваться. Когда Ло Цзи передал управление системой устрашения ООН и Флоту Солнечной системы, все решили, что ставший частью легендарного прошлого проект наконец завершился.

Люди принялись изучать само Устрашение, и возникла новая отрасль науки: теория игр устрашения.

Основными элементами являются: Устрашающая сторона (Земля) и Объект устрашения (Трисолярис); Угроза (передача координат Трисоляриса, которая приведет к уничтожению обоих миров); Исполнитель (человек или организация, в чьих руках находится кнопка передатчика);

Цель (вынудить Трисолярис отказаться от нападения и предоставить Земле свою технологию).

Если запугивающим воздействием является уничтожение обеих сторон, такая система называется предельным устрашением.

Предельное устрашение отличается тем, что в случае его провала осуществление Угрозы не поможет Устрашающему.

Таким образом, результативность предельного устрашения строится на уверенности Устрашаемого, что Угрозу непременно претворят в жизнь, если он посягнет на Цель. Вероятностное выражение уверенности Устрашаемого, или степень устрашения, — важный параметр теории игр устрашения. Для выигрыша Устрашающего степень устрашения должна превосходить 80 процентов.

Но очень скоро люди обнаружили один обескураживающий факт: если ответственность за исполнение Угрозы возложить на все общество, то степень устрашения падает почти до нуля.

Человечество крайне трудно побудить к действиям, которые уничтожат оба мира, поскольку они противоречат глубоко укоренившимся нормам морали. В случае устрашения «темным лесом» дело обстоит еще хуже. Если Угроза не

сработает, то флот агрессора появится еще не скоро; как минимум одно поколение проживет мирно и счастливо. Иными словами, никого из ныне живущих нападение не затронет. Однако если исполнить Угрозу и передать координаты, то тогда смерть может настать в любой момент — а это намного хуже. Таким образом, в случае нападения выбор всего человечества предсказать несложно.

Однако нельзя предвосхитить решение отдельной личности.

Устрашение «темным лесом» строилось на непредсказуемости одного человека — Ло Цзи. В случае возобновления войны его поступки определялись бы особенностями его личности, его психики. Даже если бы он повел себя рационально, его действия не обязательно совпали бы с интересами человечества. В самом начале Эры Устрашения ученые обоих миров тщательно изучили особенности характера Ло Цзи и создали подробные математические модели. Специалисты по теории игр как на Земле, так и на Трисолярисе пришли к поразительно схожим выводам: в зависимости от настроения в момент атаки, Ло Цзи обеспечивал степень устрашения от 91,9 % до 98,4 %. При таких шансах Трисолярис

не рискнул бы напасть.

Разумеется, сразу после создания системы устрашения не представлялось возможным произвести столь точный анализ. Человечество пришло к ответу интуитивно; ООН и Флот Солнечной системы вернули ключ к Устрашению в руки Ло Цзи словно горячую картофелину. Весь процесс, начиная с Ло Цзи, отдающего браслет, заканчивая им же, получающим ключ обратно, занял восемнадцать часов. Но «каплям» хватило бы даже этого времени, чтобы разрушить кольцо ядерных бомб вокруг Солнца и отнять у землян их средство сигнализации. Лидеры Трисоляриса на такое не решились; впоследствии эту ошибку назвали их величайшим стратегическим поражением за всю войну. А затаившее дыхание человечество утерло со лба холодный пот.

С тех пор властью над пусковым механизмом Устрашения был неизменно облечен Ло Цзи. Вначале в его руках был ключ подрыва орбитального кольца ядерных бомб, затем его сменила кнопка широковещательных гравитационных передатчиков.

Система устрашения нависала над двумя мирами подобно дамоклову мечу, а Ло Цзи был волоском. Бывшего Отвернувшегося назвали

Держателем Меча[22].

Таким образом, проект «Отвернувшиеся» не стал еще достоянием истории. Его призрак продолжал бродить по Земле.

Программа «Отвернувшиеся» была беспрецедентной аномалией в истории человечества, но и у системы устрашения, и у Держателя Меча существовали предшественники. В годы холодной войны страны НАТО и Варшавского Договора создали систему гарантированного взаимного уничтожения — то есть предельного устрашения. В 1974 году СССР приступил к разработке системы «Периметр»[23], известной в западном мире как «Мертвая Рука». Она предназначалась для ответа на нападение, в случае если первый удар США выведет из строя правительство и высшее военное командование. «Периметр» получал информацию от сети датчиков, регистрирующих ядерные взрывы на территории Советского Союза, и автоматически принимал решение о пуске

---

[22] Примечания: 22

По рассказам китаеведов, такая должность — «держатель меча» — существовала при дворе китайского императора. Во время аудиенций, пока простые смертные общались с правителем, этот человек стоял позади них с занесенным мечом и, трактуя мимику императора, в любой момент мог снести посетителю голову. — *Прим. перев.*

[23] Примечания: 23

Подробности в Википедии (https://ru.wikipedia.org/wiki/Система_«Периметр».) — *Прим. перев.*

ядерных ракет.

Сердце системы «Периметр» находилось в секретном центре управления, скрытом глубоко под землей. Если компьютер примет решение об ответном ядерном ударе, дежурный оператор должен его подтвердить.

В 2009 году взяли интервью у офицера, служившего на посту дежурного оператора «Периметра» десятки лет назад. Он был тогда двадцатипятилетним лейтенантом, только что закончившим Военное училище имени М. В. Фрунзе. В случае если бы система решила, что пуск ядерных ракет необходим, он стал бы последней инстанцией перед концом света. К тому времени весь Советский Союз и Восточная Европа превратились бы, наверное, в море огня, а все его близкие погибли. Если бы он нажал кнопку, то и Северная Америка через полчаса стала бы адом на Земле, а затем «ядерная зима» уничтожила бы все остальное человечество. В ту минуту он держал бы в руках судьбу всей человеческой цивилизации.

Позднее его неоднократно спрашивали: «Если бы такой момент действительно настал, нажали бы вы кнопку?»

Первый в истории Держатель Меча отвечал: «Не знаю».

Человечество надеялось, что устрашение «темным лесом» закончится так же мирно, как и взаимно гарантированное уничтожение в XX веке.

В таком странном равновесии прошли годы. Устрашение действовало уже шестьдесят лет. Ло Цзи, перешагнувший столетний рубеж, по-прежнему держал в руках «красную кнопку». Его образ в глазах населения постепенно изменился.

Он не нравился «ястребам», выступавшим за жесткий подход к Трисолярису. В самом начале Эры Устрашения они настаивали на более суровых условиях перемирия. Их конечной целью было полное разоружение Трисоляриса. Некоторые их предложения граничили с абсурдом. Например, программа «голых переселенцев»: согласно ей, все трисоляриане дегидрируют и их доставляют на грузовых кораблях в облако Оорта. Оттуда на кораблях землян тела перевозят в дегидратории на Марсе или Луне. Затем, при выполнении трисолярианами определенных условий их начали бы понемногу регидрировать.

«Голуби» тоже не любили Ло Цзи. Их беспокоила вероятность наличия жизни и цивилизации на планетах звезды 187J3X1, координаты которой

Ло Цзи передал во Вселенную. Была ли на них жизнь? Ни земные, ни трисолярианские астрономы не могли уверенно сказать ни «да», ни «нет», но на Ло Цзи легло обвинение в мундициде. «Голуби» считали, что мирное сосуществование людей и трисоляриан должно строиться на фундаменте всеобщих «прав человека» — иными словами, на признании, что у любого разумного существа во Вселенной имеются неотъемлемые права. Для осуществления их идеала Ло Цзи требовалось отдать под суд.

Но Ло Цзи не обращал внимания ни на тех, ни на других. Он полвека молча стоял на посту Держателя Меча и держал в руках «красную кнопку» гравитационного передатчика.

Человечество осознало, что любая политика в отношении Трисоляриса должна принимать в расчет Держателя Меча. Без его одобрения ни одно земное решение не возымело бы на инопланетян действия. Таким образом, Держатель стал влиятельным диктатором, наподобие Отвернувшихся.

Со временем Ло Цзи стали называть безрассудным маньяком и деспотом, убийцей планет.

Люди поняли, что Эра Устрашения — странная эпоха. С одной стороны, человеческая циви-

лизация достигла невиданных высот, в мире царят демократия и права человека. Но, с другой стороны, над всей этой системой нависала тень диктатора. Эксперты полагали, что, хотя наука и технология обычно противодействуют тоталитаризму, при возникновении кризиса, угрожающего самому существованию цивилизации, наука может привести к созданию нового тоталитарного общества.

При обычной диктатуре диктатор отдает распоряжения через посредников, что усиливает неопределенность и отрицательно сказывается на эффективности управления. Поэтому стопроцентно эффективного тоталитарного государства не было ни разу за всю историю человечества. Однако технология создала механизмы для сверхтоталитарного управления; примеры тому — Отвернувшиеся и Держатель Меча. Гремучая смесь супертехнологии с суперкризисом могла отбросить человечество в темные века.

Тем не менее большинство соглашалось, что Устрашение по-прежнему необходимо. Когда софоны прекратили вмешательство в научные эксперименты, а с Трисоляриса хлынул поток новых знаний, земная наука неудержимо понеслась вперед. Но Земля продолжала отставать от Три-

соляриса на два-три поколения технологии. Об отключении системы устрашения можно будет задуматься не раньше, чем два мира сравняются в развитии.

Существовал еще один вариант: передать систему устрашения под контроль искусственного интеллекта. Его рассматривали со всей серьезностью и не пожалели затрат на предварительные исследования. Основным его преимуществом был высокий уровень устрашения. Но в конце концов от этого варианта отказались. Слишком страшно доверить судьбу двух миров машинам. Эксперименты показали, что ИИ зачастую не справляется с анализом многочисленных условий устрашения — и неудивительно; для этого чистой логики мало. Кроме того, переход от диктатора-человека к диктатору-машине никого бы не успокоил, а с политической точки зрения грозил осложнениями. Наконец, на решение компьютера могли повлиять софоны. Таких инцидентов до сих пор не наблюдалось, но сама возможность поставила на идее крест.

Предложение поменять Держателя Меча стало компромиссом. Даже без учета прочих обстоятельств, Ло Цзи уже перевалило за сотню. Его мыслительные способности слабели, а психика

становилась неустойчивой. Людей все больше беспокоило, что он держит в руках судьбу двух миров.

Эра Устрашения, год 61-й. Держатель Меча

Чэн Синь уверенно выздоравливала. Врачи заверяли: даже если бы в нее попали все десять семимиллиметровых пуль, даже если бы ей прострелили сердце, современная медицина оживила бы ее и полностью вылечила. Конечно, не все было бы так просто, если бы пули задели мозг.

Полиция сообщила, что последнее в мире зарегистрированное убийство произошло двадцать восемь лет назад, а в этом городе — почти сорок. Полицейские забыли, как предотвращать и расследовать убийства; только поэтому Уэйд был так близок к успеху. Сигнал в полицию подал другой кандидат на пост Держателя Меча. Но у него не нашлось доказательств, только подозрения, основанные на пережитке Общей Эры — предчувствии. Полиция не поверила и потеряла много времени, вылетев на помощь лишь тогда, когда обнаружилось, что Уэйд подделал звонок от АА.

Чэн Синь навещало в больнице много людей: правительственные чиновники, сотрудники

ООН, военные Флота Солнечной системы, представители общественности и, конечно же, АА и ее друзья. Чэн Синь уже легко отличала мужчин от женщин и привыкла к женственным лицам современных парней. Она находила в сегодняшних мужчинах утонченность, которой не было в прошлом. Но все же они ее не привлекали.

Мир уже не казался странным, и Чэн Синь жаждала с ним познакомиться, но не могла покинуть больничную палату.

Однажды АА принесла голографический кинофильм «Сказки Янцзы». Он выиграл «Оскара» в номинации «Лучший фильм года». Его сняли по мотивам стихотворения в жанре *бусуаньцзы*, сочиненного в годы династии Сун поэтом Ли Чжи-и:

> *Ты живешь на одном конце Янцзы, а я на другом.*
>
> *Я думаю о тебе, любимая, каждый день, хоть нам и не встретиться.*
>
> *Мы пьем из одной реки.*

Действие фильма разворачивалось в некоем неопределенном далеком прошлом, в «золотом веке» человечества. Кинолента рассказывала историю двух влюбленных: один жил у истоков

Янцзы, а другая — возле устья. За весь фильм они ни разу не встретились, даже в воображаемых сценах. Режиссер с трогательной грустью запечатлел их любовь. Оператор отлично сыграл на дополняющих друг друга контрастах, противопоставив изящную утонченность дельты Янцзы дикости и мощи Тибетского плато. Чэн Синь эти пейзажи просто пьянили. Никакой примитивной грубости коммерческих фильмов XXI века; повествование текло легко и плавно, как сама Янцзы, не отпуская зрителей до самого конца.

Я на одном конце реки времени, думала Чэн Синь, но на другом конце никого нет...

Кинолента разожгла в Чэн Синь интерес к культуре эпохи. Как только она поправилась настолько, что ей разрешили ходить, АА стала водить ее на выставки и концерты. Чэн Синь отчетливо помнила, как в свое время посещала «Фабрику 798»[24] и Шанхайское биеннале, где выставлялись весьма странные предметы «современного искусства».

Она даже не представляла, как сильно переменилось искусство за три века, которые она

[24] Примечания: 24

«Фабрика 798» — знаменитый район Пекина, где с 1990-х годов в заброшенных зданиях военной фабрики живут и работают художники. — *Прим. К. Л.*

провела в холодном сне. Все картины на выставке были выполнены в стиле реализма, от красок веяло жизненной энергией и чувственностью. В них будто билось сердце, переполненное и прелестью природы, и человеческими страстями. Музыка же звучала подобно классическим симфониям, напоминая ей о Янцзы в кинофильме, — внушительная и мощная, но в то же время спокойная и приятная. Чэн Синь смотрела на течение реки до тех пор, пока ей не показалось, что вода застыла на месте, что это она сама плывет к далеким истокам...

Искусство и культура этой эпохи значительно отличались от ее ожиданий; но дело не ограничивалось возвратом к классике. Скорее речь шла о следующем витке постпостмодернизма, выстроенном на фундаменте новой эстетики. Например, в «Сказках Янцзы» встречались глубокомысленные размышления о Вселенной, пространстве и времени. Больше всего Чэн Синь понравилось, что исчезли мрак безнадежности и причудливый шум, столь характерные для постмодернистской культуры двадцать первого века. Вместо них появились небывалое ласковое спокойствие и оптимизм.

— Мне нравится твоя эпоха, — заявила Чэн

Синь. — Я в изумлении.

— Ты изумишься еще больше, когда узнаешь, кто снял эти фильмы, написал картины и музыку. Это трисоляриане, живущие в четырех световых годах от нас! — АА заразительно рассмеялась, увидев ошарашенное лицо Чэн Синь.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Отражение культуры

За созданием системы устрашения последовало основание Всемирной академии наук — международной организации наряду с ООН. В ее задачи входило принимать и обрабатывать научно-техническую информацию, поступающую на Землю с Трисоляриса.

Поначалу люди ожидали, что Трисолярис будет передавать, да и то под нажимом, лишь разрозненные, случайные обрывки знаний, разбавленные ложью и ведущие в неверном направлении. Предполагалось, что земным ученым придется аккуратно просеивать получаемую информацию в поисках крупиц правды. Но Трисолярис обманул эти ожидания. За короткое время инопланетяне передали огромный упорядоченный объем знаний, в основном по фундаментальным наукам: математике, физике, космологии, молекулярной биологии живых существ Трисоляриса и так далее. Землян снабжали стройными, законченными наборами сведений по каждой отрасли науки.

Трисолярис передал столько всяких сведений, что земные ученые утонули в потоке информации. Тогда инопланетяне начали помогать с изучением присланных материалов. На какое-то время весь мир превратился в гигантский университет. Как только софоны прекратили вмешиваться в ход экспериментов на ускорителях частиц, земные ученые опытным путем перепроверили основы трисолярианской физики и убедились в истинности нахлынувших откровений. Трисоляриане даже неоднократно жаловались, что человечество слишком медленно постигает новое знание. Похоже, инопланетяне искренне желали, чтобы земные науки как можно быстрее догнали Трисолярис — по крайней мере, фундаментальные науки.

Удивленные земляне придумали множество объяснений. Наиболее правдоподобное из них гласило, что трисоляриане ускоряют развитие наук человечества, чтобы с помощью людей раскрывать секреты мироздания. Земля — это своеобразный научный аккумулятор. Если его полностью зарядить информацией с Трисолярис, он станет источником новых знаний.

Трисоляриане объясняли свои действия иначе. Они дарят огромный объем знаний из уважения

к земной цивилизации. Они утверждали, что Трисолярис получил от Земли даже больше. Культура человечества открыла трисолярианам глаза, дала возможность видеть в жизни и обществе глубинный смысл, ценить красоту природы и человека — все то, чего они до сих пор не понимали. Земная культура получила распространение на Трисолярисе и за полвека стала причиной многочисленных революций, в результате которых общественный и политический строй Трисоляриса стал похож на земной. Далекий мир с уважением принял человеческие ценности, а трисоляриане полюбили культуру людей.

Поначалу земляне относились к этим объяснениям скептически, но вскоре они подтвердились невероятной волной отраженной культуры.

На десятом году Эры Устрашения Трисолярис в дополнение к научной информации стал передавать произведения культуры и искусства, выполненные в стиле имитации искусства людей: кинофильмы, романы, стихи, музыку, картины и многое другое. Ко всеобщему удивлению, имитация оказалась вовсе не примитивной или ребяческой. Трисоляриане сразу же начали создавать сложные, высокохудожественные работы. Ученые назвали этот феномен «отражением

культуры». У земной цивилизации появилось зеркало во Вселенной, и люди увидели себя с новой точки зрения. За следующие десять лет трисолярианское отражение культуры завоевало признание среди людей и стало вытеснять земную декадентскую культуру, утратившую жизненные силы. Отраженная культура стала новым источником идей для художников.

В эти дни, если не знать заранее, трудно было даже догадаться, кто снял фильм или написал книгу — человек или трисолярианин. Персонажами искусства Трисоляриса были люди, действие разворачивалось на Земле, и в произведении нельзя было найти ни малейшего оттенка чуждости. Этот факт казался неопровержимым доказательством того, что трисоляриане приняли земную культуру. В то же время планета Трисолярис оставалась окутанной завесой тайны; о ней не сообщали практически ничего. Трисоляриане объясняли это тем, что их культура примитивна и пока недостойна взора человека. С учетом значительных различий между мирами в биологии и природной среде она может нарушить установившееся взаимопонимание.

Человечество не могло нарадоваться, что события развиваются в благоприятном направлении.

Наконец-то их уголок темного леса озарил солнечный луч.

Эра Устрашения, год 61-й. Держатель Меча

В тот же день, когда Чэн Синь окончательно выписали из больницы, АА сообщила, что с Чэн хочет встретиться Софон, или, как было принято ее звать на японский манер, Томоко[25].

Чэн Синь понимала, что АА говорила, конечно, о женщине-биороботе, созданной при помощи последних достижений земной науки и техники. Ею управляли софоны, и она выступала в роли посла Трисоляриса на Земле. Общаться с существом, выглядящим как человек, все же удобнее, чем с развернувшимся в нижних измерениях софоном.

---

[25] Примечания: 25

У автора это имя пишется как «Чжицзы» — «мудрая частица»; это то же самое слово, каким он называет протоны с искусственным интеллектом, посланные Трисолярисом к Земле. Переводчик «Задачи трех тел» на английский язык Кен Лю назвал их «соф`онами» (от греческого «софия» — мудрость). Имя посланницы Трисоляриса, таким образом, тоже Софон. Мы решили, что это будет создавать изрядную путаницу, особенно в эпизодах, где действуют и софоны, и Софон. Называть ее Чжицзы? Но это же невозможно выговорить! И тогда мы вспомнили об эпизоде в начале «Темного леса», где один из персонажей называет софон японским женским именем Томоко. Там объясняется, что иероглиф «частица», который произносят как «ко», часто встречается в женских именах в Японии (одна из основных систем японского письма, кандзи, использует иероглифы китайского происхождения). К тому же посланница Трисоляриса ведет себя как японка; об этом

свидетельствует все: ее манеры, одежда, жилище, владение катаной и прочее. Есть и еще один маленький нюанс: для китайца (а автор, как мы помним, китаец) японец — это синоним врага. Вот поэтому после долгих споров мы и решили называть этого биоробота Томоко. — *Прим. перев.*

Томоко жила на одном из гигантских деревьев на окраине города. Из окна летающего автомобиля казалось, что для ее дерева настала поздняя осень — так мало там было листьев. Изящный бамбуковый домик Томоко одиноким листком висел на самом верху. В этот ясный день домик окружало белое облачко, очевидно, создаваемое искусственно.

Чэн Синь и АА дошли до самого конца ветви по тропинке, вымощенной гладкими камешками и окруженной зелеными лужайками. Затем они спустились по винтовой лестнице к дверям дома; там их уже дожидалась Томоко. Великолепное японское кимоно на ее тонкой фигурке казалось морем цветов, но когда Чэн Синь увидела ее лицо, цветы на кимоно поблекли в сравнении. Чэн Синь не могла даже представить себе такой безупречной красоты и такой одухотворенности. Томоко улыбнулась, и словно весенний ветерок пробежал по воде, разделив солнечный луч на тысячи переливчатых отражений. Томоко медленно поклонилась гостям; Чэн Синь пришло в голову, что фигура хозяйки подобна иероглифу □ — «роу», «мягкий» — и по начертанию, и по смыслу.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! У ме-

ня было намерение самой посетить вас в ваших досточтимых жилищах, но тогда я не имела бы возможности как подобает развлечь вас чайной церемонией. Будьте добры принять мои нижайшие извинения. Я так счастлива видеть вас! — Томоко снова поклонилась. У нее был нежный и мягкий голос, идеально подходящий ее гибкой фигуре; она говорила чуть слышно, но проникновенно, словно все другие звуки умолкали перед ней.

Гостьи последовали за Томоко в глубину двора. Крошечные белые цветы, вплетенные в прическу хозяйки, подрагивали, а сама она время от времени оборачивалась и улыбалась. Чэн Синь совершенно забыла, что перед ней чужак-завоеватель, машина, которой управляют всесильные существа с планеты, удаленной на четыре световых года. Она не видела ничего, кроме прелестного существа, чарующего своей женственностью.

По обеим сторонам тропинки неспешно колыхались заросли бамбука, доходящие до пояса и укрытые белым туманом. Томоко провела посетителей по дощатому мостику над говорливым ручейком, отступила в сторону, поклонилась и пригласила в чайный домик. Это был павильон в

восточном стиле, с широкими окнами во всех четырех стенах, залитый ярким солнечным светом. В окнах виднелись голубое небо и создаваемые домом облака, тонкими струйками таявшие в синеве. На стене висела небольшая японская гравюра *укиё-э*, рядом с ней — веер с пейзажем в китайском стиле. От чайного домика веяло простотой и элегантностью.

Томоко подождала, пока Чэн Синь и АА усядутся, поджав под себя ноги, на татами, потом аккуратно села сама и стала методично раскладывать перед собой чайную утварь.

— Тебе придется набраться терпения, — прошептала АА подруге на ухо. — Раньше чем через два часа никакого чая не будет.

Томоко достала из кимоно безукоризненно белое полотенце и начала протирать столь же безукоризненно чистую посуду. Сначала она медленно и аккуратно протерла каждую чайную ложечку, тонкую и хрупкую, с длинной ручкой, целиком вырезанную из ствола бамбука. Затем она вытерла все белые фарфоровые чашки и желтый медный чайник. С помощью бамбукового половника Томоко налила в чайник чистейшей ключевой воды из большого керамического кувшина и поставила кипятиться на искусно

выделанную жаровню. Дальше она ложечкой перенесла мелко истолченный чай из чайницы в чашки и легкими круговыми движениями стала размешивать порошок бамбуковым венчиком...[26]

Каждое действие Томоко выполняла нарочито медленно, какие-то даже повторяя. Двадцать минут ушло лишь на протирку посуды. Несомненно, эти действия имели не столько утилитарный, сколько церемониальный смысл.

Но Чэн Синь не скучала. Ее завораживали изящные, плавные движения Томоко. Время от времени в комнату залетал ветерок; тогда чудилось, будто белые руки хозяйки более не послушны сами себе, а парят по воле бриза. Казалось, что гладкие, словно нефрит, ладони ласкают не чайную посуду, а что-то более нежное, легкое, воздушное... как *время*. Да, Томоко поглаживала само время, ставшее текучим и неторопливо ползущее вперед, словно туман, просачивающийся сквозь заросли бамбука. Иное время. Оно не знало крови и пламени прошлого, а сегодняшние заботы ушли куда-то далеко. Остались только

[26] Примечания: 26

Надо понимать так, что автор намеренно модифицировал чайную церемонию, поскольку в Общую Эру чай делали в одной чаше и пили из нее по очереди. — *Прим. перев.*

облака в небе, бамбуковая роща и душистый чай. Воцарились четыре принципа Пути Чая: гармония, уважение, чистота и покой.

Через какое-то время чай был готов. После очередной серии сложных церемониальных действий Томоко наконец передала Чэн Синь и АА чашки с чаем. Чэн Синь пригубила сочный зеленый напиток. Приятный запах и горьковатый вкус освежили тело и разум.

— Мир прекрасен, когда мы, женщины, вместе. — Томоко говорила неторопливо и тихо, еле слышно. — Но наш мир такой хрупкий! Мы обязаны защищать его как можем. — Затем она низко поклонилась и заговорила воодушевленно: — Заранее благодарю вас за заботу! Спасибо!

Чэн Синь отлично поняла недоговоренные Томоко слова, как и подлинный смысл визита.

* * *

Следующая встреча вернула Чэн Синь обратно к непростой реальности окружающей ее жизни.

На следующий день после поездки к Томоко к Чэн Синь пришли шестеро мужчин Общей Эры — кандидаты на пост Держателя Меча, пока занимаемый Ло Цзи. Они были разного возраста: от тридцати четырех до шестидесяти восьми лет.

По сравнению с началом Эры Устрашения сейчас пробуждалось меньше людей Общей Эры, но они, так же как и раньше, стояли особняком. Все они с трудом вписывались в современное общество. Большинство — иногда преднамеренно, иногда подсознательно — старалось приспособиться к женоподобному миру, меняя манеру поведения и внешность. Но все шестеро мужчин, стоящих перед Чэн Синь, упрямо держались за устаревшие понятия о мужской наружности и характере. Если бы Чэн Синь встретилась с ними несколько дней назад, она чувствовала бы себя комфортно, но теперь ей было не по себе.

Она не уловила тепла в глазах посетителей; их лица были похожи на маски, скрывающие подлинные чувства. Чэн Синь показалось, что она стоит перед крепостной стеной из шести промерзших гранитных блоков. Эта массивная стена, выщербленная и закаленная прошедшими веками, студила душу, предвещала кровопролитие и смерть.

Первым делом Чэн Синь поблагодарила кандидата, предупредившего полицию. В этом она не покривила душой — все-таки он спас ей жизнь. Би Юньфэнь, сорокавосьмилетний инженер, когда-то работал на самом большом в мире уско-

рителе элементарных частиц. Как и Чэн Синь, его послали в будущее, надеясь, что однажды человечество преодолеет блокировку софонов и возобновит физические эксперименты. К сожалению, ко времени Устрашения ни один из ускорителей прошлого не сохранился.

— Хотелось бы надеяться, что я не совершил ошибку, — ответил он. Возможно, он так пошутил, но ни Чэн Синь, ни другие кандидаты не улыбнулись.

— Мы здесь, чтобы убедить вас не претендовать на пост Держателя Меча, — взял быка за рога другой гость, тридцатичетырехлетний Цао Бинь, самый молодой из пришедших. Когда начался трисолярианский кризис, он был физиком, коллегой широко известного Дин И. Когда выяснилось, что софоны блокируют фундаментальную науку, превращение физики в абстрактную математическую игру, оторванную от экспериментальной основы, побудило его лечь в гибернацию до тех пор, пока блокировку не снимут.

— Как вы полагаете, если я выставлю свою кандидатуру, меня выберут? — спросила Чэн Синь. Этот вопрос беспокоил ее с тех пор, как она вернулась от Томоко; у нее даже пропал сон.

— Если выставите, то практически наверняка

победите, — заявил Иван Антонов, сорокатрехлетний русский красавец. У него был впечатляющий послужной список: самый молодой вице-адмирал Российского флота, затем заместитель командующего Балтийским флотом. Он лег в гибернацию из-за неизлечимой болезни.

— Разве я способна кого-нибудь устрашить? — улыбаясь, спросила Чэн Синь.

— Вы недооцениваете себя. На вашем счету служба в АСР, а это агентство за последние пару веков накопило невероятный объем разведывательной информации о Трисолярисе. Перед битвой Судного дня оно даже предупреждало флоты, что «Капля» вот-вот нападет, но никто его не слушал. Сегодня АСР вошло в легенды, и это прибавляет вам веса. Кроме того, вы единственная владелица другого мира, а поэтому сможете спасти и наш... В этом нет никакой логики, но народ думает именно так...

— Давайте я объясню покороче, — перебил Антонова лысый мужчина по имени А. Дж. Хопкинс. По крайней мере, он так себя называл. Пока он лежал в гибернации, все документы затерялись, а сам он не намеревался ничего рассказывать о себе — даже не счел нужным что-нибудь придумать. По этой причине ему оказалось непросто

получить гражданство в новом мире; но с другой стороны, таинственное прошлое помогло ему стать неплохим кандидатом. Считалось, что он и Антонов могут обеспечить самое действенное устрашение.

— С точки зрения обывателей, идеальный Держатель Меча должен устрашать Трисолярис, не устрашая Землю. Поскольку такое невозможно, люди предпочтут того, кого не боятся сами. Вы их не пугаете; вы не просто женщина, вы в их глазах — ангел. Эти неженки даже наивнее детей нашей эры; они видят только то, что лежит на поверхности... Послушайте, они считают, что дела идут просто замечательно и с Трисолярисом вот-вот установятся мир да любовь. Устрашение уже не настолько необходимо, поэтому они хотят, чтобы «красную кнопку» держала рука понежнее.

— А разве это не так? — спросила Чэн Синь, раздраженная неуважительным тоном Хопкинса.

Гости переглянулись, но не ответили. Казалось, что их взгляды стали еще мрачнее и холоднее. Стоя в их окружении, Чэн Синь почувствовала себя как на дне колодца. Ее охватил озноб.

— Дочка, обязанности Держателя тебе не по плечу, — заговорил самый старый из кандидатов, ему было шестьдесят восемь. До гибернации он

служил на посту заместителя министра иностранных дел Южной Кореи. — Ты новичок в политике, еще молода, не способна мгновенно разобраться в ситуации, да и по складу характера не подходишь. Все, что у тебя есть, — это доброта и чувство ответственности.

Наконец высказался последний гость, опытный адвокат:

— Я не думаю, чтобы вы желали занять пост Держателя. Вы ведь наверняка знаете, чем придется пожертвовать.

У Чэн Синь не нашлось ответа. Она лишь недавно узнала, какие испытания выпали на долю Ло Цзи в Эру Устрашения.

* * *

Когда кандидаты ушли, АА обратилась к Чэн Синь:

— Не думаю, что существование Держателя Меча можно назвать жизнью. Это же самый настоящий ад! Зачем такая радость людям из прошлого?

— Кое-кому из Общей Эры просто не терпится зажать в руке судьбу человечества и еще одной расы. Некоторые всю жизнь кладут на завоевание такой власти, просто одержимыми становятся.

— И ты тоже?

Чэн Синь смолчала. Простых ответов больше не существовало.

— Нет, это же надо быть таким злобным, таким подлым, таким... — АА говорила об Уэйде. — Ну совсем рехнулся!

— Он не из самых опасных.

И это было правдой. Уэйд не очень-то старался утаить свою порочность. АА и ее современники даже представить себе не могли, под сколькими маскировочными слоями люди Общей Эры скрывали свои подлинные чувства и намерения. Кто мог сказать, что кроется за бесстрастными, холодными личинами шестерых кандидатов? Возможно, один из них — новая Е Вэньцзе или новый Чжан Бэйхай? А что, если они все такие?

Чэн Синь поняла, что этот прекрасный мир так же хрупок, как красивый мыльный пузырь, плывущий сквозь заросли терновника. Одно касание, и его больше нет.

* * *

Через неделю Чэн Синь приехала в штаб-квартиру ООН на церемонию передачи двух планет в системе звезды DX3906.

Когда все закончилось, председатель СОП от

лица ООН и Флота Солнечной системы попросил Чэн Синь выставить свою кандидатуру на пост Держателя Меча. Он объяснил, что уже зарегистрировавшиеся шесть кандидатов не очень-то подходят. Если выберут одного из них, то мир охватит паника. Большинство населения считает, что они все чрезвычайно опасны. Невозможно предсказать, что именно произойдет. Кроме того, все шестеро не доверяют Трисолярису и склонны к агрессии против него. Такой Держатель Меча сможет найти общий язык со сторонниками жестких мер как на Земле, так и в Конгрессе Флотов, чтобы надавить на Трисолярис и потребовать новых уступок. Подобная политика может помешать мирным отношениям и обмену научной и культурной информацией между планетами — с катастрофическими последствиями...

Но Чэн Синь может все это предотвратить.

Когда человечество во второй раз вышло из пещер, ООН перенесла свою штаб-квартиру обратно в Нью-Йорк. Чэн Синь была хорошо знакома с комплексом ООН. Здание Секретариата выглядело точно так же, как триста лет назад, скульптуры ничуть не изменились, и даже лужайка осталась прежней. Чэн Синь стояла и вспоминала бурную ночь 270 лет назад: объявление проекта «Отвер-

нувшиеся», покушение на Ло Цзи, толпы народа в неверном свете прожекторов, вихри вертолетных винтов, разметавшие ее прическу, «скорая помощь», отъезжающая в сполохах красных огней и под пронзительный вой сирены... Все представилось ей так четко, как будто случилось лишь вчера. И Уэйд... Уэйд на фоне огней Нью-Йорка, произносящий изменившие ее жизнь слова: «Мы отправим только мозг».

Если бы не его заявление, жизнь сегодня шла бы без нее. Чэн Синь осталась бы самой обычной женщиной и умерла бы более двухсот лет назад. Все, связанное с ней, бесследно исчезло бы в длинной реке времени. В лучшем случае десятое поколение ее потомков сейчас дожидалось бы выбора следующего Держателя Меча.

Но она не умерла, а стояла перед собравшейся на площади толпой. Над головами красочным облачком плавала голограмма с ее изображением. К Чэн Синь приблизилась молодая женщина и дала ей подержать маленького ребенка — ему исполнилось лишь несколько месяцев. Малыш засмеялся, и она обхватила дитя, прижимаясь лицом к его гладким щечкам. Сердце Чэн Синь растаяло, ей казалось, что она держит в объятиях целый мир, такой же прекрасный и хрупкий, как

кроха в ее руках.

— Посмотрите, она как богородица, Святая Мария! — вскричала мать ребенка, обернулась к Чэн Синь и сложила ладони. Из ее глаз текли слезы.

— О прекраснейшая, добрейшая Мадонна, защити наш мир! Не дай этим кровожадным дикарям уничтожить всю красоту его!

Толпа взорвалась радостными криками. Младенец на руках Чэн Синь вздрогнул и заплакал. Она прижала его к себе покрепче.

У меня есть выбор?

И тут же возник очевидный ответ:

Выбора нет. Никакого.

Тому были три причины.

Во-первых, если тебя объявили спасителем, то это все равно что положили под гильотину: от тебя ничего не зависит. Так случилось с Ло Цзи, а сейчас это происходит с ней.

Во-вторых, молодая женщина и мягкий, теплый комок в руках Чэн Синь помогли ей кое-что понять. Впервые она сумела разобраться с чувствами, которые испытывает к этому миру. Материнский инстинкт. Она никогда не ощущала ничего подобного в Общую Эру. Всех, кого бы она ни встретила, она подсознательно воспринимала как собственных детей и не потерпела бы,

чтобы им причинили вред. Раньше она ошибочно считала, что в ней говорит чувство ответственности. Но материнский инстинкт неподвластен логике, и от него не скрыться.

Третья причина возвышалась перед ней непреодолимой стеной. Даже если бы не существовало первых двух, третья никуда бы не делась: Юнь Тяньмин.

То, что ждало ее, — ад, бездонная пропасть, такая же, в какую ради нее прыгнул Юнь Тяньмин. Отступление невозможно. Остается только смириться с кармой; пришел ее черед.

Детство Чэн Синь ярко освещала любовь матери — но только матери. Дочка спросила, где отец. В отличие от некоторых матерей-одиночек, мама ответила спокойно. Сказала, что не знает, и со вздохом добавила, что хотела бы знать. Чэн Синь расспросила подробнее и узнала, что она найденыш.

Это было правдой, Чэн Синь и в самом деле нашли на улице. Ее мать никогда не выходила замуж, но однажды ночью, во время свидания, увидела на скамейке парка брошенного трехмесячного младенца. Рядом лежали бутылочка молока, тысяча юаней и клочок бумаги с датой рождения девочки. Мать и ее приятель собира-

лись отнести находку в полицию, а та передала бы дитя в городской отдел по гражданским делам. В конце концов ребенок оказался бы в приюте.

Но женщина решила отнести девочку домой и пойти в полицию утром. Возможно, за одну ночь она ощутила себя матерью, а может быть, по какой-то другой причине, но наутро она так и не смогла расстаться с ребенком. Как только она задумывалась о передаче девочки в приют, ей становилось плохо. Она решила удочерить найденыша.

Из-за этого ее бросил любовник. В последующее десятилетие она встречалась с четырьмя или пятью другими мужчинами, но из-за Чэн Синь каждый из них рано или поздно уходил. Позднее Чэн Синь узнала, что никто из них не осуждал открыто решение матери оставить ребенка себе, но как только мужчина проявлял хотя бы малейшее нетерпение или непонимание, мать немедленно его бросала. Она не дала бы никакому злу приблизиться к своей дочери.

Пока она была маленькой, Чэн Синь никогда не задумывалась, что в семье кого-то не хватает. Она полагала, что так и должно быть: крохотный мирок, мать и дочь. В нем было так много любви и радости, что девочка даже считала, что отец

не нужен. Позднее она затосковала по отцовской любви; сначала появилось какое-то непонятное ощущение, а потом растущая боль. Тогда мать нашла ей отца — добрейшего человека, любящего и ответственного. Можно сказать, он полюбил мать Чэн Синь именно за ее любовь к дочери. В жизни Чэн Синь вспыхнуло новое солнце. Она почувствовала, что ее небольшой мир теперь полон, поэтому родители решили не заводить еще одного ребенка.

Позднее Чэн Синь оставила родной дом и поступила в колледж. С этой минуты ее жизнь, словно обезумевшая лошадь, понеслась дальше и дальше... а потом Чэн Синь рассталась с родителями и в пространстве, и во времени, когда ее отправили в будущее.

Та ночь, когда она в последний раз попрощалась со своими близкими, навсегда врезалась в ее память. Она обманула тогда, пообещала, что придет на следующий день — не нашла мужества попрощаться, пришлось уйти, так ничего и не сказав. Но, похоже, родители знали правду.

Мать взяла Чэн Синь за руку и сказала:

— Дорогая, нас троих свела вместе любовь...

Чэн Синь провела ту ночь под их окнами. Ей чудилось, что ночной ветерок, и мерцающие

звезды — все на свете повторяет последние слова матери.

Что ж, тремя столетиями позже она наконец готова что-то сделать ради любви.

— Я выдвигаю свою кандидатуру на пост Держателя Меча, — сообщила она молодой матери.

Эра Устрашения, год 62-й. «Гравитация» в окрестностях облака Оорта

«Гравитация» преследовала «Синий космос» уже полвека.

Она почти настигла свою жертву. Лишь три астрономические единицы разделяли охотника и добычу. Рукой подать по сравнению с полутора световыми годами, которые преодолели оба корабля.

Десять лет назад «Гравитация» прошла сквозь облако Оорта. Здесь, приблизительно в одном световом годе от Солнца, на самом краю Солнечной системы, рождались кометы. «Синий космос» и «Гравитация» стали первыми кораблями людей, пересекшими его границу. Впрочем, эта область ничем не напоминала облако. Лишь время от времени на расстоянии в десятки или даже сотни тысяч километров пролетал смерзшийся комок грязи и льда — комета без хвоста, не видимая невооруженным глазом.

Оставив позади облако Оорта, корабль вышел в настоящий глубокий космос. Здесь Солнце стало лишь одной из многих звезд за кормой. Реальный

мир вокруг космолета превратился в иллюзию. Куда ни посмотри, везде лишь бездонная чернота. Единственное, в чем могли увериться органы чувств, — существование «капель», летящих по бокам корабля на удалении около пяти километров и едва видимых невооруженным глазом. Члены экипажа «Гравитации» любили рассматривать «капли» в телескоп, утешая себя тем, что в бесконечной пустоте хоть что-то есть. По сути дела, люди смотрели сами на себя — «Гравитация» отражалась в зеркальной поверхности «капель». Кривизна поверхности немного искажала изображение, но в идеальном зеркале корабль вырисовывался чисто и ясно. Если настроить телескоп на достаточное увеличение, можно было разглядеть иллюминатор и себя в нем.

Б`ольшая часть из ста с лишним офицеров и рядовых на борту «Гравитации» не чувствовали одиночества — они почти все время лежали в гибернации. Для обслуживания корабля в обычном полете требовалось пять-десять членов экипажа. Люди несли вахту по очереди, оставаясь на дежурстве от трех до пяти лет.

Погоня, в сущности, представляла собой изощренную игру: как охотник, так и добыча были ограничены в возможностях ускорения. Прежде

всего «Синий космос» не мог постоянно разгоняться — он истратил бы бесценное горючее и потерял маневренность. Даже если бы космолету удалось оторваться от «Гравитации», он совершил бы самоубийство.

«Гравитация» несла больше топлива, но и у нее были ограничения: ей требовалось вернуться домой. Для этого запас топлива поделили на четыре равные части: для выхода из Солнечной системы, для разворота обратно, для разгона к Солнцу и для торможения. Поэтому на преследование могли потратить только четвертую часть горючего.

По расчетам предыдущего маневрирования «Синего космоса» и по сведениям, добытым софонами, «Гравитация» знала в точности, сколько топлива находится на преследуемом корабле, а «Синий космос» не знал, насколько велики запасы «Гравитации». В этой игре преследователь видел все карты жертвы, а та не видела ничего. Во время погони «Гравитация» все время двигалась быстрее, чем «Синий космос», но ни один из кораблей не выходил на максимальную скорость. Более того, через двадцать пять лет после начала преследования «Синий космос» прекратил разгон — возможно, он истратил все топливо, какое мог позволить себе истратить.

На протяжении полувековой погони «Гравитация» неоднократно вызывала «Синий космос» по радио, объясняя, что бежать нет смысла. Даже если бы «Синий космос» каким-то чудом оторвался от охотников с Земли, «капли» догнали бы его и уничтожили. Но если беглецы вернутся на Землю, их ждет справедливый суд. Чем быстрее они сдадутся, тем скорее закончится преследование. «Синий космос», однако, на уговоры не поддавался.

Годом раньше, когда «Гравитацию» и «Синий космос» разделяли тридцать астрономических единиц, произошло не вполне неожиданное событие: «Гравитация» и две «капли» вошли в область пространства, в которой софоны утратили квантовую связь с домом. Связь с Землей в реальном времени прекратилась. Оставались нейтринная и радиосвязь. Теперь сообщения с корабля добирались до Земли год и три месяца; столько же требовалось, чтобы получить ответ.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Еще одно косвенное подтверждение существования «темного леса»: закрытые для софонов области пространства

Незадолго до начала Эры Кризиса, когда Трисолярис отправил софоны на Землю, он вдобавок разослал шесть софонов на скоростях, близких к световой, в разные стороны для исследования Галактики.

Все шесть софонов вскоре достигли мертвых зон связи и утратили контакт с Трисолярисом. Один проник дальше всех, на семь световых лет. Позже отправили другие софоны, но их постигла та же судьба. Ближайшая мертвая зона находилась в 1,3 светового года от Земли. В нее-то и попали софоны, сопровождавшие «Гравитацию».

Если квантовая запутанность между софонами рвется, ее уже не восстановить. Софон, попавший в мертвую зону, потерян навсегда.

На Трисолярисе призадумались над помехами в квантовой связи. Природное это явление или же искусственное? Ученые на Земле и Трисолярисе склонялись к последнему.

Софоны беспрепятственно смогли исследовать только две близлежащие звезды. Ни жизни, ни цивилизации там не обнаружилось. На Трисоляристе и на Земле пришли к выводу, что софонам не создавали помех именно из-за отсутствия там жизни.

Таким образом, даже по прошествии многих лет Эры Устрашения Вселенная оставалась скрытой от взгляда двух миров какой-то непонятной завесой. Существование закрытых областей косвенно доказывало, что Вселенная по своей сущности — темный лес. Что-то делало космос непрозрачным.

Эра Устрашения, год 62-й. «Гравитация», окрестности облака Оорта

Потеря софонов не ставила под удар миссию «Гравитации», но делала ее намного сложнее. Раньше софоны в любой момент могли проникнуть на «Синий космос» и сообщить, что там происходит. Теперь же доступ на корабль беглецов был закрыт. Кроме того, «капли» утратили связь с Трисолярисом; теперь они находились под управлением встроенного искусственного интеллекта. Все это могло привести к непредсказуемым последствиям.

Капитан «Гравитации» решил, что ждать больше нельзя. Он приказал кораблю ускориться.

Когда «Гравитация» подошла ближе, «Синий космос» впервые обратился к охотникам с предложением: две трети экипажа «Синего космоса» сядут в шлюпки и переправятся на «Гравитацию», одна треть останется на «Синем космосе» и продолжит полет в бесконечность. Первопроходцы сохранят в космосе семена человеческой цивилизации и станут примером для других исследователей.

«Гравитация» решительно отвергла это предложение. Весь экипаж «Синего космоса» подозревается в убийстве и предстанет перед судом. Космос изменил мятежников настолько, что они уже не принадлежат к человеческой расе. Ни при каких обстоятельствах им нельзя быть представителями землян во Вселенной.

По-видимому, «Синий космос» осознал бессмысленность сопротивления. Если бы за ними гнался только один земной космолет, тогда у них был бы шанс на победу в схватке. Но «капли» меняли расклад. Для них корабль-беглец был не более чем бумажной мишенью. Сбежать от «капель» не удастся. Когда дистанция между кораблями сократилась до 15 а. е., «Синий космос» передал, что сдается, и стал на полной мощности тормозить. Расстояние быстро уменьшалось; чувствовалось, что затянувшаяся погоня наконец завершилась.

Чтобы подготовить корабль к бою, весь экипаж «Гравитации» вывели из анабиоза. Некогда пустынные отсеки и коридоры опять заполнились народом.

Разбуженные члены экипажа узнали, что цель совсем рядом и что связь с Землей в реальном времени потеряна. Утрата связи не сблизила их морально с командой «Синего космоса». Наобо-

рот, словно ребенок, оторванный от родителей, экипаж «Гравитации» стал еще меньше доверять этим беспризорникам. Всем хотелось поскорее захватить «Синий космос» и повернуть домой. Оба корабля глубоко погрузились в холодную пучину космоса и летели в одну и ту же сторону с одинаковой скоростью, но путешествие каждого из них по своей сути разительно отличалось от другого. Духовно у «Гравитации» на Земле был якорь, а «Синий космос» несло волей судьбы.

* * *

Через 98 часов после пробуждения экипажа доктору Уэсту, психиатру «Гравитации», нанес визит первый пациент. К удивлению врача, им оказался коммандер Девон, один из наиболее психологически устойчивых людей на борту. Он руководил корабельным подразделением военной полиции; ему предстояло по завершении преследования разоружить «Синий космос» и арестовать экипаж. Мужчины в команде «Гравитации» относились к последнему на Земле поколению, которое еще выглядело по-мужски, а Девон даже среди них выделялся брутальностью. Иногда его принимали за человека Общей Эры. Он часто высказывался за суровое отношение к

подозреваемым и предлагал восстановить высшую меру наказания.

— Доктор, я знаю, что вы никому не расскажете, — осторожно начал Девон. Тон его слов разительно отличался от обычной для него грубой манеры речи. — Наверняка мои слова покажутся вам смешными...

— Коммандер, на работе я ни над кем не смеюсь.

— Вчера приблизительно в 436 950 по звездному времени я вышел из комнаты совещаний номер четыре и направился по семнадцатому коридору в свою каюту. Возле отдела разведки мимо меня прошел младший лейтенант... ну, по крайней мере, человек в форме младшего лейтенанта космических войск. В это время всем, кроме дежурных, положено спать. Оно, конечно, ничего особенного встретить в это время кого-нибудь в коридоре... Вот только... — Девон покачал головой и посмотрел вдаль, словно вспоминая сон.

— Что показалось вам неправильным?

— Мы прошли мимо друг друга. Он отдал мне честь, я глянул на него...

Девон снова замолчал. Доктор кивнул, предлагая продолжать.

— Это был... командующий подразделением де-

санта на «Синем космосе», лейтенант-коммандер Пак Ый-гун.

— Вы говорите о «Синем космосе», цели нашей погони? — Ровный тон Уэста не выдавал ни малейшего удивления.

Девон не ответил на этот вопрос.

— Доктор, вы знаете, что в мои обязанности входило слежение за обстановкой на «Синем космосе» в реальном времени через софоны. Я знаю их экипаж лучше, чем наш. Я отлично знаю, как выглядит лейтенант-коммандер Пак Ый-гун.

— Возможно, вы встретили кого-то из наших, похожего на него?

— Нет, у нас нет никого похожего — я знаком со всеми. Кроме того... он отдал мне честь и пошел себе дальше с каменной мордой. Я прямо остолбенел, а когда обернулся, в коридоре было пусто.

— Как давно вас вывели из гибернации?

— Три года назад. Мне нужно было следить за событиями на борту цели. Да и вообще я провалялся в гибернации меньше, чем многие другие.

— В таком случае вы не спали, когда мы вошли в закрытый участок пространства.

— Не спал.

— А до того вы следили за происходящим на борту «Синего космоса» настолько пристально,

что, наверное, чувствовали себя там, а не на «Гравитации».

— Да, доктор. Мне часто казалось именно так.

— Затем софоны вышли из строя, и вам стало не за чем наблюдать. Кроме того, вы утомились... Простейший случай, коммандер. Поверьте, вы в полном порядке. Просто отдохните. Теперь у нас достаточно людей.

— Доктор, я выжил в битве Судного дня. Когда мой корабль взорвался, я забился в спасательный контейнер размером не больше вашего стола и дрейфовал возле орбиты Нептуна. Когда меня подобрали, я уже умирал, но с мозгами у меня было все в порядке. Я никогда не страдал галлюцинациями. Я знаю, чт`о я видел. — Девон встал и направился к выходу. У двери обернулся: — Если снова встречу этого гада, неважно где, — убью на месте.

* * *

Чуть позже в оранжерее № 3 произошла поломка — порвалась углепластиковая трубка с питательным раствором. Она не находилась под высоким давлением, поэтому вероятность отказа считалась незначительной. Инженер биосферы Иванцов пробрался сквозь густые, как тропи-

ческий лес, аэропонные заросли и увидел, что работники уже перекрыли вентиль и вытирают пролившуюся желтую питательную смесь.

Увидев пробитую трубку, Иванцов застыл на месте.

— Это... это же пробоина от микрометеорита!

Кто-то рассмеялся. Иванцов был опытным и знающим специалистом, не склонным откалывать подобные шуточки, и оттого его реплика показалась еще смешнее. Компоненты биосферы располагались в центре корабля. Оранжерея № 3 находилась в десятках метров от ближайшего сегмента внешней обшивки.

— Я проработал десять лет во внешнем обслуживании и знаю, как выглядит удар микрометеорита! Смотрите сами, вот типичные обгорелые края после высокотемпературной вспышки.

Иванцов внимательно пригляделся к внутренней стороне трубки, потом попросил техника сделать срез пробоины и поместил его под микроскоп. Как только на экране появилось увеличенное в тысячу раз изображение, все разговоры стихли. В стенке трубки обнаружились маленькие черные крошки диаметром всего несколько микрон; они недобро мерцали в ярких лучах света. Все знали, что это такое. Микрометеорит,

очевидно, был около сотни микрон в диаметре. Пробив углепластик, он рассыпался в пыль, которая осела на противоположной стенке трубки.

Все как один задрали головы вверх.

Потолок над поврежденной трубкой выглядел ровным и без пробоин. Над потолком располагались десятки, а может быть, сотни переборок разной толщины, отделявших оранжерею от космоса. Получи любая из них пробоину — и раздался бы тревожный сигнал высокого приоритета.

Но микрометеорит должен был прилететь из космоса! Судя по поврежденной трубке, объект ударил с относительной скоростью тридцать километров в секунду. Внутри корабля, не говоря уж о помещении оранжереи, разогнать его до такой скорости невозможно.

— Ну прям наваждение какое-то, — пробурчал, уходя, младший лейтенант по имени Айк. Он не случайно выбрал это слово. Десятью часами раньше его посетило другое наваждение, пострашнее.

* * *

Айк лежал на койке в своей каюте и пытался заснуть. Внезапно в стене перед койкой, там, где висел гавайский пейзаж, протаяло круглое

отверстие диаметром около метра. Правда, многие переборки на корабле могут менять форму и создавать проходы где угодно, но образовать круглую дыру они не способны. Более того, у кают младших офицеров стены из сплошного металла, не поддающиеся управляемой деформации. Айк присмотрелся и обнаружил, что края отверстия идеально гладкие, можно даже сказать зеркальные.

Дыра в стене озадачивала, но Айк ей скорее обрадовался. В соседней каюте жила младший лейтенант Вера.

Веренская служила на «Гравитации» инженером систем искусственного интеллекта. Айк уже давно пытался привлечь внимание русской красотки, но та оставалась равнодушна. Айк припомнил последнюю попытку два дня назад.

Тогда он и Веренская сменились с вахты и, как обычно, вместе направились в блок офицерских кают. Когда они подошли к каюте Веренской, Айк вознамерился войти внутрь, но девушка загородила дорогу.

— Ну что ты, солнышко, — сказал Айк. — Позволь мне зайти. Это даже не по-соседски, ты же меня ни разу не пригласила в гости. Подумают, что я не настоящий мужчина.

Веренская искоса взглянула на него:

— Настоящие мужчины на корабле беспокоятся о выполнении задания, а не о том, как бы залезть в трусы ко всем женщинам вокруг.

— Да о чем тут беспокоиться? Поймаем этих убийц, и дело в шляпе! Нас ждут веселые деньки!

— Они не убийцы! Если бы не Устрашение, «Синий космос» стал бы единственной надеждой человечества. А мы гонимся за ними сообща с врагами человеческой расы! И тебе не стыдно?

— Хм... ну, детка, если ты так считаешь... а почему тогда...

— Почему я здесь? Ты это хочешь сказать? Иди, доложи психиатру и капитану! Они засунут меня в гибернатор, а когда вернемся, вышибут из флота. Давай, жду не дождусь! — Веренская захлопнула дверь перед носом незадачливого кавалера.

Зато теперь у Айка появился отличный повод войти в ее каюту. Он расстегнул страховочный пояс, привстал на койке, но замер, увидев, что в нижней половине круглого отверстия исчезла не только переборка, но и верх стоявшей возле стены тумбочки. Края того, что осталось от тумбочки, были такими же гладкими и зеркальными, как и

края дыры. Казалось, будто невидимый нож прорезал и тумбочку, и ее содержимое, в том числе и аккуратно сложенную одежду. Зеркальные края разреза совпадали с краями отверстия, образуя сферическую поверхность.

Айк оттолкнулся от койки и всплыл в невесомости. Заглянул в дыру и чуть было не вскрикнул от ужаса. «Должно быть, я сплю и у меня кошмар!»

Исчезла также придвинутая к стене часть койки Веренской и нижняя половина ее ног. Разрез койки и тела был таким же гладким и зеркальным, словно покрытым пленкой ртути, но сквозь нее просвечивали мышцы и кости. Похоже, однако, что девушка не испытывала боли. Она крепко спала, тугие груди неспешно поднимались и опускались в такт дыханию. Обычно Айк только порадовался бы такой картине, но сейчас его охватил сверхъестественный ужас. Взяв себя в руки и присмотревшись, он увидел, что проходящий по ногам разрез является частью той же сферы, что проделала отверстие в стене.

Перед ним находился пузырь пространства диаметром около метра, словно бы съедающий все на своем пути.

Айк дрожащей рукой схватил лежащий на прикроватной тумбочке скрипичный смычок и

ткнул им в пузырь. Та часть, что оказалась внутри, исчезла, но волос остался туго натянутым. Он выдернул смычок и убедился, что с ним ничего не произошло. Тем не менее Айк похвалил себя, что не попытался пролезть в дыру. Кто знает, в каком виде он вылез бы с той стороны?

Айк заставил себя успокоиться и принялся искать наиболее рациональное объяснение развернувшейся перед ним картине. Пришел к решению, которое посчитал самым разумным: надел сонный обруч, лег в койку, пристегнул страховочный ремень и установил обруч на полчаса сна.

Через полчаса он проснулся. Пузырь оставался на том же месте.

Тогда Айк выставил обруч на один час. Когда он проснулся, исчезли и пузырь, и дыра в стене. Там висел пейзаж Гавайских островов. Все как всегда.

Но Айк не мог избавиться от беспокойства за Веренскую. Он выскочил из каюты и подбежал к двери соседки. Вместо того чтобы нажать кнопку звонка, он заколотил по двери. Он представлял себе страшную картину, в которой умирающая Веренская лежит на койке с отрезанными ногами.

Дверь открылась не сразу. Полусонная девушка потребовала объяснений.

— Я хотел убедиться... что с тобой все в порядке. — Айк опустил глаза: из-под подола ночной рубашки высовывались красивые и совершенно целые ноги Веренской.

— Идиот! — Девушка захлопнула дверь.

Айк вернулся к себе в каюту и поставил сонный обруч на восемь часов. Что же до увиденного... Единственное мудрое решение — держать язык за зубами. «Гравитация» выполняла особое задание, поэтому за психологическим состоянием экипажа, особенно офицеров, тщательно следили. Из чуть более чем сотни членов экипажа двенадцать служили в отделе психологического контроля. Кое-кто даже подшучивал, что «Гравитация» не звездолет, а психиатрическая лечебница. А этот назойливый гражданский, психиатр Уэст, что угодно объяснял психическими расстройствами, заболеваниями и блокадами. Он, наверное, поставит диагноз даже засорившемуся унитазу. К психическому здоровью экипажа предъявлялись высокие требования; при малейшем отклонении человека укладывали в гибернатор. Айк очень боялся пропустить встречу кораблей, которой суждено войти в историю, — ведь тогда через

полвека, когда «Гравитация» вернется, девчонки не посмотрят на него, как на героя.

Но Айк почувствовал, что уже не так сильно ненавидит психологов и доктора Уэста. Младший лейтенант обычно считал, что они делают из мухи слона. Он даже представить себе не мог, что бывают настолько реалистичные галлюцинации.

* * *

По сравнению с относительно легким наваждением Айка встреча старшины Лю Сяомина со сверхъестественными силами была намного более зрелищной.

Лю проводил плановый внешний осмотр обшивки корабля. Для этого он вел небольшой челнок на определенном расстоянии от «Гравитации» и высматривал любые отклонения и особенности — такие, например, как последствия метеоритных ударов. Это была давняя и уже устаревшая процедура, теперь не особенно необходимая и редко выполняемая. Современный корабль напичкан датчиками; они постоянно следят за состоянием обшивки и немедленно подадут сигнал о неполадке. Осмотр можно проводить только в полете по инерции, без уско-

рения или торможения. Когда «Гравитация» приблизилась к «Синему космосу», для корректировки траектории часто требовалось включать разгон или торможение. В тот день корабль шел по инерции, и старшине Лю приказали воспользоваться редким шансом.

Лю вывел челнок из ангара в середине корабля и аккуратно отвел подальше, чтобы видеть весь корабль. Обшивка сияла в свете звезд Галактики. При предыдущих осмотрах б`ольшая часть экипажа лежала в гибернации; теперь же многие иллюминаторы светились, и «Гравитация» выглядела еще более впечатляюще.

И тут Лю узрел нечто невероятное. У «Гравитации», этого идеального цилиндра, корма была сейчас срезана наискось! Кроме того, корабль оказался на 20 процентов короче, чем следует. Корму отсекло каким-то исполинским невидимым ножом.

Лю зажмурился на несколько секунд. Корма обратно не отросла. Старшина похолодел. Плывущий перед ним корабль был единым целым. Если отрезать корму, то выйдут из строя системы энергопитания, и через несколько секунд космолет взорвется. Но ничего такого не происходило! Корабль парил в космосе как ни в чем не бывало.

Никаких тревожных сигналов ни в наушниках, ни на экранах.

Лю нажал клавишу передатчика, собираясь доложить, но тут же отпустил, не сказав ни слова. Он вспомнил совет старого астронавта, участника битвы Судного дня: «Не доверяй интуиции в космосе. Если должен действовать по наитию, сперва посчитай до ста. Или хотя бы до десяти».

Лю закрыл глаза и начал считать. Дошел до десяти, открыл глаза. Кормы нет. Закрыл снова, продолжил счет. Часто задышал, но заставил себя успокоиться, как учили. Досчитал до тридцати, открыл глаза. Увидел всю «Гравитацию» целиком. Он прикрыл глаза, глубоко вздохнул и подождал, пока сердцебиение не уляжется.

Старшина направил челнок в сторону кормы, к трем огромным дюзам термоядерного двигателя. Двигатель не работал, реактор держали на минимальной мощности, поэтому в дюзах лишь теплилось бледное красное свечение, напомнившее ему земные облака на закате солнца.

Старшина Лю был счастлив, что не потребовалось докладывать об увиденном. Офицеру предписали бы лечение; но младшего командира, такого как он, просто сунули бы в гибернатор, и дело с концом. Как и Айк, Лю Сяомин не хотел

вернуться на Землю неудачником.

* * *

Доктор Уэст отправился к Гуань Ифаню — гражданскому ученому, работавшему в обсерватории на корме. Гуаня поселили в каюте в середине корабля, но он там редко появлялся, проводя почти все время в обсерватории и заказывая еду через роботов обслуживания. Экипаж прозвал его «отшельником на корме».

Обсерватория располагалась в крохотном сферическом отсеке — там Гуань и работал, и жил. Вечно растрепанный, небритый и длинноволосый, он, однако, выглядел еще довольно молодо. Уэст застал ученого парящим в центре отсека: взволнованный, вспотевший, с беспокойным взглядом, тот оттягивал рукой воротник, как будто ему не хватало воздуха.

— Я же сказал вам по телефону, что работаю! Некогда мне принимать гостей.

— Я именно потому и пришел, что по телефону уловил в вашей речи признаки психической нестабильности.

— Я не служу во флоте. Пока я не опасен для корабля или экипажа, вы мне не указ.

— Хорошо. Я уйду. — Уэст повернулся к выходу.

— Просто не верю, что кто-то, страдающий клаустрофобией, может здесь спокойно работать.

Гуань окликнул доктора, но тот его проигнорировал. Тогда, как Уэст и ожидал, Гуань догнал его и остановил.

— Но как вы догадались? У меня действительно... клаустрофобия. Чудится, что меня запихнули в узкую трубу... а иногда что зажали между двумя железными пластинами и давят, давят, пока не раздавят в лепешку...

— Не удивляюсь. Посмотрите вокруг. — Доктор обвел рукой крохотное пространство, забитое переплетением кабелей и труб. — Вы исследуете величайшие объекты во Вселенной, а сами сидите в тесной норе. И как давно вы здесь? Вы не ложились в гибернацию уже четыре года, если не ошибаюсь?

— Я не жалуюсь. Задача «Гравитации» — догнать беглецов и передать их в руки правосудия, а не вести научные исследования. Хорошо, что для меня хоть столько места нашлось... Послушайте, причина моей клаустрофобии совсем в другом.

— А не прогуляться ли нам по главному плацу? Вам станет легче.

Доктор подхватил Гуань Ифаня за руку, и они поплыли к носу корабля. Если бы «Гравитация»

разгонялась, путешествие от кормы до носа означало бы подъем из колодца глубиной в один километр. Но при дрейфе, в невесомости, это сделать куда проще. Плац располагался на носу корабля-цилиндра, под полукруглым прозрачным колпаком. Здесь казалось, что стоишь в космосе. По сравнению со сферическими каютами с их голограммами звездного неба на стенах в этом месте «эффект дематериализации» проявлялся с особой силой.

«Эффект дематериализации» — это термин космической психологии, того ее раздела, который занимается изучением психики астронавтов. На Земле людей окружают предметы, и потому подсознание принимает мир как материальный, овеществленный. Но в глубоком космосе, вдали от Земли, звезды всего лишь далекие яркие точки, а Галактика — фосфоресцирующий туман. И чувствам, и разуму кажется, что мир потерял вещественность, а на первый план вышла пустота. В подсознании космического путешественника мир утрачивает материальность. Эта когнитивная модель легла в основу космической психологии. Разум воспринимает корабль как единственный реальный предмет во Вселенной. На досветовой скорости движение корабля

незаметно, и Вселенная становится одним бескрайним, пустым выставочным залом. Звезды в нем лишь иллюзия, а экспонат только один — корабль. У человека возникает чувство глубокого одиночества, а оно, в свою очередь, может вызвать у путешественника подсознательное заблуждение, что он является «сверхнаблюдателем» по отношению к одинокому «экспонату». Астронавт чувствует себя полностью обнаженным и незащищенным, что влечет за собой пассивность и страх.

Это беспредельно разомкнутое пространство порождало множество психологических осложнений при полете в глубоком космосе. Весь профессиональный опыт Уэста говорил, что клаустрофобия Гуань Ифаня — это явление редчайшее. И еще необычнее тот факт, что ученому не помогло бесконечное, открытое небо плаца. Беспокойство и тревога нисколько не ослабли. Похоже, Гуань прав — его состояние вызвано не теснотой в обсерватории. Этот случай интересовал Уэста все больше и больше.

— Вам лучше?

— Нет, нисколько. Кажется, что я в ловушке. Здесь все так... закупорено!

Гуань бросил взгляд на звездное небо, а потом

стал смотреть прямо по курсу «Гравитации». Доктор знал, что ученый пытается увидеть «Синий космос». Корабли летели по инерции с почти одинаковой скоростью, их разделяла всего лишь сотня тысяч километров — то есть, по меркам космоса, один чуть ли не наступал на пятки другому. Командование обоих кораблей договаривалось о технических деталях стыковки. «Синий космос», однако, находился слишком далеко для наблюдения невооруженным глазом. «Капли» тоже оставались невидимыми: по заключенному пятьдесят лет назад соглашению они отошли на расстояние трехсот тысяч километров от «Гравитации» и «Синего космоса». Два корабля и «капли» образовали узкий равнобедренный треугольник.

Гуань Ифань посмотрел на Уэста.

— Прошлой ночью мне приснился сон. Я оказался где-то, в каком-то *по-настоящему* открытом пространстве, открытом настолько, что вы даже представить себе не можете. А когда проснулся, мир вокруг показался до того замкнутым, до того ограниченным... Вот так я и заработал клаустрофобию. Представьте, что с самого рождения вы были заперты в маленьком ящичке. Вас это не волновало бы — вы всегда так жили. А потом вас

выпустили — и засунули обратно. Вот тогда вы почувствовали бы разницу.

— Расскажите подробнее о пространстве, которое вы видели.

Гуань загадочно улыбнулся:

— Расскажу другим ученым на корабле, может быть, даже ученым на «Синем космосе». Но не вам. Ничего не держу лично против вас, доктор, но не выношу типичного для вашей профессии подхода: если уж вы посчитали кого-то психически неустойчивым, то все, что бы он ни сказал, будет объявлено бредом больного воображения.

— Но вы же сами сказали, что это был сон.

Гуань покачал головой, стараясь вспомнить.

— Я не уверен, что это был сон. Не знаю, спал я тогда или нет. Порой вам кажется, что просыпаетесь, а на самом деле все еще видите сон. А иногда вы бодрствуете, но кажется, что спите.

— Последнее случается крайне редко. Если вам довелось испытать такое, то почти наверняка это признак какого-то душевного расстройства. Ох, извините, я опять раздражаю вас.

— Нет, нет. Полагаю, мы с вами похожи. У нас обоих есть объекты наблюдения. Вы изучаете помешанных, я изучаю Вселенную. Так же как и у вас, у меня есть критерии, по которым я сужу

о «здоровом» виде объектов: гармония и красота — в математическом смысле, конечно.

— Разумеется, с *вашими* объектами наблюдений все в полном порядке.

— Ну-у, тут вы ошибаетесь, доктор. — Гуань указал на сияющий Млечный Путь, не отрывая глаз от Уэста. Он словно указывал психологу на какого-то монстра, внезапно выскочившего из ниоткуда. — Вот там находится пациент, возможно, здоровый психически, но телом — паралитик.

— Как так?

Гуань сначала поджал ноги, а потом обнял себя за колени и стал медленно вращаться в невесомости. Великолепный Млечный Путь закрутился вокруг него, а он сам стал центром Вселенной.

— Из-за скорости света. Известная нам Вселенная имеет диаметр шестнадцать миллиардов световых лет и продолжает расширяться. Но скорость света ограничена тремястами тысячами километров в секунду — это же скорость улитки! Это значит, что свет никогда не дойдет от одного края Вселенной до другого. Раз ничто не может двигаться быстрее света, то и никакая информация, никакие силы с одного края Вселенной не дойдут до другого. Если бы Вселенная была

живым существом, его нервная система не могла бы управлять всем телом; мозг не знал бы, что существуют руки и ноги, а те не знали бы, что есть мозг. Чем не паралитик? Впрочем, у меня перед глазами стоит образ намного хуже: раздувающийся труп.

— Любопытно, доктор Гуань, весьма любопытно!

— Кроме скорости света, трех сотен тысяч километров в секунду, есть и другой симптом, тоже связанный с цифрой три.

— Что вы имеете в виду?

— Трехмерное пространство. В теории струн Вселенная десятимерна, если не учитывать время. Но в макроскопическом масштабе существуют только три измерения; именно они формируют наш мир. Все прочие свернулись на квантовом уровне.

— Вроде бы теория струн дает этому объяснение.

— Кое-кто утверждает, что, когда две струны пересекаются, какие-то из их свойств компенсируют друг друга, и измерения разворачиваются в макромире. И что размерности выше трех никогда не встретятся... Это объяснение мне не очень-то нравится, не ощущается математически

красивым. Как я и сказал, мы наблюдаем во Вселенной синдром трех и трехсот тысяч.

— И что же, по-вашему, является причиной?

Гуань оглушительно расхохотался и обнял доктора за плечи.

— Отличный вопрос! Не каждый бы до него додумался. Наверняка причина имеется; она может оказаться самой ужасной правдой, которую наука способна раскрыть. Но... Доктор, кто я, по-вашему? Просто ничтожный наблюдатель, скорчившийся в каморке где-то в хвосте корабля, да к тому же всего-то младший научный сотрудник.

Он убрал руку с плеча доктора, повернулся к Галактике и глубоко вздохнул.

— Я пролежал в гибернации больше всех на корабле. Когда мы покинули Землю, мне было двадцать шесть. А сейчас тридцать один. Но в моих глазах Вселенная превратилась из источника красоты и веры в раздувающийся, распухающий труп. Я чувствую себя стариком. Меня больше не тянет к звездам. Я хочу домой.

В отличие от Гуань Ифаня Уэст почти весь полет не ложился в холодный сон. Он всегда верил, что врач-психиатр должен обуздывать собственные эмоции. Но сейчас что-то беспокоило его душу; он вспомнил полвека, проведенные в пути, и на

глаза его навернулись слезы.

— Мой друг, я ведь тоже старик.

И будто в ответ на эти слова завыли сирены боевой тревоги, будто завопили разом все звезды в небе. По плавающим окошкам, вспыхнувшим повсюду на плацу, побежали строчки предупреждений. Окна загорались одно поверх другого и вскоре затмили многоцветным облаком весь Млечный Путь.

— «Капли» атакуют! — сообщил Уэст ничего не понимающему Гуань Ифаню. — Обе разгоняются. Одна нацелилась на «Синий космос», другая — на нас.

Гуань инстинктивно оглянулся, подыскивая что-нибудь, за что можно уцепиться, если на корабле включат двигатель. Но вокруг ничего не было. Тогда он ухватился за доктора.

Уэст перехватил его руки:

— На уклонение нет времени. Осталось лишь несколько секунд.

После мимолетной паники оба почувствовали неожиданное облегчение. Хорошо, что смерть настанет так быстро, что даже некогда испугаться. Возможно, беседа о Вселенной — лучшая подготовка к уходу в мир иной.

Обоим пришла в голову одна и та же мысль, но

Гуань высказал ее первым:

— Похоже, нам больше не придется беспокоиться о своих пациентах!

Эра Устрашения, год 62-й, 28 ноября, между 16:00 и 16:17. Центр Устрашения

Скоростной лифт продолжал опускаться; Чэн Синь казалось, что земля над головой давит всей своей тяжестью прямо ей на сердце.

Полгода назад совместная сессия ООН и Флота Солнечной системы избрала Чэн Синь преемницей Ло Цзи на посту Держателя Меча. Ей дали коды доступа к гравитационным передатчикам системы устрашения. За Чэн Синь проголосовало вдвое больше делегатов, чем за кандидата, занявшего второе место. Она теперь ехала в Центр Устрашения, расположенный в пустыне Гоби. Там пройдет церемония передачи должности.

Центр Устрашения располагался на самой большой глубине, когда-либо достигнутой человечеством — сорок пять километров ниже поверхности, за пределами земной коры, в мантии Земли. Температура и давление были здесь намного выше, чем в коре. Порода за стенами

— твердый, плотный перидотит[27].

Лифт опускался почти двадцать минут. Чэн Синь вышла из кабины и оказалась перед черной стальной дверью с белым текстом официального названия: «Абсолют-центр управления системы всеобщего гравитационного вещания». Тут же красовались эмблемы ООН и Флота Солнечной системы.

Это была чрезвычайно сложная, сверхглубокая постройка. Замкнутая система вентиляции не соединялась напрямую с атмосферой на поверхности, иначе колонна воздуха высотой в сорок пять километров не позволит персоналу нормально дышать. Строение также имело мощную систему охлаждения, рассчитанную на работу внутри нагретой до пятисот градусов мантии.

Но Чэн Синь не видела ничего, кроме пустоты. Стены вестибюля, похоже, могли выступать в роли информационных окон, но сейчас они стояли безжизненно белые, словно здание еще не передали в эксплуатацию. Полвека назад, когда началась работа над проектом Центра Устраше-

---

[27] Примечания: 27

Перидотиты — общее название семейства ультраосновных плутонических горных пород нормально-щелочного ряда, в составе которых преобладают оливин и пироксен (https://ru.wikipedia.org/wiki/Перидотит). — *Прим. перев.*

ния, спросили совета у Ло Цзи, но он сказал лишь: «Сделайте просто, как в могиле».

Церемония передачи полномочий — торжественное мероприятие, но основная его часть прошла сорока пятью километрами выше, на поверхности. Собравшиеся там руководители Земного Конгресса и Конгресса Флотов наблюдали, как Чэн Синь входит в кабину лифта. За финалом процедуры приглядят лишь два человека: председатель СОП и начальник штаба Флота Солнечной системы — представители двух организаций, напрямую связанных с системой устрашения.

Председатель СОП указал на пустынный вестибюль и объяснил Чэн Синь, что они обставят его, как она пожелает. Если захочет, то здесь будет лужайка, кусты, фонтан и так далее. Можно также разместить голограммы земных пейзажей.

— Нам не хочется, чтобы вы жили, как он, — произнес начальник штаба. Может быть, повлияла его военная форма, но Чэн Синь почуяла в нем что-то от мужчин прошлого, и у нее на сердце слегка потеплело. Но это не сняло тяжесть с души — все зависшие над головой сорок пять километров горных пород продолжали давить на нее.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Дилемма Держателя Меча: десять минут от бытия до истребления

Самая первая система устрашения «темным лесом» состояла из трех с лишним тысяч ядерных бомб внутри капсул с маслянистым веществом, выведенных на орбиту вокруг Солнца. Если бомбу взорвать, образуются пылевые облака, солнечный свет станет периодически меркнуть и таким образом передаст во Вселенную координаты Трисоляриса. Конструкция грандиозная, но ненадежная. Как только «капли» перестали глушить Солнце, в дополнение к бомбам развернули передатчики, использующие звезду в качестве антенны.

И та, и другая система использовали в качестве агента передачи информации электромагнитное излучение, в том числе и видимый свет. Сегодня мы знаем, что это самый примитивный способ межзвездной связи, немногим отличающийся от дымовых сигналов. Радиоволны быстро ослабевают и искажаются, поэтому дистанция устойчивой связи невелика.

Когда создавали систему устрашения, человечество уже владело азами гравитационно-волновой и нейтринной технологии, но передавать модулированные сообщения не умело. Именно эту технологию первым делом потребовали у Трисоляриса. По сравнению с квантовой связью эти способы передачи сообщений тоже считались примитивными, поскольку они ограничиваются скоростью света. Но даже они намного лучше, чем радиоволны.

И нейтринные пучки, и гравитационные волны рассеиваются сравнительно медленно, поэтому позволяют вести вещание на дальние расстояния. Нейтрино, в частности, практически ни с чем не взаимодействует. Теоретически поток нейтрино может передать сообщение хоть на другой конец Вселенной, искажения сигнала не повлияют на расшифровку информации. Однако пучок нейтрино необходимо сфокусировать в каком-то одном направлении, а гравитационные волны распространяются во все стороны. Поэтому грависвязь стала основным способом передачи в системе устрашения «темным лесом».

В основе гравитационного передатчика лежит вибрация длинной струны, изготовленной из чрезвычайно плотного вещества. Идеальная ан-

тенна состояла бы из цепочки «черных дыр». Но такое не по силам даже Трисолярису. Землянам пришлось создавать струны из плотного вырожденного вещества. Струна диаметром в нанометр была очень тяжелой, но занимала ничтожную часть объема громадной антенны. Остальные детали требовались для удержания струны и защиты от внешних воздействий. Сама антенна весила не так уж много.

В природе вырожденное вещество наподобие того, что использовалось в струнах, имеется в белых карликах и нейтронных звездах. В обычных условиях подобная материя постепенно распадается и становится обыкновенным веществом. Время полураспада изготовленных людьми струн составляло около пятидесяти лет, затем антенна теряла эффективность. Раз в полвека антенны следовало заменять на новые.

В самом начале программы Устрашения основной стратегической задачей стало обеспечение надежности системы. Намеревались построить сотню вещательных станций, разбросанных по всем континентам. Но у грависвязи есть недостаток: невозможно создать малогабаритную аппаратуру. Сложные гравитационные антенны стоили огромных денег; в конце концов постро-

или только двадцать три передатчика. Но планы свернули по другой причине.

За годы Эры Устрашения ОЗТ постепенно исчезла, зато возникли экстремистские организации иного типа. Их приверженцы верили в превосходство человеческой расы и призывали к уничтожению Трисоляриса. Крупнейшей среди них была группировка «Сыны Земли». На шестом году Эры Устрашения более трехсот боевиков напали на станцию гравипередачи в Антарктиде, чтобы захватить передатчик. В их распоряжении оказалось новейшее оружие, такое как миниатюрные инфразвуковые ядерные бомбы. Изнутри им помогали диверсанты, заранее пробравшиеся на объект. Экстремисты чуть было не добились успеха. Если бы войска, обороняющие станцию, вовремя не уничтожили антенну, произошла бы катастрофа.

Инцидент потряс оба мира. Люди начали понимать, насколько опасны гравитационные передатчики. В то же время Трисолярис потребовал установить жесткий контроль над технологией грависвязи и сократить число станций с двадцати трех до четырех. Три из них находились на Земле — в Азии, Северной Америке и Европе. Четвертая располагалась на космическом корабле

«Гравитация».

Все передатчики работали по принципу «положительного управления»[28]. Технология «мертвой руки», применявшаяся в кольце бомб вокруг Солнца, уже не требовалась. Ло Цзи положил начало Устрашению в одиночку, но теперь, если Держатель Меча погибнет, на его место встанут другие.

Изначально предполагалось, что огромные гравитационные антенны построят на поверхности планеты. Но технология не стояла на месте, и в 12-м году Эры Устрашения все три наземные антенны и обслуживающие их комплексы перенесли глубоко под землю. Все, однако, понимали, что эта мера защищает в основном от террористов, но не способна остановить атаку Трисоляриса. Для укрепленных сильным взаимодействием «капель» десятки километров горных пород будут словно вода. В самом лучшем случае земная кора их немного замедлит.

Когда Земля начала Устрашение, трисолярианский флот отвернул в сторону. Наблюдения подтвердили смену курса. Когда эта угроза

---

[28] Примечания: 28

При положительном управлении система срабатывает, когда поступает сигнал. При отрицательном управлении (например, в «мертвой руке») система срабатывает, когда сигнал пропадает. — *Прим. перев.*

отпала, большинство заинтересовалось местонахождением десяти «капель», уже достигших Солнечной системы. Трисолярис настаивал, что четыре «капли» должны остаться в системе на случай, если экстремисты захватят один из гравитационных передатчиков. Тогда Трисолярис примет меры к спасению обеих планет. Земля неохотно согласилась, но потребовала, чтобы «капли» заняли позиции за пределами пояса Койпера. Более того, к каждому трисолярианскому зонду приставили наблюдателя — космический аппарат землян, постоянно докладывавший о действиях «капли». Таким образом, если зонды нападут, Земля узнает об этом за пятьдесят часов. Из четырех «капель» две вместе с «Гравитацией» отправились преследовать «Синий космос», а две другие остались недалеко от пояса Койпера.

Никто не знал, где находятся остальные шесть «капель».

Трисолярис утверждал, что они покинули Солнечную систему и отправились догонять трисолярианский флот. Никто на Земле этому не верил.

Трисоляриане уже не были существами с прозрачным разумом. За последние два века они изучили множество стратегических приемов,

научились лгать, хитрить и прибегать к уловкам. Наверное, это было их самым ценным приобретением за все годы изучения земной культуры.

Большинство людей не сомневалось, что шесть «капель» скрываются где-то в Солнечной системе. Но они настолько маленькие, быстрые и невидимые для радара, что распознать их очень трудно. Даже если воспользоваться облаками из масляной пленки или какой-нибудь другой современной системой обнаружения, «капли» удастся засечь только на расстоянии одной десятой астрономической единицы, то есть 15 млн км. За пределами этой сферы «капли» могли перемещаться незамеченными.

На максимальной скорости «капля» пролетит 15 миллионов километров за десять минут.

Если устрашение «темным лесом» потерпит неудачу, то десять минут — это весь временной ресурс, отведенный Держателю Меча для принятия решения.

Эра Устрашения, год 62-й, 28 ноября, между 16:00 и 16:17. Центр Устрашения

Тяжелая, толщиной в метр, стальная дверь открылась с глухим рокотом. Чэн Синь и сопровождающие вошли в самое сердце системы устрашения «темным лесом».

И снова открытое, пустое пространство. Чэн Синь стояла в полукруглом зале. Изогнутая дальняя стена слегка просвечивала, как лед; пол и потолок — чистейшая белизна. Девушке сперва показалось, что она стоит перед пустым оком без зрачка, источающим чувство одиночества и утраты.

Потом она заметила Ло Цзи.

Держатель Меча сидел на полу, скрестив ноги, в середине белого зала, лицом к изогнутой стене. Его аккуратно расчесанные длинные волосы и борода, тоже белые, сливались со стеной. Резким контрастом на фоне белого окружения выде-

лялся его черный чжуншаньский[29] костюм. Он сидел застывшей перевернутой буквой «Т», как одинокий якорь на берегу, неподвластный ревущему над головой урагану времени и бушующим волнам эпох, стойко дожидающийся корабля, которому не суждено вернуться. В правой руке Ло Цзи держал, словно эфес меча, узкую красную пластинку — пульт гравитационного передатчика. Присутствие Ло Цзи наделяло белое око зрачком. Пускай он и был всего лишь черной точкой, но он придавал пустоте душу, изгонял тоску и уныние. Глаз самого Держателя Меча, отвернувшегося лицом к стене, вошедшие не видели, а он не отреагировал на гостей.

Рассказывали, что мастер Бато, основатель монастыря Шаолинь, провел десять лет в медитации перед стеной, пока его тень не отпечаталась на камне. Если это правда, то тень Ло Цзи запечатлелась здесь уже пять раз.

Председатель СОП придержал Чэн Синь и на-

---

[29] Примечания: 29

Стиль, известный на Западе как «костюм Мао». Здесь дается дословный перевод, чтобы избежать непреднамеренных ассоциаций. Сунь Чжуншань (или Сунь Ятсен) был основателем Китайской Республики, государства-предшественника материковой Китайской Народной Республики. — *Прим. К. Л.*

Вот почему этот костюм до сих пор популярен (http://www.bbc.com/russian/society/2015/11/151118_vert_cul_why_mao_suit_endures). — *Прим. перев.*

чальника штаба:

— До передачи полномочий еще десять минут, — прошептал он.

Ло Цзи непоколебимо стоял на посту последние десять минут своего пятидесятичетырехлетнего служения.

В начале Эры Устрашения Ло Цзи довелось немного пожить счастливо. Он воссоединился с женой, Чжуан Янь, и дочкой, Сяся, и вновь узнал радость жизни. Но через два года Чжуан Янь покинула его вместе с дочерью. Ходило множество слухов. По одной из распространенных версий Ло Цзи оставался спасителем в глазах народа, но для родных он выглядел иначе. Постепенно Чжуан Янь якобы осознала, что живет с человеком, уничтожившим один мир и держащим в руках судьбу двух других, с каким-то монстром, который внушает ей страх. Поэтому она взяла ребенка и ушла. А по другой версии Ло Цзи сам оставил жену и дочь, чтобы они могли нормально жить. Никто не знал, куда направились Чжуан Янь и Сяся. Скорее всего, они до сих пор живут где-то обычной, безмятежной жизнью.

Семья Ло Цзи распалась как раз в то время, когда передатчики грависвязи пришли на смену кольцу бомб вокруг Солнца. С тех пор Ло Цзи

бессменно оставался на посту Держателя Меча.

На этом космическом поле боя Ло Цзи не нуждался в причудливых, почти танцевальных движениях китайской школы фехтования. Ни к чему и размашистые приемы европейских школ, пригодные лишь для демонстрации искусства бойца. Стиль Держателя — *кэндзюцу*, японская школа. Бой в японском стиле обычно длился не дольше двух секунд. Один удар, звон мечей — и противник на земле, в луже крови. Но до этого воины долго, порой до десяти минут, недвижимо смотрели друг на друга. В этой битве они держали оружие не руками, а сердцем. Меч-сердце, превратившийся во взгляд, насквозь пробивал душу врага. Победитель определялся именно в этой схватке. В зависшей между бойцами тишине лезвия духовных мечей отражали атаки и беззвучными вспышками молний наносили удары. Исход боя — победа или поражение, жизнь или смерть — решался еще до первого взмаха меча.

Ло Цзи неотрывно смотрел в белую стену, но взор его был обращен к миру, отстоящему отсюда на четыре световых года. Он знал, что софоны показывают его глаза врагу. Во взоре Держателя Меча светились и стужа преисподней, и тяжесть тверди над головой, и готовность пожертвовать

всем. Под этим взором у противника трепетало сердце, и он был вынужден снова и снова отказываться от необдуманного поступка.

Но в любой схватке фехтование взглядами рано или поздно заканчивается, и наступает момент истины. Возможно, Ло Цзи, один из воинов в этом вселенском противостоянии, так и не увидит, когда меч взлетит в первый и последний раз.

А может быть, это случится через секунду.

Вот так Ло Цзи и Трисолярис глядели друг на друга на протяжении пятидесяти четырех лет. Ло Цзи из легкомысленного, безответственного шалопая превратился в подлинного Отвернувшегося, более полувека смотревшего в свою стену. Защитник земной цивилизации в любой момент был готов нанести смертельный удар.

За все эти годы Ло Цзи не вымолвил ни единого слова. Известно, что если человек хранит молчание десять-пятнадцать лет, то он утрачивает способность говорить. Он, вероятно, понимает речь, но произносить слова не в состоянии. Ло Цзи определенно больше не умел разговаривать; все, что он хотел сказать, он выражал во взгляде, устремленном в стену. Он перековал себя в машину устрашения, в мину, готовую взорваться в любой момент полувековой службы, тем самым

поддерживая неустойчивый баланс страха между двумя мирами.

Торжественный голос председателя СОП прервал тишину:

— Пришло время передать доступ к системе широковещательных гравитационных передатчиков.

Ло Цзи даже не шевельнулся. Начальник штаба подошел поближе, намереваясь помочь ему встать, но Ло Цзи поднял руку, останавливая его. Чэн Синь заметила, насколько сильным и энергичным получился этот жест, без ожидаемой от столетнего старца нерешительности. Затем Ло Цзи самостоятельно поднялся и замер в ожидании. Чэн Синь удивилась, что Держатель даже не оттолкнулся от пола руками, а просто распрямил скрещенные ноги. Не каждый молодой на такое способен!

— Господин Ло, вот ваш преемник, Чэн Синь. Передайте ей, пожалуйста, пульт управления.

Ло Цзи, высокий, не сгорбившийся под тяжестью лет, на несколько секунд обернулся к белой стене, на которую смотрел более полувека, и слегка поклонился.

Он отдавал почести врагу. Они столько лет неотрывно взирали друг на друга сквозь пропасть

глубиной в четыре световых года, что судьба связала их воедино.

Затем он повернулся к Чэн Синь. Старый и новый Держатели Меча молча стояли друг перед другом. Их глаза встретились лишь на мгновение, но девушка почувствовала, как яркий луч света озарил черноту ночи в ее душе. Под взглядом Ло Цзи она ощутила себя легкой, тонкой, как лист бумаги, даже прозрачной. Она и представить не могла, какой степени просветления достиг стоящий перед ней пожилой мужчина, глядя в стену на протяжении пятидесяти четырех лет. Ей показалось, что мысли Ло Цзи оседают, материализуются, становятся то такими же тяжелыми, как толща камня над головой, то невесомыми, как голубое небо еще выше. Она не знала и не могла знать, что происходит с этим человеком, пока сама не повторит его путь. Девушка не могла прочесть во взгляде Держателя ничего, кроме бездонной глубины.

Обеими руками Ло Цзи передал ей пульт управления. Обеими руками Чэн Синь приняла самый тяжелый предмет во всей истории Земли. Точка опоры, на которой балансировали качели двух миров, перешла от столетнего мужчины к двадцатидевятилетней женщине.

Пульт еще хранил тепло рук Ло Цзи. Он и в самом деле напоминал рукоятку меча. На нем располагались четыре кнопки: три сбоку, одна на конце. Чтобы не активировать систему случайно, кнопки были тугими, и их надо было нажимать в определенном порядке.

Ло Цзи сделал два шага назад и кивнул стоящим перед ним. Затем уверенным, ровным шагом направился к двери.

Чэн Синь отметила, что за все время никто не поблагодарил Ло Цзи за пятьдесят четыре года его службы. Она не знала, собирались ли председатель СОП или начальник штаба сказать что-нибудь, но когда они готовились к церемонии, никакие благодарности уходящему Держателю Меча не планировались.

Человечество не ощущало признательности перед Ло Цзи.

В вестибюле старика остановили несколько мужчин в черных костюмах. Один из них сообщил:

— Господин Ло, от лица прокурора Международного трибунала мы извещаем, что вы обвиняетесь в предполагаемом мундициде. Вы арестованы, и по делу будет начато следствие.

Ло Цзи даже не взглянул на них и продолжил

шагать к лифту. Помощники прокурора инстинктивно расступились. Наверное, Ло Цзи их вообще не заметил. Яркий огонь в его глазах сменился спокойствием заката. Он завершил свою трехсотлетнюю миссию и передал груз ответственности на плечи других. С этого момента, даже если феминизированное человечество и воспринимало его как дьявола и чудовище, оно будет вынуждено признать, что он добился неслыханной за всю человеческую историю победы.

Стальная дверь оставалась открытой, и до Чэн Синь доносились сказанные в вестибюле слова. Ей вдруг захотелось подбежать к Ло Цзи и поблагодарить, но она справилась с собой и подавленно следила, как недавний Держатель Меча входит в кабину лифта.

Председатель СОП и начальник штаба, не сказав ни слова, покинули помещение.

С гулким рокотом стальная дверь дрогнула и стала закрываться. Чэн Синь ощутила, как вся ее предшествующая жизнь вытекает сквозь сужающуюся щель, словно вода из воронки. Когда дверь полностью закрылась, родилась новая Чэн Синь.

Она посмотрела на красный пульт в руке. Он уже стал частью ее самой. С этой минуты она и этот прибор неразлучны. Даже во сне она обязана

держать его возле подушки.

В белом полукруглом зале воцарилась полнейшая тишина, словно здесь запечатано и стало недвижимым само время. Комната и в самом деле была похожа на склеп. Но теперь здесь заключен весь мир Чэн Синь. Она решила, что обязана как-то оживить помещение. Ей не хотелось становиться такой, как Ло Цзи. Она ведь не воин, не фехтовальщик — она простая женщина, и ей предстоит жить здесь очень долго — может, десятилетие, а может, и полвека. Действительно, Чэн Синь всю жизнь готовилась выполнить это поручение. Сейчас, стоя в самом начале долгого пути, она была спокойна.

Но судьба распорядилась иначе. Ее карьера на посту Держателя Меча, карьера, к которой она готовилась с самого рождения, завершилась всего через пятнадцать минут после того, как она взяла в руки «красную кнопку».

Последние десять минут Эры Устрашения: год 62-й, 28 ноября, с 16:17:34 до 16:27:58. Центр Устрашения

Бесцветные стены вспыхнули кроваво-красным, словно адский жар магмы прожег себе дорогу внутрь. Тревога наивысшего уровня! На багровом фоне засветились белые буквы, каждая — крик ужаса:

> Нападение зондов сильного взаимодействия.
>
> Общее количество: 6.
>
> Один идет курсом на точку Лагранжа L1 между Землей и Солнцем.
>
> Пять других движутся к Земле строем 1-2-2.
>
> Скорость: 25000 км/с. До столкновения с поверхностью 10 минут.

Рядом с Чэн Синь всплыли пять цифр, светившихся зеленым. Это были голографические кнопки. Если нажать любую из них, раскроется новое окно со всей доступной информацией, собранной системой раннего предупреждения,

следящей за космосом в радиусе 15 миллионов километров от Земли. Эти данные проверили в штабе Флота Солнечной системы и передали Держателю Меча.

Впоследствии земляне узнают, что шесть «капель» скрывались как раз за границей зоны обнаружения, чуть дальше 15 миллионов километров. Три из них использовали солнечные помехи в качестве прикрытия; остальные притворялись космическим мусором. Б`ольшую часть этого мусора составляли отработанные топливные кассеты самых первых термоядерных реакторов. Но даже если бы «капли» не маскировались, их все равно не стали бы искать так близко — люди полагали, что они затаились намного дальше, в поясе астероидов.

Грозовой разряд, которого Ло Цзи дожидался полвека, ударил в Чэн Синь через пять минут после ухода прежнего Держателя.

Чэн Синь не стала нажимать голографические кнопки. Все ясно и так.

Она мгновенно осознала всю глубину своего просчета. Та миссия Держателя Меча, которую она лелеяла в подсознании, никогда не имела ничего общего с реальностью. Разумеется, у Чэн Синь был план на случай наихудшего развития

событий — или, по крайней мере, она старалась, чтобы такой план составили. Специалисты СОП и флота объяснили ей, как работает система устрашения, и она разбирала с военными самые разные ситуации. Она воображала сценарии даже хуже случившегося.

Но в то же время она совершила непоправимую ошибку — ошибку, о которой не догадывалась, да и не могла догадываться. Однако именно в расчете на эту ошибку ее и сделали следующим Держателем.

Подсознательно она никогда не верила, что разворачивающиеся сейчас события вообще возможны.

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 14 млн км.

До ближайшего 13,5 млн км.

До столкновения с поверхностью 9 минут.

Подсознание Чэн Синь видело ее защитницей, не разрушительницей. Она женщина, а не воин. Она хотела пожертвовать остатком своей жизни ради поддержания равновесия между мирами, пока Земля не окрепнет, осваивая трисоляри-

анскую науку, пока Трисолярис не воспитается, впитывая земную культуру, пока однажды некий голос не скажет ей: «Отложи свой красный пульт, поднимайся на поверхность. Мир больше не нуждается ни в устрашении, ни в Держателе Меча».

Чэн Синь, в отличие от Ло Цзи, не воспринимала противостояние Держателя с далеким миром как вопрос жизни и смерти. Ей оно представлялось чем-то вроде игры в шахматы. Она, Чэн Синь, будет спокойно сидеть перед доской, продумывать дебюты, предугадывать атаки противника и парировать своими. Она была готова провести всю жизнь за этой игрой.

Но соперник не побеспокоился сделать ход. Он просто схватил доску и шарахнул ею Чэн Синь по голове.

Шесть «капель» включили двигатели на полную мощность в то самое мгновение, когда Чэн Синь приняла «красную кнопку» из рук Ло Цзи. Враг не терял ни секунды.

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 13 млн км.

До ближайшего 12 млн км.

До столкновения с поверхностью 8 ми-

нут.

Белизна.

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 11,5 млн км.

До ближайшего 10,5 млн км.

До столкновения с поверхностью 7 минут.

Белизна; ничего, кроме белизны. Не только белый зал, белая стена и белые буквы — все остальное вокруг тоже стало непроницаемо белым. Чэн Синь словно зависла в молочной вселенной, в капле диаметром шестнадцать миллиардов световых лет. В этой безбрежной белизне не за что ухватиться.

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 10 млн км.

До ближайшего 9 млн км.

До столкновения с поверхностью 6 минут.

И что ей теперь делать?!

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 9 млн км.

До ближайшего 7,5 млн км.

До столкновения с поверхностью 5 минут.

Белизна стала таять. Чэн Синь острее прежнего ощутила над своей головой все сорок пять километров земной коры. Самый нижний слой, прямо над Центром Устрашения, образовался примерно четыре миллиарда лет назад. Земле тогда исполнилось всего пятьсот миллионов лет. Начал зарождаться густой, мутный океан, в который неустанно били молнии. Солнце тогда казалось расплывчатым огненным шаром, зависшим в затянутом дымкой небе и бросающим красные блики на поверхность воды. То и дело по небу проносились другие яркие шары; за ними тянулся огненный след, а потом они падали в океан и порождали цунами. Гигантские волны накатывались на залитые лавой континенты, в небо поднимались столбы пара и огня, затмевающие солнце...

Контрастом к этой адской, но величественной картине служили микроскопические процессы,

развернувшиеся во взбаламученной воде. Под разрядами молний и ливнем космического излучения возникли органические молекулы. Они сталкивались, сливались, снова распадались... Такая «игра в кубики» длилась пятьсот миллионов лет. Наконец дрожащая цепочка органических молекул разделилась надвое. Половинки притянули к себе недостающие молекулы, и возникли две идентичные копии, принявшиеся размножаться снова и снова... Вероятность образования в этой игре самовоспроизводящейся цепочки молекул настолько же мала, как если бы смерч засосал в себя кучу металлолома и собрал бы из него «мерседес».

Но это произошло, и началась захватывающая история, которая длится уже три с половиной миллиарда лет.

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 7,5 млн км.

До ближайшего 6 млн км.

До столкновения с поверхностью 4 минуты.

Архейская эра сменилась протерозойской; и та, и другая длились миллиарды лет. Потом насту-

пил палеозой: кембрий — семьдесят миллионов лет, ордовик — шестьдесят, силур — сорок, девон — пятьдесят, карбон — шестьдесят пять, пермь — пятьдесят пять. Потом начался мезозой: триас — тридцать пять миллионов лет, юра — пятьдесят восемь, мел — семьдесят. Затем настал кайнозой: третичный период — шестьдесят четыре с половиной миллиона лет, четвертичный — два с половиной миллиона лет.

И тогда появилось человечество — оно уложилось в одно мгновение, если сравнить с продолжительностью прежних периодов. Династии и эпохи засверкали фейерверком; костяная дубинка, подброшенная в воздух какой-то обезьяной, превратилась в космический корабль. А теперь дорога длиной в три с половиной миллиарда лет, полная испытаний и невзгод, уперлась в маленького человечка, одного из сотни миллиардов, когда-либо живших на Земле, с «красной кнопкой» в руке.

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 6 млн км.

До ближайшего 4,5 млн км.

До столкновения с поверхностью 3 ми-

нуты.

Чэн Синь задыхалась под весом придавивших ее четырех миллиардов лет. Ее подсознание попыталось вынырнуть на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. Ей представлялось, что на поверхности кишмя кишит жизнь, начиная с самых крупных ее форм — гигантских рептилий, в том числе динозавров. Они стояли плотно, бок о бок, до самого горизонта. Под их животами и между ногами стояли млекопитающие, среди них — люди. Еще ниже бушевало черное море бесчисленных трилобитов и муравьев... В небесах сотни миллиардов птиц образовали темный крутящийся водоворот, закрывший собой звезды. Порой в нем мелькали даже огромные птеродактили...

Все они сохраняли полное молчание. Страшнее всего были их глаза — глаза динозавров, трилобитов, муравьев, птиц, бабочек... У одних только людей было сто миллиардов пар глаз — столько же, сколько в Млечном Пути звезд. Среди них были глаза и самых обычных людей, и глаза Леонардо да Винчи, Шекспира, Эйнштейна...

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 4,5 млн км.

До ближайшего 3 млн км.

До столкновения с поверхностью 2 минуты.

Два зонда нацелены на Азию, два на Северную Америку, один — на Европу.

Нажатие кнопки уничтожит все достижения трех с половиной миллиардов лет. Все растворится в бесконечной ночи Вселенной, словно никогда и не существовало.

Чэн Синь показалось, что она опять прижимает к себе того ребенка — такого мягкого, теплого, с влажным личиком, радостно улыбающегося и зовущего ее «мама».

Среднее расстояние до группировки зондов сильного взаимодействия 3 млн км.

До ближайшего 1,5 млн км.

До столкновения с поверхностью 1 минута 30 секунд.

— Нет! — вскрикнула Чэн Синь и отбросила «красную кнопку» прочь. Устройство заскользило по полу, а она смотрела на него, как на ядовитую змею.

Зонды сильного взаимодействия приближаются к орбите Луны и приступили к торможению.

Прогнозируемые точки столкновения с Землей: гравитационные передатчики в Северной Америке, Европе и Азии и Абсолют-центр управления всеобщей системой гравитационного вещания.

Прогнозируемое время до столкновения 30 секунд.

Последние мгновения тянулись бесконечно, как паутинка. Но Чэн Синь не колебалась; она уже приняла решение. Это решение родилось не в размышлениях; оно всегда жило в глубине ее генома. Оно возникло четыре миллиарда лет назад и с тех пор только подкреплялось. Права она или не права, Чэн Синь знала, что у нее нет иного выбора.

Хорошо, что скоро всему конец.

Сильный толчок повалил Чэн Синь на пол: это «капли» пронзили земную кору. Ей показалось, что каменная твердь, окружающая центр, исчезла и комната лежит на мембране огромного барабана. Девушка закрыла глаза и представила себе «каплю», проникающую сквозь толщу

земли, как рыба сквозь воду. Она дожидалась момента, когда несущийся с космической скоростью идеально гладкий дьявол доберется сюда и превратит и ее саму, и все вокруг в раскаленную лаву.

Но после нескольких резких сотрясений толчки прекратились, словно ударник закончил свою партию.

Красный фон экрана поблек и сменился белым, как и раньше. Показалось, что в комнате посветлело, что она стала более открытой. Появились черные строчки:

> Североамериканский гравитационный передатчик разрушен.
>
> Европейский гравитационный передатчик разрушен.
>
> Азиатский гравитационный передатчик разрушен.
>
> Усиление радиосигнала в Солнце подавлено на всех частотах.

Вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь слабым журчанием текущей воды. От сотрясения почвы где-то лопнула труба.

Чэн Синь поняла, что землетрясение вызвано атакой зонда на Азиатский гравипередатчик.

Комплекс аппаратуры располагался в двадцати километрах от Центра Устрашения, также глубоко под землей.

«Капли» не посчитали нужным атаковать Держателя Меча.

Черный текст на экране исчез и вскоре сменился другим, последним:

> Восстановление всеобщей системы гравитационного вещания невозможно.
>
> Устрашение «темным лесом» прекращено.

Эра Пост-Устрашения, первый час. Потерянный мир

Чэн Синь поднялась на поверхность и вышла из лифтового павильона на площадь, на которой час назад прошла церемония передачи должности новому Держателю Меча. Приглашенные уже разошлись, и площадь была пуста, лишь флагштоки продолжали отбрасывать длинные тени. На двух самых высоких реяли флаги ООН и Флота Солнечной системы, на остальных — флаги наций Земли. Полотнища мирно колыхались на легком ветру. За площадью расстилалась бескрайняя пустыня Гоби. Несколько пичуг весело чирикали в кусте тамариска. На горизонте поднимались горы Цилянь; снег, лежавший на их вершинах, сиял серебром.

Все как всегда — вот только этот мир больше не принадлежал людям.

Чэн Синь не знала, что делать. После краха Устрашения никто ей не звонил. Пост Держателя Меча прекратил свое существование вместе с Устрашением.

Девушка бесцельно побрела вперед. Когда она

проходила через ворота комплекса, ее поприветствовали два охранника. Чэн Синь страшилась предстать перед людьми, но в глазах солдат светилось только любопытство — они еще не знали, что произошло. По установленному распорядку Держателю дозволялось изредка и ненадолго подниматься на поверхность; наверное, военнослужащие решили, что она здесь из-за землетрясения. Возле летающего автомобиля, стоящего у ворот, Чэн Синь заметила нескольких офицеров. Они смотрели не на нее, а в ту сторону, откуда она пришла. Один даже указал рукой.

Чэн Синь обернулась и увидела поднимающееся на горизонте грибовидное облако. Густое, кажущееся твердым, оно состояло из каменных осколков и пыли, выброшенных из глубины. Оно настолько не соответствовало мирному пейзажу, что казалось грубо пририсованным в фотошопе. Присмотревшись, Чэн Синь решила, что в лучах заходящего солнца облако напоминает корявую скульптуру со странным лицом. Именно в том месте «капля» вонзилась в планету.

Кто-то позвал Чэн Синь по имени. Она повернулась и увидела, что к ней, накинув на плечи белый пиджак, бежит ☒ АА. Запыхавшаяся, с развевающимися волосами, та сообщила, что

приехала встретиться с Чэн Синь, но охрана ее не пропускала.

— Я тут цветочков привезла для твоего нового дома, — указала она на автомобиль. Потом посмотрела на облако-гриб: — А это что такое — вулкан? Землетрясение из-за него было?

Чэн Синь хотелось обнять подругу и выплакаться у нее на плече, но она сдержалась. Чэн Синь хотела, чтобы эта жизнерадостная девушка не сразу узнала правду, чтобы отзвуки счастливой эпохи, которая только что подошла к концу, не затихали подольше.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Размышления о крахе устрашения «темным лесом»

Наиболее весомой причиной конца устрашения был, разумеется, неверный выбор Держателя Меча. Этот фактор будет обсуждаться в отдельной главе. Здесь же рассмотрим технические слабости системы устрашения, которые тоже сыграли свою роль.

Большинство землян сразу же объявило причиной краха незначительное количество гравитационных передатчиков и обвинило людей ранней Эры Устрашения в уничтожении девятнадцати из двадцати трех собранных комплексов. Но в такой реакции мы видим неспособность вникнуть в суть проблемы. По собранным во время нападения данным, «капле» потребовалось чуть больше десяти секунд, чтобы пробить земную кору и разрушить передатчик. Даже если поставить на боевое дежурство сто передатчиков, «каплям» не понадобилось бы много времени, чтобы вывести из строя их все.

Главное — эту систему *можно* было уничто-

жить. У человечества был шанс создать неуязвимую систему гравитационного вещания, но оно им не воспользовалось.

Важно не количество передатчиков, а их местонахождение.

Представьте себе двадцать три передатчика, построенных не на поверхности или под ней, а в космосе — то есть двадцать три корабля наподобие «Гравитации», несущих службу в Солнечной системе. Даже если «капли» неожиданно нападут, они не смогут уничтожить все корабли. Одному или двум хватит времени, чтобы скрыться в глубоком космосе.

Такое решение существенно повысило бы степень устрашения. Оно не зависело бы от Держателя Меча. Трисолярис знал бы, что не обладает достаточными силами для подавления системы устрашения, и не решился бы напасть.

К сожалению, построили только одну «Гравитацию».

Других кораблей с гравипередатчиками не строили по двум причинам. Первая: нападение «Сынов Земли» на станцию грависвязи в Антарктике. Корабли считались не настолько защищенными от экстремистов, как подземные комплексы. Вторая причина — стоимость. Гра-

витационные антенны имеют огромный размер; они должны также служить корпусом корабля. Поэтому их требуется изготавливать из материалов, пригодных для обеих целей, что повышало стоимость во много раз. Одна «Гравитация» стоила столько же, во сколько обошлись бы все двадцать три наземных передатчика, вместе взятые. Кроме того, корпус корабля невозможно заменить на новый. Когда вибрирующая струна из вырожденной материи отработает свои пятьдесят лет — срок полураспада, — придется строить новый корабль.

Но подлинная, более глубокая причина крылась в психологии людей. Об этом никогда не говорили, может быть, даже и не осознавали этого, но космический корабль с гравитационным передатчиком был слишком мощным оружием — до того мощным, что нагонял страх на своих создателей. Если по любой причине, будь то нападение «капли» или что-то другое, подобный корабль устремится прочь от Солнечной системы и не сможет вернуться из-за сохраняющейся угрозы, он станет копией «Синего космоса» или «Бронзового века», а то и хуже. Корабль с гравипередатчиком и экипажем более-не-людей сохранит способность передавать сообщения во

Вселенную, пока не выйдет срок службы антенны. Он будет держать в руках судьбу человечества и станет источником постоянной тревоги, навсегда растворившимся среди звезд.

Первопричиной же был ужас перед самим Устрашением. Такое присуще любому предельному устрашению. Обе стороны конфликта одинаково боялись его.

Эра Пост-Устрашения, первый час. Потерянный мир

Чэн Синь подошла к офицерам и попросила отвезти ее к эпицентру извержения. Подполковник, отвечающий за охрану базы, немедленно выделил два автомобиля: один для нее, другой для нескольких охранников. Чэн Синь попросила АА подождать, но та настояла, что тоже поедет, и забралась в машину.

Автомобили приподнялись над землей и неторопливо двинулись в сторону облака-гриба. АА спросила водителя, что случилось, но он и сам не знал. Произошло два выброса с интервалом в несколько минут. Он решил, что это, наверное, первое в истории извержение вулкана на территории Китая.

Он и представить себе не мог, что под «вулканом» еще недавно скрывалась одна из стратегических опорных точек всего мира — гравитационная антенна. Удар «капли», пронзившей земную кору, вызвал первое извержение. Ликвидировав передатчик, «капля» двинулась вверх по пробитому каналу; когда она вышла из почвы,

произошло второе извержение. Поскольку оба выброса были вызваны высвобождением кинетической энергии зонда, а не лавой, поступающей из глубин мантии, они оказались кратковременными. «Капля» летела настолько быстро, что никто не мог увидеть, как она вошла в землю и как вышла.

Пустыня Гоби была испещрена небольшими дымящимися воронками — мини-кратерами на месте падения раскаленных камней и сгустков лавы. Таких воронок становилось все больше и больше по мере приближения автомобилей к эпицентру. Над пустыней тянулся густой дым — это горели заросли тамариска. В этих краях почти никто не жил, но все же по пути иногда попадались разрушенные землетрясением дома. Территория напоминала поле только что закончившегося боя.

Облако успело немного рассеяться и уже не напоминало гриб — теперь оно было больше похоже на лохматую голову; кончики волос горели красным в лучах заходящего солнца. Автомобили остановились у поста охраны и опустились на землю. Чэн Синь убедила солдат пропустить ее; военнослужащие еще не знали, что мир пал, и подчинились требованию Держателя Меча. Но

АА они остановили, невзирая на все ее крики и попытки прорваться силой.

Устойчивый ветер уже отогнал б`ольшую часть пыли в сторону, но солнце все еще было закрыто завесой дыма; его лучи прорывались сквозь нее, и на земле мельтешили пятна света и тени. Чэн Синь прошла сквозь полутьму около сотни метров и остановилась перед краем гигантского кратера. Он имел форму воронки и в центре достигал глубины метров сорок или пятьдесят. Из кратера валил густой белый дым, а на дне багрово светилось озеро лавы.

Гравитационная антенна длиной полтора километра и диаметром пятьдесят метров, поддерживавшаяся магнитной левитацией в подземной полости на глубине сорока пяти километров, была разбита вдребезги и залита раскаленной докрасна лавой.

Такую судьбу следовало встретить ей самой... Наилучший конец для устрашителя, отказавшегося устрашать.

Красное сияние на дне кратера влекло к себе. Еще один шаг, и Чэн Синь добьется желанной свободы. Волны жара ласкали ее лицо; словно околдованная, она глядела на тусклую багровую лужу, пока не очнулась, услышав чей-то хохот

за спиной.

Чэн Синь обернулась. Под неверными лучами солнца, пробивающимися сквозь пелену дыма, к ней приближалась стройная фигурка. Она не узнавала, кто это, пока та не оказалась совсем рядом. Это была Томоко.

Не считая прекрасного белого лица, робот сильно изменился со времени их последней встречи. Томоко была одета в камуфляж для пустыни; волосы, прежде стянутые в украшенный цветами пучок, она подстригла коротко и практично. На шее у нее красовался черный шарф ниндзя, а за спиной висела длинная катана. Томоко выглядела дерзко и неустрашимо, но сохранила некоторые женственные черты: ее движения остались плавными, словно текущая вода, но теперь в них, как в мягкой, но смертоносной петле, угадывалось жестокое искусство убийства. Казалось, что ее окутывает облако холода, который не может прогнать даже жар, выплескивающийся из кратера.

— Ты поступила именно так, как мы рассчитывали, — с насмешкой сказала Томоко. — Но не казни себя. Тебя выбрали люди, и они же выбрали этот результат. Из всего человечества ты одна невиновна.

У Чэн Синь дрогнуло сердце. Ей не стало легче, но девушке пришлось признать, что слова этого прелестного исчадия ада запали ей глубоко в душу.

Подбежала АА. Она, по-видимому, или от кого-то узнала, что произошло, или догадалась сама. Ее глаза, устремленные на робота, полыхали яростью. Она обеими руками подхватила с земли камень и ударила Томоко по затылку. Но та обернулась и легким движением, словно отмахиваясь от комара, смела с шеи осколки. АА разразилась всеми проклятиями, которые смогла вспомнить, и наклонилась за другим камнем. Томоко придержала Чэн Синь одной рукой, а другой выхватила из ножен меч и раскрутила. Лезвие с резким свистом рассекало воздух — быстрее, чем лопасти вентилятора. Когда Томоко остановилась, АА стояла среди медленно кружащихся в воздухе обрезков собственных волос. Перепуганная, АА замерла на месте, втянув голову в плечи.

Чэн Синь вспомнила, что видела катану Томоко в прячущемся среди облаков домике. Этот меч и два покороче лежали на изысканной деревянной подставке рядом с чайным столиком. Тогда они казались украшением, а не смертоносным оружием.

— Почему? — пробормотала Чэн Синь, словно говоря сама с собой.

— Потому что Вселенная — не сказка для детей.

Рассуждая логично, Чэн Синь понимала, что если бы Устрашение продолжало поддерживать баланс между мирами, то у человечества были бы лучшие перспективы, чем у Трисоляриса. Но подсознательно она все еще верила, что Вселенная — это сказка, сказка о любви. Ее самой большой ошибкой было нежелание взглянуть на проблему с точки зрения врага.

Чэн Синь прочла в глазах Томоко, почему ее оставили в живых.

После уничтожения гравитационных передатчиков и глушения Солнца живая Чэн Синь не представляла опасности. А с другой стороны, предположим (хоть это и маловероятно), что у человечества найдется какой-то иной, неведомый Трисолярису способ передать сообщение во Вселенную. Если убрать Держателя Меча, то послание может отправить кто-то еще. Но если Держатель жив, то этого почти наверняка не произойдет: у людей появится причина отказаться от такой ответственности.

Грозящий меч превратился в щит. Враг прочел

Чэн Синь как открытую книгу.

Это она — сказка для детей.

— Не спеши радоваться, — сказала осмелевшая АА. — У нас есть «Гравитация».

Томоко одним плавным движением вложила меч в ножны.

— Дуреха, «Гравитацию» уничтожили час назад при встрече экипажей. Как жаль, что я не могу показать тебе обломки — до них один световой год, а софоны не действуют в слепой зоне.

Трисоляриане долго и тщательно готовились к этому моменту. Точное время встречи кораблей вычислили пять месяцев назад, до входа софонов, сопровождающих «Гравитацию», в закрытое пространство. Обе «капли» заранее получили приказ нанести удар в момент перехода экипажа «Синего космоса» на «Гравитацию».

— Мне пора, — заявила Томоко. — Передайте, пожалуйста, доктору Ло Цзи уверения в глубочайшем почтении от всего Трисоляриса. Он был надежным устрашителем и великим воином. И еще, если встретитесь, передайте наши сожаления мистеру Уэйду.

Чэн Синь удивленно воззрилась на Томоко.

— Мы построили графики в соответствии со степенью устрашения, присущей вашим лично-

стям. Твоя составляла около десяти процентов, и твой график походил на извивающегося на земле червя. Степень устрашения Ло Цзи была девяносто процентов, его кривая походила на кобру, изготовившуюся к броску. Но Уэйд... — Томоко взглянула на просвечивающее сквозь клубы дыма заходящее солнце; над горизонтом оставался лишь самый краешек. В ее глазах мелькнул ужас, она встряхнула головой, словно отгоняя привидевшуюся ей картину. — Его график представляет собой прямую! В любых жизненных обстоятельствах его уровень устрашения всегда составляет сто процентов! Чистый дьявол! Если бы он стал Держателем Меча, ничего этого не случилось бы. Продолжалось бы перемирие. Мы уже прождали шестьдесят два года, но нам ничего бы не оставалось, как ждать еще — может быть, пятьдесят лет, может быть, дольше. И тогда Трисолярису противостояла бы Земля, равная нам в технологии и могуществе. Нам пришлось бы договариваться... Но мы знали, что человечество выберет тебя.

Томоко размашистым шагом направилась прочь. Немного отойдя, она обернулась и крикнула застывшим в молчании Чэн Синь и АА:

— Ничтожные клопы, готовьтесь отправиться в Австралию!

Эра Пост-Устрашения, день 60-й. Потерянный мир

На тридцать восьмой день после конца Устрашения обсерватория Ринье-Фицроя, расположенная во внешней части пояса астероидов, обнаружила 415 новых следов в пылевом облаке, окружающем звездную систему Трисоляриса. Со всей очевидностью враг выслал к Солнечной системе второй флот.

Второй флот покинул родную планету пять лет назад, а облако пыли пересек четыре года назад. Трисоляриане пошли на огромный риск — если бы им не удалось подавить земную систему устрашения в пятилетний срок, то люди могли бы передать сообщение во Вселенную, как только заметили бы отбытие нового флота. Это значило, что инопланетяне еще пять лет назад почувствовали, что отношение человечества к Устрашению изменилось, и верно предугадали, какого типа окажется второй Держатель Меча.

В истории образовался новый пункт отсчета, и она пошла на следующий виток.

Конец Устрашения снова погрузил будущее

человечества в сумрак. Но как и во время первого кризиса двести лет назад, люди не соотносили этот сумрак со своей личной судьбой. По параметрам оставленных в пыли следов ученые заключили, что скорость Второго Трисолярианского флота не слишком отличается от Первого. Даже если корабли способны к б`ольшему ускорению, до того дня, когда флот появится в Солнечной системе, пройдет как минимум два или три столетия. Все ныне здравствующие люди спокойно доживут остаток своей жизни. Современный человек хорошо помнит уроки Великой пади и никогда больше не пожертвует настоящим ради будущего.

Но на этот раз человечеству не повезло.

Через три дня после выхода Второго Трисолярианского флота из облака межзвездной пыли телескопы обнаружили 415 следов во втором пылевом облаке. Эти следы не могли принадлежать никакому иному флоту. Первый Трисолярианский флот добирался от одного облака до другого пять лет. Второй же покрыл это расстояние всего за шесть дней.

Трисоляриане научились летать со скоростью света.

Изучение следов, оставленных во втором пыле-

вом облаке, подтвердило, что корабли продолжают двигаться сквозь облако со скоростью света. При столь высокой скорости взаимодействие кораблей с пылью вырисовывалось особенно рельефно.

Получалось, что флот перешел на скорость света, как только оставил первое облако позади. Никакой фазы разгона не наблюдалось.

Если это так, то Второй Трисолярианский флот должен сейчас приближаться к Солнечной системе или уже вошел в нее. И действительно, при помощи телескопов среднего размера наблюдатели легко отыскали группу из 415 ярких огоньков на расстоянии около шести тысяч астрономических единиц от Земли. Это были факелы тормозящих кораблей. По-видимому, их двигатели работали по традиционной схеме. Скорость флота теперь составляла около 15 процентов от световой — очевидно, максимум, позволяющий безопасно затормозить перед входом в Солнечную систему. Судя по полученным данным, Второй Трисолярианский флот подойдет к границам Солнечной системы через один год.

Такой режим полета вызывал удивление. По всей видимости, вражеские корабли могли почти мгновенно переходить на световую скорость и

сбрасывать ее, но сознательно не делали этого вблизи своей планеты и Земли. Стартовав с Трисоляриса, флот целый год разгонялся на тяге традиционных двигателей, пока не отдалился на шесть тысяч астрономических единиц от дома, и только тогда перешел на скорость света. На таком же расстоянии от Солнечной системы флот переключился снова на обычные двигатели. На скорости света это расстояние можно пересечь за месяц, но флот решил потратить год. Из-за этого весь поход продлится на два года дольше, чем если бы весь путь прошли на скорости света.

Этому необычному поведению находилось лишь одно объяснение: трисоляриане не желали причинить вред ни той, ни другой звездной системе входом и выходом из режима скорости света. Безопасный радиус в двести раз превышал расстояние от Солнца до Нептуна. Из этого следовало, что мощность двигателей на два порядка превосходила мощность звезды, что казалось совершенно непредставимым.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Технологический взрыв на Трисолярисе

До сих пор остается загадкой, когда именно развитие технологии на Трисолярисе резко ускорилось. Одни исследователи полагали, что процесс начался еще до Эры Кризиса; другие считали, что это произошло в Эру Устрашения. Но и те, и другие сходились в причинах технологического взрыва.

Во-первых, земная цивилизация оказала огромное влияние на Трисолярис — по крайней мере в этом признании инопланетяне, скорее всего, не кривили душой. Как только прибыл первый софон, земная культура хлынула мощным потоком и стала причиной значительных перемен. Кое-какие человеческие ценности пришлись инопланетянам по нраву. Трисоляриане сбросили оковы тоталитарного общества, сформировавшегося в свое время ради выживания в Эры Хаоса, снесли все препятствия на пути прогресса, стали поощрять свободу мысли и научились уважать права личности. По-видимому, эти перемены запустили в обществе процесс идеологической

трансформации наподобие земного Ренессанса; наука и техника понеслись вперед. Наверное, это было замечательное время в истории планеты, но подробностей мы не знаем.

Выдвигали и другую причину: софоны, отправленные на разведку во Вселенную, не сгинули бесплодно, как утверждали трисоляриане. Не исключено, что они, прежде чем попасть в мертвые зоны, обнаружили хотя бы одну цивилизацию. Если это так, то трисоляриане не только овладели чужой технологией, но и получили важные сведения о положении дел во вселенском «темном лесу». В таком случае Трисолярис далеко обогнал Землю во всех отраслях знаний.

Эра Пост-Устрашения, день 60-й. Потерянный мир

Впервые с момента краха Устрашения Томоко выступила перед землянами. По-прежнему одетая в камуфляж и с мечом за спиной, она объявила всему миру, что Второй Трисолярианский флот прибудет через четыре года и завершит завоевание Солнечной системы.

Политика Трисоляриса по отношению к человечеству стала иной, чем в дни первого кризиса. Томоко заявила, что трисолярианe больше не стремятся к уничтожению земной цивилизации. Вместо того они создадут в Солнечной системе резервации для землян; в частности, людям позволят жить в Австралии и на трети поверхности Марса. Человечеству этого хватит.

Люди должны приступить к переселению немедленно, чтобы подготовиться к завоеванию через четыре года, объявила Томоко. Необходимо, как она выразилась, «вырвать у змеи ядовитые клыки» и предотвратить возрождение Устрашения, а посему человечество обязано полностью разоружиться и переселяться «голым». На тер-

ритории резерваций не разрешается создавать тяжелую промышленность. Переселение требуется закончить в течение года.

Колонии на Марсе и космические станции могли принять в лучшем случае около трех миллионов человек. Поэтому Австралия стала для переселенцев основным пунктом назначения.

Но большинство людей продолжало цепляться за иллюзию, что у них остается как минимум одно поколение спокойной жизни. Ни одна страна не откликнулась на выступление Томоко, и никто не шевельнул пальцем.

Через пять дней после исторической «Декларации о резервациях» одна из пяти «капель», крейсирующих в атмосфере Земли, напала на три крупных города в Азии, Европе и Северной Америке. Целью атаки являлось не уничтожение городов, а террор. «Капля» пролетала сквозь гигантские скопления «деревьев» и сбивала все на своем пути. Здания загорались и падали с высоты нескольких сотен метров, словно перезревшие фрукты. В этой катастрофе, самой ужасной со времен битвы Судного дня, погибло более трехсот тысяч человек.

Наконец до людей дошло, что для «капель» мир человека так же хрупок, как яичная скорлупа

под готовым упасть валуном. Города и заводы стояли беззащитными. Если Трисолярис захочет, он сможет сровнять с землей любой город, пока на планете не останется ничего, кроме развалин.

Собственно говоря, человечество уже какое-то время работало над устранением этого перекоса. Земные ученые давно поняли, что только материалы, укрепленные сильным взаимодействием (МСВ), способны защитить от «капель». Научные лаборатории на Земле и во флоте до самого конца Устрашения изготавливали такие материалы в небольших количествах, но до крупномасштабного производства оставались годы. Если бы люди продержались еще лет десять, они успели бы развернуть выработку и применение МСВ в промышленных объемах. Двигатель «капли» по-прежнему оставался за пределами понимания, но, по крайней мере, из МСВ можно было бы сделать боеголовки и задавить «капли» числом. Или соорудить из того же материала броневые плиты; если бы «капля» попыталась пробить такую броню, то не уцелела бы сама.

Увы, этим мечтам не суждено было осуществиться.

Томоко выступила снова и объяснила, что Трисолярис отказался от истребления землян

из любви и уважения к земной цивилизации. Переселение в Австралию, конечно, чревато неудобствами, но они продлятся недолго — года три-четыре. Когда прибудет флот, новые хозяева планеты обеспечат четырем миллиардам землян комфортабельное существование в Австралии. Кроме того, они помогут людям построить новые города в космосе и на Марсе, а еще через пять лет человечество сможет массово туда переселиться; этот процесс займет пятнадцать лет. К тому времени у землян окажется достаточно жизненного пространства, и двум цивилизациям будет обеспечено мирное сосуществование.

Но все это зависит от успеха первоначальной миграции в Австралию. Если работы по переселению не начнутся немедленно, «капли» продолжат наносить удары по городам. По истечении года любой человек за пределами резерваций будет уничтожен как вторгшийся на территорию Трисолярис. Разумеется, если люди покинут города и разбредутся по континентам, пять «капель» не смогут истребить их всех — но для флота, который появится в Солнечной системе через четыре года, это будет несложной задачей.

— Славная и блистательная цивилизация Земли заслуживает того, чтобы дать ей шанс на

выживание, — заявила Томоко. — Дорожите им!

Так началось Великое переселение всего человечества в Австралию.

Эра Пост-Устрашения, год 2-й. Австралия

Чэн Синь стояла перед домом Старого Фрейса и рассматривала дрожащую в раскаленном воздухе Большую пустыню Виктория. Примитивные, только что построенные бараки простирались до самого горизонта. Под лучами полуденного солнца новенькие хибары из фанеры и жести казались недолговечными, словно разбросанные по песку игрушки-оригами.

Когда пять веков назад Джеймс Кук открыл Австралию, ему и в голову прийти не могло, что однажды на этом огромном пустынном континенте соберется все человечество.

Чэн Синь и [illegible] АА приехали в Австралию с первой волной вынужденных переселенцев. Чэн Синь могла бы поселиться в большом городе наподобие Канберры или Сиднея и устроиться с комфортом, но она настояла, что будет жить как обычный мигрант, и отправилась во внутреннюю зону расселения, в пустыню рядом с городком Уорбертон. Там было тяжелее всего. Ее тронуло, что АА, которая тоже могла поехать в крупный

город, решила последовать за ней.

Жизнь в резервации была трудной. В самом начале, когда там жило относительно немного народа, было еще ничего. Сложнее всего оказалось переносить не материальные неудобства, а издевательства. Поначалу Чэн Синь и АА получили целый барак в свое распоряжение. Но когда приехали новые мигранты, их уплотнили, и теперь под одной крышей жили восемь женщин. Новые соседки Чэн Синь и АА родились в райские годы Эры Устрашения. Здесь же они впервые в жизни столкнулись с рационированием воды и еды, с «мертвыми» стенами, которые, как в них ни тычь, не оживали и не выдавали кучу информации, с отсутствием кондиционера, с общественными туалетами и душевыми, с казарменными койками... В этом обществе все были равны, деньги не имели никакого значения, каждый получал одинаковый паек. Они видели такую нищету только в исторических кинофильмах, и жизнь в зонах расселения казалась адом. Естественно, они стали изливать свою ярость на Чэн Синь. Ни с того ни с сего начинали осыпать ее оскорблениями, злились, что она зря чужой хлеб жрет — ведь она не смогла устрашить Трисолярис. Самый тяжкий ее грех в том, что она сложила

лапки, как только получила предупреждение об атаке. Если бы она включила передатчики, враги сбежали бы в ужасе, а человечество прожило бы еще несколько десятилетий в мире и счастье. Даже если бы передача сообщения привела к немедленной гибели Земли — все равно это лучше, чем такая жизнь!

Сначала Чэн Синь только унижали словесно, но вскоре стали бить и отнимать паек. АА пыталась защитить подругу, как только могла. Она дралась с другими женщинами — порой по нескольку раз в день. Однажды она схватила самую злобную стерву за волосы и принялась колотить головой о стойку кровати, пока у той кровь не залила все лицо. После этого случая АА и Чэн Синь оставили в покое.

Однако враждебность к Чэн Синь питали не только соседи по жилью. Переселенцы, живущие в других лачугах, тоже приходили поиздеваться. Иногда они швыряли камни в ее окна, иногда толпа окружала ее барак и выкрикивала проклятия.

Чэн Синь стоически переносила мучения. Они даже приносили ей удовлетворение. Девушка считала, что для такого никчемного Держателя Меча, как она, это еще недостаточная кара.

Так продолжалось до того дня, когда пришел

старик по имени Фрейс и пригласил Чэн Синь и АА жить в его доме. Фрейс был аборигеном восьмидесяти лет, по-прежнему крепким и бодрым, с седой бородой на черном лице. Ему как туземцу разрешили до поры до времени сохранить собственное жилище. В Общую Эру он руководил организацией, занимающейся охраной культуры аборигенов, и лег в гибернацию в начале Эры Кризиса, чтобы продолжить свою работу в будущем. Когда его разбудили, он убедился, что не ошибся в прогнозе: австралийские аборигены и их культура находились на грани исчезновения.

Дом Фрейса, построенный еще в XXI веке, был старым, но крепким; поблизости росла красивая роща. Как только Чэн Синь и АА перебрались туда, жизненные неурядицы кончились. Самое важное, что старый абориген поделился с ними своим душевным покоем. Он не горел ненавистью к трисолярианам, как многие. Фрейс вообще редко заговаривал о кризисе. Он ограничивался словами: «Боги помнят деяния людей».

Это так. Даже *люди* до сих пор помнили деяния других людей. Пять столетий назад «цивилизованные европейцы» — почти всех их на родине объявили преступниками — высадились на Австралийский континент и принялись потехи

ради отстреливать прячущихся в лесах аборигенов. Даже когда охотники узнали, что их жертвы — люди, а не животные, убийства не прекратились. Аборигены жили на этих обширных землях десятки тысяч лет, и к моменту прибытия европейцев численность туземцев превышала полмиллиона. Вскоре она упала до тридцати тысяч беженцев, которым пришлось искать спасения в безжизненных пустынях на западе.

Когда Томоко провозгласила создание резерваций, люди вспомнили трагическую судьбу жителей Северной Америки, еще одного далекого континента, на который «цивилизованный человек» принес лишь страдания.

Впервые оказавшись в доме Фрейса, любопытная АА спрашивала обо всем. Дом был похож на музей культуры аборигенов. Повсюду лежали картины, нарисованные на камнях и коре, музыкальные инструменты из дощечек и деревянных трубочек, травяные юбки, бумеранги, копья и многое другое. АА больше всего заинтересовали горшочки с красками из белой глины и красной и желтой охры. Она знала, зачем нужны эти краски. АА сунула палец в горшочек и разрисовала себе лицо, а потом принялась танцевать, имитируя где-то виденные движения и испуская леденящие

кровь вопли.

— Наши сволочные соседки подохли бы от страха, — объяснила она.

Фрейс рассмеялся и покачал головой, затем рассказал, что АА скопировала танец не австралийских аборигенов, а новозеландских маори. Непосвященные их порой путали; но австралийцы были мирным народом, а маори — свирепыми воинами. Вот только танцевала АА не совсем правильно и не смогла передать подлинный дух танца маори.

Фрейс раскрасил себе лицо — получилась впечатляющая маска — и снял рубашку, под которой обнаружилась мускулистая черная грудь, плохо вяжущаяся с его пожилым возрастом. Он взял стоящее в углу *тайаха*[30] и начал танцевать настоящий военный *хака*[31].

Чэн Синь и АА стояли завороженные. Добрый

---

[30] Примечания: 30

Тайаха — маорийское копье с утолщающимся древком, нечто среднее между дубинкой, топором и рогатиной (https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/f/f4/Te_Puni_Maori_Chief.jpg). — *Прим. перев.*

[31] Примечания: 31

Хака — общее название маорийских ритуальных танцев. Военный хака, также известный как «пуха», исполнялся непосредственно перед битвой, в перерывах и после ее успешного окончания. Танцующие часто потрясают своим оружием, таращат глаза, высовывают языки и истошно кричат, а их тела конвульсивно дергаются (https://ru.wikipedia.org/wiki/Хака). — *Прим. перев.*

и мудрый Фрейс исчез, а на его месте возник ужасающий, подавляющий своей мощью демон. Казалось, все его тело пропитано невероятной силой. От каждого выкрика, от каждого удара ноги звенели оконные стекла, а обе подруги вздрагивали. Больше всего поражали широко раскрытые глаза Фрейса — они источали смертельный холод и жгучую ярость, мощь тайфунов и раскаты грома в Океании. В могучем взоре читался рев, от которого дрожала земля: «Не смей бежать! Я тебя убью! Я тебя съем!»

Фрейс закончил *хака* и снова стал добрым и дружелюбным, как всегда.

— Для воина маори самое главное — твердо смотреть в глаза противнику. Первым делом он побеждает врага взглядом и только потом убивает своим *тайаха*.

Фрейс подошел к Чэн Синь:

— Дочка, ты не выдержала взора противника, отвела глаза. — Он легонько потрепал ее по плечу. — Но твоей вины здесь нет. Ты и в самом деле ни в чем не виновата.

* * *

На следующий день Чэн Синь сделала нечто такое, чему сама удивилась. Она пошла прове-

дать Уэйда.

Уэйд заколачивал окна барака древесно-стружечными плитами, чтобы превратить жилую постройку в склад. Один из его рукавов пустовал. В эту эпоху ничего не стоило поставить протез, не отличающийся от настоящей руки, но по какой-то причине Уэйд не стал этого делать.

Двое других заключенных, явно из Общей Эры, присвистнули, завидев Чэн Синь, но как только сообразили, к кому та пришла, умолкли и, понурившись, вернулись к работе.

Чэн Синь подошла к Уэйду и немного удивилась, заметив, что тот, приговоренный к строгому режиму, выглядит лучше, чем когда они виделись в последний раз: чисто выбрит и аккуратно причесан. Заключенные в эту эпоху больше не носили униформу. Белая рубашка Уэйда была здесь самой чистой, даже чище, чем рубашки охранников. Во рту он держал несколько гвоздей. Левой рукой он доставал их по одному и заколачивал в ДСП точными и сильными ударами молотка. Уэйд бросил взгляд на Чэн Синь и продолжил работу все с тем же безразличным выражением лица.

Чэн Синь сразу же поняла, что он не сдался. Амбиции, идеалы, вероломство и многое другое, ей не известное, что таится у него в душе, — он не

расстался ни с чем.

Чэн Синь протянула Уэйду руку. Он опять взглянул на посетительницу, отложил молоток, выплюнул гвозди и пересыпал ей в ладонь. Чэн Синь стала подавать их, один за другим, а Уэйд забивал, пока гвозди не кончились.

— Убирайся отсюда! — бросил он. Подцепил новую горсть гвоздей из ящика, но не отдал их Чэн Синь и не сунул в рот, а разложил на полу, возле ног.

— Я... я просто... — растерялась Чэн Синь.

— Я говорю — уезжай из Австралии, — едва шевеля губами, прошептал Уэйд. Он не отрывал взгляда от плит; даже с небольшого расстояния казалось, что он поглощен работой. — Торопись, пока переселение не закончилось!

И снова, как часто бывало триста лет назад, Уэйд сумел ошеломить Чэн Синь всего лишь одной фразой. Он словно швырял ей запутанный клубок, который предстояло распутать нить за нитью, прежде чем удастся добраться до скрытого внутри сложного смысла. Но на этот раз от слов Уэйда ее бросило в дрожь; ей не хватало мужества даже приступить к разгадке этого ребуса.

— Уходи, — Уэйд не дал ей даже шанса задать вопрос. Затем повернулся к ней, и на его лице

возникла та самая специфическая улыбочка, похожая на трещину во льду. — *А теперь* я говорю: пошла вон из этого дома!

На обратном пути в Уорбертон Чэн Синь видела плотные ряды бараков, протянувшиеся до самого горизонта, и толпы людей, деловито копошащихся в узких проулках между ними. Внезапно ей показалось, что она смотрит на все это откуда-то извне, и на что бы она ни обратила взор, везде была одна и та же картина: кишащий людской муравейник. Ее охватил безымянный ужас, яркие лучи австралийского солнца показались такими же ледяными, как струи дождя зимой.

* * *

Через три месяца после начала Великого переселения в Австралию прибыло больше миллиарда человек. В то же время правительства стран мира приступили к переезду в крупные города Австралии. ООН перенесла штаб-квартиру в Сидней. Каждое правительство руководило переселением своих граждан, а специальная комиссия ООН осуществляла общую координацию. На новом месте мигранты формировали национальные районы; Австралия стала миниатюрной копией всей Земли. Сохранились лишь имена крупнейших го-

родов; от прочих отказались. Теперь «Нью-Йорк», «Токио» и «Шанхай» были названиями лагерей, застроенных примитивными бараками.

Ни у кого не было опыта переселения в таких масштабах — ни у правительств, ни у ООН. Вскоре возникли осложнения.

Прежде всего мигранты нуждались в крыше над головой. Руководство быстро поняло, что даже если вывезти в Австралию все строительные материалы мира и ограничить личное пространство одной койкой, то жилья не хватит даже для пятой части населения. Материалы для бараков закончились, когда в Австралию переехало пятьсот миллионов человек. Пришлось ставить огромные палатки размером со стадион, каждая из которых давала кров десяти тысячам переселенцев. Но при такой скученности и нехватке санитарно-гигиенического оборудования вспышки эпидемий представлялись неизбежными.

Еды тоже не хватало. Продовольственная промышленность Австралии не могла удовлетворить потребности населения, и пришлось завозить пищу из других стран. По мере роста количества переселенцев становилось все сложнее распределять пайки, и на это уходило больше времени.

Но страшнее всего была опасность распада общественного порядка. Перенасыщенное информацией общество исчезло. Новички тыкали пальцами в стены, мебель и даже в одежду, пока не убеждались, что все мертво. Порой не работала даже простейшая связь. Новости поступали по ограниченному количеству каналов. Людям, выросшим в сверхинформатизированном мире, казалось, что они ослепли. Правительства утратили привычные средства управления и пропаганды и понятия не имели, как поддерживать порядок в этом чрезвычайно скученном обществе.

* * *

Одновременно шло и переселение в космосе.

К окончанию Эры Устрашения там жило полтора миллиона человек. Полмиллиона граждан Земного Конгресса населяли космические станции, города на орбите Земли и базы на Луне. Остальные были гражданами Конгресса Флотов и проживали на марсианских и юпитерианских базах, а также на кораблях, патрулирующих Солнечную систему.

Жители космоса, относящиеся к Земному Конгрессу, жили в основном ниже орбиты Луны. Им

ничего не оставалось, кроме как вернуться на Землю, в Австралию.

Остальные перебрались на марсианскую базу, которую Трисолярис объявил второй резервацией человечества.

После битвы Судного дня Флот Солнечной системы так и не восстановил свою первоначальную численность. Даже к концу Эры Устрашения в нем насчитывалось чуть более сотни кораблей звездного класса. Хоть технология и продолжала развиваться, их максимальная скорость оставалась прежней — из термоядерного двигателя выжали все, на что он способен. Подавляющее преимущество трисолярианских кораблей заключалось не только в их способности двигаться со скоростью света, но и в отсутствии фазы разгона — и это пугало больше всего. Чтобы достичь всего пятнадцати процентов от скорости света, кораблям землян требовалось разгоняться целый год, с учетом темпов расхода топлива на ускорение и запаса на обратный путь. По сравнению с кораблями Трисоляриса космолеты Земли были медленными, как улитки.

Когда система устрашения рухнула, у кораблей звездного класса был шанс ускользнуть в глубокий космос. Если бы сотня звездолетов

разбежалась во все стороны с максимальным ускорением, восемь «капель» в Солнечной системе не смогли бы догнать их всех. Но ни один корабль так не поступил; все подчинились приказу Томоко и вернулись на орбиту Марса. Причина такой покорности была проста: Марс — это тебе не Австралия. Один миллион человек мог с комфортом устроиться в закрытой биосфере базы и жить, пользуясь всеми преимуществами цивилизации. Базу строили с расчетом на длительное пребывание именно такого количества обитателей. Вне всякого сомнения, это намного приятнее, чем до конца своих дней блуждать в глубоком космосе.

Трисолярис относился к живущим на Марсе людям настороженно. Две «капли», вызванные из пояса Койпера, постоянно кружили над марсианским городом. Хотя Флот Солнечной системы, по сути, разоружили, но персонал марсианской базы, в отличие от переселенцев на Земле, продолжал пользоваться современными технологиями — они требовались для поддержания систем жизнеобеспечения. Однако жители Марса не рисковали, например, построить гравитационный передатчик. Софоны определенно раскрыли бы такое крупномасштабное строи-

тельство, а люди не забыли ужасов битвы Судного дня. Марсианская база была хрупкой, как яичная скорлупа; всего один удар «капли» вызовет потерю атмосферы и полную катастрофу.

Переселение в космосе закончилось через три месяца. За исключением базы на Марсе, в космическом пространстве Солнечной системы людей больше не осталось. Лишь опустевшие станции и корабли дрейфовали на орбитах вокруг Земли, Марса, Юпитера и в поясе астероидов. Они образовали безмолвное стальное кладбище, на котором были похоронены слава и мечты человечества.

* * *

Сидя в безопасном доме Фрейса, Чэн Синь узнавала о происходящем в мире только из телевизионных передач. Однажды она увидела прямое включение из центра раздачи пищи. Репортаж шел в голографическом режиме; девушке казалось, что она находится рядом с камерой. Голографические трансляции требовали высокоскоростных линий связи; в этом режиме теперь показывали лишь важнейшие события. Большинство новостей шло в простом двумерном режиме.

Центр раздачи пищи находился в городе Карне-

ги, на краю пустыни. В лучах голографического проектора появилась гигантская палатка, похожая на половинку яйца, упавшего в пустыню. Из нее, словно белок, изливался поток людей. Толпа спешила к только что прибывшей партии продовольствия. Два летающих транспортника, небольших, но мощных, несли в сетях связанные в огромные кубы пищевые упаковки.

Как только первый транспортник аккуратно опустил свою ношу на землю, толпа хлынула, словно волна из прорванной плотины, и, растоптав оцепление из нескольких десятков охранников, затопила груду коробок. Несколько перепуганных сотрудников центра раздачи вскарабкались обратно в грузовик. Гора пайков растаяла в толпе, как снежок, брошенный в мутную воду.

Оператор увеличил картинку. Люди теперь выхватывали пайки из рук тех, кто добрался до груза. Пакеты, похожие на зернышки риса посреди муравейника, мгновенно раздирали на части, и толпа сражалась за все, что высыпалось на землю. Второй транспортник опустил свой груз на площадку поодаль. На сей раз вокруг нее не было оцепления, и работники центра не рискнули покинуть судно. Толпа устремилась к новой

груде пайков, как железные опилки к магниту.

Из транспортника выпрыгнула тонкая, гибкая фигурка, пролетела с десяток метров и грациозно приземлилась на куче продуктов. Толпа замерла. Все увидели, что на горе упаковок стоит Томоко. Она по-прежнему носила камуфляж; черный шарф трепетал на горячем ветру, подчеркивая белизну ее лица.

— В очередь! — гаркнула Томоко.

Оператор еще приблизил изображение. Томоко сердито обводила толпу своими прекрасными глазами. Ее громкий голос перекрывал рокот винтов транспортника. Но люди на земле остановились лишь на мгновение, а затем продолжили рваться к упаковкам. Те, кто оказался ближе всего, начали резать сеть, чтобы добраться до пайков. Толпа словно обезумела; кое-кто даже стал карабкаться на гору коробок, не обращая внимания на Томоко.

— Вы, ничтожества! Почему не спускаетесь, чтобы поддерживать порядок? — крикнула Томоко, подняв лицо к транспортнику. Там возле открытой двери стояли несколько опешивших чиновников комиссии ООН по переселению. — Где ваши войска? Где полиция? Где оружие, которое мы разрешили вам взять? Где ваше чувство

ответственности?

Председатель комиссии по переселению стоял там же, у двери. Одной рукой он цеплялся за корпус транспортника, другой махал Томоко и беспомощно качал головой.

Томоко выхватила катану. Двигаясь неуловимо быстро для глаза, она трижды взмахнула мечом и рассекла трех расхитителей на шесть частей одинаковыми смертоносными ударами: от левого плеча до правого бедра. Половинки тел упали на землю, а внутренние органы вывалились и плюхнулись среди толпы, окатив людей кровавым дождем. Раздались крики ужаса. Томоко спрыгнула с горы упаковок, снова блеснула катана, и больше дюжины мародеров повалились замертво.

Беженцы хлынули прочь. Вокруг Томоко образовалось пустое пространство — так растекается по грязной тарелке капля жидкого мыла. Валяющиеся на земле тела были разрублены одним и тем же ударом — от левого плеча до правого бедра, чтобы выпустить как можно больше крови и кишок.

Увидев кровавую сцену, многие упали в обморок. Томоко шагала вперед, и люди поспешно отступали. Казалось, вокруг нее образовалось

невидимое силовое поле, отталкивающее переселенцев и расчищающее круг. Сделав несколько шагов, Томоко остановилась, и люди замерли в ожидании.

— Становитесь в очередь, — спокойно велела Томоко.

Неорганизованная толпа быстро, будто их тасовал компьютерный алгоритм, выстроилась в длинную, извивающуюся очередь, обернувшую кольцом гигантскую палатку.

Томоко запрыгнула обратно на кучу пайков и указала вымазанным в крови мечом на очередь:

— Вашей дегенеративной свободе пришел конец! Если хотите здесь выжить, придется научиться жить в коллективе и вспомнить о человеческом достоинстве.

* * *

Той ночью Чэн Синь не смогла заснуть. Она бесшумно выскользнула из своей комнаты.

Был поздний час, и на ступеньках крыльца виднелся мерцающий огонек. Это курил Фрейс,

а на коленях у него лежал *диджериду*[32] — музыкальный инструмент аборигенов, деревянная труба длиной около метра. Он немного играл на нем каждый вечер. Диджериду издавал глубокий и богатый гортанный рык — это была не столько даже музыкальная нота, сколько голос самой земли. АА и Чэн Синь каждую ночь засыпали под звуки этого инструмента.

Чэн Синь присела около Фрейса. Ей нравилось сидеть рядом с ним. Старик непоколебимо возвышался над печальной действительностью, и израненная душа девушки болела меньше. Он никогда не смотрел телевизор и не интересовался происходящим в мире. Ночью австралиец редко возвращался в свою комнату, чаще просто засыпал, прислонившись к дверному косяку, и пробуждался, когда лучи восходящего солнца согревали тело. Он так спал даже в дождь, говорил, что это удобнее, чем в постели.

Однажды Фрейс обмолвился, что, если когда-нибудь государственные чинуши придут, чтобы отнять у него дом, он не поедет в зону расселения.

---

[32] Примечания: 32

Диджериду — музыкальный духовой инструмент аборигенов Австралии. Один из старейших духовых инструментов в мире. В традиционном виде представляет собой простую деревянную трубку (https://ru.wikipedia.org/wiki/Диджериду). — *Прим. перев.*

Он уйдет в лес и сложит там шалаш из травы. АА возразила, что в его возрасте это нереально; тогда Фрейс сказал, что если предки могли так жить, то сможет и он. Еще в эпоху четвертого ледникового периода его предшественники отплыли из Азии и пересекли Тихий океан. Это случилось сорок тысяч лет назад, когда ни Греции, ни Египта не было и в помине. В XXI веке Фрейс был преуспевающим врачом и владел клиникой в Мельбурне. Проснувшись после гибернации в Эре Устрашения, он продолжал жить как современный человек, в комфорте. Но с началом Великого переселения в его душе что-то проснулось. Фрейс ощутил, что он дитя природы, лесов и полей, и понял, что для жизни действительно необходимо очень немногое. Например, спать вне дома не только естественно, но и комфортно.

Фрейс признал, что не понимает, почему в нем случилась эта перемена.

Чэн Синь пристально смотрела на расположенную поодаль зону расселения. В этот поздний час светилось лишь несколько огоньков, и от бесконечных рядов бараков исходило необычное спокойствие. Девушку охватило странное чувство, будто она наблюдает предыдущую эпоху иммиграции, пятьсот лет назад. В этих домиках

спали суровые ковбои и скотоводы; ей даже пригрезились запахи сена и конского навоза. Чэн Синь поделилась этим ощущением с Фрейсом.

— Тогда не было такой скученности, — ответил Фрейс. — Говорили, что, когда один белый хотел купить землю у другого белого, он платил цену ящика виски, на рассвете садился на коня и выезжал, а к закату возвращался. Та земля, которую он объезжал, становилась его собственностью.

Чэн Синь знала об Австралии только по одноименному старому фильму. В кино герой и героиня пересекали северную Австралию, перегоняя скот, и любовались захватывающими пейзажами. Но действие фильма разворачивалось не в эпоху иммиграции, а в годы Второй мировой войны — тогда сравнительно недавней для юной Чэн Синь, но древней истории теперь. Душу кольнула печаль, когда девушка поняла, что Хью Джекман и Николь Кидман мертвы уже более двух столетий. А потом ей подумалось, что Уэйд, орудующий молотком в бараке, похож на главного героя этого фильма...

Вспомнив про Уэйда, Чэн Синь рассказала Фрейсу о словах бывшего шефа АСР. Она уже давно намеревалась сделать это, но не хотела отвлекать старика от раздумий о вечном.

— Я его знаю, — ответил Фрейс. — Дочка, его совет хорош. Но покинуть Австралию невозможно. Даже не бери в голову. Что толку размышлять о неосуществимом?

И в самом деле, выбраться из Австралии стало очень сложно. И дело не только в «каплях», присматривающих за континентом. Томоко собрала собственный морской флот с экипажем из землян. Если на корабле, отплывающем из Австралии, найдутся переселенцы, то на него немедленно нападут. То же касалось и воздушного транспорта. Кроме того, с приближением конечного срока переселения мало кто желал рискнуть и вернуться на родину. В Австралии трудно, но дома ждет гарантированная смерть. Иногда тем или иным беженцам удавалось вырваться, но Чэн Синь знали все, и тропы контрабандистов были для нее закрыты.

Впрочем, Чэн Синь подобные вещи не волновали. Что бы ни случилось, она никуда не уедет.

Фрейс хотел сменить тему разговора, но почувствовал, что тихо сидящая во тьме Чэн Синь ожидает продолжения.

— Я ортопед. Ты знаешь, наверное, что когда сломанная кость срастается, она становится крепче — вокруг места перелома возникает

утолщение. Когда тело получает возможность исправить какой-то недостаток, оно может перестараться и сделать лучше, чем у тех, кто этого недостатка не имел. — Он указал в небо. — Трисолярианам кое-чего недоставало, если сравнивать их с людьми. И теперь они стараются нагнать упущенное. Но не чересчур ли рьяно стараются? Кто знает...

Эта мысль потрясла Чэн Синь. Однако Фрейс не пожелал продолжать обсуждение. Он поднял глаза к полному звезд небу и стал негромко читать стихи. В них говорилось о давних мечтах, об утрате доверия и обломках мечей, о гибели людей и о том, как жить...

Стихи заворожили Чэн Синь так же, как звуки диджериду.

— Их написал Джек Дэвис, поэт-абориген, живший в XX веке.

Старик прислонился к дверному косяку и через несколько минут захрапел. Чэн Синь осталась сидеть под звездами, не уклонившимися ни на йоту от привычного пути, невзирая на мировые катаклизмы под ними, — пока на востоке не загорелся рассвет.

* * *

Через шесть месяцев после начала Великого переселения в Австралию переехали 2,1 миллиарда человек — половина населения планеты.

Стали поднимать голову проблемы, на которые до сих пор не обращали внимания. Канберрская резня, случившаяся через семь месяцев после начала переселения, стала лишь первым эпизодом в длинной цепочке кошмаров.

Томоко потребовала, чтобы люди переселялись «нагишом». В Эру Устрашения земные «ястребы» настаивали на похожих условиях для трисоляриан, если им когда-нибудь позволят мигрировать в Солнечную систему. Беженцам позволялось взять с собой строительные материалы, все необходимое для устройства пищевых фабрик, медицинскую аппаратуру и другие жизненно необходимые предметы. Нельзя было брать любое тяжелое оборудование военного или гражданского назначения. Военнослужащим различных стран, направленным в зоны расселения, дозволялось легкое оружие для поддержания порядка. Инопланетяне собирались разоружить человечество полностью.

Но для правительства Австралии сделали ис-

ключение — ему позволили оставить абсолютно все, в том числе всю военную технику армии, флота и авиации. Страна, с момента рождения остававшаяся на периферии международных отношений, стала властелином мира.

В самом начале переселения правительство Австралии вело себя безукоризненно. И чиновники, и простые австралийцы изо всех сил пытались помочь иммигрантам. Но когда в Австралию хлынули переселенцы со всего мира, отношение к ним в стране, которая некогда единолично владела целым континентом, переменилось. Коренные австралийцы крайне возмущались и вскоре избрали новое правительство, которое заняло жесткую позицию по отношению к новоприбывшим. Пришедшие к власти политики быстро сообразили, что их преимущество перед всем миром сравнимо с тем, которое было у Трисоляриса перед Землей. Мигрантов, прибывших в числе последних, направляли в пустынные внутренние территории, а богатые, привлекательные земли, наподобие побережья Нового Южного Уэльса, объявили «зарезервированными» для австралийцев. Канберру и Сидней назвали «зарезервированными городами», в них также не допускали иммигрантов. Беженцам разрешили

жить только в одном крупном городе — Мельбурне. Австралийское правительство повело себя как всемирный диктатор, поставило себя выше ООН и правительств других стран.

Хотя переселенцам и не разрешалось селиться в штате Новый Южный Уэльс, не представлялось возможным запретить им приезжать в качестве туристов. Многие мигранты валили толпами в Сидней, чтобы утолить свою жажду городской жизни, даже если им не позволяли остаться. Лучше сделаться бездомным и бродить по улицам города, чем жить в зонах расселения. По крайней мере, чувствуешь себя среди цивилизации. Очень скоро Сидней оказался переполнен. Правительство решило выдворить беженцев силой и не давать им вернуться. В столкновениях полиции и армии с задержавшимися в городе мигрантами погибли люди.

Сиднейский инцидент дал выход давно скапливавшемуся гневу переселенцев на правительство Австралии. Более ста миллионов беженцев пересекли границу Нового Южного Уэльса и двинулись к Сиднею. При виде моря бунтовщиков солдаты австралийской армии бежали с занимаемых позиций. Десятки миллионов человек ворвались в Сидней и разграбили его подчистую

— так колония муравьев пожирает свежий труп, оставляя после себя чисто обглоданный скелет. А потом погромщики ушли из полыхающего города; Сидней превратился в лес кошмаров, в царство беззакония. Те, кто остался, жили хуже, чем в зонах расселения.

Затем мятежники двинулись на Канберру, до нее было километров двести. Поскольку Канберра — столица Австралии, туда перебралась половина правительств мира. Даже ООН переехала туда из Сиднея. Чтобы защитить резиденции правительств, армии пришлось открыть огонь по нападавшим. Погибло больше полумиллиона человек — большинство умерло не от рук солдат, а от голода и жажды, или было затоптано обезумевшей стомиллионной толпой. Хаос продлился более десяти дней, и все это время десятки миллионов человек были отрезаны от воды и пищи.

Мировоззрение переселенцев после этого значительно изменилось. Люди осознали, что на этом тесном, голодном континенте демократия страшнее деспотизма. Все мечтали о законности, порядке и сильной власти. Прежнее общество рухнуло. Мигранты требовали от правительства только еды, воды и места для койки; все остальное уже ничего не значило. Как лед постепенно

затягивает поверхность воды в озере, когда наступают морозы, так и переселенцы мало-помалу стали поддаваться соблазну тоталитаризма. Слова Томоко, произнесенные после того, как она убила мародеров в центре раздачи пищи — «Вашей дегенеративной свободе пришел конец» — стали популярным лозунгом; из могил истории выползли старые отбросы политики, в том числе фашизм. Религии тоже вернули себе былую власть; люди группировались вокруг разных вер и церквей. Ожила теократия — зомби еще более древний, чем тоталитаризм.

Неизбежным результатом тоталитаризма является война. Стали чаще вспыхивать конфликты между беженцами разных национальностей. Поначалу они возникали из-за воды и пищи, но вскоре переросли в методичное соперничество за жизненное пространство. После Канберрской резни австралийская армия стала мощным стабилизирующим фактором на землях Конгресса Переселенцев. По требованию ООН армия Австралии приступила к силовому поддержанию порядка. Без этого на континенте разразилась бы третья мировая война. И как предсказывал

какой-то мыслитель XX века[33], оружием в ней послужили бы палки и камни. К этому времени национальные армии — за исключением австралийской — не могли вооружить своих солдат даже алебардами. В качестве оружия чаще всего использовали куски строительной арматуры, пошли в ход даже старинные мечи из музеев.

В эти темные дни бесчисленное количество людей просыпалось каждое утро, не веря, что все это происходит на самом деле. За полгода человечество настолько регрессировало, что одной ногой стояло в Средневековье.

Лишь приближение Второго Трисолярианского флота удерживало людей и общество от полного коллапса. Флот уже пересек пояс Койпера, и порой безоблачными ночами факелы корабельных двигателей можно было разглядеть невооруженным глазом. На этих 415 слабых огоньках держались все надежды человечества. Люди помнили обещание Томоко и мечтали о том дне, когда флот наконец прилетит и устроит для всех на континенте спокойную, комфортабельную жизнь. Демоны прошлого стали ангелами спасения, единственной духовной опорой. Люди

[33] Примечания: 33

Это сказал Эйнштейн про четвертую мировую войну (http://mudroslov.ru/quotes?author=21&page=2). — *Прим. перев.*

молились за их пришествие.

Переселение продолжалось, огни городов на других континентах меркли один за другим, а сами города превращались в опустевшие, умолкшие лабиринты. Так в роскошном ресторане гаснет свет после ухода последнего посетителя.

К началу девятого месяца Великого переселения в Австралии жили 3,4 миллиарда человек. Качество жизни все ухудшалось, и миграцию пришлось временно остановить. «Капли» снова нанесли удары по городам за пределами Австралии, и Томоко повторила свою угрозу: по истечении года Трисолярис сразу же начнет истреблять людей за пределами резерваций. Австралийский континент походил на тюремную повозку, катящуюся туда, откуда не возвращаются. В клетку набили так много заключенных, что она практически лопалась по швам, но в нее предстояло затолкать еще семьсот миллионов человек.

Томоко задумалась над этой проблемой и предложила использовать Новую Зеландию и прилегающие острова как буферную территорию. Это сработало; через два с половиной месяца через них в Австралию прошли дополнительные 630 миллионов беженцев.

Наконец, за три дня до срока последние три миллиона переселенцев отбыли с Новой Зеландии на кораблях и самолетах в Австралию.

Великое переселение закончилось.

* * *

К этому времени в Австралии размещалось подавляющее большинство населения — 4,16 миллиарда человек. За пределами континента оставалось восемь миллионов. Из них один миллион жил на марсианской базе, пять миллионов служили в Силах Безопасности Земли, и два миллиона примкнули к Земному Движению Сопротивления. По всему миру также оставалось незначительное количество людей, которых по тем или иным причинам не переселили; их точного количества никто не знал.

Томоко набрала наемников в Силы Безопасности Земли, чтобы наблюдать за процессом переселения. Она пообещала, что принятым на службу не потребуется эмигрировать в Австралию; позже им разрешат селиться без ограничений на захваченных Трисолярисом территориях. Многие охотно соглашались; по данным окончательных подсчетов, более миллиарда человек подало заявления через инфосферу. На собеседо-

вание вызвали двадцать миллионов, из которых пять миллионов приняли в СБЗ. Немногие счастливчики не обращали внимания на плевки и укоризненные взоры — они знали, что многие из оплевывающих тоже подавали заявления.

Кое-кто сравнивал Силы Безопасности Земли с Обществом «Земля-Трисолярис», существовавшим триста лет назад. Однако между этими организациями не было ничего общего. ОЗТ состояло из воинов идеи, а рекруты СБЗ всего лишь хотели избежать переселения и жить в комфорте.

СБЗ делились на три корпуса: Азиатский, Европейский и Североамериканский. Они унаследовали все оружие и оборудование, оставленное национальными армиями при переселении. Вначале СБЗ действовали сдержанно, исключительно выполняя приказ Томоко следить за эмиграцией и охранять объекты инфраструктуры от расхищения и саботажа. Но когда ситуация в Австралии обострилась и процесс переселения замедлился, недовольная Томоко стала предъявлять все новые и новые требования, сопровождавшиеся угрозами. Обезумевшие СБЗ прибегли к широкомасштабному насилию, чтобы вынудить людей уехать. В этот период СБЗ убили почти миллион

человек. А когда отведенное на миграцию время вышло, Томоко приказала уничтожать всех людей за пределами резерваций. И тогда СБЗ осатанели. Сидя в летающих автомобилях, силовики реяли словно соколы над опустевшими городами, пикировали, завидев добычу, и расстреливали всех подряд из лазерных винтовок.

Земное Движение Сопротивления, наоборот, представляло собой все лучшее в человечестве, переплавленное в горниле катастрофы. Местных ячеек было так много, что их даже пересчитать не удавалось. Предполагали, что в движении участвовали от полутора до двух миллионов человек. Они скрывались в неприступных горах и в лабиринтах туннелей под городами, вели партизанскую войну против СБЗ и дожидались той минуты, когда через четыре года смогут дать последний бой высадившимся трисолярианским захватчикам. По сравнению с любым другим партизанским движением в истории человечества Земное Движение Сопротивления безусловно превзошло всех в самопожертвовании. Поскольку Силы Безопасности опирались на всемерную поддержку Томоко и «капель», любые акции ЗДС мало чем отличались от самоубийства. Воевать приходилось в условиях, не допускающих

действий объединенными силами, поэтому СБЗ могли уничтожать ячейки по одной.

Состав Земного Движения Сопротивления был смешанным, в нем встречались выходцы из всех слоев общества. Многие были выходцами из Общей Эры. Все шесть других кандидатов на пост Держателя Меча стали командирами Сопротивления. К концу переселения трое из них погибли в бою. Остались только инженер ускорителя Би Юньфэн, физик Цао Бинь и Иван Антонов, бывший русский вице-адмирал.

Каждый участник Сопротивления понимал, что надежды на победу нет. Как только приземлится Второй Трисолярианский флот, ЗДС будет уничтожено подчистую. Вечно голодные, одетые в лохмотья, прячущиеся по горным пещерам и городским канализациям, люди воевали за остатки достоинства расы землян. Они были единственным лучом света в самый мрачный период человеческой истории.

* * *

Перед рассветом Чэн Синь разбудили гулкие раскаты. Ночью ей плохо спалось — за окном то и дело поднимали шум недавно прибывшие беженцы. Девушка сразу же сообразила, что сейчас

не сезон гроз, да и люди на улице как-то притихли. Чэн Синь вздрогнула, поднялась с постели, накинула одежду и вышла наружу. Возле двери она чуть не споткнулась о спящего Фрейса. Тот глянул на нее полусонными глазами, прислонился к дверному косяку и опять заснул.

На улице только-только начало светать. Многочисленные беженцы беспокойно поглядывали на восток и взволнованно перешептывались. Чэн Синь повернулась в ту же сторону и увидела на горизонте густой столб черного дыма. Казалось, он разорвал бледный рассвет надвое.

Чэн Синь вскоре узнала, что час назад СБЗ начали бомбить Австралию. Их основной целью, по-видимому, являлись энергосистемы, порты и крупные транспортные механизмы. Столб дыма клубился над разбитой термоядерной электростанцией, до которой было около пяти километров. Испуганные люди устремляли глаза в небо и видели в темной синеве пять инверсионных следов от бомбардировщиков СБЗ.

Девушка вернулась в дом. АА уже поднялась и включила телевизор. Но Чэн Синь не стала смотреть новости — она не нуждалась в дополнительной информации. Без малого год она постоянно молилась, чтобы этот момент никогда

не наступил. Чэн Синь сделалась до того восприимчивой, что малейший намек подводил ее к правильному умозаключению. Она поняла, что случилось, как только услышала грохот за окном.

Уэйд снова оказался прав!

Чэн Синь обнаружила, что готова к этой ситуации. Раздумывать незачем, она уже знает, что делать. Девушка сказала АА, что ей нужно съездить к городским властям, и села на велосипед — самое удобное транспортное средство в зонах расселения. Она захватила с собой немного еды и воды, понимая, что, скорее всего, ей не удастся выполнить задуманное и дорога ей предстоит долгая.

Сквозь толчею в переулках она направилась к мэрии. Каждая страна мира привезла в зоны расселения свои административные ресурсы. В этой зоне жили выходцы из среднего по размеру города на северо-западе Китая. Мэрия располагалась в двух километрах отсюда, в большой палатке. Чэн Синь уже видела ее белый шпиль.

В последние две недели, под конец Великого переселения, хлынуло огромное количество беженцев. На распределение их по национальным зонам уже не оставалось времени, поэтому их

селили где придется. В зоне Чэн Синь нашли приют люди из других городов, областей, провинций и даже не из Китая. За последние два месяца в Австралию впихнули семьсот миллионов переселенцев, и жизнь в и без того переполненных зонах расселения стала совсем невыносимой.

По обеим сторонам дороги громоздились кучи вещей. Новоприбывшим было негде жить, поэтому они ночевали под открытым небом. Их разбудили звуки взрывов, и теперь они тревожно глядели в направлении дымного столба. В тусклом голубоватом предутреннем свете лица беженцев казались еще бледнее, чем обычно. К Чэн Синь вернулось ощущение, что она смотрит сверху вниз на муравейник. Девушка пробиралась среди бледных лиц, и ее томил подсознательный страх, что солнце больше никогда не взойдет.

Внезапно подступили слабость и тошнота. Чэн Синь затормозила, остановилась у края дороги, и ее вырвало, да так, что слезы навернулись на глаза. Сухие спазмы продолжались, пока желудок не обессилел. Где-то рядом заплакал ребенок; Чэн Синь увидела кутающуюся в лохмотья мать, обнимающую дочь. Изможденная, с нечесаными волосами, женщина не шевелилась, бездумно

уставившись в сторону востока. Лучи восходящего солнца заглянули в ее глаза, но там отразились лишь оцепенение и боль утраты.

Чэн Синь вспомнила другую мать, красивую, здоровую, полную жизни, которая дала своего ребенка будущему Держателю Меча на площади перед зданием ООН. Где теперь она и ее дитя?

Возле палатки мэрии Чэн Синь пришлось сойти с велосипеда и проталкиваться сквозь многочисленную толпу. Здесь всегда было людно, но сейчас особенно — беженцы пришли узнать, что происходит. Чэн Синь подошла к охранникам и назвала себя. Офицер не знал ее в лицо и вынужден был считать код на удостоверении личности. Компьютер подтвердил, что это она, и взгляд офицера навсегда запечатлелся в памяти Чэн Синь:

«И почему же мы тогда выбрали тебя?»

Чэн Синь вошла в палатку и сразу вспомнила былую гиперинформационную эпоху. В обширном помещении над чиновниками и клерками висели многочисленные голографические инфоокна. По-видимому, многие из них трудились всю ночь и смертельно устали, но работы не убавлялось. Под этой крышей теснилось множество отделов, и все они боролись за рабочее пространство, что сильно напомнило Чэн Синь

биржевой зал на Уолл-стрит в годы Общей Эры. Работники что-то нажимали в инфоокнах или набирали текст, а затем окна автоматически перемещались к другому клерку для дальнейшей обработки. Казалось, что светящиеся инфоокна — это призраки недавно ушедшей эры, собравшиеся на последнюю встречу.

Чэн Синь нашла мэра в крохотном закутке, отгороженном листами фанеры. Мэр был молод, на его нежном женственном лице лежала та же печать изнеможения, что и на лицах прочих сотрудников. Вдобавок он казался немного растерянным и отрешенным, как будто на плечи ему взвалили ношу, непосильную для представителя его хрупкого поколения.

На стене вспыхнуло огромное инфоокно с видом какого-то города. Почти все строения были старыми, традиционными, среди них возвышались лишь два-три здания-дерева. По всей видимости, не очень большой город. Чэн Синь отметила, что это видеозапись: в кадре иногда мелькали летающие автомобили, время дня — раннее утро. Девушка поняла, что инфоокно подменяло собой настоящее окно. Наверное, в этом городе мэр жил и работал до Великого переселения.

Мэр взглянул на Чэн Синь, и она прочла в его взоре еще одно «Почему мы выбрали тебя?». Тем не менее он вежливо спросил, чем может быть полезен.

— Мне нужно поговорить с Томоко, — ответила девушка.

Мэр покачал головой. Необычная просьба, казалось, слегка развеселила его, однако он ответил серьезно:

— Невозможно. Во-первых, у нас слишком низкий уровень, мы не можем выйти на прямой контакт с ней. Такой возможности нет даже у правительства всей провинции. Во-вторых, никто на Земле не знает, где сейчас Томоко. Связь с миром за пределами Австралии еле работает. Мы только что потеряли контакт с администрацией провинции, да и электроснабжение вот-вот прервется.

— Вы можете отправить меня в Канберру?

— Самолета у меня нет, но могу выделить наземный автомобиль. Однако не исключено, что пешком будет быстрее. Мисс Чэн, я настоятельно прошу вас остаться. Повсюду царит хаос, там очень опасно. Города бомбят. Хотите верьте, хотите нет, но здесь относительно спокойно.

В зонах расселения не строили беспроводных систем энергопитания, поэтому летающие авто-

мобили не работали. Можно было воспользоваться самолетами или наземными автомобилями с автономным питанием — вот только дороги стали непроезжими.

* * *

Выйдя из палатки мэрии, Чэн Синь услышала еще один взрыв. Столб дыма протянулся в небо с другой стороны; настороженную толпу охватила самая настоящая тревога. Девушка протолкалась к велосипеду; ей нужно проехать свыше пятидесяти километров, попасть на прием в администрации провинции и связаться оттуда с Томоко. Если не получится, Чэн Синь попытается добраться до Канберры.

Она не остановится ни перед чем.

Толпа затихла, когда над мэрией загорелось огромное, размером с сам шатер, инфоокно. Так поступали только для публикации важнейших новостей. Окно подрагивало из-за нестабильного напряжения в электросети, но на фоне неяркого рассветного неба все было хорошо видно.

В окне появилось здание Парламента в Канберре. Его построили в 1988 году, но продолжали называть «новым». На расстоянии оно казалось приземистым, прижавшимся к холму блинда-

жом; над крышей поднимался, наверное, самый высокий в мире флагшток. Мачта длиной свыше восьмидесяти метров вырастала из сплетения четырех гигантских стальных балок. По замыслу архитектора эта конструкция должна была символизировать стабильность, но сейчас она походила на каркас большой палатки. Над зданием реял флаг ООН — после погрома в Сиднее штаб-квартиру перенесли туда.

Огромный кулак сдавил сердце Чэн Синь. Настал Судный день.

Изображение переключилось на камеру в зале Палаты представителей. Присутствовало все руководство Земного Конгресса и Конгресса Флотов. Томоко созвала внеочередную сессию Генеральной Ассамблеи ООН.

Томоко, по-прежнему в камуфляжной форме и черном шарфе, но без катаны, стояла у правительственного микрофона. Ее прекрасное лицо не носило и следа той пугающей, жестокой притягательности, к которой за прошедший год все уже привыкли. Сейчас она была сама лучезарность. Томоко поклонилась собравшимся лидерам человечества, и Чэн Синь снова, как два года назад, увидела милую хозяйку, привечающую гостей, прибывших на чайную церемонию.

— Великое переселение завершено! — Томоко опять поклонилась. — Благодарю вас! Я бесконечно признательна всем вам. Это величайшее достижение, сравнимое с миграцией ваших предков из Африки десятки тысячелетий назад. Для наших цивилизаций началась новая эра!

Снаружи что-то взорвалось, и все собравшиеся инстинктивно повернули головы. Четыре подвесные осветительные рампы закачались, по залу забегали тени. Казалось, здание вот-вот рухнет. Но Томоко продолжала:

— Прежде чем прибудет великий флот Трисоляриса и организует для вас новую счастливую жизнь, вам предстоит пережить три трудных месяца. Надеюсь, земляне справятся так же хорошо, как в период Великого переселения.

Теперь я объявляю полную изоляцию Австралийской резервации от остального мира. Семь зондов сильного взаимодействия и Силы Безопасности Земли проследят за соблюдением абсолютной блокады. Любого, пытающегося покинуть Австралию, сочтут нарушителем и беспощадно уничтожат!

Обезвреживание Земли будет продолжено. В ближайшие три месяца резервация перейдет на натуральное сельское хозяйство. Применение

современных технологий, в том числе электроэнергии, строго запрещается. Как вы уже заметили, Силы Безопасности Земли приступили к систематическому уничтожению энергостанций Австралии.

Люди вокруг Чэн Синь не верили своим ушам. Они переглядывались в надежде, что кто-нибудь объяснит им слова Томоко.

— Это же геноцид! — вскрикнул кто-то в Палате представителей. Тени продолжали раскачиваться, словно тела висельников.

И в самом деле, это был геноцид.

Прокормить 4,2 миллиарда человек в Австралии трудно, но вполне вообразимо. Даже после Великого переселения плотность населения составляла пятьдесят человек на квадратный километр — меньше, чем в Японии до Переселения.

Но продукты питания предполагалось изготавливать на высокоэффективных фабриках. В процессе переселения люди разобрали и перевезли значительное количество таких фабрик; многие из них уже восстановили и запустили. На пищевых фабриках выращивали генетически модифицированные злаки со скоростью, на порядки превосходящей природную. Однако для такого

роста недостаточно естественного освещения, требуются сверхмощные лампы, потребляющие большое количество электроэнергии.

Если электроснабжение прервется, то ростки в оранжереях фабрик, требующие ультрафиолета или рентгеновских лучей для фотосинтеза, сгниют за пару дней.

Запасов продовольствия для 4,2 миллиарда человек хватит только на один месяц.

— Я не понимаю вашей реакции, — ответила Томоко человеку, крикнувшему «геноцид». Похоже, она говорила искренне.

— Пища! Откуда мы возьмем пищу? — крикнул кто-то еще. Люди уже не боялись Томоко. У них не осталось ничего, кроме отчаяния.

Томоко обвела взором зал и посмотрела в глаза каждого из собравшихся.

— Пища? Да оглянитесь вокруг — вас окружает еда, живая еда!

Она говорила безмятежно, будто напоминая человечеству о забытом складе продовольствия.

Никто не проронил ни слова. Тщательно спланированный процесс уничтожения достиг последней фазы. Слишком поздно что-то говорить.

А Томоко продолжала:

— В грядущей битве за выживание подавля-

ющая часть человечества погибнет. Через три месяца, ко времени прибытия флота, на континенте должно остаться от тридцати до пятидесяти миллионов человек. Именно их, победителей, ждет свободная и цивилизованная жизнь в резервации. Пламя земной цивилизации не угаснет окончательно, но будет теплиться тихо, словно лампада в гробнице.

Австралийскую Палату представителей создали по образцу британской Палаты общин. Галереи для посетителей находились по бокам, а скамьи парламентариев, которые сейчас занимали мировые лидеры, располагались внизу, в середине. Сидящим на депутатских скамьях людям казалось, что они уже в той самой гробнице и ее вот-вот запечатают.

— Сам факт существования — уже невероятная удача. Так было на Земле в прошлом, так было всегда в этой жестокой Вселенной. Но в какой-то момент человечеству почудилось, что у него есть *право на жизнь*, что жизнь — это что-то само собой разумеющееся. В этом кроется основная причина вашего поражения. Мы снова поднимаем флаг эволюции над этой планетой, и вам придется бороться за выживание. Надеюсь, что все сидящие в этом зале войдут в число победивших пятидесяти

миллионов. Надеюсь, что *вы* будете есть пищу, а не пища будет есть вас.

— Аааааа! — женский крик невдалеке словно ножом прорезал тишину и потерялся в мертвом молчании толпы.

Чэн Синь почувствовала, как весь мир вокруг нее перевернулся. Она даже не поняла, что падает на землю. Словно в старинном слайд-шоу, палатка мэрии и голографическое окно сдвинулись в сторону и сменились огромным, необъятным небом. И тут земля, словно поднявшись стоймя, ударила ей в спину. Рассветное небо стало тусклым океаном, по которому лужами крови плыли малиновые облака, освещенные восходящим солнцем. Перед глазами появилась маленькая черная точка, которая быстро расширялась, будто пятно на подожженном пламенем свечи бумажном листе, пока весь мир не затянуло мглой.

Девушка вскоре очнулась и, опершись ладонями о мягкий песок, села. Ощупала себя руками. Вроде бы все в порядке, все на месте. Кроме мира. Мир исчез. Вокруг не было ничего — только тьма. Чэн Синь распахнула глаза пошире, но так ничего и не увидела. Она ослепла.

Ее оглушили звуки; Чэн Синь не понимала, какие из них настоящие, а какие иллюзорные:

топот ног, нарастающий, словно морской прилив, крики, рыдания и невнятные, жуткие стоны, какие издает мертвый лес в бурю.

Кто-то с разбегу врезался в нее, она повалилась, с трудом снова села. Перед глазами стояла непроглядная тьма, вязкая, как гудрон. Чэн Синь повернулась туда, где, по ее мнению, должен быть восток, но даже мысленно не смогла увидеть поднимающееся над горизонтом солнце. Вместо него восходило гигантское темное колесо, заливающее мир лучами черного света.

Посреди этого бесконечного мрака ей показалось, что она видит чьи-то глаза. Черные глаза растворились во мгле, но она ощущала их присутствие, чувствовала на себе их взгляд. Может быть, это глаза Юнь Тяньмина? Она упала в ту пропасть, где сможет встретиться с ним. Она услышала, как Тяньмин зовет ее. Девушка попыталась изгнать галлюцинации из своего разума, но они не желали уходить. Наконец она убедилась, что призыв исходит из реального мира. Говорил явно мужчина, но голос звучал женственно — значит, человек принадлежал нынешней эпохе.

— Вы доктор Чэн Синь?

Она кивнула. Точнее, ощутила, что кивнула — ее тело, похоже, действовало само по себе.

— Что у вас с глазами? Вы не видите?

— Кто вы?

— Я командую специальной группой в составе Сил Безопасности Земли. Томоко приказала нам вывезти вас из Австралии.

— Куда?

— Куда пожелаете. Она позаботится о вас. Разумеется, если вы сами захотите отправиться с нами.

Чэн Синь услышала другой звук и сначала подумала, что это очередная галлюцинация: рокот вертолета. Человечество научилось антигравитации, но эта технология требовала слишком много энергии для практического применения. На летающем транспорте использовали традиционные пропеллеры. Она ощутила порывы ветра — еще одно доказательство, что вертолет где-то недалеко.

— Можно мне поговорить с Томоко?

Ей в руку толкнулся какой-то предмет — мобильный телефон. Она поднесла его к уху и услышала голос Томоко:

— Приветствую тебя, Держатель Меча.

— Я искала встречи с тобой.

— Зачем? По-прежнему считаешь себя спасительницей мира?

Чэн Синь медленно покачала головой.

— Нет. Я никогда так о себе не думала. Я хочу спасти всего лишь двух человек. Хорошо?

— Кого именно?

— [illegible] АА и Фрейса.

— А, свою болтливую подружку и старика-аборигена? И ты искала меня только ради этого?

Чэн Синь удивилась. Томоко встречалась с АА, но откуда она знала, кто такой Фрейс?

— Да. Пускай твои люди заберут их из Австралии, чтобы они жили на свободе.

— Это несложно. А как насчет тебя?

— Обо мне не беспокойся.

— Разве ты не видишь, что происходит?

— Не вижу. Я вообще ничего не вижу.

— Ты что, ослепла? Плохо питалась?

Чэн Синь, АА и Фрейсу весь год выдавали достаточные пайки, и правительство так и не отняло у старого аборигена дом. Как только Чэн Синь и АА переехали к Фрейсу, ее перестали третировать. Девушка полагала, что ее защищает местная администрация, но теперь она поняла — за ней приглядывала Томоко.

Чэн Синь понимала, что этим биороботом управляет группа инопланетян, находящихся на расстоянии в четыре световых года, но она,

подобно другим людям, всегда воспринимала Томоко как личность, женщину. И эта женщина, занятая уничтожением 4,2 миллиарда человек, беспокоилась о ней!

— Если ты останешься, тебя съедят.

— Я знаю, — хладнокровно ответила Чэн Синь.

Неужели Томоко вздохнула?

— Хорошо. Я оставлю софон рядом с тобой. Если передумаешь или понадобится помощь, скажи, я услышу.

Чэн Синь не ответила, даже не поблагодарила.

Кто-то схватил ее за руку — это был командир Сил Безопасности Земли.

— Мне приказали вывезти тех двоих, о которых вы говорили. Будет лучше, если вы, доктор Чэн, поедете с нами. Здесь скоро начнется сущий ад.

Чэн Синь отрицательно покачала головой.

— Вы знаете, где они находятся? Вот и хорошо. Отправляйтесь за ними. Спасибо.

Она прислушалась к вертолету. После потери зрения ее слух обострился, словно стал третьим глазом. Она услышала, как вертолет поднимается в воздух, а потом приземляется в паре километров отсюда. Через несколько минут он снова взлетел, и постепенно шум мотора затих.

Чэн Синь удовлетворенно закрыла глаза. От-

крыты они или закрыты, вокруг царила ночь. Наконец-то ее разбитое сердце нашло покой среди моря крови. Непреодолимая тьма стала ей защитой. За пеленой мрака был ужас. От того, что там происходит, дрожал в ознобе сам мороз и спотыкалась в потемках сама тьма.

Хаос вокруг нее нарастал: люди бегали, дрались, стреляли, ругались, вопили, стонали, умирали... «Разве они уже начали есть друг друга? Еще рано для такого». Чэн Синь верила, что даже через месяц, когда кончится еда, большинство откажется есть человечину.

«Поэтому большинство и умрет».

Неважно, как станут называть пятьдесят миллионов выживших — людьми или еще как-то. Исчезнет сама концепция человечности.

Теперь всю историю земной цивилизации можно описать одной строкой: мы вышли из Африки, мы бродили семьдесят тысяч лет, мы дошли до Австралии.

В Австралии человечество вернулось к исходному состоянию. Однако нового путешествия не будет. Это конец.

Невдалеке заплакал ребенок. Чэн Синь захотелось обнять его. Она вспомнила малыша, которого держала перед зданием ООН — мягкого,

теплого, приветливо улыбающегося. От прилива материнского чувства у девушки защемило сердце. Она боялась, что дитя останется голодным.

Последние десять минут Эры Устрашения: год 62-й, 28 ноября, с 16:17:34 до 16:27:58. «Гравитация» и «Синий космос», межзвездное пространство

Когда завыли сирены, возвещая о нападении «капель», лишь один человек на борту «Гравитации» почувствовал облегчение. Это был Джеймс Хантер, самый старый член экипажа. Ему исполнилось семьдесят восемь, и все называли его «Старый Хантер».

Полвека назад, на базе Флота возле Юпитера, двадцатисемилетний Хантер получил свое назначение из уст начальника штаба:

— Вы будете оператором кулинарного оборудования на «Гравитации».

Так пышно называлась должность кока. Но поскольку на боевом корабле производством пищи занимались системы искусственного интеллекта, оператор-кулинар только управлял аппаратурой. Главным образом, он вводил меню и выбирал рецепты. Как правило, операторами кулинарного оборудования назначали старшин, но Хантеру только что присвоили звание капитана первого

ранга. Он стал самым молодым полковником во флоте. Хантер, однако, не удивлялся. Он знал, чем ему предстоит заниматься на самом деле.

— Ваша подлинная задача — охранять гравитационный передатчик. Если командование «Гравитации» утратит контроль над кораблем, вы должны уничтожить передатчик. Если случится что-то непредвиденное, для выполнения задачи используйте любые меры на свое усмотрение.

Установленный на «Гравитации» передатчик состоял из антенны и блока управления. Антенной являлся сам корпус корабля, и разрушить его невозможно. Однако можно разбить блок управления, тогда передатчик выйдет из строя. Деталей, чтобы собрать новый, нет ни на «Гравитации», ни на «Синем космосе».

Хантер знал, что подобные ему люди служили давным-давно на атомных подводных лодках. В то время в составе экипажей подводных ракетоносцев Советского Союза и НАТО числились матросы и офицеры невысокого ранга, занимающие скромные должности. Им были поручены такие же задания. Если возникнет опасность захвата лодки и ядерных ракет, они неожиданно выйдут из тени и сделают все возможное для ликвидации угрозы.

— Вы обязаны присматривать за всем, что происходит на корабле, следить за действиями каждой смены экипажа. Поэтому вам нельзя ложиться в гибернацию.

— Не знаю, доживу ли я до ста лет.

— Ваша задача дожить только до восьмидесяти. К тому времени закончится период полураспада вырожденного вещества, из которого состоит струна антенны, передатчик «Гравитации» выйдет из строя, и ваша миссия завершится. Таким образом, вам нельзя ложиться в гибернацию на пути туда; обратный путь можете провести во сне. Но так или иначе, вам придется посвятить этому заданию всю оставшуюся жизнь. У вас есть право отказаться.

— Я согласен.

Начальник штаба задал вопрос, который в прошлые эпохи ни одному командиру и в голову бы не пришел:

— Почему?

— Во время битвы Судного дня я был аналитиком АСР на «Ньютоне». Прежде чем «капля» уничтожила наш корабль, я покинул его в спасательной шлюпке. Она была самой маленькой из всех, имеющихся на корабле, но могла вместить пятерых. В этот момент к ней спешили

несколько других членов экипажа, а кроме меня в шлюпке никого не было. Но я отдал ей приказ стартовать...

— Мне об этом известно. Решение военно-полевого суда однозначно: вы действовали правильно. Через десять секунд после запуска шлюпки корабль взорвался. У вас не оставалось времени на ожидание.

— Это так. Но... мне кажется, что стоило бы остаться на «Ньютоне».

— Я знаю, что потери ложатся тяжелым бременем на плечи выживших. На этот раз вам дается шанс спасти миллиарды.

Два офицера помолчали. Сквозь иллюминатор, словно гигантское око, на них смотрело Большое Красное Пятно Юпитера.

— Прежде чем объяснить задание подробно, хочу, чтобы вы понимали: ваш основной долг — не допустить попадания системы в чужие руки. Если не можете точно оценить степень риска, уничтожайте передатчик — пусть даже потом выяснится, что вы ошиблись. Когда решите действовать, не думайте о побочном ущербе. Если потребуется, можете взорвать весь корабль.

«Гравитация» покинула Землю под управлением первой смены экипажа. Хантер был среди них.

Все пять лет, до следующей смены, он регулярно принимал особые маленькие голубые таблетки. Под конец смены, когда пришла пора ложиться в гибернацию, врачи поставили ему диагноз: нарушение церебрососудистой коагуляции, или «бессонная болезнь». При этом редком заболевании пациент не ощущал никаких неудобств, но не мог лечь в холодный сон — в процессе пробуждения разрушался мозг. Это было единственное известное заболевание, не допускавшее погружение пациента в гибернацию. Когда диагноз подтвердился, сослуживцы так посмотрели на Хантера, словно тот уже умер и они присутствуют на похоронах.

Итак, Хантер не спал на протяжении всего полета. Каждый раз, когда кто-нибудь выходил из гибернации, он замечал, что Хантер постарел. Корабельный повар рассказывал проснувшимся обо всем интересном, что случилось за десяток лет, пока они спали. Скромный кок нравился всему экипажу, его уважали и рядовые, и офицеры. С течением времени он стал символом долгого путешествия «Гравитации». Никто даже не подозревал, что у общительного, доброго трудяги такое же воинское звание, как и у командира корабля, и что только он, не считая командира,

имеет право и возможность уничтожить космолет, если разразится кризис.

Пока длились первые тридцать лет полета, у Хантера было несколько подруг. В этой области у него было преимущество перед другими: он мог встречаться с женщинами разных смен, то с одной, то с другой. Но прошли десятилетия, и Хантер стал «Старым Хантером». Женщины, по-прежнему молодые, считали его лишь хорошим другом и интересным рассказчиком.

За полвека Старый Хантер по-настоящему любил лишь одну женщину — Рейко Акихару. Но почти всегда их разделяли свыше десяти миллионов астрономических единиц. Младший лейтенант Акихара служила навигатором на «Синем космосе».

Охота за «Синим космосом» была единственным предприятием, в котором Земля и Трисолярис стремились к одной и той же цели. Одинокий корабль, летящий в пучину космоса, угрожал обоим мирам. В дни, когда Земля попыталась приманить к себе два корабля, выживших в битвах Тьмы, на «Синем космосе» узнали, что Вселенная — это «темный лес». Если «Синий космос» однажды сможет передать сообщение во Вселенную, последствия трудно даже представить. Поэтому

Трисолярис всемерно содействовал в преследовании. До входа в закрытое пространство софоны непрерывно в реальном времени транслировали на «Гравитацию» виды кают и коридоров беглого корабля.

За прошедшие десятилетия ранг Хантера повысили со старшины второго класса до старшины первого класса, а затем в особом порядке произвели в офицеры. Начав с энсина[34], он поднялся до лейтенанта. Но даже в этом ранге у него не было права доступа к передачам с борта «Синего космоса». Однако в его распоряжении имелись специальные коды доступа ко всем системам корабля, и он зачастую смотрел трансляцию у себя в каюте, на экране размером с ладонь.

Он увидел, что общество «Синего космоса» радикально отличается от «Гравитации». Оно было милитаристским, авторитарным, строилось на принципах жесткой дисциплины. Каждый член экипажа отдавал на общее благо все, что имел. Впервые он увидел Рейко через два года после

[34] Примечания: 34

Энсин — младшее офицерское звание в сухопутных и военно-морских силах некоторых западных стран. В сухопутных силах энсин командует небольшим отрядом, отвечающим за полковое знамя, и является эквивалентом прапорщика в российской армии. В военно-морских силах энсин часто является первым офицерским званием; соответствующее звание в российском флоте — мичман. *— Прим. перев.*

начала преследования. Красавица из Восточной Азии мгновенно покорила его сердце. Он наблюдал за ней ежедневно, часами; порой ему даже казалось, что он знает ее жизнь лучше, чем свою. Но через год Рейко легла в гибернацию, а проснулась только через тридцать лет. Она осталась такой же молодой, но Хантеру почти сравнялось шестьдесят.

В ночь перед Рождеством, после шумной вечеринки он вернулся к себе в каюту и включил трансляцию с «Синего космоса». На экране вспыхнул подробный план корабля. Он нажал пальцем на отсек навигации, и на экране появилась Рейко, несущая вахту. Она рассматривала большую голографическую звездную карту. Яркая красная линия отмечала траекторию «Синего космоса». Под ней белой линией, почти совпадавшей с красной, была показана траектория «Гравитации». Хантер отметил, что белая линия немного не совпадала с подлинным курсом преследователей. Сейчас корабли разделяло несколько тысяч астрономических единиц. На таком удалении безошибочно определить курс небольшого космолета не получится. По-видимому, белая линия начерчена приблизительно; однако расстояние они угадали довольно точно.

Хантер приблизил изображение. Рейко внезапно повернулась к нему лицом и с улыбкой, от которой дрогнуло сердце, сказала: «С праздником!» Хантер понимал, что Рейко поздравила не его лично, а всех, кто догоняет их корабль. Она знала, что за «Синим космосом» наблюдают софоны, хотя сама взглянуть на преследователей не могла. Так или иначе, это мгновение стало одним из счастливейших в жизни Хантера.

Экипаж «Синего космоса» был большим, поэтому смена Рейко скоро закончилась. Через год она снова легла в холодный сон. Хантер предвкушал тот день, когда встретит Рейко лицом к лицу — как только «Гравитация» наконец догонит «Синий космос». Жаль, что к тому времени ему будет почти восемьдесят. Он надеялся, что успеет рассказать о своей любви, прежде чем девушку арестуют и отдадут под суд.

Хантер исправно выполнял возложенные на него обязанности уже полвека. Он внимательно следил за всем необычным и мысленно разыгрывал действия в различных ситуациях. Но ответственность не слишком изматывала старого офицера. Он знал, что рядом с «Гравитацией» есть еще одна, крайне надежная страховка. Как и многие другие, он часто наблюдал за «каплями»

в иллюминаторы. Для него, однако, значение «капель» было иным. Он знал, что если на «Гравитации» произойдет что-нибудь из ряда вон выходящее — мятеж или попытка захвата гравипередатчика, — «капли» уничтожат корабль. Трисолярианские зонды невероятно быстры: они пролетят несколько километров и достигнут цели за каких-то пять секунд.

Миссия Хантера уже подходила к концу. Сердце гравитационной антенны — струна из вырожденной материи диаметром всего десять нанометров, протянувшаяся от носа до кормы полуторакилометрового корпуса, — почти достигла срока полураспада. Еще два месяца, и плотность струны упадет ниже минимально допустимой для гравитационной передачи: тогда система полностью выйдет из строя. «Гравитация» превратится из передатчика, несущего угрозу двум планетам, в обычный звездолет, и служба Хантера завершится. Тогда он откроет свое подлинное лицо. Ему было любопытно посмотреть на реакцию экипажа: восхитятся они или ответят презрением? В любом случае он перестанет принимать голубые таблетки, и его «болезнь» исчезнет. Он ляжет в гибернацию и проснется на Земле, где и проведет остаток жизни. Для него начнется новая эпоха.

Но он ляжет в холодный сон только после того, как увидит Рейко — а это случится уже скоро.

И вдруг софоны ослепли. Во время полета Хантер продумывал множество самых разных осложнений, и это было одним из худших. Потеря софонов означала, что ни «капли», ни Трисолярис не знали, что происходит на «Гравитации». Если что-нибудь случится, «капли» не успеют среагировать. Ситуация стала угрожающей, и бремя на плечах Хантера возросло десятикратно, будто миссия только-только началась всерьез.

Теперь Хантер еще пристальнее следил за всем, что происходило на корабле. Дело осложнялось тем, что экипаж в полном составе вывели из гибернации. Но Хантер был единственным, кого знали абсолютно все; он пользовался популярностью и имел подход к любому человеку. Никто не опасался мелкого служащего, безобидного любителя поболтать. И рядовые, и в особенности младшие офицеры делились с ним мыслями, которые никогда бы не поведали ни старшим офицерам, ни психологам. Хантер владел всей полнотой ситуации.

Как только софоны ослепли, на корабле начали твориться необычные вещи. В оранжерею, находящуюся в самом центре корабля, попал

микрометеорит. Несколько человек уверяли, что видели, как в переборках возникают странные отверстия, как некоторые предметы исчезают, а потом как ни в чем не бывало появляются снова без каких-либо повреждений...

Среди всех этих непонятных явлений то, что случилось с Девоном, командиром подразделения военной полиции, озаботило Хантера больше всего. Девон был одним из старших офицеров корабля. Как правило, Хантер с ними мало общался. Но когда он узнал, что Девон хочет поговорить с психиатром — человеком, встречи с которым избегал весь экипаж, — Хантер насторожился. За бутылкой выдержанного виски он вытянул из Девона все подробности необычной встречи.

Несомненно, если отбросить попадание микрометеорита, странные события разумнее всего объяснить тем, что экипаж страдает галлюцинациями. Возможно, утрата софонов каким-то неведомым образом вызвала массовое психическое расстройство. Так, по крайней мере, объясняли происходящее доктор Уэст и его подчиненные. Долг службы не позволял Хантеру легко согласиться с этой теорией; но, если исключить галлюцинации и массовое помешательство, то, о чем говорили члены экипажа, просто невоз-

можно. Однако миссия Хантера требовала от него принимать меры против невозможного, которое по какой-то причине стало возможным.

В противоположность массивной антенне блок управления гравитационным передатчиком не занимал много места. Он располагался в небольшом сферическом отсеке на корме, действовал независимо и не был подключен к другим системам корабля. Отсек походил на особо прочный стальной сейф. Никто на борту «Гравитации» не имел к нему доступа, даже капитан корабля. Лишь Держатель Меча на Земле мог инициировать гравитационное вещание; для этого на «Гравитацию» послали бы пучок нейтрино, включающий передатчик. Сюда такой сигнал добирался бы целый год.

Но если «Гравитацию» захватят, броня сферического отсека долго не продержится.

В часах Хантера была специальная кнопка. Если ее нажать, в отсеке с аппаратурой взорвется термитный заряд и испарит все внутри. Тайные обязанности кока были весьма просты: независимо от природы кризиса, если он сочтет, что риск превышает некоторое пороговое значение, он должен нажать кнопку и уничтожить блок управления. Передатчик выйдет из строя.

В некотором смысле Хантер был противоположностью Держателя Меча.

Хантер не слишком доверял кнопке в часах и термитной бомбе. Он бы предпочел день и ночь сторожить сам отсек, но, разумеется, это вызвало бы подозрения, — а ведь секретность миссии являлась его важнейшим козырем. Тем не менее он стремился держаться поближе к тайному отсеку и поэтому часто навещал астрономическую обсерваторию, также расположенную на корме. Поскольку весь экипаж бодрствовал, кулинарными делами занимались помощники Хантера, а у него самого появилось достаточно свободного времени. Кроме того, доктор Гуань Ифань был единственным гражданским ученым на борту и не подчинялся военной дисциплине. Никого не удивляло, что Хантер часто ходил к Гуаню, чтобы вместе пропустить рюмку-другую, — к спиртному Хантер имел доступ по службе. Доктор Гуань, в свою очередь, с удовольствием пил и рассказывал коку о «синдроме трех и трехсот тысяч» Вселенной. Вскоре Хантер стал почти весь свой досуг проводить в обсерватории, отделенной от тайного отсека всего лишь коротким коридором длиной метров двадцать.

В очередной раз идя в обсерваторию, Хантер

встретил по дороге Гуань Ифаня и доктора Уэста — те направлялись на нос корабля. Тогда он решил проверить, как там поживает отсек управления. Когда до двери оставалось метров десять, взвыли сирены, предупреждая об атаке «капель». Поскольку официальный ранг Хантера был невысок, загоревшееся перед ним информационное окно давало только самую общую информацию, но он знал, что «капли» сейчас находятся дальше от корабля, чем при полете в тесном строю. До удара оставалось десять-двадцать секунд.

В эти последние секунды Старый Хантер почувствовал облегчение и радость. Что бы теперь ни случилось, он выполнит свой долг. Он предвкушал не смерть, а победу.

Вот почему когда через полминуты сирены умолкли, Хантер оказался единственным на борту, кто не ощутил спада нервного напряжения. Прекращение тревожных сигналов означало для него величайшую опасность: гравитационный передатчик цел, а нависшая угроза непонятна. Без малейшего колебания он нажал кнопку на часах.

Ничего не произошло. Разумеется, отсек управления плотно запечатан, но Хантер должен был ощутить взрывную волну. На экране часов по-

явилась надпись:

> Отказ: модуль самоликвидации демонтирован.

Хантер даже не удивился. Интуиция уже подсказала ему, что случилось самое худшее. А он-то думал, что скоро наступит покой... Где там! Теперь покоя не жди.

* * *

Ни одна из «капель» не попала в намеченные цели. Оба трисолярианских зонда прошли предельно близко к «Гравитации» и «Синему космосу» — в считаных десятках метров.

Через три минуты после отключения сирен Джозефу Моровичу, капитану «Гравитации», наконец удалось собрать старших офицеров в боевой рубке управления. Посреди помещения располагалась громадная ситуационная карта. На ней не светились звезды; карта отображала только два корабля и подлетные траектории «капель». Два длинных следа казались прямыми, но из собранных данных следовало, что это еле заметно изгибающиеся параболы. Провели моделирование атаки. Две «капли» разогнались

было навстречу своим целям, и тут траектории начали смещаться — еле-еле заметно, однако общий результат оказался значительным: «капли» промахнулись. Многие из старших офицеров участвовали в битве Судного дня; до сих пор у них от страха замирало сердце, когда они вспоминали, на какие крутые повороты на высокой скорости способен трисолярианский зонд. Но прочерченные на карте траектории были совершенно иными: казалось, что какая-то внешняя сила, перпендикулярная к вектору «капель», упорно уводила их с курса.

— Воспроизведите запись с самого начала, — приказал капитан. — В видимом диапазоне.

Появились звезды и галактики. Это было уже не моделирование, а видеозапись реальных событий. В углу вспыхнули цифры отсчета времени. Все заново пережили ужас недавних событий, когда оставалось только ждать смерти — ни маневрирование, ни оружие не помогли бы. Вскоре цифры замерли — «капли» уже пролетели мимо, так быстро, что никто их не увидел.

Воспроизведение переключилось в замедленный режим. Запись вели скоростные камеры, а значит, просмотр всего десятисекундного фрагмента занял бы слишком много времени. Поэтому

начали с трех секунд от конца. Офицеры увидели, как перед камерой блеклым метеором на фоне звезд пролетает «капля». Воспроизведение повторили и остановили, когда «капля» оказалась в центре кадра. Изображение увеличивали, пока зонд не занял собой почти весь экран.

За полвека путешествия в компании «капель» команда «Гравитации» хорошо изучила их внешний вид. Теперь перед их глазами предстало нечто поразительное. Зонд на экране сохранял форму капли, но его поверхность больше не являлась безупречно гладким зеркалом. «Капля» потускнела и приобрела медно-желтый цвет, словно ржавая. Казалось, что давным-давно наложенное волшебником заклинание вечной юности выдохлось, и проявились все шрамы, полученные за триста лет скитаний в космосе. Из сверкающего ангела смерти «капля» превратилась в древний артиллерийский снаряд, дрейфующий сквозь пространство. В последние годы офицеры получали с Земли кое-какую информацию по материалам сильного взаимодействия. Они знали, что поверхность «капли» окружена силовым полем, которое создает аппаратура внутри. Это поле нейтрализовало электромагнитные взаимодействия между элементарными частицами и

позволяло выступить вперед сильному ядерному взаимодействию. Если силовое поле отключить, материал сильного взаимодействия станет обычным металлом.

«Капли» были мертвы.

Затем офицеры просмотрели записи, сделанные после попытки нападения. Моделирование показало, что, как только «капля» пронеслась рядом с «Гравитацией», мистическая перпендикулярная сила, уводившая зонд с курса, пропала, и дальше «капля» летела по инерции. Но через несколько секунд скорость зонда начала снижаться. Компьютеры анализа боевой ситуации установили, что сила, тормозящая зонд, равна по величине той силе, что отталкивала его с траектории атаки. Следовательно, источник воздействия переключился с приложения силы в бок «капли» на приложение силы с фронтальной части.

Поскольку запись велась через мощный телескопический объектив, удалось увидеть удаляющуюся «каплю» сзади. Зонд развернулся на девяносто градусов, перпендикулярно к направлению движения, и продолжал лететь по инерции. Затем он начал замедляться. То, что случилось дальше, показалось сценой из сказки. Хорошо, что доктор Уэст был в числе присут-

ствующих, иначе он опять заявил бы, что все собравшиеся страдают галлюцинациями. Перед «каплей» возник треугольный объект, раза в два длиннее нее. Все тотчас же узнали в нем челнок «Синего космоса»! Для дополнительной тяги на его корпус навесили несколько небольших термоядерных двигателей. Дюзы были направлены от камеры, но окружающее их свечение сообщало, что двигатели работают на максимальной мощности. Челнок толкал «каплю», чтобы снизить ее скорость. Легко догадаться, что это и был источник силы, отклонившей зонды с траектории атаки.

Как только челнок возник на экране, на другой стороне «капли» — той, на которую смотрела камера, — появились две фигуры в космических скафандрах. Из-за торможения их прижимало к поверхности зонда. Один астронавт держал в руках какой-то прибор и, похоже, изучал «каплю». До сих пор «капли» казались человечеству чуть ли не чем-то божественным, не принадлежащим этому миру, недоступным. Единственные люди, коснувшиеся зонда, испарились в пламени битвы Судного дня. Но теперь «капля» утратила загадочность. Лишенная зеркального сияния, она выглядела заурядной, изношенной и даже

более примитивной, чем челнок и астронавты, — просто какая-то древняя штуковина, а то и вовсе космический мусор. Через несколько секунд и челнок, и астронавты исчезли, но зонд продолжал торможение; это означало, что челнок по-прежнему толкает «каплю», только стал невидим.

— Они знают, как выводить «капли» из строя! — вскричал кто-то.

Капитаном Моровичем завладела единственная мысль. Как и Хантер несколько минут назад, он без колебаний нажал кнопку на своих часах. Перед ним вспыхнуло красное инфоокно с сообщением об ошибке:

> Отказ: модуль самоликвидации демонтирован.

Капитан выскочил из боевой рубки и помчался на корму. За ним поспешили остальные офицеры.

* * *

Первым из экипажа «Гравитации» до отсека управления гравитационным передатчиком добрался Старый Хантер. Не имея возможности

войти в отсек, он решил перерезать кабель между блоком управления и антенной. Это на время вывело бы передатчик из строя, а там он как-нибудь ухитрился бы уничтожить сам блок управления.

Но на месте уже кто-то был — и этот чужак осматривал вход в отсек!

Хантер выхватил пистолет и навел на постороннего. Человек носил форму младшего лейтенанта «Гравитации», а не мундир времен битвы Судного дня, как ожидал старый офицер — посторонний где-то ее украл! Хантер узнал его со спины.

— Так я и думал — коммандер Девон не ошибся!

Лейтенант-коммандер Пак Ый-гун, командующий подразделением десанта на «Синем космосе», обернулся. Он выглядел лет на тридцать, но его лицо выдавало, что он прошел через такое, чего никто на «Гравитации» даже представить себе не сможет. Вид у Пака был слегка удивленный — наверное, не ожидал встретить Хантера. Не теряя самообладания, он выставил ладони перед собой и начал:

— Позвольте мне объяснить...

Старого Хантера не интересовали объяснения. Он не желал знать, как этот человек попал на «Гравитацию», живой он или привидение. В

любом случае ситуация была слишком опасной. Хантер хотел одного — разбить блок управления. В этом заключался весь смысл его жизни, а человек с «Синего космоса» преграждал дорогу. Хантер нажал на спуск.

Пуля попала Паку в грудь и отбросила на дверь отсека. Пистолет был заряжен специальными патронами для боя внутри корабля. Пули не пробивали перегородки и не повреждали оборудование, зато и убойная сила их была ниже, чем у лазерных лучей. Из раны выступила кровь, но так как дело происходило в невесомости, Пак не упал. Он потянулся к своему оружию. Хантер выстрелил еще раз, в груди лейтенанта-коммандера появилась новая рана, а в воздухе поплыло еще больше шариков крови. Наконец Хантер прицелился Паку в голову, но сделать третий выстрел ему не дали.

Подоспевшие через несколько мгновений капитан Морович и прочие офицеры застали такую картину: пистолет Хантера плавал в отдалении от владельца; тело старого кока застыло, глаза закатились, руки и ноги дергались. Ряды алых бусин разной величины тянулись изо рта и окутывали раненого словно облаком. В середине кровавого тумана парил темно-красный предмет

размером с кулак; за ним, словно двойной хвост, болтались две трубки, похожие на кишки.

Предмет ритмично пульсировал, и с каждым сокращением из кишок выплескивались новые порции крови. Он продвигался вперед, словно багровая медуза, плывущая по воздуху.

Это было сердце Хантера.

За несколько секунд до этого Хантер схватился за грудь и отчаянно рванул на себе рубашку. Все видели, что кожа на его обнаженной груди совершенно цела — ни царапины.

— Его еще можно спасти, если срочно доставить к хирургу, — с трудом прохрипел лейтенант-коммандер Пак. Из ран на его груди продолжала литься кровь. — К счастью, докторам уже не надо резать грудь, чтобы вернуть сердце на место... Стоять! Им вырвать ваш мозг или сердце легче, чем вам снять яблоко с ветки. «Гравитация» захвачена!

Из другого коридора хлынули вооруженные до зубов десантники — большинство в темно-синих скафандрах, изготовленных еще до битвы Судного дня. Очевидно, солдаты прибыли с «Синего космоса». В руках они держали мощные лазерные винтовки.

Капитан Морович кивнул своим офицерам. Не

говоря ни слова, они отбросили личное оружие в сторону. Экипаж «Синего космоса» был в десять раз больше, чем экипаж «Гравитации». В одном только подразделении десанта служило больше ста человек. Им не составит труда держать «Гравитацию» под контролем.

В мире не осталось ничего невозможного. «Синий космос» превратился в сверхъестественный боевой корабль, вооруженный магией. Астронавтов «Гравитации» вновь охватил ужас, подобный которому они испытали во время битвы Судного дня.

* * *

В середине огромного сферического ангара «Синего космоса» плавало в невесомости более тысячи четырехсот человек. Из них свыше тысячи двухсот служили на «Синем космосе». Шестьдесят лет назад офицеры и рядовые корабля точно так же выстроились, передавая командование Чжан Бэйхаю, и почти все они сейчас находились в этом зале. Для управления «Синим космосом» в обычном полете требовалось лишь несколько человек, так что члены экипажа постарели незначительно — в среднем на три-пять лет. Поэтому и обжигающее пламя сражений

Тьмы, и пронизывающий холод космических похорон они помнили так, будто это случилось только вчера. Остальные сто человек служили на «Гравитации». Два экипажа — один большой и один маленький, одетые каждый в свою форму и с подозрением взирающие друг на друга, — собрались в две группы, сохраняющие между собой солидное расстояние.

Перед строем парила смешанная группа старших офицеров обоих кораблей. Вперед выступил капитан Чу Янь, командующий «Синим космосом». Ему было сорок три года, но выглядел он моложе. Чу Янь был образцом культурного военного. Его речь и манеры отличались спокойствием и изысканностью, иногда даже с оттенком застенчивости. Но на Земле Чу Янь уже вошел в легенды. Во время битвы Тьмы именно он отдал приказ стравить в космос атмосферу корабля и тем самым предотвратил гибель экипажа от инфразвуковых ядерных бомб. Даже в эти дни общество не пришло к единому мнению: одни считали, что действия «Синего космоса» в этой битве следует считать самозащитой, другие настаивали, что это убийство. Когда заработала система устрашения «темным лесом», Чу Янь не поддался давлению большинства на корабле и

тянул с возвратом на Землю; это дало космолету время, чтобы сбежать, получив предупреждение с «Бронзового века». О капитане ходило множество слухов. Например, когда «Естественный отбор» принял решение дезертировать и избежать битвы Судного дня, Чу Янь стал единственным, кто вызвался отправиться в погоню. Кое-кто утверждал, что у капитана были свои намерения: захватить «Синий космос» и сбежать вместе с «Естественным отбором». Разумеется, это были всего лишь слухи.

— Здесь собраны экипажи обоих кораблей почти в полном составе, — начал Чу Янь. — Несмотря на наши разногласия, мы предпочитаем думать обо всех нас как о людях одного мира, состоящего из «Синего космоса» и «Гравитации». Но прежде чем задуматься о будущем нашего мира, надо заняться одной неотложной проблемой.

В воздухе загорелось большое голографическое инфоокно, изображавшее космос с редкими звездами. В середине картинки клубился легкий белый туман, прочерченный несколькими сотнями параллельных линий, выглядевших как волоски щетки. Кадр явно подвергся компьютерной обработке — линии были видны очень отчетливо. Люди двух последних веков прекрас-

но знали, что это за «щетка». Некоторые фирмы даже использовали ее в качестве логотипа.

— Эти следы были обнаружены восемь дней назад в облаке межзвездной пыли недалеко от Трисоляриса. Присмотритесь к видеозаписи.

Все сосредоточили взгляды на инфоокне. Без сомнения, следы в тумане росли.

— Во сколько раз ускорено воспроизведение? — спросил один из офицеров «Гравитации».

— Оно вообще не ускорено.

Толпа зашумела, словно лес, над которым внезапно пошел проливной дождь.

— По моим грубым прикидкам, эти корабли движутся почти со скоростью света, — невозмутимо проговорил капитан «Гравитации» Морович. За последние два дня он видел слишком много невероятного.

— Совершенно верно. Второй Трисолярианский флот движется к Земле со скоростью света и прибудет через четыре года. — Чу Янь сочувственно взглянул на экипаж «Гравитации», будто жалея, что принес плохие вести. — После вашего отлета Земля погрузилась в фантазии о всеобщем мире и процветании и упустила контроль над ситуацией. Трисолярис же терпеливо ждал — а теперь воспользовался шансом.

— Откуда нам знать, что это не подделка? — выкрикнул кто-то с «Гравитации».

— Я могу подтвердить! — заявил Гуань Ифань. Он был единственным гражданским в зависшей перед строем небольшой группе. — Моя обсерватория зарегистрировала эти же следы. Но я не обратил на них внимания, потому что сосредоточился на крупномасштабных космологических исследованиях. Теперь же я просмотрел записи. Солнечная система, система Трисоляриса и наши корабли образуют неравносторонний треугольник. Самая длинная его сторона — между Солнцем и Трисолярисом. А сторона между нами и Солнечной системой самая короткая. Другими словами, мы ближе к Трисолярису, чем Солнечная система. Через сорок дней следы увидят на Земле.

Вновь заговорил Чу Янь:

— Мы уверены, что на Земле уже произошли некие события. Если точнее, они случились около пяти часов назад, когда «капли» напали на наши корабли. По сведениям «Гравитации», на это самое время была назначена передача полномочий от Держателя Меча его преемнику. Трисолярис полвека дожидался этой возможности. Очевидно, «каплям» отдали приказ еще до входа в закры-

тую зону. Нападение планировали тщательно и задолго до нужного момента.

Мне ничего не остается, как заключить, что шаткий мир, основанный на устрашении «темным лесом», нарушен. Возможны только два варианта: либо всеобщая гравитационная передача была осуществлена, либо нет.

Чу Янь нажал на кнопку в воздухе и вызвал на голографический экран фотографию Чэн Синь, тоже найденную на «Гравитации». На снимке Чэн Синь стояла перед зданием Секретариата ООН, держа на руках ребенка. Ее изображение увеличили до размера «щетки» — до чего же разительный контраст! В космосе преобладали два цвета — черный и серебристый, бездна пространства и холодный свет звезд. А Чэн Синь была азиатской мадонной. И девушка, и младенец купались в теплом, золотистом свете. Собравшимся в ангаре показалось, что их самих озарили солнечные лучи, — они их не видели уже полвека.

— Мы полагаем, события разворачивались по второму сценарию, — сказал Чу Янь.

— Почему же они выбрали такого Держателя Меча? — спросил кто-то из экипажа «Синего космоса».

Ответил капитан Морович:

— Вы расстались с домом шестьдесят лет назад, мы — пятьдесят. На Земле все переменилось. В колыбели Устрашения комфортно, и пока человечество мирно дремало в ней, оно из взрослого превратилось в ребенка.

— Разве вы не знаете, что на Земле больше нет мужчин? — выкрикнул кто-то с «Гравитации».

— Люди Земли больше не могут устрашать «темным лесом», — сказал Чу Янь. — Мы собирались захватить «Гравитацию» и восстановить режим устрашения. Но только сейчас нам стало известно, что антенна — а с ней и весь гравитационный передатчик — скоро, через два месяца, выйдет из строя. Поверьте, это ужасный удар по всем нам. Остается только одно: немедленно осуществить всеобщую космическую передачу.

Собравшиеся взорвались криками. На одной фотографии — холодный космос со следами движущегося на световой скорости трисолярианского флота. С другой на них смотрела полная любви Чэн Синь. Эти фотографии олицетворяли выбор, который им предстоит сделать.

— Вы действительно готовы совершить мундицид? — сурово спросил капитан Моровић.

Чу Янь не утратил спокойствия, несмотря на общий гвалт. Оставив вопрос коллеги без ответа,

он обратился к толпе:

— Для нас самих передача не имеет значения. Ни Земля, ни Трисолярис нас не догонят.

Это понимали все. Софоны навсегда отрезаны от дома, «капли» обезврежены. Ни Земля, ни Трисолярис не смогут отследить их путь. В безграничном глубоком космосе за пределами облака Оорта даже трисолярианские корабли, способные летать со скоростью света, никогда не найдут две пылинки.

— Значит, вы хотите отомстить! — пришел к выводу один из офицеров «Гравитации».

— Это наше право. Они обязаны заплатить за свои преступления. На войне правомерно и справедливо уничтожать врагов. Если мои рассуждения верны, гравитационные передатчики человечества разрушены, а Земля под пятой оккупантов. Очень вероятно, что сейчас идет геноцид человеческой расы.

Всеобщая космическая передача даст Земле еще один, последний шанс. Если местонахождение Солнечной системы будет раскрыто, она станет бесполезной для Трисоляриса — в любой момент ее могут уничтожить. Тогда трисоляриане покинут Солнечную систему, а их световой флот свернет в сторону. Может быть, нам удастся

спасти человеческую расу от немедленного уничтожения. Чтобы дать им больше времени, мы передадим только координаты Трисоляриса.

— Но это то же самое, что передать координаты Солнечной системы! Мы слишком близко!

— Мы все это понимаем, но надеемся, что Земля выиграет немного времени и больше людей успеет убежать. Воспользуются они этой передышкой или нет — решать им.

— Вы рассуждаете об уничтожении двух миров! — заявил капитан Морович. — И один из них — наша родина. Это Страшный суд. Такое решение нельзя принимать необдуманно.

— Совершенно согласен.

Рядом с двумя фотографиями появилась голографическая красная кнопка длиной в метр. Под ней горела цифра 0.

Чу Янь продолжил:

— Как я уже говорил, все мы здесь — один мир. И жители этого мира — самые обычные люди. Но волей судьбы нам предстоит стать присяжными на Страшном суде и вынести решение по двум цивилизациям. Оно будет принято, но не одним человеком и даже не кучкой людей. Решение примут всем миром, на референдуме. Итак, кто за передачу координат Трисоляриса во Вселенную

— нажмите красную кнопку. Те, кто против или воздерживается, не делайте ничего.

В настоящий момент общее количество людей на борту «Синего космоса» и «Гравитации», включая присутствующих и тех, кто на дежурстве, составляет одну тысячу четыреста пятнадцать. Если голоса «за» достигнут или превысят две трети от этого количества — девятьсот сорок четыре, мы немедленно осуществим всеобщую космическую передачу. Если нет — мы никогда не воспользуемся передатчиком и дадим антенне выйти из строя. Начали.

Чу Янь повернулся к парящей в воздухе красной кнопке и нажал. Кнопка мигнула, и число под ней сменилось с 0 на 1. За ним то же сделали два вице-капитана «Синего космоса». Счет поднялся до 3. Затем голосовали остальные старшие офицеры «Синего космоса», потом младшие офицеры и рядовые — длинной чередой они пролетали мимо кнопки и один за другим нажимали ее.

Кнопка мигала, счет под ней рос. Сердце истории отбивало последние удары, отмеряло последние шаги к точке невозврата.

Когда число достигло 795, кнопку нажал Гуань Ифань. Он стал первым представителем «Гравитации», поддержавшим передачу. За ним

последовали несколько офицеров и рядовых «Гравитации», они тоже нажали кнопку.

Наконец число достигло 943, и над кнопкой крупным шрифтом загорелись слова:

Следующий голос «за» активирует всеобщую космическую передачу.

Следующим должен был голосовать рядовой. За ним выстроилась длинная очередь. Рядовой приблизил ладонь к кнопке, но не нажал. Энсин, стоявший следующим, положил на его ладонь свою; затем множество других рук легло поверх.

— Подождите, — сказал капитан Морович. Он подплыл поближе и под пристальным взором собравшихся положил свою руку сверху.

И тогда десятки рук как одна нажали кнопку, и та мигнула в последний раз.

Триста пятнадцать лет прошло с того утра в XX веке, когда Е Вэньцзе нажала другую красную кнопку.

Началась гравитационная передача. Все ощутили сильную вибрацию. Казалось, что она исходит не снаружи, а изнутри тела, словно каждый человек стал дрожащей струной. Музыка этой цитры смерти звучала всего двенадцать секунд, а потом настала тишина.

За бортом корабля тонкая мембрана простран-

ства-времени трепетала под напором гравитационных волн, как волнуется тихое озеро под порывами ночного ветра. Смертный приговор двум мирам полетел сквозь пространство со скоростью света.

Эра Пост-Устрашения, год 2-й. Утро после Великого переселения, Австралия

Окружавший ее шум затих, и Чэн Синь услышала голоса, доносящиеся из информационного окна над палаткой мэрии. Один определенно принадлежал Томоко, и еще два — кому-то другому. Чэн Синь находилась слишком далеко, чтобы разобрать, что именно они говорили. Она подумала, что эти голоса несут магию тишины — звуки вокруг девушки ослабли и наконец пропали. Казалось, замер весь мир.

А затем ее затопило цунами людских криков, и Чэн Синь задрожала. Она уже начала привыкать к слепоте, и картины реального мира в ее голове мало-помалу вытеснялись иллюзиями. Среди внезапно разразившегося бедлама ей показалось, что Тихий океан поднялся и поглотил Австралию.

Через несколько секунд Чэн Синь поняла, что толпа ликует. «Чему тут радоваться? Они что, с ума посходили?» Галдеж не убывал, но понемногу возгласы перешли в слова. Одновременно говорило такое множество людей, что картина океана,

затопившего Австралию, тут же дополнилась бушующим на нем штормом. В этой суматохе девушка была не в состоянии разобрать что-либо.

Но несколько раз она выхватывала из общего гвалта названия «Синий космос» и «Гравитация».

Постепенно слух Чэн Синь пришел в норму, и она уловила среди шума и гама легкий звук — шаги прямо перед ней. Кто-то остановился возле нее.

— Доктор Чэн Синь, что у вас с глазами? Вы не видите меня? — Чэн Синь почувствовала колыхание воздуха. Наверное, подошедший махал руками перед ее лицом. — Мэр послал меня за вами. Мы возвращаемся домой, в Китай.

— У меня нет дома, — ответила Чэн Синь. Слово кольнуло словно ножом, и ее сердце, потерявшее чувствительность от мучительной боли, тем не менее дрогнуло еще раз. Она вспомнила ту ночь три века назад, когда она покинула родной дом; вспомнила, как встретила рассвет под окнами родителей… Мама с папой умерли еще до Великой пади. Они и представить себе не могли, куда бури времени и судьбы забросят их дочь.

— Ну что вы! Все готовятся к отъезду. Мы покидаем Австралию и возвращаемся туда, откуда

прибыли.

Чэн Синь подняла голову. Она никак не могла привыкнуть к этой упрямой тьме, стоящей перед широко раскрытыми глазами. Девушка попыталась увидеть хоть что-нибудь.

— Что?

— «Гравитация» произвела всеобщую передачу.

«Но как такое может быть?»

— Разглашены координаты Трисоляриса. Разумеется, это значит, что Солнечная система тоже под угрозой. Трисоляриане уносят ноги. Второй флот поменял курс и мчится прочь от Солнечной системы. Все «капли» исчезли. Томоко объяснила, что больше незачем беспокоиться о вторжении. Мы, как и система Трисоляриса, стали смертельно опасным местом, от которого кто угодно захочет держаться подальше.

«Но каким образом?!»

— Мы возвращаемся домой. Томоко приказала Силам Безопасности Земли оказать всяческое содействие реэвакуации из Австралии. Постепенно процесс наберет ход, но вывоз всех беженцев с континента займет от трех до шести месяцев. Вы можете уехать первой. Мэр хочет, чтобы я отвез вас в правительство провинции.

— Это был «Синий космос»?

— Подробностей никто не знает, даже Томоко. Но всеобщую передачу приняли на Трисолярисе, а провели ее год назад, после провала Устрашения.

— Не могли бы вы ненадолго оставить меня одну?

— Хорошо, доктор Чэн. Но вам следовало бы радоваться. Они исполнили то, что должны были сделать вы.

Чиновник замолчал, но Чэн Синь по-прежнему ощущала его присутствие. Голоса вокруг нее постепенно умолкли и сменились топотом шагов. Вскоре шаги стали звучать реже и реже — люди покидали палатку мэрии, чтобы заняться своими делами. Чэн Синь показалось, что океан отступает от нее и обнажается прочная земля. Девушка стояла в центре пустого континента — единственная, кто пережил Потоп. Она ощутила легкое тепло на лице: это всходило солнце.

Эра Пост-Устрашения, дни с первого по пятый, «Гравитация» и «Синий космос», далеко за пределами облака Оорта

— Точки прокола можно увидеть даже невооруженным глазом, — объяснял Чу Янь. — Но проще всего находить их по электромагнитному излучению. Оно слабое, но спектр у него необычный. Стандартные датчики корабля способны его засечь. Обычно в таком объеме, как наш корабль, в этой области пространства можно найти одну или две точки, но однажды нам попалось сразу двенадцать. Ну вот, сейчас прослеживаются три.

Чу Янь, Морович и Гуань Ифань плыли по длинному коридору «Синего космоса». Перед ними двигалось инфоокно с планом корабля. На плане загорелись три красные точки — группа приближалась к одной из них.

— Вон там! — Гуань указал перед собой.

В переборке зияла круглая дыра диаметром около метра. Ее края были гладкими, словно зеркало. В отверстии виднелись трубки разного размера. У нескольких трубок недоставало участков в

середине. Люди видели, как по трубкам потолще течет жидкость — выходит из одного обрезка, исчезает, а потом появляется у другого края разреза. Пропавшие сегменты трубок различались по длине, но вписывались в некую сферу, и часть этого невидимого пузыря выдавалась в коридор. Моровичи Гуань старались не приближаться к пузырю.

Чу Янь беззаботно сунул руку в невидимую сферу, и половина руки исчезла. Стоя сбоку, Гуань Ифань увидел срез руки капитана; ранее младшему лейтенанту Айку довелось увидеть на «Гравитации» такой же срез ног Веры. Чу Янь извлек руку, продемонстрировал потрясенным спутникам, что с ней ничего не случилось, и предложил попробовать самим. Те осторожно коснулись невидимого пузыря, увидели, как исчезают их кисти рук и предплечья, но ничего не почувствовали.

— А теперь войдем внутрь, — заявил Чу Янь и прыгнул в пузырь ласточкой, словно в бассейн. Моровичи Гуань испуганно смотрели, как исчезает капитан Чу — сначала голова, потом плечи и все остальное, вплоть до ног. Лишь стремительно менял форму срез его тела на границе невидимого пузыря, а зеркальные края отверстия

отбрасывали на стены коридора блики, словно рябь на воде.

Пока Морович и Гуань переглядывались, из сферы высунулись две руки и зависли в воздухе. Затем руки ухватили нерешительных исследователей и затянули в четырехмерное пространство.

Все, кто там бывал, уверяют: рассказать о возникающих ощущениях невозможно. Говорят даже, что это пока единственное, чего человек не способен выразить словами.

Часто прибегают к такой аналогии: представьте себе плоских человечков, живущих в двумерной картине. Какой бы насыщенной и многоцветной ни была эта картина, человечки видят только контуры окружающего их мира. Перед их глазами предстают лишь линии разной длины. Только когда такое двумерное существо поднимут в трехмерном пространстве, оно сможет посмотреть вниз и увидеть всю картину целиком.

Эта аналогия всего лишь поясняет, почему невозможно рассказать, чт`о ощущается в четырехмерном пространстве.

Человек, впервые посмотревший на трехмерное пространство из четырехмерного, сразу понимал: живя в трехмерном мире, он его нико-

гда не *видел*. По аналогии с двумерной картиной его взору был доступен лишь вид сбоку, подобно линии, которую видят плоские человечки. Весь пейзаж целиком можно увидеть только из четырехмерного пространства. Наш новичок излагал бы это так: ничто ничего не загораживает, можно заглянуть даже в наглухо запечатанные комнаты. Кажется, что это незначительная перемена, но когда смотришь на целый мир, возникает ошеломляющий эффект. Когда стенки и перегородки больше не являются преградой и все выставлено напоказ, в глаза человека поступает поток визуальной информации в сотни миллионов раз больший, чем в трехмерном мире. Мозг не способен мгновенно обработать так много данных.

В глазах Моровича и Гуаня «Синий космос» предстал величественным, огромным живописным полотном, которое только что развернули. Они видели весь корабль от кормы до носа, обстановку каждой каюты и груз в каждом контейнере. Они видели, как по лабиринтам трубок текут жидкости, как пылает клубок термоядерного огня в реакторе на корме... Разумеется, законы перспективы продолжали действовать, и удаленные объекты казались меньше, но все они были на виду.

Из этого описания те, кто никогда не бывал в четырехмерном пространстве, могут ошибочно понять, что обшивка корабля стала прозрачной. Но это не так. Никто не смотрел «сквозь» предметы — просто все они были выставлены на обозрение. Когда мы рисуем на листе бумаги круг, мы можем заглянуть внутрь окружности, и при этом нам не надо смотреть «сквозь» что-то. И так везде — открыты все уровни. Труднее всего рассказать, какими предстают сплошные предметы, такие как переборка, металлическая балка или кусок камня. Они видны и снаружи, и изнутри, и во всех сечениях сразу! Морович и Гуань тонули в лавине информации — все мельчайшие подробности окружающей их Вселенной настойчиво боролись за внимание наблюдателя.

Моровичу и Гуаню пришлось привыкать к новому для них зрительному эффекту: неограниченному уровню детализации. В трехмерном пространстве перед глазами человека предстает картинка с конечными подробностями. Даже в самых сложных сценах с самыми сложными объектами количество визуальных элементов ограниченно. За какое-то время их все можно рассмотреть один за другим. Но при наблюдении из четырехмерного пространства одновремен-

но становятся видимыми все ранее скрытые элементы изображения. Возьмем для примера запечатанный контейнер: видно не только то, что в нем лежит, но и то, что находится внутри хранящихся в контейнере предметов. Такая бесконечная открытость и создает неограниченную детальность.

Перед Моровичем и Гуанем развернулся корабль во всей своей красе. Но даже если ограничиться одним предметом, например, кружкой или авторучкой, все равно перед глазами представало бессчетное количество деталей. Целой жизни не хватит, чтобы изучить любой из этих предметов в четырехмерном пространстве. У наблюдателя возникало головокружительное ощущение глубины. Каждая вещь казалась чем-то вроде набора русских матрешек, который никогда не кончается. Выражение «замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем бесконечного пространства»[35] переставало быть просто метафорой.

Морович и Гуань переглянулись, потом повернулись к Чу Яню. Их тела тоже оказались открыты взору в мельчайших параллельных

---

[35] Примечания: 35

Уильям Шекспир, «Гамлет», акт II, сцена II (перев. М. Лозинского). — *Прим. перев.*

подробностях. Исследователи увидели кости и костный мозг внутри, органы, кровь, текущую по предсердиям и желудочкам сердца, открывающиеся и закрывающиеся сердечные клапаны. Глядя друг другу в глаза, они видели, как устроены хрусталики...

Слово «параллельный» тоже может привести к неверному пониманию. Органы тела оставались на своих местах, кожа по-прежнему окружала кости и внутренности, и привычный трехмерный вид человека никуда не исчез. Но теперь это был один вид из бесконечного набора видов, наблюдаемых независимо и одновременно.

— Следите за своими руками, — посоветовал Чу Янь, — а то случайно ткнете пальцем в чей-нибудь или даже свой собственный внутренний орган. Ну, если не слишком сильно, то особого вреда не будет — почувствуете легкую боль или тошноту; есть, правда, опасность занести инфекцию. Кроме того, не трогайте и не двигайте ничего, если не знаете в точности, что это такое. Изоляции вокруг механизмов корабля здесь нет; вы можете прикоснуться к высоковольтному кабелю, потоку горячего пара или к микросхеме и что-нибудь сломаете. В общем, в трехмерном мире вы словно боги, но надо привыкнуть к

четырехмерному пространству, прежде чем вы освоитесь с новыми возможностями.

Морович и Гуань быстро научились избегать прикосновений к внутренним органам. Двигаясь в определенном направлении, они могли взять человека за руку, а не за кости внутри нее. Чтобы коснуться костей или органов, требовалось двигаться в *другом* направлении — в том, которого не существует в трехмерном пространстве.

Затем Морович и Гуань сделали еще одно восхитительное открытие — они могут видеть звезды, куда бы ни посмотрели! Перед ними на фоне вечной ночи Вселенной ярко светился Млечный Путь. Они понимали, что находятся внутри «Синего космоса» — они не носили скафандры и дышали воздухом корабля, — но в четвертом измерении перед ними расстилалось безграничное космическое пространство. Все трое были ветеранами флота и много раз работали за пределами корабля, но до сих пор ни разу не ощущали такого единения с космосом. Раньше между человеком и космосом находился материал скафандра; теперь же ничто их не разделяло. Даже развернутый перед ними корабль не отгораживал их от космического пространства — в четвертом измерении они просто сосуществовали.

Человеческий мозг, с рождения привыкший воспринимать трехмерное пространство, не справлялся с потоком информации, насыщенным бесконечными подробностями. Поначалу казалось, что он остановится из-за перегрузки. Но понемногу мозг освоился в четырехмерном мире и научился подсознательно отбрасывать лишнее, оставляя лишь контуры предметов.

Морович и Гуань побороли возникшее поначалу головокружение, но тотчас же получили очередной шок, сильнее предыдущего. Как только они перестали думать о бесконечной детальности окружающего мира, они начали ощущать само пространство, его четвертое измерение. Впоследствии этот эффект назовут «восприятием пространства высших измерений». Те, кто его испытал, затрудняются выразить свои чувства словами. Зачастую люди объясняли его следующим образом: то, что в трехмерном мире звалось бы «бескрайность» или «необъятность», в четырехмерном множилось бесчисленное количество раз в направлении, которого нет в трехмерном мире. Нередко прибегали к аналогии с двумя параллельными зеркалами: в каждом из них виден нескончаемый ряд отражений, и такой зеркальный коридор тянется в бесконеч-

ность. Здесь же каждое зеркало в коридоре было трехмерным объемом. Другими словами, многообразие объектов, наблюдаемое в трехмерном пространстве, представляло собой лишь сечение многообразия четырехмерного мира. Восприятие высших измерений трудно объяснить потому, что с точки зрения наблюдателя, находящегося в четвертом измерении, зона видимого была пустой и однородной, но обладала *глубиной*, которую не описать словами. Эта глубина не зависела от расстояния, она была присуща каждой точке пространства. Восклицание Гуань Ифаня впоследствии стало крылатым выражением:

«В каждом дюйме скрыта бездонная пропасть».

Пережитый исследователями опыт пребывания в четырехмерном мире стал для них духовным крещением. В один миг такие понятия, как «свобода», «открытость», «глубина», «бесконечность», обрели новый смысл.

— Пора возвращаться, — сказал Чу Янь. — Точки прокола недолго остаются стабильными; потом они отплывают в сторону или исчезают. Чтобы найти новую, нужно перемещаться в четырехмерном пространстве. Для новичков вроде вас это опасно.

— А как ищут точки прокола, находясь в чет-

вертом измерении? — спросил Морович.

— Элементарно. Такая точка обычно имеет сферическую форму. Свет в ней преломляется, объекты внутри выглядят надломленными, и такое искажение несложно заметить. Разумеется, это всего лишь оптический эффект в четырехмерном пространстве, на самом деле форма объектов не меняется. Взгляните-ка...

Чу Янь указал в направлении, откуда они пришли. Морович и Гуань снова увидели трубки: теперь были видны полностью и они, и циркулирующая по ним жидкость. Внутри сферы трубки изгибались и искажались, а сфера казалась росинкой на паутине. Из трехмерного пространства она выглядела совсем не так. Там она не преломляла лучи света и потому была невидимой. Ее присутствие можно было обнаружить только по исчезновению предметов, оказавшихся внутри пузыря.

— В следующий раз обязательно наденьте скафандры. Новички с трудом ориентируются; если вы найдете новую точку прокола, чтобы вернуться, то в трехмерном пространстве можете оказаться за бортом корабля.

Чу Янь предложил спутникам следовать за ним и шагнул в пузырек-росинку. В тот же миг

они оказались в трехмерном мире, в коридоре корабля, точно там же, откуда десять минут назад перенеслись в четырехмерное пространство. По сути, исследователи никуда не перемещались — просто место, где они находились, приобрело дополнительное измерение. Круглая дыра в переборке оставалась там же, и они по-прежнему видели «разорванные» трубки.

Вот только Моровичу и Гуаню этот мир уже не был привычен. Трехмерная реальность душила и сковывала их. Гуань переносил этот эффект немного легче — он уже бывал в четырехмерном пространстве, хоть и в полусне. Но Морович страдал от клаустрофобии, ему казалось, что он задыхается.

— Ничего особенного. Сх`одите несколько раз — привыкнете, — засмеялся Чу Янь. — Теперь вы знаете, что такое настоящий простор. Будете чувствовать себя стесненными, даже если наденете скафандр и выйдете в открытый космос.

— Как все это случилось? — Морович рванул на себе воротник, жадно глотая воздух.

— Мы вошли в область космоса, в которой пространство имеет четыре измерения. Вот и все. Мы назвали эту область четырехмерным фрагментом.

— Но мы сейчас находимся в трехмерном пространстве!

— Четырехмерное пространство включает в себя трехмерное точно так же, как трехмерное включает в себя двумерное. Если воспользоваться аналогией, мы находимся на трехмерном листе бумаги, подшитом в четырехмерную книгу.

— Позвольте мне предложить модель, — взволнованно заговорил Гуань. — Все наше трехмерное пространство — это большой, тонкий лист бумаги размером шестнадцать миллиардов световых лет в поперечнике. Где-то на этом листе лежит крохотный четырехмерный мыльный пузырь.

— Великолепно, доктор Гуань! — Чу Янь хлопнул астронома по плечу, отчего тот закружился в невесомости. — Я давно уже подыскивал хорошую аналогию, а вы предложили ее с первой попытки. Вот почему нам нужен космолог! Вы совершенно правы. Мы ползли по поверхности трехмерного бумажного листа, а потом угодили в этот мыльный пузырь. Через точку прокола мы можем всплыть над листом и попасть внутрь пузыря.

— Мы только что побывали в четырехмерном пространстве, но наши тела так и остались трехмерными, — заметил Морович.

— Совершенно верно. Мы были плоскими трехмерными фигурками, плавающими в четырехмерном объеме. Не вполне ясно, каким образом нам удается уцелеть в четырехмерном пространстве, ведь там, скорее всего, действуют иные законы физики. Подобных вопросов много.

— А что представляют собой точки прокола?

— Трехмерный лист бумаги не идеально ровный. Кое-где образуются складки, выпирающие в четвертое измерение. Точка прокола — это туннель из нижних измерений в высшие. Мы прыгаем в такие точки и попадаем в четырехмерное пространство.

— И много их — этих точек?

— О да. Они повсюду. «Синий космос» первым раскрыл их секрет потому, что у нас экипаж больше и поэтому больше шансов встретиться с точками прокола. На «Гравитации» людей меньше, и за их психическим здоровьем наблюдали гораздо пристальнее. Те, кто встречался с этим явлением, не осмеливались никому рассказать.

— У всех точек прокола такой же небольшой размер?

— Нет. Бывают и намного больше. Вот загадка, которую мы так и не сумели разгадать. Однажды мы заметили, что треть «Гравитации» — вся кор-

ма — попала в четвертое измерение и несколько минут оставалась там. Почему никто из вас не заметил ничего необычного?

— Вообще-то экипажа в кормовой части корабля обычно нет. Впрочем, ошибаюсь — вот он там был. — Морович повернулся к Гуаню. — Вы наверняка что-то почувствовали. Доктор Уэст мне рассказывал.

— Я был в полудреме. А потом идиот-доктор убедил меня, что это была галлюцинация.

— Невозможно заглянуть в четвертое измерение из трехмерного пространства. Но можно, находясь в четырехмерном пространстве, видеть все, что происходит в трехмерном, и воздействовать на предметы в нем. Мы устроили засаду на «капли» в четырехмерном пространстве. Как бы ни были прочны зонды сильного взаимодействия, они всего лишь трехмерные объекты. В этом смысле трехмерность — синоним уязвимости. Из четырехмерного пространства «капли» представились нам чертежами-развертками, совершенно беззащитными. Мы проникли внутрь и, не понимая их устройства, просто стали крушить все подряд.

— Знает ли Трисолярис о существовании фрагмента четырехмерного пространства?

— Полагаем, что нет.

— Этот мыльный пузырь — в смысле фрагмент — насколько он большой?

— Говорить о размере четырехмерного фрагмента, находясь в трехмерном пространстве, не имеет смысла. Можно только обсуждать размеры его проекции на трехмерный план. Исходя из предварительных оценок, мы считаем, что эта проекция — сфера. Если это действительно так, то, судя по собранным данным, радиус этой сферы должен быть от сорока до пятидесяти астрономических единиц.

— То есть размером с Солнечную систему.

Круглое отверстие в переборке стало медленно смещаться в сторону и уменьшаться в диаметре. На расстоянии десяти метров от людей отверстие пропало полностью. Парящее в воздухе инфоокно сообщило, что на «Синем космосе» появились две новые точки прокола.

— Но каким образом в трехмерном пространстве мог появиться четырехмерный фрагмент? — пробормотал Гуань Ифань.

— Никто не знает. Доктор, эту головоломку решать вам.

После обнаружения четырехмерного фрагмента «Синий космос» приступил к широкомас-

штабным исследованиям нового измерения. На «Гравитации» нашлись более современные приборы и технологии, позволившие экипажам всесторонне и глубоко изучать феномен.

В трехмерном пространстве эта область космоса выглядела пустынной, ничем не примечательной. Исследования велись в основном из четырехмерного пространства. Поскольку не так-то просто запустить зонд в четвертое измерение, в основном люди пользовались телескопом, заводя его внутрь фрагмента через точку прокола. Потребовалось время, чтобы накопить опыт управления телескопом в четырех измерениях, но как только ученые приноровились, они тут же сделали потрясающие открытия.

С помощью телескопа они обнаружили в космосе объект в форме кольца. Поскольку измерить расстояние до него не представлялось возможным, не удалось и точно оценить его размер. По грубым прикидкам, трехмерный диаметр кольца составлял от восьмидесяти до ста километров, а толщина — около двадцати. Сооружение было похоже на гигантское обручальное кольцо, свободно вращающееся в космосе. По поверхности объекта вились сложные узоры, похожие на электронные схемы. Судя по всему, кольцо построили

разумные существа.

Человечество впервые увидело объект, созданный другой цивилизацией, помимо земной и трисолярианской.

Но самым невероятным было то, что «кольцо» оказалось непроницаемым. Трехмерные объекты со всем их содержимым в четырехмерном пространстве были как на ладони, а Кольцо — нет. Следовательно, это первый полноценный четырехмерный объект, обнаруженный человечеством с момента входа в четырехмерное пространство.

Люди поначалу опасались нападения, но на поверхности Кольца не наблюдалось никаких признаков активности. Датчики корабля также не зарегистрировали ни электромагнитных, ни нейтринных, ни гравитационных сигналов. За исключением медленного, величественного вращения, объект не двигался. Рабочая гипотеза гласила: Кольцо заброшено; возможно, это давно покинутый космический город или корабль.

Наблюдения продолжились, и вскоре в четырехмерном пространстве нашлись другие неизвестные объекты. Все они были четырехмерными, различных форм и размеров. Многие, по-видимому, являлись артефактами, созданны-

ми разумными существами: пирамиды, кресты, многогранники и так далее. Другие объекты были сложными, составленными из фигур попроще; они тоже не могли быть естественными образованиями. Форму свыше десятка таких объектов удалось разглядеть через телескоп, а множество других представлялись лишь точками. Всего их нашли около сотни. Подобно Кольцу, ни один из них не проявлял активности и не излучал сигналов.

Гуань Ифань предложил капитану Чу полететь на катере к Кольцу, чтобы изучить объект вблизи. А если удастся, то и проникнуть внутрь. Капитан отказал наотрез. Навигация в четырехмерном пространстве слишком ненадежна. Позиция любой точки задается четырьмя координатами, но трехмерные приборы способны определять только три из них. Это значило, что трехмерные исследователи не могут точно установить местонахождение какого-либо предмета в четырехмерном космосе. Поскольку участники экспедиции не в силах измерить положение Кольца и расстояние до него ни визуально, ни по приборам, они в любой момент могут попросту столкнуться с объектом.

Так же сложно будет найти точку прокола,

чтобы вернуться в трехмерный мир. Поскольку одна из четырех ее координат неопределима, можно лишь установить направление на точку, но узнать, на каком расстоянии от наблюдателя она находится, невозможно. Экипаж челнока может выйти через такую точку в трехмерное пространство и, к своему удивлению, оказаться невероятно далеко от «Синего космоса».

И, наконец, радиосигналы, связывающие «Синий космос» и челнок, будут распространяться в четвертом измерении, поэтому быстро ослабнут, и связь станет неустойчивой.

Вдобавок ко всему «Синий космос» и «Гравитация» за один день получили шесть микрометеоритных пробоин. На «Синем космосе» пылинка размером 140 нанометров полностью разрушила один из блоков управления термоядерным реактором. Это была одна из важнейших систем корабля. Температура в ядре реактора может достигать миллиона градусов, при контакте испарится любой материал. Поэтому активную зону удерживали в центре камеры при помощи магнитных полей. При отказе блока управления сверхгорячее ядро может потерять центровку и мгновенно уничтожить весь корабль. К счастью, немедленно подключился резервный блок, за-

глушил реактор, работавший на минимальной мощности, и предотвратил катастрофу.

Корабли глубже и глубже погружались в четырехмерный фрагмент, и микрометеориты поражали их все чаще. Рядом проносились даже осколки значительного размера, видимые невооруженным глазом. Их скорость в несколько раз превышала третью космическую. В трехмерном пространстве жизненно важные установки были укрыты слоями брони, но в четвертом измерении их ничто не защищало.

Чу Янь решил, что обоим кораблям следует покинуть четырехмерную область. Фрагмент отдалялся от Солнечной системы, следуя тем же курсом, что и корабли. Поэтому, хоть «Синий космос» и «Гравитация» стремительно летели прочь от Солнца, их скорость по отношению к фрагменту была невелика, и они только сейчас его догнали. Корабли не успели проникнуть далеко вглубь; легкое торможение позволит им покинуть четырехмерное пространство.

Гуань Ифань неистово возражал:

— Прямо перед нашим носом находится величайшая загадка Вселенной! Не исключено, что в ней ответы на все вопросы космологии! И вы собираетесь вот так взять и уйти?!

— Вы имеете в виду синдром трех и трехсот тысяч? Фрагмент и в самом деле напомнил мне о нем.

— Даже если задумываться только о практической пользе — мы наверняка сможем найти в Кольце какие-нибудь артефакты и овладеть невероятными знаниями!

— В этих трофеях будет смысл, только если мы выживем. Но сейчас наши корабли могут в любой момент взорваться.

Гуань вздохнул и покачал головой:

— Хорошо. Но прежде чем мы уйдем, позвольте мне слетать на катере к Кольцу. Дайте мне шанс. Вы говорите о выживании, но не исключено, что в будущем наше выживание будет зависеть от того, чт`о я там обнаружу!

— Мы можем подумать об отправке дрона.

— В четырехмерном мире только живой человек может понять, что у него перед глазами. Вы знаете это лучше меня.

* * *

После недолгого обсуждения старшие офицеры обоих кораблей согласились на предложение Гуаня. Полетят Гуань Ифань, лейтенант Чжо Вэнь и доктор Уэст. Лейтенант Чжо служил на «Синем

космосе» офицером-исследователем и имел какой-никакой опыт навигации в четырехмерном пространстве. Доктор же просто настоял на своей кандидатуре. Его требование в конце концов удовлетворили, поскольку перед отлетом с Земли он изучал язык трисоляриан.

Вплоть до этого момента самым дальним путешествием в четырехмерном пространстве была атака на «капли» и «Гравитацию». Тогда катер подплыл к «Гравитации» в четвертом измерении, и три человека, включая лейтенанта-коммандера Пак Ый-гуна, проникли на корабль сквозь точку прокола для разведки. Потом на «Гравитацию» тремя отдельными группами прошли шестьдесят десантников. Нападение на «капли» организовали с применением небольших челноков. Но лететь за открытиями к Кольцу придется гораздо дальше и дольше.

Катер вошел в четырехмерное пространство через точку прокола, находившуюся в космосе между двумя кораблями. Небольшой термоядерный реактор, расположенный на корме, поменял цвет ядра с темно-красного на бледно-голубой — повысилась генерируемая им мощность. Это свечение совместно с пламенем в реакторах двух крупных кораблей осветило мир бесконечности,

помноженной на бесконечность. «Синий космос» и «Гравитация» вскоре превратились в маленькие точки. Восприятие высших измерений обострялось по мере того, как катер проникал в глубь четырехмерного космоса. Хотя доктор Уэст уже дважды бывал в четырехмерном фрагменте, он воскликнул:

— До чего же велик разум, способный понять этот мир!

Лейтенант Чжо управлял катером с помощью голосовых команд или перемещая курсор взглядом — если действовать руками, то слишком легко влезть в какой-нибудь хрупкий прибор и повредить его. Визуально Кольцо оставалось едва видимой точкой, но осторожный Чжо летел на небольшой скорости: из-за лишнего измерения, не поддающегося оценке, не стоило полагаться на глазомер. Кольцо могло быть как на удалении в астрономическую единицу, так и прямо перед носом катера.

Через три часа катер побил рекорд дальности полета в четырехмерном пространстве. Кольцо по-прежнему выглядело точкой. Лейтенант Чжо на всякий случай приготовился в любой момент тормозить на полной мощности и отворачивать в сторону. Нетерпеливый Гуань Ифань просил

Чжо лететь побыстрее. И тогда Уэст удивленно вскрикнул.

Внезапно, как по щелчку пальцев, Кольцо обрело истинную форму. Секунду назад оно было точкой и вдруг стало кольцом размером с монету. Никакого плавного увеличения!

— Не забывайте, в четвертом измерении мы летим практически вслепую, — напомнил лейтенант Чжо и опять сбавил скорость.

Прошло еще два часа. Если бы исследователи оставались в трехмерном пространстве, они пролетели бы около двухсот тысяч километров.

И вновь произошел скачок: Кольцо, только что бывшее размером с монету, в одно мгновение стало гигантским. Лейтенант Чжо резко сменил курс и с трудом избежал столкновения. Катер пролетел сквозь Кольцо, снизил скорость, развернулся и остановился.

Люди впервые приблизились к четырехмерному объекту. Его материальность, вещественность поражала воображение, и эти переживания были сходны с теми, что испытывали наблюдатели при первичном восприятии высших измерений. Конструкция была полностью закрытой, заглянуть за обшивку не представлялось возможным, но исследователи чувствовали непостижимую

глубину артефакта, его наполненность. Они видели не просто Кольцо, а бесконечное количество Колец, скрытых одно в другом. Это ощущение четырехмерности оставляло в душе неизгладимый след. Наблюдатели воочию убедились в истинности буддистской притчи о горе, заключенной в горчичном зернышке.

Вблизи поверхность Кольца оказалась совсем не такой, как на снимках через телескоп. Она не светилась золотисто-желтым, а тускло отливала медью. Тонкие линии, издалека похожие на вытравленные дорожки печатных плат, оказались следами от ударов микрометеоритов. По-прежнему не наблюдалось никакой активности; от сооружения не исходили ни свет, ни другие виды излучения. Трое людей вгляделись в древнюю обшивку Кольца, и к ним пришло чувство узнавания. Они вспомнили поврежденные «капли», а потом попытались представить себе, как выглядело бы Кольцо с зеркально гладкой поверхностью — это было бы захватывающее зрелище!

Следуя заранее выработанному плану, лейтенант Чжо при помощи радиосигналов сверхволнового диапазона передал сообщение — несложный растр с шестью строками точек, образующих последовательность простых чисел:

1, 3, 5, 7, 11, 13.

Никто не ожидал ответа — но он пришел немедленно, настолько быстро, что люди не поверили своим глазам. На инфоокне, плавающем посреди кабины катера, вспыхнул растр наподобие того, который они только что отправили. Его шесть строчек изображали следующие шесть простых чисел: 17, 19, 23, 29, 31, 37.

Изначально планировалось, что первое сообщение — что-то вроде приветствия — будет отправлено лишь в качестве эксперимента; к дальнейшей беседе никто не был готов. Пока трое в катере обсуждали, что делать, Кольцо отправило им второе послание: 1, 3, 5, 7, 11, 13, 1, 4, 2, 1, 5, 9.

Затем третье: 1, 3, 5, 7, 11, 13, 16, 6, 10, 10, 4, 7.

Четвертое: 1, 3, 5, 7, 11, 13, 19, 5, 1, 15, 4, 8.

Пятое: 1, 3, 5, 7, 11, 13, 7, 2, 16, 4, 1, 14.

Сообщения шли одно за другим. Первые шесть чисел повторяли шесть простых чисел, переданных с катера как приветствие. Что же до следующих за ними... Лейтенант Чжо и доктор Уэст повернулись к ученому, Гуань Ифаню. Космолог посмотрел на бегущие в плавающем инфоокне ряды точек и пожал плечами.

— Не вижу никакой закономерности.

— Предположим тогда, что закономерности и в самом деле нет. — Уэст указал на окно. — Первые шесть чисел посланы нами, поэтому можно предположить, что они означают «вы». Мы не угадываем смысла в следующих шести числах. А что, если они означают «все»? То есть вместе: «все о вас».

— Они — или оно — хотят все знать о нас?

— По крайней мере, им нужен образец языка. Оно хочет расшифровать его, изучить, а потом общаться с нами.

— В таком случае ему понадобится система «Розетта».

— Мы обязаны получить на это разрешение командования.

Система «Розетта» была базой данных, созданной для обучения трисоляриан земным языкам. В ней хранилось множество документов по естественной и социальной истории Земли общим объемом около двух миллионов знаков, с фотоснимками и видеофильмами. К ним прилагались программы для установления соответствия между словами и изображениями, чтобы инопланетная цивилизация смогла расшифровать и изучить языки Земли.

На корабле одобрили запрос экспедиции. Од-

нако в памяти компьютера, установленного на катере, системы «Розетта» не было. Переслать такое большое количество информации с корабля на катер по неустойчивому радиоканалу не представлялось возможным. Оставался единственный вариант: передать «Розетту» напрямую с корабля на Кольцо. Радиоволны для этого не годятся, но, к счастью, на «Гравитации» стояло оборудование для нейтринной связи. Никто, правда, не знал, способно ли Кольцо принять нейтринное сообщение.

Через три минуты после того, как «Розетта» была передана нейтринным пучком с «Гравитации», на катере получили с Кольца новые изображения. Первое из них было идеальным квадратом из шестидесяти четырех точек: восемь рядов и восемь колонок. На второй картинке одной точки в углу недоставало. На третьей не было уже двух, осталось только шестьдесят две...

— Это обратный отсчет, он же индикатор, — предположил Уэст. — Мне кажется, они сообщают нам, что получили «Розетту» и приступили к дешифровке. Подождем.

— А почему шестьдесят четыре точки?

— Это достаточно большое число в двоичной системе счисления. Мы точно так же повсюду

применяем число «сто» в десятеричной системе.

Лейтенант Чжо и Гуань порадовались, что Уэст полетел с ними. Психолог, похоже, владел кое-какими знаниями, полезными при контакте с неведомым разумом.

Когда отсчет дошел до пятидесяти семи, случилось удивительное: следующее число не появилось в виде сетки точек. Кольцо передало число «56», записанное арабскими цифрами.

— Ух ты, быстро учится! — заметил Гуань.

Числа продолжали обратный отсчет, сменяя друг друга приблизительно каждые десять секунд. Прошло несколько минут, и в инфоокне засветился ноль, а затем сообщение из четырех китайских иероглифов:

«Я гробница».

Система «Розетта» использовала сплав английского и китайского языков[36]. Ничего странного, что Кольцо ответило на том же языке. Волей случая сообщение состояло только из китайских иероглифов. Гуань Ифань напечатал в инфоокне ответ и тем самым начал беседу между человечеством и Кольцом.

---

[36] Примечания: 36

Система «Розетта» существует в действительности (правда, цели у нее другие), и в ней задействованы 2500 языков (https://ru.wikipedia.org/wiki/Проект_ «Розетта»). — *Прим. перев.*

«Чья это гробница?»

«Тех, кто меня создал».

«Это космический корабль?»

«Был раньше. А теперь он мертв, стал усыпальницей».

«Кто ты? Кто с нами разговаривает?»

«Я гробница. Я говорю с вами. Я мертва».

«Ты хочешь сказать, что ты — корабль, экипаж которого мертв? Иными словами, ты система управления кораблем?»

(Нет ответа).

«Мы наблюдаем множество других объектов в этом участке космоса. Они тоже гробницы?»

«Большинство из них тоже гробницы. Остальные скоро ими станут. Я не знаю их всех».

«Вы прилетели издалека? Или вы всегда тут были?»

«Я издалека, они тоже, из разных далеких мест».

«Откуда?»

(Нет ответа).

«Это вы создали этот четырехмерный фрагмент?»

«Вы сообщили, что вышли из моря. Разве вы создали море?»

«Ты утверждаешь, что для тебя или, по крайней

мере, для твоих создателей это четырехмерное пространство как для нас море?»

«Скорее как лужа. Море пересохло».

«Почему в таком небольшом объеме так много кораблей-усыпальниц?»

«Когда море пересыхает, рыба перебирается в лужи. Эта лужа тоже высыхает, и скоро рыбы не останется».

«Значит, вся рыба здесь?»

«Той рыбы, по вине которой высохло море, здесь нет».

«Извини. Тебя трудно понять».

«Та рыба выбралась на сушу, прежде чем иссушила море. Она перешла из одного темного леса в другой».

Последнее сообщение прозвучало словно удар грома. Трое исследователей в кабине катера и все на двух больших кораблях, кто следил за переговорами по неустойчивому каналу связи, вздрогнули.

«Темный лес... что ты подразумеваешь под этим?»

«То же, что и вы».

«Ты нападешь на нас?»

«Я гробница. Я мертва. Я ни на кого не нападу. Между пространствами разных измерений

не существует отношений «темного леса». Пространство нижних измерений не способно угрожать пространству высших, а ресурсы нижних измерений бесполезны для высших. Но между теми, кто находится в пространстве одних и тех же измерений, устанавливается состояние «темного леса».

«Ты можешь нам что-нибудь посоветовать?»

«Покиньте эту лужу немедленно. Вы словно тонкие картинки. Вы слишком уязвимы. Если останетесь здесь, то очень скоро сами станете гробницей... Впрочем, подождите — у вас на катере есть рыба».

Ошеломленный Гуань замер на несколько секунд, а потом понял, что на катере и в самом деле есть рыба. Он всегда держал при себе небольшую экологическую капсулу размером с кулак. Маленькая стеклянная сфера заключала в себе воду, крохотную рыбку и немного водорослей — все это вместе образовывало миниатюрную замкнутую экосистему. Гуань очень любил свой аквариум, поэтому и захватил его с собой в путешествие. Если ему не суждено вернуться, сфера последовала бы за ним в иной мир.

«Мне нравятся рыбки. Можно я заберу ее себе?»

«Но как нам передать тебе капсулу?»

«Просто киньте ее в мою сторону».

Трое путешественников загерметизировали шлемы скафандров и открыли люк катера. Гуань поднял экологическую сферу на уровень глаз. Осторожно — ведь он в четырехмерном пространстве — ухватил капсулу за трехмерный край и бросил на нее последний взгляд. Из четвертого измерения в аквариуме была видна каждая, даже самая маленькая деталь; миниатюрный живой мир казался еще богаче, разнообразнее, разноцветнее. Гуань размахнулся, бросил капсулу в направлении Кольца и проследил, как крохотный стеклянный шарик тает во тьме космоса. Затем он задраил люк и продолжил разговор.

«Во Вселенной есть еще лужи?»

Ответа не последовало. Кольцо умолкло и больше не реагировало на попытки продолжить общение.

С «Гравитации» сообщили, что еще несколько микрометеоритов попали в «Синий космос». Вокруг обоих кораблей стало скапливаться все больше дрейфующих предметов, в том числе и небольших четырехмерных — вероятно, обломков кораблей или других артефактов. Капитан Чу приказал немедленно возвращаться. От намерения проникнуть внутрь Кольца пришлось

отказаться.

Поскольку теперь путешественники знали, какое расстояние отделяет их от корабля, обратный путь занял вдвое меньше времени. Через два часа катер оказался недалеко от «Синего космоса» и легко подыскал точку прокола для возвращения домой.

Исследователей встретили торжественно, как героев — пусть даже полученные знания не принесут двум кораблям практической пользы.

Капитан Чу спросил:

— Доктор Гуань, каков, по-вашему, ответ на последний вопрос, который вы задали Кольцу?

— Я обращусь к аналогии, которую упоминал раньше. Вероятность наткнуться на единственный «мыльный пузырь» с диаметром сорок или пятьдесят астрономических единиц на листе бумаги размером шестнадцать миллиардов световых лет до того мала, что ее можно считать нулевой. Я абсолютно уверен, что существуют и другие «пузыри», и, скорее всего, их много.

— Как вы считаете, мы с ними еще встретимся?

— У меня есть даже более интересный вопрос: а не встречались ли мы с ними раньше? Возьмите Землю. Она миллиарды лет летит сквозь космос.

Разве нельзя предположить, что когда-то в прошлом она попадала в четырехмерный фрагмент?

— Это было бы нечто потрясающее. Даже не могу себе представить, что человечество когда-нибудь с таким сталкивалось. Но что, если какие-то динозавры забрели в точки прокола пространства...

— А как возникли сами «пузыри»? Почему в трехмерном пространстве так много четырехмерных фрагментов?

— Величайшая загадка природы.

— Капитан, мне кажется, что это скорее какая-то темная тайна.

* * *

«Синий космос» и «Гравитация» двинулись на выход из фрагмента. На ускоряющихся кораблях возникло искусственное тяготение. Гуань Ифань и офицеры-исследователи обоих кораблей проводили почти все свое время в четырехмерном пространстве, стараясь втиснуть в немногие оставшиеся дни как можно больше исследований. Впрочем, их поведение только частично объяснялось нуждами науки; люди обнаружили, что им тяжко находиться в замкнутом, вызывающем клаустрофобию трехмерном пространстве.

На пятый день с начала разгона все, кто находился в четырехмерном пространстве, внезапно выпали в трехмерное — мгновенно, не проходя через точку прокола. Датчики электромагнитного излучения больше не регистрировали ни одной такой точки на обоих звездолетах.

«Синий космос» и «Гравитация» покинули фрагмент.

Странно. По расчетам кораблям следовало лететь еще двадцать часов. Одно из двух: либо фрагмент ускорился в противоположном направлении, либо он попросту уменьшился. Ученые полагали, что верен второй вариант. Они опирались не только на данные измерений, но и на ответ Кольца:

«Когда море пересыхает, рыба перебирается в лужи. Эта лужа тоже высыхает, и скоро рыбы не останется».

Оба корабля прекратили разгон и принялись на полной мощности тормозить. Наконец они остановились, не уходя далеко от границы четырехмерного фрагмента; здесь кораблям ничто не угрожало.

Края фрагмента были невидимы. Впереди расстилался лишь пустынный космос, спокойный, как вода в глубоком озере. Звезды Млечного Пути

сияли как ни в чем не бывало — словно и не скрыта здесь, в этом месте, никакая великая тайна.

Но скоро люди заметили необычное и впечатляющее явление. Время от времени во мраке космоса возникали светящиеся линии, очень тонкие и поначалу совершенно прямые. Казалось, что толщины у линий нет вообще. Длиной они были от пяти до тридцати тысяч километров. Линии вспыхивали абсолютно неожиданно и сперва испускали синее свечение. Затем цвет постепенно смещался к красному, прямые сворачивались и распадались на множество кусочков, а потом пропадали. Наблюдения показали, что линии образуются на краю фрагмента, как будто его границы то и дело отмечают гигантским маркером.

В объем пространства, где зарождались линии, направился автоматический зонд. По счастью, одна из линий вспыхнула не очень далеко, и у зонда появилась возможность понаблюдать за ней. Аппарат тогда находился в сотне километров от феномена и летел к нему на полном ходу. Когда он оказался на месте, линия уже свернулась, распалась и погасла. Зонд зафиксировал в этом районе высокую концентрацию водорода и гелия, а также пыль более тяжелых элементов, в

основном железа и кремния.

Изучив собранные данные, Гуань и офицеры-исследователи заключили, что линии возникают, когда четырехмерное вещество попадает в трехмерное пространство. По мере уменьшения фрагмента четырехмерная материя оказывается в трехмерном пространстве и немедленно распадается. Размер осколков в четырехмерном пространстве невелик, но при схлопывании четвертого измерения объем предметов сильно увеличивается, а сами они растягиваются в прямые линии. По расчетам, несколько десятков грамм четырехмерного вещества могут образовать в трех измерениях линию длиной почти десять тысяч километров.

Судя по скорости, с которой отодвигалась граница фрагмента, через двадцать дней Кольцо тоже окажется в трехмерном космосе. На кораблях решили дождаться этого диковинного вселенского зрелища. Чего-чего, а времени у людей хватало. Ориентируясь по вспышкам линий распада, корабли осторожно продвигались вперед, держась около границы сокращающегося фрагмента.

Следующий десяток дней Гуань Ифань провел в расчетах и глубоких размышлениях, а офицеры-исследователи увлеченно спорили. Наконец все

согласились, что им не удастся построить теорию четырехмерного фрагмента при помощи инструментария современной теоретической физики. Но на основе достижений физиков за последние три столетия удалось предсказать явления, подтвержденные наблюдениями. Высшее измерение, присутствующее в макроскопическом объеме, вырождалось в низшие измерения столь же неизбежно, как вода падает с обрыва. Распад четырехмерного пространства в трехмерное был основной причиной сжатия фрагмента.

Но утраченное измерение не пропадало на самом деле. Оно всего лишь сворачивалось с макроскопического масштаба в микроскопический и становилось одним из семи измерений, схлопнувшихся на квантовом уровне.

Кольцо уже было видно невооруженным глазом. Самопровозглашенная гробница скоро выпадет в трехмерное пространство и завершит свое существование.

«Синий космос» и «Гравитация» прекратили догонять фрагмент и отстали на триста тысяч километров. Когда Кольцо окажется в трех измерениях, процесс распада высвободит невероятное количество энергии. Именно по этой причине линии светились так ярко.

Прошло двадцать два дня; граница фрагмента скользнула по Кольцу и оставила его позади. Как только Кольцо появилось в трехмерном мире, наблюдателям показалось, что Вселенная раскололась надвое. Линия разлома ослепительно сияла, будто мгновенно вытянутая в нить звезда. На кораблях не видели ни начала ее, ни конца, словно сам Бог приложил ко Вселенной линейку и провел черту слева направо. Инструментальные наблюдения показали, что длина прямой приближалась к одной астрономической единице, или к 130 млн км — ее почти хватило бы, чтобы соединить Землю и Солнце. В отличие от других линий, у этой была толщина, заметная даже с расстояния в несколько сотен тысяч километров.

Обжигающий сине-белый свет линии превратился в тепло-красный, а затем понемногу угас. Линия искривилась, запуталась и рассыпалась в пылевой пояс. Он больше не сиял сам по себе, словно напитался безмятежным серебристым светом звезд. Астрономам на обоих кораблях пояс до странного напоминал Млечный Путь, светящийся далеко впереди. Казалось, что Галактику сфотографировали какой-то гигантской фотокамерой со вспышкой, а потом не торопясь

проявили фотографию прямо в космосе.

При виде такой величественной картины Гуань ощутил горечь. Он вспомнил про свою экологическую сферу. Недолго было суждено Кольцу радоваться подарку. При распаде в трехмерное пространство вся четырехмерная структура объекта мгновенно разрушилась. Такая же судьба предначертана и другим кораблям внутри фрагмента, как погибшим, так и умирающим. Во всей огромной Вселенной им удалось найти для себя лишь крошечный четырехмерный уголок, и то лишь на время.

Тайна. Тайна темная и грандиозная.

«Синий космос» и «Гравитация» направили в пылевой пояс множество зондов. Кроме чисто научных целей, они интересовались наличием полезных ресурсов. Оказавшись в трехмерном космосе, Кольцо распалось на простые элементы, в основном водород и гелий. Их можно было собрать и использовать в качестве термоядерного топлива. Увы, в газообразной форме они быстро рассеивались в пространстве, и зонды успели набрать очень немного. В поясе имелась также пыль тяжелых элементов, и люди получили некоторое количество полезных металлов.

* * *

Теперь экипажам кораблей предстояло задуматься о собственном будущем. Временный Совет, избранный из персонала «Синего космоса» и «Гравитации», объявил, что каждый может решить для себя: или продолжать полет в составе эскадры из двух кораблей, или вернуться в Солнечную систему.

Будет построен корабль-ковчег с гибернаторами, на него перенесут один из семи имеющихся термоядерных реакторов. Желающие отправиться домой взойдут на борт ковчега и, проведя в пути тридцать пять лет, вернутся в Солнечную систему. С помощью нейтринного передатчика Землю известят о курсе ковчега, тогда планета сможет выслать корабли навстречу. Чтобы Трисолярис не перехватил нейтринный луч и не узнал о местонахождении «Синего космоса» и «Гравитации», данные передадут, когда ковчег проведет в пути какое-то время. Если Земля вышлет буксиры для помощи с торможением, ковчег сможет потратить больше топлива на разгон и прибудет на десять-двадцать лет раньше.

Если, конечно, к тому времени и Земля, и Солнечная система еще будут существовать.

Только около двух сотен человек решили лететь к Солнцу. Остальные не желали возвращаться на обреченную планету. Лучше остаться с «Синим космосом» и «Гравитацией» и продолжать полет в неизвестность.

Через месяц ковчег и два корабля отправились в путь. Ковчег с гибернаторами устремился к Солнечной системе, а «Синий космос» с «Гравитацией» собирались обойти вокруг четырехмерного фрагмента и проложить курс к какой-нибудь подходящей звезде.

Сияние термоядерных реакторов озарило почти рассеявшийся пояс пыли; он приобрел теплый золотисто-красный оттенок, словно под заходящим солнцем на Земле. У всех — и у возвращающихся на родную планету, и у собравшихся в далекий путь — на глаза навернулись горячие слезы. Вскоре красота космического заката угасла, и воцарилась вечная ночь.

Два зернышка человеческой цивилизации продолжали дрейфовать в море звезд. Что бы ни уготовила им судьба, по крайней мере они начинают с чистого листа.

Часть III

Эра Космической Передачи, год 7-й. Чэн Синь

АА сказала подруге, что глаза у той стали еще ярче и красивее, чем раньше. Возможно, она не лукавила. Прежде Чэн Синь была несколько близорука, но сейчас видела все предельно четко. Ей казалось, будто мир раскрасили свежими красками.

После их возвращения из Австралии прошло шесть лет. Ни ужасы Великого переселения, ни последующие годы не оставили, однако, на АА видимых следов. Она была как здоровое, стойкое дерево, с легкостью стряхивающее лишения со своих гладких листьев. В течение этих шести лет компания Чэн Синь под руководством АА развивалась быстрыми темпами и стала одним из самых значительных игроков в своей отрасли — строительстве объектов на околоземной орбите. Но на вид АА совсем не походила на всевластного управляющего корпорацией; напротив, она оставалась прежней милой и веселой молодой женщиной. Конечно, в эту эпоху такое случалось сплошь и рядом.

Шесть лет никак не сказались и на Чэн Синь — она провела их в анабиозе. После возвращения из Австралии медики обследовали ее глаза и поставили диагноз. Заболевание, начавшееся как чисто психосоматическое вследствие крайнего эмоционального напряжения, перешло в патологию: развилось отслоение сетчатки с последующим некрозом. Для лечения предлагалось вырастить и пересадить новую сетчатку, клонировав ее из стволовых клеток Чэн Синь, но этот процесс занял бы пять лет. Пять лет в полной темноте и глубокой депрессии могли привести к окончательному психическому коллапсу, и поэтому врачи решили погрузить Чэн Синь в анабиоз.

Мир и вправду преобразился. Известие о широковещательной гравитационно-волновой передаче человечество встретило ликованием. «Синий космос» и «Гравитация» стали в глазах людей легендарными спасителями, а их команды — супергероями, достойными всеобщего преклонения. Обвинение в преднамеренном убийстве, якобы совершенном «Синим космосом» во время битвы Тьмы, было снято; вместо него постановили, что корабль действовал в порядке самозащиты. Члены Земного Движения Сопро-

тивления, упорно продолжавшие безнадежную борьбу, тоже были провозглашены героями. Когда облаченные в лохмотья борцы Сопротивления выходили на свет, глаза людей застилали жаркие слезы. «Синий космос», «Гравитация» и Сопротивление стали символами величия человеческого духа. Их бесчисленным поклонникам, наверно, казалось, что и в них самих всегда пылал тот же дух.

Не замедлили последовать и репрессии в отношении Сил Безопасности Земли. Объективно говоря, по сравнению с Сопротивлением СБЗ принесли гораздо больше пользы. Они сумели сохранить большие города и другую базовую инфраструктуру. И хотя делали они это ради трисоляриан, их усилия позволили мировой экономике восстановиться после Великого переселения в кратчайшие сроки. Когда во время обратного переселения Австралия несколько раз была на грани полного хаоса из-за нехватки пищи и энергии, именно Силы Безопасности поддерживали порядок и снабжение, что позволило провести реэвакуацию за четыре месяца. Времена стояли лихие, и если бы не хорошо вооруженные СБЗ, последствия были бы гораздо трагичнее. Однако трибуналы не приняли во

внимание ни одну из их заслуг. Всех членов СБЗ отдали под суд и половину из них осудили за преступления против человечества. Во время Великого переселения многие страны вновь ввели высшую меру наказания и не отменили ее после возвращения из Австралии. В течение последних пяти лет многие бывшие члены СБЗ были казнены под приветственные крики толп, в которых находилось немало людей, в свое время подавших заявку на вступление в Силы Безопасности.

В конце концов все понемногу успокоилось, и люди принялись строить жизнь заново. Поскольку города и промышленность уцелели, восстановление шло быстро. Через два года шрамы, оставшиеся после трагедии, затянулись, вернулось прежнее процветание. Люди стали спокойно наслаждаться жизнью.

Их спокойствие основывалось на следующем: когда Ло Цзи провел свой эксперимент по проверке гипотезы «темного леса», между трансляцией во Вселенную координат звезды 187J3X1 и моментом ее разрушения прошло 157 лет, что соответствовало средней продолжительности жизни современного человека. Разумеется, рождаемость упала до самого низкого уровня в фиксированной истории. В самом деле, зачем

рожать детей, если мир обречен на гибель? И все же большинство верило, что им удастся прожить остаток своей жизни мирно и счастливо.

Вот только гравитационно-волновое вещание намного превосходило по мощности усиленную Солнцем радиопередачу Ло Цзи. Впрочем, человечество вскоре нашло новый способ самоутешения: оно усомнилось в истинности самой теории «темного леса».

Отрывок из «Прошлого вне времени»

«Мания вселенского преследования»: последняя попытка развенчать теорию «темного леса»

В течение шестидесяти с небольшим лет — то есть всей Эры Устрашения — теория «темного леса» служила декорацией, на фоне которой разворачивалась история человечества. Однако ученые постоянно подвергали ее сомнению. Действительно, до начала Эры Космической Передачи научных подтверждений ее правильности не существовало. Разрозненным доказательствам не хватало строгого научного обоснования.

Первое доказательство: эксперимент Ло Цзи, приведший к уничтожению звезды 187J3X1 и ее планет. Гипотеза о том, что система была разрушена вмешательством внеземного разума, всегда вызывала горячие дискуссии. Самые громкие возражения раздавались со стороны астрономов.

Ученые разделились на два основных лагеря. Приверженцы первого считали, что объект, поразивший звезду на световой скорости, не обладал достаточной разрушительной энерги-

ей. Скорее всего, гибель звезды 187J3X1 вызвана естественными причинами — она стала сверхновой. Точно оценить состояние звезды до взрыва не представлялось возможным из-за нехватки данных. Принимая во внимание длительное время, прошедшее между радиопередачей Ло Цзи и взрывом, можно утверждать, что вероятность вспышки сверхновой действительно высока.

Ученые, принадлежащие ко второму лагерю, допускали, что звезду все-таки разрушил некий объект, движущийся со скоростью света, но фотоид мог быть естественным галактическим феноменом. Хотя еще одного фотоида пока что никто не наблюдал, в космосе были замечены другие массивные объекты, разогнавшиеся до колоссальных скоростей под действием природных сил. Кстати, сверхмассивная черная дыра в центре Галактики способна разгонять небольшие объекты до субсветовых скоростей, просто такие «снаряды» настолько малы, что наблюдать их можно крайне редко.

Второе доказательство: ужас, который вызывала в трисолярианах стратегия устрашения. До определенного момента он оставался наиболее убедительным аргументом в пользу верности гипотезы «темного леса». Однако человечеству

ничего не было известно о том, как и откуда вывели эту теорию трисоляриане и на каких соображениях они основывались. Поэтому с научной точки зрения этот аргумент на роль бесспорного не годился. Ведь могло случиться, что Трисолярис согласился на шаткое примирение с Землей по иным, не известным людям причинам, а потом и вовсе отказался от намерения завоевать Солнечную систему. Для объяснения этих неизвестных причин выдвигалось множество гипотез, и хотя ни одну из них нельзя было назвать убедительной, решительно опровергнуть их тоже не получалось. Некоторые ученые выдвинули гипотезу «мании вселенского преследования», основанную на том, что у Трисоляриса тоже не было доказательств верности теории «темного леса». Ужасающие условия существования породили в трисолярианах особую форму фобии — всеобщий страх перед преследованием со стороны космического общества. Это заблуждение, сродни средневековым религиозным воззрениям на Земле, было всего лишь верой, которой придерживалось большинство трисоляриан.

Третье доказательство: четырехмерное Кольцо подтвердило существование «темного леса». Несомненно, Кольцо позаимствовало выражение

из системы «Розетта», в частности из раздела по истории человечества. Этот термин часто всплывает в документах времен Эры Устрашения, поэтому неудивительно, что Кольцо использовало именно его. Однако в диалоге Кольца и команды исследователей секция, в которой употреблялось это выражение, была представлена очень сжато, а толкование его неоднозначно. Этого недостаточно, чтобы утверждать, будто Кольцо точно понимало значение использованных им слов.

Со времен Эры Устрашения изучение концепции «темного леса» выросло в целую науку. Помимо теоретических исследований ученые проводили массу астрономических наблюдений и строили многочисленные математические модели. Но для большинства из них эта теория оставалась лишь гипотезой, которую невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Истинными приверженцами теории «темного леса» были политики и народ. А народ выбирал, во что верить, исходя из собственного житейского опыта. В начале Эры Космической Передачи все больше и больше людей стало склоняться к тому, что теория «темного леса» — это всего лишь мания вселенского преследования.

Эра Космической Передачи, год 7-й. Чэн Синь

Когда все успокоилось, человечество переключилось с Космической Передачи на осмысление Эры Пост-Устрашения. И постепенно против Держателя Меча начало подниматься настоящее цунами обвинений и негодования. Если бы Чэн Синь активировала передачу при начале атаки «капель», то хотя бы одной катастрофы — Великого переселения — можно было избежать. Однако основные претензии выдвигались к методу избрания Держателя Меча.

Выборы и впрямь были сложным процессом, при котором общественное мнение превратилось в инструмент давления на ООН и Конгресс Флотов. Теперь публика яростно спорила, кто же в конечном итоге несет ответственность. Однако практически никто не высказал предположения, что к такому выбору привела психология толпы, у которой все пошли на поводу. К самой Чэн Синь общественное мнение отнеслось не очень строго. Отчасти ее защитил позитивный публичный имидж, а лишения, которые она, как

самый рядовой обыватель, испытала во время Великого переселения, добавили ей сочувствия. Большинство людей считали ее жертвой — такой же, как и все прочие.

Одним словом, решение Держателя Меча капитулировать повело историю по обходному пути, но общего ее направления не изменило. В конечном счете большая космическая трансляция все равно была произведена, и потому дебаты об Эре Пост-Устрашения затихли. Публика постепенно забыла о Чэн Синь. Для людей главным сейчас было наслаждаться существованием.

Зато для самой Чэн Синь жизнь превратилась в нескончаемую пытку. Хотя зрение к ней вернулось, сердце, погруженное в море депрессии, оставалось во тьме. Несмотря на то, что ее внутренняя жгучая боль притупилась, а душа больше не разрывалась, молодая женщина не видела конца своим страданиям. Уныние и мучение, казалось, пропитали каждую клеточку ее тела. Чэн Синь не упомнила, когда в ее жизни последний раз светило солнце. Она ни с кем не разговаривала, не слушала и не читала новостей, не заботилась и о своей растущей компании. Психическое состояние Чэн Синь тревожило ее верную подругу, но АА была занята по горло и

могла уделить ей совсем немного времени. Единственным человеком, который оказывал Чэн Синь необходимую поддержку, был Фрейс.

В самое мрачное время, перед концом Великого переселения Фрейс и АА вместе уехали из Австралии. Некоторое время австралиец жил в Шанхае, но, не дожидаясь окончания обратной эвакуации, вернулся домой, в Уорбертон. Когда в Австралии установился порядок, он отдал свой дом правительству под музей культуры аборигенов, а сам ушел в лес, соорудил шалаш и зажил примитивной жизнью предков. Несмотря на суровые условия, его здоровье, похоже, укрепилось. Единственным современным удобством, которое он себе позволял, был сотовый телефон, по которому он пару-тройку раз в день звонил Чэн Синь.

Их беседы ограничивались несколькими простыми фразами:

«Дочка, у нас восходит солнце».

«Дочка, здесь очень красивый закат».

«Дочка, я сегодня целый день убирал обломки бараков. Хотелось бы снова видеть пустыню такой, какой она была раньше».

«Дочка, идет дождь. Ты помнишь запах влажного воздуха в пустыне?»

Разница во времени между Австралией и Ки-

таем — два часа. Постепенно Чэн Синь привыкла к суточному ритму Фрейса. Каждый раз, слыша голос старика, она представляла себе, что тоже живет в отдаленном лесу, окруженном пустыней, защищенная от суеты мира покровом тишины и покоя.

* * *

Однажды ночью Чэн Синь разбудил телефонный звонок. Звонил Фрейс. В Китае было 01:14, в Австралии — 03:14. Фрейс знал, что Чэн Синь страдает тяжелой бессонницей и без помощи сонного обруча спит только два-три часа в сутки. Он никогда бы не побеспокоил ее среди ночи по пустякам.

В голосе старика слышалась тревога:

— Дочка, выйди на улицу, посмотри на небо!

Чэн Синь и так уже знала, что стряслось что-то из ряда вон. Ей приснился кошмар, который она видела много раз: огромная усыпальница посреди залитой ночной тьмой равнины; из глубины усыпальницы просачивается голубоватое сияние и озаряет окружающие земли призрачным светом...

Такое же голубоватое свечение виднелось сейчас снаружи.

Чэн Синь вышла на балкон и увидела в небе голубую звезду, сияющую ярче прочих. В отличие от построенных людьми сооружений на околоземной орбите, звезда не двигалась — она находилась за пределами Солнечной системы. Яркость свечения росла, затмевая огни расстилавшегося вокруг города; на землю легли тени. Спустя две минуты свечение достигло максимума — звезда сияла теперь ярче полной луны. На нее невозможно было смотреть прямо, и цвет ее поменялся на резкий белый. Стало светло, как днем.

Чэн Синь узнала эту звезду. Почти три столетия люди смотрели на нее чаще, чем на какое-либо другое небесное тело.

В соседнем доме-листе раздался крик, что-то повалилось на пол.

Звезда начала меркнуть, постепенно превратилась из белой в красную и через полчаса погасла.

Чэн Синь не прихватила телефон с собой на балкон, но за ней следовало плавающее коммуникационное окошко. Она по-прежнему слышала голос Фрейса, к которому уже вернулись обычная безмятежность и отстраненность:

— Дочка, не бойся. Чему быть, того не миновать.

Прекрасный сон оборвался. Теория «темного леса» получила окончательное и бесспорное подтверждение.

Трисоляриса больше не существовало.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Новая модель теории «темного леса»

Трисолярис был разрушен через три года и десять месяцев после начала Эры Космической Передачи. Никто не ожидал, что на гравитационно-волновое сообщение отреагируют столь быстро.

Поскольку Трисолярис всегда находился под пристальным наблюдением, данных о его гибели было накоплено более чем достаточно. Удар по системе Альфы Центавра ничем не отличался от атаки, которую спровоцировал Ло Цзи: небольшой объект на субсветовой скорости поразил одну из трех звезд и разрушил ее благодаря своей релятивистски увеличившейся массе. В то время Трисолярис только-только начал обращаться вокруг этого своего солнца, и взрыв уничтожил планету.

«Гравитация» послала во Вселенную свою судьбоносную передачу, находясь примерно в трех световых годах от Трисоляриса. Принимая во внимание, что гравитационные волны распространяются со скоростью света, приходится

сделать вывод, что фотоид был выпущен из точки, находящейся еще ближе к Трисолярису, чем «Гравитация», и что его запуск был произведен практически сразу же после приема координат. Наблюдения подтверждали это: пересекая пылевое облако в окрестностях Альфы Центавра, фотоид оставил четкий след. Но в этом секторе космоса нет других звездных систем! Возможен только один вывод: фотоид запустили с космического корабля.

Старая модель теории «темного леса» предполагала, что атака на планетную систему, координаты которой стали известны, обязательно придет из другой планетной системы. Но сейчас, когда выяснилось, что атака возможна с космического корабля, ситуация резко осложнилась. Положение звезд было достаточно хорошо известно, тогда как человечество ничего не знало об инопланетных кораблях, — если не считать трисолярианских флотов, конечно. Сколько в космосе чужих кораблей? Как густо распределены они в пространстве? С какой скоростью движутся? Куда направляются? Ни на один из этих вопросов не было ответа.

Теперь никто не мог предсказать, откуда «темный лес» нанесет удар, да и само нападение могло

случиться намного раньше, чем предполагалось. Если не считать уцелевших звезд Альфы Центавра, ближайшая к Солнцу звезда — звезда Барнарда — находилась на расстоянии шести световых лет. Но призрачные корабли пришельцев могли бороздить космос поблизости от Солнца. Смерть, до сей поры лишь маячившая на далеком горизонте, встала сейчас перед землянами во весь рост.

Эра Космической Передачи, год 7-й. Томоко

Впервые человечество собственными глазами увидело уничтожение чужой цивилизации и осознало, что такая же участь в любой момент может постигнуть и Землю. Трисолярианский кризис, длившийся около трех веков, закончился в одну ночь, но на его месте возникла другая угроза, исходящая от намного более жестокой Вселенной.

Однако ожидаемой массовой истерии не случилось. Наблюдая трагедию, произошедшую в четырех световых годах от Солнца, человечество оставалось на удивление спокойным. Каждый будто застыл в ожидании, не осознавая, однако, чего именно ждет.

Со времен окончания Великой пади, несмотря на крутые повороты истории, человеческое общество в целом жило по законам демократии, в достатке и изобилии. В течение двух столетий люди подсознательно питали надежду: как бы плохо ни обернулись дела, *кто-нибудь* вмешается и все устроит. Эта вера едва не умерла в эпоху Ве-

ликого переселения, но шесть лет назад, в самое мрачное утро в истории, случилось чудо...

И теперь люди ждали очередного чуда.

Через три дня после того, как Земля наблюдала уничтожение Трисоляриса, Томоко пригласила Чэн Синь и Ло Цзи на чай. Она сказала, что у нее нет никаких тайных побуждений. Просто они старые приятели, она по ним скучает.

Как ООН, так и Конгресс Флотов были глубоко заинтересованы в этой встрече. Всеобщее пассивное ожидание грозило страшной опасностью. Человеческое общество было столь же непрочно, как песочный замок на пляже, готовый рассыпаться при первой же набежавшей волне. Лидерам хотелось, чтобы два бывших Держателя Меча выведали у Томоко хоть какую-нибудь информацию, способную приободрить народ. На срочном заседании Совета Обороны Планеты, созванном специально по этому случаю, кто-то даже намекнул: мол, если добыть такую информацию не удастся, то, наверное, не зазорно будет и сфабриковать что-нибудь подходящее...

После Космической Передачи шесть лет назад Томоко исчезла из общественной жизни. Иногда она появлялась на публике, но только чтобы выполнить роль некоего безучастного переговор-

ного устройства. Б`ольшую часть времени она проводила в своем изящном домике на дереве, по всей вероятности, в режиме ожидания.

Чэн Синь и Ло Цзи встретились на ветке, ведущей к дому Томоко. Весь период Великого переселения Ло Цзи провел в рядах Сопротивления. Не принимая личного участия в операциях, он оставался духовным вождем борцов ЗДС. «Капли» и Силы Безопасности Земли приложили немало усилий, чтобы выследить и убить Ло Цзи, но он каким-то образом сумел избежать такой участи. Даже софоны — и те не смогли обнаружить его убежище.

Глазам Чэн Синь первый Держатель Меча предстал тем же гордым человеком со сдержанными манерами, каким она видела его раньше. Если не считать того, что его волосы и борода стали еще белее, прошедшие семь лет не оставили на нем своих отметин. И тут Ло Цзи, не сказав ни слова, вдруг улыбнулся, и от этой улыбки на душе Чэн Синь потеплело. Ло Цзи напоминал ей Фрейса. Хотя старики были очень разными, в обоих ощущалась непоколебимая, словно гора, сила, пришедшая с ними из Общей Эры и вселявшая в Чэн Синь уверенность, что в нынешнюю диковинную эпоху на этих людей можно поло-

житься. Уэйд, еще один человек из Общей Эры — коварный и хищный, как волк, однажды едва не убивший ее, — обладал подобной же силой, и девушка ловила себя на том, что полагается и на него тоже. Странное это было ощущение, однако...

Томоко приветствовала их перед домом. Она снова облачилась в великолепное кимоно, а в прическу воткнула живые цветы. Жестокий ниндзя в камуфляже исчез без следа; перед гостями вновь стояла женщина, напоминающая прекрасный весенний цветок.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! У меня было намерение самой посетить вас в ваших досточтимых жилищах, но тогда я не имела бы возможности как подобает развлечь вас чайной церемонией. Будьте добры принять мои нижайшие извинения. Я так счастлива видеть вас!

Томоко поклонилась гостям. Говорила она так же мягко и сердечно, как в их первую встречу. Она провела гостей сквозь бамбуковую рощицу во дворе, затем по дощатому мостику над журчащим ручейком в чайный домик. Все трое опустились на татами, и Томоко начала приготовления к чайной церемонии. Время текло неспешно, и облачка за окнами клубились и вновь рассеивались

в синем небе...

Следя за изящными движениями Томоко, Чэн Синь ощутила в душе прилив противоречивых чувств.

Да, она (или они?) могла бы уничтожить человечество, и несколько раз это им почти удалось. Но каждый раз люди вырывали победу из челюстей поражения благодаря своей стойкости, хитрости и удаче. После трехвекового марша все, к чему пришла Томоко, — это вид родного дома, сгорающего во вселенском пожаре.

Томоко узнала об уничтожении Трисоляриса еще четыре года назад. За три дня до нынешней встречи, уже после того как свет взорванной звезды достиг Земли, она обратилась к общественности с короткой речью и просто, в нескольких словах поведала о гибели родной планеты. Ни упрека, ни осуждения, — а ведь причиной гибели стала Космическая Передача, осуществленная космолетами землян...

Многие подозревали, что четыре года назад, когда Трисолярис сгинул в море огня, в том же пламени сгорели и те, кто контролировал Томоко. По-видимому, теперь ею управляли с кораблей трисолярианского флота.

Во время обращения лицо и манера речи Томо-

ко оставались спокойными, но это было совсем не то деревянное выражение, с которым она выступала в качестве бесстрастного рупора. Сейчас это было демонстрацией силы духа тех, кто выжил после катастрофы, их достоинства и мужества перед лицом ужасной участи родной планеты. Смогли бы земляне проявить такие качества в подобной ситуации? Вряд ли. Людей охватило доселе невиданное благоговение перед цивилизацией, утратившей свой дом.

Из ограниченных сведений, предоставленных Томоко, и собственных наблюдений земных астрономов можно было составить приблизительную картину катастрофы.

В момент столкновения на Трисолярисе царила Эра Порядка: планета обращалась вокруг одного из своих трех солнц примерно на расстоянии 0,6 а. е. Фотоид поразил звезду, пробив огромную дыру в фотосфере и зоне конвекции. Получилась каверна диаметром около 50 тысяч километров — примерно как четыре Земли, если поставить их в ряд. То ли случайно, то ли по замыслу тех, кто нанес удар, фотоид врезался в звезду на линии пересечения ее трисолярианской плоскостью эклиптики. С Трисоляриса в этот момент увидели, что на солнце разгорелось ярчайшее пятно.

Как в открытую дверь топки вырывается жар, так и колоссальное излучение, генерируемое солнечным ядром, пройдя через зону конвекции, фотосферу и хромосферу, вырвалось из каверны и ударило прямо в планету. Все живое в полушарии, обращенном к солнцу, в считаные секунды обратилось в золу.

Затем из каверны изверглось вещество солнечного ядра и образовало огненный шлейф толщиной 50 тысяч километров и температурой в десятки миллионов градусов. Часть вещества под влиянием тяготения упала обратно на солнце, но остальное достигло скорости убегания и устремилось в космос. Наблюдателю на Трисоляриссе представилось бы, будто из солнца выросло сияющее огненное древо. Примерно через четыре часа протуберанец вытянулся примерно на одну астрономическую единицу, верхушка огненного «древа» пересекла орбиту Трисоляриса. Еще два часа — и планета вошла в протуберанец. Она продолжала свой путь внутри него примерно полчаса. Это было равнозначно тому, как если бы Трисолярис двигался внутри звезды, потому что даже после того как пламенный выброс пропутешествовал по космосу, температура его все еще составляла десятки тысяч градусов. Выныр-

нувший с другой стороны «древа» Трисолярис багрово тлел. Его кора размягчилась, поверхность превратилась в океан лавы. В космосе за планетой тянулся длинный белый хвост — пар выкипевших водоемов. Солнечный ветер распрямил хвост, и Трисолярис стал похож на комету.

Все живое уже было уничтожено, а ведь фитиль катастрофы только-только загорелся...

Исторгнутое звездой вещество замедлило движение планеты. Пройдя сквозь протуберанец, Трисолярис потерял скорость, и его орбита понизилась. Огненное «древо», словно выпущенный солнцем коготь, с каждым оборотом тянуло планету все ближе и ближе к звезде. Примерно через десять оборотов Трисолярис упал на солнце, и космический футбольный матч, разыгрываемый тремя солнцами, подошел к финалу. Однако этой звезде не суждено было стать победителем — жить ей оставалось недолго.

Выброс вещества понизил давление внутри светила, временно замедлив реакции слияния в ядре. Солнце быстро меркло, и вскоре от него остался лишь туманный контур. Зато гигантское огненное «древо», выросшее на его поверхности, по контрасту казалось еще ярче, еще убийственнее — изломанная царапина на черной как

смоль кинопленке Вселенной. Ослабление термоядерных реакций означало, что излучение ядра больше не оказывало достаточного сопротивления давлению внешней оболочки звезды. Звезда начала проваливаться в себя. Затухающая оболочка упала в ядро, инициировав финальный взрыв.

Вот его-то и увидели жители Земли три дня назад.

Взрыв звезды уничтожил все, что так или иначе имело отношение к планете: подавляющее большинство космических кораблей и орбитальных поселений, пытавшихся спастись, рассыпались в пыль и рассеялись в пространстве. В безопасности оказались только несколько кораблей-счастливчиков, которые в это время находились по ту сторону от двух других солнц, сыгравших роль щита.

После катастрофы оставшиеся две звезды образовали стабильную двойную систему, но любоваться равномерными восходами и закатами стало некому — в системе Альфы Центавра больше не было жизни. Выгоревшие останки взорвавшейся звезды и обратившийся в золу Трисолярис превратились в два огромных аккре-

ционных диска[37] вокруг обоих солнц — словно два серых погоста.

— Сколько спаслось? — тихо спросила Чэн Синь.

— Считая трисолярианские флоты, находящиеся далеко от дома, — не больше одной тысячной всего населения. — Ответ хозяйки дома прозвучал еще тише, чем вопрос Чэн Синь. Томоко сосредоточилась на чайной церемонии и говорила, не поднимая головы.

Чэн Синь гораздо больше могла бы сказать ей как женщина женщине, но она все-таки принадлежала к человеческой расе, и от Томоко ее отделяла непреодолимая пропасть. Чэн решила придерживаться вопросов, которые подготовило руководство. Последующий разговор получил в дальнейшем знаменательное название «Беседы за чаем», потому что он коренным образом изменил течение истории.

— И сколько же осталось нам? — спросила Чэн Синь.

---

[37] Примечания: 37

Аккреционный диск (от лат. accretio «приращение», «увеличение») — структура, возникающая в результате падения диффузного материала, обладающего вращательным моментом, на массивное центральное тело (аккреция). Аккреционные диски возникают вокруг звезд в тесных двойных системах, во вращающихся галактиках и в протопланетных образованиях. (Материал Википедии.) — *Прим. перев.*

— Невозможно сказать. Атака может произойти когда угодно. В вероятностном смысле вы должны бы располагать немного б`ольшим количеством времени — может, сто лет, может двести... как в вашем эксперименте. — Томоко кивнула на Ло Цзи, после чего выпрямила спину, и лицо ее приняло бесстрастное выражение.

— Но...

— Ситуации для Трисоляриса и Солнечной системы различны. Во-первых, Космическая Передача сообщила только координаты Трисоляриса. Чтобы догадаться о существовании Земли, необходимо изучить записи обмена сообщениями между нашими мирами триста лет назад. Это обязательно случится, но займет некоторое время. Что гораздо важнее, издали, из космоса, система Трисоляриса представляется гораздо более опасной, чем Солнечная.

Чэн Синь в ошеломлении уставилась на Ло Цзи, но тот не выказал никакой реакции.

— Почему? — воскликнула Чэн Синь.

Томоко решительно покачала головой.

— Мы никогда не сможем объяснить вам это.

Чэн Синь вернулась к заготовленным вопросам.

— В обеих атаках, которые мы наблюдали,

удары были нанесены фотоидами. Это обычная тактика? С Солнечной системой поступят так же?

— Всем атакам «темного леса» присущи две общие характеристики. Первое: их не готовят заранее; второе: они экономичны.

— Не могла бы ты пояснить подробнее?

— Эти атаки — не часть какой-то межзвездной войны, а просто способ избавиться от потенциальной угрозы. Под «не готовят заранее» я подразумеваю, что для нападения достаточно лишь узнать координаты вероятной цели. Не проводится ни разведки, ни каких-либо других предварительных исследований. Для суперцивилизации такая подготовка — слишком дорогое удовольствие, лучше просто ударить сразу. А «экономичный» означает, что для атаки используется самый дешевый способ: с помощью маленького, малоценного снаряда вызвать к действию разрушительный потенциал, уже имеющийся в системе-цели.

— Энергию самих звезд.

Томоко кивнула:

— Именно это мы до сих пор и наблюдали.

— Есть ли какие-либо способы защиты?

Томоко улыбнулась и покачала головой. Она го-

ворила терпеливо, словно с наивным ребенком.

— Вся Вселенная таится во тьме, тогда как мы ярко освещены. Словно птичка, привязанная к ветке в темном лесу и пойманная в луч фонарика. Атака может прийти откуда угодно и в любой момент.

— Но судя по двум случаям, которые мы наблюдали, должны ведь быть способы пассивной защиты? Даже в системе Трисоляриса остались выжившие — корабли, которые спрятались за другими солнцами.

— Поверь мне, у людей нет ни малейшего шанса выжить в атаке «темного леса». Единственный способ — бежать.

— Стать космическими скитальцами? Но мы не сможем отправить к звездам и одной тысячной населения!

— Отправьте хоть сколько-нибудь, все равно это лучше, чем полное уничтожение.

«Не с нашим понятием о ценностях», — подумала Чэн Синь, но вслух не произнесла.

— Давай больше не будем об этом. Пожалуйста, перестань сыпать вопросами. Все, что могла, я рассказала. В конце концов, я просто пригласила друзей на чай. — Томоко поклонилась гостям и подала им чашки с зеленым чаем.

В списке Чэн Синь оставалось еще много пунктов, но она понимала: дальнейшие расспросы бесполезны.

В отличие от разволновавшейся Чэн Синь, Ло Цзи, до сих пор не промолвивший ни слова, казался спокойным. Выяснилось, что ритуал чайной церемонии ему знаком: держа чашку на левой ладони, он три раза покрутил ее правой рукой и только потом отпил. Ло Цзи наслаждался чаем неспешно, позволяя времени течь в молчании, и закончил не раньше, чем заходящее солнце окрасило облака в золото. Тогда он медленно опустил чашку и произнес свои первые за всю беседу слова:

— В таком случае могу ли *я* задать несколько вопросов?

Уважение, которым пользовался Ло Цзи у трисоляриан, ощущалось по всей повадке Томоко. В то время как с Чэн Синь она держалась приветливо и свойски, по отношению к Ло Цзи она явно испытывала благоговейный ужас, вспыхивающий в ее глазах при каждом взгляде на бывшего Держателя Меча. Томоко всегда садилась от Ло Цзи дальше, чем от Чэн Синь, и кланялась ему медленнее и глубже.

Услышав вопрос Ло Цзи, она снова поклони-

лась.

— Пожалуйста, подождите. — Томоко опустила веки и замерла, словно уйдя в себя. Чэн Синь догадалась: в нескольких световых годах от Земли, на кораблях трисолярианского флота сейчас идет срочное совещание.

Две минуты спустя Томоко открыла глаза.

— Достопочтенный Ло Цзи, вам разрешается задать один вопрос. Я могу ответить только «да», «нет» и «не знаю».

Ло Цзи поставил чашку, но Томоко подняла руку, призывая его подождать.

— В знак уважения к вам от нашего мира я отвечу правду, даже если она может навредить трисолярианам. Но у вас только один вопрос, и мой ответ будет одним из трех вышеперечисленных. Хорошенько подумайте, прежде чем заговорить.

Чэн Синь посмотрела на Ло Цзи с тревогой, но тот ответил без малейшего промедления:

— Я уже все обдумал, — решительно заявил он. — Вот мой вопрос: если, на взгляд из космоса, Трисолярис выказывал определенные признаки того, что он представляет собой угрозу, существует ли способ показать Вселенной, что цивилизация неопасна и никому не угрожает, и таким обра-

зом предотвратить удар «темного леса»? Может ли Земля передать в космос такое, если угодно, «мирное послание»?

Томоко долго не отвечала. Она снова сидела тихо, с закрытыми глазами. Чэн Синь показалось, что время течет медленнее, чем когда-либо. С каждой секундой ее надежды таяли. Она была уверена, что ответом будет либо «нет», либо «не знаю». Но тут Томоко вскинула на Ло Цзи ясные глаза (до этого мгновения она никогда не решалась смотреть Держателю Меча прямо в лицо) и произнесла без тени колебания:

— Да.

— Как?! — не сдержалась Чэн Синь.

Томоко отвела взгляд от Ло Цзи, помотала головой и вновь наполнила чашки.

— Больше я ничего не могу сказать. Поймите, это правда. Я никогда не смогу сказать вам ничего другого.

* * *

«Беседа за чаем» подарила затаившему дыхание человечеству крохотную надежду: существует способ передать во Вселенную послание мира и избежать атаки «темного леса».

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Космическое мирное послание: «Пение в ванной»

После публикации беседы между Томоко, Чэн Синь и Ло Цзи все задумались, как же передать мирное послание во Вселенную. Посыпались бесчисленные предложения, исходящие из самых разных источников, начиная от маститых научных учреждений вроде Всемирной академии наук и заканчивая учениками начальных школ. Наверное, это был первый в истории случай, когда все человечество бросило свою умственную энергию на решение одной практической задачи.

Чем больше люди раздумывали над ней, тем вернее она превращалась в неразрешимую загадку.

Все предложения можно было разделить на две большие категории, а их сторонников на два лагеря: декларации и «самоувечья».

Приверженцы декларации, как можно заключить из названия, призывали транслировать во Вселенную послание о мирном и безобидном

характере земной цивилизации. Основные усилия они направляли на формулировку такого послания. В глазах большинства людей, однако, их концепция выглядела абсурдной. Как ни изощряйся в выражениях, кто в этой бессердечной Вселенной станет им верить? А ведь в том-то и суть, чтобы бесчисленные населяющие космос цивилизации *поверили* мирному посланию.

Концепция «самоувечья» пользовалась большей популярностью. Ее сторонники рассуждали так: мирное послание должно быть абсолютно правдивым, а это значит, что оно должно содержать не только слова, но и дела. Дела — вот в чем ключ к решению. Человечество должно заплатить определенную цену за право жить в «темном лесу», сделать свою цивилизацию истинно безопасной. Иными словами, земной цивилизации нужно нанести себе такое увечье, чтобы никто не усомнился: она не представляет угрозы для других.

Большинство приверженцев «самоувечья» предлагали отказаться от технологии. Людей призывали вернуться из космической и информационной эры в эпоху низких технологий: стать обществом электричества и двигателя внутреннего сгорания, как это было в конце XIX века, а

то и вовсе перейти к сельскому образу жизни. Поскольку население Земли быстро убывало, такие планы казались вполне реальными. Мирное послание в этом случае заключается в следующем: человечество не обладает достаточным уровнем техники, чтобы кому-либо угрожать.

Некоторые сторонники «самоувечья» шли еще дальше: они предлагали с помощью медикаментов и манипуляций с мозгом снизить умственный потенциал человека. Более того, такое «оглупление» можно с помощью генной инженерии закрепить в будущих поколениях. В результате общество само по себе станет низкотехнологичным. У большинства землян эта идея вызывала отвращение; тем не менее она широко ходила в массах. Ее сторонники подчеркивали, что мирное послание в этом случае равносильно публичному признанию человечества в низком уровне интеллекта.

Были и другие предложения. Например, приверженцы самоустрашения предлагали построить некую систему, которая после активации станет неподвластна человеческому контролю. Система будет мониторить земное общество и при нарушении им взятых на себя обязательств безопасности приведет в действие механизм

уничтожения человечества.

Это был пир для воображения. За общественное внимание боролось множество самых разных концепций: от изощренных и причудливых до мрачных и устрашающих.

Но ни одна из выдвинутых идей не была в состоянии выразить глубинную сущность мирного послания.

Как указывала Томоко, атаки «темного леса» отличались спонтанностью. Нападающий не тратил время на наблюдение за целью. Все выдвинутые землянами планы можно было уподобить пению в ванной: как бы ни старался «артист», никто его исполнения, кроме него самого, не слышит. Даже при самом благоприятном сценарии, когда какие-то внеземные цивилизации, словно любящие родители, пристально следили бы за земным человечеством и, возможно, даже задействовали бы долговременные системы наблюдения вроде софонов, то эти цивилизации составили бы лишь микроскопическую часть колоссального числа космических сообществ. В глазах остальных инопланетян (а их во Вселенной подавляющее большинство) Солнце — всего лишь крохотная тусклая точка во многих световых годах от них, подробностей не различить.

Такова основополагающая математическая реальность космического «темного леса».

Во времена, когда люди были более наивны, некоторые ученые полагали, будто обнаружить инопланетные цивилизации можно путем астрономических наблюдений, в том числе по полосам поглощения кислорода, углекислого газа и водяного пара в спектральных кривых атмосферы экзопланет, а также по электромагнитному излучению. Кое-кто даже предлагал такие необычные способы исследования, как поиск признаков сферы Дайсона[38]. Но мы живем во Вселенной, где все цивилизации прячутся друг от друга. Если признаков разумной жизни в далекой звездной системе не обнаруживается, это может означать как то, что там ее действительно нет, так и то,

---

[38] Примечания: 38

Сфера Дайсона — гипотетический астроинженерный проект Фримена Дайсона, американского физика-теоретика, одного из создателей квантовой электродинамики (род. в 1923 г.). Представляет собой относительно тонкую сферическую оболочку большого радиуса (порядка радиуса планетных орбит) со звездой в центре. Предполагается, что технологически развитая цивилизация может применять подобное сооружение для сбора энергии центральной звезды и/или для решения проблемы жизненного пространства. Одной из разновидностей сферы Дайсона является «кольцо Нивена» (описанное Ларри Нивеном в цикле романов «Мир-кольцо»).

Поиск сфер Дайсона — перспективное направление программы SETI. Сооружение подобных масштабов может быть обнаружено существующими астрономическими средствами по его инфракрасному излучению с нетипичным спектральным распределением.

Осенью 2015 года несколько астрономов опубликовали результаты исследований изменений светимости звезды KIC 8462852 созвездия Лебедя по данным космического телескопа «Кеплер» в рамках программы поиска экзопланет. Аномальные мерцания звезды могут указывать на попытку строительства астроинженерного сооружения типа сферы Дайсона или другого набора гигантских объектов (например, коллекторов света), которые высокоразвитая внеземная цивилизация использует для аккумулирования энергии своей звезды. Публикация сразу взбудоражила общественное мнение. (Материал Википедии (https://goo.gl/hkWpdP)). — *Прим. перев.*

что существующая там цивилизация достигла высокого уровня зрелости.

Мирное послание, собственно говоря, — это все та же космическая передача, которая заставила бы *всех* слушателей поверить в ее правдивость. Она должна быть такой, чтобы кто угодно, взглянув на далекое солнце — еле различимую точку, — с уверенностью сказал: «О, это безопасная звезда, угрозы для нас не представляет». Вот какова задача мирного послания.

Абсолютно невыполнимая задача.

И еще одна загадка, которую, похоже, никто не мог разгадать: почему бы Томоко не подсказать людям, как передать в космос такое мирное послание?

То, что выжившие трисоляриане не станут больше делиться с человечеством своими технологиями, было понятно и объяснимо. После космической гравипередачи оба мира оказались лицом к лицу с враждебной Галактикой, даже больше — с враждебной Вселенной. Они больше не являлись друг для друга самой страшной угрозой, и трисолярианам теперь было не до Земли с ее тревогами. Чем дальше улетал трисолярианский флот, тем менее прочной становилась связь между двумя цивилизациями. Но одного не мог-

ли забыть ни люди, ни их бывшие противники: все неприятности начались с Трисоляриса. Это он осуществил вторжение в Солнечную систему, это он попытался, правда, безуспешно, совершить геноцид. Если на Земле произойдет технологический взрыв, неизбежно последует возмездие. Люди найдут среди звезд новый дом трисолярианан и отомстят за все — до того, как Земля будет разрушена в атаке «темного леса».

Но мирное послание меняло дело: став безопасной для всей Вселенной, Земля по определению сделалась бы тогда безвредной и для трисолярианан. А разве не этого им хотелось?

Эра Космической Передачи, год 7-й. Томоко

Несмотря на то, что никто не имел представления, как дать Вселенной понять, что Земля безопасна, и все серьезные исследования только подтверждали невозможность выполнения данной задачи, люди по-прежнему стремились найти решение. Хотя большинство понимало, что ни один из выдвинутых планов не сработает, попытки претворить их в жизнь не прекращались.

Одна из европейских неправительственных организаций попробовала построить сверхмощную антенну, которая, используя Солнце как усилитель радиоволн, передала бы в космос их версию мирного послания. Полиция вовремя остановила активистов. Шесть «капель» покинули Солнечную систему еще шесть лет назад, так что больше ничто не глушило Солнце. Такая трансляция могла бы обернуться полной катастрофой для Земли, выдав ее местонахождение еще скорее.

Другая организация, «Зеленые спасители», насчитывавшая несколько миллионов членов, призывала человечество вернуться к аграрно-

му обществу, тем самым провозглашая свою безвредность для Вселенной. Около двадцати тысяч «зеленых» переехали в Австралию. На этом скудно заселенном континенте, где Великое переселение ушло в область воспоминаний, они собирались построить свое идеальное общество. Репортажи о сельской идиллии «зеленых» непрерывно транслировались по всему миру. Поскольку в эту эпоху невозможно было найти традиционного сельскохозяйственного оборудования, инструменты переселенцам приходилось заказывать на деньги спонсоров. В Австралии не так уж много земли, пригодной для обработки, да и та использовалась для высокотехнологичного производства дорогих продуктов питания, поэтому правительство страны предписало «зеленым» поднимать целину в пустынных районах.

Но уже через неделю пионеры бросили свои хозяйства. Не потому, что «зеленые спасители» были ленивы — энтузиазма у них хватало, — а потому, что за прошедшие столетия тело современного человека значительно изменилось. Люди стали более гибкими и ловкими, но не могли больше заниматься однообразным, изматывающим физическим трудом. Даже в прошлые века не у каждого нашлись бы силы поднимать

целину. После того как лидеры «Зеленых спасителей» надлежащим образом выразили свое уважение к предкам-земледельцам, движение постепенно сошло на нет, и идею похоронили.

Некоторые извращенцы по-своему понимали идею мирного послания, и их действия порой выливались в злостные акты саботажа. Образовалось несколько «антиинтеллектуальных» организаций, поставивших своей целью ослабить умственные способности человека. Одна из них собиралась добавить значительное количество психотропных веществ прямо в нью-йоркскую систему водоснабжения, что привело бы к необратимым мозговым травмам. К счастью, заговор вовремя раскрыли, и единственной неприятностью стало отключение воды в городе на несколько часов. Разумеется, все без исключения «антиинтеллектуальные» организации не собирались понижать интеллект своих членов, аргументируя это тем, что, дескать, будучи последними людьми с высокими умственными способностями, они смогут завершить создание низкоинтеллектуального общества и руководить им.

Перед лицом всеобщей гибели центральное место в социальной жизни вновь обрела религия

с ее завлекательной идеей потустороннего мира.

Открытие «темного леса» Вселенной нанесло сильнейший удар по большинству религий, особенно по христианству. Собственно, религия понесла значительный урон уже в ранние годы Эры Кризиса. Когда был открыт Трисолярис, христиане столкнулись с тем фактом, что инопланетяне не ведут свое начало из Эдема и не упоминаются в книге Бытия. Больше ста лет церкви и богословы трудились над новыми интерпретациями Библии и общепринятых доктрин, и не успели они залатать прорехи в вере, как вынырнуло новое чудовище — «темный лес». Верующим пришлось примириться с мыслью, что во Вселенной существуют многочисленные разумные цивилизации, и если у каждой из них были свои Адам и Ева, то, значит, Эдем населяло не меньше народу, чем сейчас людей на Земле.

Однако во время катастрофического Великого переселения религии возродились. Стали популярными новые верования. За последние семьдесят лет человечество дважды стояло на пороге уничтожения, но каждый раз чудесным образом избегало гибели. У обоих чудес — системы устрашения и космической гравитационно-волновой передачи — нашлось кое-что общее: к ним

приложили руку всего лишь несколько человек, и они стали результатом серии невероятных совпадений (таких, например, как одновременное вхождение «Гравитации», «Синего космоса» и «капель» в четырехмерный фрагмент пространства). Налицо явные признаки божественного вмешательства! Во время обоих кризисов верующие совершали массовые публичные моления. Вот эта-то пламенная демонстрация веры и привела оба раза к божественному спасению — хотя какой именно бог его осуществил, служило предметом бесконечных дискуссий.

Земля превратилась в гигантский храм, в планету непрекращающихся богослужений. Каждый с неведомой доселе истовостью молил богов об очередном спасении. Ватикан проводил многочисленные общепланетные мессы. Люди молились повсюду как небольшими группами, так и поодиночке. Перед едой и перед сном все возносили одну и ту же молитву: «Господь наш, подай нам знак, надоумь, как поведать звездам о наших добрых намерениях; пусть космос узнает, что мы никому не несем угрозы...»

На околоземной орбите выстроили космополитическую церковь. Хотя сооружение и именовали «церковью», на самом деле оно представляло

собой огромный крест. Две его перекладины длиной двадцать и сорок километров соответственно сияли так ярко, что ночью крест был виден с Земли. Отправляя службу, верующие (иногда их собиралось до нескольких десятков тысяч) реяли под крестом в скафандрах. Рядом с молящимися парили бесчисленные свечи, способные гореть в вакууме, и их огни состязались в блеске со звездами. С поверхности планеты верующие с их свечами казались сияющим облаком космической пыли. И каждую ночь на самой Земле люди взывали к летящему среди звезд кресту.

Объектом поклонения стала даже сама трисолярианская цивилизация. На протяжении истории образ ее в умах землян постоянно менялся. В начале Эры Кризиса они представали могучими злонамеренными завоевателями, но уже тогда ОЗТ обожествляло их. Позже трисоляриане из богов и дьяволов превратились просто в «народ». С вводом Устрашения положение Трисоляриса в людском восприятии скатилось в надир, и противников начали считать нецивилизованными дикарями, которые и живут-то только по милости землян. После падения системы устрашения трисоляриане показали свое истинное лицо — лицо безжалостных убийц-завоевателей. И все

же после Космической Передачи (особенно после разрушения их мира) они стали восприниматься как жертвы, заслуживающие сочувствия со стороны людей — таких же беженцев, сидящих в той же лодке...

Узнав о концепции мирного послания, люди вначале с яростным единодушием требовали заставить Томоко раскрыть метод, пригрозив ей, что утаивание информации приравнивается даже не к геноциду, а к мундициду — убийству мира. Но вскоре всем стало ясно, что гнев и угрозы бессильны против цивилизации, далеко превосходящей человеческую знаниями и технологиями, да к тому же улетающей все дальше и дальше в межзвездное пространство. Гораздо лучше просить вежливо. Затем просьбы перешли в униженные мольбы. И постепенно, пока человечество умоляло и упрашивало, в обстановке растущей религиозности восприятие людьми трисоляриан изменилось еще раз.

Поскольку трисолярианам был известен секрет мирного послания, они в глазах землян стали ангелами-спасителями, посланными Богом. И единственная причина, почему Земля до сих пор еще не спасена, заключается в том, что люди не проявляют должного усердия в вере. Поэтому

просьбы к Томоко перешли в молитвы, а хозяева биоробота вновь превратились в богов. Обиталище Томоко стало священным местом, и каждый день под гигантским деревом собирались огромные толпы богомольцев. На пике поклонения они в несколько раз превосходили числом паломников в Мекке, образуя бескрайнее людское море. Домик Томоко, висящий над толпой на высоте около четырехсот метров, с земли казался совсем маленьким и временами скрывался от глаз в генерируемом им облачке. Иногда Томоко выходила наружу — люди не могли рассмотреть подробностей, но видели ее кимоно, похожее на изящный цветок в тумане. Ее появления случались редко и потому тоже стали священными. Сторонники различных верований в толпе выражали свое благоговение по-разному: одни начинали молиться еще усерднее, другие разражались восторженными возгласами, третьи плакали и изливали душу, четвертые опускались на колени, пятые падали ниц, утыкаясь лбом в землю... Томоко приветствовала народ легким поклоном и тихонько отступала обратно в дом.

— Даже если бы спасение пришло прямо сейчас, оно было бы бессмысленно, — высказался Би Юньфэн. — У нас и крохи достоинства не

осталось.

Би Юньфэн в свое время был одним из претендентов на роль Держателя Меча, а затем командовал Азиатским отделением Земного Движения Сопротивления.

Он был одним из многих сохранивших здравый рассудок ученых, которые продолжали изыскания во всех областях науки с целью найти способ передать мирное послание, работали без устали, пытаясь найти научно обоснованный метод. Однако все исследования, казалось, вели к одному неизбежному выводу: если способ послать мирную весть и существует, он потребует абсолютно новой технологии, превосходящей уровень нынешних знаний и пока что не известной человечеству.

Словно капризный ребенок, общество вновь переменило свое отношение к «Синему космосу», уже исчезнувшему в глубинах космоса. Из ангела-спасителя он опять превратился в воплощение Тьмы, в корабль, населенный дьяволами. Он захватил «Гравитацию» и набросил заклятье уничтожения на оба мира! Его преступления нельзя простить! Это воплощение Сатаны! Поклонники Томоко умоляли трисолярианской флот найти и уничтожить оба корабля, восста-

новить справедливость и защитить достоинство Господне. Как и на прочие их мольбы, Томоко не ответила и на эту.

Имидж Чэн Синь в общественном сознании тоже понемногу изменился. Теперь она из провалившего миссию Держателя Меча опять стала великой женщиной. На свет извлекли древнее произведение — «Порог» Ивана Тургенева — и использовали его для описания Чэн Синь. Как и девушка в русской поэме, Чэн Синь ступила за порог, к которому никто не смел даже приблизиться. Затем в самый решающий момент она отказалась передать во Вселенную смертоносное послание, тем самым взвалив на свои плечи невообразимое бремя и примирившись с грядущим неизбежным унижением. Народ не задумывался о последствиях поступка Чэн Синь, вместо этого сосредоточившись на ее любви к людям — любви, причинившей ей столько боли, что она ослепла.

На более глубоком уровне отношение общества к Чэн Синь было реакцией на ее подсознательную материнскую любовь к людям. В эпоху, когда больше не существовало института семьи, это чувство стало редким явлением. В качестве семьи выступало государство всеобщего благоденствия — оно и удовлетворяло детскую потребность в

родительской любви. Но сейчас человечество было поставлено перед лицом безжалостной, холодной Вселенной, и Смерть могла взмахнуть косой в любой момент. Ребенок — человеческая цивилизация, — покинутый в ужасном темном лесу, плакал и жаждал материнской ласки. Чэн Синь оказалась самым подходящим объектом для упований человечества, воплощением материнской любви. По мере того как чувства, которые общество питало к Чэн Синь, постепенно растворялись в сгущающейся атмосфере религиозности, ее образ как Девы Марии новой эпохи опять выступил на первый план.

И это отняло у Чэн Синь остаток воли к жизни.

Существование уже давно стало для нее обузой и пыткой. Она не позволяла себе умереть, потому что хотела до конца нести свое бремя. Жизнь была самым справедливым наказанием за ее огромную ошибку, и она принимала его безропотно. Но теперь Чэн Синь превратилась в опасный религиозный символ. Ее набирающий силу культ еще больше сгущал туман, в котором уже успело потеряться человечество. Она должна исполнить свою последнюю обязанность — исчезнуть навсегда.

Чэн Синь обнаружила, что решение далось ей

легко, без малейших усилий. Она чувствовала себя словно человек, давно задумавший долгое путешествие: ну вот, все текущие дела улажены, можно упаковать немногие пожитки и отправляться в путь.

Она достала пузырек со средством для краткосрочной гибернации. В нем оставалась только одна капсула. Это же средство она использовала для своего шестилетнего анабиоза; но без специального аппарата жизнеобеспечения оно несло неотвратимую смерть.

Разум Чэн Синь был прозрачен и пуст, словно космос: ни воспоминаний, ни эмоций. В поверхности сознания, чистой и гладкой как зеркало, отражалось заходящее солнце ее жизни, и это было естественно, как ежедневные сумерки... Все правильно, все так, как и должно быть. Если мир может обратиться в пыль по одному щелчку пальцев, то смерть одного человека нужно встречать с теми же умиротворенностью и бесстрастием, с какими встречает свой конец капля росы, падающая с травинки.

Но только Чэн Синь зажала в пальцах капсулу, как зазвонил телефон. Это был Фрейс.

— Дочка, сегодня такая красивая луна. Я только что видел кенгуру. Должно быть, переселенцы

съели не всех.

Фрейс никогда не включал видеосвязь, наверное, полагая, что речь живее и образнее любой картинки. Чэн Синь знала, что он ее не видит, и все равно улыбнулась.

— Как чудесно, Фрейс. Спасибо тебе.

— Дочка, все образуется. — И Фрейс отключился.

Вряд ли он что-то заподозрил. Все их разговоры были такими же короткими.

А еще этим утром приходила [illegible]АА и с восторгом рассказала, что компания Чэн Синь выиграла тендер на очередной большой проект: им предстояло построить на геосинхронной орбите еще более грандиозный крест.

Чэн Синь осознала, что у нее все еще есть двое друзей. В этот краткий кошмарный период истории — двое настоящих друзей. Если она сейчас покончит с собой, каково будет им? Ее прозрачное, пустое сердце сжалось, как будто его сдавило разом множество ладоней. На озере ее сознания ровная доселе поверхность пошла рябью, и отражающийся в ней закат загорелся, словно пожар. Семь лет назад перед лицом всего человечества она не нашла в себе воли нажать на красную кнопку; сейчас, подумав о друзьях, она не смогла

проглотить капсулу, которая принесла бы ей облегчение. Какая же она бесконечно слабая! Ноль, пустота — вот что она такое.

Еще мгновение назад реку перед ней сковывал лед, и Чэн Синь могла бы легко перейти на ту сторону. Но сейчас лед растаял, и ей придется брести в черной холодной воде. Это будет долгая пытка, но Чэн Синь была уверена, что доберется до другого берега. Возможно, она будет колебаться и бороться с собой до следующего утра, а тогда, наконец, проглотит капсулу. Другого выхода не было.

Опять запел телефон. Звонила Томоко — еще раз приглашала Чэн Синь и Ло Цзи в гости. Она хотела сказать им последнее «прощай».

Чэн Синь медленно вернула капсулу обратно в пузырек. Она пойдет на эту встречу. Значит, переход через реку боли затянется.

* * *

На следующее утро Чэн Синь с Ло Цзи вновь пришли к воздушному домику Томоко. В нескольких сотнях метров внизу волновалось людское море. Накануне Томоко объявила всему миру, что собирается уйти, поэтому сегодня толпа была во много раз больше обычной. Но вместо того чтобы

возносить молитвы, паломники молчали, словно чего-то ожидая.

Томоко, как и раньше, приветствовала гостей у входа в дом.

В этот раз чайная церемония проходила в безмолвии. Все знали: что должно быть сказано, уже сказано.

И Чэн Синь, и Ло Цзи ощущали присутствие толпы внизу. Та была словно гигантский ковер, поглощающий звук, — от него тишина в павильоне становилась еще глубже. Атмосфера сгущалась, как если бы облака, окутывающие павильон снаружи, затвердели. Однако движения Томоко оставались плавными и грациозными; даже когда посуда соприкасалась, не раздавалось ни звука. Казалось, будто Томоко использует свои легкость и изящество, чтобы изгнать тягостное настроение. Прошло больше часа, но ни Чэн Синь, ни Ло Цзи не чувствовали течения времени.

Томоко обеими руками подала Ло Цзи чашку с чаем.

— Я ухожу. Надеюсь, с вами, мои гости, все будет хорошо. — Тут она подала чашку и Чэн Синь. — Вселенная велика, но жизнь больше. Кто знает, может быть, судьба снова сведет нас.

Чэн Синь молча пригубила чай. Закрыв глаза,

она медленно потягивала напиток, наслаждаясь вкусом. Освежающая горечь понемногу пропитывала все ее тело, как будто она пила холодный звездный свет.

Но вот чашки опустели.

Гости поднялись и стали прощаться — теперь уже навсегда. Хозяйка проводила их на ветку. Впервые за все время существования этого домика белые облака, создаваемые им, исчезли. Человеческое море под деревом замерло в выжидательном молчании.

— Прежде чем мы попрощаемся, мне предстоит выполнить свою последнюю миссию — передать сообщение. — Томоко склонилась в глубоком поклоне. А затем выпрямилась и взглянула на Чэн Синь.

— С тобой хочет повидаться Юнь Тяньмин.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Длинная-длинная лестница

В начале Эры Кризиса, еще до того как Великая падь погасила огонь человеческого энтузиазма, нации Земли объединились и претворили в жизнь ряд грандиозных программ, направленных на защиту Солнечной системы. Гигантские инженерные проекты выжали до последней капли возможности всех доступных в те годы технологий. Некоторые из них — космический лифт, испытание звездно-водородных бомб на Меркурии, осуществление управляемой термоядерной реакции и другие — вошли в анналы истории. Эти программы послужили фундаментом для технологического скачка, последовавшего за Великой падью.

Но проект «Лестница» в этот список не вошел. О нем забыли еще до Великой пади. По мнению историков, проект — плохо продуманный и поспешно исполненный, проще говоря, настоящая авантюра — явился типичным результатом замешательства, царившего в начале Эры Кризиса. Вдобавок к чисто научному провалу он не оста-

вил после себя ничего ценного в технологическом плане. Развитие космических технологий пошло в конечном итоге по совершенно иному пути.

Кто бы мог подумать, что через триста лет проект «Лестница» зажжет луч надежды для Земли, погрузившейся во тьму отчаяния?

Как удалось трисолярианам перехватить зонд с мозгом Юнь Тяньмина, наверное, останется тайной до конца времен.

Один из тросов, удерживающих парус зонда, оборвался где-то возле орбиты Юпитера. Летательный аппарат отклонился от заданной траектории, и Земля потеряла его в безбрежных просторах космоса. Трисолярианам, видимо, была известна конечная траектория зонда; иначе даже они, с их новейшей технологией, не нашли бы столь малый объект в межзвездном пространстве. Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что зонд сопровождали софоны (по крайней мере на фазе ускорения) и сняли его конечные параметры. Однако вряд ли софоны следовали за зондом на всем протяжении его долгого путешествия. Аппарат пересек пояс Койпера и облако Оорта; в этих районах облака межзвездной пыли могли затормозить его или сбить с курса. Похоже, ничего такого не произошло. Значит, трисоля-

рианам в перехвате зонда благоволила Госпожа Удача, потому что получить новые данные о его траектории они не смогли бы.

Можно с уверенностью утверждать, что зонд был перехвачен кораблем Первого трисоляриан-ского флота — скорее всего, тем, что не приступал к торможению[39]. Его выслали вперед, чтобы он достиг Солнечной системы на полтора столетия раньше других. Но из-за крайне высокой скорости космолет не смог бы затормозить вовремя и пролетел бы Солнечную систему насквозь. В чем заключалась его миссия — так и осталось загадкой.

После создания системы устрашения этот корабль, как и весь Первый флот, повернул прочь от Солнечной системы. Земле так никогда и не удалось точно выяснить его траекторию, но если корабль двигался примерно в том же направлении, что и остальной флот, вполне возможно, что это он и подобрал зонд проекта «Лестница». Конечно, даже в этом случае оба летательных аппарата находились слишком далеко друг от друга; без достоверных сведений о траектории

[39] Примечания: 39

Читавшие «Темный лес», наверно, помнят, что один из кораблей Первого флота, в отличие от остальных, не тормозил при приближении к Солнечной системе. — *Прим. перев.*

зонда трисолярианский звездолет не смог бы его обнаружить.

По грубым прикидкам (поскольку информации недостаточно, то других и быть не может), перехват произошел от тридцати до пятидесяти лет назад, но не раньше начала Эры Устрашения.

Нет ничего странного в том, что трисолярианский флот воспользовался возможностью захватить земной аппарат, ведь до того момента прямой контакт между трисолярианами и человечеством ограничивался «каплями». Само собой разумеется, инопланетянам хотелось познакомиться с живым представителем землян.

Юнь Тяньмин сейчас находился на борту одного из кораблей Первого трисолярианского флота. Большинство из них двигалось в направлении Сириуса. Оставалось неизвестным, в каком виде существует Юнь Тяньмин: возможно, его мозг поддерживается в живом состоянии сам по себе, а может статься, его пересадили в клонированное тело. Для людей важнее было услышать ответ на другой вопрос:

Действует ли Юнь Тяньмин по-прежнему в интересах человечества?

Вполне обоснованное беспокойство. То, что трисоляриане ответили согласием на просьбу

Юнь Тяньмина увидеться с Чэн Синь, показывало, что он влился в их общество и, возможно, даже достиг там определенного статуса.

Но еще б`ольшую тревогу вызывал следующий вопрос: участвовал ли Юнь Тяньмин в недавних событиях? Имел ли он какое-то отношение к тому, что произошло за последние сто лет между двумя мирами?

Факт оставался фактом: Юнь Тяньмин объявился как раз в тот момент, когда земляне утратили последнюю надежду. Как только новость стала известна широкой публике, первое, о чем подумали все, было: наши молитвы услышаны. Наконец-то явился ангел-спаситель!

Эра Космической Передачи, год 7-й. Юнь Тяньмин

Чэн Синь смотрела в верхний иллюминатор лифта. Весь ее мир сузился до направляющего рельса толщиной восемьдесят сантиметров. Рельс тянулся вниз и вверх, исчезая в бесконечности. Она ехала уже целый час и поднялась на высоту больше тысячи километров над уровнем моря, выйдя за пределы атмосферы. Землю внизу окутывала ночная мгла, в которой смутно вырисовывались очертания материков. Над головой зияла непроглядная чернота космоса. Где-то там, на высоте в тридцать тысяч километров, висел невидимый причал. Казалось, рельс уводил туда, откуда нет возврата...

Чэн Синь, инженер аэрокосмической промышленности Общей Эры, ни разу до этого дня не бывала в космосе. В нынешнюю эпоху для полета на любых космических аппаратах специальная подготовка не требовалась; но поскольку Чэн Синь была совсем новичком, техники посоветовали ей подняться на космическом лифте. Весь подъем проходил с постоянной скоростью, поэто-

му перегрузки отсутствовали. Уменьшение силы тяжести внутри кабины пока не ощущалось. Оно произойдет постепенно, и когда лифт прибудет к терминалу на геосинхронной орбите, наступит невесомость. На той высоте, где сейчас находилась кабина, испытать невесомость можно было, только летая по орбите вокруг Земли, но не поднимаясь в космическом лифте. Порой Чэн Синь замечала проносящиеся вдалеке крохотные точки — вероятно, спутники, курсирующие на первой космической скорости.

Чрезвычайно ровная поверхность рельса не позволяла ощутить движение — казалось, будто кабина стоит на месте. На самом же деле ее скорость достигала полутора тысяч километров в час, как у сверхзвукового самолета. Подъем на геосинхронную орбиту займет около двадцати часов — по космическим меркам, кабина еле плелась. На память пришел разговор в колледже: Тяньмин тогда утверждал, что лететь в космос возможно и на низкой скорости. Если все время, не останавливаясь, двигаться вверх, «ехать» в космос можно так же медленно, как, скажем, на автомобиле или даже пешком. Таким образом человек может дойти хоть до орбиты Луны; правда, ступить на поверхность естественного спутника

не получится: его скорость относительно «туриста» составит три тысячи километров в час, и без разгона не обойтись. Чэн Синь отчетливо припомнила, как Тяньмин заметил в конце разговора: было бы здорово оказаться вблизи Луны и увидеть, как гигантский естественный спутник Земли стремительно проносится над головой! И вот сейчас она делает в реальности то, что когда-то воображал Тяньмин — направляется в космос на малой скорости.

Цилиндрическая кабина лифта была поделена на четыре палубы. Чэн Синь занимала верхнюю, а сопровождающие лица — три остальные. Ее никто не беспокоил. Она ехала в роскошной каюте бизнес-класса, похожей на номер в пятизвездочном отеле, с удобной кроватью и душем; правда, каюта была совсем небольшой, размером примерно с комнатку в студенческом общежитии.

В эти дни она все время думала о годах, проведенных в колледже. Думала о Тяньмине.

Наконец лифт вышел из теневого конуса Земли. Кабину залило яркое победное сияние Солнца, и стёкла автоматически потемнели. Чэн Синь лежала на диване и сквозь иллюминатор в потолке следила за направляющим рельсом. Бесконечная прямая линия, казалось, исходила из самого

Млечного Пути. Чэн Синь силилась разглядеть движение или хотя бы вообразить себе его. Зрелище было гипнотическое, и в конце концов она уснула.

Кто-то позвал ее по имени. Мужской голос. Она обнаружила, что лежит на нижней кровати двухъярусной койки в студенческом общежитии. Больше в комнатке никого не было. По стене двигалась полоска света, будто лучи фонарей внутри едущего автомобиля. Чэн Синь бросила взгляд на окно: за знакомым китайским зонтичным деревом по небу пробегало солнце, всходя и заходя каждые несколько секунд. И даже когда светило поднималось в зенит, небо оставалось чернильно-черным, и на нем одновременно с солнцем сияли звезды. Голос продолжал звать Чэн Синь. Она хотела встать и осмотреться, но тут ее тело взмыло с кровати в воздух. Книги, чашки, ноутбук и прочее — все вспорхнуло и закружилось вокруг...

Чэн Синь резко проснулась и обнаружила, что действительно парит невысоко над диваном. Она протянула руку, желая вернуться обратно, но вместо этого нечаянно оттолкнулась. Ее понесло к потолку, к верхнему иллюминатору, где она, невесомая, перевернулась вверх ногами,

оттолкнулась от стекла и успешно возвратилась вниз, на диван. В кабине все выглядело так же, как раньше, — лишь пыль, до того лежавшая спокойно, поднялась в воздух и, искрясь, танцевала в солнечных лучах.

Чэн Синь заметила пришедшего снизу служащего СОП — наверно, это он звал ее. Мужчина ошеломленно таращил глаза.

— Доктор Чэн, насколько мне известно, вы впервые в космосе? — осведомился он. Та кивнула, и он засмеялся, качая головой. — А такое впечатление, что вы бывалый астронавт!

Чэн Синь и сама удивлялась. Первая в ее жизни невесомость — и ни боязни, ни беспокойства, лишь приятная расслабленность без малейших признаков дурноты или головокружения. Как будто она родилась в космосе.

— Мы почти на месте, — сообщил служащий, указывая вверх.

Чэн Синь посмотрела туда и увидела все тот же направляющий рельс, но теперь можно было различить движение его поверхности — значит, кабина замедлялась. А вот и причал на геосинхронной орбите. Станция состояла из нескольких концентрических колец, соединенных пятью радиальными галереями. Терминал, построенный

первым, представлял собой небольшое сооружение в центре станции. Кольца добавили позже, так что внешние были самыми новыми. Все сооружение медленно вращалось вокруг своей оси.

Чэн Синь обратила внимание и на другие космические объекты, тесно сгрудившиеся вокруг станции. Близость к лифту облегчала транспортировку строительных материалов, что и объясняло плотность застройки в этом районе космоса. Сооружения, имеющие самые разные формы, издали казались россыпью затейливых игрушек. Оценить их истинные масштабы можно было, лишь подлетев поближе. Чэн Синь знала, что в одном из них размещалась штаб-квартира ее космической строительной компании — концерна «Гало». Как раз сейчас там работала АА.

Кабина приблизилась к массивной стальной ферме. Солнечный свет замигал, пробиваясь между многочисленными перемычками. Когда кабина вынырнула с другого конца, здание причала заняло почти все поле зрения, и Млечный Путь мерцал лишь между концентрическими кольцами. Громадное сооружение придвигалось все ближе, и когда кабина вошла в терминал, стало темно, как будто они оказались в туннеле. А еще через несколько минут кабину залил яр-

кий свет снаружи: они прибыли в главный зал терминала. Помещение вращалось, и впервые за все время у Чэн Синь закружилась голова. Но вот капсула лифта отделилась от рельса и причалила к платформе. Последовал легкий толчок, кабина начала вращаться вместе с залом, и все вокруг снова стало казаться неподвижным.

Чэн Синь в сопровождении четырех человек вышла в круглый зал. Поскольку у платформы стояла одна-единственная кабина, зал выглядел неестественно пустым. Несмотря на мельтешащие всюду информационные окна, у Чэн Синь сразу возникло чувство, что картина ей знакома: несущие конструкции были выполнены из металла, в основном из нержавеющей стали и свинцовых сплавов, — настоящая редкость в эту эпоху. Повсюду виднелись следы, оставленные временем, и Чэн Синь казалось, будто она находится не на космической станции, а на старом железнодорожном вокзале. Этот лифт построили самым первым из всех, и здание терминала, завершенное на 15-м году Эры Кризиса, находилось в эксплуатации уже больше двух веков, включая и времена Великой пади.

Зал во всех направлениях пересекали поручни для передвижения в невесомости. Их тоже изго-

товили из нержавеющей стали, хотя некоторые из меди. Царапины и потертости, за два века оставленные на них руками бесчисленных пассажиров, напомнили Чэн Синь глубокие колеи перед воротами древних городов.

Поручни были пережитком старины, потому что сейчас все перемещались при помощи индивидуальных реактивных двигателей, крепящихся на поясе или за плечами и управляющихся с ручного пульта. Спутники Чэн Синь попробовали преподать ей первый космический урок — как пользоваться таким двигателем. Однако Чэн Синь предпочла поручни.

У выхода из зала она остановилась, чтобы полюбоваться старыми агитплакатами на стене. Большинство относилось ко временам строительства оборонной системы Земли. Один из плакатов почти полностью занимал солдат в неизвестной Чэн Синь форме, его горящие глаза смотрели прямо на зрителя. Ниже крупными буквами шел текст: «Ты нужен Земле!» Рядом с этим плакатом висел другой, размером побольше, и на нем люди всех рас и национальностей стояли бок о бок, держась за руки и образовывая живую стену. Фоном служил голубой флаг ООН. Текст гласил: «Выстроим для Земли новую Великую

Стену из наших тел!» Хотя Чэн Синь и заинтересовалась плакатами, они не вызвали в ней чувства узнавания, поскольку были выполнены в старом стиле, популярном до ее рождения.

— Они относятся к началу Великой пади, — пояснил представитель СОП, идущий рядом с девушкой.

То была короткая деспотическая эпоха, когда мир стал под ружье, прежде чем все рухнуло — и вера, и жизнь... Но зачем продолжают сохранять эти плакаты? Чтобы люди помнили? Или чтобы забыли?

Чэн Синь с сопровождающими вышли из главного зала в длинный круглый коридор, который, казалось, уходил в бесконечность. Это была одна из пяти радиальных галерей, соединяющих кольца. Поначалу группа двигалась в полной невесомости, но вскоре появилось «тяготение», роль которого играла центробежная сила. Сперва оно проявлялось очень слабо, однако его хватало, чтобы породить ощущение верха-низа: неожиданно коридор стал казаться глубоким колодцем, и путешественники не плыли по нему, а падали. У Чэн Синь кружилась голова, но ей помогли поручни, выступающие из стенок «колодца»: разогнавшись слишком быстро, она приторма-

живала, хватаясь за перекладины.

Путники миновали пересечение с первым кольцом. Чэн Синь посмотрела влево и вправо и обнаружила, что пол по обе стороны поднимается кверху, как если бы она стояла на дне долины. Над входами в кольцо горели красные таблички: «Первое кольцо. Тяготение 0,15 g». В стенах закругляющегося коридора было множество дверей, которые то и дело открывались и закрывались. Сновали «пешеходы». Поскольку здесь уже было тяготение, пусть и слабое, люди стояли на полу, но перемещались по-прежнему плавными прыжками с помощью индивидуальных реактивных двигателей.

Чем дальше продвигались новоприбывшие, тем сильнее становилось тяготение, и вскоре свободное падение стало опасным. В стенах «колодца» появились лифты — один шел вниз, другой вверх. Чэн Синь присмотрелась к пассажирам, едущим наверх: их одежда, простая и удобная, ничем не отличалась от одежды жителей Земли. На стенах колодца светились большие и маленькие информационные окна; на многих шел репортаж о том, как она, Чэн Синь, входит в кабину космического лифта двадцать часов назад. Но сейчас девушку окружали четверо

спутников, а глаза ее прятались за огромными темными очками. Никто ее не узнавал.

На пути вниз они пересекли еще несколько колец. Поскольку каждое последующее кольцо увеличивалось в диаметре, кривизна коридоров по обе стороны колодца становилась все менее заметной. У Чэн Синь складывалось впечатление, будто она перемещается во времени. Каждое кольцо строилось из иных материалов, чем предыдущие, и выглядело новее. Конструкция и дизайн словно бы образовывали временн`ую капсулу с заключенным в нее тем или иным отрезком истории: суровое милитаристское единообразие Великой пади сменилось оптимизмом и романтикой поздней Эры Кризиса, чтобы потом уступить место гедонизму и праздности Эры Устрашения... Вплоть до четвертого кольца жилые и прочие помещения являлись неотъемлемыми элементами структуры, но начиная с пятого конструкция служила лишь основой, предоставлявшей место для различных пространственных решений. Здания, образовывавшие внешние кольца, были спланированы и присоединены каждое по отдельности, демонстрируя богатство и разнообразие стилей.

По мере спуска признаки того, что путники находятся на космической станции, постепенно

исчезали, и окружающее все более походило на обычную жизнь на поверхности планеты. Внешнее, восьмое кольцо станции по виду мало чем отличалось от небольшого городка где-нибудь на Земле. Коридор выглядел оживленной пешеходной улицей в торговом квартале. Добавить к этому стандартное тяготение в 1 g — и Чэн Синь почти забыла, что находится в космосе, на высоте тридцати четырех тысяч километров.

Но впечатление города исчезло, как только маленький электромобиль доставил путников в место, откуда они снова могли видеть космос. Перед входом значилось: «Ангар А-225». На обширной ровной площадке размещались несколько десятков космических аппаратов разных моделей. С одной стороны ангар был открыт космосу и звездам. Неподалеку от новоприбывших разгорелся факел, озаряя все помещение, — это включился двигатель одного из кораблей. Понемногу оранжевый свет перешел в голубой. Корабль поплыл над полом, затем разогнался и стремглав вылетел в космос через отсутствующую стену. Чэн Синь дивилась технологическому чуду, давно ставшему чем-то привычным для других, но так и остававшемуся для нее загадкой: как можно сохранять воздух и атмосферное дав-

ление в помещении без одной стены?

Пройдя между рядами кораблей, путники выбрались на небольшую площадку около несуществующей стенки. Здесь стояла маленькая космическая шлюпка. Рядом ожидала группа людей. Млечный Путь величественно проплывал мимо, и в его свете люди и суденышко отбрасывали длинные тени. Площадка казалась огромными часами, а медленно ползущие тени — стрелками.

Группа возле шлюпки была командой, созданной Советом Обороны Планеты и флотом специально для этой миссии. Большинство ее участников Чэн Синь знала — они присутствовали на церемонии передачи полномочий Держателя Меча семь лет назад. Одним из двоих руководителей группы был тогдашний сменный председатель СОП, вторым — начальник штаба флота. Советом Обороны сейчас руководил другой человек, но начальник штаба остался прежний. Эти семь лет, самые долгие в истории человечества, оставили неизгладимые следы на их лицах. Никто не сказал ни слова, все только молча обменялись рукопожатиями и так же молча вспомнили былое.

Чэн Синь окинула взглядом шлюпку. В нынеш-

нюю эпоху космическим аппаратам для ближних полетов придавали самые разнообразные формы, но обтекаемый, стремительный профиль, столь популярный в воображении прошлых поколений, среди них отсутствовал. Эта шлюпка имела самую распространенную форму — сферы, причем настолько правильной, что Чэн Синь не могла понять, где же у нее двигатели. Суденышко размером с маленький автобус не имело собственного имени — только серийный номер. Этому-то скромному средству передвижения предстояло доставить Чэн Синь на свидание с Юнь Тяньмином.

Встреча должна была состояться в месте, где силы тяготения Земли и Солнца уравниваются — в точке Лагранжа, примерно в полутора миллионах километров от станции. Именно в этом пункте софоны откроют канал прямой связи с Первым Трисолярианским флотом. Будут обеспечены звуковая и видеосвязь в режиме реального времени.

Зачем проводить встречу в космосе? Во времена нейтринной связи неважно, где ты находишься — в космосе или на Земле. Томоко объяснила, что это чисто символический жест: встреча должна состояться в изолированном месте для демон-

страции ее независимости от обоих миров. Точку Лагранжа выбрали, потому что там положение корабля Чэн Синь будет относительно стабильным.

Это Чэн Синь уже знала, но сейчас ей поведали кое-что гораздо более важное.

Командующий Флотом проводил ее в шлюпку. Места внутри едва хватило бы на четверых пассажиров. Как только командующий и Чэн Синь уселись, половина сферы перед ними стала прозрачной, так что создавалось впечатление, будто они находятся в шлеме громадного скафандра. Широкий обзор являлся одной из причин, почему для полета выбрали эту шлюпку.

На современных космолетах не было пультов управления с кнопками и переключателями. Их заменяли голографические проекции, поэтому внутри шлюпки царила пустота. Если бы сюда попал человек из Общей Эры, он решил бы, что это лишь корпус без начинки. Однако Чэн Синь сразу заметила три необычных предмета — явно недавнее добавление к интерьеру. Три кружка, прикрепленных над прозрачной стенкой — зеленый, желтый и красный, — напомнили ей о дорожном светофоре старых времен.

Командующий флотом принялся объяснять:

— Эти три индикатора контролирует Томоко. Трисоляриане будут пристально следить за вашей встречей. До тех пор пока они будут считать предмет разговора приемлемым, будет гореть зеленый свет. Если они захотят предупредить вас, что тема сворачивает на опасный путь, загорится желтый.

Командующий надолго замолчал, словно готовясь к тому, чт`о ему предстоит сказать дальше.

— Если трисоляриане решат, что вам передают запретную информацию, загорится красный.

Он обернулся и указал на непрозрачную часть стены. Чэн Синь увидела маленькое металлическое приспособление, на вид напоминающее гирьку вроде тех, что использовались на старинных весах.

— Это взрывное устройство находится под контролем Томоко. Бомба детонирует через три секунды после того, как зажжется красный свет.

— И что она уничтожит? — спросила Чэн Синь. Она думала не о себе.

— Только эту шлюпку. Можете не беспокоиться о безопасности Тяньмина. Томоко заверила, что ему вреда не причинят. Так вот, красный может загореться во время вашего разговора. Но даже если встреча завершится успешно, трисоляриане

при просмотре записи все равно могут решить включить красный. Сейчас я скажу вам самое важное... — Командующий снова замолчал.

Лицо Чэн Синь оставалось спокойным. Она подбодрила командующего кивком: продолжайте.

— Вы должны помнить: эти огни — не светофор. Трисоляриане не обязаны предупреждать, что вы переступили черту. Зеленый может смениться красным мгновенно, без желтого.

— Хорошо. Я поняла. — Голос Чэн Синь оставался тих, словно мимолетный ветерок.

— Томоко может включить красный не только если ей не понравится содержание беседы, но и если она обнаружит на шлюпке записывающее оборудование или какое-либо устройство, передающее ваш разговор наружу. Здесь я могу вас успокоить: мы несколько раз тщательно осмотрели шлюпку и убрали все записывающие и передающие приборы. Навигационная система не может даже вести журнал. Управление полетом возложено на бортовой ИИ, который будет совершенно изолирован от внешнего мира до вашего возвращения. Доктор Чэн, будьте добры, хорошенько подумайте над моими словами. Вы хорошо представляете себе последствия?

— Если я не вернусь, нужной информации вы

не получите.

— Я рад, что вы это понимаете. Именно это мы и хотели подчеркнуть. Делайте, как они требуют, говорите только о личных делах, имеющих отношение исключительно к вам двоим. Не касайтесь никаких других тем, не прибегайте ни к намекам, ни к метафорам. И все время помните: если вы не вернетесь, Земля не получит абсолютно ничего!

— Но если я сделаю, как вы говорите, и вернусь, Земля все равно ничего не получит. Мне нужно совсем не это.

Командующий флотом посмотрел на отражение Чэн Синь в прозрачной стенке. Ее образ реял на фоне Млечного Пути, в прекрасных глазах блистали звезды. Она показалась ему центром Вселенной, и все галактики обращались вокруг нее. Скрепя сердце командующий решил больше не отговаривать ее от рискованного предприятия.

Вместо этого он указал на стенку позади себя:

— Это миниатюрная водородная бомба. По вашей старой системе ее мощность примерно пять килотонн. Если... если что-то и вправду случится, все закончится в один момент. Вы ничего не почувствуете.

Чэн Синь улыбнулась.

— Спасибо, командующий. Я все поняла.

* * *

Через пять часов шлюпка пустилась в путь. Тройная перегрузка — максимум для нетренированного человека — вдавила Чэн Синь в кресло. Всю ширь инфоокна, заменявшего зеркало заднего вида, заполнил громадный корпус станции, в котором отражался огонек двигателя. Крошечная шлюпка напоминала искорку, вылетевшую из топки. Станция быстро удалялась и вскоре превратилась в точку. Лишь Земля, все такая же огромная, по-прежнему занимала половину неба.

Специалисты из провожавшей Чэн Синь команды несколько раз повторили, что в сам`ом путешествии не будет ничего примечательного — все равно что лететь на обычном самолете. От станции до точки Лагранжа полтора миллиона километров, или одна сотая астрономической единицы. По масштабам космоса рукой подать. Шлюпка отлично подходит для таких коротких перелетов.

Триста лет назад, когда Чэн Синь решала, на кого пойти учиться, одним из факторов, определивших ее выбор, были полеты на Луну

— величайшее достижение двадцатого столетия. Пятнадцать человек ступили тогда на поверхность нашего естественного спутника. А сейчас Чэн Синь предстоит преодолеть впятеро большее расстояние!

Еще через десять минут она увидела восход солнца в космосе. Светило медленно поднималось над выпуклым краем земного диска. С такого расстояния волн на поверхности Тихого океана не было видно, и вода сверкала под рассветными лучами, как зеркало. Клочками мыльной пены плыли облака. Солнце выглядело гораздо меньше Земли и походило на золотое яйцо, рожденное голубой планетой. Когда светило полностью вынырнуло из-за горизонта, обращенная к нему сторона Земли превратилась в гигантский серп, такой яркий, что остальная часть планеты растворилась во мраке. Оба небесных тела образовали висящий в пространстве грандиозный символ. Символ возрождения, подумала Чэн Синь.

Она сознавала, что, возможно, видит восход солнца последний раз в жизни. Как бы ни старались они с Тяньмином на предстоящем свидании следовать всем правилам, не исключено, что трисоляриане не позволят Чэн Синь жить дальше. А она к тому же и не собиралась придерживаться

правил. Ну что ж, все правильно, все так, как и должно быть. Жалеть не о чем.

Шлюпка летела дальше, и освещенный участок поверхности Земли увеличивался. Чэн Синь узнавала очертания материков и легко нашла Австралию, похожую на плывущий по Тихому океану высохший листок. Континент медленно выходил из ночной тени, линия терминатора делила его надвое. В Уорбертоне утро, и Фрейс сейчас, возможно, наблюдает с опушки леса за рассветом в пустыне...

Шлюпка неслась над Землей. В тот момент, когда изогнутый горизонт наконец ушел за край иллюминатора, двигатель отключился. Чэн Синь показалось, будто сжимавшие ее безжалостные руки ослабли — перегрузка исчезла. Шлюпка летела к Солнцу по инерции. Его сияние затмевало все другие звезды. Прозрачная стенка автоматически потемнела, и солнечный свет перестал резать глаза. Чэн Синь вручную затемнила иллюминатор так, что диск Солнца стал походить на полную луну. Девушка парила в невесомости, купаясь в мягком сиянии луноподобного Солнца. Лететь предстояло еще шесть часов.

* * *

Пять часов спустя шлюпка начала разворачиваться двигателем вперед. Солнце уплыло в сторону, и перед глазами Чэн Синь заблестела бесконечная полоса Млечного Пути. Когда шлюпка развернулась, голубая планета снова заняла место в центре иллюминатора. Теперь она была не больше Луны, какой ее видят с Земли, и уже не поражала своим величием, как несколько часов назад. Она выглядела хрупкой и беззащитной, словно младенец, который вот-вот покинет уютное лоно и окажется один на один с холодом и тьмой космоса.

Вернувшаяся при включении двигателя перегрузка опять стиснула Чэн Синь в своих объятиях. Торможение длилось около получаса, а затем двигатель короткими импульсами начал тонкую корректировку позиции. Наконец перегрузка исчезла, и стало тихо.

Это и была точка Лагранжа. Шлюпка превратилась в спутник Солнца и обращалась вокруг него синхронно с Землей.

Чэн Синь взглянула на хронометр. Полет рассчитали очень точно — до встречи оставалось еще десять минут. Ее окружала пустота космоса.

Чэн Синь сосредоточилась, стараясь сделать таким же пустым и свое сознание. Она готовилась к трудной задаче. Единственное, в чем она после свидания сможет унести информацию — это ее мозг. Надо превратить его в лишенное эмоций записывающее устройство, способное зафиксировать все, что ей доведется увидеть и услышать в течение следующих двух часов.

Она представила себе уголок космоса, в котором находилась сейчас. В этом месте сила тяготения Солнца равна силе притяжения Земли, и потому ей казалось, что здесь более пусто, чем где бы то ни было еще. Чэн Синь висела в центре этого абсолютного ничего — одинокая, независимая сущность, оторванная от всего мира... Так она постепенно расплетала сложный узел своих эмоций и изгоняла их из себя, пока не достигла желаемого: незамутненного, трансцендентного состояния.

В нескольких метрах перед шлюпкой начал разворачиваться софон. Сфера примерно три-четыре метра диаметром заняла собой почти весь обзор, закрыв Землю. Поверхность ее была идеальным зеркалом, в котором Чэн Синь ясно видела свое суденышко и себя саму. Интересно, таился ли софон в шлюпке или прибыл только что?

Отражение на поверхности софона начало исчезать по мере того, как он становился полупрозрачным, словно ледяной шар. Временами Чэн Синь мерещилось, будто в пространстве образуется дыра. Затем из глубины сферы всплыли «снежинки» и замельтешили по поверхности. Чэн Синь сообразила, что это что-то вроде белого шума, «снега», который можно было видеть на экранах старых телевизоров в отсутствие сигнала.

«Снегопад» длился около трех минут и наконец сменился картинкой, пришедшей с расстояния в несколько световых лет. Она была кристально чистой, без малейших искажений или помех.

По пути сюда Чэн Синь строила бесконечные догадки насчет того, с чем же ей предстоит встретиться. Может, это будет только голос и текст, а может, мозг, плавающий в питательном растворе... Или все же доведется увидеть Юнь Тяньмина целиком, в новом теле? И хотя последнее было маловероятно, она все равно попыталась вообразить обстановку, в которой живет ее давний сокурсник. Да, ей много чего приходило в голову, но того, что возникло сейчас перед ее глазами, Чэн Синь точно не ожидала.

Поле золотой пшеницы, нежащейся в солнеч-

ных лучах.

Участок занимал около четырех соток. Пшеница, похоже, чувствовала себя неплохо. Как раз время собирать урожай. Правда, почва производила жутковатое впечатление: совершенно черная, с крупинками, сверкающими на солнце, словно бесчисленные звездочки. В полоску земли, обрамляющую поле, была воткнута самая что ни на есть прозаическая лопата. Кажется, даже с деревянной ручкой. На лопате висела соломенная шляпа, на вид старая и изрядно поношенная, с торчащими стебельками. За хлебным полем виднелось другое, зеленое — наверное, какие-то овощи. Подул ветерок, и по пшенице заходили волны.

А сверху над этой идиллией нависало чужое небо. Вернее, купол, образованный беспорядочным хитросплетением тысяч свинцово-серых труб, тонких и толстых. Две или три трубы пылали ярчайшим красным светом, словно нити накаливания в старинной лампочке. По всей вероятности, это устройство служило источником света и энергии для растений. Трубки светились совсем недолго и меркли, уступая место другим, в иной части купола. В каждый момент времени горели две или три такие «лампы». Свет постоянно

перемещался, и так же перебегали тени по полю — как будто солнце то пряталось за облаками, то выныривало из-за них.

Чэн Синь поразила эта путаница труб. Она не была результатом небрежности; наоборот, для создания такого хаоса требовалось немало размышлений и труда. Создатели купола, очевидно, считали недопустимым даже малейший намек на упорядоченный узор. Надо полагать, их эстетические принципы разительно отличались от человеческих: порядок был инопланетянам отвратителен, а его отсутствие — прекрасно. Перемежающиеся вспышки придавали странной картине живость. Чэн Синь задумалась: может, это и в самом деле такая художественная задумка, чтобы создать впечатление солнца, проглядывающего сквозь бегущие облака? Но уже в следующее мгновение ей почудилось, будто «небо» — это гигантская модель человеческого мозга, а мерцающие трубки — импульсы в нейронных цепях...

Однако по здравому размышлению она отвергла эти фантазии. Скорее всего, купол — это тепловой рассеиватель, а лежащие под ним поля просто пользуются дармовой энергией. Судя только по внешнему виду и не понимая прин-

ципов работы системы, Чэн Синь интуитивно чувствовала, что в устройстве заключен некий инженерный идеал, непостижимый человеческим разумом. Она была озадачена и очарована.

По пшеничному полю к ней шел человек. *Тяньмин*.

На нем была куртка из какого-то блестящего серебристого материала, на вид такая же старая, как и шляпа. Ног Тяньмина, утопающих в пшенице, Чэн Синь не видела, но наверняка брюки были из той же ткани. Она вгляделась в его лицо. На вид он был так же молод, как и при их расставании триста лет назад, но выглядел гораздо здоровее: тело подтянутое, лицо загорелое. Тяньмин не смотрел на Чэн Синь. Сорвав колос, он растер его в пальцах, сдул шелуху и бросил несколько зерен в рот. Он вышел из пшеницы, все еще жуя. И как раз в момент, когда Чэн Синь засомневалась, а знает ли Тяньмин, что она здесь, тот поднял голову, улыбнулся и помахал ей рукой.

— Здравствуй, Чэн Синь! — сказал он. В глазах его светилась неподдельная радость — радость, с какой работающий в поле деревенский юноша приветствует девушку-односельчанку, вернувшуюся из города. И не имело значения, что прошло три века, как не имело значения, что

встретившихся разделяло несколько световых лет. Они были вместе всегда. Такого Чэн Синь даже вообразить себе не могла. Взгляд Тяньмина ласкал ее, словно пара нежных ладоней. Напряжение, владевшее ею, чуть отпустило.

Над иллюминатором зажегся зеленый огонек.

— Привет! — откликнулась Чэн Синь. Волна чувств, набиравшая силу триста лет, вдруг поднялась из глубины ее души, словно магма в вулкане перед извержением. Но Чэн Синь решительно преградила эмоциям все пути наружу и мысленно приказала себе: «Запоминай, впитывай, ничего не пропусти!»

— Ты видишь меня? — спросила она.

— Да, — с улыбкой кивнул Тяньмин и бросил в рот еще одно зернышко.

— Что ты делаешь?

Тяньмина, похоже, вопрос озадачил. Он обвел рукой поле:

— Занимаюсь сельским хозяйством.

— Для себя?

— Конечно. Иначе что я буду есть?

Чэн Синь помнила Тяньмина другим. Во время проекта «Лестница» это был истощенный, слабый, смертельно больной человек; до проекта — одинокий, замкнутый студент. Но хотя

Тяньмин прошлого запечатал свое сердце для окружающего мира, его жизненная история не составляла тайны; достаточно было лишь взглянуть на него, и в общих чертах все становилось ясно. Тяньмин настоящего демонстрировал миру только свою зрелость. Сейчас никто не смог бы прочесть его историю — а она у него была, вернее, их было много, и неожиданных поворотов сюжета, странных событий и незабываемых картин в них хватило бы на десять «Одиссей». Триста лет злоключений: сначала одинокий полет в безбрежном космосе, затем не поддающаяся воображению жизнь среди инопланетян, бесчисленные испытания для духа и тела — ничто из этого не оставило следа на его внешности. Все, что открывалось постороннему глазу, — это зрелость, налитая солнцем зрелость. Он сам был как золотая пшеница, колосящаяся за его спиной.

Из всех передряг Тяньмин вышел победителем.

— Спасибо за семена, что ты послала вместе со мной, — сказал он с подкупающей искренностью. — Я посадил их все. Они всходят поколение за поколением, и все идет как надо. Вот только с огурцами не получилось, но огурцы вообще трудная штука.

Чэн Синь тщательно обдумывала слова Тяньмина. «Откуда он знает, что это я послала с ним семена? Или *они* ему сказали? Или...»

— Я думала, что ты будешь выращивать их на аэро- или гидропонике. И в голову не могло прийти, что на космическом корабле найдется почва.

Тяньмин наклонился, набрал в горсть черной земли и просеял ее между пальцами. Падая, земля поблескивала.

— Выработана из метеорных тел. Такая почва...

Зеленый огонек погас, и загорелся желтый.

Должно быть, Тяньмин тоже видел предупреждение. Он замолчал, улыбнулся и поднял ладонь. Мимика и жест явно предназначались невидимым слушателям. Желтый выключился, снова загорелся зеленый.

— И как долго это продолжается? — спросила Чэн Синь. Она намеренно задала такой многозначный вопрос. Его можно было истолковать как угодно: долго ли он занимается выращиванием собственной пищи, или как давно его мозг пересадили в клонированное тело, или как давно был перехвачен зонд проекта «Лестница» — да мало ли что еще... Чэн Синь хотелось дать Тяньмину больше простора для передачи информации.

— Долго.

Ответ Тяньмина был не менее многозначен, чем вопрос. На вид ее собеседник сохранял спокойствие, но, похоже, желтый огонек сильно напугал его. Он не хотел, чтобы Чэн Синь пострадала.

— Поначалу я совсем ничего не соображал в земледелии, — продолжил Тяньмин. — Хотел научиться, наблюдая за другими. Но, как ты знаешь, настоящих фермеров больше нет. Вот мне и пришлось до всего доходить самому. Учился я медленно. Хорошо, что ем мало!

Итак, одна догадка подтвердилась. Истинный смысл его слов был таким: если бы на Земле оставались настоящие фермеры, он смог бы понаблюдать за ними. Иными словами, он имел доступ к информации, собираемой на Земле софонами! Значит, Тяньмин и правда занимал в обществе трисоляриан не последнее место.

— Пшеница выглядит прекрасно. Время собирать урожай?

— Да. Хороший выдался год!

— Хороший год?

— Ну да. Когда двигатели работают на полную мощность, у меня хороший год, а когда...

Включился желтый.

Подтвердилась еще одна догадка. Путаница

труб на потолке и в самом деле служила охладительной системой для двигателей, работающих на антивеществе.

— Ладно, поговорим о чем-нибудь другом, — улыбнулась Чэн Синь. — Хочешь расскажу, что случилось со мной за эти годы? После твоего отбытия...

— Я все знаю. Я всегда был с тобой.

Тяньмин проговорил это твердым и спокойным голосом, но у Чэн Синь ёкнуло сердце. Да, он всегда был с ней, наблюдал за ее жизнью через софоны. Наверное, он видел, как она стала Держателем Меча, как в последние минуты Эры Устрашения отшвырнула в сторону «красную кнопку», как потеряла зрение после всего пережитого в Австралии и как наконец вынула из пузырька маленькую капсулу... Он прошел через эти испытания вместе с ней. Следя за ее мучениями с расстояния в несколько световых лет, он, должно быть, страдал еще больше, чем она. Знай Чэн Синь раньше, что за ее жизнью наблюдает любящий взгляд, ей было бы легче. Но она думала, что Тяньмин навечно потерян в безбрежном космосе. Более того, она не верила, что он еще существует.

— Если бы я только знала... — прошептала де-

вушка, словно обращаясь к самой себе.

— Откуда же тебе было знать, — покачал головой собеседник.

Прилив эмоций, которые Чэн Синь загнала было в глубь души, поднялся вновь. Она едва сдерживалась, чтобы не расплакаться.

— Тогда... А как насчет тебя? Что пережил *ты*? Можешь рассказать мне хоть что-нибудь? — Чэн Синь пошла в открытую. Что еще ей оставалось?

— М-м, дай-ка подумаю... — протянул Тяньмин.

Зажегся желтый огонек, а ведь он даже еще ничего не сказал. Серьезное предупреждение.

Тяньмин решительно помотал головой.

— Не могу я ничего тебе рассказать! Совсем ничего.

Чэн Синь молчала. Все, что могла, она сделала. Оставалось лишь ждать, что предпримет Тяньмин.

— Нет, мы не должны об этом разговаривать, — произнес он и вздохнул. А затем, одними глазами, добавил: *ради тебя*.

Да, слишком опасно. Желтый огонек загорался уже три раза.

Чэн Синь тоже вздохнула в душе. Тяньмин сдался. Миссия останется невыполненной. Но иного выбора не было. Она понимала это.

Они махнули рукой на главную задачу. И тогда объявшее Тяньмина и Чэн Синь пространство, все эти протянувшиеся между ними световые годы стали их тайным миром. И правда, эти двое не нуждались в языке, они говорили друг другу все одними глазами. Сейчас, когда мысли не отвлекались на выполнение задания, Чэн Синь могла читать во взгляде собеседника еще лучше, чем прежде. Она вспомнила колледж — тогда Тяньмин часто смотрел на нее так. Он старался делать это незаметно, но девичьи инстинкты подсказывали ей, что на нее смотрят. Теперь его взгляд лучился зрелостью, и эти лучи пересекали световые годы, чтобы согреть Чэн Синь теплом и счастьем.

Ей хотелось, чтобы молчание длилось вечно, но Тяньмин заговорил снова:

— Чэн Синь, помнишь, как мы проводили время вместе, когда были детьми?

Она помотала головой. Что за неожиданный и непонятный вопрос! «Когда мы были детьми»?! Однако она успешно скрыла свое удивление.

— Помнишь, как мы вечерами звонили друг другу и болтали перед сном? Сочиняли всякие истории... У тебя всегда получалось лучше, чем у меня. Сколько мы их напридумали? Штук сто?

— Да, думаю, не меньше.

Чэн Синь не умела врать, но сейчас удивлялась, как хорошо ей удается лицедейство.

— Ты помнишь хоть какие-нибудь из них?

— Не много. Детство кажется теперь таким далеким...

— А мне нет. Все эти годы я рассказывал здесь сказки — твои и мои, много-много сказок.

— Себе самому?

— Нет, не себе. Когда я оказался здесь, то ощутил необходимость что-то дать трисолярианам. Но что? Думал-думал и решил, что хорошо бы принести в этот мир детство. Вот и начал рассказывать им наши истории. Здешняя ребятня обожает их. Я даже издал сборник «Сказки Земли», страшно популярный. Мы оба с тобой авторы этой книги, я ничего не присвоил. Истории, которые сочинила ты, подписаны твоим именем. Так что ты теперь здесь знаменитость.

Согласно весьма ограниченным знаниям людей о трисолярианах, при половом акте тела двух партнеров сливались в одно, а затем это общее тело разделялось на три-пять новых. Это и были потомки первой пары — «ребятня», как называл их Тяньмин. Новые индивиды наследовали часть родительской памяти и «рождались» уже

относительно взрослыми личностями. В этом и заключалось их отличие от земных детей. У трисоляриан, по сути, не было детства. И земные, и трисолярианские ученые считали, что этими биологическими особенностями обусловливались коренные культурные и общественные различия между двумя цивилизациями.

Чэн Синь опять испугалась. Она поняла, что Тяньмин не сдался, что наступил решающий момент. Надо что-то сделать, проявив при этом предельную осторожность.

Она с улыбкой сказала:

— Раз ни о чем другом говорить не разрешается, то, может быть, нам можно вспомнить эти истории? Они же наши личные, больше никого не касаются.

— Какие именно — мои или твои?

Чэн Синь не колебалась ни секунды. Она дивилась, как быстро ей удалось раскусить намек Тяньмина.

— А перескажи-ка мои! Верни меня в детство.

— Хорошо. Давай не будем разговаривать ни о чем другом. Только сказки. Твои сказки.

Тяньмин развел руками и поднял глаза вверх, очевидно, обращаясь к тем, кто следил за их свиданием. Смысл его жестов и слов был понятен:

«Вы ведь не возражаете, правда? Тема-то совершенно невинная!» После чего сказал Чэн Синь:

— У нас около часу. Какую же сказку тебе напомнить? Хм... Может, «Новый художник короля»?

И он принялся рассказывать. Голос его звучал мягко и проникновенно, как у сказителя, нараспев читающего древнюю поэму. Чэн Синь изо всех сил старалась запомнить каждое слово, но постепенно волшебная история увлекла ее. Время текло, Тяньмин говорил и говорил... Он рассказал три сказки, связанные общим сюжетом: «Новый художник короля», «Море обжор» и «Принц Глубокая Вода». Когда последняя история подошла к концу, софон включил обратный отсчет времени. У них оставалась всего одна минута.

Пришла пора расставаться.

Чэн Синь очнулась от чудесного забытья, в которое погрузили ее волшебные сказки. Что-то поразило ее в самое сердце, и оно едва не разрывалось от боли.

— Вселенная велика, но жизнь еще больше, — проговорила она. — Мы встретимся снова.

Только произнеся это, она сообразила, что почти в точности повторила прощальные слова Томоко.

— Тогда давай условимся о месте встречи — где-

нибудь не на Земле, где-нибудь в Млечном Пути.

Чэн Синь даже думать не надо было.

— Как насчет звезды, которую ты мне подарил? Нашей звезды?

— Хорошо. У нашей звезды!

Они смотрели друг на друга сквозь световые годы, и тут отсчет дошел до нуля. Картинка пропала, превратилась в «снег». А затем поверхность развернувшегося софона снова стала зеркальной.

Зеленый огонек погас. Не светился ни один из трех индикаторов. Чэн Синь осознавала, что стоит на пороге смерти. Где-то в нескольких световых годах отсюда на корабле Первого Трисолярианского флота запись их с Тяньмином беседы подвергалась тщательному анализу. Красный свет смерти мог зажечься в любое мгновение, минуя желтый сигнал.

В выпуклой поверхности развернутого софона отражались Чэн Синь и ее маленький кораблик. Обращенная к софону прозрачная полусфера шлюпки походила на крышечку изысканного медальона, под которой лежала картинка — портрет Чэн Синь. В своем белоснежном легком скафандре девушка казалась чистой, юной и прекрасной. Ее поразили собственные глаза: ясные, умиротворенные, как будто внутри нее

не бушевала буря чувств. Чэн Синь вообразила этот прелестный медальон на груди Тяньмина, у самого сердца, и на душе у нее посветлело.

Прошло некоторое время, и софон исчез. Красный сигнал так и не зажегся. Космос за прозрачной стеной выглядел теперь как раньше: далекая голубая Земля перед шлюпкой, Солнце позади нее. Безмолвные свидетели всего происшедшего.

Снова навалилась перегрузка: заработал двигатель. Чэн Синь возвращалась домой.

Она сделала корпус шлюпки непрозрачным, на несколько часов запечатав себя в кокон, и превратилась в живое воспроизводящее устройство. Снова и снова повторяла она истории Тяньмина в мельчайших подробностях. Перегрузки закончились, шлюпка какое-то время двигалась по инерции, потом развернулась, начала тормозить. Чэн Синь ничего этого не заметила.

Наконец после серии толчков шлюпка замерла, люк открылся, и внутренность суденышка залил свет ламп ангара.

Здесь Чэн Синь поджидали двое служащих СОП, сопровождавших ее на космическую станцию. С непроницаемыми лицами поприветствовав путешественницу, они проводили ее через весь ангар к наглухо закрытой двери.

— Доктор Чэн, вам нужно отдохнуть. Не мучайте себя воспоминаниями. Мы и не надеялись, что вам удастся разузнать что-нибудь полезное, — сказал служащий СОП и жестом пригласил свою спутницу войти в только что открывшуюся дверь.

Чэн Синь полагала, что ее ведут к выходу из ангара, но нет. Она оказалась в тесной комнатке со стенами из какого-то темного металла. Закрывшаяся дверь полностью слилась со стеной. Каморка явно предназначалась не для отдыха. Обстановка скудная: маленький письменный стол и стул; на столе микрофон. В эту эпоху микрофоны стали редкостью, ими пользовались только для высококачественной записи. В комнате стоял неприятный, едкий запах. У Чэн Синь зудела кожа — помещение было насыщено статическим электричеством.

В каморку набилась масса народу — заявились все участники специальной группы. Как только двое сопровождающих вошли в комнату, выражение их лиц сразу сменилось с бесстрастного на озабоченное, как и у остальных собравшихся.

— Здесь «слепая зона» — софоны не могут ни видеть нас, ни слышать, — пояснил кто-то Чэн Синь. Вот оно что! Оказывается, люди научились

прятаться от вездесущих шпионов, пусть и в таком крайне ограниченном пространстве, как эта камера.

К Чэн Синь обратился командующий флотом:

— Будьте добры, перескажите всю беседу. Не упускайте ни единой подробности, диктуйте все, что запомнили. Каждое слово может оказаться бесценным.

Затем участники специальной группы один за другим вышли из помещения. Инженер, уходя последним, объяснил Чэн Синь, что стены камеры под высоким напряжением, поэтому касаться их нельзя.

Оставшись одна, Чэн Синь села за стол и начала наговаривать в микрофон все, что смогла запомнить. Через час и десять минут она закончила рассказ. Попила воды и молока, сделала маленький перерыв и принялась записывать во второй раз. Потом в третий. Перед четвертым разом она получила команду рассказать обо всех событиях в обратном порядке — от последнего к первому. Пятая запись прошла под руководством группы психологов. С помощью какого-то наркотика они погрузили Чэн Синь в полугипнотическое состояние, так что она даже не соображала, что говорит. Шесть часов пролетели незаметно.

Как только закончилась последняя запись, комнату опять наводнили участники специальной команды. Они обнимали Чэн Синь, со слезами на глазах пожимали ей руку, говорили, что она совершила подвиг. Но Чэн Синь оставалась безучастной, как настоящее записывающее устройство.

И лишь когда она вернулась в удобную кабину космического лифта, бездушный механизм в ее мозгу выключился. Чэн Синь опять стала человеком. Страшная усталость навалилась на нее, чувства вырвались на свободу, и она, глядя на приближающийся голубой шар Земли, разрыдалась. Только один голос эхом отдавался в ее голове:

«У нашей звезды. У нашей звезды...»

* * *

А в этот самый момент тридцатью тысячами километров ниже, на поверхности Земли, над домиком Томоко взвилось пламя. Робот, ее аватар, сгорел вместе с жилищем. Перед этим Томоко сообщила миру, что все софоны будут отозваны из Солнечной системы.

Ей поверили лишь наполовину. Скорее всего, робота действительно уберут, а вот пару-тройку

софонов на Земле и в Солнечной системе, пожалуй, оставят. Но могло статься, что Томоко говорила правду. Софоны — ценный ресурс. Трисолярианская цивилизация существовала теперь только на космических кораблях, возможность построить новые софоны им наверняка представится еще очень-очень нескоро. Да и какой теперь смысл шпионить за Землей и Солнечной системой? Если флот трисоляриан войдет в мертвые сектора пространства, он потеряет соглядатаев, оставшихся в Солнечной системе, навсегда.

В последнем случае трисоляриане и человечество полностью утратят всякую связь между собой и снова станут чужаками во Вселенной. Трехсотлетняя история войны и ненависти превратится в нечто эфемерное, как будто ничего и не было. Даже если им еще предназначено судьбой встретиться, как предсказывала Томоко, это может случиться лишь в очень отдаленном будущем. А ни тот, ни другой мир не знал, есть ли у него будущее.

Эра Космической Передачи, год 7-й. Сказки Юнь Тяньмина

Первое собрание Комитета расшифровки информации (КРИ) тоже провели в защищенной от софонов камере. Хотя большинство склонялось к мысли, что софонов больше нет и Солнечная система «чиста», меры предосторожности не отменяли. Если софоны еще здесь, то жизнь Юнь Тяньмина может оказаться в опасности.

Беседу Тяньмина с Чэн Синь обнародовали, однако решающую информацию, три волшебные сказки, держали в строжайшей тайне — совсем не легкая задача в современном прозрачном обществе. Но как ООН, так и Конгресс Флотов быстро достигли в этом вопросе консенсуса: если вынести на публику и сказки, поднимется шум, все начнут наперебой предлагать свои варианты истолкования, и тогда, возможно, Тяньмину несдобровать. А жизнь единственного на данный момент человека — члена инопланетного общества — имеет колоссальную ценность не только для него одного. Потеря Тяньмина может поставить под удар выживание всего человечества.

Расшифровка послания Тяньмина осуществлялась в полной тайне, что служило еще одним признаком укрепления авторитета и организационных возможностей ООН. Таким образом, был сделан очередной шаг к созданию мирового правительства.

Камера, превращенная в конференц-зал, была больше той, в которой Чэн Синь делала запись, хотя и просторной ее тоже нельзя было назвать. Силовое поле, необходимое для защиты от софонов, могло окружать только весьма ограниченный объем пространства.

Присутствовало тридцать человек. Помимо Чэн Синь здесь было еще двое представителей Общей Эры: инженер ускорительных установок Би Юньфэн и физик Цао Бинь — оба бывшие кандидаты на должность Держателя Меча.

На всех были специальные защитные костюмы — ведь металлические стенки камеры несли высокий электростатический заряд. Особенный упор делался на ношение перчаток — на случай, если кто-нибудь, желая вызвать инфоокно, по привычке постучит по стенке. Тем более что в камере инфоокон не было и быть не могло — в силовом поле не действовала никакая электроника. Чтобы энергия поля распределялась как

можно равномернее, из камеры удалили все лишнее, оставив только стулья. Даже стол, и тот убрали. Поскольку защитные костюмы попросту позаимствовали у электриков, совещание в металлической камере походило на летучку перед началом смены в старинном заводском цеху.

Никто не жаловался на скученность, недостаток удобств, неприятный запах или зудящую от электростатики кожу. После трехсот лет жизни под неусыпным оком софонов так приятно было вдруг почувствовать себя свободным, знать, что за тобой больше не подсматривают чужие, нечеловеческие глаза! Технология защиты от софонов начала развиваться сразу же после Великого переселения. По слухам, у тех, кто первым испытал софонозащитную камеру, возник так называемый «синдром ширмы»: они говорили без умолку, как пьяные, выбалтывая товарищам по команде все свои секреты. Один репортер так описал происходящее: «В этом маленьком раю люди без опаски открывали друг перед другом душу. Больше не надо было отгораживаться от других завесой тайны».

КРИ был создан совместными усилиями ООН и Конгресса Флотов специально для расшифровки послания Тяньмина. Комитету подчинялись

двадцать пять рабочих групп, составленных из экспертов в какой-либо одной области. Однако сейчас в камере собрались не эксперты и не ученые. Это были члены Комитета — руководители рабочих групп.

Первым делом председатель КРИ от имени Конгресса Флотов и ООН поблагодарил Юнь Тяньмина и Чэн Синь. Он назвал Тяньмина самым отважным воином за всю историю человечества. Одинокий, затерянный в глубине вражеского общества, сумевший выжить в невообразимых условиях чужого мира, Тяньмин продолжает бороться. Он зажег для людей факел надежды. Чэн Синь же благодаря своим уму и смекалке смогла доставить информацию на Землю.

Чэн Синь тихим голосом попросила слова. Она встала и обвела присутствующих взглядом.

— Нынешнее достижение стало возможным благодаря проекту «Лестница». А он, в свою очередь, нераздельно связан с одним человеком. Особенным человеком. Триста лет назад именно его настойчивость, решительный стиль руководства и выдающаяся изобретательность позволили проекту «Лестница» преодолеть многочисленные трудности и стать реальностью. Я говорю о Томасе Уэйде, тогдашнем руководителе

Агентства стратегической разведки при Совете Обороны Планеты. Считаю, что его тоже нужно поблагодарить.

Настала тишина. Никто не торопился поддержать предложение Чэн Синь. Для большинства собравшихся Уэйд олицетворял все темные стороны, присущие характеру людей Общей Эры. Он был полной противоположностью этой прекрасной женщине, которую в свое время чуть не убил. Многие содрогнулись от одной только мысли о нем.

Председатель — он же нынешний руководитель АСР, по сути, преемник Уэйда на этом посту, хоть их и разделяли три столетия, — ничего не ответил на предложение Чэн Синь. Он как ни в чем не бывало перешел к повестке дня:

— Комитет выработал основные принципы процесса расшифровки и установил рамки ожидаемого. Мы считаем, что послание, скорее всего, не содержит конкретной технической информации, но, по всей вероятности, подсказывает направление будущих исследований. Возможно, в нем содержатся указания на верную теоретическую основу пока еще неизвестных технологий, таких как полет со скоростью света и способ послать в космос мирную весть. Если нам удастся

выявить эти указания, у человечества появится надежда.

Итак, в нашем распоряжении два источника информации: беседа между доктором Чэн и Юнь Тяньмином и три сказки. По данным предварительного анализа, именно в последних содержатся все важнейшие сведения. Беседе мы не станем уделять особого внимания, я лишь подведу итог тому, чт`о нам удалось из нее извлечь.

Прежде всего можно утверждать следующее: чтобы осуществить свое послание, Юнь Тяньмину пришлось проделать огромную подготовительную работу. Он сочинил больше сотни сказок, в том числе и те три, что содержат тайную информацию. Он рассказывал и публиковал эти истории в течение долгого времени, чтобы трисоляриане ознакомились и привыкли к ним. Нелегкая работа! Если трисоляриане в процессе публикации сказок не обнаружили в них никаких подвохов, они, скорее всего, и дальше будут считать их невинными детскими историями. Несмотря на это, Тяньмин укутал свои сказки в дополнительный защитный покров.

Председатель обратился к Чэн Синь:

— Мне бы хотелось задать один вопрос. Вы действительно были друзьями детства, как сказал

Тяньмин?

Чэн Синь покачала головой.

— Нет. Мы встретились только в колледже. И он, и я жили в одном городе, но учились в разных школах.

— Вот ублюдок! Его вранье могло стоить Чэн Синь жизни! — взревела АА, сидящая рядом с подругой. Со всех сторон в нее полетели укоризненные взгляды. АА не входила в КРИ, ее допустили на совещание исключительно по просьбе Чэн Синь. АА когда-то была подающим надежды астрономом, но поскольку ее послужной список не отличался длиной, прочие комитетчики смотрели на нее сверху вниз. Они считали, что Чэн Синь лучше бы обзавестись более квалифицированным ассистентом. Даже сама Чэн Синь иногда забывала, что ее подруга была ученым-исследователем.

Служащий АСР ответил на выпад АА:

— Вообще-то риск был невелик. Их детство закончилось еще до Эры Кризиса, до того, как софоны наводнили Землю. Они не могли попасть под их наблюдение.

— Да, но софоны могли поднять документы Общей Эры!

— Сведения о детях в докризисную эпоху раз-

добыть не так-то просто. Даже если бы софоны умудрились проверить реестры домашних адресов или школьные журналы и выяснили, что они ходили в разные школы, то это ничего бы еще не доказывало. Чэн Синь и Юнь Тяньмин все равно могли знать друг друга. И вы не подумали еще об одной вещи. — Служащий АСР даже не пытался скрыть свое презрение к нехватке у АА профессионального опыта. — Тяньмин мог управлять софонами. Он наверняка проверил, сохранились ли какие-нибудь сведения о нем и Чэн Синь в детстве.

Потом опять заговорил председатель:

— Ему пришлось пойти на риск. Приписав эти три сказки Чэн Синь, он еще больше убедил неприятеля в том, что они совершенно безобидны. За тот час, пока он «пересказывал» их, желтый свет не загорелся ни разу. Мы обнаружили также, что к тому моменту, когда Тяньмин завершил рассказ, отведенное время уже вышло! Трисолярианe проявили понимание и продлили встречу на шесть минут. Это еще одно подтверждение тому, что они не усматривали в историях угрозы. Тяньмин сделал автором сказок Чэн Синь, чтобы дать понять: в них содержится информация, чрезвычайно важная для нас, землян.

Это, пожалуй, все, что нам удалось извлечь из самой беседы. Мы также убеждены в особой значимости последних слов Тяньмина.

Председатель привычно взмахнул рукой, пытаясь вызвать инфоокно. Обнаружив, что ничего не получилось, он в смущении продолжил:

— «Тогда давай условимся о месте встречи — где-нибудь не на Земле, где-нибудь в Млечном Пути». Этими словами он хотел сказать вот что: первое — он никогда не сможет вернуться в Солнечную систему; второе... — Председатель замолчал и опять махнул рукой, но на этот раз словно отгоняя какую-то мысль. — Ладно, неважно. Идем дальше.

Собравшиеся помрачнели. Каждому было понятно, чт`о чуть не сорвалось у председателя с языка: «Юнь Тяньмин не верит в то, что Земля уцелеет».

Каждому присутствующему выдали по голубой папке. В эту эпоху бумажные документы стали огромной редкостью. На обложках значились только порядковые номера, никаких заголовков.

— Прочитать это вы можете только здесь. Не выносите документы за пределы комнаты и не пытайтесь ни пересказать, ни записать то, что прочтете. Для большинства из вас это будет пер-

вое знакомство с материалом. Итак, приступим.

В помещении стало тихо. Все погрузились в чтение сказок, которые, возможно, спасут человеческую цивилизацию.

Первая сказка Юнь Тяньмина

«Новый художник короля»

Давным-давно была на свете страна, которую называли Бессказочным королевством.

В нем не существовало ни сказок, ни интересных историй. Для королевства это, пожалуй, было хорошо. Потому что истории и сказки повествуют о всяких бурных событиях, а раз нет событий, то и рассказывать не о чем. Народу в такой стране живется счастливо.

В Бессказочном королевстве жили-были мудрый король, добрая королева, умные и справедливые министры и честный, работящий простой люд. Жизнь в королевстве текла тихо и безоблачно, вчера походило на сегодня, а сегодня на завтра; прошлый год ничем не отличался от нынешнего, а нынешний — от следующего. Никаких потрясений. И никаких сказок и историй.

Пока не подросли принцы и принцесса.

У короля было двое сыновей: принц Глубокая Вода и принц Ледяной Песок, и одна дочь, принцесса Росинка.

Еще в детстве принц Глубокая Вода отправился

на Могильный остров, что посреди моря Обжор, и не вернулся. Что с ним случилось — о том речь позже.

Принц Ледяной Песок рос под надзором короля и королевы и доставлял им немало тревог. Он был находчив и сообразителен, но уже в самом раннем возрасте в нем проявилась склонность к жестокости. Он отправлял слуг ловить мелких зверьков за стенами дворца, а когда те возвращались с добычей, играл в повелителя животных. Со своими «подданными» Ледяной Песок обращался как с рабами. Стоило какому-нибудь зверьку сделать что-нибудь не то, и принц отдавал приказ обезглавить несчастного. Как правило, к концу игры у него не оставалось «подданных». Принц стоял в луже крови и заходился в хохоте...

Повзрослев, принц научился обуздывать себя. Замкнутый, с вечно хмурым взглядом, он разговаривал мало и редко. Но король знал, что волк лишь прячет зубы, что в сердце принца Ледяного Песка притаилась ядовитая змея, которая только и ждет подходящего момента, чтобы выползти и ужалить. В конце концов король решил передать престол не Ледяному Песку, а принцессе Росинке. Придет время, и Бессказочным королевством будет править королева.

Если количество доброты, передаваемой от родителей к детям, считать величиной постоянной, то принцесса Росинка унаследовала от короля с королевой также и ту часть, которая причиталась принцу Ледяному Песку. Принцесса была столь умна, добра и прекрасна, что ни в сказке сказать ни пером описать. Когда она гуляла днем, солнце меркло от стыда, потому что принцесса сияла ярче. Когда она выходила ночью, луна шире открывала свое око, чтобы лучше видеть ее. Когда она говорила, птицы умолкали и вслушивались в каждое ее слово. А когда принцесса ступала по земле, под ее ножками расцветали дивные цветы. Простые люди не могли нарадоваться на свою будущую королеву, а министры поклялись служить ей верой и правдой. Даже принц Ледяной Песок не осмелился возражать, хотя взгляд его стал еще более хмурым и холодным, чем обычно.

Так в Бессказочном королевстве началась первая история.

Король сделал официальное объявление о престолонаследнике в свой шестидесятый день рождения. В тот вечер праздновало все королевство: небо расцветало фейерверками — казалось, будто в нем вырос сверкающий сад; горящие повсюду огни превратили дворец в хрустальный

волшебный замок; везде звучали смех и веселые разговоры, вино лилось рекой...

Все были счастливы; даже сердце Ледяного Песка, похоже, оттаяло. Он нарушил свое обычное унылое молчание и почтительно поздравил отца, пожелав ему жить долго, как солнце, и озарять своими лучами все королевство. Он объявил также, что поддерживает отца в его решении передать престол принцессе Росинке, потому что она гораздо больше подходит на роль правителя, чем он, принц. Поздравил и сестренку, пожелав ей учиться у отца искусству управления страной, чтобы в будущем хорошо исполнять свои королевские обязанности. Его искренность и великодушие поразили всех присутствующих.

— Сын мой, как я счастлив видеть тебя таким! — воскликнул король и погладил принца по голове. — Ах если б мгновенье остановилось!

Тогда один из министров предложил запечатлеть эту сцену на большой картине, которую они повесят во дворце, чтобы она напоминала им о замечательном вечере.

Король покачал головой.

— Королевский художник очень стар. Мир в его глазах окутан туманом, а руки трясутся так, что он больше не в силах передать на полотне

радостное выражение наших лиц.

— Я как раз собирался кое-что предложить. — Принц Ледяной Песок глубоко поклонился. — Отец, позвольте мне представить вам нового живописца.

Принц повернулся и кивнул. Из толпы выступил юноша лет четырнадцати-пятнадцати. Закутанный в серый плащ с капюшоном, среди разряженных гостей он походил на перепуганного мышонка, невзначай выскочившего на середину зала во время пышного приема. Юноша приближался к королю съежившись, словно пробираясь сквозь невидимые колючие кусты, и от этого его тщедушное тело казалось еще меньше.

— Такой юный! — разочарованно протянул король. — Он хоть рисовать-то умеет?

Принц поклонился вновь.

— Отец, это Остроглаз из Хе'ершингенмосикена. Он лучший ученик великого мастера Эфира. Начал учение в пятилетнем возрасте, и сейчас, через десять лет, овладел всем, чему этот великий художник мог его обучить. Он чрезвычайно чувствителен к краскам и формам — они запечатлеваются в его душе, будто выжженные раскаленным железом. А потом он переносит кистью на полотно тончайшие детали увиденного.

Кроме самого мастера Эфира, таким искусством в мире больше не обладает никто. — Принц повернулся к Остроглазу. — Будучи придворным художником, ты не нарушишь этикета, если посмотришь на короля прямо.

Остроглаз окинул короля взглядом и опять опустил глаза.

Король был поражен.

— Дитя, твой взгляд пронзителен, как обнаженный клинок, и в нем пылает неукротимый огонь! Он совсем не вяжется с твоей юностью.

Остроглаз заговорил впервые за все время:

— Ваше величество, грозный властелин, простите вашему нижайшему слуге, если он оскорбил вас. Мои глаза — глаза живописца. Художник рисует сначала у себя в душе. В своем сердце я уже запечатлел ваш образ, и ваше величие, и вашу мудрость. Все это я перенесу на полотно.

— А теперь взгляни на королеву, — сказал принц.

Остроглаз окинул взглядом королеву и опустил глаза.

— Ваше величество, достойнейшая из королев, простите вашему нижайшему слуге, если он нарушил традицию. В своем сердце я уже запечатлел ваш образ, и ваше благородство, и ваше

изящество. Все это я перенесу на полотно.

— А теперь посмотри на принцессу, наследницу престола. Ее ты тоже должен нарисовать.

Остроглазу понадобилось еще меньше времени, чтобы окинуть взглядом принцессу. Едва взглянув на нее, он опустил голову и проговорил:

— Ваше королевское высочество, любимая народом принцесса, прошу простить мне незнание придворных обычаев. Ваша красота обожгла меня, словно полуденное солнце, и я впервые почувствовал, что моя кисть недостойна вас. Но в своем сердце я уже запечатлел ваш образ и вашу несравненную прелесть. Все это я перенесу на полотно.

Затем принц приказал Остроглазу посмотреть на министров. Тот так и сделал, едва задерживая взгляд на лице каждого. А затем опустил глаза.

— Ваши сиятельства, простите вашего покорного слугу, если он оскорбил вас. В своем сердце я уже запечатлел ваши образы, и ваши таланты, и остроту ваших умов. Все это я перенесу на полотно.

Празднование продолжалось, а принц Ледяной Песок отвел живописца в уголок и шепотом осведомился:

— Ты всех запомнил?

Лицо Остроглаза тонуло в глубокой тени его капюшона. Казалось, будто под ним вообще не было плоти, только бестелесная тьма. Не поднимая головы, юный художник произнес:

— Да, мой король.

— Ты все запомнил?

— Все, мой король. Вплоть до последнего волоска на их головах и телах. Я создам на полотне точнейшие копии, не отличимые от оригиналов.

* * *

Празднество закончилось далеко за полночь. Один за другим погасли огни. Настал самый темный, предрассветный час: луна уже зашла, и хмурый облачный занавес затянул все небо от запада до востока. Земля погрузилась в чернильный мрак. Подул холодный ветер, и птицы задрожали в гнездах, а цветы, испугавшись, закрыли венчики.

Из ворот, словно призраки, выехали два всадника и погнали лошадей на запад. Это были Остроглаз и принц Ледяной Песок. Они спешились около подземного убежища в нескольких милях от дворца. Подземелье, промозглое, сумрачное, словно нутро спящего холоднокровного чудища, казалось, тонуло в глубочайшем море

ночи. В свете факелов две темные фигуры — два сгустка мрака — отбрасывали длинные колеблющиеся тени. Остроглаз вынул из котомки свиток и развернул его. Это был портрет старика, изображенного в полный рост. Белые волосы и борода обрамляли его лицо, словно языки серебристого пламени. Пронзительный взор старика походил на взгляд Остроглаза, только в нем чувствовалась б`ольшая глубина. Портрет писал умелый художник. Человек на нем был совсем как живой, каждая деталь тщательно выписана.

— Мой король, это мастер Эфир, мой учитель. Вернее, он *был* моим учителем.

Принц кивнул.

— Превосходно. Ты разумно поступил, первым нарисовав его.

— Да. Я должен был сделать это, чтобы он не нарисовал меня! — Остроглаз аккуратно повесил портрет на сырую стену. — Вот так. А теперь я приступлю к работе над новыми картинами для вашего величества.

Остроглаз вытащил из угла свиток какого-то белого как снег материала.

— Мой король, это обрезок ствола волноснежного дерева, которое растет в Хе'ершингенмосикене. Когда дерево достигает столетнего возраста, его

ствол можно развернуть, как свиток бумаги. Это идеальный материал для живописи. Моя магия действует только при рисовании на волноснежной бумаге. — Он поместил свиток на каменный стол, развернул часть его и наложил сверху пресс — обсидиановую плиту. Затем взял острый нож и отрезал бумагу ровно по краю плиты. Девственно чистая белая поверхность, казалось, испускала сияние.

Художник достал из котомки и разложил принадлежности для живописи.

— Мой король, взгляните на эти кисти — они изготовлены из волос, растущих на ушах волков из Хе'ершингенмосикена. Краски тоже оттуда: красная сделана из крови гигантских летучих мышей; черная — из чернил кальмаров, живущих в морских глубинах; синяя и желтая извлечены из метеоритов... Все краски нужно смешать со слезами огромной птицы, называемой луночепрачником...

— Хватит болтать! — приказал принц. — Приступай!

— Да-да, конечно. Кого рисовать первым?

— Короля.

Остроглаз взял кисть. На первый взгляд, он работал небрежно — мазок там, линия сям...

Постепенно бумага покрылась разноцветными пятнами, но формы изображение еще не приобрело: казалось, будто бумага попала под красочный дождь и на нее непрерывно падают капли всех оттенков радуги. Через некоторое время картина заполнилась мешаниной тонов — как будто табун взбудораженных лошадей пронесся по цветочной клумбе. Кисть продолжала скользить по красочному лабиринту словно сама по себе, не направляемая рукой художника. Принц в недоумении наблюдал за происходящим. У него на языке вертелось множество вопросов, но танец красок на бумаге завораживал, и принц так ничего и не спросил.

И тут в один момент случилось чудо: рябь цветов внезапно застыла, беспорядочные пятна соединились, путаница красок наполнилась смыслом. Проступивший на картине образ обрел четкость.

Принц видел перед собой портрет отца. Король был одет как сегодня вечером на приеме: на голове золотая корона, плечи облегает величественная церемониальная мантия. Но из взгляда исчезли достоинство и мудрость, а лицо выражало смесь самых разных эмоций: тут были и растерянность, и разочарование, и потрясение, и

скорбь... За всем этим угадывался невыразимый словами ужас — как будто на короля напал с мечом его самый близкий друг.

— Портрет короля готов, — сообщил Остроглаз.

— Очень хорошо. — Принц одобрительно кивнул. Свет факелов играл в темных колодцах его зрачков, как будто там пылала сама душа Ледяного Песка.

* * *

А в нескольких милях отсюда, во дворце, из своей спальни исчез король. Покрывало на кровати, украшенной четырьмя столбиками в виде богов, продолжало хранить тепло его тела, а перина — прогибаться под его весом. Но от самого короля не осталось и следа.

* * *

Принц швырнул готовую картину на пол.

— Прикажу заключить это в рамку и повешу здесь на стену. Буду время от времени приходить и любоваться. А теперь рисуй королеву!

Остроглаз взял другой лист волноснежной бумаги, разгладил обсидиановой плитой и принялся писать портрет королевы. На этот раз

принц не стоял рядом, наблюдая за работой, а расхаживал по подземелью туда-сюда. В гулкой пустоте звучало эхо его шагов.

Художник закончил работу за половину времени, потраченного на портрет короля.

— Мой король, портрет королевы готов.

— Прекрасно.

* * *

А во дворце из своей спальни исчезла королева. Покрывало на кровати, украшенной четырьмя столбиками в виде ангелов, продолжало хранить тепло ее тела, а перина — прогибаться под ее весом. Но от самой королевы не осталось и следа.

Пес в дворцовом саду учуял неладное и несколько раз громко гавкнул. Но сгустившийся мрак мгновенно поглотил звуки, и пес испуганно замолк. Дрожа, он забрался в укромное местечко и слился с темнотой.

* * *

— А теперь принцессу? — осведомился Остроглаз.

— Нет, сначала министров — они опаснее. Конечно, рисуй только тех, кто верен моему отцу.

Помнишь их?

— О да, помню. Я могу написать все, вплоть до последнего волоска на их головах и телах...

— Опять завелся! Поторапливайся! Надо закончить до восхода солнца.

— Это нетрудно, мой король. До рассвета я успею написать и министров, и принцессу.

Остроглаз разровнял еще несколько листов и принялся рисовать как одержимый. И каждый раз, когда он заканчивал очередной портрет, этот человек исчезал из своей постели. Ночь утекала час за часом, и враги принца Ледяного Песка один за другим превращались в картины на стенах подземелья.

* * *

Принцессу Росинку разбудил громкий, настойчивый стук. Никто и никогда еще не осмеливался так грубо колотить в ее дверь! Она поднялась и направилась к двери, уже открытой тетушкой Дородой.

Тетушка Дорода была кормилицей, а затем и няней подрастающей Росинки. Принцесса была привязана к ней больше, чем к собственной матери-королеве. Тетушка Дорода грозно взирала на капитана дворцовой стражи, стоявшего на

пороге. От панциря капитана тянуло ночным холодом.

— Никак спятил?! Ты чего это будишь принцессу?! Она и так все последние ночи почти не спала!

Капитан, не обращая внимания на негодующую кормилицу, слегка поклонился принцессе Росинке.

— Принцесса, вас хочет видеть один человек. — Капитан шагнул в сторону. За его спиной стоял незнакомый старик.

Белые волосы и борода обрамляли его лицо, словно языки серебристого пламени. Взгляд старика отличался остротой и глубиной. Именно этот человек был изображен на портрете, который Остроглаз показывал принцу Ледяному Песку. Лицо и плащ его покрывала пыль, на сапогах засохла грязь, за спиной висела большая холщовая котомка. Очевидно, старик шел издалека.

Очень странно — в руке гость держал зонтик. Но еще более странно было то, *как* он его держал: зонтик непрерывно вращался. Присмотревшись внимательнее, принцесса поняла, в чем дело. И ручка, и полотнище зонтика были черными как смоль, а на концах спиц висели шарики, сде-

ланные из какого-то полупрозрачного тяжелого камня. Крепления, поддерживающие спицы, все до единого были отломаны, поэтому чтобы зонтик не сложился, его следовало постоянно крутить — тогда каменные шарики поднимались вверх и удерживали его раскрытым.

— Да как ты посмел притащить сюда какого-то бродягу? — возмутилась тетушка Дорода. — Еще и полоумного!

— Стража пыталась его остановить, но... — капитан бросил на принцессу встревоженный взгляд, — он сказал, что король уже исчез.

— Что ты несешь? — воскликнула кормилица. — Ну точно, сбрендил!

Принцесса молчала, вцепившись пальцами в ворот ночной сорочки.

— Но король и вправду исчез! И королева тоже. Мои люди доложили, что обе спальни пусты.

Принцесса вскрикнула и приникла к тетушке Дороде.

И тут заговорил старик:

— Ваше королевское высочество, позвольте мне объяснить!

— Пожалуйста, мастер, заходите, — проговорила принцесса, затем повернулась к капитану: — Никого сюда не пускайте!

Все так же вращая зонтик, старец поклонился принцессе, словно отдавая должное ее самообладанию в такой напряженный момент.

— Чего это ты вертишь своим зонтом, как какой-нибудь клоун? — осведомилась тетушка Дорода.

— Мне нужно держать его раскрытым, иначе я тоже исчезну, как король с королевой.

— Тогда заходите с зонтиком, — сказала принцесса. Тетушка Дорода раскрыла дверь чуть пошире, чтобы старик мог пройти, не закрывая зонтик.

Войдя в спальню, гость снял со спины котомку и устало вздохнул. Зонтик в его руке не останавливался ни на секунду, каменные шарики посверкивали в пламени свечей и отбрасывали на стены яркие отблески, похожие на летящие наперегонки звездочки.

— Я мастер Эфир, живописец из Хе'ершингенмосикена. Новый художник короля, Остроглаз, — мой ученик. То есть был моим учеником.

— Я знаю его, — заметила принцесса.

— Он смотрел на вас? — встревожился Эфир.

— Да, конечно.

— Это ужасно, принцесса! Ужасно! — Эфир вздохнул. — Он исчадие ада! С помощью свое-

го дьявольского искусства он делает из людей рисунки!

— Ну чего ты развздыхался-то? — проворчала тетушка Дорода. — У художников, кажется, работа такая — делать с людей рисунки. Скажешь нет?

— Вы не так поняли, — проговорил Эфир. — После того как он нарисует портрет, человек исчезает. Живой человек превращается в мертвый рисунок!

— Тогда надо послать солдат — пусть разделаются с ним!

Капитан сунул голову в комнату.

— Стража ищет повсюду — он как сквозь землю провалился! Я хотел найти военного министра и попросить его мобилизовать гарнизон столицы. Но мастер Эфир сказал, что и министра, скорее всего, тоже больше нет.

Эфир покачал головой.

— Сколько стражей ни посылай, толку не будет. Принц Ледяной Песок с Остроглазом наверняка убрались далеко от дворца. Остроглаз может рисовать где угодно и все равно убьет всех, кого захочет.

— Ты сказал, принц Ледяной Песок? — переспросила тетушка Дорода.

— Да. Остроглаз — его оружие. Принц хочет

уничтожить короля и всех, кто верен ему, чтобы самому стать королем.

Принцесса, кормилица и капитан, похоже, не удивились услышанному.

— Надо срочно что-то делать! Паршивец наверняка рисует принцессу прямо в это самое мгновение! — Тетушка Дорода обняла Росинку, словно пытаясь ее защитить.

Эфир продолжал:

— Только я могу остановить Остроглаза. Он уже нарисовал меня, но зонтик не дает мне исчезнуть. А если теперь *я* нарисую Остроглаза, его не станет.

— Ну так давай рисуй! — воскликнула кормилица. — А я покручу за тебя твой зонтик.

Эфир опять покачал головой.

— Нет. Волшебство действует, только если рисовать на волноснежной бумаге. У меня есть с собой немного, но ее надо разгладить, иначе она не годится для рисования.

Тетушка Дорода раскрыла котомку мастера и вытащила оттуда часть ствола волноснежного дерева. Кору с него уже удалили, обнажив скрывающийся под ней свиток бумаги. Принцесса с кормилицей развернули его, и всем показалось, что в комнате стало светлей. Они попытались

разгладить бумагу на полу, но как только они отпускали ее, свиток сворачивался обратно.

— Ничего не получится, — проговорил живописец. — Волноснежную бумагу можно разровнять только при помощи обсидиана из Хе'ершингенмосикена. Он очень редок. У меня была одна-единственная плита, но ее украл Остроглаз.

— Ты уверен, что больше ничем ее не выпрямить?

— Уверен. Только обсидианом из Хе'ершингенмосикена. Я надеялся отобрать у Остроглаза свою плиту...

— Хе'ершингенмосикен? Обсидиан? — Тетушка Дорода хлопнула себя по лбу. — У меня есть утюг — я им глажу самые красивые платья принцессы. Его сделали в Хе'ершингенмосикене, и он из обсидиана!

— Давайте его сюда!

Кормилица выскочила из комнаты и вскоре вернулась с начищенным до блеска черным утюгом. Они с принцессой опять раскатали часть свитка, и тетушка Дорода прижала уголок утюгом на несколько секунд. Когда она убрала утюг, уголок остался плоским.

— Будьте добры, подержите мой зонтик, пока я разглажу бумагу, — попросил Эфир тетушку

Дороду. Вручая ей зонтик, он прибавил: — Все время крутите его! Если он закроется хотя бы на миг, я исчезну.

Убедившись, что кормилица все делает как надо — вертит зонтик над его головой, — мастер склонился над бумагой и принялся разглаживать ее утюгом, один маленький участок за другим.

— А почему вы не приделаете к спицам распорки? — спросила принцесса, глядя на бесконечно крутящийся зонтик.

Художник отвечал, не прекращая своего занятия:

— У него были распорки. У этого зонтика необычная история. В прошлом и другие художники Хе'ершингенмосикена владели такой же магией, как у меня и Остроглаза. Помимо людей им удавалось запечатлевать животных и растения.

Однажды в нашу страну явился дракон из бездны. Черный как ночь, он одинаково хорошо умел и летать, и плавать в глубоком море. Трое художников нарисовали его, но он как ни в чем не бывало продолжал летать и плавать. Художники скинулись и на все деньги наняли воина-волшебника. Тот наконец одолел дракона огненным мечом. Битва была такой яростной, что

океан у берегов Хе'ершингенмосикена закипел. Почти все тело дракона из бездны сгорело дотла, но мне удалось найти среди пепла кое-какие уцелевшие части и смастерить этот зонтик. Купол изготовлен из перепонки драконьих крыльев, а ручка, стержень и спицы — из костей. Камни на концах спиц я извлек из сгоревших почек чудища. Зонтик защищает своего владельца, не дает сделать из него рисунок.

Позже распорки сломались. Я заменил их бамбуковыми, но магическая сила зонтика пропала. Стоило только убрать бамбук, как сила вернулась. Тогда я попробовал поддерживать раскрытый купол просто рукой. Из этого тоже ничего не вышло. По-видимому, зонтик не признает никаких посторонних материалов. Но больше у меня драконьих костей не было. Так что остался единственный способ...

И тут начали бить часы в углу. Мастер Эфир поднял голову и увидел, что вот-вот взойдет солнце. Посмотрел на бумагу — только полоска не шире ладони ровно лежала на полу. Слишком мало для портрета. Художник отставил утюг и вздохнул.

— Времени совсем не осталось. Да и сам портрет быстро не напишешь, а Остроглаз того и гляди закончит рисовать принцессу. Послушайте, —

Эфир указал на тетушку Дороду и капитана, — а вас он тоже видел?

— Меня-то точно нет! — сказала кормилица.

— Я видел его издалека, когда он вошел во дворец, — проговорил капитан. — Но уверен — *меня* он не видел.

— Хорошо. — Эфир выпрямился. — Проводите принцессу к морю Обжор и заберите с Могильного острова принца Глубокую Воду.

— Но... даже если мы достигнем моря Обжор, то никак не сможем попасть на Могильный остров! Вы же знаете, что это море...

— Сначала доберитесь до берега, а там что-нибудь придумаете. Другого способа нет. К утру все верные королю министры превратятся в рисунки, а принц Ледяной Песок встанет во главе столичного гарнизона и дворцовой стражи. Он захватит трон, и только принц Глубокая Вода сможет помешать ему.

— Если принц Глубокая Вода вернется во дворец, разве Остроглаз не нарисует и его тоже? — спросила принцесса.

— Об этом не беспокойтесь. У Остроглаза ничего не получится. Принц Глубокая Вода — единственный человек в королевстве, которого он не может нарисовать. К счастью, я научил Остроглаза жи-

вописи лишь в западном стиле, восточным он не владеет.

Принцесса и остальные не поняли, о чем толкует мастер, а тот не стал объяснять. Он продолжал:

— Вы должны привезти Глубокую Воду обратно во дворец и убить Остроглаза. После этого вам надо будет найти и сжечь портрет принцессы. Только так вы сможете уберечь ее от плачевной судьбы.

— А если мы найдем и портреты короля с королевой?..

— Ваше высочество, для них уже все кончено. Слишком поздно. Они превратились в картины. Если найдете их, то не жгите. Сохраните на память.

Скорбь охватила Росинку, и она, рыдая, опустилась на пол.

— Принцесса, сейчас не время горевать. Если хотите отомстить за родителей, вам лучше отправиться в путь. — Старый мастер повернулся к кормилице и капитану: — Помните, пока портрет принцессы не уничтожен, вы должны все время держать над ней раскрытый зонтик. Ни на секунду не оставляйте ее без защиты!

Он забрал зонтик из рук тетушки Дороды и

показал, как надо его вращать:

— Нельзя крутить ни слишком медленно, потому что он закроется, ни слишком быстро, потому что зонтик старый, может сломаться окончательно. Он в некотором смысле живой. Если будете крутить слишком медленно, он запоет по-птичьи. Вот послушайте...

Мастер стал замедлять вращение, пока камешки на концах спиц не начали опускаться, и тогда зонтик издал звук, похожий на соловьиную трель. Чем медленнее кружился зонтик, тем громче становились трели. Мастер ускорил вращение.

— Если будете крутить слишком быстро, он зазвенит, как колокольчик. Вот так...

Эфир завертел зонтик еще скорее, и тот стал издавать звук, похожий на перезвон воздушных колокольчиков, только громче и настойчивее.

— Ну вот, — сказал старый художник и отдал зонтик тетушке Дороде. — Теперь он ваш, охраняйте принцессу.

— Мастер Эфир, пойдемте с нами! — начала упрашивать принцесса, глядя на него глазами, полными слез.

— Нет. Зонтик может защитить только одного человека. Если им воспользуются двое, а

Остроглаз нарисует их, оба погибнут ужасной смертью: половина каждого человека превратится в рисунок, а другая половина так и останется под зонтиком... А теперь поднимите зонтик над принцессой и уходите! С каждой секундой промедления опасность возрастает. Остроглаз наверняка уже заканчивает портрет!

Кормилица продолжала крутить зонтик над головой старого мастера. Она бросала взгляд то на него, то на принцессу, не зная, на что решиться.

— Я обучил живописи это злобное отродье! Я заслуживаю смерти. Чего вы ждете? Хотите увидеть, как принцесса исчезнет прямо у вас на глазах?!

Тетушка Дорода содрогнулась. И стала вращать зонтик над принцессой.

Старый художник погладил бороду и улыбнулся.

— Не огорчайтесь. Я всю жизнь занимался живописью. Умереть, став картиной, не так уж плохо. Мой ученик — умелый художник. Портрет получится превосходным...

Пока он говорил, его тело становилось все прозрачнее и прозрачнее, а потом и вовсе растаяло, будто клочок тумана.

Принцесса Росинка несколько мгновений

смотрела на пустое пространство, в котором еще недавно был художник, а затем прошептала:

— Уходим! К морю Обжор!

Тетушка Дорода попросила капитана:

— Ты не мог бы подержать зонтик? Мне нужно собрать вещи в дорогу.

Капитан взял зонтик.

— Только поторопитесь! Везде рыщут люди принца. После наступления утра нам будет трудно ускользнуть отсюда незамеченными.

— Но не можем же мы отправиться без ничего! Принцесса никогда еще не выезжала из дворца. Надо найти для нее дорожный плащ, и всякую другую одежду, и воду, и... да, мыло из Хе'ершингенмосикена! Она же не заснет, если не помоется этим мылом... — продолжала ворчать кормилица, уходя.

Через полчаса в тусклом свете занимающегося дня легкая повозка выехала из боковых ворот дворца. Капитан правил, а принцесса Росинка и тетушка Дорода с кружащимся зонтиком в руке устроились на сиденье. Все были одеты как простолюдины. Повозка вскоре растаяла в предрассветной мгле.

А в далеком подземном убежище Остроглаз положил последний мазок на портрет принцессы

Росинки.

— Это самая прекрасная картина из всех, что я когда-либо написал! — сказал он принцу Ледяному Песку.

Вторая сказка Юнь Тяньмина

Море Обжор

Как только они оказались за стенами дворца, капитан хлестнул лошадей, и те понеслись во всю прыть. Беглецам было страшно. В каждой темной рощице, на каждом тонущем в тени лужке им мерещилась опасность. Когда небо посветлело еще больше, капитан остановил повозку у вершины холма — посмотреть, не преследуют ли их. Королевство расстилалось у подножия, а дорога, прямая, как стрела, разделяла мир на две половинки. В конце ее, на горизонте, возвышался дворец, издалека похожий на кучку забытых детских кубиков. За беглецами никто не гнался: наверное, принц Ледяной Песок считал, что принцессы больше нет, раз уж Остроглаз поработал над ней своей кистью.

Немного успокоившись, они продолжили путь. Небо светлело, и пейзаж вокруг вырисовывался четче, как если бы его писал неведомый художник: сначала появились неясные очертания и приглушенные краски, затем контуры стали более определенными, а цвета — живыми и

насыщенными. Восход солнца встретила уже завершенная картина.

Принцесса, всю жизнь прожившая во дворце, никогда не видела столь ярких тонов: зеленели леса и поля, сияли алые и желтые полевые цветы, серебро неба отражалось в озерах и прудах, белоснежные отары овец усеивали луга... Всходило солнце, и казалось, будто художник, создатель этого живописного мира, осыпал свою картину пригоршней золотой пыли.

— Как красиво! — вздохнула принцесса. — Словно мы и в самом деле на картине!

— Да уж, — проворчала тетушка Дорода, крутя зонтик. — Но на этой картине ты живая. А на той, другой — совсем наоборот.

Слова кормилицы напомнили принцессе об ушедших родителях, но она запретила себе плакать. Росинка больше не маленькая девочка — она теперь королева и должна вести себя по-королевски.

Они заговорили о принце Глубокой Воде.

— Почему его сослали на Могильный остров? — спросила принцесса.

— Говорят, что он чудовище, — сказал капитан.

— Никакое он не чудовище! — отрезала тетуш-

ка Дорода.

— Говорят, будто он великан.

— Да какой там великан! Я держала его на руках, когда он был младенцем. Уж кому и знать, как не мне!

— Вот приедем на берег — убедишься. Его многие видели — он великан!

— Даже если и великан, — возразила Росинка, — он все равно принц. Почему его сослали на остров?

— Никто его не ссылал. Мальцом он отправился туда на лодке рыбу ловить. И тут в море завелась рыба-обжора. Принц не смог возвратиться обратно. С тех пор так и живет на острове.

* * *

День разгорался, и на дороге появлялось все больше пешеходов и повозок. Поскольку нога принцессы редко ступала за пределы дворца, народ ее не узнавал; к тому же на ней была вуаль, оставляющая на виду только глаза. И даже при этом кто бы ни увидел Росинку, ахал от восхищения. Людям также очень нравился молодой красавец-кучер. А мамаша-то, мамаша — вот потеха! Что за странная манера держать зонтик?! День был ясный, поэтому все думали, что мать

прячет свою хорошенькую дочку от солнца.

Настал полдень. Капитан подстрелил из лука пару зайцев. Путники поели на полянке у дороги, в тени деревьев. Принцесса гладила ладонью мягкую траву, вдыхала аромат цветов, любовалась солнечными зайчиками и слушала пенье лесных птиц. Где-то вдали наигрывал на свирели пастушок. Новый мир удивлял и восхищал Росинку.

А тетушка Дорода вздохнула:

— Ох бедная моя принцесса, как же тебе несладко вдали от дворца!

— Мне кажется, здесь, на природе, гораздо приятнее, чем во дворце.

— Глупышка, скажешь тоже — приятнее, чем во дворце! Ты еще не знаешь, каково оно здесь. Сейчас-то ничего, весна, а вот в другое время... Зимой тут холод, летом жара. А еще бывают бури и грозы! И всякие паскудники шастают...

— Я ничего раньше не знала про окружающий мир. Во дворце меня учили музыке, живописи, поэзии, математике и двум языкам, на которых больше никто не говорит. И ни слова про мир за стенами дворца! Как же я буду управлять этой страной?!

— А министры на что?

— Так ведь все те министры, что могли бы по-

могать мне, стали картинами... Нет, кормилица, что ни говори, а здесь, снаружи, лучше.

* * *

Между дворцом и побережьем лежал день пути. Но маленькая компания избегала больших дорог и городов, поэтому прибыла к морю около полуночи.

Росинка никогда еще не видела такого огромного, усеянного звездами неба и впервые узнала, что такое истинный мрак и настоящая тишина ночи. Свет факела на повозке очерчивал лишь маленький кружок, а дальше все было словно затянуто черным бархатом. Стук лошадиных копыт казался таким громким, что удивительно, как звезды не сыпались с неба. Принцесса потянула капитана за рукав и попросила остановиться.

— Слушайте! Что это? Как будто дышит кто-то огромный!

— Это море, принцесса.

Они проехали немного дальше, и по сторонам дороги Росинка стала различать какие-то неясные тени, напоминающие... огромные бананы?

— Что это такое?

Капитан остановился, спрыгнул с повозки, взял факел и подошел к одной из непонятных

штуковин.

— Принцесса, вы разве не узнаете?

— Неужели лодки?

— Они самые.

— Но почему... почему они на земле?!

— Потому что в море рыба-обжора.

Факел осветил брошенную лодку. Песок засыпал ее до половины, а то, что оставалось на виду, скорее напоминало скелет неведомого животного.

— Взгляните! — Росинка указала вперед. — Какая огромная белая змея!

— Не пугайтесь, принцесса. Это не змея, это прибой. Мы на берегу.

Росинка с тетушкой Дородой, по-прежнему державшей зонтик над своей подопечной, слезли с повозки. Принцесса до сей поры видела море только на картинах, а на них оно изображалось синим под голубым небом. Сейчас же перед глазами Росинки предстал черный океан в темной ночи, исполненный величия и таинственного звездного света, словно еще одно небо, только текучее и колышущееся. Принцесса двинулась к воде, как будто ее тянула неведомая сила. Капитан с кормилицей поспешили остановить ее.

— В воду заходить опасно! — предостерег ка-

питан.

— Но тут же, кажется, совсем неглубоко. Я же не утону?

— Рыба-обжора разорвет тебя на части и сожрет! — застращала ее тетушка Дорода.

Капитан подобрал валявшуюся поблизости доску и, подойдя к воде, бросил ее в море. Деревяшка закачалась на волнах, но не прошло и нескольких мгновений, как на поверхности показалась черная тень и устремилась к доске. Определить размеры существа было трудно, ведь б`ольшая его часть скрывалась под водой, и лишь чешуя поблескивала в свете факела. Затем возникли еще три или четыре тени и тоже поплыли к доске. Чудища вцепились в деревяшку, каждое тянуло добычу к себе. Яростно бурлила вода, зубы с хрустом вгрызались в доску. Через несколько секунд все было кончено. И деревяшка, и тени исчезли.

— Эти твари запросто расправились бы даже с большим кораблем, — произнес капитан.

— А где Могильный остров? — поинтересовалась тетушка Дорода.

— Вон там. — Капитан указал на горизонт. — Но сейчас его не видно. Надо подождать, пока рассветет.

Они расположились на берегу. Кормилица

передала зонтик капитану и достала из повозки маленькую деревянную лохань.

— Дитятко, боюсь, не придется тебе сегодня искупаться. Но вот, хотя бы умойся.

Капитан отдал зонтик тетушке Дороде, взял лохань и пошел раздобыть пресной воды. Его фигура растворилась в ночи.

— Ну что за славный юноша! — сказала кормилица и зевнула.

Капитан вернулся с полной бадьей. Тетушка Дорода достала мыло и коснулась им воды. С легкими хлопками поверхность покрылась пышной пеной — немного даже выплеснулось через край.

Капитан недоуменно уставился на пену. Затем попросил кормилицу:

— Можно взглянуть на мыло?

Та бережно передала ему девственно-белый брусок.

— Держи крепко! Оно легче перышка. Упустишь — уплывет по воздуху, лови его потом...

Капитан взвесил мыло в руке — оно действительно ничего не весило, словно белая тень.

— Оно и вправду из Хе'ершингенмосикена! Поразительно — у нас еще есть это мыло...

— Думается, только два бруска и осталось во

всем дворце... нет, во всем королевстве. Я приберегла кусочек для принцессы много лет назад. Все вещи из Хе'ершингенмосикена — просто диво, но их становится все меньше и меньше. — Кормилица забрала мыло у капитана и спрятала.

Принцесса смотрела, как вскипает белая пена, и впервые за время бегства вспомнила свою жизнь во дворце. Каждый вечер она в своем изящном, богато украшенном купальном костюме опускалась в бассейн, покрытый такой же пеной. В свете многочисленных ламп пузыри иногда выглядели чисто-белыми, будто облачко, слетевшее с небес, а иногда играли разными красками, словно груда драгоценностей. Нежась среди воздушных пузырьков, она чувствовала, как ее тело становится мягким и легким, как будто само превращается в пену. Купальщице было так хорошо, что не хотелось шевелить ни рукой, ни ногой; и тогда служанки вынимали ее из бассейна, обтирали и уносили в постель. Чудесное ощущение не покидало принцессу до утра.

После того как Росинка умылась в бадейке с пеной, лицо ее стало гладким и упругим, зато тело оставалось все таким же утомленным и одеревенелым. Путники быстро поужинали, и принцесса прилегла на бережке — сначала на

одеяле, но потом оказалось, что спать прямо на песке гораздо удобнее. Песок еще сохранял дневное тепло, и Росинке казалось, будто она лежит на чьей-то огромной теплой ладони. Прислушиваясь к ритмичной колыбельной набегающих на берег волн, девушка уснула.

Через какое-то время принцессу разбудил звон колокольчика. Это звенел черный зонтик, кружащийся над ее головой. Тетушка Дорода уснула рядышком, поэтому зонтик сейчас крутил капитан. Факелы не горели, ночь окутывала все вокруг черным бархатом. Фигура юноши четко выделялась на фоне звездного неба, медные пуговицы на кафтане блестели в свете звезд, волосы развевались на ветру. Зонтик размеренно вращался в его руке. Как ни мал был купол зонтика, для принцессы он все же закрывал полнеба. Росинка не различала глаз капитана, но чувствовала, что они смотрят на нее — так же как и несчетные мерцающие звезды.

— Простите, принцесса, — прошептал капитан. — Я начал крутить слишком быстро.

— Который час?

— За полночь.

— А почему мы теперь дальше от моря?

— Отлив, принцесса. Утром вода вернется.

— Вы с кормилицей крутите зонтик по очереди?

— Да. Тетушка Дорода делала это целый день. Пускай спит, а я покручу подольше.

— Но ты правил повозкой целый день. Дай мне зонтик. Тебе тоже нужно отдохнуть.

Принцесса удивилась собственным словам. Насколько ей помнилось, она впервые в жизни подумала о нуждах другого человека.

— Что вы, принцесса! Ваши ручки такие нежные и мягкие, натрете себе мозоли. Нет уж, я сам.

— Как тебя зовут?

Подумать только, они путешествовали вместе целый день, а она только сейчас сподобилась поинтересоваться его именем! Раньше ей это показалось бы в порядке вещей, но сейчас принцесса почувствовала себя немного виноватой.

— Меня зовут Далекий Парус.

— Парус? — Принцесса посмотрела по сторонам. Компания расположилась у большой лодки, прикрывающей их от ветра. В отличие от других брошенных на берегу суденышек, у этого еще сохранялась мачта — торчала, словно меч, угрожающий небесам. — Кажется, парус — это такой кусок ткани, который свисает с длинной палки?

— Точно. Это называется мачта. Парус подни-

мают на мачту, чтобы ветер нес лодку.

— Да, я видела на картинках. Белые-белые паруса в синем море... Очень красиво!

— Только на картинках. В жизни паруса не такие белые.

— Кажется, ты родом из Хе'ершингенмосикена?

— Верно. Мой отец был зодчим. Мы всей семьей переехали сюда, когда я был еще маленьким.

— Тебе разве не хочется вернуться домой — я имею в виду в Хе'ершингенмосикен?

— Не хочется. Мы ведь уехали оттуда очень давно, я мало что помню. А если бы и помнил, толку-то? Я все равно никогда не смогу покинуть Бессказочное королевство.

Невдалеке волны разбивались о берег и шептали, будто вторя словам Далекого Паруса: «Никогда не смогу... никогда не смогу...»

— Расскажи мне о мире вокруг. Я же совсем ничего о нем не знаю! — попросила принцесса. — Хотя бы сказку какую-нибудь...

— Вам сказки ни к чему. Вы принцесса Бессказочного королевства, поэтому вполне естественно, что сказки вам незнакомы. Собственно говоря, так не только во дворце — простой народ тоже не рассказывает детям сказок. Мои родители

— другое дело. Они ведь родом из Хе'ершингенмосикена, и поэтому я услышал от них много интересного.

— Отец говорил, что когда-то очень давно в Бессказочном королевстве тоже ходили всякие истории...

— Это правда. Принцесса, знаете ли вы, что наша страна окружена морем? Дворец находится в самом центре. Так что куда ни пойди, в конце концов выйдешь на берег. Бессказочное королевство — большой остров.

— Конечно. Я это знаю.

— В прошлые времена море вокруг королевства не называлось морем Обжор. Тогда здесь еще не водились рыбы-обжоры, и корабли свободно рассекали волны. Каждый день огромное количество судов сновало между Хе'ершингенмосикеном и Бессказочным королевством — впрочем, тогда оно называлось Сказочным королевством, и жизнь здесь текла совсем по-другому...

— Вот как?

— Да, тогда было о чем порассказать — столько всего случалось нового и неожиданного! В королевстве было несколько больших кипучих городов, и дворец стоял не посреди лесов и полей, а в центре цветущей столицы. В городах не

переводились ценные вещи и удивительные инструменты из Хе'ершингенмосикена. В свою очередь, товары Бессказочного... простите, Сказочного королевства нескончаемым потоком плыли за море, в Хе'ершингенмосикен. Жизнь была непредсказуема и походила на бешеную скачку по горам: вот ты на вершине, а в следующее мгновение падаешь в пропасть. В ней было все: и возможности, и опасности. Бедняк за одну ночь мог стать богачом, а богач — все потерять в один миг. Просыпаясь, никто не знал, что случится в течение дня: с кем он встретится, с кем расстанется. Жизнь, удивительная и деятельная, била ключом.

Но однажды торговый корабль из Хе'ершингенмосикена привез в чугунных бочонках партию редких рыбок всего в палец длиной, черненьких таких, ничем не примечательных на вид. Купец устраивал представления на ярмарках. Он совал в бочонок меч, раздавались пронзительные скрежещущие звуки, а когда купец вытаскивал меч, тот походил на пилу. Это и были рыбы-обжоры. В Хе'ершингенмосикене они обитали в глубоких пещерах, в пресной воде темных подземных озер.

Рыбы-обжоры очень хорошо продавались по

всему королевству. Зубки у рыбок были маленькие, зато твердые, как алмаз, поэтому из них делали сверла. Из плавников, чрезвычайно острых, изготовляли наконечники для стрел или маленькие ножи. Потребность в рыбе росла, ее привозили все больше и больше. И однажды во время шторма корабль с этим грузом перевернулся невдалеке от побережья. Двадцать бочек с рыбой исчезли в морской пучине.

Рыбы отлично прижились в океане. Они вырастали во много раз крупнее своих пресноводных собратьев — длина их достигала человеческого роста. К тому же они быстро размножались. Их стало видимо-невидимо. Рыба начала пожирать все, что плавало по воде. Корабли и лодки, которые не успевали вовремя вытащить на берег, превращались в мелкие щепки. Окружая судно, чудища прогрызали в днище огромные дыры, но бедный корабль даже затонуть не успевал: рыба перемалывала его в ничто; он словно растворялся, как будто его и не было. Вскоре косяки рыб-обжор образовали непреодолимую преграду вокруг всего королевства.

Так рыбы-обжоры заключили Сказочное Королевство в осаду, и побережье превратилось в территорию смерти. Исчезли корабли и паруса;

путей в эту страну больше не существовало, всякие связи между ней и Хе'ершингенмосикеном и другими землями оборвались. Люди стали жить сельским хозяйством, пышные города пришли в упадок, превратились в деревушки и хутора. Жизнь пошла спокойная и однообразная: никаких тебе приключений, переворотов, взлетов и падений: сегодня похоже на вчера, завтра — на сегодня... Постепенно народ к этому привык и ничего другого и не желал. Воспоминаний о прошлом, как и экзотических товаров из Хе'ершингенмосикена, с каждым днем становилось все меньше. Люди старались забыть прошлое и не задумывались о настоящем. Они больше не хотели ни историй, ни сказок — зачем они теперь? Так Сказочное королевство стало Бессказочным.

Принцесса, затаив дыхание, слушала рассказ капитана. Когда он закончил, Росинка долго молчала, а потом спросила:

— И что, теперь рыбы-обжоры повсюду в океане?

— Нет. Они водятся только у побережья Бессказочного Королевства. Те, у кого хорошее зрение, иногда видят, как вдалеке на волнах качаются птицы, добывающие себе пропитание в море. Там нет обжор. Лишь необъятный, безграничный

океан...

— Значит, в мире есть и другие земли, не только Бессказочное королевство и Хе'ершингенмосикен?

— Принцесса, неужели вы серьезно считаете, что мир состоит только из этих двух стран?

— Так мне рассказывал дворцовый учитель, когда я была маленькой.

— Он наверняка и сам своей лжи не верил! Мир очень, очень велик. У океана нет края, и в нем неведомо сколько островов. Некоторые поменьше, чем наше королевство, другие побольше. Есть и целые континенты!

— Что такое континенты?

— Это суша, такая же большая, как море. Даже на быстром коне можно скакать месяцами, но так и не добраться от одного края до другого.

— Такая огромная?! — удивилась принцесса и вздохнула. А затем внезапно спросила: — Ты меня видишь?

— Вижу только ваши глаза. И звезды в них.

— Тогда ты должен видеть, чего я жажду больше всего. Я хочу переплыть море. Хочу добраться до самых отдаленных мест!

— Это невозможно. Мы никогда не сможем покинуть Бессказочное королевство, принцесса,

никогда, никогда!.. Если вы боитесь темноты, давайте зажжем факелы.

— Да, пожалуйста.

Далекий Парус зажег факелы. Росинка заметила, что капитан на что-то отвлекся.

— Что ты там рассматриваешь? — тихо спросила она.

— Принцесса, взгляните сами!

Далекий Парус указал на чахлый кустик травы на песке. В свете факелов на былинках подрагивали капельки.

— Их называют росинками, — пояснил капитан.

— О, как меня! Мы с ними похожи?

— Похожи, принцесса. Вы одинаково прекрасны, словно драгоценные камни.

— А днем, на солнце, они станут еще красивее!

Капитан глубоко вздохнул. Он сделал это совершенно бесшумно, принцесса скорее почувствовала его вздох, чем услышала.

— Что-то не так?

— На солнце роса исчезает.

Принцесса кивнула. Глаза ее опечалились.

— Тогда между нами еще большее сходство! Если этот зонтик закроется, я тоже исчезну, как роса под солнцем.

— Я не дам вам исчезнуть!

— Мы оба знаем, что нам не добраться до Могильного острова, а значит, мы не сможем забрать оттуда принца Глубокую Воду...

— Тогда я буду держать этот зонтик над вашей головой вечно!

Третья сказка Юнь Тяньмина

Принц Глубокая Вода

Когда Росинка проснулась в следующий раз, было уже светло. Море из черного превратилось в синее, и все же принцесса считала, что оно сильно отличается от того, что она видела на картинах. Покров ночи больше не скрывал безбрежности морского простора. Под утренним солнцем ничто не нарушало пустоты водной поверхности. Впрочем, как думалось принцессе, море было пусто не из-за рыб-обжор. Оно было пусто потому, что по нему не плыла она, Росинка. Это как с ее дворцовыми покоями: те тоже стояли пустыми в ожидании своей хозяйки. Желание, о котором девушка говорила капитану ночью, стало еще настойчивее. Принцесса вообразила белый парус посреди волн, а под ним — себя. Ветер уносил ее корабль вдаль...

Теперь зонтик крутила тетушка Дорода. Капитан позвал спутниц с кромки берега. Когда дамы подошли, он указал на океан:

— Смотрите, вон Могильный остров.

Однако внимание принцессы привлек не сам

остров, а великан, стоящий на нем. Несомненно, это был принц Глубокая Вода! Он возвышался словно одинокая гора: от солнца кожа его стала бронзовой; мышцы под ней выпирали, словно валуны; волосы, которые трепал ветер, были подобны кронам деревьев на макушке горы. Великан походил лицом на принца Ледяного Песка, но в его чертах не было мрачности и замкнутости; скорее взгляд и весь вид принца внушали зрителю ощущение, что он открыт, как море. Солнце взошло еще не полностью, но голова великана уже купалась в золотом свете, будто объятая огнем. Огромной ладонью он прикрыл глаза, как козырьком. На мгновение принцессе показалось, что их взгляды встретились, и она принялась кричать:

— Братец! Я Росинка, твоя младшая сестра! Я твоя малышка-сестренка, братец! Мы здесь!

Великан, похоже, не услышал ее. Взгляд его скользнул мимо путников и двинулся дальше. Затем он убрал от глаз руку, тряхнул головой и повернулся в другую сторону.

— Почему он не обращает на нас внимания? — спросила встревоженная принцесса.

— Да кто заметит трех муравьев где-то вдали? — Капитан повернулся к тетушке Дороде:

— Видишь, я говорил, принц Глубокая Вода — великан!

— Когда я держала его на руках, он был крошкой! Как он умудрился так вымахать? Но это даже хорошо, что он великан. Такого никто не сможет остановить! Он накажет злодеев и заберет у них портрет принцессы.

— Но сначала надо, чтобы он узнал о случившемся, — возразил Далекий Парус.

— Нужно перебраться на остров! — воскликнула принцесса, хватая капитана за руку. — Мы должны туда попасть!

— Но мы не можем! За все эти годы ни у кого не получилось доплыть до Могильного острова. И никому не удалось оттуда перебраться сюда.

— Но ведь должен же быть какой-то способ! — Слезы брызнули из глаз принцессы. — Мы ведь приехали за принцем! Ты должен знать, как туда добраться!

Далекий Парус беспомощно смотрел на плачущую принцессу.

— Я и в самом деле не знаю! Мы правильно поступили, приехав сюда. Вам необходимо было сбежать из дворца — там вас ждала смерть. Но я с самого начала отдавал себе отчет, что мы не сможем попасть на Могильный остров. Разве

что... разве что послать принцу весть с почтовым голубем?

— Отличная мысль! Пойдемте раздобудем почтового голубя!

— Да что проку? Даже если принц и получит от нас весточку, ему все равно не добраться сюда. Может, он и гигант, но и его рыбы-обжоры сгложут живьем, стоит ему только сунуться в море... Давайте-ка сначала позавтракаем, а потом решим, как быть. Пойду приготовлю что-нибудь.

— О нет! — вскричала вдруг тетушка Дорода. — Моя лохань!

Был прилив, и волны слизнули с песка бадейку для умывания. Ее уже отнесло от берега; она перевернулась, и мыльная вода вылилась. Участок моря вскипел белой пеной. Беглецы на берегу увидели рыб-обжор — их плавники рассекали волны, словно ножи. Пара секунд, и от лохани останутся только щепки.

Но тут начало твориться нечто непонятное. Стоило только рыбам коснуться пены, как они останавливались и всплывали на поверхность. Неистовые обжоры, казалось, потеряли всякий интерес к добыче, стали вялыми и безвольными. Они медленно поводили хвостами туда-сюда, но не для того, чтобы двигаться вперед, а так,

от истомы. Некоторые даже решили поплавать брюхом вверх.

Путников как громом поразило. Они молча следили за рыбами. Затем принцесса произнесла:

— Я, кажется, знаю, что они чувствуют. В этой пене расслабляешься настолько, что становишься как будто бескостным. Им не хочется двигаться.

— Да, мыло из Хе'ершингенмосикена и вправду дивное. — Тетушка Дорода вздохнула. — Жаль у нас только два кусочка...

— Это мыло и в Хе'ершингенмосикене стоит баснословных денег, — сказал капитан Далекий Парус. — Знаете, как его делают? В тех краях растет волшебный лес, а в нем — тысячелетние мыльные деревья, очень-очень высокие. Обычно это деревья как деревья, ничего особенного, но стоит только подуть сильному ветру, как они начинают пускать мыльные пузыри. Чем сильнее ветер, тем больше пузырей. Из них-то и делают мыло. Но собрать пузыри — задачка не из легких: они летят с огромной скоростью, и к тому же почти прозрачны, поэтому их чрезвычайно трудно увидеть. Чтобы их разглядеть, надо двигаться очень быстро — так, чтобы казалось, будто пузыри стоят на месте. Это возможно, только если скакать на самых резвых лошадях особой

породы, а их в Хе'ершингенмосикене осталось не больше десятка.

Как только деревья начинают исторгать пузыри, мыловары вскакивают на лошадей и несутся вслед за ветром, собирая пузыри сачком из тончайшей марли. Пузыри бывают разного размера, но даже самые большие, попав в сачок, лопаются и становятся крохотными, не видными глазу. Чтобы сделать один кусок мыла, нужно собрать сотни тысяч, а то и миллионы пузырей.

Но стоит только опустить мыло в воду — и каждый пузырь делится на миллионы новых. Вот почему оно дает так много пены. У пузырьков нет веса, поэтому чистое, настоящее мыло из Хе'ершингенмосикена тоже невесомое. Это самое легкое вещество в мире, при этом чрезвычайно ценное. Мыло, которое хранит тетушка Дорода, наверняка преподнес королю в дар посол Хе'ершингенмосикена при коронации. После этого...

Далекий Парус внезапно замолчал и уставился на море, погрузившись в раздумья. Несколько рыбин продолжали лениво плескаться в белой пене. Деревянная бадья болталась на волнах в целости и сохранности.

— Кажется, я придумал, как нам добраться до Могильного острова. — Далекий Парус указал на

бадью. — Представьте себе, что это лодочка!

— Какая там еще лодочка! — возопила тетушка Дорода. — Так я тебе и позволила подвергнуть мое дитятко такой опасности!

— Я не имел в виду принцессу.

По решительному виду капитана Росинка заключила, что того будет трудно переубедить.

— Если ты поплывешь один, как ты заставишь принца Глубокую Воду поверить тебе? — Принцесса раскраснелась от возбуждения. — Я тоже поеду! Я должна!

Капитан скептически кивнул на простонародную одежду Росинки:

— Даже если вы доберетесь до острова, то как докажете принцу, что вы это вы?

Тетушка Дорода промолчала. Она-то знала как.

— Мы с братом легко докажем друг другу, кто мы такие, — сказала принцесса. — Надо только провести испытание крови.

— Все равно — принцесса не должна ехать! — стояла на своем кормилица. — Слишком опасно!

Однако тон ее был уже не таким непреклонным.

— Думаете, если я останусь здесь, то мне ничто не грозит? — Росинка указала на зонтик в руках кормилицы. — Мы конечно же привлечем чье-

нибудь внимание, и тогда сюда явится Ледяной Песок и схватит меня. Даже если я не превращусь в картину, мне несдобровать. Нет, на Могильном острове гораздо безопаснее.

Словом, решили отправиться все вместе.

Капитан выбрал среди лежащих на берегу лодок самую маленькую. Лошади подтащили ее к кромке воды, туда, где волны лишь слегка лизали песок. Целого паруса не нашлось, но капитан отыскал пару старых весел. Затем помог принцессе и тетушке Дороде, беспрестанно крутившей зонтик, сесть в челнок. Взяв кусок мыла из Хе'ершингенмосикена, капитан насадил его на меч, который отдал принцессе:

— Как только отплывем, опустите мыло в воду.

Росинка кивнула.

Далекий Парус оттолкнул лодочку, потом, зайдя в воду до пояса, запрыгнул в нее и принялся грести изо всех сил. Челнок понесся к Могильному острову.

Множество черных плавников начали резать волны вокруг лодки. Принцесса, сидящая на корме, опустила конец меча с мылом в воду. Море тут же вскипело пузырями; пена поднялась выше роста человека и расплылась по воде пышным широким шлейфом. Заплывая в нее, обжоры

утрачивали пыл и лениво тянулись за лодкой, наслаждаясь неведомой им доселе возможностью понежиться на роскошной белой перине. Росинка впервые видела рыб так близко. Животы у них были белые, а все остальное абсолютно черное. Они походили на автоматы из стали и чугуна, но сейчас эти автоматы на время стали томными и безвольными.

Лодочка рассекала спокойное море, а за ней стелилось по воде пенное покрывало, подобно улегшемуся на волны облаку. Бессчетные рыбы-обжоры собирались со всех сторон, словно паломники, пришедшие поклониться облачной реке. Иногда некоторые подплывали к челну спереди и ухитрялись цапнуть за дно, а одна даже отгрызла кусочек весла. Впрочем, и этих рыб быстро отвлекала на себя пена позади лодки, так что большого урона они не нанесли. Белое облако за кормой и блаженствующие рыбины напомнили принцессе о рае небесном, каким он представал в рассказах священников.

Берег уходил вдаль, а лодочка все ближе подплывала к Могильному острову.

И тут тетушка Дорода воскликнула:

— Посмотрите, принц Глубокая Вода вроде как стал меньше ростом!

Росинка пригляделась: кормилица не ошиблась. Принц по-прежнему был великаном, но казался существенно ниже, чем с берега. Он так и стоял спиной к путешественникам и смотрел в другую сторону.

Принцесса перевела взгляд на Далекого Паруса, орудовавшего веслами. Он был само олицетворение силы: все его тело бугрилось мышцами, весла в руках поднимались и опускались ритмично, словно крылья, и челнок неустанно летел вперед. Молодой человек, похоже, был прирожденным моряком — на воде его движения становились свободнее и увереннее, чем на земле.

— Принц видит нас! — воскликнула тетушка Дорода. И правда, Глубокая Вода повернулся в их сторону и указывал рукой. В глазах его читалось изумление. Губы принца двигались, как будто он что-то кричал. Ничего странного, что он так удивился: море смерти рассекала одна-единственная лодка, а за ней тянулся пенный шлейф, — чем дальше он уходил от кормы, тем становился шире. Принцу-великану наверняка казалось, будто по морю плывет невесть откуда взявшаяся длиннохвостая комета.

Однако вскоре мореплаватели догадались, что принц кричал вовсе не им. Около ног исполи-

на появилось несколько человек нормального роста. Издалека эти люди казались карликами, лиц было не разглядеть. Но все они смотрели на приближающуюся лодку, кое-кто махал рукой.

Когда-то Могильный остров был необитаем. Двадцать лет назад, отправляясь на рыбалку, Глубокая Вода прихватил с собой дворецкого, учителя и еще нескольких стражников и слуг. А вскоре после того как они сошли на остров, у прибрежных отмелей появились косяки рыб-обжор и отрезали дорогу назад.

Росинка и ее спутники заметили, что принц стал еще меньше ростом. Чем ближе лодка подходила к берегу, тем ниже казался Глубокая Вода.

И вот до острова рукой подать. Путники разглядели человек восемь нормального роста, одетых в немудреную одежду из грубой ткани — такая же была и на принце. На двоих сохранилось дворцовое одеяние, правда, очень старое и изношенное. У большинства на поясах висели мечи.

Островитяне высыпали на берег, а принц остался стоять, где стоял. Теперь он был всего лишь раза в два выше других — больше уже не исполин.

Капитан налег на весла, и челнок рванулся вперед. Волны несли его, словно пара огромных ладоней, и вскоре лодочка резко остановилась,

уткнувшись в прибрежный песок. Принцесса чуть не свалилась с кормы. Островитяне колебались, видимо, опасаясь рыб-обжор, и все же четверо из них подошли к воде, придержали лодку и помогли принцессе сойти на берег.

— Осторожно! Принцесса должна оставаться под зонтиком! — крикнула тетушка Дорода. Она теперь так наловчилась, что вертела зонтик одной рукой.

Островитяне даже не пытались скрыть удивление. Они переводили взгляды с кружащегося зонтика на кильватерный след лодки. Пена из хе'ершингенмосикенского мыла и рыбы-обжоры образовали широкую черно-белую полосу, соединившую остров с побережьем королевства.

На берег вышел принц Глубокая Вода. Росту в нем теперь было не больше чем в обычном человеке — он был даже ниже кое-кого из своих соплеменников-островитян. Принц чистосердечно, словно простой рыбак, улыбнулся новоприбывшим, но Росинка заметила, как сходны его движения с жестами их отца-короля. С глазами, полными слез, она воскликнула:

— Братец! Я твоя сестра, Росинка!

— Ты и в самом деле похожа на мою сестру. — Принц все с той же улыбкой раскрыл ей объятия,

но несколько стражников заступили новоприбывшим дорогу. Некоторые обнажили клинки и смотрели на капитана с подозрением. Далекий Парус, не выказывая испуга, подобрал меч, который принцесса бросила на песок, и осмотрел его. Чтобы успокоить настороженных охранников, капитан взял меч за лезвие, а не за рукоять. Он убедился, что кусок мыла, насаженный на клинок, уменьшился всего лишь на треть.

— Докажите, что это действительно принцесса, — сказал старик в изношенной и латаной, но по-прежнему опрятной ливрее. Лицо старика носило следы многолетних испытаний, однако борода была аккуратно подстрижена. Даже на этом всеми забытом острове он явно старался сохранять достоинство дворцового служителя.

— Да ты никак не узнаешь меня? — удивилась тетушка Дорода. — Ты дворецкий Тенистый Лес, а вон там королевский учитель Открытое Поле.

Оба кивнули. Открытое Поле сказал:

— Тетушка Дорода, а ты все такая же крепкая и бодрая, несмотря на возраст!

— Да и вы тоже не помолодели! — съязвила та, но тут же утерла глаза свободной рукой.

Лицо дворецкого Тенистого Леса, однако, сохраняло свое мрачное выражение.

— Мы здесь уже двадцать лет и понятия не имеем, что происходит дома. Мы обязаны потребовать, чтобы принцесса доказала, что она принцесса. — Он повернулся к Росинке: — Вы готовы пройти испытание крови?

Та кивнула.

— Не думаю, что оно необходимо, — заметил принц. — Я знаю, что это моя сестра.

— Ваше королевское высочество, — возразил дворецкий, — таков порядок!

Кто-то принес два маленьких кинжала и вручил один дворецкому Тенистому Лесу, а другой — учителю Открытому Полю. В отличие от ржавых мечей, которые носили стражники принца, эти кинжалы сияли как новенькие. Росинка протянула руку, и Тенистый Лес уколол кончик ее пальца. По острию кинжала растеклась капелька крови. Открытое Поле проделал то же самое с пальцем Глубокой Воды. Затем Тенистый Лес взял оба кинжала и осторожно соприкоснулся окровавленными кончиками. Красные капельки, слившись, тотчас стали голубыми.

— Это и в самом деле принцесса Росинка, — торжественно объявил дворецкий. И он, и учитель поклонились принцессе. Остальные опустились на одно колено. Затем, поднявшись, отступили

на несколько шагов, давая брату с сестрой заключить друг друга в объятия.

— Я держал тебя на руках, когда ты была совсем малышкой, — сказал принц. — Вот такой крохой.

Всхлипывая, Росинка рассказала брату обо всем, что случилось в Бессказочном королевстве. Глубокая Вода держал ее за руку и слушал не перебивая. Лицо его, отмеченное невзгодами прошедших лет, но по-прежнему молодое, хранило спокойное и сдержанное выражение.

Все собрались вокруг брата с сестрой, чтобы послушать рассказ принцессы. Все, кроме капитана Далекого Паруса, который вдруг принялся вытворять нечто несуразное: то отбегал подальше, смотрел на принца, то возвращался, потом опять мчался прочь... Наконец тетушка Дорода ухватила его за рукав.

— Я ж тебе говорила: принц Глубокая Вода никакой не великан! — прошептала она.

— Он *и* великан, и *не* великан, — так же шепотом ответил Далекий Парус. — С обычными людьми ведь как: чем дальше отходишь, тем меньше они становятся в наших глазах, правильно? А с принцем все иначе! Как бы далеко от нас он ни находился, в наших глазах он остается прежней величины. Вот почему издалека он

казался исполином.

Кормилица кивнула.

— Да, я тоже это заметила.

Когда принцесса закончила свое повествование, Глубокая Вода просто сказал:

— Возвращаемся!

Они взяли две лодки. Принц с принцессой и ее спутниками поплыли на челноке, остальные восемь сели в лодку побольше — ту самую, что доставила принца со свитой на Могильный остров двадцать лет назад. Большая лодка протекала, но на короткий переход ее хватит.

Они поплыли в пенном шлейфе, оставленном челноком принцессы. Хотя пена и улеглась немного, утратившие резвость обжоры не проявляли желания что-нибудь отгрызть. Время от времени лодка или весло натыкались на какую-нибудь рыбину, но та лишь лениво отплывала прочь. Парус на большой лодке более-менее сохранился, поэтому она плыла первой, прокладывая челноку дорогу сквозь косяки обжор.

— Дитятко, думаю, надо бы снова опустить мыло в воду — на всякий случай, — промолвила кормилица, опасливо поглядывая на колышущуюся массу рыбин. — А то вдруг они проснутся?

— Да они и не засыпали. Просто разнежились

и не хотят двигаться. Мыла у нас осталось не так уж много, не хочу тратить попусту. И в будущем стану мыться каким-нибудь другим.

Кто-то на большой лодке крикнул:

— Там солдаты!

На берегу показался отряд конников. Он устремился к песчаной полосе, словно темный прилив. Латы и оружие сияли на солнце.

— Продолжаем путь, — сказал принц Глубокая Вода.

— Но они же нас убьют! — Кровь отхлынула от лица Росинки.

— Не бойся, — промолвил принц и легонько погладил ее руку.

Росинка посмотрела на старшего брата. Она уже поняла, что он гораздо лучше нее подходит для престола.

Ветер дул попутный, поэтому обратный путь занял намного меньше времени, несмотря на то, что рыбы-обжоры постоянно терлись о борта.

Как только лодки достигли берега, всадники окружили их плотной стеной. Росинка и тетушка Дорода не на шутку испугались, но капитан Далекий Парус, человек более опытный, немного расслабился. Он заметил, что солдаты оставили мечи в ножнах, а пики держат вертикально. Что

еще важнее — он разглядел их глаза. Всадники носили тяжелые доспехи, так что только глаза и были видны, и смотрели они не на беглецов, а на пенный след на поверхности моря, кишащего рыбами-обжорами. В глазах всадников не было враждебности, только благоговение.

Командир всадников спешился и подбежал к приставшим лодкам. Мореплаватели вышли на берег, свита принца обнажила мечи и встала между офицером и королевскими особами.

— Это принц Глубокая Вода и принцесса Росинка. Оказывайте подобающее почтение! — сурово обратился дворецкий Тенистый Лес к офицеру.

Тот опустился на колено и склонил голову.

— Мы знаем. Но нам приказано догнать и убить принцессу.

— Принцесса Росинка — законная наследница престола! А Ледяной Песок изменник, цареубийца и отцеубийца! И вы еще слушаетесь его приказов?!

— Мы тоже так считаем, вот почему и не станем выполнять его повеление. Но принц Ледяной Песок вчера взошел на престол. И мы... мы теперь не знаем, кому подчиняться...

Тенистый Лес хотел сказать еще что-то, но Глубокая Вода шагнул вперед и остановил его. Затем

обратился к офицеру:

— Почему бы вам не проводить нас с принцессой во дворец? Там мы встретимся с Ледяным Песком лицом к лицу и решим наши споры раз и навсегда.

* * *

Король Ледяной Песок праздновал свою коронацию в самом роскошном зале вместе с теми министрами, которые присягнули ему на верность. В разгар пира прибыл гонец с вестью: принц Глубокая Вода и принцесса Росинка во главе армии стремительным маршем приближаются ко дворцу и будут здесь через час. Шум пиршества мгновенно стих.

— Глубокая Вода? Но как ему удалось пересечь море? Он что, крылья отрастил? — еле слышно пробормотал Ледяной Песок. Однако в отличие от остальных собравшихся на его лице не выразилось ни страха, ни удивления. — Не бойтесь! Армия не станет слушаться их, пока я жив... Остроглаз!

Живописец вынырнул из тени. Он по-прежнему кутался в серый плащ и выглядел еще более хлипким, чем раньше.

— Возьми волноснежную бумагу и кисти и

скачи навстречу Глубокой Воде. Увидишь — нарисуй. Ничего сложного. Даже близко подходить не понадобится: ты хорошо рассмотришь его, стоит ему только появиться на горизонте.

— Слушаюсь, мой король. — Остроглаз тихонечко, словно крыса, шмыгнул из зала.

— А принцесса... Девчонка! Ну что она мне сделает? Я этот зонтик у нее вырву и выброшу! — Ледяной Песок поднял свой кубок.

Празднество окончилось отнюдь не так шумно, как начиналось. Министры разошлись с озабоченными лицами, и в зале остался один Ледяной Песок.

Через некоторое время вернулся Остроглаз. Сердце Ледяного Песка забилось быстрее, но не потому, что живописец явился с пустыми руками и выглядел как-то не так, — вид у того был, как всегда, смиренный и настороженный. Нет, Ледяной Песок забеспокоился, потому что услышал шаги Остроглаза. Раньше художник двигался совершенно бесшумно, как мышка; сейчас же эхо его шагов отзывалось в пустом зале гулко, словно удары растревоженного сердца.

— Я видел принца Глубокую Воду, — потупившись, проговорил Остроглаз, — но не смог его нарисовать.

— Так что, у него действительно есть крылья? — холодно осведомился Ледяной Песок.

— Даже если бы и так, я все равно смог бы запечатлеть его на полотне. Я смог бы нарисовать каждое перышко на его крыльях — от настоящих не отличишь. И все же, мой король, правда страшнее: принц не подчиняется законам перспективы.

— Чему-чему?

— По законам перспективы объекты, находящиеся дальше от наблюдателя, кажутся меньше, чем те, что вблизи. Меня обучали западной манере живописи, а в ней четко соблюдаются принципы перспективы. Я не могу изобразить принца.

— А есть ли школы живописи, не придерживающиеся этих правил?

— Есть, мой король. Взгляните на эти восточные изображения. — Остроглаз указал на развернутый свиток, висящий на стене: изящными, легкими мазками на нем были нарисованы пейзажи, словно сотканные из пустоты, воды и тумана. Их стиль резко контрастировал с сочными, насыщенными тонами масляных картин, висящих рядом.

— Видите — изображение на свитке не подчиняется законам перспективы. Но я никогда

не учился восточной манере живописи. Мастер Эфир отказывался обучать меня этому искусству — наверное, предвидел сегодняшние события.

— Убирайся. — Лицо Ледяного Песка оставалось непроницаемым.

— Конечно, мой король. Глубокая Вода скоро прибудет во дворец. Он убьет меня, он убьет и вас. Но я не стану покорно дожидаться смерти. Я сам покончу с собой. Это будет истинный шедевр. — Остроглаз покинул зал, снова двигаясь бесшумно.

Ледяной Песок созвал стражников:

— Принесите мой меч!

Снаружи донесся топот копыт — сперва еле слышный, затем подобный раскатам грома. Подкатившись к самому порогу дворца, грохот внезапно стих.

Ледяной Песок взял меч, встал и вышел из зала. Он увидел, как Глубокая Вода поднимается по ступеням дворца, а следом Росинка и тетушка Дорода с зонтиком. На плацу тесными рядами выстроилась армия. Солдаты молча и недвижно ждали, не выказывая поддержки ни одной из сторон.

Когда Ледяной Песок увидел брата в первый раз, тот показался ему вдвое выше обычного

человека, но, приближаясь, Глубокая Вода уменьшался в росте.

В мозгу новоявленного короля вспыхнули детские воспоминания более чем двадцатилетней давности. Уже тогда Ледяной Песок знал, что в водах, прилегающих к Могильному острову, завелась рыба-обжора, и тем не менее он хитростью заставил брата отправиться туда. В то время их отец-король заболел, и Ледяной Песок сказал, что около острова водится некая рыба, жир которой способен вылечить его. Глубокая Вода, обычно весьма осторожный, поверил братишке, отправился на остров и не вернулся обратно — как и задумывал Ледяной Песок. Последний очень гордился, считая эту уловку самой удачной в своей жизни. Никто в королевстве не ведал правды.

Мысли Ледяного Песка вернулись к настоящему. Глубокая Вода уже стоял на верхней площадке лестницы, у самых дворцовых дверей. Ростом он был с обычного человека.

— Брат мой, — проговорил Ледяной Песок. — Я рад видеть тебя и Росинку. Но вы, конечно же, понимаете, что это мое королевство. Я в нем король. Ваш долг — немедленно принести мне присягу.

Глубокая Вода положил ладонь на рукоять своего ржавого меча, а другую руку обвиняюще

простер в сторону Ледяного Песка.

— Ты совершил тяжкие преступления!

Тот усмехнулся:

— Остроглаз, может, и не способен тебя нарисовать, братец, зато мне не составит труда проткнуть тебя насквозь! — и обнажил клинок.

Оба соперника одинаково хорошо владели искусством фехтования, но поскольку Глубокая Вода не подчинялся законам перспективы, Ледяному Песку было трудно точно оценить расстояние до противника. Поединок длился недолго. Меч Глубокой Воды пронзил грудь брата-узурпатора. Ледяной Песок покатился вниз по каменным ступеням, оставляя на них кровавую дорожку.

Солдаты разразились ликующими возгласами и поклялись в верности принцу Глубокой Воде и принцессе Росинке.

Пока братья бились, капитан Далекий Парус повсюду разыскивал Остроглаза. Кто-то сказал ему, что живописец закрылся в своей мастерской, в глухом закоулке дворца.

У двери стоял только один стражник, служивший раньше под началом капитана Далекого Паруса.

— Он вошел туда час назад, — доложил страж-

ник, — и с тех пор не выходил.

Капитан вышиб дверь и ворвался внутрь.

В мастерской не было окон. Свечи в двух серебряных подсвечниках почти догорели, и помещение наполнял сумрак, отчего оно походило на подземелье. В комнате никого не было. Если не считать...

На мольберте стояла только что оконченная картина — краска даже еще не высохла. Автопортрет Остроглаза. Настоящий шедевр. Картина напоминала окно в иной мир, из которого Остроглаз взирал на этот. Хотя чуть задравшийся уголок белоснежной бумаги показывал, что это всего лишь живопись, капитан предпочел не смотреть в пронзительные глаза нарисованного человека.

Далекий Парус огляделся и увидел на стене другие портреты: короля, королевы и их верных министров. Тут же висел и портрет принцессы Росинки. Казалось, будто красота девушки на картине озаряет темную мастерскую небесным светом. Взгляд нарисованной принцессы, проникнув в самую душу капитана, опьянил его. Но в конце концов Далекий Парус пришел в себя, снял портрет со стены, вырвал из рамы и, скатав, поджег еще не догоревшей свечой.

Пламя принялось пожирать картину, и в это время в мастерскую вошла настоящая принцесса. Одета она была во все то же простое платье и крутила над головой зонтик.

— А где тетушка Дорода? — спросил капитан.

— Я велела ей оставаться снаружи. Я хочу кое-что сказать тебе... тебе одному.

— Вашего портрета больше нет. — Далекий Парус указал на дымящуюся горстку пепла на полу. — Зонтик больше не нужен.

Принцесса стала вращать зонтик медленнее, и тот начал издавать соловьиные трели. По мере того как купол опадал, трели становились громче и противнее, пока не превратились в воронье карканье — последнее предупреждение перед приходом Смерти. А потом зонтик закрылся, и каменные шарики резко стукнулись друг о друга.

С принцессой ничего не случилось.

Капитан, смотревший на нее во все глаза, испустил глубокий вздох облегчения. Переведя взгляд на кучку пепла, он сказал:

— Как жаль... Портрет был прекрасен! Мне бы хотелось, чтобы вы увидели его. Но медлить было нельзя... Да, он был очень, очень хорош.

— Лучше меня самой?

— Это и были вы сами!

Принцесса достала два кусочка мыла из Хе'ершингенмосикена. Она выпустила их из пальцев, и невесомое, как перышко, белое мыло поплыло в воздухе.

— Я покидаю королевство, — сказала Росинка. — Хочу плавать по морям. Пойдешь со мной?

— Как покидаете?.. Но ведь принц Глубокая Вода уже объявил, что завтра состоится ваша коронация! Он от всего сердца поклялся помогать вам...

Принцесса покачала головой.

— Мой брат будет гораздо лучшим правителем, чем я. К тому же если бы не заточение на Могильном острове, то законным наследником престола назначили бы его. Когда брат станет королем, он будет всходить на башню дворца, и оттуда его сможет видеть все королевство. А я не хочу становиться королевой. Мне гораздо больше нравится на открытом воздухе, чем во дворце. Не хочу прожить остаток жизни в Бессказочном королевстве. Хочу туда, где есть сказки.

— Такая жизнь полна трудов и опасностей.

— Я не боюсь. — Свечи словно разгорелись с новой силой — так засверкали глаза Росинки. Далекому Парусу показалось, что все вокруг снова озарилось ярким светом.

— Я тоже не боюсь. Принцесса, я последую за вами на край света и за край моря.

— Тогда мы будем последними людьми, покинувшими королевство. — Принцесса протянула руку за плавающими в воздухе кусочками мыла.

— Мы поплывем на парусной лодке...

— Да, под белоснежными парусами!

На следующее утро люди, вышедшие на берег, увидели в море белый парус. За ним облаком стелился длинный пенный шлейф. Лодка, освещаемая лучами восходящего солнца, направлялась прочь от берегов королевства.

Никто так и не узнал, что потом сталось с принцессой Росинкой и капитаном Далеким Парусом. Собственно говоря, королевство больше никогда не получало вестей из окружающего мира. Принцесса забрала с собой два последних куска хе'ершингенмосикенского мыла, а без него невозможно прорваться сквозь барьер рыб-обжор. Впрочем, никто не жаловался. Народ привык жить без забот. После этого случая в Бессказочном королевстве больше не происходило ничего, о чем стоило бы слагать легенды.

Но иногда поздней ночью кое-кто все-таки рассказывал предания, которые были не совсем преданиями: повествователь воображал

дальнейшую жизнь Росинки и Далекого Паруса. Каждый представлял ее себе по-разному, но все сходились на том, что принцесса и капитан посетили много экзотических, таинственных земель, побывали на континентах, таких же обширных, как море. Они жили долго, странствуя и нигде не останавливаясь, но куда бы ни забрасывала их судьба, они были счастливы вместе.

Эра Космической Передачи, год 7-й. Сказки Юнь Тяньмина

В защищенной от софонов камере те, кто закончил читать, принялись обсуждать прочитанное, хотя большинство все еще сидели молча, погрузившись в мир Бессказочного королевства. Кое-кто пребывал в глубокой задумчивости, другие уставились на свои папки, словно надеясь взглядом вытянуть из голубой обложки больше смысла.

— Эта принцесса точь-в-точь ты, — заметила АА, обращаясь к Чэн Синь.

— Не болтай ерунды, мы тут заняты серьезным делом!.. Я что, правда такая неженка? Уж я-то держала бы свой зонтик сама! — Чэн Синь единственная из всех не стала читать полученный документ. Ни к чему. Сказки Тяньмина запечатлелись в ее памяти до мельчайших подробностей. Разумеется, Чэн Синь тоже не раз задавалась вопросом, не она ли послужила прототипом принцессы Росинки. Но капитан стражи не походил на Юнь Тяньмина...

«Получается, он считает, что я уплыву куда-то

далеко? С другим мужчиной?»

Как только председатель заметил, что все закончили чтение, он спросил мнения присутствующих — по большей части о следующих шагах, которые нужно будет предпринять рабочим группам.

Представитель группы литературного анализа попросил слова первым. Эту группу придали КРИ в последний момент, и состояла она из писателей и филологов — специалистов по литературе Общей Эры. Кто-то из руководства решил: мало ли что, а вдруг пригодятся...

Выступающий был детским писателем.

— Я понимаю, что и сейчас, и в дальнейшем от моей группы вряд ли будет какой-то толк. Все же я считаю необходимым сказать несколько слов. — Он поднял голубую папку. — Мне очень жаль, но я не думаю, что это послание когда-нибудь удастся расшифровать.

— Почему? — спросил председатель.

— Потому что наша задача — выработать стратегию человечества на ближайшее будущее. Если в этом документе и в самом деле содержится некое послание, то в чем бы оно ни заключалось, оно прежде всего должно иметь конкретный смысл. На туманных, двусмысленных сведениях

строить стратегию нельзя. Однако для литературного произведения туманность и многозначность — это основа основ. Уверен, что по соображениям безопасности истинная суть этих историй скрыта очень глубоко, а значит, все толкования будут еще более размытыми и сомнительными. Проблема не в том, что мы не сможем извлечь из них ничего полезного, а в том, что правдоподобных интерпретаций получится слишком много, и нельзя быть абсолютно уверенным в истинности ни одной из них.

Позвольте мне отметить кое-что еще, пусть это и не очень уместно в данной ситуации. Я хотел бы выразить свое писательское уважение автору. Как волшебные сказки его истории очень хороши.

* * *

Серьезная работа по дешифровке послания Юнь Тяньмина началась на следующий день. И вскоре каждый осознал правоту детского писателя.

Три сказки Юнь Тяньмина были насыщены метафорами и символами, каждая подробность допускала множество интерпретаций, и для всех находились веские доводы. Поэтому определить, в которую из них автор действительно заложил

некий тайный смысл, и, следовательно, принять какое-то из толкований за основу реальной стратегии было невозможно.

Например, все соглашались, что идея превращения людей в живописное полотно — явная метафора. Но специалисты в различных областях никак не могли прийти к единому толкованию. Одни считали, что это намек на цифровой характер обработки информации, столь свойственный современному миру, и таким образом автор рекомендует произвести оцифровку всего человечества, чтобы избежать удара «темного леса». Исследователи, разделяющие эту точку зрения, замечали также, что нарисованные люди никак не могут навредить живым в реальном мире и что оцифровка человечества, возможно, и есть тот самый способ передать во Вселенную мирное послание.

Но приверженцы другой точки зрения утверждали, что эта деталь отсылает к другим размерностям. Мир реальный и мир живописный существуют в разных измерениях, и когда человека рисуют, он исчезает из трехмерного мира. Вспомнили про встречу «Синего космоса» и «Гравитации» с четырехмерным фрагментом пространства. Возможно, Тяньмин намекает, что

человечеству следует искать убежища в таком четырехмерном космосе или послать через него свою мирную весть. Некоторые исследователи подчеркивали: неподвластность принца Глубокой Воды законам перспективы служит еще одним доказательством того, что автор имел в виду четырехмерное пространство.

Или другой пример. Что подразумевается под «рыбами-обжорами»?

Кое-кто считал, что дело в их огромном числе, неудержимой агрессивности и манере до поры до времени не показываться на глаза. Отсюда вывод: «рыбы-обжоры» символизируют совокупность космических цивилизаций, пребывающих в состоянии «темного леса». Мыло, заставляющее рыб-обжор расслабиться и забыть о нападении, символизирует некие неизвестные принципы, стоящие за мирным посланием.

Другие же приходили к прямо противоположным выводам, считая, что рыбы-обжоры — это разумные машины, которые человечеству необходимо построить. Эти машины должны обладать небольшими размерами и способностью к самовоспроизведению. Выпущенные в космос, роботы используют материалы пояса Койпера или облака Оорта для производства огромного

количества копий самих себя, после чего образуют разумный заслон вокруг всей Солнечной системы. Заслон может иметь дополнительные функции, например, перехват направляющихся к Солнцу фотоидов или придание Солнечной системе такого внешнего вида, который воспринимался бы из космоса как мирное послание.

Последней интерпретации, получившей название «Стая рыб», было уделено больше внимания, чем остальным. По сравнению с другими гипотезами она предполагала конкретные действия и потому одной из первых стала объектом основательной проработки во Всемирной академии наук. Но КРИ никогда не возлагал на эту теорию особых надежд. Хотя чисто технологически идея выглядела привлекательной, дальнейшие исследования показали, что она трудновыполнима: понадобятся десятки тысяч лет на то, чтобы «стая рыб» размножилась до количества, нужного для образования заслона вокруг Солнечной системы. Мало того, ограниченные возможности искусственного интеллекта означали практическую непригодность барьера для обороны и передачи мирного послания. В конце концов от идеи пришлось отказаться.

Многочисленные объяснения предлагались

также и для вращающегося зонтика, и для таинственной волноснежной бумаги, и для обсидиановой плиты, и для хе'ершингенмосикенского мыла...

Как предупреждал детский писатель, все эти толкования выглядели правдоподобными, но решить, какое же из них истинно, оказалось невозможным.

Однако не все содержание триады сказок было одинаково туманным и многозначным. Эксперты КРИ не сомневались, что по крайней мере одна деталь содержит в себе конкретную информацию, которая может послужить ключом к раскрытию тайны.

Они имели в виду странное место, постоянно упоминаемое в сказках — Хе'ершингенмосикен.

Тяньмин рассказывал свои истории по-китайски. Читатели заметили, что почти все имена и названия в них имели конкретное значение: Бессказочное королевство, море Обжор, Могильный остров, принцесса Росинка, принц Ледяной Песок, капитан Далекий Парус, тетушка Дорода и так далее. И посреди всей этой ясности торчало название, весьма похожее на транскрипцию с иностранного языка. Мало того, что оно звучало совсем не по-китайски, оно еще и отличалось из-

рядной длиной. Название повторялось в сказках множество раз и явно указывало на место весьма необычное: Остроглаз и мастер Эфир были из Хе'ершингенмосикена; волноснежная бумага, на которой они рисовали, была из Хе'ершингенмосикена; обсидиановые плита и утюг, которыми разглаживали бумагу, были из Хе'ершингенмосикена; капитан Далекий Парус родился в Хе'ершингенмосикене; мыло, рыбы-обжоры — оттуда же... Бесконечными повторениями автор, похоже, всячески подчеркивал важность этого места, но не давал ни малейших разъяснений, что же это такое и где оно. Другой большой остров наподобие Бессказочного королевства? Архипелаг? Континент?

Эксперты не могли даже разобраться, из какого языка происходит это название. Когда Юнь Тяньмин покидал Землю на зонде, его английский оставлял желать лучшего, а о третьем языке и говорить нечего. Но, возможно, он выучил его позже? Название звучало совсем не по-английски, к романским языкам, похоже, тоже не имело отношения. Ясно одно: оно не трисолярианское, потому что в трисолярианском языке не было звуков и на нем не разговаривали в нашем земном понимании.

Ученые пытались записать это название знаками всех известных земных языков, искали его в интернете и во всевозможных специализированных базах данных, просили помощи у экспертов в самых разных областях, но их усилия ни к чему не приводили. Самые блестящие умы человечества из различных отраслей науки оказались бессильны разгадать эту головоломку.

Руководители рабочих групп подступились к Чэн Синь: а она уверена, что запомнила правильно? Та решительно стояла на своем. Она сразу обратила внимание на странность этого названия и постаралась запомнить его как можно тщательнее. К тому же оно всплывало в сказках постоянно, так что искажение исключено.

* * *

Процесс дешифровки топтался на месте. Что ж, подобных трудностей и следовало ожидать. Если бы землянам удалось легко раскусить этот орешек, то трисолярианам и подавно. По-настоящему значимая информация должна быть спрятана очень, очень глубоко. Эксперты разных команд устали, их раздражали статика и резкий запах в софонозащитной камере. Каждая рабочая группа распалась на множество фракций,

которые беспрестанно спорили между собой, не в силах достичь консенсуса.

Выхода из тупика не предвиделось, и в умы исследователей начали заползать сомнения: да на самом ли деле в сказках содержатся важные сведения? В первую очередь подозрения обратились на рассказчика. Все-таки Юнь Тяньмин имел всего лишь степень бакалавра Общей Эры, а это значит, что объем его знаний был меньше, чем у нынешнего школьника средних классов. В своей жизни до великой миссии он работал над простыми, не требующими особой квалификации задачами и не имел никакого опыта ни в ведении перспективных практических исследований, ни в разработке новейших научных теорий. Конечно, после перехвата зонда и клонирования у него было достаточно времени для учебы, но, по мнению экспертов, Юнь Тяньмин вряд ли мог разобраться в супертехнологиях трисоляриан, не говоря уже о фундаментальных научных теориях, на которых эти технологии основывались.

Дальше — хуже. Шли дни, и в работе КРИ стали неизбежно появляться дополнительные сложности. Вначале все старались разгадать послание ради будущего всего человечества в целом. Но позже дали о себе знать и другие интересы. Входя-

щие в рабочие группы представители различных сил — Конгресса Флотов, ООН, национальных государств, мультинациональных корпораций, религий и т. п. — пытались толковать сказки в соответствии со своими политическими целями и задачами. Они рассматривали процесс дешифровки как очередную возможность для пропаганды своих идей. Сказки Юнь Тяньмина стали чем-то вроде пустых корзин, в которые можно запихнуть все что угодно. Характер работы КРИ изменился, споры между группировками приобрели политизированный и утилитарный характер, что плохо влияло на моральный климат в команде.

Но отсутствие прогресса в работе КРИ имело и положительное действие: те, у кого еще оставались иллюзорные надежды на чудо, лишились их. Собственно говоря, жители Земли давно уже перестали ждать чуда, тем более что о сказках Юнь Тяньмина практически никто не знал. Политическое давление общественности на Конгресс Флотов и ООН вынудило эти организации переориентироваться с послания Юнь Тяньмина на поиски путей к выживанию человеческой расы на основе уже имеющихся технологий.

По масштабам космоса трагедия Трисоляриса

произошла в ближайшем соседстве, что дало человечеству возможность видеть все подробности и собрать значительный массив данных. Поскольку разрушенная звезда по массе и положению в главной последовательности была очень похожа на Солнце, это позволило создать точную математическую модель возможной катастрофы с Солнцем в результате атаки «темного леса». По сути, серьезные изыскания в этой области начались сразу же после того, как Земля стала свидетелем гибели Трисоляриса. Их прямым результатом стал проект космических городов-убежищ, на который и переместился фокус общественного внимания.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Проект космических убежищ: ковчег человечества

I. Приблизительные временн`ые рамки от момента раскрытия координат Земли до атаки «темного леса»

Оптимистический сценарий: от 100 до 150 лет. Промежуточный сценарий: от 50 до 80 лет. Пессимистический сценарий: от 10 до 30 лет. При разработке планов по выживанию человечества за ориентир приняли период в 70 лет.

II. Общее количество людей, нуждающихся в спасении

Принимая во внимание тенденцию к снижению численности землян, в течение 70 лет необходимо будет спасти от 600 до 800 миллионов человек.

III. Прогноз хода событий после атаки «темного леса»

Данные, полученные при наблюдении гибели трисолярианской звезды, позволили создать математическую модель последствий удара «темного леса». Расчеты показали, что если Солнце

атакуют тем же образом, то есть посредством фотоида, все планеты земной группы в пределах орбиты Марса подвергнутся разрушению. Меркурий и Венера обратятся в пар непосредственно после удара. Земля сохранит какую-то часть своей массы и сферическую форму, но поверхностный слой толщиной в 500 км, включая кору и часть мантии, будет сорван. Марс утратит примерно 100 км поверхностного слоя. Позже вследствие выброса звездного вещества Земля и Марс потеряют орбитальную скорость и упадут в уцелевшие остатки солнечного ядра.

Модель показала, что разрушительная сила взрыва — включая излучение и ущерб от выброшенного звездного вещества — обратно пропорциональна квадрату расстояния от Солнца. То есть она резко уменьшается с расстоянием, и объекты, достаточно удаленные от звезды, подвергнутся меньшему воздействию. Это позволит планетам юпитерианской группы уцелеть.

В начальной фазе катастрофы поверхность Юпитера испытает сильные возмущения, но общая структура планетарной системы, включая луны, не пострадает. То же относится и к Сатурну, Урану и Нептуну: эти планеты существенных повреждений не получат. Исторгнутое солнеч-

ное вещество до некоторой степени снизит их орбитальную скорость, но позже, когда звездная материя образует спиральное облако, угловая скорость его вращения сравняется со скоростью планет юпитерианской группы и больше не будет влиять на их орбиты.

Четыре газовых гиганта — Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун — переживут атаку «темного леса» относительно благополучно. Этот прогноз послужил основой для проекта космических убежищ.

IV. Отвергнутые планы выживания человечества

1. *Побег к другим звездам*: технически невозможен. В требуемые сроки человечество было не в состоянии построить достаточное количество межзвездных кораблей. Корабли-ковчеги могли вместить не более одной тысячной от всего количества эвакуирующихся. Кроме того, крайне сомнительно, чтобы ковчеги смогли достичь пригодных для заселения экзопланет, прежде чем истощатся запасы топлива и откажут системы жизнеобеспечения.

Все планы подобного типа предусматривали спасение лишь крохотной части землян, а это значило, что они нарушали фундаментальные ценности и моральные принципы человечества.

В политическом смысле они тоже были невыполнимы, поскольку могли привести к глубоким социальным потрясениям и даже полному коллапсу общества.

2. *Ожидание в отдаленном убежище*: чисто практически невыполнимая задача. Этот план предусматривал строительство космического города с замкнутой системой жизнеобеспечения на достаточном расстоянии от Солнца. По подсчетам, минимальной безопасной дистанцией будет 60 а. е., то есть за пределами пояса Койпера. В этом участке космоса слишком мало ресурсов для строительства подобного космограда. Это также означает, что их недостаточно для обеспечения города всем необходимым.

V. Проект космических убежищ

Газовые гиганты могли бы послужить заслоном от последствий солнечного взрыва. В тени этих четырех планет, далеко от Солнца, можно построить достаточное количество космических городов, способных вместить в себя все население Земли. Космограды, расположенные поблизости от планет, не станут, однако, их спутниками. Вместо этого они будут обращаться вокруг Солнца по орбитам, синхронным с соответствующими планетами, оставаясь в их тени. Запланировано

пятьдесят убежищ, в каждом из которых могло бы проживать до пятнадцати миллионов человек. Конкретно: двадцать городов разместятся за Юпитером, двадцать за Сатурном, шесть за Ураном и четыре за Нептуном.

VI. Технические трудности проекта космических убежищ

Необходимый для осуществления проекта уровень технологии уже был достигнут. Конгресс Флотов накопил широкий опыт в области строительства космических поселений, а около Юпитера существовала крупная база. Оставались еще некоторые технические проблемы, такие как, например, корректировка орбиты убежищ, но их можно было решить в требуемые сроки. Орбиты космоградов, не являющихся спутниками своих планет, но остающихся в непосредственной близости от них, постепенно начнут снижаться; значит, потребуется система двигателей, которые противодействовали бы гравитации и помогали бы городам сохранять неизменную позицию. Поначалу план предусматривал расположение убежищ в точках Лагранжа L2 так, чтобы орбитальные периоды космоградов соответствовали орбитальным периодам их планет — расходы энергии на поддержание стабильной позиции

при этом были бы приемлемыми. Но позже обнаружилось, что точки Лагранжа L2 находятся слишком далеко от газовых гигантов, что не обеспечит убежищам необходимой защиты.

VII. Выживание человечества в Солнечной системе после атаки «темного леса»

После разрушения Солнца космические города в качестве источника энергии будут использовать термоядерный синтез. К этому времени Солнечная система примет вид спирального облака, и рассеянное повсюду звездное вещество станет практически неиссякаемым источником легкодоступного термоядерного топлива. Кроме того, можно будет добывать топливо из остатков солнечного ядра, что надолго обеспечит потребности человечества в энергии. В каждом космическом городе будет свое искусственное солнце, излучающее столько же энергии, сколько получала Земля до удара «темного леса». По сути, количество доступной для человечества энергии станет на порядки выше, чем до катастрофы, потому что космические города будут расходовать только одну квинтиллионную часть того, что расходовало Солнце. С этой точки зрения, гибель его можно даже рассматривать как явление позитивное, поскольку оно положит конец крайне

расточительному использованию термоядерного топлива.

Как только облако стабилизируется после атаки «темного леса», все города-убежища смогут покинуть свои планеты и найти себе в Солнечной системе более подходящие места. Возможно, будет целесообразно покинуть плоскость эклиптики, чтобы избежать взаимодействия с облаком и в то же время эффективно использовать его в качестве источника необходимых материалов. Поскольку взрыв Солнца уничтожит планеты земного типа, минеральные ресурсы Солнечной системы рассеются по всему облаку и станут широкодоступными, что сделает возможным строительство новых поселений. Единственным ресурсом, ограничивающим количество космоградов, будет вода, но глубина океана на Европе составляет 160 километров, и воды в нем больше, чем во всех океанах Земли. Этих запасов хватит на тысячу убежищ с населением от 10 до 20 миллионов каждое. Воду можно будет также добывать и из самого облака.

Таким образом, облако, образовавшееся после атаки «темного леса», обеспечит комфортную жизнь для 10 миллиардов человек, оставляя более чем достаточное пространство для развития

цивилизации.

VIII. Влияние проекта космических убежищ на международные отношения

Строительство нового мира стало беспрецедентным явлением в истории всего человеческого общества. Самым мощным барьером на пути его осуществления были не технические трудности, а международная политика. Общественность беспокоилась, не истощит ли проект ресурсы Земли и не обратит ли он вспять глобальный прогресс в области политики, экономики и всеобщего благосостояния, приведя ко второй Великой пади. Но Конгресс Флотов и ООН единодушно заявили, что подобной опасности можно избежать. Проект будет осуществляться исключительно за счет внеземных материалов, по большей части лун и колец Сатурна, Урана и Нептуна. Он никоим образом не затронет положения дел на Земле, даже больше того: на определенной стадии разработка космических ресурсов может оказать положительное влияние на земную экономику.

IX. Временн`ые рамки проекта в целом

На создание промышленной инфраструктуры для извлечения и эксплуатации внеземных материалов потребуется 20 лет. На строительство космических городов — 60 лет. Период взаимного

наложения фаз — 10 лет.

X. Вероятность второго удара «темного леса»

Результаты первой атаки должны убедить большинство сторонних наблюдателей в том, что вся жизнь в Солнечной системе погибла. В то же время разрушение Солнца лишит потенциальных агрессоров источника энергии для малозатратного удара. Таким образом, вероятность второй атаки «темного леса» представлялась низкой. Условия, сложившиеся в системе 187J3X1[40] после катастрофы, подтверждали данную точку зрения.

[40] Примечания: 40

Напомним, что это та самая звездная система, на которую Ло Цзи в романе «Темный лес» наложил заклятие. — *Прим. перев.*

Эра Космической Передачи, год 7-й. Сказки Юнь Тяньмина

Началась подготовка к строительству убежищ, и внимание общественности к Юнь Тяньмину ослабло. КРИ продолжал работать над дешифровкой послания, но эта программа рассматривалась всего лишь как одна из многих, разрабатываемых под эгидой Совета обороны планеты. С каждым днем надежда на извлечение из сказок значимой информации таяла. Некоторые члены КРИ даже начали видеть в историях Юнь Тяньмина намеки на проект космических убежищ и выдвинули несколько толкований, якобы подтверждающих его правильность. Например, говорили они, каменные шарики на концах спиц зонтика — это планеты юпитерианской группы. Однако планет, которые могут послужить защитным барьером, в Солнечной системе всего четыре. В сказках число спиц не называлось, но если рассудить здраво, четырех спиц для зонтика все-таки маловато. Само собой, эти объяснения не нашли широкой поддержки, но в некотором смысле сказки Юнь Тяньмина стали чем-то вроде Священного Пи-

сания. Люди теперь не стремились извлечь из них действительно полезную стратегическую информацию; им просто хотелось получить подтверждение тому, что они находятся на верном пути.

И вот тогда случился неожиданный прорыв.

* * *

Однажды ☒ АА пришла навестить Чэн Синь. АА уже давно перестала сопровождать подругу на заседания КРИ. Всю свою энергию она направляла на вовлечение компании «Гало» в проект космических убежищ. Строительство нового мира за орбитой Юпитера давало безграничные возможности для развития бизнеса. Какое же удачное имя они выбрали для своего космического строительного концерна — «Гало»! Ведь именно «гало-кольца»[41] планет юпитерианской группы станут источником материала для строительства космоградов.

— Мне нужно мыло! — заявила АА.

Подруга не обратила на нее внимания. Не от-

---

[41] Примечания: 41

Гало-кольцом (halo ring), или просто гало, называют толстый тор из пылевых частиц вокруг планет — газовых гигантов. Такие гало имеются, например, у Юпитера и Сатурна. — *Прим. перев.*

рывая глаз от раскрытой перед ней электронной книги, она задала АА вопрос из области термоядерной физики. После своего пробуждения Чэн Синь углубилась в изучение современной науки. К настоящему моменту технологии космических полетов Общей Эры ушли в прошлое; даже на маленьких шлюпках стояли термоядерные двигатели. Чэн Синь пришлось начать с самых основ, но она продвигалась быстро. Собственно говоря, годы, которые она провела в анабиозе, мало что изменили в состоянии науки, потому что основные открытия в фундаментальных теориях произошли после наступления Эры Устрашения. Приложив некоторые усилия, большинство инженеров и ученых из Общей Эры могли наверстать упущенное и вернуться к избранной профессии.

АА выключила читалку Чэн Синь.

— Мыло дай!

— Да откуда оно у меня? Надеюсь, ты понимаешь, что реальное мыло не обладает той магией, которая описана в сказках Тяньмина?

Чэн Синь намекала АА, чтобы та перестала вести себя как раскапризничавшийся ребенок.

— Знаю. Но я хочу ванну с пеной, как у той принцессы!

Мыло и ему подобные туалетные принадлежности исчезли более столетия назад. Пенные ванны ушли в прошлое. Люди мылись с помощью сверхзвуковых волн или специальных чистящих средств. Последние представляли собой нанороботов, невидимых невооруженным глазом. Их можно было использовать с водой или без нее. Кожа и другие поверхности становились чистыми практически мгновенно.

Пришлось Чэн Синь отправляться вместе с заупрямившейся АА покупать мыло. Это был обычный прием АА: когда Чэн Синь была чем-то опечалена или озабочена, подруга вытаскивала ее из дома, чтобы взбодрить.

Взглянув на расстилающийся перед ними гигантский лес города, женщины подумали-подумали и решили, что наиболее вероятное место, где можно раздобыть мыло, — это музей. Им повезло: они обнаружили то, что искали, в городском историческом музее, в экспозиции, посвященной повседневному быту Общей Эры. Здесь были выставлены домашние бытовые приборы, одежда, мебель и тому подобное. Все предметы в отличной сохранности, некоторые даже выглядели совсем новыми. У Чэн Синь не укладывалось в голове, что всем этим вещам

несколько сотен лет; ей казалось, что она видела их не далее как вчера. Хотя с того момента, когда ее вывели из гибернации в первый раз, случилось много всякого, нынешние времена представлялись ей каким-то сном. Ее дух упрямо продолжал жить в прошлом.

Банное мыло обнаружилось за стеклянной витриной вместе с другими туалетными принадлежностями. Чэн Синь во все глаза смотрела на просвечивающий брусочек со знакомым товарным знаком — орлом. Продукция Nice Group. Белоснежное мыло, точь-в-точь такое, как в сказках...

Директор музея объявил, что это ценнейший экспонат, не продается и все такое, и тут же заломил баснословную цену.

— За такую сумму можно построить небольшую фабрику по производству чистящих средств! — сказала Чэн Синь подруге.

— Ну и что? Я руковожу твоей компанией уже много лет. Могла бы и раскошелиться мне на подарочек! К тому же кто знает, может, его цена в будущем вообще взлетит до небес.

И они купили «ценный экспонат». Чэн Синь предложила, что если уж АА позарез понадобилась пена, то они могли бы купить бутылку

специального средства для ванн. Но АА заупрямилась: мол, принцесса пользовалась мылом, и баста. Белый брусок осторожно достали из стеклянного шкафа, Чэн Синь взяла его и заметила, что, несмотря на прошедшие века, от мыла все еще исходит едва уловимый аромат.

Вернувшись домой, АА сорвала упаковку и закрылась в ванной, откуда вскоре раздался шум набирающейся воды.

Чэн Синь постучала в дверь:

— Слушай, лучше не надо им мыться! Оно щелочное. Ты никогда не пользовалась таким. А вдруг твоя кожа его не переносит?

Ответа не последовало. Плеск воды утих, но гостья еще долгое время не издавала ни звука. Потом дверь в ванную отворилась, и на пороге появилась АА, все еще сухая и одетая. Помахав листком бумаги, она спросила:

— Ты умеешь складывать лодочку-оригами?

— Это что, тоже забытое искусство? — осведомилась Чэн Синь, забирая листок из пальцев подруги.

— А то. Сейчас и бумаги-то днем с огнем не сыщешь.

Чэн Синь присела и начала сгибать листок. Мысленно она вернулась в тот дождливый день

в колледже, когда они с Тяньмином сидели на берегу водохранилища и смотрели на маленький бумажный кораблик, уплывающий вдаль по подернутой туманом и дождевой рябью воде. И тогда ей вспомнился белый парус в конце его сказок...

АА залюбовалась сложенным из бумаги корабликом. А потом жестом поманила Чэн Синь в ванную. Карманным ножом она отрезала от кусочка мыла маленький уголок, затем проковыряла в корме лодочки крохотное отверстие и сунула в него мыло. Таинственно улыбнувшись, АА опустила бумажный кораблик на спокойную водную поверхность, и...

...кораблик поплыл сам собой от одного края ванны к другому.

Чэн Синь мгновенно все поняла. Мыло, растворяясь, уменьшало поверхностное натяжение воды за кормой лодочки. Но поверхностное натяжение перед ней оставалось неизменным, и это заставляло ее двигаться вперед.

Словно разряд молнии пронзил Чэн Синь. В ее воображении спокойная поверхность воды в ванне сменилась чернотой космоса, и белый бумажный кораблик скользил в этом бескрайнем море со скоростью света...

Но тут Чэн Синь вспомнила кое о чем еще: о безопасности Тяньмина.

Натянутая струна ее мысли тут же прекратила вибрировать, как будто заглушенная невидимой рукой. Чэн Синь заставила себя не смотреть на лодочку, всем своим видом стараясь показать, как все это скучно и неинтересно. Кораблик в этот момент остановился, уткнувшись в противоположную стенку ванны. Чэн Синь вынула его из воды, отряхнула и положила на полочку. Ее так и подмывало разорвать его, а клочки смыть в унитаз, но она удержалась — такая реакция могла бы показаться чрезмерной, а значит, подозрительной. Однако лучше больше не спускать кораблик на воду.

Опасность!

Хотя Чэн Синь склонялась к мысли, что в Солнечной системе больше не осталось софонов, лучше проявлять осторожность.

Они с АА обменялись взглядами и увидели в глазах друг друга одно и то же: воодушевление, пляшущие искры озарения. Чэн Синь отвела взор.

— Нет у меня времени на твои глупости. Хотела пену — вот тебе пена. — С этими словами она вышла из ванной.

АА последовала за ней. Подруги налили себе по бокалу вина и принялись болтать о том о сем. Сначала обсудили перспективы концерна «Гало» в проекте космических убежищ. Затем припомнили, как учились в колледже в разные временн`ые эпохи. Потом поговорили о нынешней жизни. АА спросила, почему Чэн Синь после стольких лет в новом времени не найдет себе мужчину по душе, на что та ответила, что ей пока не до того. И тут же упрекнула подругу в том, что она встречается с целой кучей мужчин одновременно. Нет, конечно, АА может приводить к ней в гости своих бойфрендов, но лучше только одного зараз. Они также обсудили моду и вкусы в одежде у женщин времен их юности, их сходство и различия...

Язык был лишь средством, выражавшим охватившее их волнение. Ни одна не отваживалась закрыть рот, как будто молчание притушило бы их сокровенную радость. Наконец, когда в разговоре настала естественная пауза, на которую возможный шпион не обратил бы внимания, Чэн Синь проронила:

— Складки, изгибы...

Глаза же ее говорили: *«Искривление пространства!»*

АА кивнула. Ее глаза ответили: *«Двигатель,*

искривляющий пространство!»

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Двигатель, искривляющий пространство

Пространство не плоское. Оно искривляется. Если представить себе Вселенную как огромную тонкую мембрану, то она походила бы формой на чашу. А вся мембрана в целом, возможно, даже замкнулась бы в пузырь. И хотя на ограниченном участке мембрана выглядела бы плоскостью, пространству абсолютно повсюду присуща кривизна.

В Общую Эру возникло немало смелых идей относительно космических полетов. Одна из них — свертывание пространства. Предлагалось увеличить существующую кривизну пространства, а затем сложить его как бумажный лист, так чтобы две точки, разделенные десятками миллионов световых лет, соприкоснулись. Строго говоря, речь не о космическом путешествии, а о «подтягивании пространства». Вместо того чтобы лететь из пункта А в пункт Б, предлагалось, изгибая пространство, приближать пункт Б к пункту А.

Претворить в жизнь такую идею мог только Господь, а если принять в расчет ограничения,

накладываемые фундаментальной теорией, то, возможно, и он не мог.

Позже появились более умеренные и взвешенные предложения по использованию кривизны пространства для навигации. Предположим, корабль каким-то образом сумеет разгладить пространство позади себя и уменьшить его кривизну — тогда он пойдет в ту сторону, где кривизна больше, то есть вперед. В этом и заключалась идея двигателя, искривляющего пространство.

В отличие от «свертывания», искривляющий двигатель не способен доставить космический аппарат из одной точки в другую мгновенно, зато сможет разогнать корабль почти до скорости света.

До тех пор пока послание Юнь Тяньмина не истолковали правильно, такой двигатель оставался всего лишь одним из сотен несбыточных прожектов. Возможен ли полет со скоростью света как теоретически, так и на практике — этого не знал никто.

Эра Космической Передачи, год 7-й. Сказки Юнь Тяньмина

Ликующая АА сказала Чэн Синь:

— До Эры Устрашения народ очень любил одежду с двигающимися картинками. Каждый сиял и переливался, как рождественская елка. А сейчас так одеваются только детишки. Классика снова в моде.

Но взгляд ее внезапно опечалившихся глаз говорил нечто совсем другое: *«Отличная интерпретация, но наверняка-то мы не знаем и подтверждения никогда не получим».*

Чэн Синь ответила:

— Меня больше всего удивляет, что больше нет понятий «драгоценный металл» и «драгоценный камень». Золото теперь самый обычный материал, а вот эти бокалы сделаны из алмаза... Ты знаешь, что там... то есть в том времени, откуда я родом, крохотный бриллиантик — вот такусенький! — для большинства девушек был недостижимой мечтой?

Глаза же ее говорили: *«Нет, АА, на этот раз все иначе. Мы знаем точно».*

— Ну ладно, зато алюминий тогда стоил дешево. А ведь до изобретения электролиза он тоже считался драгоценным металлом. Я даже слышала, что у какого-то монарха корона была из алюминия[42].

«Знаем точно? Откуда?»

У Чэн Синь не получалось высказать все одними глазами. КРИ как-то предложил встроить в ее квартиру софонозащитную камеру. От множества громко гудящих приборов не было бы никакого покоя, поэтому она отказалась. А сейчас пожалела.

— Волноснежная бумага, — прошептала она.

Глаза АА снова заблестели. Пламя радостного волнения разгорелось в них еще ярче.

«— Ты уверен, что больше ничем ее не выпрямить?

— Уверен. Только обсидианом из Хе'ершингенмосикена. Я надеялся отобрать у Остроглаза

---

[42] Примечания: 42

Действительно, есть такая легенда, рассказанная Плинием Старшим и кочующая из одного древнего произведения в другое. Якобы к императору Тиберию пришел ювелир и поднес ему то ли корону, то ли чашу, сделанную из неизвестного доселе металла, который мастер сумел выплавить из глины. Корона (или чаша) блестела, как серебро, но была легкой. Тиберий, испугавшись, что так, пожалуй, могут обесцениться золото и серебро, спросил ювелира, знает ли еще кто-нибудь секрет этого металла. Тот ответил «нет». Тогда император отрубил мастеру голову. Тайна выплавки алюминия была раскрыта только в XIX веке. *— Прим. перев.*

свою плиту...

И тут начали бить часы в углу. Мастер Эфир поднял голову и увидел, что вот-вот взойдет солнце. Посмотрел на бумагу — только полоска не шире ладони ровно лежала на полу. Этого недостаточно для портрета. Художник отставил утюг и вздохнул...»

Бумага, скрученная в свиток, — это метафора кривизны; часть свитка разгладили — кривизна уменьшилась.

В этом эпизоде явно содержался намек на разницу в кривизне пространства впереди и позади движущегося корабля. Ничего другого это не могло означать!

— Пошли! — сказала Чэн Синь, вскакивая на ноги.

— Ага! — отозвалась гостья. Им срочно нужна была ближайшая софонозащитная камера.

* * *

Два дня спустя на заседании Комитета председатель объявил, что главы рабочих групп единодушно одобрили интерпретацию, представленную Чэн Синь и АА.

Юнь Тяньмин поведал Земле, что двигатели трисолярианских кораблей работают на принци-

пе искривления пространства.

Это была исключительно важная стратегическая информация. Она подтверждала, что с помощью такого двигателя можно достичь скорости света. Послание Юнь Тяньмина, словно маяк, сияющий в ночи, указывало дорогу, по которой должно пойти развитие космических технологий человечества.

Не менее значительным было и то, что интерпретация предлагала общий подход к дешифровке. Тяньмин спрятал в своих сказках важные сведения, задействовав два основных метода: двухуровневые метафоры и планарные метафоры-подсказки.

Двухуровневые метафоры указывали не прямо на истинный смысл, а сначала на нечто гораздо более простое — на осязаемый объект. Это материальное воплощение метафоры первого уровня само являлось метафорой второго уровня, которая и вела к скрытой информации. Например, метафора, включающая лодочку принцессы, мыло из Хе'ершингенмосикена и море Обжор, намекала на бумажный кораблик, двигающийся вперед при помощи мыла. И уже бумажный кораблик указывал на двигатель, использующий искривление пространства. Предыдущие попыт-

ки дешифровки проваливались из-за привычной уверенности людей, будто в сказках для сокрытия истинного смысла использован только один метафорический слой.

Планарные метафоры — так назвали технику, применяемую для толкования двусмысленностей, свойственных языковому способу выражения. К двухуровневой метафоре для раскрытия ее истинного смысла добавлялась одноуровневая планарная метафора. Например, скрученная в свиток волноснежная бумага и ее разглаживание служили метафорой искривленного пространства, подтверждающей правильность догадки о бумажном кораблике с кусочком мыла вместо двигателя.

Если представить себе смысловое пространство сказок как плоскость, то двухуровневая метафора служила одной координатой; добавочная одноуровневая метафора-подсказка давала вторую координату, которая и фиксировала толкование в нужном месте плоскости. Поэтому метафору-подсказку, перебрав топографическую терминологию, решили называть дирекционной координатой. Сама по себе дирекционная координата не имела смысла, зато в комбинации с двухуровневой метафорой помогала правильно

истолковать присущую литературному выражению многозначность.

— Тонкая и отлично продуманная система, — с восхищением сказал эксперт из Агентства стратегической разведки.

Все члены Комитета поздравили Чэн Синь и ее ассистентку. Статус АА, на которую в КРИ всегда смотрели сверху вниз, в одночасье взлетел на невиданную высоту.

На глаза Чэн Синь навернулись слезы. Она думала о Тяньмине — человеке, ведущем неравную борьбу в бесконечной ночи глубокого космоса, в непостижимом, безжалостном обществе нелюдей. Чтобы передать человечеству важные сведения, он, должно быть, довел себя до умственного истощения, изобретая хитроумную систему метафор, а потом потратил много одиноких лет, сочиняя целую сотню сказок и старательно зашифровывая информацию в трех из них. Триста лет назад он подарил Чэн Синь звезду. Сейчас он принес надежду всему человечеству.

После этого процесс расшифровки пошел вперед. К открытию метафорической системы добавилась еще одна догадка, хотя и не подтвержденная, но принятая всеми: тогда как первая, успешно разгаданная часть сообщения Юнь

Тяньмина рассказывала о способе побега из Солнечной системы, вторая, скорее всего, касалась космического мирного послания.

Интерпретаторы вскоре поняли, что истолковать эту часть будет несравненно труднее, чем первую.

На следующее заседание председатель принес зонтик, изготовленный по описанию в сказке. У него было восемь спиц, на концах которых висели каменные шарики. В современную эпоху зонтиками практически не пользовались. Чтобы не мокнуть под дождем, пешеходы использовали так называемый дождевой щит — устройство размером с карманный фонарик, с помощью потока воздуха формирующее над головой невидимый купол. Люди, конечно, знали про зонтики, видели их в кино, но управляться с настоящим зонтиком никто толком не умел. Члены Комитета с любопытством рассмотрели диковинку и обнаружили, что, как и в сказках, ее можно раскрыть, покрутив. Зонтик издавал звуки, если его вращали быстрее или медленнее.

— Как же это утомительно! — пожаловался кто-то, крутя зонтик.

Все прониклись уважением к кормилице принцессы, умудрявшейся выполнять эту работу день

напролет.

Зонтик перешел к АА. Ее руки не отличались силой, и купол вскоре стал опадать. Зазвучала птичья трель.

Чэн Синь не отрывала глаз от зонтика с того самого момента, когда его раскрыл председатель. Сейчас она крикнула подруге:

— Не останавливайся!

АА завертела зонтик быстрее, и трель умолкла.

— Быстрее! — потребовала Чэн Синь.

АА завертела зонтик что было сил. Затренькали воздушные колокольчики. Затем Чэн Синь попросила крутить медленнее, пока не зазвучала птичья трель. Потом опять быстрее. Потом опять медленнее. И так несколько раз.

— Никакой это не зонтик! — заявила Чэн Синь наконец. — И теперь я знаю, что это такое.

Би Юньфэн, стоявший рядом с ней, кивнул:

— Я тоже, — и повернулся к Цао Биню: — Возможно, только мы трое и можем опознать это устройство.

— Да, — согласился Цао. — Но даже в наши времена его мало кто видел.

Половина присутствующих уставилась на троицу из прошлого, остальные — на зонтик. Во взглядах и тех, и других читались недоумение и

нетерпеливое ожидание.

— Это центробежный регулятор, — пояснила Чэн Синь. — Для паровых двигателей[43].

— Что-что? Какое-то электронное устройство?

Би Юньфэн покачал головой.

— Когда придумали эту штуковину, мир еще не знал электричества.

Цао Бинь принялся объяснять:

— Этот механизм изобрели в XVIII веке для регулировки скорости вращения вала паровой машины. Он состоит из двух или четырех рычагов с массивными шарами на концах и центрального стержня со скользящей муфтой — очень похоже на этот зонтик, только у него больше спиц. Паровой двигатель вращает вал. Если вращение слишком быстрое, шары под действием центробежной силы расходятся и поднимают рычаги, которые тянут кверху муфту, а та через специальную тягу закрывает дроссельную заслонку. Подача пара или топлива уменьшается, и вал вращается медленнее. И наоборот: когда вращение слишком замедляется, шары падают;

---

[43] Примечания: 43

Центробежный регулятор — механизм для регулировки скорости вращения в машинах разнообразных принципов действия и назначения. Часто называется «регулятором Уатта», но на самом деле механизм применялся и раньше при работе ветряных мельниц. Джеймс Уатт усовершенствовал его для парового двигателя. — *Прим. перев.*

рычаги регулятора опускаются — в точности как закрывающийся зонтик, — и муфта, идя вниз, открывает дроссельную заслонку; вал начинает вращаться быстрее. Это была первая промышленная автоматическая система управления.

Так расшифровали первый слой двухуровневой метафоры с зонтиком. Но в отличие от кораблика с мыльным приводом центробежный регулятор на первый взгляд ни на что прямо не указывал. Его метафору второго уровня можно было истолковать на множество ладов, но два из них посчитали наиболее вероятными: контур отрицательной обратной связи и постоянную скорость.

Расшифровщики начали искать соответствующую дирекционную координату для этой двухуровневой метафоры. И вскоре остановились на принце Глубокой Воде. Рост принца в глазах наблюдателя не менялся в зависимости от расстояния. Это явление тоже можно было объяснить по-разному, но два толкования выглядели самыми подходящими: 1) метод передачи информации, при котором мощность сигнала не уменьшается с расстоянием, или 2) физическая величина, остающаяся постоянной в любой системе координат.

При сопоставлении этой дирекционной ко-

ординаты с центробежным регулятором сразу выявился подлинный смысл метафоры зонтика: постоянная скорость, не зависящая от системы координат.

Речь, безусловно, шла о скорости света.

Неожиданно расшифровщики наткнулись еще на одну дирекционную координату для метафоры зонтика.

> «Из этих пузырей и делают хе'ершингенмосикенское мыло. Но собрать пузыри — задачка не из легких: они летят с огромной скоростью и к тому же почти прозрачны, поэтому их чрезвычайно трудно увидеть. Чтобы их разглядеть, надо двигаться очень быстро — так, чтобы казалось, будто пузыри стоят на месте. Это возможно, только если скакать на самых резвых лошадях особой породы... Всадники садятся на лошадей и несутся вслед за ветром, собирая пузыри сачком из тончайшей марли... У пузырей нет веса, поэтому чистое, настоящее мыло из Хе'ершингенмосикена тоже невесомое. Это самое легкое вещество в мире...»

Нечто самое быстрое, невесомое, то есть не име-

ющее массы, — однозначно имеется в виду свет!

Итак, зонтик указывал на свет; но для ловли пузырей, слетающих с мыльных деревьев, снова выдвинули два разных толкования: либо извлечение энергии из света, либо снижение его скорости.

Большинство экспертов склонялось к мысли, что первая интерпретация не имеет значения для стратегических целей человечества, поэтому внимание сосредоточили на второй.

Хотя интерпретаторы все еще не могли объяснить точно смысл сообщения, они принялись обсуждать вторую гипотезу, сфокусировавшись на связи между понижением скорости света и космическим мирным посланием.

— Предположим, мы сумеем понизить скорость света в Солнечной системе. Другими словами, в пределах пояса Койпера или орбиты Нептуна мы смогли бы создать эффект, видимый с большого, по масштабам космоса, расстояния.

Все загорелись этой идеей.

— Предположим, нам удастся понизить скорость света в пределах Солнечной системы на десять процентов. Наведет ли это космического наблюдателя на мысль, что мы не представляем собой угрозы?

— Несомненно. Если у людей будут корабли, способные двигаться почти со скоростью света, то этим кораблям понадобится больше времени на выход из Солнечной системы. Но это как раз не имеет такого уж большого значения.

— Чтобы и в самом деле показать всем, что мы не представляем угрозы, снижения на десять процентов недостаточно! Надо уменьшить скорость света до десяти, а то и до одного процента от ее первоначальной величины. Вот тогда наблюдатели увидят, что мы окружили себя буферной зоной и нашим кораблям нужно много времени, чтобы выйти за пределы Солнечной системы. Тогда они, возможно, почувствуют себя в большей безопасности.

— Но если рассуждать так, то даже уменьшения скорости света до одной десятой процента от первоначальной недостаточно! Подумайте сами: при скорости триста километров в секунду на выход из Солнечной системы понадобится не так уж много времени. И еще: если люди способны изменить физическую константу в объеме пространства радиусом в пятьдесят астрономических единиц, то это красноречивое свидетельство того, что человечество обладает высочайшей технологией. Вместо мирного послания получится

предупреждение об опасности!

Итак, на основании двухуровневой метафоры зонтика и дирекционных координат принца Глубокой Воды и мыльных деревьев исследователи смогли понять общий смысл сообщения, но конкретной информации так и не выудили. Планарная метафора превратилась из двумерной в трехмерную. Кое-кто начал подумывать, а не зашифрована ли где-то еще одна дирекционная координата. Сказки опять изучили вдоль и поперек. Безрезультатно.

И тут опять случилось неожиданное: была раскрыта тайна названия «Хе'ершингенмосикен».

* * *

Чтобы разобраться с Хе'ершингенмосикеном, Комитет создал группу экспертов-лингвистов. В нее вошел филолог и лингвоисторик Палермо, подвизавшийся в довольно специфичной области. Круг его профессиональных интересов не замыкался на какой-то одной языковой семье; он работал с древними языками, принадлежавшими к разным языковым семьям. Но даже Палермо не удавалось проникнуть в тайну этого странного наименования. А когда удалось, то причиной тому были не его профессиональные знания, а

чистое везение.

Однажды утром к едва продравшему глаза Палермо пристала с расспросами его девушка, белокурая уроженка Скандинавии. Она интересовалась, не бывал ли он у нее на родине.

— В Норвегии? Нет, никогда.

— А почему ты бубнил эти названия во сне?

— Какие еще названия?

— Хельсегген и Москен.

Слова показались Палермо смутно знакомыми. Поскольку его девушка не имела никакого отношения к КРИ, слышать эти названия из ее уст было жутковато.

— Ты имеешь в виду *Хе'ершингенмосикен*?

— Да, только ты их сливаешь вместе и произносишь не совсем как надо.

— Это название одного места, не двух. А звучит не совсем как надо, потому что это китайская транслитерация. Если разбить слоги на произвольные группы, то, наверно, получатся названия многих местностей на разных языках.

— Да, но оба места находятся в Норвегии!

— Случайность, только и всего.

— Знаешь, это старинные названия. Их больше не употребляют, и обычным норвежцам они вряд ли знакомы. А я знаю их потому, что моя

специальность — история Норвегии. Оба места находятся в провинции Нурланн.

— Солнышко, все равно это всего лишь случайное совпадение! Разбей эту цепочку слогов в любом другом месте и...

— Да послушай же! Тебе известно, что Хельсегген — так называется гора, а Москен — это крохотный островок Лофотенского архипелага?

— Нет, вообще-то неизвестно. Понимаешь, существует такой лингвистический феномен, когда слушатель, не знающий языка, почти подсознательно делит серию слогов на случайные группы. Вот и с тобой так же.

Работая на КРИ, Палермо не раз сталкивался с подобным явлением, поэтому не воспринял «открытие» своей девушки всерьез. Но ее следующие слова произвели переворот:

— Не веришь — ладно. Но вот что я тебе еще скажу: Хельсегген расположен на берегу моря. С его вершины можно увидеть Москен — это ближайший к Хельсеггену остров!

* * *

Два дня спустя Чэн Синь стояла на островке Москен и смотрела через пролив на скалистые утесы Хельсеггена. Скалы были черными, море

под затянутым тучами небом тоже казалось черным, лишь у подножия скал виднелась белая полоса прибоя. Еще до поездки сюда Чэн Синь слышала, что, хотя места эти лежат за Северным полярным кругом, благодаря теплым морским течениям климат здесь относительно мягкий. И все равно холодный ветер с моря пронизывал ее до костей.

Крутые, скалистые Лофотенские острова, изрезанные ледниками, стояли 160-километровым барьером между Норвежским морем и глубоким проливом Вестфьорд. Стена архипелага отгораживала Скандинавию от Северного Ледовитого океана. Между островами проходили мощные, стремительные течения. В прошлом здесь жило немного народу, в основном рыбаки-сезонники, но сейчас, когда морепродукты по большей части производились на аквафермах, промысел в открытом море почти прекратился. Острова обезлюдели. Теперь они выглядели, возможно, так же, как во времена викингов.

Москен был всего лишь маленьким островком в архипелаге, а Хельсегген — ныне безымянной горой. Она утеряла былое название в конце Эры

Кризиса[44].

Край света, безотрадная пустыня... И все же Чэн Синь взирала на них с умиротворенностью в душе. Еще совсем недавно она думала, что подошла к последнему рубежу, а сейчас у нее появилось множество причин, чтобы продолжать жить. В свинцовом небе над горизонтом вдруг приоткрылась узкая голубая полоска, и на несколько минут проглянуло солнце. Холодный пейзаж мгновенно преобразился. Чэн Синь вспомнилась фраза из сказки Тяньмина: «...будто художник осыпал свою картину пригоршней золотой пыли». Такой стала теперь ее жизнь: надежда посреди отчаяния, тепло в одеянии холода...

АА тоже приехала сюда. Здесь были также и несколько экспертов из КРИ, в том числе Би Юньфэн, Цао Бинь и лингвист Палермо.

Единственного обитателя Москена звали Джейсон. Старику было за восемьдесят, и происходил он из Общей Эры. Его квадратное лицо, изборожденное морщинами, напомнило Чэн Синь Фрейса. Когда Джейсона спросили, нет ли в окрестностях

---

[44] Примечания: 44

В наши дни Хельсегген называется Хельсегга — это гористая местность (выс. 600 м) на самой южной оконечности острова Москенес, в архипелаге Лофотенских островов. Узкий пролив отделяет его от маленького необитаемого островка Москен. — *Прим. перев.*

Москена и Хельсеггена чего-нибудь примечательного, тот указал на западную оконечность острова.

— Как не быть. Смотрите!

Все увидели белый маяк. Хотя был еще только ранний вечер, наверху башни уже ритмично мигал прожектор.

— А это для чего? — поинтересовалась АА.

— Ха! Ох уж эти детишки... — покачал головой Джейсон. — Это старинное навигационное устройство. В Общую Эру я проектировал маяки и бакены. Собственно говоря, многие маяки работали до самой Эры Кризиса, хотя сейчас их совсем не осталось. Вот я и построил один, чтобы детишки получили представление, что это такое.

Члены КРИ заинтересовались. При виде маяка они вспомнили о центробежном регуляторе для паровых двигателей — еще одном старинном, уже вышедшем из употребления техническом устройстве. Но скоро они поняли, что это не то, за чем они охотятся. Маяк был построен совсем недавно из современных строительных материалов, легких и прочных. Его возвели всего лишь за полмесяца. Джейсон также уверял, что раньше на Москене ничего подобного не существовало. Так что, даже судя просто по хронологии, к тайно-

му посланию Тяньмина маяк не имел никакого отношения.

— А больше здесь в округе ничего примечательного нет? — спросил кто-то.

Джейсон обвел взглядом холодное небо и море и пожал плечами:

— Да что здесь может быть примечательного? Терпеть не могу эту унылую и противную дыру, но в другом месте мне строить не позволили.

Раз так, исследователи решили отправиться на Хельсегген и осмотреться там. Перед самой посадкой в вертолет АА вдруг загорелась идеей пойти к Москену на моторке Джейсона.

— Да пожалуйста, только волны вот разгулялись, детка, — сказал Джейсон. — Смотри, как бы тебя морская болезнь не разбила.

АА кивнула на горы по ту сторону пролива:

— Да ведь туда рукой подать!

Джейсон покачал головой.

— Прямо через пролив идти нельзя. Не сегодня. Придется делать большой круг.

— Почему?

— Из-за водоворота, конечно. Проглотит лодку, и поминай как звали.

Чэн Синь с коллегами переглянулись, а потом все как один уставились на Джейсона. Кто-то

воскликнул:

— А говорили, что в округе нет ничего примечательного!

— Для нас, местных жителей, Москстраумен — штука обыденная. Это часть моря. Он там почти всегда.

— Где там?

— Да вон там! Его сейчас не видно, зато слышно.

Все затихли и действительно услышали глухой рокот — как если бы где-то вдалеке грохотали копытами тысячи лошадей.

Они могли бы отправиться исследовать достопримечательность на вертолете, но Чэн Синь захотела плыть на лодке. Идею одобрили. В моторке Джейсона, единственной на островке, могло безопасно разместиться пять-шесть человек. Чэн Синь, АА, Би Юньфэн, Цао Бинь и Палермо пошли к водовороту морем, остальные сели в вертолет.

Моторка отчалила от Москена и, подпрыгивая, понеслась по волнам. В открытом море холодный ветер задул сильнее, пассажиров беспрерывно обдавало фонтанами соленых брызг. В сгущающихся сумерках темно-серая поверхность моря казалась жуткой и таинственной. Рокот усилился, но громадного водоворота пока еще не было

видно.

— А, вспомнил, вспомнил! — воскликнул Цао Бинь.

Чэн Синь тоже вспомнила. Раньше она думала, что Тяньмин узнал через софоны что-то новое об этом месте, но в действительности ответ был куда проще.

— Эдгар Аллан По, — проговорила она.

— Что? Кто? — удивилась АА.

— Писатель XIX века.

— Точно, — кивнул Джейсон. — Эдгар По написал рассказ о Москене — «Низвержение в Мальстрём». Я читал его в молодости. Слишком много преувеличений. Помнится, он писал, что, мол, стены воронки образуют угол в сорок пять градусов. Чепуха.

Художественная литература исчезла больше ста лет назад. То есть «литература» и «писатели» продолжали существовать, но повествование теперь не писали, а монтировали как набор цифровых образов. Классические романы и рассказы считались нынче старинными диковинками. Во времена Великой пади были утеряны произведения многих прежних авторов, в том числе и Эдгара По.

Рев становился все громче.

— А где он, водоворот? — спросил кто-то.

— Он ниже поверхности воды. — Джейсон указал пальцем: — Видите вон тот бурун? Чтобы увидеть Москстраумен, нужно перевалить через него.

Пассажиры рассмотрели полосу вздымающихся валов с пенными верхушками — широкой дугой та уходила куда-то вдаль.

— Так давайте перевалим! — попросил Би Юньфэн.

Джейсон сердито уставился на него.

— Это граница между жизнью и смертью! Перейдешь — назад не вернешься.

— Сколько времени лодка будет кружиться, прежде чем ее затянет под воду?

— Минут сорок, может, час.

— Тогда все в порядке. Вертолет вовремя вытащит нас оттуда.

— Но моя лодка!..

— Мы оплатим ее стоимость.

— Да ваша посудина дешевле куска мыла! — фыркнула АА. Джейсон не понял, о чем это она.

Моторка направилась к пенной полосе и перевалила через нее. Суденышко опасно кренилось с борта на борт, но потом качка успокоилась. Казалось, будто невидимая сила подхватила лодку,

и она заскользила в том же направлении, что и волны, словно по рельсам.

— Нас захватило! — воскликнул Джейсон. — О боже, я впервые подобрался так близко!

Теперь сидящие в лодке увидели Москстраумен под собой, словно с вершины горы. Чудовищная воронка имела километр в диаметре. Стенки ее и в самом деле наклонялись не так круто, как описывал По, и все же угол составлял около тридцати градусов. Поверхность казалась гладкой, словно отлитой из стекла. Поскольку моторка находилась у верхнего края, скорость была пока что невелика. Но чем ближе лодка подходила к центру, тем быстрее шло вращение. У маленького отверстия в середине воронки скорость воды достигала максимума. Именно оттуда и исходил рев, от которого в телах исследователей вибрировали все косточки. Он свидетельствовал о безумной, неудержимой силе, способной все на свете всосать в себя, перемолоть в порошок и выбросить за грань бытия.

— А спорим, что сможем вырваться! — азартно воскликнула АА и крикнула Джейсону: — Врубите мотор на полную силу и правьте прямо!

Джейсон повиновался. Моторка ходила на электричестве, негромкое жужжание двигателя

на фоне рева водоворота казалось комариным писком. Лодка приблизилась к пенному буруну на краю воронки. Казалось, еще чуть-чуть — и она перевалит за него, но мощности не хватило. Суденышко остановилось, а затем его развернуло и потянуло обратно — так замирает в верхней точке и падает вниз подброшенный в воздух камешек. Джейсон предпринял несколько попыток, но каждый раз моторка соскальзывала еще ниже в водоворот.

— Ну я же говорил — это врата ада! — сказал Джейсон. — Ни одно обычное судно отсюда не выберется!

К этому времени лодка кружилась так далеко внизу, что пенный край пропал из виду. Позади исследователей горой вздымалась вода, и все, что они видели, — это медленно движущаяся вершина Хельсеггена с другой стороны водоворота. Каждого пробрал ужас: они находились в плену силы, с которой бесполезно бороться. Только зависший над головой вертолет придавал им толику отваги.

— Давайте-ка поужинаем, — предложил Джейсон.

Стояло арктическое лето, и солнце, скрывающееся за облаками, еще не опустилось к горизонту,

но время было уже позднее: больше девяти вечера. Хозяин лодки достал из холодильника огромную свежепойманную треску. Затем на свет явились три бутылки крепкого вина. Положив рыбину на большой стальной противень, Джейсон вылил на нее содержимое одной бутылки, чиркнул зажигалкой и поджег, пояснив, что таков местный способ приготовления. Минут через пять он начал отщипывать кусочки от еще горящей рыбины и класть их в рот. Остальные последовали его примеру и тоже отдали должное рыбе и вину, не переставая восхищаться величественной и грозной красотой водного вихря.

— Детка, а я тебя узнал, — обратился Джейсон к Чэн Синь. — Ты была Держателем Меча. Наверняка ты и твои коллеги явились сюда по какому-то важному делу. Да ты не переживай. Все равно апокалипсиса не избежать, так что наслаждайся моментом!

— Сомневаюсь, что вы наслаждались бы моментом, если бы не вертолет над головой, — съязвила АА.

— Ха, детка, еще как наслаждался бы! Точно тебе говорю. Когда мне было сорок, еще в Общую Эру, я узнал, что смертельно болен. Но не испугался, даже не собирался ложиться в анабиоз.

И только после того как я впал в кому, доктора сунули меня в гибернатор. А когда проснулся, уже наступила Эра Устрашения. Думал, ну вот, теперь у меня начнется новая жизнь, а оказалось, что это только иллюзия. Смерть лишь залегла в засаде где-то впереди на дороге... В тот вечер, когда я закончил строить этот маяк, я сел в лодку и отплыл в море, чтобы полюбоваться им издалека. И тут вдруг ко мне пришла мысль: Смерть — это единственный маяк, который горит всегда. Неважно, куда ты плывешь, в конце концов повернешь к нему. Все в мире проходит, и лишь Смерть живет вечно.

Их крутило в водовороте уже двадцать минут, и лодка спустилась примерно на треть пути до центра. Она значительно накренилась, но центробежная сила не давала пассажирам соскользнуть к левому борту. Все поле их зрения теперь занимал склон водяной горы, и они больше не могли видеть вершину Хельсеггена, даже находясь на противоположной стороне воронки. Все избегали поднимать взгляд к небу, потому что лодка, словно приклеенная, кружилась синхронно со стеной водоворота, и поэтому движение почти не ощущалось. Но стоило только задрать голову — и картина менялась. Затянутое тучами

небо вращалось все быстрее и быстрее, вызывая у исследователей головокружение. Центробежная сила, возрастающая ближе к зеву воронки, разглаживала водную стену еще больше. Возникало впечатление, будто она твердая, как лед. Рев, доносившийся из ока водоворота, заглушал теперь все другие звуки, и разговаривать стало невозможно. Солнце на западе пробилось сквозь облачный покров и бросило в водоворот свой золотой луч. Свет, однако, не мог достичь дна воронки и озарил лишь маленький участок водяной стены, отчего зев водоворота показался еще более мрачным и угрожающим. В поднимающемся из него тумане мельчайших брызг заиграла радуга. Многоцветная арка величественно встала над вращающейся бездной.

— Помнится, Эдгар По тоже описал радугу над Мальстрёмом. Причем, кажется, даже в лунном свете. Он назвал ее «мостом между Временем и Вечностью». — Джейсон кричал во всю глотку, но никто не мог разобрать его слов.

Вертолет начал эвакуацию. Кружа в двух-трех метрах над лодкой, он спустил вниз веревочную лестницу, по которой все выбрались наверх. Пустая моторка продолжала вертеться в чудовищной воронке. Над недоеденной треской все

еще плясали язычки синего пламени.

Вертолет завис над самым оком водоворота. Глядя вниз, пассажиры ощущали головокружение и тошноту. Кто-то из экипажа ввел в навигационную систему команду летать по кругу синхронно с водой внизу. Водоворот при этом как бы застыл, зато весь остальной мир — небо, море и горы — завертелся. Гигантский водяной вихрь теперь стал казаться центром мира. Тошнота у наблюдателей не уменьшилась ни на йоту. АА извергла обратно всю съеденную рыбу.

Пока Чэн Синь смотрела на закручивающуюся спираль, перед ее мысленным взором возникла другая, образованная сотнями миллиардов звезд, вращающихся в океане Вселенной. На один оборот спирали уходило 250 миллионов лет. Млечный Путь. Земля в этом вихре была всего лишь крохотной пылинкой — нет, даже еще меньше, а Москстраумен был едва заметной ямкой на поверхности этой пылинки.

Прошло еще полчаса, и моторка Джейсона, затянутая в око водоворота, пропала из виду. Громоподобный рев не стал сильнее, но людям все равно казалось, что они различили в нем треск перемалывающейся лодки.

Вертолет высадил Джейсона на Москене. Чэн

Синь пообещала как можно скорее обеспечить его новой лодкой. После этого они распрощались, и вертолет направился в Осло — ближайший город с софонозащитной камерой.

Пока они летели, каждый сидел, погрузившись в раздумья. Никто не переговаривался даже глазами.

Смысл Москстраумена был настолько ясен, что тут и думать не над чем.

Но оставался вопрос: какое отношение имеет снижение скорости света к черным дырам? Какое отношение имеют черные дыры к мирному космическому посланию?

Черная дыра не могла изменить скорость света; она могла лишь изменить длину его волны.

Замедление скорости света в вакууме до одной десятой, одной сотой или даже одной тысячной от его естественной скорости будет означать тридцать тысяч километров в секунду, три тысячи километров в секунду и триста километров в секунду соответственно. И что? При чем тут черные дыры?

Сломать шаблон мышления — задача весьма сложная. Но не для людей в вертолете, лучших умов человечества. Особенно хорош по части нетрадиционных идей был Цао Бинь, физик,

перескочивший через три столетия. Ему было известно кое-что еще: во времена Общей Эры группа исследователей провела успешный лабораторный эксперимент, снизив скорость света в промежуточной среде до семнадцати метров в секунду, — это медленнее, чем езда на велосипеде[45]. Конечно, это не то, что замедлить скорость света в вакууме, но, по крайней мере, дальнейший ход мыслей Цао уже не казался полным бредом.

А что, если замедлить скорость света в вакууме до тридцати километров в секунду? Это будет иметь какое-то отношение к черным дырам? Да вроде бы нет, все то же, что и... Постой-ка!

— Шестнадцать и семь десятых! — выкрикнул Цао Бинь. В его зрачках вспыхнул такой огонь, что у остальных тоже загорелись глаза.

Третья космическая скорость в Солнечной системе составляет 16,7 километра в секунду. Никакой летательный аппарат не может покинуть Солнечную систему, не преодолев этот порог.

То же самое и в отношении света.

Если сделать скорость света в вакууме ниже 16,7 километра в секунду, он не сможет преодо-

---

[45] Примечания: 45

Имеется в виду эксперимент гарвардских физиков под руководством Лене Вестергаард Хау в 1999 году. — *Прим. перев.*

леть притяжение Солнца, и Солнечная система превратится в черную дыру. Таково неизбежное следствие формирования сферы Шварцшильда вокруг любого объекта, в том числе и Солнечной системы. Уточнение: если сферу Шварцшильда расширить, необходимый порог скорости света станет еще ниже.

Двигаться со скоростью выше скорости света нельзя, а это значит, что если свет не сможет выйти за горизонт событий Солнечной системы, то и ничто другое не сможет. Солнечная система будет герметически запечатана и отделена от остального космоса.

И станет абсолютно безопасной для других жителей Вселенной.

Каким образом сторонний наблюдатель сможет установить, что черная дыра на месте Солнечной системы сформирована понижением скорости света? Существуют две возможности: для наблюдателей с невысоким уровнем технологии Солнечная система попросту исчезнет; технологически развитые наблюдатели, способные обнаружить черную дыру, должны сразу понять, что отсюда им не грозит никакая опасность.

Космическая мирная весть должна быть такой, чтобы кто угодно, взглянув на далекое солнце

— еле различимую точку, — с уверенностью сказал: «О, это безопасная звезда, угрозы для нас не представляет».

Это и было мирное послание. Невозможное все же оказалось возможным!

Море Обжор отгородило Бессказочное королевство от остального мира. Эта добавочная дирекционная координата была лишней — исследователи уже обо всем догадались.

Позже люди назовут черную дыру, образованную за счет снижения скорости света, «черным доменом». По сравнению с черными дырами, скорость света в которых оставалась неизменной, черный домен имел гораздо больший гравитационный радиус. Его внутренняя область представляла собой не пространственно-временную сингулярность, а довольно обширный регион.

Вертолет летел над облаками. Было уже одиннадцать часов вечера, и солнце медленно садилось; над горизонтом виднелся лишь небольшой его сегмент. В золотистом сиянии полуночного солнца каждый пытался вообразить себе жизнь в мире, где свет двигался бы со скоростью чуть меньше 16,7 километра в секунду. Как же медленно будут ползти в этом мире лучи от такого

заката...[46]

* * *

Итак, почти все фрагменты головоломки Юнь Тяньмина легли на свои места. Оставался один: живопись Остроглаза. Исследователи не могли ни разгадать двухуровневую метафору, ни найти какие-либо дирекционные координаты. Одни толкователи предполагали, что картины — это добавочная дирекционная координата Москстраумена, символизирующая горизонт событий черного домена. Они исходили из того, что для стороннего наблюдателя все, что войдет в черный домен, навсегда отпечатается на горизонте событий[47], подобно изображению на полотне. Однако большинство экспертов не соглашались с такой интерпретацией. Смысл Москстраумена был кристально ясен, к тому же Тяньмин дал для него дирекционную координату — море Обжор.

---

[46] Примечания: 46

Вот забавный комментарий об эффектах подобного замедления скорости света: https://www.youtube.com/watch?v=HfGggYHEpwk. — *Прим. перев.*

[47] Примечания: 47

До 1970-х годов считалось, что вся информация черной дыры закодирована в ее поверхности (бесконечно тонкой сфере). Но в 1974 году Стивен Хокинг показал, что это не так. Возник физический парадокс, и ученые до сих пор не знают, как его разрешить. — *Прим. перев.*

Еще одна ни к чему.

Эту последнюю загадку разгадать не удалось. Словно утерянные руки Венеры Милосской, картины Остроглаза остались тайной. Однако судя по тому, с какой утонченной жестокостью и исключительным бессердечием эта деталь, послужившая основанием сюжета для всех трех сказок, живописала красоту гибели, в ней, по всей вероятности, содержался намек на величайшую мистерию жизни и смерти.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Три способа выживания человеческой цивилизации

I. Проект космических убежищ

Этот план сулил наибольший успех, потому что полностью основывался на уже имеющихся науке и технологиях и не брал в расчет никаких пока еще не разгаданных тайн природы. В каком-то смысле проект космических убежищ можно рассматривать как естественное продолжение развития земной цивилизации. Даже если бы не существовало угрозы «темного леса», для человечества пришло время освоения всей Солнечной системы. Проект лишь сделал усилия более конкретными и четче определил цели.

План полностью принадлежал землянам, он никак не был связан с посланием Юнь Тяньмина.

II. Проект черного домена

Сутью этого плана была космическая весть о мирном характере земной цивилизации. Достичь цели следовало путем превращения Солнечной системы в черную дыру с пониженной скоростью

света. Из всех проектов данный был наиболее сложным технически. Требовалось изменить физическую константу в регионе пространства радиусом 50 а. е., то есть 7,5 миллиарда километров. В народе план назвали «Инженерным проектом Господа Бога». Для него требовалось совершить множество научных открытий.

Однако если бы план черного домена удалось претворить в жизнь, земная цивилизация получила бы самую надежную защиту из всех возможных. Уже не говоря о космическом мирном послании, черный домен сам по себе служил бы высокоэффективным оборонительным заслоном. Любой боевой снаряд извне, такой, например, как фотоид, для обретения необходимой разрушительной силы должен двигаться чрезвычайно быстро. Следовательно, он войдет в черный домен со скоростью, намного превышающей скорость света, искусственно установленную внутри. Согласно теории относительности, как только такой объект пересечет горизонт событий, он должен продолжать движение с [новой, более низкой] скоростью света, и его избыточная кинетическая энергия перейдет в массу. Передняя часть объекта, войдя в черный домен, внезапно замедлится и наберет значительную

массу. Остальная часть объекта, двигаясь с прежней скоростью, столкнется с массивной передней частью. В результате снаряд разрушится. Расчеты показали, что даже аппараты, изготовленные из материала с сильным ядерным взаимодействием, например, «капли», на границе черного домена разлетятся в пыль. Вот почему в народе черный домен прозвали также «космическим сейфом».

Черный домен обладал еще одним преимуществом. Из всех трех альтернатив только этот план давал людям возможность жить на Земле в привычной обстановке, а не уходить в изгнание неведомо куда.

Но человеческой цивилизации придется дорого заплатить за удобство. Солнечная система полностью отгородится от остального космоса. Это значит, что известная человечеству Вселенная сожмется с 16 миллиардов световых лет[48] до ста астрономических единиц. Больше того, неизвестно, какова будет жизнь в такой вселенной. Скорость операций электронных и квантовых компьютеров снизится настолько, что они не смогут функционировать, поэтому человечеству

[48] Примечания: 48

По другим данным, Вселенная насчитывает в поперечнике 45,7 миллиарда световых лет (или 14,6 гигапарсек). См., напр.: http://spacegid.com/razmer-vselennoy.html. — *Прим. перев.*

придется вернуться к низкотехнологичному обществу. Это будет блок покрепче, чем тот, что установили софоны. Итак, проект черного домена стал бы не только мирным посланием, но и формой технологического самоувечья. Человечество никогда не смогло бы вырваться из этой ловушки.

III. Полет со скоростью света

Хотя теоретические принципы двигателя, искривляющего пространство, оставались неизвестными, этот план явно было легче воплотить в жизнь, чем черный домен.

Однако полет со скоростью света не обеспечивал безопасности земной цивилизации в целом. Он годился только для побега к звездам. Из всех трех планов этот содержал в себе наибольшее число неизвестных. Даже если бы он удался, тех представителей человечества, которые ушли бы в безграничные просторы космоса, поджидали непредсказуемые трудности. К тому же сама опасная идея эскапизма означала, что план столкнется с бесчисленным множеством политических препон.

И все же нашлись люди, одержимые идеей полета со скоростью света и видевшие в ней не только способ выживания.

Для человечества Эры Космической Передачи единственным толковым решением проблемы было претворить в жизнь все три плана одновременно.

Эра Космической Передачи, год 8-й. Судьбоносный выбор

Чэн Синь прибыла в штаб-квартиру корпорации «Гало».

Это случилось впервые в ее жизни. До сих пор она не принимала участия в деятельности концерна, потому что не считала свое колоссальное состояние принадлежащим лично ей или Тяньмину. Да, звезда была их собственностью, однако богатством, которое она принесла, имеет право распоряжаться все общество.

Но теперь, возможно, концерн «Гало» поможет воплотить в реальность ее мечту.

Штаб-квартира занимала целое гигантское дерево. Что интересно, все «листья» на дереве были прозрачными. Более того, показатель преломления строительного материала приближался к показателю преломления воздуха, и поэтому внутренние помещения были как на ладони. Снаружи можно было наблюдать, как ходят туда-сюда служащие, как передвигаются бесчисленные информационные окна. Висячие здания напоминали прозрачные муравьиные фермы со

снующими внутри разноцветными муравьями.

В просторном конференц-зале на вершине дерева Чэн Синь встретилась почти со всеми высшими руководителями корпорации — людьми молодыми, умными и жизнерадостными. Многие из них раньше не были знакомы с Чэн Синь и не скрывали своего восхищения и преклонения.

После совещания, оставшись вдвоем в большом пустом зале, Чэн Синь и АА завели разговор о будущем компании. Послание Тяньмина и его расшифровка продолжали оставаться тайной для широкой публики. Чтобы не подвергнуть жизнь Тяньмина опасности, Конгресс Флотов и ООН решили знакомить общество с этими сведениями постепенно, небольшими порциями, выдавая их за плоды исследований земных ученых. В информацию намеренно подмешают некоторое количество ошибок — для пущего правдоподобия.

Чэн Синь освоилась с прозрачными полами и страха перед высотой почти не ощущала. По конференц-залу плавало несколько широких инфоокон, передававших прямые репортажи с объектов, строящихся концерном «Гало» в околоземном пространстве, — одним из них был тот самый громадный крест на геосинхронной орби-

те. После кратковременного явления Тяньмина надежда людей на чудо постепенно угасла, а с началом строительства космоградов поутих и религиозный пыл. Церковь остановила финансирование, и строительство сверхгигантского креста заморозили. Сейчас он был в процессе демонтажа; так что от сооружения осталась только огромная римская единица — что ни говори, символ более чем выразительный.

— Не нравится мне этот «черный домен», — заявила АА. — Уж лучше назвали бы «черная могила»! Потому что это и есть могила, которую мы выкопаем себе сами.

Чэн Синь сквозь прозрачный пол разглядывала город внизу.

— Я смотрю на это иначе. В ту эру, из которой я родом, Земля была полностью отгорожена от Вселенной. Все люди жили на поверхности и весьма редко поднимали глаза к звездам. Человечество жило так тысячелетиями, и я не сказала бы, что это была плохая жизнь. Даже в наши дни Солнечная система в общем-то отделена от остальной Вселенной. Ведь единственная группа людей, которая сейчас находится где-то в дальнем космосе, — это всего около тысячи человек на двух кораблях.

— Но у меня такое чувство, что если мы отгородимся от звезд, то мечты умрут...

— Вовсе нет. В старые времена существовали и счастье, и радость, и люди мечтали не меньше, чем мы. К тому же, даже живя внутри черного домена, мы сможем видеть звезды. Вот только... кто знает, как они будут выглядеть... Лично мне затея с черным доменом тоже не нравится.

— Кто бы сомневался.

— Мне больше по душе корабли, летящие со скоростью света.

— Нам всем они по душе. Вот что: пусть их постройкой займется наша фирма!

— А я-то боялась, что ты не согласишься! — воскликнула Чэн Синь. — Ведь это потребует громадных инвестиций в фундаментальные исследования.

— Ты видишь во мне только акулу бизнеса, да? Ну, собственно, так оно и есть. И все члены совета директоров точно такие же. Наш девиз — максимальная прибыль. Но он не противоречит идее кораблей, способных летать со скоростью света. Политический расклад такой: правительство направит б`ольшую часть ресурсов на проекты космических убежищ и черного домена, а субсветовые корабли оставят частным предпри-

нимателям... Мы должны вложить средства и усилия в строительство космоградов, а потом часть полученной прибыли отдать на исследования по пространственному двигателю.

— Я вот что думаю, АА: и этот двигатель, и черный домен, по всей вероятности, основываются на одних и тех же фундаментальных принципах. Подождем, пока правительство и Всемирная академия наук проведут все необходимые исследования, а потом мы возьмем их результаты и построим двигатель, искривляющий пространство.

— Отлично! А еще концерну «Гало» хорошо бы учредить собственную Академию наук и набрать в нее ученых. Многие из них мечтают о полете со скоростью света, но ни национальные, ни международные научные программы не предоставляют такой возможности...

АА остановилась на полуслове, потому что внезапно вспыхнуло множество новых инфоокон. Их разноцветная лавина обрушилась со всех сторон и похоронила под собой немногие прежние окна, показывавшие различные проекты концерна «Гало». Обычно такой «информационный прилив» служил признаком какого-то чрезвычайного происшествия, но зачастую он настолько

ошеломлял зрителей, что те не в силах были ничего понять. Именно это и произошло с Чэн Синь и АА. По большинству окон бежал сложный текст с динамическими диаграммами, что только запутывало восприятие. С ходу можно было понять лишь обычные видеоканалы. На одном из них Чэн Синь различила несколько поднятых вверх лиц, затем изображение увеличилось, и все окно заполнила пара перепуганных глаз. Все это сопровождалось какофонией криков.

Тут вперед выплыло новое окно — с секретаршей АА. В глазах женщины светились ужас и потрясение.

— Тревога! Нас атаковали! — воскликнула она.

— А если точнее? — потребовала АА.

— Они ввели в строй первый наблюдательный пункт космической системы раннего предупреждения, и тот сразу же обнаружил фотоид!

— В каком направлении? Насколько далеко?

— Не знаю. Я ничего не знаю! Все, что мне известно...

— О нападении сообщили официально? — хладнокровно спросила Чэн Синь.

— Кажется, нет. Но это транслируют по всем каналам. Уверена, это правда! Надо бежать в космопорт и попытаться спастись!

Окно закрылось.

Чэнь Синь и АА двинулись сквозь тесное скопление инфоокон к прозрачной стене конференц-зала. Внизу, в городе, поднималась волна паники. Воздух заполнился мириадами летающих автомобилей, и каждый стремился на полной скорости протолкаться сквозь пробку, что еще больше усиливало хаос. Один из автомобилей врезался в дерево-небоскреб и превратился в огненный шар. Вскоре огонь вспыхнул в двух других местах города, поднялись клубы дыма...

АА выбрала несколько инфоокон и внимательно следила за происходящим. Чэн Синь в это время пыталась дозвониться до кого-нибудь из КРИ. Почти все телефоны там были заняты, так что ей удалось поговорить только с двумя членами Комитета. Один, подобно Чэн Синь и АА, ничего не знал. Другой, служащий Совета обороны планеты, подтвердил, что наблюдательный пункт № 1 космической системы раннего предупреждения обнаружил какую-то значительную аномалию, но подробностей чиновник из СОП не знал. Он подтвердил также, что Конгресс Флотов и ООН не объявили об атаке «темного леса» официально, но настроен чиновник был пессимистически.

— Есть два варианта, почему они не объявили тревогу. Первый: ничего не случилось. Второй: фотоид так близко, что объявляй — не объявляй, все бесполезно.

АА удалось выудить из инфоокон только одну конкретную деталь: фотоид движется в плоскости эклиптики. Сообщения о его траектории и расстоянии до Солнца противоречили друг другу; прогнозы о том, когда он ударит в Солнце, тоже значительно различались: одни утверждали, что у мира есть еще месяц, другие — что только несколько часов.

— Пора бежать на «Ореол», — заключила АА.

— А успеем?

«Ореол» — так назывался космический корабль, собственность концерна «Гало». В этот самый момент он был пристыкован к базе компании на геосинхронной орбите. Если тревога настоящая, то их единственная надежда — лететь к Юпитеру и спрятаться за газовым гигантом до того, как фотоид нанесет удар. Юпитер находился в противостоянии, то есть сейчас он ближе всего к Земле. Значит, «Ореолу» потребуется двадцать пять — тридцать дней, чтобы долететь туда, что едва умещалось во временны̀е рамки самого оптимистичного прогноза. Впрочем, правдоподобность

этого прогноза выглядела весьма сомнительной: система раннего предупреждения еще только строилась и дать столь заблаговременное оповещение не могла.

— Надо что-то делать, а не торчать здесь и ждать смерти! — выпалила АА и потащила Чэн Синь из зала. На парковке у верхушки дерева подруги уселись в летающий автомобиль, но тут АА, похоже, о чем-то вспомнила и выскочила из машины. Через несколько минут она вернулась, держа в руках нечто, напоминающее скрипичный футляр. АА открыла его, вынула какой-то предмет и пошла с ним к автомобилю, отбросив футляр в сторону.

Чэн Синь всмотрелась и узнала: в руках подруга держала винтовку, стреляющую лазерными импульсами вместо пуль.

— Зачем это? — осведомилась Чэн Синь.

— В космопорте наверняка народу — не протолкнешься. Кто знает, что там может стрястись. — АА бросила винтовку на заднее сиденье и рванула автомобиль с места.

В каждом городе имелся космопорт, обслуживающий маленькие космические корабли, — что-то вроде аэропорта в старину.

Автомобиль влился в мощный поток воздуш-

ного движения. Все бесчисленные, как саранча, машины неслись к космопорту. По земле бежали струящиеся тени, словно кровь в артериях города.

Впереди в небо поднималось около десятка белых полос — следов, оставленных космическими кораблями. Они взлетали прямо вверх, затем поворачивали на восток и растворялись в вышине. За ними беспрерывно взмывали с земли новые белые столбы; на вершине каждого полыхал огненный шар ярче солнца — факел термоядерных двигателей.

Инфоокно в автомобиле передавало прямой репортаж с околоземной орбиты. Белые полосы то и дело возникали на светло-коричневом фоне материка и тянулись вверх. Они становились все многочисленнее, все гуще, как будто Земля начала обрастать седой шевелюрой. Огненные шары на концах белых полос походили на рой улетающих в небо светлячков. На глазах Чэн Синь происходило величайшее в истории массовое бегство землян в космос.

Их машина зависла над космопортом. Внизу возвышалось около сотни кораблей, и еще больше выдвигалось из огромного ангара неподалеку. Космопланы давно уже вышли из употребления;

современные челноки взлетали вертикально. В отличие от странных летательных аппаратов, которые Чэн Синь видела на станции при терминале космического лифта, эти корабли были обтекаемой формы, с тремя или четырьмя хвостовыми плавниками-стабилизаторами. Сейчас они стояли на летном поле космопорта безо всякого порядка, будто металлический лес.

АА заранее позвонила в ангар с просьбой отбуксировать один из челноков концерна «Гало» на летное поле. Она с ходу распознала нужный корабль и приземлилась поблизости.

Чэн Синь окинула взглядом стоящие вокруг челноки. Все были разного размера. Те, что поменьше, зачастую насчитывали всего несколько метров в высоту, напоминая орудийные снаряды-переростки. Не укладывалось в голове, что эти малютки способны преодолеть земное тяготение. Корабли побольше иногда достигали размера старинного авиалайнера. Челнок концерна «Гало» высотой метров десять, покрытый отражающим слоем металла, придающим ему сходство с трисолярианскими «каплями», принадлежал к среднему классу. Суденышко стояло на колесном шасси, позволявшем быстро и легко передвинуть его на стартовую площадку. Этот корабль и доста-

вит подруг на орбиту, к «Ореолу».

С пусковой зоны донесся грохот, до удивления напоминавший рев Москстраумена. Земля задрожала. Ноги у Чэн Синь стали как ватные. Пусковая зона озарилась ярким светом, и ввысь, опираясь на огненный шар, пошел очередной челнок. Вытянулся еще один дымный столб. Огромные клубы белого тумана накатили на подруг, неся с собой непривычный запах гари. Туман исходил не из двигателя взлетевшего челнока — это вскипала вода охладительного бассейна под стартовой площадкой. По мере того как пусковую зону и корабли все плотнее и плотнее заволакивало горячим, удушливым паром, людьми вокруг овладевали все большее возбуждение и страх.

АА и Чэн Синь взбежали по узкому трапу к люку челнока. Туман немного рассеялся, и Чэн Синь увидела неподалеку группу детей в школьной форме. На вид им было меньше десяти лет — видимо, ученики начальной школы. Рядом с ними растерянно озиралась по сторонам молодая учительница. Ее длинные волосы трепал ветер.

— У нас есть немного времени? — спросила Чэн Синь.

АА взглянула на детей и поняла, о чем думает подруга.

— Хорошо. Иди. Нам все равно еще ждать своей очереди на стартовой площадке. Еще нескоро.

В принципе, челнок мог стартовать с любого ровного места. Однако чтобы избежать разрушительного воздействия нагретой до сверхвысоких температур плазмы, вырабатываемой двигателями, челноки взлетали со стартовых площадок, оборудованных охладительными бассейнами и каналами для безопасного отвода раскаленных газов.

Учительница заметила идущую к ним Чэн Синь, подбежала и схватила за руку.

— Это ваш челнок, правда? Пожалуйста, пожалуйста, спасите детей! — Лицо ее было мокро от слез и пара, пряди волос прилипли ко лбу. Учительница смотрела на Чэн Синь так, будто хотела удержать ее на месте силой своего взгляда. Дети сгрудились вокруг, в их глазах светилась надежда. — Они собирались в космический лагерь и как раз должны были лететь на орбиту. А тут тревога, и нас все гонят, а наши места отдали другим!

— Где ваш корабль? — спросила подошедшая АА.

— Улетел! Пожалуйста, пожалуйста!

— Заберем их, — сказала Чэн Синь подруге.

АА несколько мгновений смотрела на нее мол-

ча. «На Земле миллиарды людей. Неужели ты думаешь, что можешь спасти всех?»

Но Чэн Синь ответила таким же упрямым взглядом.

АА покачала головой:

— Мы можем взять только троих.

— Но челнок рассчитан на восемнадцать человек!

— Дело не в челноке, а в «Ореоле». Если лететь с максимальным ускорением, «Ореол» может вместить всего пятерых — на нем только пять капсул глубокого погружения. Все, кто не в капсуле, превратятся в мясной фарш!

Этот ответ удивил Чэн Синь. Капсулами для состояния погружения оборудовали только звездолеты. А она всегда думала, что «Ореол» — межпланетный корабль, не способный к полету за пределы Солнечной системы.

— Пусть так! Заберите хотя бы троих! — Учительница, страшась потерять этот единственный шанс, бросила Чэн Синь и вцепилась в АА.

— Тогда выберите их, — сказала та.

Учительница отпустила АА и уставилась на нее с еще б`ольшим ужасом, чем прежде на Чэн Синь.

— Как это — выбрать?.. Как я могу... — Она

беспомощно отвернулась, не смея встретиться взглядом с детьми. Судя по ее виду, девушка испытывала страшные мучения, словно глаза детей прожигали ее насквозь.

— Ладно. Тогда *я* выберу, — промолвила АА. Она с улыбкой обратилась к детям: — Слушайте внимательно. Я задам вам три вопроса. Кто первым даст правильный ответ, отправится с нами. — АА подняла палец, игнорируя ошеломленные взгляды Чэн Синь и учительницы. — Первый. У нас есть неисправный фонарик. Через минуту он мигнет. Еще через полминуты он мигнет снова. В третий раз он мигнет через пятнадцать секунд. И так далее — он будет мигать с интервалом вдвое короче предыдущего. Я хочу знать, сколько раз мигнет фонарик по истечении двух минут.

— Сто! — выпалил кто-то.

АА качнула головой:

— Неверно.

— Тысячу!

— Нет. Подумайте как следует.

После долгого молчания прозвучал робкий голосок. Говорила застенчивая маленькая девочка, и ее трудно было расслышать за грохотом космодрома.

— Бесконечное число раз.

— Иди сюда, — махнула ей АА. Когда та подошла, АА поставила ее позади себя. — Второй вопрос. У нас есть веревка, толщина которой неодинакова. На то, чтобы она сгорела от одного конца до другого, требуется час. Как, используя эту веревку, отмерить пятнадцать минут? Помните — толщина у веревки разная!

На этот раз дети не торопились отвечать — они глубоко задумались. Вскоре поднял руку мальчик:

— Надо сложить веревку пополам и поджечь ее одновременно с двух концов.

АА кивнула:

— Иди сюда, — и поставила мальчика позади себя рядом с первой девочкой. — Третий вопрос: восемьдесят два, пятьдесят, двадцать шесть. Какое следующее число?

— Десять! — выкрикнула какая-то девочка.

АА подняла вверх большой палец.

— Молодец! Иди сюда. — Она кивнула Чэн Синь и, забрав троих детей, направилась к челноку.

Чэн Синь проводила их до корабля. У трапа она оглянулась. Оставшиеся дети и учительница смотрели на нее как на солнце, которое больше никогда не взойдет. Слезы выступили на глазах Чэн Синь и заволокли эту сцену туманом. Под-

нимаясь по ступенькам, она ощущала на себе их полные отчаяния взгляды, и словно десять тысяч стрел пронзили ее сердце. Знакомое чувство. То же самое она чувствовала в последние мгновения своей короткой карьеры Держателя Меча, а позже в Австралии, когда Томоко провозгласила план уничтожения человеческой расы. Это мучение было хуже смерти.

Кабина челнока была просторной, восемнадцать кресел располагались в ней двумя рядами. Поскольку салон вытянулся вертикально, словно колодец, каждому пришлось взбираться к своему сиденью по лесенке с перекладинами. У Чэн Синь возникло то же впечатление, что и в сферической шлюпке, в которой она летела на свидание с Тяньмином: корабль показался ей пустой скорлупой без двигателя или систем контроля. Вспомнились ракеты на химическом топливе времен Общей Эры, высоченные, как небоскребы, а полезного груза — лишь крохотный отсек у самого носа...

Панели управления отсутствовали; в воздухе плавало только несколько информационных окон. Искусственный интеллект челнока распознал АА. Как только та вошла в кабину, окна собрались вокруг нее и плавали следом, пока она перебиралась от кресла к креслу, затягивая

ремни безопасности на детях и Чэн Синь.

— И не смотри на меня так! — прошипела ей АА. — Я дала им шанс. Чтобы выжить, надо бороться!

— Тетя, а они там, на поверхности, умрут? — спросил мальчик.

— Мы все умрем. Вопрос только когда. — АА уселась рядом с Чэн Синь. Не пристегиваясь, она продолжала всматриваться в инфоокна. — Черт. Мы тридцатые в очереди на старт.

Космопорт был оснащен восемью стартовыми площадками. После каждого пуска платформе требовалось десять минут на остывание и смену воды в бассейне охлаждения.

Ожидание, в общем-то, не было для них вопросом жизни или смерти. Полет на Юпитер займет месяц. Если удар «темного леса» последует раньше, то какая разница, где они — на Земле или в космосе. Вот только возникла новая проблема: чем дольше они ждали, тем больше возрастала вероятность, что они не взлетят вообще.

Человечество провалилось в глубины ада. Движимые инстинктом самосохранения, жители города — более десяти миллионов человек — кинулись к космопорту. Челноки, подобно пассажирским самолетам былого, за короткий

промежуток времени могли забрать только небольшое количество людей. Собственный космический корабль был все равно что частный самолет в Общую Эру — недостижимая мечта для большинства населения. Даже используя космический лифт, в течение недели подняться на околоземную орбиту могло не больше одного процента землян. И лишь одна десятая этого процента сумела бы добраться до Юпитера.

В челноке отсутствовали иллюминаторы, но инфоокна показывали происходящее снаружи. Чэн Синь видела, как безумная толпа наводняет космодром. Люди толпятся вокруг челноков, кричат, воздев кулаки, пытаются пролезть внутрь... Некоторые автомобили, приземлившиеся за пределами космопорта, снова взмывают вверх. Все они пусты, хозяева управляют ими дистанционно в попытке остановить очередные старты. В воздухе собирается все больше летающих машин, и вот они уже образуют темное плотное облако над стартовыми площадками. Скоро уже ни один корабль не сможет взлететь.

Чэн Синь уменьшила инфоокно и повернулась в кресле, чтобы успокоить сидящих сзади детей. И тут раздался крик АА. Чэн Синь повернулась обратно и увидела, что одно из окон расшири-

лось на всю кабину. Оно показывало страшное: ослепительный огненный шар запылал среди леса челноков.

Кто-то взлетел, несмотря на окружающую челнок толпу, прямо с летного поля!

Плазма, выбрасываемая термоядерными двигателями, была в десятки раз жарче, чем выхлоп древних химических ракет. При пуске с обычной ровной площадки плазма растекалась во всех направлениях и расплавляла поверхностный слой, который спекался в корку. В радиусе тридцати метров не оставалось ничего живого.

В инфоокне множество черных точек брызнули во все стороны от огненного шара. Одна из них врезалась в соседний челнок и оставила черную отметину — обгоревшее тело. Несколько кораблей, стоявших вокруг, повалились на землю — по-видимому, их шасси расплавились.

Толпа притихла. Задрав головы, люди следили за челноком-убийцей. Тот, грохоча и изрыгая белый дым, ввинчивался в воздух, а затем повернул на восток. Люди отказывались верить своим глазам. Еще через несколько секунд с летного поля стартовал другой корабль, стоявший еще ближе к челноку «Гало». Гром, пламя и волны раскаленного воздуха окончательно повергли

потрясенную толпу в панику. Затем взлетели третий, четвертый... Челноки один за другим покидали летное поле. Среди огненных шаров в воздухе носились обгоревшие останки тел. Космодром превратился в крематорий.

АА смотрела на эту ужасающую сцену, закусив губу. Затем она взмахом руки убрала окно и начала что-то печатать в другом, поменьше.

— Что ты делаешь? — спросила Чэн Синь.

— Мы стартуем.

— Нет!

— Взгляни! — АА перебросила Чэн Синь другое небольшое окно, показывавшее соседние корабли. Их хвостовые стабилизаторы охватывали петли системы охлаждения, предназначенные для сброса тепла из термоядерного реактора. Чэн Синь увидела, что охлаждающие петли соседних челноков начали тлеть красным. Это значило, что реакторы включены и корабли готовятся к старту.

— Лучше нам взлететь до того, как это сделают они, — проговорила АА.

Если какой-то из этих челноков взлетит, его плазма расплавит шасси стоящих рядом кораблей, и они повалятся на спекшуюся землю.

— Нет! Стоп! — Голос Чэн Синь звучал ровно,

но непоколебимо. На своем веку она испытала катастрофы и похуже. И сейчас будет вести себя спокойно и с достоинством.

— Почему? — АА говорила так же ровно, как ее подруга.

— Потому что вокруг люди.

АА прекратила печатать и повернулась к Чэн Синь.

— Скоро и от тебя, и от меня, и от всех этих людей, да и от самой Земли только клочья полетят! И как ты отличишь тогда, кто из этих клочьев святой, а кто подонок?

— Наши ценности остаются ценностями — во всяком случае, пока. Я президент концерна «Гало». Этот челнок принадлежит компании, а ты в ней наемный служащий. Я обладаю всей полнотой власти, чтобы принять такое решение.

АА несколько мгновений пристально смотрела в глаза Чэн Синь, затем кивнула и закрыла окно управления. Она выключила также и все другие инфоокна, изолировав кабину от обезумевшего мира.

— Спасибо, — сказала Чэн Синь.

АА ничего не ответила. И вдруг подскочила, как будто внезапно что-то вспомнив. Схватив лежащую на одном из свободных кресел лазерную

винтовку, она полезла вниз по лестнице.

— Не отстегивайте ремни! Посудина может опрокинуться в любой момент! — крикнула она.

— Ты что задумала? — встревожилась Чэн Синь.

— Если мы не полетим, они тоже не полетят. А вот хрен им по всему рылу!

АА открыла наружный люк, вышла и немедленно заперла его за собой, чтобы никто не смог прорваться в челнок. Затем спустилась по трапу и выстрелила в хвостовой стабилизатор ближайшего корабля. От стабилизатора поднялось облачко дыма, а в обшивке образовалось маленькое отверстие размером с палец. Этого достаточно. Система управления челнока обнаружит неисправность, и бортовой искин откажется начать предстартовую циклограмму. Эту меру предосторожности не мог отменить никто.

Охлаждающий контур начал тускнеть — значит, реактор остановлен. Поворачиваясь вокруг себя, АА проделала аккуратные дырки в хвостах всех восьми соседних кораблей. В обстановке царящей паники, среди клубов горячей пыли и дыма никто не заметил, чем она занимается.

Люк одного из челноков распахнулся, и по трапу сбежала элегантно одетая женщина. Обойдя

вокруг корабля, она обнаружила дырку. Женщина зашлась в истерическом плаче, затем упала и принялась кататься по земле и биться головой о шасси. Но никто не обращал на нее внимания. Все, что заботило толпу, — это люк челнока, оставшийся открытым. Люди устремились вверх по трапу и попытались протиснуться внутрь корабля, который больше не мог летать...

АА взбежала по ступеням и затолкала обратно Чэн Синь, которая как раз высунула голову из люка, после чего сама влетела в кабину и захлопнула за собой люк. Ее тут же вырвало.

— Там такой запах... — выдавила АА, когда рвота поутихла, — как на пикнике с шашлыками...

— Мы умрем? — спросила одна из девочек, выглядывая в проход между креслами над головами подруг.

— Мы станем свидетелями события вселенского масштаба, — заверила ее АА, напустив на себя таинственный вид.

— Какого события?

— Это самое впечатляющее зрелище на свете. Солнце обратится в гигантский фейерверк!

— А потом?

— Потом? Ничего. Что может быть там, где ничего нет? — АА вскарабкалась по лестнице и по

очереди погладила каждого из детей по голове. Она не собиралась лгать им. Если они сумели ответить на ее вопросы, наверняка они достаточно сообразительны, чтобы понять ситуацию.

И снова АА и Чэн Синь сидели рядом друг с другом. Чэн Синь накрыла своей ладонью руку АА.

— Мне очень жаль...

АА улыбнулась в ответ. Какая знакомая улыбка... В глазах Чэн Синь ее подруга всегда оставалась юной и бодрой, темная сторона мира не так сильно изглодала ее. Чэн Синь чувствовала себя более зрелой, чем АА, но и более слабой.

— Да ладно, не парься, — вздохнула АА. — Все суета. Сколько ни дергайся, результат один. Теперь, по крайней мере, можно расслабиться.

Если «Ореол» и правда относится к звездному классу, он достигнет Юпитера гораздо быстрее ожидаемого. Хотя расстояние между Землей и Юпитером слишком мало, чтобы развить максимальную скорость, на полет потребовалось бы всего около двух недель...

Похоже, АА поняла ход мыслей подруги.

— Даже если бы система раннего предупреждения работала на полную катушку, мы получили бы от нее сигнал максимум за сутки до события. Так что, по здравом размышлении, я думаю, это

ложная тревога, — проговорила она.

Вот, значит, почему АА так легко подчинилась решению Чэн Синь!

Правота АА довольно скоро подтвердилась. Чиновник из Совета обороны планеты, который одновременно являлся и членом КРИ, позвонил Чэн Синь и сообщил, что Конгресс Флотов и ООН выпустили совместное заявление, в котором объявляли тревогу ложной. Не было обнаружено ни малейших признаков атаки «темного леса». АА открыла несколько окон — почти все они передавали одно и то же. Самочинные старты прекратились. Все еще царил хаос, но во всяком случае ситуация не ухудшалась.

Как только снаружи все немного улеглось, Чэн Синь и АА вышли из челнока. Их глазам предстало настоящее побоище. Всюду лежали черные, обуглившиеся тела, некоторые еще пылали. Значительная часть кораблей повалилась на землю, другие покосились, опираясь друг на друга. В общей сложности со стоянки взлетело девять челноков; в небе все еще были ясно различимы их следы — словно кто-то расцарапал небосклон. Толпа больше не неистовствовала. Одни люди сидели на земле, другие стояли недвижно, будто столбы, третьи бесцельно шатались вокруг, и

никто, казалось, не мог понять: происшедшее — это реальность или кошмар наяву? Прибывали стражи порядка, подтягивались спасательные команды.

— Следующая тревога может оказаться настоящей, — произнесла АА. — Поехали со мной на Юпитер! По ту сторону Юпитера наш концерн строит космоград.

Вместо ответа Чэн Синь спросила:

— А что это за странные дела с «Ореолом»?

— Я говорила не о первоначальном корабле с тем же именем, а о новом мини-звездолете. При межпланетном путешествии он может взять на борт двадцать пассажиров, при межзвездном — пять. Совет директоров решил построить его для тебя. Ты можешь пользоваться им как мобильным офисом около Юпитера.

Разница между планетолетом и звездолетом та же, что между одновесельным речным паромом и океанским контейнеровозом водоизмещением в десятки тысяч тонн. Разумеется, дело тут не в размерах — существовали и маленькие звездолеты. В сравнении с межпланетниками звездолеты обладали более совершенными двигателями; их оснащали замкнутыми экосистемами, причем у каждой из подсистем было три или четыре

резервных. Если Чэн Синь и в самом деле отправится к Юпитеру на новом «Ореоле», то, что бы ни случилось, корабль обеспечит ее всем необходимым до конца ее дней.

Чэн Синь покачала головой.

— Лети без меня. Возьми «Ореол». Я все равно не принимаю участия в текущих делах концерна, так что вполне могу остаться на Земле.

— Ты просто не хочешь оказаться среди тех немногих, кто выживет!

— Я буду здесь вместе с миллиардами людей. Что бы ни произошло, когда с тобой это разделяют миллиарды других, становится не так страшно.

— Я волнуюсь за тебя, — проговорила АА и положила руки на плечи Чэн Синь. — Меня беспокоит не то, что ты погибнешь вместе со всеми остальными, а что тебе доведется испытать что-нибудь похуже смерти!

— Я это уже проходила.

— Если ты продолжишь мечтать о световом корабле, тебе придется пройти это еще не раз. Уверена, что выдержишь?

* * *

Ложная тревога привела к самым бурным социальным потрясениям со времен Великой

пади. Быстро закончившись и причинив лишь ограниченный ущерб, они все же нанесли общественному сознанию глубокую травму.

Почти во всех космопортах планеты (а их было несколько тысяч) произошли старты челноков, окруженных людьми. В пламени термоядерных двигателей сгорело больше десяти тысяч человек. У наземных терминалов космических лифтов вспыхнули вооруженные столкновения, и эти конфликты имели международный характер. Некоторые страны попытались захватить интернациональные терминалы в тропических водах, и только своевременное сообщение о ложной тревоге предотвратило полномасштабную войну. На орбитах Земли и даже на Марсе люди дрались за места в космических кораблях.

Вдобавок к выродкам, пошедшим на убийство ради собственного спасения, еще один факт вызвал резкое порицание общественности: выяснилось, что на геосинхронной орбите и на обратной стороне Луны тайно строятся десятки маленьких кораблей звездного и квази-звездного класса. Последние оснащались замкнутой экосистемой — такой же, как у звездолетов, но их двигатели годились только для межпланетных путешествий. Часть этих роскошных яхт при-

надлежала большим корпорациям, остальные — богачам. Они отличались небольшими размерами, и их системы жизнеобеспечения были рассчитаны на малое количество пассажиров. Яхты имели лишь одно предназначение: долгое ожидание под защитой планет-гигантов.

Система заблаговременного предупреждения пока еще только строилась и могла объявить тревогу не ранее чем за сутки до удара. Если бы атака «темного леса» случилась на самом деле, ни у кого не хватило бы времени долететь до Юпитера, ближайшей планеты-экрана. По сути, Земля раскачивалась на тоненьком волоске над морем смерти. Разумом это осознавали все; отвратительные же бесчинства, разразившиеся во время ложной тревоги, были вызваны не чем иным, как массовым помешательством. Инстинкт самосохранения одержал верх над рациональным мышлением.

В настоящий момент в районе Юпитера проживало пятьдесят тысяч человек; большинство из них — служащие космических сил с юпитерианской военной базы, остальные — разработчики проекта космических убежищ. У этих людей были причины, чтобы находиться около Юпитера, и публика не имела к ним никаких претензий.

Но богатые владельцы мини-звездолетов — о, это совсем другое дело! Как только они достроят свои яхты, они смогут вечно укрываться «за спиной» огромной планеты.

С точки зрения закона — по крайней мере, до нынешнего момента — ни международных, ни внутренних запретов на строительство звездолетов организациями или частными лицами не существовало, а ожидание за газовыми гигантами — не то же самое, что эскапизм. И все же обнаружившееся неравенство стали рассматривать как величайшую несправедливость в истории человечества: неравенство в смерти.

В истории человечества неравенство по большей части проявлялось в экономической и социальной сферах, но перед смертью все были равны. Следует признать, что и тут есть нюансы: например, услуги медицины доступны не всем в одинаковой мере; люди обеспеченные выходят из природных катастроф с меньшими потерями, чем бедняки; у солдат и у гражданских разные шансы уцелеть в войне, и тому подобное. Но никогда еще в истории не возникала ситуация, когда лишь одна десятитысячная населения могла отправиться в безопасное укрытие, бросив миллиарды погибать на Земле.

Даже в древние времена не стали бы терпеть такую несправедливость, а о нынешних и говорить нечего.

Все это прямиком привело к тому, что на планете воцарилось весьма скептическое отношение к светолетам.

Хотя корабли, скрывшиеся за щитом Юпитера и Сатурна, сумели бы переждать атаку «темного леса», жизни на них не позавидуешь. Как бы ни старались системы жизнеобеспечения создать на борту комфорт, пассажирам все это время пришлось бы прозябать в холодных, пустынных регионах космоса в полной изоляции. Однако, как показали наблюдения Второго Трисолярианского флота, звездолет на искривительной тяге мог достичь скорости света почти мгновенно. Такой корабль долетел бы от Земли до Юпитера за один час, и для него сигнал от системы предупреждения был бы более чем достаточным. Значит, владельцы светолетов, люди богатые и обладающие властью, могли спокойно наслаждаться жизнью на Земле и покинуть ее в самое последнее мгновение, бросив миллиарды на произвол судьбы. Терпеть такое положение общество не собиралось. Нагоняющие ужас картины паники во время ложной тревоги не меркли в

сознании людей, и большинство склонялось к мысли, что появление световых кораблей приведет к мировому хаосу. Вот почему план создания искривительного привода столкнулся с невиданным доселе сопротивлением.

* * *

Паника во время ложной тревоги была результатом взрывной реакции гиперинформационного общества на сведения, затрагивавшие особо чувствительные зоны общественного сознания. Толчком к панике послужило обнаружение системой раннего предупреждения некой аномалии. Аномалия действительно существовала, но к фотоидам не имела никакого отношения.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Космические часовые

В прошлом Земля наблюдала фотоиды лишь дважды: при уничтожении звезды 187J3X1 и при гибели Трисоляриса. Поэтому сведения о данном феномене были довольно ограниченными. Ученые знали только, что фотоид двигался со скоростью, близкой к скорости света, но ни об объеме, ни о массе покоя или релятивистской массе объекта они не имели никаких данных. Фотоид, по всей вероятности, являлся самым примитивным оружием для разрушения звезд, потому что расчет шел только на его неимоверную кинетическую энергию, порожденную релятивистской массой. Как только цивилизация овладевала технологией разгона объектов до околосветовых скоростей, она могла придать «пуле» с крохотной массой невероятную разрушительную силу. Атаку с помощью столь малого снаряда и впрямь можно назвать «малозатратной».

Наиболее ценные сведения о фотоидах были получены непосредственно перед гибелью системы Трисоляриса. Ученые сделали важное открытие:

фотоид, движущийся на сверхвысокой скорости и сталкивающийся с редкими рассеянными в космосе атомами и частицами межзвездной пыли, испускает мощное излучение в диапазоне от видимого света до гамма-лучей. Это излучение обладает определенными параметрами. Поскольку фотоиды очень малы, наблюдать их напрямую невозможно. А вот характерная радиация поддается обнаружению.

На первый взгляд, заблаговременно предупредить о приближении фотоида невозможно, потому что он движется с околосветовой скоростью, то есть почти так же быстро, как и порождаемое им излучение. Оба — и фотоид, и его излучение — достигают цели практически одновременно. Иными словами, наблюдатель находится вне светового конуса событий.

Но в реальности дело обстоит немного сложнее. Любой объект, обладающий массой покоя, не может лететь со скоростью света. Хотя скорость фотоида и приближается к скорости света, она все-таки немного меньше. Эта разница означает, что излучение фотоида движется чуть быстрее его самого. Чем большее расстояние преодолевает фотоид, тем значительнее становится разница. К тому же его траектория не представляет собой

абсолютно прямую линию. Поскольку фотоид имеет массу покоя, он не может избежать отклоняющего воздействия небесных тел; поэтому его путь к цели всегда слегка искривлен, и эта кривизна намного больше кривизны, которую приобретает луч света в том же поле тяготения. Чтобы фотоид точно попал в цель, необходимо принять в расчет этот эффект. Путь, который пройдет фотоид, будет длиннее, чем путь его излучения.

По этим двум причинам радиация фотоида достигнет Солнечной системы раньше его самого. Приблизительный период предупреждения в двадцать четыре часа был рассчитан исходя из максимального расстояния, на котором можно будет заметить приходящее от фотоида излучение. К тому моменту, как оно достигнет Земли, сам фотоид будет находиться на расстоянии примерно 180 а. е.

Но это в лучшем случае. Если фотоид выпустят с пролетающего поблизости звездолета — как в случае с Трисолярисом, — заблаговременно подать сигнал тревоги не получится.

Всего в Солнечной системе планировали построить тридцать пять наблюдательных пунктов. В поисках фотоидов они станут следить за небом

во всех направлениях.

Эра Космической Передачи, год 8-й. Судьбоносный выбор

За два дня до ложной тревоги;
наблюдательный пункт № 1

Наблюдательным постом № 1 был фактически телескоп Ринье-Фицроя, сооруженный в конце Эры Кризиса. Более семидесяти лет назад именно эта станция первой обнаружила зонды сильного ядерного взаимодействия — трисолярианские «капли». Станция по-прежнему располагалась у внешнего края пояса астероидов, но все ее оборудование заменили на новое. Взять, например, оптический телескоп. Его линзы увеличили: диаметр самой большой из них вырос с тысячи двухсот до двух тысяч метров — на ней мог бы разместиться небольшой городок. Эти огромные линзы изготовили из материалов, добытых непосредственно в поясе астероидов. Первой произвели линзу среднего размера — диаметром пятьсот метров. Потом с ее помощью фокусировали солнечный свет и направляли его на астероиды. Из расплавленного камня делали чистейшее стекло, из которого затем изготовляли

следующие линзы. В общей сложности в космосе на значительном расстоянии друг от друга плавало шесть линз, выстроившихся в десятикилометровую колонну. Сама станция наблюдения располагалась у конца колонны, и персонала на ней было всего два человека.

Эта команда по-прежнему состояла из одного ученого и одного военного. Офицер следил за возможными эмиссиями фотоидов, а ученый занимался астрономическими и космологическими исследованиями. Таким образом, заложенная триста лет назад традиция яростных споров, кому и сколько работать с телескопом, жила и процветала.

После того как испытания самого большого в истории телескопа завершились и он успешно сделал свой первый снимок — фотографию звезды в сорока семи световых годах от Солнца, — Видналл, астроном, испытал такую радость, как если бы у него родился сын. Людям несведущим было невдомек, что до сих пор телескопы только усиливали яркость света, приходящего от звезд, но не могли показать их форму. В самых мощных телескопах звезды выглядели как крохотные точки, просто чуть ярче, чем в оптических приборах послабее. Но сейчас на снимке,

сделанном с помощью нового супертелескопа, впервые стало возможно разглядеть диск звезды! Пусть он совсем маленький — как шарик для пинг-понга с расстояния в десять метров — и никаких подробностей не различить, все равно это было эпохальное событие в истории древней науки — оптической астрономии.

— Из глаз астрономии удалили катаракту! — экзальтированно воскликнул Видналл и утер набежавшую слезу.

Но младший лейтенант Василенко не впечатлился.

— Вы бы лучше не забывали, зачем мы здесь. Мы часовые. В старину мы стояли бы во весь рост на деревянной наблюдательной вышке где-нибудь на дальнем пограничье, в пустыне или в снегах, на ветрах и на морозе, и следили, не покажется ли противник. И завидев на горизонте танки или всадников на лошадях, тотчас позвонили бы по телефону, или подали дымовой сигнал, или еще что — словом, информировали бы родину, что началось вражеское вторжение... Вот как надо мыслить! Тут вам не обсерватория!

Видналл оторвался от терминала с изображением далекой звезды и выглянул в иллюминатор. Неподалеку парило несколько бесформенных

камней — остатки астероидов, из которых выплавили стекло. Камни, медленно вращавшиеся в холодных лучах Солнца, казалось, еще больше подчеркивали пустоту и одиночество космоса. Картина и впрямь настраивала на образ мышления, о котором говорил младший лейтенант.

— Если мы действительно обнаружим фотоид, — вздохнул Видналл, — то лучше бы тогда вообще не подавать сигнал тревоги, все равно толку с него чуть. Умереть внезапно, не осознав, что, собственно, с тобой случилось, — в общем-то счастливый жребий. Но вы бы предпочли, чтобы несколько миллиардов человек мучились целые сутки. Да это самое настоящее преступление против человечества!

— Ну тогда мы с вами — самые большие неудачники в мире, потому что узн`аем о своем жребии раньше всех остальных.

Станция наблюдения получила новый приказ от Командования Флотами: настроить телескоп на наблюдение за останками системы Трисоляриса. На этот раз Видналл не стал затевать с Василенко спор, потому что у него самого разрушенный мир вызывал живейший интерес.

Из сопел плазменных маневровых двигателей, расположенных по периметру линз, вырвалось

голубое пламя. Линзы задвигались, занимая нужную позицию. Только сейчас, когда пламя корректирующих двигателей обозначило контуры телескопа, стало возможно различить самые отдаленные из линз. Десятикилометровая колонна медленно повернулась и остановилась, направив глаз телескопа на систему Трисоляриса. Линзы заскользили вверх и вниз вдоль оптической оси, подстраивая фокус. Наконец пламя почти везде погасло, только время от времени кое-где поблескивали светлячки: шла тонкая настройка.

На необработанной картинке система Трисоляриса выглядела совсем непримечательно: белесое пятно, похожее на перышко, едва различимое на черном фоне космоса. Но после обработки и увеличения перед глазами исследователей возникла колоссальная туманность, заняв собой весь экран. С момента трагедии прошло семь лет; значит, сейчас наблюдатели видели то, что происходило через три года после катастрофы. Под влиянием тяготения и углового момента погибшей звезды пучок резких, расходящихся из одной точки лучей превратился в мягко светящееся плоское облако, которое под действием центробежной силы закрутилось в спираль. Над

облаком виднелись два оставшихся солнца: одно — как диск, другое, более отдаленное — как световая точка, распознать которую среди других таких же точек-звезд можно было только по ее перемещению на их фоне.

Пережившие катастрофу звезды образовали то, о чем мечтали многие поколения трисоляриан — стабильную двойную систему. Но некому было насладиться их светом, потому что около этих звезд не осталось больше ни единого живого существа. Теперь стало предельно ясно, что удар «темного леса» уничтожил лишь одну звезду из трех не только из соображений «экономии», но и преследуя куда более страшную цель: до тех пор, пока в системе присутствуют одна или две звезды, они будут постоянно поглощать материал «облака», при этом испуская мощное излучение. Система Трисоляриса представляла собой сейчас радиационную топку — царство смерти, где невозможны ни жизнь, ни цивилизация. Именно благодаря свечению под действием этой радиации туманность и была так хорошо видна в телескоп.

— Напоминает вид с горы Эмэйшань, — произнес Василенко. — Это в Китае. Луна с ее вершины — просто что-то невероятное. В ту ночь, когда я

был там, гора возвышалась над бескрайним морем облаков, которые в свете луны сияли чистым серебром. Очень похоже на эту картину.

Вид серебристого кладбища в сорока триллионах километров от Земли настроил Видналла на философский лад:

— С точки зрения науки, «уничтожение» — не совсем точный термин. Ведь ничто не исчезло. Вся материя, которая там была, там и осталась. То же самое относится и к угловому моменту. Нарушена только организация материи, как при перетасовке карт. Но жизнь — она как стрит-флеш[49]: стоит только перемешать колоду — и прости-прощай выигрыш.

Видналл опять внимательно всмотрелся в картинку на экране и вдруг...

— А это еще что такое?! — Он ткнул пальцем в пятнышко на некотором расстоянии от «облака». Согласно масштабу, оно находилось в 30 а. е. от центра туманности.

Василенко уставился в экран. Он не обладал цепким глазом астронома и не мог с ходу разгля-

---

[49] Примечания: 49

Стрит-флеш (англ. Straight-flush) — самая старшая покерная комбинация, состоящая из пяти карт одной масти, идущих подряд по достоинству. Разумеется, собрать такую комбинацию подобно чуду. — *Прим. перев.*

деть неладное. Но, присмотревшись, он различил на угольно-черном фоне еле заметную окружность, похожую на мыльный пузырь в космосе.

— Да он огромный! Диаметр примерно... примерно десять астрономических единиц. Это что — пыль?

— Какая там пыль! Пыль выглядит совершенно иначе.

— А раньше вы его не видели?

— Раньше этого никто на свете не мог видеть. Но что бы это ни было, оно прозрачное, с еле заметной границей. До сегодняшнего дня самые большие телескопы не были бы в состоянии высмотреть это образование.

Видналл немного уменьшил масштаб, чтобы получить более точное представление о позиции странного нового объекта относительно двойной звезды, и попробовал оценить вращение «облака», которое снова превратилось в маленькое белое пятно на фоне черной пропасти космоса.

На расстоянии около 6000 а. е. от системы Трисоляриса он обнаружил еще один «мыльный пузырь» — гораздо больший, чем первый, диаметром примерно 50 а. е.

— Боже мой! — воскликнул Василенко. — Вы знаете, что это такое?!

Видналл еще какое-то время всматривался в экран, а затем задумчиво произнес:

— На этом самом месте Второй Трисолярианский флот перешел на скорость света, не так ли?

— Именно!

— Вы уверены?

— Моя прежняя работа состояла в том, чтобы наблюдать за этой частью пространства. Я знаю его как свои пять пальцев!

Вывод был неизбежен: при переходе на скорость света корабли оставили за собой следы, которые со временем, видимо, не исчезли, а разрослись, изменив физическую природу окружающего пространства.

Первый, маленький, пузырь находился внутри системы Трисоляриса. Возможны несколько объяснений. Либо поначалу трисоляриане не знали, что двигатель, искривляющий пространство, оставит за собой такой след, и пузырь возник в ходе испытаний; либо знали, но оставили следы внутри своей звездной системы нечаянно, по ошибке. Одно было ясно: трисоляриане старались по возможности не «пачкать», где не надо. Одиннадцать лет назад Второй Трисолярианский флот целый год шел на обычной тяге, и только удалившись на 6 тысяч астрономических единиц

от дома, включил световые двигатели. Цель: оставить следы как можно дальше от родного мира. Хотя было уже поздно.

В то время поведение Второго флота казалось людям непонятным. Самое убедительное объяснение состояло в том, что трисоляриане хотели уберечь родную планету от негативного воздействия перехода четырехсот пятнадцати кораблей на скорость света. Но сейчас стало ясно: они пытались не наследить поблизости от дома. По той же причине флот вышел из режима полета со скоростью света за 6 тысяч астрономических единиц до Солнечной системы.

Видналл с Василенко уставились друг на друга. В глазах обоих исследователей горел страх. Они одновременно пришли к одному и тому же выводу.

— Нужно немедленно доложить об этом! — воскликнул Видналл.

— Но мы должны докладывать по расписанию, а время еще не наступило. Экстренный рапорт все воспримут как сигнал тревоги.

— Да это и есть тревога! Мы обязаны послать предупреждение, не то выставим себя врагу напоказ!

— Ну, у страха глаза велики. Исследования в

области световых кораблей только-только начались. Дай нам бог построить один такой где-то через полвека!

— Да, но что, если даже начальные испытания оставят след наподобие этого? Кто знает, может, где-нибудь в Солнечной системе уже идут такие эксперименты?!

Итак, пучок нейтрино понес информацию с грифом «высокий уровень опасности» в Объединенное командование флотами. Затем рапорт ушел в СОП. А там произошла утечка; рапорт истолковали как предупреждение о фотоиде, что и привело через два дня к глобальной панике.

«Пузыри» появлялись, когда корабли переходили на скорость света, подобно тому, как взлетающий челнок оставляет на пусковой платформе выжженные пятна. После перехода звездолеты продолжали двигаться со скоростью света по инерции и больше следов не оставляли. Разумно предположить, что и при переходе со скорости света на обычный режим появятся такие же «пузыри». Длительность их существования оставалась, однако, неизвестной. Ученые высказали догадку, что «пузыри» — это некое искажение пространства, случившееся под действием релятивистских двигателей, и существовать оно

может очень долго, а возможно, даже вечно.

Наверно, Томоко, утверждавшая, что космическим наблюдателям Трисолярис представляется гораздо более опасным, чем Солнечная система, как раз и имела в виду «пузырь» размером в 10 а. е., оставленный внутри системы Трисоляриса. Скорее всего, именно поэтому удар «темного леса» последовал так быстро. След и переданные на всю Вселенную координаты этого мира послужили взаимным подтверждением, и рейтинг опасности Трисоляриса резко вырос.

В последующие месяцы наблюдательный пункт № 1 открыл еще шесть следов от световых двигателей в различных участках космоса. Все они были шарообразной формы, хотя размеры варьировались очень широко: от 15 до 200 а. е. Засекли и «пузырь» в 6 тысячах астрономических единиц от Солнца — по-видимому, след Второго Трисолярианского флота, перешедшего на обычную скорость. А вот другие «пузыри», похоже, не имели никакого отношения ко Второму флоту. Это подтверждало, что подобное явление во Вселенной не редкость.

После открытий, сделанных «Синим космосом» и «Гравитацией» в четырехмерном фрагменте, наблюдения станции Ринье-Фицроя стали еще од-

ним прямым доказательством того, что в космосе существует большое количество высокоразвитых цивилизаций.

Один из следов обнаружили всего лишь в 1,4 светового года от Солнца, поблизости от облака Оорта. По-видимому, там некоторое время находился какой-то корабль, который затем ушел с места со скоростью света. Когда это случилось, никто не знал.

Открытие следов, оставляемых двигателями, искривляющими пространство, окончательно поставило крест на полетах со скоростью света, к которым и без того относились с огромным скепсисом. Конгресс Флотов и ООН быстро приняли законодательный акт, запрещающий любые разработки в данной области, и национальные государства сразу же приняли такие же. Этот запрет стал самой строгой из мер, направленных против развития технологии, со времен договора о нераспространении ядерного оружия триста лет назад.

У человечества оставались теперь только две альтернативы: космические города-убежища и черный домен.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Ужас вечной ночи

На первый взгляд, работы над технологией полета со скоростью света были прекращены по очевидным причинам: требовалось избежать разоблачения перед возможным противником и предотвратить рост рейтинга опасности Земли в глазах наблюдателей из космоса. Любой из этих факторов мог привести к скорой атаке «темного леса». Но существовали и другие, более глубинные причины.

Со времен Общей Эры и до конца Эры Кризиса человечество взирало на звезды с надеждой. Но первые же его шаги в этом направлении обернулись горем и страданием. Трагическая битва Судного дня показала, насколько уязвим человек в космосе, а междоусобная война Тьмы нанесла духу землян тяжелейшую травму. События более позднего времени, такие как осуждение «Бронзового века» и захват «Гравитации» «Синим космосом», закончившийся Космической Передачей, еще больше углубили эти раны, а пережитая боль выросла до философского, мировоззренче-

ского уровня.

Собственно говоря, большинство рядовых членов общества мало интересовалось световыми кораблями. Обыватели считали, что, даже если подобные корабли и появятся при их жизни, у простого народа не будет ни малейшего шанса ими воспользоваться.

Людей намного больше занимал проект космоградов-убежищ — наиболее реалистичный способ выживания. Несомненно, план черного домена тоже вызывал интерес, потому что три века страха породили в человечестве жажду спокойной, мирной жизни, а черный домен как раз такую жизнь и обещал. Хотя люди и испытывали разочарование при мысли об изоляции от остальной Вселенной, Солнечная система достаточно велика, чтобы не сильно переживать по этому поводу. Народ больше интересовался проектом убежищ, а не планом черного домена, потому что даже неспециалистам было ясно: замедлить скорость света — запредельно сложная задача. Все соглашались, что человеку вряд ли под силу осуществить «Инженерный проект Господа Бога».

С другой стороны, идея световых кораблей занимала умы представителей высших классов общества, среди которых были как ее упорные

противники, так и ярые сторонники.

Фракция, выступающая за путешествия со скоростью света, полагала, что для человечества самый надежный способ выжить — это выйти на просторы Млечного Пути и основать поселения у других звезд. В нашей бесчувственной Вселенной шанс на существование имеют только цивилизации, открытые космосу; изоляционизм ведет к гибели. Те, кто исповедовал эти убеждения, не противились проекту космических убежищ, но от всей души презирали план черного домена, считая, что с его помощью человечество само выроет себе могилу. Да, черный домен обеспечит землянам долговременное существование, но такая жизнь равнозначна смерти цивилизации.

В основе воззрений их противников лежали политические причины. Они считали, что человеческая цивилизация прошла через множество тяжелейших испытаний, прежде чем развиться в почти идеальное демократическое общество; но стоит людям выйти в космос — и в социальном плане они откатятся назад. Космос, словно кривое зеркало, во много раз усиливал темную сторону человечества. Девизом фракции стало высказывание на суде обвиняемого Себастьяна Шнайдера, члена экипажа «Бронзового века»:

«Людям, затерянным в космосе, нужно не более пяти минут, чтобы скатиться в тоталитаризм».

Противников выхода в широкий космос приводила в ужас мысль, что демократическая, цивилизованная Земля станет рассадником тоталитаризма и рассеет его семена по всему Млечному Пути.

Малышка — человеческая цивилизация — открыла дверь своего дома, выглянула наружу и увидела вечную ночь. Бескрайняя непроглядная темень так напугала ее, что она, задрожав с ног до головы, захлопнула дверь поплотнее.

Эра Космической Передачи, год 8-й. Точка Лагранжа Земля — Солнце

И снова Чэн Синь вернулась в ту точку пространства, где силы тяготения Земли и Солнца уравниваются. Со дня ее свидания с Юнь Тяньмином прошел год. В этот раз она гораздо меньше волновалась перед поездкой. Чэн Синь вызвалась добровольцем на эксперимент для проекта космических убежищ.

Конгресс Флотов и ООН проводили это испытание совместно. Целью было проверить, насколько эффективным защитным барьером окажутся планеты — газовые гиганты — при взрыве Солнца.

Роль взрывающегося Солнца сыграет сверхмассивная водородная бомба. Мощность подобного оружия больше не измеряли в тротиловом эквиваленте, но эта бомба потянула бы примерно на триста мегатонн. Для более реалистичного моделирования физических условий бомбу заключили в толстую оболочку, призванную имитировать звездное вещество, которое будет выброшено при взрыве. В качестве моделей планет использовали фрагменты астероидов. Четыре

из них, представлявшие планеты земной группы, достигали десяти метров в диаметре; те же, что имитировали газовые гиганты, были намного больше — около ста метров. Эти восемь каменных обломков располагались вокруг бомбы на расстояниях, пропорциональных расстояниям от Солнца до соответствующих планет, так что вся модель напоминала Солнечную систему в миниатюре. «Меркурий», самая близкая «планета», располагался в четырех километрах от «Солнца», а «Нептун» — самая дальняя — в трехстах. Испытание проводили в точке Лагранжа, чтобы свести к минимуму влияние тяготения Солнца и планет — тогда модель будет какое-то время сохранять относительную стабильность.

Вообще-то ученые считали этот эксперимент излишним. Компьютерная модель, построенная на реальных данных, давала более адекватные и заслуживающие доверия результаты. А если все же требовались физические измерения, их можно было бы провести в лаборатории. Неважно, что масштаб при этом был бы меньше: тщательно выверенная модель обеспечила бы достаточную точность. Как научный эксперимент предстоящее моделирование в космосе было не просто топорным — оно граничило с идиотизмом.

Дело в том, что конечной целью экспериментаторов, придумавших, запланировавших и осуществивших испытания, являлись вовсе не научные результаты. Этот дорогущий пропагандистский спектакль был призван укрепить веру землян в проект космических убежищ. Наглядность, зрелищность, эффектность — вот что требовалось для трансляции в прямом эфире.

После окончательного отказа от дальнейших исследований светового полета обстановка на Земле стала походить на ту, что была в начале Эры Кризиса. Тогда глобальная защита от вторжения трисоляриан включала в себя два компонента: первый — основной — план предусматривал создание комплексной обороны Солнечной системы; вторым был проект «Отвернувшиеся». Сейчас основной прицел взяли на космические города-убежища. План черного домена, как и проект «Отвернувшиеся», был рискованной игрой со многими неизвестными. Оба плана осуществлялись параллельно, но поскольку черный домен до поры до времени предполагал только теоретические исследования, он не требовал слишком больших вложений. Зато проект космоградов затрагивал ресурсы всего общества, и следовало всеми силами обеспечить ему всенародную

поддержку.

Чтобы протестировать защитный эффект «газовых гигантов», достаточно было установить за соответствующими астероидами наблюдательную аппаратуру или, возможно, даже поместить туда животных. Но организаторы хотели вызвать сенсацию и потому решили задействовать в эксперименте людей. По всей планете объявили о наборе добровольцев.

АА надоумила Чэн Синь послать заявку. Это же бесплатная реклама! Какая великолепная возможность обеспечить «Гало» популярность у публики как раз тогда, когда концерн собирается присоединиться к проекту космоградов! Обе подруги понимали, что эксперимент подготовлен очень тщательно. Он, может, и выглядит жутковато, но опасности на самом деле нет.

Шлюпка Чэн Синь пряталась в тени камня, имитирующего Юпитер. Формой он походил на картофелину, примерно 110 метров в длину, средняя ширина около 70 метров. В течение двух месяцев астероид буксировали сюда с его «родины» — из пояса астероидов. Во время транспортировки какой-то артистически настроенный и томившийся от безделья инженер намалевал на булыжнике разноцветные полосы, наподобие

юпитерианских, не забыв и Большое Красное Пятно. Впрочем, разрисованный астероид скорее походил не на Юпитер, а на космического циклопа с красным глазом.

Как и в предыдущий раз, шлюпка Чэн Синь летела навстречу сияющему Солнцу, но стоило ей только войти в тень астероида, все кругом мгновенно померкло — ведь в космосе нет воздуха, чтобы рассеивать солнечный свет. Так что Солнца по ту сторону астероида все равно что не существовало. У Чэн Синь возникло чувство, будто она стоит у подножия утеса в полночь.

Даже без заслона астероидов разглядеть бомбу-«Солнце» на расстоянии пятидесяти километров было невозможно. Но взглянув в другую сторону, Чэн Синь увидела «Сатурн». В соответствии с масштабом он находился в ста километрах от «Солнца» и в пятидесяти километрах от «Юпитера». Размер у этого астероида был примерно такой же; в солнечных лучах он несколько выделялся на фоне космоса, так что Чэн Синь с некоторым усилием могла различить его форму. В двухстах километрах отсюда висел «Уран» — блестящая точка, практически неотличимая от других звезд. Остальные «планеты» оставались невидимыми.

Помимо шлюпки Чэн Синь за «Юпитером»

пристроились еще девятнадцать летательных аппаратов. Все вместе они изображали двадцать запланированных юпитерианских космоградов. Корабли выстроились в три ряда, шлюпка Чэн Синь находилась в переднем — примерно в десяти метрах от астероида. В остальных космолетах сидело больше сотни добровольцев. АА тоже собиралась отправиться вместе с подругой, но дела компании не позволили. Шлюпка Чэн Синь оказалась единственной за «Юпитером», в которой сидел лишь один пассажир.

Участники эксперимента видели ярко-голубую Землю, до которой было около полутора миллионов километров. Свыше трех миллиардов жителей планеты смотрели сейчас прямой репортаж из космоса.

Таймер принялся отсчитывать последние десять минут перед детонацией. Каналы связи затихли. И вдруг тишину нарушил мужской голос:

— Привет. Я рядом с тобой.

Чэн Синь вздрогнула — она узнала голос. Ее шлюпка была крайней в ряду из пяти космолетов. Взглянув направо, Чэн Синь увидела сферическую шлюпку, очень похожую на ту, в которой она летала сюда год назад. Почти половина обшивки была прозрачной, внутри пятеро пасса-

жиров. Ближе всех сидел не кто иной, как Томас Уэйд, и махал ей рукой. Молодая женщина сразу узнала его: в отличие от остальных, на нем был не легкий скафандр, а черная кожаная куртка. Он как будто демонстрировал свое презрение к космосу. Один рукав пуст — значит, Уэйд не позаботился обзавестись протезом.

— Давай пристыкуемся, чтобы я мог перейти к тебе, — сказал Уэйд. Не ожидая согласия, он запустил стыковочную последовательность. Его аппарат включил маневровые двигатели и медленно приблизился к шлюпке Чэн Синь. Без особой охоты Чэн Синь тоже начала процедуру стыковки. С легким толчком шлюпки состыковались, и оба наружных люка бесшумно открылись. Уши у Чэн Синь слегка заложило от перепада давления.

Уэйд заплыл в ее шлюпку. Вряд ли он много летал в космос, но, как и Чэн Синь, вел себя так, будто родился на космическом корабле. Несмотря на то, что у Уэйда была только одна рука, все его движения в невесомости были уверенными и точными, словно при нормальной тяжести.

В кабине царили сумерки. Солнечные лучи, отразившиеся от поверхности Земли и затем вторично отразившиеся от «Юпитера» — вот и

все освещение. Напрягая глаза, Чэн Синь всмотрелась в Уэйда и нашла, что прошедшие с их последней встречи восемь лет не сильно его изменили. Он выглядел примерно так же, как тогда, в Австралии.

— Что вы здесь делаете? — спросила Чэн Синь, стараясь говорить спокойно. Но как всегда ей с трудом удавалось сохранить хладнокровие в присутствии этого человека. Испытания последних лет закалили и отшлифовали ее сердце так, что оно стало гладким, как поверхность астероида перед шлюпкой. И лишь Уэйд торчал одиноким острым выступом.

— Мой срок закончился месяц назад. — Он вынул из кармана половинку сигары и сунул в рот, хотя закурить здесь не мог. — Скостили. Да, да, убийца вышел всего через одиннадцать лет. Понимаю, это несправедливо... по отношению к тебе.

— Мы все обязаны подчиняться закону. Не вижу в этом ничего несправедливого.

— Подчиняться закону? Во всем? А как насчет двигателя, искривляющего пространство?

Как и раньше, Уэйд без долгих церемоний перешел прямо к делу. Чэн Синь не ответила.

— Зачем тебе световые корабли? — задал во-

прос Уэйд, беззастенчиво уставившись в глаза собеседницы.

— Затем, что только они сделают человечество великим, — ответила Чэн Синь, бесстрашно встречая взгляд бывшего начальника.

Уэйд кивнул и вынул сигару изо рта.

— Очень хорошо. Масштабно мыслишь.

Чэн Синь смотрела на него, и в глазах ее стоял невысказанный вопрос.

— Ты знаешь, что хорошо, что плохо, и у тебя есть смелость и чувство долга, чтобы сделать правильный выбор. Вот почему ты выдающаяся личность.

— Но?..

— Но у тебя не хватает ни воли, ни качеств, необходимых, чтобы осуществить это намерение. У нас с тобой общий идеал. Я тоже хочу увидеть, как строятся световые корабли.

— К чему вы клоните?

— Оставь это мне.

— Оставить вам что?

— Да все, что у тебя есть: свою компанию, свое богатство, авторитет, положение в обществе и, если сумеешь, свою репутацию и нимб вокруг головы. Я воспользуюсь всем этим, чтобы построить световые корабли — ради воплощения твоих

идеалов и ради величия человеческого духа.

Снова включились маневровые двигатели шлюпки. Хотя сила притяжения астероида была очень мала, ее все же хватало, чтобы шлюпка потихоньку падала на «Юпитер». Двигатели отвели суденышко на прежнюю дистанцию. Их плазменный выхлоп осветил участок поверхности астероида, и намалеванное на нем красное пятно стало похоже на открывшийся глаз. Сердце Чэн Синь стеснилось непонятно от чего — то ли от этого зрелища, то ли от слов Уэйда. Уэйд уставился на гигантское око взглядом острым и холодным, с тлеющим в нем глумливым огоньком.

Чэн Синь молчала. Она не знала, что ответить.

— Не совершай одну и ту же ошибку дважды, — процедил Уэйд. Каждое его слово било прямо в сердце Чэн Синь, словно тяжелый молот.

Время пришло — звездно-водородная бомба взорвалась. Без атмосферного щита почти вся ее энергия ушла в излучение. На мониторах камер, ведущих прямой репортаж с расстояния в четыреста километров, рядом с Солнцем вспыхнул огненный шар. Вскоре он превзошел светило в яркости и размерах, и светофильтры камер быстро потемнели. Если бы кто-нибудь прямо взглянул на шар с этого расстояния, то потерял бы

зрение мгновенно и навсегда. Когда поддельное «Солнце» достигло наибольшей яркости, камеры уже не показывали ничего, кроме ослепительной белизны. Казалось, пламя готово поглотить всю Вселенную.

Прячущиеся в тени огромного камня Чэн Синь и Уэйд ничего этого не наблюдали — телевизионная аппаратура в шлюпке была отключена. Зато они увидели, как позади внезапно вспыхнул «Сатурн». Затем мимо шлюпки полетела расплавленная лава, образовавшаяся на стороне «Юпитера», обращенной к «Солнцу». Капли, срывающиеся с краев астероида, багрово пылали, но когда они отдалялись на некоторое расстояние, отраженный свет термоядерного взрыва затмевал их собственное свечение, и брызги лавы сверкали, словно фейерверк. Зрелище из шлюпки походило на вид с вершины серебряного водопада, летящего к Земле. К этому времени четыре маленьких астероида, имитирующих планеты земной группы, обратились в золу, а четыре больших — «газовые гиганты» — стали похожи на шарики мороженого, нагретые с одного бока. Сторона, обращенная к месту взрыва, расплавилась и превратилась в гладкую полусферу. Каждая «планета» обзавелась сияющим

лавовым хвостом. Примерно через десять секунд после того, как излучение достигло «Юпитера», имитация «звездного вещества» — разорванная оболочка бомбы — ударила в астероид, отчего тот дернулся и медленно поплыл прочь от «Солнца». Включившиеся маневровые двигатели шлюпки помогали ей сохранять прежнюю позицию по отношению к «Юпитеру».

Огненный шар горел около тридцати секунд, а затем потух — как будто в огромном зале внезапно выключили свет. Настоящее Солнце, примерно в одной астрономической единице отсюда, казалось блеклым. Как только пылающий шар исчез, багровое сияние раскаленной половины астероида стало видимым. Вначале оно было очень ярким, как будто камень горел, но космическая стужа быстро охладила его до тускло-красного тления. Лава по краям астероида застыла длинными сталактитами.

Пятьдесят укрывающихся за «газовыми гигантами» космических кораблей не понесли никакого урона.

Когда через пять секунд передача достигла Земли, мир возликовал. Надежда, что у человечества есть будущее, расцветала повсюду, словно космический фейерверк. Цель, ради которой затевался

эксперимент, была достигнута.

— Не совершай одну и ту же ошибку дважды, — повторил Уэйд, как будто все только что произошедшее — лишь досадный шум, помешавший их беседе.

Чэн Синь взглянула на шлюпку, в которой сюда прилетел Уэйд. Четверо мужчин в скафандрах все это время неотрывно наблюдали за ее летательным аппаратом, не обращая внимания на только что разыгравшийся величественный спектакль. Чэн Синь знала, что заявки на участие подали десятки тысяч человек; из них выбрали лишь знаменитостей или важных персон. Хотя Уэйд только что вышел из тюрьмы, он уже приобрел себе могущественных сторонников — во всяком случае, эти четверо из таких — и корабль, по всей вероятности, принадлежит ему самому. Даже одиннадцать лет назад, когда Уэйд боролся за должность Держателя Меча, у него было много верных поклонников и еще больше сочувствующих. Ходили слухи, что он организовал тайное общество, которое, возможно, живо до сих пор. Этот человек был как ядерное топливо — даже заключенное в свинцовый контейнер, оно источает мощь и угрозу.

— Мне нужно подумать, — сказала Чэн Синь.

— Конечно, думай. — Уэйд кивнул и, не проронив больше ни слова, уплыл обратно в свою шлюпку. Люки плотно закрылись, и космолеты расстыковались.

Капли охладившейся лавы облаком серебряной пыли неспешно дрейфовали к Земле. Напряжение в душе Чэн Синь постепенно ослабевало, и она сама чувствовала себя пылинкой, парящей в безграничном космосе.

* * *

На обратном пути, когда шлюпка оказалась в трехстах тысячах километров от Земли, то есть связь шла практически без запаздывания, Чэн Синь позвонила АА и рассказала о встрече с Уэйдом.

— Делай, как он говорит, — не медля ни секунды, сказала АА. — Дай ему все, что он просит.

— Ты... — Чэн Синь остолбенела и лишь таращила глаза в инфоокно. А она-то думала, что АА станет самым большим препятствием!

— Он прав. Ты это дело не потянешь. Попытайся — и рассыплешься. А вот у него получится. Этот подонок, дьявол, убийца, карьерист, политический хулиган, сумасшедший технофил, — он это сделает! У него есть и навык, и воля, так что

ему и карты в руки. Это адская работа. Отойди в сторонку, и пусть Уэйд вкалывает вместо тебя.

— А как же ты?

АА улыбнулась.

— Я, само собой, ни за что не стану работать под его руководством. С тех пор как на светолеты наложили запрет, мне тоже становится все страшнее и страшнее. Заберу-ка я свои вещички да займусь тем, что мне нравится. Надеюсь, ты поступишь так же.

* * *

Через два дня в прозрачном конференц-зале на вершине дерева — штаб-квартиры «Гало» — Чэн Синь встретилась с Уэйдом.

— Я дам вам все, о чем вы просили, — сказала Чэн Синь.

— А сама ляжешь в гибернацию, — ответил Уэйд. — Не будешь стоять над душой и мешать работе.

Чэн Синь кивнула.

— Да. Я так и собиралась сделать.

— Мы разбудим тебя в тот день, когда достигнем успеха, — это будет и твой успех тоже. Если световые корабли еще будут оставаться под запретом, мы возьмем всю ответственность на себя.

А если мир обрадуется их появлению, то честь будет принадлежать тебе... Понадобится минимум полвека, а может, и больше. Мы состаримся, а ты будешь все такой же молодой.

— У меня одно условие.

— Выкладывай.

— Если этот проект хоть когда-нибудь, пусть только потенциально, сможет навредить человеческой расе, вы должны разбудить меня. Я оставляю за собой право окончательного решения и могу забрать обратно всю власть, которой наделю вас.

— Не пойдет.

— Тогда больше не о чем разговаривать. Я ничего вам не дам.

— Чэн Синь, ты же наверняка понимаешь, какой путь мы выбираем! Иногда человек должен...

— Забудьте. Наши пути расходятся.

Уэйд пристально смотрел на молодую женщину. В его глазах отражались редчайшие для этого человека состояния души: растерянность, даже беспомощность. Немыслимое зрелище, такое же, как вид горящей воды.

— Мне нужно подумать.

Он повернулся и зашагал к одной из прозрач-

ных стен. Постоял, глядя на бескрайний лес великой метрополии. В такую же ночь триста лет назад на площади перед зданием ООН в Нью-Йорке Чэн Синь смотрела на силуэт этого человека, черневший на фоне городских огней...

Прошло две минуты, и Уэйд повернулся. Все так же стоя около прозрачной стены, он взглянул на Чэн Синь через всю комнату.

— Хорошо. Я принимаю твое условие.

Чэн Синь вспомнила, как триста лет назад он, повернувшись к ней, бросил: «Мы отправим только мозг». Эти слова изменили ход истории.

— Я не смогу проверить, как вы выполняете наш уговор. Придется положиться на ваше слово.

Усмешка — та самая, похожая на трещину во льду, — рассекла лицо Уэйда.

— Ты прекрасно знаешь, что, если я нарушу обещание, для тебя это станет благословением. Но, на твою беду, я его не нарушу.

Он подошел к ней и разгладил свою кожаную куртку, отчего на той появилось еще больше складок. Встав перед Чэн Синь, Уэйд торжественно сказал:

— Обещаю, что если во время исследований светового полета мы обнаружим что-то, способное повредить человечеству, независимо от формы

этой опасности, мы разбудим тебя. Ты примешь окончательное решение и, если захочешь, заберешь у меня всю власть.

* * *

Выслушав рассказ подруги о встрече с Уэйдом, АА сказала:

— Тогда я лягу в гибернацию вместе с тобой. Надо быть готовыми в любой момент забрать «Гало» обратно.

— Ты веришь, что он сдержит обещание? — спросила Чэн Синь.

АА смотрела прямо перед собой, словно там реял призрак Уэйда.

— Верю. Я думаю, этот дьявол сделает, что обещает. Правда, как он сказал, это необязательно будет к добру для тебя. Ты могла бы спасти себя, Чэн Синь, но в конечном итоге ты этого не сделала.

* * *

Через десять дней Томас Уэйд стал президентом «Гало» и взял на себя управление всей компанией.

Чэн Синь и АА легли в гибернацию. Их сознание

постепенно меркло, скованное морозом. Подруги словно долго-долго плыли по течению реки, а потом, утомившись, выкарабкались на берег, присели и стали смотреть, как вода, которая только что несла их на себе, убегает куда-то вдаль...

И пока они недолго отдыхали на берегу реки времени, история человечества продолжала свое течение.

Часть IV

Эра Космических Убежищ, год 11-й. Мир космоградов

Номер 37813, ваша гибернация подошла к концу. Вы провели в анабиозе 62 года, 8 месяцев, 21 день и 13 часов. Остаток вашей квоты 238 лет, 3 месяца, 9 дней. Азиатский гибернационный центр № 1, Эра Космических Убежищ, год 11, 9 мая, 14:17

Маленькое информационное окно повисело перед только что проснувшейся Чэн Синь не больше минуты, прежде чем исчезнуть. Чэн Синь перевела взгляд на ровный металлический потолок и по старой привычке пару мгновений смотрела не мигая в одну точку. В эпоху, когда она в последний раз легла в гибернацию, потолок распознал бы ее взгляд и вывел бы перед ней информационное окно. Но сейчас ничего такого не произошло. Хотя у проснувшейся пока еще не хватало сил, чтобы повернуть голову, ей все же удалось рассмотреть часть комнаты: все стены металлические, инфоокна отсутствуют. В воздухе тоже было пусто, никаких голографических дисплеев. Металл, из которого сделаны стены, выглядел знакомо: нержавеющая сталь либо

алюминиевый сплав. Все голое, без украшений.

В поле зрения Чэн Синь появилась молоденькая медсестра. Не взглянув на пациентку, она принялась возиться с чем-то у койки — наверное, отключала аппаратуру, подсоединенную к телу Чэн Синь. Чувства и ощущения еще не полностью вернулись к проснувшейся, понять, что делает медсестра, она пока не могла, однако кое-что в облике девушки показалось ей знакомым. Униформа. В период до погружения в гибернацию, помнила Чэн Синь, люди ходили в самоочищающейся одежде, которая всегда выглядела новенькой, словно с иголочки. А белая униформа медсестры выказывала явственные признаки износа. Нет, она была чистой и аккуратной, но старенькой.

Потолок тронулся с места — Чэн Синь увозили из палаты проснувшихся. Самым ошеломительным было то, что медсестра толкала койку. Кровать не могла двигаться сама, ее требовалось катить вручную!

Стены коридора были из того же металла и так же пусты. Нигде никаких украшений, если не считать потолочных светильников, да и в них не было ничего примечательного, кроме того, что обрамление у одного отвалилось и свисало

с потолка. Между лампой и потолком Чэн Синь заметила... провода.

Она попыталась припомнить инфоокно, которое видела при пробуждении, но усомнилась: а оно вообще появлялось? Может, то была галлюцинация?

По коридору сновали многочисленные пешеходы, никто не обращал внимания на Чэн Синь. Она пристально всматривалась в их одежду. Только несколько человек принадлежали к медицинскому персоналу и носили белую униформу, на остальных было что-то простое, незамысловатое, похожее на рабочие комбинезоны. У Чэн Синь создалось впечатление, что эти люди попали сюда прямиком из Общей Эры, но вскоре она поняла, что ошибается. Та эпоха давно канула в прошлое; с тех пор сменилось уже четыре эры. Просто быть не могло, чтобы тут вдруг оказалось так много народу из Общей Эры.

Это впечатление объяснялось внешним видом прохожих. Мужчины выглядели именно так, какими Чэн Синь привыкла их видеть.

Сильный пол, исчезнувший в Эру Устрашения, вернулся обратно. Вновь настала эпоха, способная рождать *мужчин*.

Все неизменно куда-то спешили. Маятник,

похоже, качнулся в другую сторону: леность и комфорт последней эпохи исчезли, им на смену опять пришло общество занятых людей. В эти времена большинство народу, по-видимому, не принадлежало к классу праздных, а вынуждено было трудиться, чтобы жить.

Койку Чэн Синь вкатили в маленькую палату.

— Номер тридцать семь восемьсот тринадцать проснулась без осложнений, — оттараторила медсестра. — Переведена в восстановительную палату номер двадцать восемь.

Сестра вышла, затворив за собой дверь. Чэн Синь заметила: девушке пришлось потянуть за ручку, чтобы дверь закрылась.

Чэн Синь осталась одна. Долгое время никто не приходил, чтобы проверить состояние проснувшейся. Это совершенно не походило на два ее предыдущих выхода из гибернации, когда ей оказывали максимум внимания и заботы. Из всего этого она сделала два вывода: во-первых, в эти дни гибернация и выход из нее стали событиями заурядными; во-вторых, мало кто знал, что она проснулась.

Восстановив частичный контроль над телом, Чэн Синь покрутила головой и увидела окно. Она помнила мир таким, каким он был до ее анабиоза:

гибернационный центр — целое дерево-гигант — располагался на окраине города, а палата Чэн Синь находилась в листе на вершине; из окна открывался вид на весь грандиозный город-лес. Но сейчас в окне виднелось только несколько зданий весьма заурядного вида, однообразных по архитектуре и построенных прямо на земле. Судя по отблеску солнечного света, материалом для зданий также послужил металл. У Чэн Синь возникло чувство, будто она вернулась в Общую Эру.

Внезапно к ней пришла мысль, что она сейчас просто очнулась от долгого сна. Не от гибернации, а от обычного сна. Эра Устрашения, Эра Космической передачи — все это ей приснилось. Хотя воспоминания и поражали своей четкостью, но уж очень они сюрреалистичны. Просто фантастика какая-то. Может, она вовсе и не перешагивала три раза через столетия, а все время оставалась в Общей Эре?

Сомнения Чэн Синь улетучились, когда рядом с кроватью засветилось голографическое окно. Оно содержало только несколько простых кнопок для вызова обслуживающего персонала. Похоже, в этом центре уже хорошо отработали вывод пациента из гибернации: терминал появился как

раз в тот момент, когда Чэн Синь вновь обрела способность двигать рукой. Но это было всего лишь маленькое окошко; перенасыщенного информацией общества, в котором дисплеем служила любая доступная поверхность, больше не существовало.

В отличие от двух предыдущих выходов из анабиоза на этот раз Чэн Синь пришла в себя очень быстро. К тому времени, когда снаружи стемнело, она уже смогла встать и немного пройтись. Обнаружилось, что центр оказывал только самые элементарные услуги. Врач пришел к ней лишь один раз, провел беглый осмотр и удалился; во всем остальном пациентку предоставили самой себе. Чэн Синь пришлось помыться без посторонней помощи, хотя чувствовала она себя еще совсем слабой. Покормить ее тоже никто не подумал, и если бы она не нажала на кнопку заказа на экране, то, возможно, ей пришлось бы остаться голодной. Чэн Синь этот недостаток внимания не раздражал: она так и не сумела свыкнуться с чрезмерной опекой былых эпох, когда любая потребность удовлетворялась с готовностью. В душе она по-прежнему оставалась человеком Общей Эры, и поэтому чувствовала себя здесь как дома.

На следующее утро пришел посетитель. Чэн

Синь сразу узнала Цао Биня. В свое время физик был самым молодым претендентом на должность Держателя Меча, но сейчас он выглядел гораздо старше, в волосах появились белые пряди. Однако он явно состарился отнюдь не на все шестьдесят два года.

— Мистер Томас Уэйд попросил меня забрать тебя отсюда.

— Что стряслось? — Сердце Чэн Синь упало — она вспомнила условия своего пробуждения.

— Поговорим, когда доберемся до места. — Цао Бинь помолчал, затем добавил: — Сначала устрою для тебя экскурсию — покажу этот новый мир, чтобы ты смогла принять верное решение, основанное на фактах.

Чэн Синь взглянула на невзрачные строения за окном. «Этот новый мир» совсем не казался ей новым.

— А что случилось с тобой? — спросила она. — Ты явно не бодрствовал *все* последние шестьдесят лет.

— Я лег в гибернацию примерно в одно время с тобой. Через семнадцать лет в строй ввели гелиоцентрический ускоритель частиц, и меня разбудили, чтобы я провел фундаментальные исследования. Работа заняла пятнадцать лет.

Позже, когда научный этап сменился практическим, мое присутствие больше не требовалось, и я снова лег в анабиоз. Проснулся два года назад.

— А как дела с двигателем, искривляющим пространство?

— Кое-какой прогресс есть... Поговорим об этом позже. — Цао Биню тема явно не нравилась.

Чэн Синь снова бросила взгляд в окно. Деревце, росшее на улице, зашелестело под порывом ветра. Наверно, по небу пробежало облако, и металлический отблеск на строениях потускнел. Что общего у этого заурядного мира с кораблями, способными летать со скоростью света?

Цао Бинь проследил взгляд собеседницы и засмеялся:

— Должно быть, ты чувствуешь то же самое, что и я при пробуждении. Ну и эра, думаешь ты. Разочарована? Если готова, пошли, посмотрим...

Через полчаса Цао Бинь и Чэн Синь, одетая в обычный для этой эпохи белый комбинезон, вышли на балкон гибернационного центра. Перед ними расстилался город, и у Чэн Синь снова возникло чувство, будто время потекло вспять. Когда она вышла из своей первой гибернации во время Эры Устрашения, вид грандиозного города-леса потряс ее до глубины души. Чэн Синь в голову не

приходило, что когда-нибудь ей опять доведется увидеть привычный городской пейзаж: ровные, одинаковые кварталы, как будто все здания были возведены одновременно; сами здания, скучные и однообразные, словно построенные исключительно из соображений практичности, без внимания к архитектурным красотам. Все они были прямоугольными, никаких украшений, а строительным материалом служил все тот же серый металл. Они напомнили Чэн Синь алюминиевые коробочки для завтраков времен ее детства. Коробки стояли аккуратными тесными рядами, насколько хватало глаз. На горизонте земля вздымалась, словно горный склон, и кварталы продолжали карабкаться по нему.

— Где это мы? — спросила Чэн Синь.

— Хм, и чего это опять заволокло... Другую сторону не увидишь...

Цао Бинь не ответил на ее вопрос. Вместо этого он посмотрел в небо и покачал головой, словно досадуя, что погода помешает его спутнице понять этот новый мир. Но вскоре Чэн Синь и сама заметила, какое здесь странное небо.

Солнце висело под облаками.

Облака начали редеть, между ними появился большой просвет. Но вместо голубого неба Чэн

Синь снова увидела... землю.

Эту землю в небе тоже усеивали строения, очень похожие на город вокруг гибернационного центра. Вот только смотрела Чэн Синь на них сверху вниз... Или снизу вверх? Наверное, это та самая «другая сторона», о которой упомянул Цао Бинь. До Чэн Синь вдруг дошло, что «горный склон» в отдалении никакой не склон. Земля поднималась, закруглялась и соединялась с «небом». Этот мир представлял собой огромный цилиндр, и Чэн Синь стояла на его внутренней стороне.

— Это космический город Азия I в тени Юпитера, — проговорил Цао Бинь.

Новый мир, еще минуту назад казавшийся таким непримечательным, ошеломил Чэн Синь. Только теперь она почувствовала, что окончательно, по-настоящему проснулась.

* * *

Во второй половине дня Цао Бинь и Чэн Синь отправились к космическому стыковочному терминалу на северной оконечности города.

По традиции центральную ось космограда считали ориентированной с севера на юг. У гибернационного центра Цао Бинь и Чэн Синь сели в автобус — настоящий автобус, едущий по земле.

Возможно, он ходил на электричестве, хотя на вид ничем не отличался от старинного городского автобуса. Народу в него набилось множество. Чэн Синь со спутником заняли два оставшихся свободных места, так что новым пассажирам приходилось стоять. Когда же она последний раз ездила на автобусе? Чэн Синь перестала пользоваться вечно переполненным общественным транспортом уже в Общую Эру...

Автобус ехал медленно, так что она могла рассматривать город не торопясь. Все теперь казалось ей исполненным нового смысла. За окном строения сменялись зелеными парками и водоемами; промелькнули две школы с выкрашенными в синий цвет спортивными площадками; на обочинах дороги Чэн Синь видела обычную коричневую почву, ничем не отличающуюся от почвы на Земле. Дорогу обрамляли широколистные деревья, напоминающие китайские зонтичные; время от времени попадались рекламные щиты. Большинство фирм и товаров Чэн Синь не узнавала, но стиль объявлений показался ей удивительно знакомым.

Главным отличием от города Общей Эры являлся строительный материал — все здесь, похоже, было изготовлено из металла. Интерьер автобуса

тоже был по большей части металлическим — ни пластика, ни композитов.

И все же основное внимание Чэн Синь привлекал не город, а другие пассажиры. Через проход от нее сидели двое мужчин: один дремал, сжав в руках черный портфель; по желтому рабочему комбинезону другого расплывались черные масляные пятна. У ног лежала рабочая сумка, из которой торчал незнакомый Чэн Синь инструмент, похожий на старинную электродрель, но полупрозрачный. Лицо пассажира, усталое и застывшее, было лицом человека, занимающегося тяжелым физическим трудом. В последний раз Чэн Синь видела такое выражение на лицах гастарбайтеров в городах Общей Эры.

Напротив сидела молодая пара. Юноша что-то шептал девушке на ухо, та иногда хихикала, не переставая черпать ложечкой что-то розовое из бумажного стаканчика — скорее всего, мороженое, если судить по доносящемуся до Чэн Синь сладкому запаху сливок, ничем не отличающемуся от запаха, памятного ей со времен юности триста лет назад.

В проходе стояли две женщины среднего возраста — тоже знакомый типаж: будничные труды стерли с их лиц красоту; их больше не заботи-

ло ни как они выглядят, ни модная ли на них одежда. Подобный тип женщин исчез то ли в Эру Устрашения, то ли в Эру Космической Передачи. В те времена кожа у женщин была гладкой и нежной, и выглядели они утонченно-прекрасными независимо от возраста.

Чэн Синь прислушалась к их беседе:

— Ты ничего не поняла. И на утреннем рынке, и на вечернем цены одни и те же. Не ленись, съезди на оптовый на западной стороне!

— Да у них там плохой выбор, и к тому же они все равно не продают по оптовым ценам.

— А ты езжай попозже, после семи. Торговцы овощами тогда уходят, так что будут продавать по оптовым...

До Чэн Синь долетали обрывки и других разговоров:

— ...муниципалитет — это тебе не за атмосферой следить, там все гораздо сложнее. Постарайся вникнуть в офисную политику. Поначалу не примыкай ни к кому, но и в угол не забивайся...

— ...это несправедливо — требовать отдельную плату за отопление, ее нужно включать в счет за электричество...

— ...если бы они посадили этого дурака на скамейку запасных раньше, глядишь, и не проиг-

рали бы с таким треском...

— ...не падай духом. Я в этом городе с самого момента его постройки, и сколько, ты думаешь, получаю в год?..

— ...эта рыба не первой свежести. Даже не думай готовить ее на пар`у...

— ...позавчера, когда корректировали позицию на орбите, вода из четвертого резервуара снова вылилась и затопила огромную территорию...

— ...если он ей не нравится, лучше бы ему бросить это дело. А то столько усилий, и все без толку...

— ...да какой это подлинник! Я бы даже высококачественной репродукцией это не назвал. Смеетесь, что ли? За такую цену?..

На душе у Чэн Синь стало тепло и уютно. Она пыталась обрести подобное чувство с самого первого своего пробуждения в Эру Устрашения и уже не чаяла найти его. Девушка жадно впитывала людские разговоры, словно утоляя жажду, и слушала рассказ Цао Биня о городе вполуха.

Космоград «Азия I» построили одним из первых в рамках проекта космических убежищ. Он представлял собой правильный цилиндр; тяготение создавалось за счет центробежной силы, образующейся при вращении. При длине

в тридцать километров и диаметре в семь полезная внутренняя поверхность составляла 659 квадратных километров — это примерно половина территории старого Пекина. Сначала здесь жило двадцать миллионов человек, но когда завершилось строительство новых космоградов, население сократилось до девяти миллионов, поэтому теперь тут не такое столпотворение, как раньше...

В небе перед глазами Чэн Синь появилось еще одно солнце. Цао Бинь объяснил, что всего в городе три искусственных светила, и все они парят на центральной оси в десяти километрах друг от друга. Источником энергии служит термояд. Солнца разгораются и затухают в суточном ритме.

Чэн Синь почувствовала серию толчков. Автобус в это время стоял на остановке. Толчки, похоже, исходили откуда-то из глубины почвы. Что-то словно подпихнуло Чэн Синь в спину — а ведь автобус-то не двигался! В окно она увидела, как тени домов и деревьев внезапно изменили угол наклона — это искусственные солнца сдвинулись со своих мест. Но вскоре они вернулись в прежнее положение. Пассажиры, казалось, ничего не заметили.

— Космоград корректирует свою позицию, —

пояснил Цао Бинь.

Они прибыли на конечную примерно через тридцать минут и вышли из автобуса. Будничные сценки, которые так пьянили Чэн Синь, закончились. Перед ней возвышалась гигантская стена, от невероятных размеров которой перехватывало дыхание. Чэн Синь будто стояла на краю мира... впрочем, она и стояла на краю мира. Именно здесь располагался «северный полюс» космограда — огромный круг диаметром восемь километров. С того места, где находилась Чэн Синь, диск целиком виден не был, зато она заметила, как «земля» поднимается по обе стороны от нее. До верха круга — то есть до другой стороны города — было как до вершины Эвереста. Множество радиальных спиц устремлялись от обода диска к его центру в четырех километрах над головой. Каждая «спица» выполняла функцию шахты лифта, а центр служил городским космическим терминалом.

Прежде чем войти в кабину лифта, Чэн Синь окинула долгим взглядом город, который казался ей таким привычным. Все три солнца висели в ряд, будто на ниточке, протянувшейся из одного конца города в другой. Смеркалось, солнечное сияние угасало, переходя от ослепительного

оранжево-белого к приятному красноватому, и окрашивало город в теплые, золотистые тона. На лужайке неподалеку смеялись и болтали девочки в белой школьной форме; их волосы, пронизанные золотыми лучами вечернего солнца, трепал ветерок.

Кабина лифта оказалась просторной, размером с большой зал. Стена, обращенная к городу, была прозрачной; таким образом кабина превращалась в обзорную площадку. Каждое кресло было снабжено привязным ремнем, потому что по мере приближения к центру диска тяготение уменьшалось. Наблюдая за происходящим снаружи, наши путешественники видели, как «земля» уходит вниз, а «небо», то есть другая сторона, приближаясь, вырисовывается все четче. К тому моменту, когда лифт достиг центра, тяготение полностью исчезло. Пропало и визуальное ощущение верха и низа при взгляде наружу. Поскольку здесь находился «полюс», через который проходила ось вращения города, «земля» окружала лифт со всех сторон. Отсюда открывался совершенно потрясающий вид на космоград.

Солнца пригасили свечение до яркости луны, и цвет их изменился, стал серебристым. Отсюда все три светила казались сидящими на макушке

друг у друга. Облака сосредотачивались в зоне невесомости и образовывали белую туманную ось, протянувшуюся от одного «полюса» до другого. Чэн Синь ясно видела «южный полюс», располагающийся на удалении в сорок пять километров[50]. Цао Бинь объяснил ей, что именно там находятся маневровые двигатели.

В городе зажглись вечерние огни. Море света окружило Чэн Синь и протянулось вдаль. Ей казалось, будто она смотрит в огромный колодец, стенки которого выстелены сверкающим ковром.

Скользя взглядом по городским кварталам, девушка вдруг обнаружила, что они очень похожи на ее спальный район в Общую Эру. Она представила себе многоквартирный дом и окно на втором этаже: между голубыми занавесками пробивается приглушенный свет, а в комнате ее ждут мама и папа...

Она не смогла сдержать слез.

С самого первого выхода из анабиоза в Эру Устрашения у Чэн Синь никак не получалось вжиться в эти новые времена; она всегда чув-

---

[50] Примечания: 50

Авторская ошибка. Выше автор говорит, что длина космограда — 30 км. Торцевой диск может быть диаметром 8 км, если толщина обшивки космограда составляет 0,5 км. — *Прим. перев.*

ствовала себя в них чужой, пришедшей из другой эпохи. Но она и подумать не могла, что спустя более чем полвека снова почувствует себя как дома здесь, в тени Юпитера, в восьмистах с лишним миллионах километров от Земли. У нее создавалось впечатление, будто пара невидимых рук зачерпнула все, что было ей дорого там, больше трехсот лет назад, затем развернула в гигантское живописное полотно и поместила сюда, создав этот новый мир, медленно вращающийся вокруг нее.

Чэн Синь с Цао Бинем вошли в коридор-трубу. Здесь царила невесомость, и люди передвигались, держась за поручни, скользящие по тросу. Сюда из всех лифтов стекались пассажиры, покидающие космоград, и по трубе струились нескончаемые людские потоки. На округлых стенах светились инфоокна, передававшие в основном новости и рекламу. Но окон было немного, и располагались они в строгом порядке; тут не было хаотического переизбытка виртуальных дисплеев, характерного для предыдущей эры.

Чэн Синь давно уже пришла к выводу, что ошеломительный гиперинформационный век, по-видимому, пришел к концу. Здесь информацию выдавали дозированно и целенаправленно.

Неужели это результат изменений, произошедших в политической и экономической системе Мира Убежищ?

* * *

Когда Чэн Синь вышла из коридора, ее ожидало поразительное зрелище: хоровод звезд в вышине, летящих так быстро, что у нее закружилась голова. Зрелище просто невероятное! Они с Цао Бинем стояли посреди круглой площади диаметром восемь километров — «вершины» космограда. Здесь располагался городской космопорт, и на летном поле возвышалось множество кораблей. Большинство из них имели ту же форму, что и шестьдесят лет назад, хотя в общем отличались меньшими размерами. Многие были не больше старинного автомобиля. Она обратила внимание, что пламя их двигателей при взлете пылало не так ярко, как полвека назад, насколько ей помнилось. Темно-синее свечение больше не слепило глаза. Должно быть, эти миниатюрные термоядерные двигатели обладали большей эффективностью.

В глаза Чэн Синь бросилась красная светящаяся окружность радиусом около ста метров, очерченная вокруг выхода. Она тут же сообразила, что это

означает: космоград вращался, и за пределами окружности центробежная сила становилась значительной. Корабли, припаркованные за линией, нужно было ставить на якорь, а пешеходам приходилось носить обувь на магнитной подошве, иначе их выбросило бы с космодрома.

Здесь было очень холодно. Только когда поблизости взлетал корабль, жар от его двигателя приносил краткое ощущение тепла. Чэн Синь поежилась — не столько от холода, сколько от сознания того, что она в открытом космосе. Но ее окружала настоящая атмосфера, с нормальным давлением; она ощущала порывы морозного ветра. Похоже, технология удержания воздуха в частично открытом помещении продвинулась дальше: теперь стало возможным сохранять атмосферу в полностью открытом пространстве.

Цао Бинь заметил ее потрясение и пояснил:

— На сегодняшний день мы можем поддерживать атмосферу только до высоты в десять метров. — Он пробыл в этом мире немногим дольше, чем Чэн Синь, но его уже не удивляли новые достижения науки и техники, которые ей казались волшебством. Ему хотелось показать своей спутнице нечто гораздо более впечатляющее.

На фоне кружащихся звезд глазам Чэн Синь

предстал Мир Космических Убежищ.

Отсюда открывался вид на большинство космоградов, расположенных за Юпитером. Чэн Синь увидела двадцать два города, включая и тот, на котором стояла сама; там было еще четыре, не видимых за Азией I. Все двадцать шесть городов (на шесть больше, чем собирались построить), прячущихся в тени планеты-гиганта, расположились четырьмя нестройными рядами. Это зрелище напомнило Чэн Синь о космическом эксперименте шестидесятилетней давности. С одного боку Азии I находились Северная Америка I и Океания I, с другого — Азия III. Всего пятьдесят километров отделяли Азию I от соседей с каждой стороны. Какие же они огромные! Чэн Синь почти физически ощущала их исполинские масштабы. Следующий ряд космоградов располагался на удалении в 150 км, и визуально оценить их размеры было трудно. Самые дальние убежища находились в тысяче километров отсюда и выглядели совсем игрушечными.

Это зрелище напомнило Чэн Синь стайку крошечных рыбок, хоронящихся за большим камнем, чтобы не унесло течением.

Северная Америка I, ближайшая соседка Азии I, представляла собой идеальную сферу. Она и

цилиндрическая Азия I олицетворяли две крайности в дизайне космоградов. Большинство убежищ имели форму мяча для регби, хотя соотношение большой и малой осей у каждого было свое. Еще несколько космоградов отличались необычностью формы, например, колесо со спицами, веретено и прочее.

За тремя другими газовыми гигантами располагались еще три кластера убежищ общим счетом тридцать восемь: двадцать шесть за Сатурном, четыре за Ураном и восемь за Нептуном. Эти города находились в более безопасном месте, зато и окружающее их пространство было намного безотраднее, чем в окрестностях Юпитера.

Внезапно около одного из городов возникло голубое свечение — как будто в космосе вспыхнуло маленькое голубое солнце. По космодрому побежали длинные тени. Цао Бинь объяснил: маневровые двигатели города включились, чтобы произвести коррекцию его положения. Космограды обращались вокруг Солнца параллельно Юпитеру, непосредственно за его орбитой. Под действием тяготения убежища постепенно приближались к гигантской планете, поэтому приходилось все время подправлять их позицию с помощью двигателей. На такую опера-

цию уходила уйма энергии. Ранее предлагалось превратить космограды в спутники Юпитера и сменить орбиту только после сигнала тревоги. Но поскольку система оповещения об атаке «темного леса» находилась в стадии совершенствования и в ее надежности еще предстояло убедиться, рисковать никто не хотел.

— Надо же, тебе повезло! Сейчас увидишь то, что случается только раз в три дня. — Цао Бинь указал куда-то в пространство. Чэн Синь увидела в отдалении маленькую, но понемногу увеличивающуюся белую точку. Вскоре точка выросла до шара размером с мячик для пинг-понга.

— Европа?

— Точно. Мы сейчас очень близки к ее орбите. Упрись ногами покрепче и постарайся не испугаться.

Интересно, что имеет в виду Цао Бинь? Чэн Синь всегда думала, что небесные тела движутся очень медленно, почти незаметно для глаза — во всяком случае, так это выглядит при наблюдении с Земли. Но тут она вспомнила, что космоград — не спутник Юпитера, он остается неподвижным относительно планеты. А Европа — спутник, причем движущийся очень быстро. Чэн Синь припомнила: скорость Европы — около четырна-

дцати километров в секунду. Если космический город находится близко к ее орбите, то...

Белый шар вырастал на глазах — так стремительно, что это выглядело неправдоподобно. Вскоре Европа превратилась из мячика для пинг-понга в огромную планету, заняв собой б`ольшую часть неба. Ощущения верха и низа мгновенно поменялись местами, так что Чэн Синь казалось, будто Азия I падает на этот белый мир. А затем луна диаметром три тысячи километров закрыла все небо. Космоград летел над ледяными океанами Европы, и Чэн Синь ясно видела множество полос-трещин, перекрещивающихся на замерзшей поверхности, словно линии на ладони. Воздух, потревоженный прохождением Европы, завихрился маленьким смерчем. Чэн Синь почувствовала, как ее тянет невидимая сила; если бы не магнитная обувь, девушку наверняка оторвало бы от «земли». Все, что не было закреплено, взвилось в воздух; тросы, удерживающие корабли, выгнулись дугой. «Земля» под ногами содрогнулась с глухим угрожающим скрежетом — так гигантский корпус космограда отреагировал на быстро меняющееся гравитационное поле Европы. Прохождение луны заняло три минуты, в течение которых она перемести-

лась на другую сторону города и начала быстро уменьшаться. Небо осветили восемь огненных шаров — это восемь убежищ в первых двух рядах включили двигатели, чтобы скорректировать свою позицию.

— Какое... какое до нее расстояние? — пролепетала Чэн Синь.

— Минимальное — как было только что — сто пятьдесят километров, то есть практически она едва не задела нас локтем. Вообще-то нам некуда деваться. У Юпитера тринадцать лун, избежать всех просто невозможно. Орбита Европы очень незначительно отклоняется от экватора, поэтому она самая близкая к юпитерианским убежищам. Европа для нас основной источник воды, и мы построили на ней немало промышленных предприятий. Конечно, когда нас настигнет удар «темного леса», всеми ими придется пожертвовать. После взрыва Солнца орбиты лун Юпитера резко изменятся. Сманеврировать так, чтобы уберечь космограды от столкновения с ними, будет делом чрезвычайно сложным.

Цао Бинь нашел шлюпку, в которой прилетел на Азию I. Суденышко по размерам и по форме напоминало старинный автомобиль, рассчитанный только на двоих. Инстинкты Чэн Синь

бунтовали против выхода в космос на такой скорлупке, хотя она понимала, что рациональных причин для страха нет. Цао Бинь отдал искусственному интеллекту шлюпки команду идти к Северной Америке I, и кораблик взлетел.

Космодром быстро удалялся. Вскоре восьмикилометровый круг космопорта стал виден целиком, а за ним и вся Азия I. Шлюпка облетала вращающийся космический город. Позади цилиндра простиралась необозримая темно-желтая гладь. И только когда в иллюминаторе показался край этой глади, Чэн Синь сообразила, что смотрит на Юпитер. Здесь, в тени газового гиганта, все было окутано холодом и мраком, а Солнца, казалось, не существовало вовсе. Под толстым слоем плотной атмосферы призрачно фосфоресцировали жидкие газы — гелий и водород; пятна рассеянного света медленно плавали туда-сюда — так движутся глазные яблоки под закрытыми веками спящего.

Невероятные размеры Юпитера потрясли Чэн Синь. Из шлюпки она видела только малую часть планеты, а кривизна ее горизонта была вообще незаметна. Юпитер, этот могучий темный барьер, закрывал собой остальную Вселенную, и у Чэн Синь снова возникло чувство, будто она стоит у

исполинской стены на краю мироздания.

* * *

В последующие три дня Цао Бинь с Чэн Синь посетили еще четыре космограда.

Первой была Северная Америка I — ближайшая соседка Азии I. Основным преимуществом ее сферической конструкции было то, что для освещения всего города хватало одного искусственного солнца. Однако у такой формы существовал и значительный изъян: сила тяжести зависела от широты. Самое сильное тяготение было на экваторе, по мере приближения к полюсам оно медленно уменьшалось, а на полюсах сходило на нет. Обитателям различных широт приходилось приспосабливаться к существованию в условиях различной гравитации.

В отличие от Азии I, маленькие космолеты могли войти непосредственно в город через ворота на северном полюсе. Когда шлюпка Цао Биня и Чэн Синь оказалась внутри сферы, им пришлось перед посадкой синхронизировать свою скорость со скоростью вращения этого мира. Чтобы попасть в низкие широты, наши путешественники воспользовались скоростной железной дорогой, и поезд двигался куда быстрее, чем автобус в Азии

I. Чэн Синь отметила, что здания здесь выше и застройка гуще, отчего город напоминал земные мегаполисы. В высоких широтах с незначительным тяготением высота зданий ограничивалась только величиной сферы. В полярных регионах некоторые постройки достигали десяти километров в высоту; их длинные тонкие башни, словно сталагмиты, тянулись из земли навстречу солнцу.

Северная Америка I была одним из первых космоградов. При радиусе двадцать километров и двадцати миллионах обитателей это процветающее убежище было самым большим по количеству населения и служило деловым центром для всех юпитерианских городов.

Здесь Чэн Синь довелось увидеть нечто изумительное, чего не было в Азии I: экваториальный кольцевой океан. Собственно говоря, кольцевой океан в той или иной модификации присутствовал на большинстве космоградов, так что Азия I скорее являлась исключением из правила. В сферических или овальных городах экватор был «низиной» в поле искусственной гравитации, поэтому, естественно, там собиралась вся городская вода, образуя сверкающий и волнующийся пояс. Стоя на берегу, можно было видеть, как океан

поднимается по обеим сторонам и делит пополам «небо» за солнцем. Цао и Чэн Синь сели на скоростной катер и совершили морскую прогулку длиной в шестьдесят с небольшим километров. Вода была с Европы. Чистая, холодная, она отбрасывала играющие рябью блики на небоскребы по обоим берегам. Ближний к Юпитеру берег был более высоким — чтобы вода не выплескивалась при ускорении в процессе корректировки позиции. Несмотря на это при неожиданных маневрах все равно иногда случались незначительные наводнения.

* * *

Следующей остановкой был космоград Европа IV, сконструированный в обычной овальной форме. Его отличительной чертой являлось отсутствие общего искусственного солнца. Каждый округ имел свое миниатюрное светило, и все эти солнышки висели на высоте от двух до трех сотен метров. Преимущество такого способа освещения состояло в том, что зона невесомости использовалась более эффективно. Вдоль оси Европы IV располагалось одно здание, самое длинное — или, если хотите, самое высокое — в Мире Убежищ. Насчитывая в длину сорок километров,

оно соединяло северный и южный полюсы города. Поскольку в здании царила невесомость, его по большей части использовали в качестве космопорта и коммерческого развлекательного центра.

Среди всех космоградов Европа IV имела наименьшее население — всего лишь 4,5 миллиона человек. Это был самый зажиточный из городов Мира Убежищ. Изысканные дома, освещенные крохотными солнышками, очаровали Чэн Синь. При каждом доме имелся собственный бассейн, некоторые здания были окружены обширными лужайками. В безмятежной морской дали белели изящные паруса, а на берегу сидели люди и удили рыбу — просто так, ради удовольствия. Мимо медленно проплыла яхта — такая же роскошная, как яхты на старой Земле. На борту шла вечеринка с живой музыкой. Чэн Синь поразилась: и такую жизнь, оказывается, можно перенести за восемьсот миллионов километров от Земли, в тень Юпитера!

* * *

Океания I оказалась полной противоположностью Европе IV. Этот город был построен первым из всех запланированных и, как и Северная Аме-

рика I, представлял собой сферу. В отличие от остальных юпитерианских городов, Океания I являлась спутником Юпитера.

На начальной стадии проекта в Океании I жили миллионы рабочих-строителей. Потом это убежище обратили в склад стройматериалов. Позже, когда выявились многочисленные недостатки этого самого раннего, экспериментального города, обитатели покинули его. Но когда переселение в Мир Убежищ завершилось, люди вновь пришли сюда и основали новый город, с правительством и полицией. Однако власти поддерживали только самую необходимую общественную инфраструктуру, а народ по большей части жил как вздумается. Океания I был единственным космоградом, в котором иммигранты могли поселиться, не спрашивая разрешения. Большинство жителей составляли безработные, бродяги, нищие, по разным причинам выпавшие из системы социальной защиты, да всякого рода богема. Впоследствии город стал рассадником экстремистских политических организаций.

У Океании I не было ни маневровых двигателей, ни искусственного солнца. Она также не вращалась вокруг собственной оси, поэтому здесь все реяло в невесомости.

Войдя в город, Чэн Синь словно окунулась в волшебный мир. Создавалось впечатление, будто некогда процветающий, а затем разрушенный город разом утратил силу тяжести и вознесся в воздух. Океания I была городом вечной ночи, энергию для освещения поставляли домовые ядерные батареи. Сказочная картина: город, полный блуждающих огней...

Основная часть городских построек представляла собой просто хибары, кое-как слепленные из бросовых стройматериалов. Поскольку здесь не существовало ни верха, ни низа, хижины, как правило, были кубической формы с окнами (которые также служили дверями) на всех шести гранях. Некоторые имели форму шара, что давало свои преимущества: они были более прочными, а это немаловажно, когда парящие в воздухе строения то и дело сталкиваются друг с другом.

В Океании I не существовало такого понятия, как «землевладение», потому что все постройки летали как придется, без привязки к определенной местности. В принципе, любой житель имел право на любое место в городе. Здесь обитало множество бездомных, у которых не было даже хибар. Все их пожитки умещались в одной большой сетчатой сумке (чтобы не разлетелись в

разные стороны), и бездомные кочевали с места на место со всем своим имуществом.

Транспортная система тоже была проста: ни автомобилей, ни подвешенных в невесомости канатных дорог, ни персональных маневровых движков. Обитатели Океании I передвигались, отталкиваясь руками или ногами от строений. Поскольку хибары были напиханы довольно густо, этаким способом вполне можно было добраться куда угодно, вот только требовал он изрядной ловкости. Местные жители, летающие среди парящих в воздухе халуп, напоминали Чэн Синь гиббонов в джунглях, легко перепрыгивающих с ветки на ветку.

Они с Цао Бинем подплыли к группе бродяг, собравшихся вокруг костра. В любом другом космограде открытый огонь находился под запретом. Топливом, судя по виду, служил какой-то горючий стройматериал. В невесомости пламя не поднималось вверх, а образовывало огненный шар, парящий на одном месте.

Бродяги пили — да как! Пойло вытряхивалось из бутылок, отчего шарики жидкости начинали парить в воздухе, а мужики в лохмотьях и с небритыми физиономиями хватали их прямо ртом и заглатывали. Одного из гуляк стошнило, и

блевотина, вылетев изо рта, отбросила его назад; пьянчужка полетел, кувыркаясь и сквернословя.

Путешественники добрались до рынка. Товары носились как попало по воздуху, покупатели и продавцы летали среди товаров, и всю эту неразбериху освещало несколько плавающих фонарей. В таком хаосе трудно было разобраться, что кому принадлежит, но если покупатель начинал к чему-то приглядываться, продавец тотчас спешил к нему, и начинался торг. Здесь торговали всякой всячиной: одеждой, электроникой, едой, выпивкой, ядерными батареями различной мощности, ручным оружием и многим другим. А еще тут был экзотический антиквариат. В одном месте за несколько металлических обломков запрашивали несусветную цену. Продавец утверждал, что это останки кораблей, собранные на краю Солнечной системы после Битвы Судного дня. Говорил ли он правду? Да кто его знает...

Чэн Синь поджидал сюрприз: один из торговцев продавал антикварные книги. Она полистала некоторые — для нее они не были пришельцами из седой старины. Книги, многие раскрытые, плавали кучкой, напоминая стаю белокрылых птиц... Прямо перед Чэн Синь воспарил маленький деревянный ящичек с надписью «Сигары».

Она поймала его, и тут же к ней подлетел мальчишка и забожился на чем свет стоит, что это настоящие старинные гаванские сигары, свято хранящиеся уже двести лет. Ну, они немножко подсохли, так что он отдаст их по сходной цене — такой вам не предложат нигде в Солнечной системе! Мальчишка даже открыл ящик и показал товар лицом. Чэн Синь согласилась и купила.

Цао Бинь увлек свою спутницу к внешнему краю города, к сферической оболочке. Никакие здания не крепились к ней, и почва здесь тоже отсутствовала — все оставалось в том же первозданном виде, как во времена строительства космограда. Кривизна поверхности на ограниченном участке была незаметна, так что путешественникам казалось, будто они стоят на широкой плоской площади, а над ними плавает густое облако городских строений, между которыми скользят огни, отбрасывая на «площадь» мерцающие блики. Вся внутренняя поверхность оболочки космограда была разрисована граффити — им не было ни конца ни края. Яркие, насыщенные, дикие, необузданные, скабрезные и полные энергии картины в неверном, дрожащем свете казались живыми, как будто в них воплотились мечты и грезы парящего вверху города.

Цао Бинь не повел свою спутницу в центр, объяснив, что туда лучше не соваться, там разгул преступности. Банды воюют между собой так яростно, что однажды несколько лет назад в пылу боя умудрились пробить дыру в корпусе. Произошла разгерметизация. Позже бандиты заключили что-то вроде негласного договора и перенесли свои разборки в центр, подальше от внешней обшивки.

Еще Цао Бинь рассказал, что федеральное правительство выделяет Океании I колоссальные суммы на социальную защиту. Шесть с чем-то миллионов здешних обитателей — почти сплошь безработные, но, во всяком случае, они получают все самое необходимое для жизни.

— А что произойдет с городом в случае атаки «темного леса»?

— Погибнет. У города нет маневровых двигателей; но даже если бы и были, его невозможно передвинуть в тень Юпитера и держать там. Смотри... — Цао указал на летающие постройки. — Если городу придать ускорение, все это грохнется о корпус, пробьет дыру и вывалится наружу. Если мы получим предупреждение об атаке, выход только один: эвакуировать жителей в другие убежища.

Покидая город вечной ночи, Чэн Синь смотрела в иллюминатор шлюпки и видела не только нищету и обездоленность. Этот город жил своей особой, уникальной, богатой жизнью, словно невесомая версия знаменитого полотна династии Сун «По реке в День поминовения усопших»[51].

Чэн Синь пришла к выводу, что по сравнению с предыдущей эрой Мир Убежищ никак нельзя назвать идеальным обществом. Миграция к внешнему краю Солнечной системы способствовала возрождению некоторых опасных социальных тенденций, давно канувших в Лету под влиянием прогресса. Но это не регресс, это скорее движение вверх по спирали — необходимое условие для исследований, открытий и освоения новых территорий.

* * *

После Океании I Цао показал Чэн Синь еще несколько космоградов неординарной конструкции. Один из них, в непосредственной близости

---

[51] Примечания: 51

Эта картина упоминается также и в романе «Задача трех тел». Кому интересно, с ней можно ознакомиться здесь: http://www.npm.gov.tw/exh96/orientation/flash_4/index.html. Есть и интересный анимированный вариант с комментариями: https://www.youtube.com/watch?v=kxff-4GktOI. — *Прим. перев.*

от Океании I, имел форму колеса со спицами, чем напоминал станцию при терминале космического лифта, которую Чэн Синь посетила более шестидесяти лет назад, только побольше размером.

Чэн Синь ввергало в недоумение разнообразие конструкций убежищ. С инженерной точки зрения, колесо представлялось идеальной формой. Его гораздо легче соорудить, чем шаро- или яйцеобразный корпус, как у других городов; к тому же колесо прочнее, лучше противостоит катастрофам, и его легко расширять и достраивать.

На вопрос Чэн Синь ее спутник ограничился лаконичным:

— Чувство мира.

— Что?

— Ощущение, что вокруг тебя мир. Космоград должен обладать большим внутренним объемом и обширными открытыми пространствами, чтобы его обитатели ощущали, что живут внутри мира. Хотя в колесе полезная площадь примерно такая же, как в сфере или в мяче для регби, люди все равно осознают, что живут в узкой трубе.

Существовали убежища и еще более странных форм. По большей части это были промышленные или сельскохозяйственные объекты без

постоянных жителей. Например, город под названием Ресурс I насчитывал в длину 120 км, зато диаметром был всего три, то есть напоминал тонкую палку; и вращался он не вдоль продольной оси, а кувыркался вокруг центра. Внутренность его была поделена на уровни, тяготение в которых резко варьировалось. Для жизни были пригодны только несколько уровней, на остальных же размещались промышленные производства, приспособленные для различной силы тяжести. По словам Цао Биня, вблизи Сатурна и Урана существовали другие города, составленные из нескольких таких «палок» в виде креста или звездочки.

Осуществлять проект космических убежищ начали со строительства кластеров около Юпитера и Сатурна. Позже, когда приступили к работам в окрестностях Урана и Нептуна, в дизайне космоградов появились новые концепции. Самой важной оказалась идея сцепления городов. В двух кластерах, что располагались на самом краю Солнечной системы, каждое убежище было снабжено одним или несколькими стандартными стыковочными узлами, благодаря которым города можно сцепить друг с другом. Такая стыковка расширяла обитаемое пространство и создавала

у жителей еще более прочное «чувство мира». Все это способствовало подъему экономики. К тому же после сцепления атмосферы и экологические системы различных городов сливались воедино, что облегчало их эксплуатацию.

В настоящее время большинство городов стыковались по оси своего вращения. Таким образом, они после стыковки продолжали вращаться, как раньше, не меняя вектора гравитации. Выдвигались предложения также о параллельной или перпендикулярной стыковке, что позволило бы городам разрастаться в самых разных направлениях, а не только вдоль оси вращения. Но тогда внутреннее распределение силы тяжести радикально изменится, поэтому такие предложения пока не внедряли в практику.

Самый большой комбинированный город располагался около Нептуна. Четыре из восьми убежищ, соединившись по оси вращения, образовали единую конструкцию длиной двести километров. При необходимости — например, когда придет предупреждение об ударе «темного леса» — города можно быстро разъединить, тем самым увеличив их мобильность. Люди надеялись, что однажды все города в каждом кластере объединятся в единое целое и человечество будет

жить в четырех автономных мирах.

Всего в тени Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна прятались шестьдесят четыре больших и около сотни средних и малых космоградов плюс множество космических станций. В Мире Убежищ жили девятьсот миллионов человек, то есть почти все человечество. Задолго до атаки «темного леса» цивилизация землян задраила все люки и приготовилась к худшему.

В политическом отношении каждый космоград соответствовал одному государству. Все четыре кластера образовывали Федерацию Солнечной системы, управляемую федеральным правительством, унаследовавшим функции ООН. Большинство древних земных цивилизаций прошло через стадию городов-государств, и теперь то же самое повторилось на окраинах Солнечной системы.

Земля стала практически необитаемой — на всей планете жило лишь пять миллионов человек. Это были люди, не пожелавшие покинуть родной дом и не испытывающие страха перед внезапной и неотвратимой гибелью. Многие храбрецы, живущие в Мире Убежищ, совершали турпоездки на Землю, хотя каждое такое путешествие было рискованной игрой, ставка в которой

жизнь.

Время шло, и грозный призрак атаки «темного леса» становился все явственнее. Люди понемногу привыкали к жизни в космических убежищах. Они занимались обустройством своего нового дома, тоска по родной планете уже не так терзала их, и все меньше и меньше туристов путешествовало на Землю. Народ больше не интересовался новостями из старого мира, поэтому мало кого занимало, что природа Земли переживала бурное возрождение. Континенты покрылись лугами и лесами, а люди, оставшиеся на родной планете, никогда не выходили из дому без оружия, ведь надо было защищаться от расплодившегося зверья. Правда, молва гласила, будто они жили как короли: каждый владел огромными земельными угодьями с лесами и озерами. Планета теперь была всего лишь одним из городов Федерации Солнечной системы.

Маленькая шлюпка Чэн Синь и Цао Биня находилась сейчас на периферии юпитерианского кластера космоградов. Перед лицом исполинского темного Юпитера убежища казались такими маленькими, такими одинокими — словно горстка хижин у подножия могучего утеса. Отсюда, издалека, они выглядели крохотными свечками.

Да, маленькие, слабые, но они были единственными средоточиями тепла и домашнего уюта посреди бесконечного запредельного холода и запустения космоса. Именно сюда стремились сердца усталых путешественников. В голове Чэн Синь всплыло короткое стихотворение, которое она учила в школе, — произведение давно забытого китайского поэта эпохи Республики:

Солнце село.

Горы, деревья, скала, река,

Все величественные здания погружены в тень.

Люди с большим интересом зажигают лампы,

В предвкушении того, что увидят,

В надежде найти то, что хотят[52].

[52] Примечания: 52

Стихотворение Сюй Юйно (1894–1958), современного китайского поэта, выразителя идей Движения Четвертого мая. — *Прим. К. Л.*

Движение Четвертого мая — массовое антиимпериалистическое (преимущественно антияпонское) движение в Китае в мае-июне 1919 года, возникшее под влиянием Октябрьской революции в России. — *Прим. перев.*

Эра Космических Убежищ, год 11-й. Скорость Света II

Конечной целью путешествия Чэн Синь и Цао Биня был Гало-Сити, космоград среднего размера. Средними считались убежища, внутренняя площадь которых составляла от пятидесяти до двухсот квадратных километров. Обычно такие города входили в конгломераты крупных космоградов, но два средних города, Гало-Сити и Скорость Света II, располагались поодаль от основного юпитерианского кластера, почти вне защитной тени планеты.

На пути к Гало-Сити шлюпка пронеслась мимо Скорости Света II. Цао Бинь рассказал спутнице, что Скорость Света II некогда была городом науки — в нем располагался один из двух исследовательских центров, работающих над проблемой замедления скорости света; но люди ушли оттуда. Чэн Синь очень заинтересовалась и захотела сделать остановку. Цао Бинь неохотно повернул шлюпку в требуемую сторону.

— Может, просто поглядим снаружи, и хватит? — буркнул он. — Внутрь лучше бы не соваться.

— Это опасно?

— Да.

— Но мы же были внутри Океании I, а там тоже опасно!

— Там все совсем по-другому. Внутри Скорости Света II никого нет. Это... это город-призрак. Во всяком случае, все так говорят.

Шлюпка приблизилась к космограду, и Чэн Синь поняла, что тот действительно обратился в руины. Он не вращался, внешнюю обшивку рассекали трещины и разломы. В некоторых местах оболочка отсутствовала совсем, открывая взору внутреннюю структуру. Разглядывая эти впечатляющие останки в свете прожекторов шлюпки, Чэн Синь ощутила одновременно и ужас, и благоговение. Безжизненный космоград напоминал выбросившегося на берег кита, который лежит недвижно уже многие-многие тысячелетия. Жизнь давно вытекла из него, остались лишь ссохшаяся, потрескавшаяся шкура да скелет. Ей казалось, будто она смотрит на сооружение, которое старше афинского Акрополя и скрывает в себе еще больше тайн.

Они медленно двинулись к большой — в несколько раз шире, чем их шлюпка, — бреши. Между балками внутренней конструкции, ис-

кореженными и погнутыми, открывался путь внутрь убежища. Луч прожектора проник туда и осветил далекую «землю», совершенно голую.

Шлюпка вошла в город и, пройдя немного, остановилась и начала обшаривать прожекторами окружающее пространство. Чэн Синь рассмотрела, что, куда ни кинь взгляд, «земля» оставалась такой же голой. Отсутствовали не только строения — не было вообще никаких признаков того, что когда-то здесь обитали люди. В «земле» виднелись лишь пересекающиеся балки несущей конструкции.

— Это просто пустая оболочка? — спросила Чэн Синь.

— Нет.

Цао Бинь смотрел на свою спутницу несколько мгновений, словно оценивая, достаточно ли у той мужества. Затем протянул руку и выключил прожектора.

Поначалу Чэн Синь видела только темень. Прямо перед ними сквозь пробоины в обшивке струился звездный свет, так что казалось, будто она смотрит в ночное небо через развороченную крышу. Наконец глаза приспособились, и Чэн Синь обнаружила, что внутренность мертвого города не совсем темна — она мерцает призрач-

ным голубым светом. Чэн Синь прохватил озноб. Она постаралась взять себя в руки и вгляделась в источник света. Голубое сияние исходило из самого центра космограда.

Оно беспорядочно дрожало, словно помаргивающий в тике глаз. На голой «земле» шевелились странные тени. Пейзаж походил на безжизненные пустоши, озаряемые в ночи сполохами на горизонте...

— Это светится космическая пыль, падающая в черную дыру, — проговорил Цао Бинь, указывая на источник свечения. Видимо, своим объяснением он пытался хоть немного унять охвативший его спутницу страх.

— Там черная дыра?!

— Да. Она примерно... ну, не дальше пяти километров отсюда. Микроскопическая черная дыра с радиусом Шварцильда в ничтожную долю микрона и массой, равной Леде, луне Юпитера.

И в этом фосфоресцирующем голубом мерцании Цао Бинь рассказал Чэн Синь историю космограда Скорость Света II и ученого □ Уэя[53].

---

[53] Примечания: 53

Как и □ АА, это смешанное китайско-английское имя (□ — фамилия и произносится «Гао»). — *Прим. К. Л.*

* * *

Исследования, посвященные снижению скорости света в вакууме, начались примерно в тот же период, что и проект космических убежищ. Поскольку план черного домена предоставлял человечеству еще один способ выживания, международное сообщество выделило ему колоссальные средства, а в рамках проекта космических убежищ специально для него в кластере Сатурна построили большой научный космоград — Скорость Света I. Но шестьдесят лет напряженных изысканий не дали ощутимых результатов, и даже в фундаментальной теории продвижение было незначительным.

Понизить скорость света в среде — задача не из самых трудных. Еще в 2008 году в лабораторных условиях ученым удалось уменьшить скорость света до невероятных семнадцати метров в секунду. Но скорость света в вакууме — совсем другое дело. В первом случае требовалось всего лишь заставить атомы промежуточной среды поглощать и вновь испускать фотоны, а сам свет при этом шел со своей обычной скоростью. Для плана черного домена такое решение не годилось.

Скорость света в вакууме — одна из фунда-

ментальных констант Вселенной. Изменить ее — все равно что изменить законы физики. Для этого нужно сделать прорывные открытия в науке о самих основах мироздания, а кроме того, требуется еще и немалая порция удачи. После шестидесяти лет фундаментальных исследований единственным полезным достижением оказалось строительство гелиоцентрического ускорителя частиц. Это, в свою очередь, привело к успеху в самой значительной составной части плана черного домена — проекте «Черная дыра».

В своих усилиях изменить скорость света ученые перепробовали все доступные, порой самые экстремальные методы. Однажды применили сверхмощное искусственное магнитное поле. Однако наилучший способ повлиять на прохождение света в вакууме — это подвергнуть его действию поля тяготения. Поскольку генерировать локальное гравитационное поле в лабораторных условиях чрезвычайно трудно, единственным путем, ведущим к цели, оставалась черная дыра. Гелиоцентрический ускоритель мог создавать микроскопические черные дыры.

Во главе проекта «Черная дыра» стоял [illegible] Уэй. Цао Бинь работал с ним несколько лет. Рассказывая об этом человеке, Цао не мог скрыть своего

сложного отношения к коллеге.

— Он страдал тяжелой формой аутизма. Нет, я говорю не о чудачестве гения-затворника, по собственной воле изолировавшего себя от людей, а о реальном психическом заболевании. Уэй был крайне замкнутым человеком, общаться с кем-либо было для него сущей пыткой, а уж к женщине он не прикасался ни разу в жизни. Только в эту эпоху такой человек смог бы сделать столь выдающуюся карьеру. Однако, несмотря на все его достижения, большинство начальников и коллег Гао считали его всего лишь супербатарейкой, заряженной интеллектом. Болезнь мучила его страшно, и он пытался изменить себя — что и отличало его от других гениев.

Начиная с... э... кажется, восьмого года Эры Космической Передачи Уэй посвятил себя теоретическим исследованиям в области замедления скорости света. Через некоторое время он, думается мне, каким-то странным образом стал отождествлять собственную личность с предметом исследований. Ему казалось, что если он сможет изменить великую константу, то сможет изменить самого себя.

Но скорость света в вакууме поистине самая стойкая вещь во Вселенной. В попытках

замедлить ее люди подвергали свет самым изощренным пыткам: бомбардировали, перекручивали, ломали, рассекали, растягивали, сжимали, даже разрушали — а результатом в большинстве случаев было только изменение его частоты в вакууме. Скорость света не менялась, стояла несокрушимой, непреодолимой стеной. После десятилетий неудач все, как теоретики, так и экспериментаторы, впали в отчаяние. Даже крылатое выражение возникло: «Если Создатель и вправду существует, единственное, что Он в процессе Творения запечатал семью печатями, — это скорость света».

Отчаяние Уэя было особенно глубоким. К тому моменту, когда я лег в гибернацию, ему почти исполнилось пятьдесят. Он все так же не знал женщины, а о своей судьбе думал как о скорости света: ее не перебороть. Он еще больше замкнулся, полностью уйдя в себя.

Проект «Черная дыра» начал работу на первом году Эры Космических Убежищ и продолжался одиннадцать лет. Особых надежд на него никто не возлагал. И теоретические расчеты, и астрономические наблюдения показывали, что даже черные дыры не в силах ничего поделать с упрямой константой. Эти демоны Вселенной только и

могут, что при помощи своего тяготения искривить траекторию света и изменить его частоту, но на скорость не влияют никак. Однако чтобы продолжать исследования по плану черного домена, необходимо было экспериментировать со сверхмощными полями тяготения, а для этого требовалась черная дыра. Вдобавок поскольку черный домен — это, по сути, та же самая черная дыра, только со сниженной скоростью света, кто знает — возможно, наблюдения за микроскопической черной дырой с обычной скоростью света дадут неожиданные подсказки?

Гелиоцентрический ускоритель был способен создавать микроскопические черные дыры, но они тут же испарялись. Чтобы получить стабильную черную дыру, одну из них после генерации немедленно вывели из ускорителя и поместили внутрь Леды.

Леда, самая маленькая из лун Юпитера, со средним радиусом всего восемь километров, представляла собой просто-напросто огромный булыжник. Перед тем как создать черную дыру, Леду сняли с ее орбиты и превратили в спутник Солнца, обращающийся рядом с Юпитером, как космограды. Но в отличие от космоградов Леду передвинули в точку Лагранжа Солнце — Юпитер

L2, где мы сейчас и находимся. Это позволяло Леде сохранять относительно стабильную позицию без постоянной корректировки. На тот момент это было самое массивное небесное тело, которое люди переместили в космосе.

Микродыра внутри Леды стала быстро поглощать вещество и расти. Порождаемое при этом излучение плавило окружающие скальные породы. Вскоре вся луна полностью расплавилась, и из эдакой каменной картофелины превратилась в багрово пылающий шар раскаленной лавы. Этот шар медленно уменьшался в размерах, светясь все ярче и ярче, пока с ослепительной вспышкой не исчез совсем. Наблюдения показали, что помимо незначительного количества материи, рассеявшегося с излучением, все вещество Леды было поглощено черной дырой. Дыра оставалась стабильной, диаметр ее горизонта событий увеличился с размера элементарной частицы до двадцати одного нанометра.

Вокруг черной дыры построили космоград, который назвали Скорость Света II. Дыра висела в центре города — пустого, не вращающегося, не герметичного; то есть внутри него царил вакуум. По сути, это был гигантский контейнер для черной дыры. Чтобы изучать ее, туда доставляли

персонал и оборудование.

Исследования продолжались много лет. Впервые в истории люди получили возможность наблюдать за черной дырой в лабораторных условиях. Было сделано множество открытий, способствовавших развитию теоретической физики и фундаментальной космологии, но ни одно из них не помогло решить проблему снижения скорости света в вакууме.

Через шесть лет после начала исследований [redacted] Уэй умер. Согласно официальному докладу Всемирной академии наук, его «случайно затянуло в черную дыру» во время эксперимента.

Любой, у кого есть хотя бы самые элементарные познания в физике, понимает: вероятность того, что Гао «затянуло» в черную дыру, практически равна нулю. Причина, по которой черные дыры превращаются в ловушку, из которой не может вырваться даже свет, не в их ошеломительном тяготении (хотя у больших черных дыр, образующихся при коллапсе звезд, тяготение и впрямь неимоверное), но в чрезвычайной плотности их гравитационных полей. Для стороннего наблюдателя общее тяготение черной дыры ничем не отличается от тяготения эквивалентной массы вещества. Если бы Солнце превратилось в чер-

ную дыру, Земля и другие планеты продолжали бы свое движение вокруг нее как ни в чем не бывало. И лишь если подобраться к черной дыре достаточно близко, ее тяготение начнет вытворять странные фокусы.

В Скорости Света II черную дыру окружала защитная сетка радиусом пять тысяч метров. Исследовательскому персоналу внутрь ограждения заходить запрещалось. Поскольку радиус Леды первоначально составлял только восемь километров, гравитация черной дыры на расстоянии пять километров была ненамного больше гравитации на поверхности бывшего спутника Юпитера, то есть очень слабая. Человек у сети находился практически в состоянии невесомости и легко мог уйти от дыры, используя маневровые двигатели скафандра. Так что Гао никак не могло куда-то там «затянуть».

Уэй буквально влюбился в черную дыру. После долгих лет борьбы со скоростью света и полным провалом в попытках изменить хотя бы одну цифру в этой константе Гао ожесточился, его обуревало чувство поражения. Поскольку неизменность скорости света — это закон природы, он стал ненавидеть законы природы. Ненавидеть и бояться. Но сейчас перед его глазами находилось

нечто, сумевшее сжать Леду до двадцати одного нанометра! Внутри горизонта событий, в этой пространственно-временной сингулярности, известные законы природы не работали...

[redacted] Уэй частенько зависал на защитной сетке и часами смотрел на черную дыру в пяти километрах от него. Он наблюдал за ее свечением — так же как мы сейчас — и время от времени утверждал, что дыра разговаривает с ним, что он читает в ее мерцании осмысленные сообщения.

Никто не видел, как исчез Гао, а видеозапись, если она и существует, не обнародована. Гао, ведущий физик проекта, знал пароль, открывающий защитную сетку. Я уверен: он проник внутрь и летел к дыре, пока не прошел точку невозврата. Возможно, он просто хотел взглянуть поближе на объект своей страсти, а может, и в самом деле намеревался войти в сингулярность, где обычные законы природы не действуют и где он сможет избавиться от всех своих проблем...

То, что случилось дальше, слишком странно. Это сложно описать. Ученые наблюдали за дырой в дистанционно управляемые микроскопы и обнаружили, что на поверхности крошечной сферы диаметром двадцать один нанометр просматривается человеческая фигура. Это был [redacted] Уэй,

проваливающийся сквозь горизонт событий.

Согласно общей теории относительности, сторонний наблюдатель увидит, что часы поблизости от горизонта событий замедляют ход. Процесс падения [redacted] Уэя в черную дыру тоже замедлится и растянется до бесконечности.

Но с точки зрения самого [redacted] Уэя, он уже миновал горизонт событий.

Что еще более поразительно, пропорции фигуры оставались нормальными. Приливные силы[54], похоже, не работают — возможно, из-за того, что черная дыра очень мала. Гао сжался до нанометрового масштаба, но пространство там тоже крайне искривлено. Многие физики считают, что тело [redacted] Уэя у горизонта событий не пострадало. Иными словами, он, скорее всего, до сих пор жив.

Вот почему страховая компания отказывается платить, хотя [redacted] Уэй в его системе отсчета прошел горизонт событий и по идее сейчас мертв. Но договор страхования заключался согласно законам нашего мира, а с этой точки зрения невозмож-

---

[54] Примечания: 54

Приливные силы вызваны разностью в тяготении между двумя точками падающего на черную дыру объекта — ближайшей к дыре и наиболее удаленной. Та часть объекта, что ближе к дыре, притягивается сильнее, объект растягивается в тонкую полоску или рвется (https://ru.wikipedia.org/wiki/Спагеттификация). — *Прим. перев.*

но доказать, что [redacted] Уэй мертв. Даже прекратить договор невозможно: страхователи утверждают, что это можно сделать только после окончания события, приведшего к смерти; а поскольку [redacted] Уэй все еще падает в черную дыру, событие не завершилось — и не завершится никогда.

Затем некая женщина подала в суд на Всемирную академию наук и потребовала остановить изучение этой конкретной черной дыры. К тому моменту стало ясно, что пассивные наблюдения новых результатов не дадут. При дальнейших исследованиях требовалось непосредственно воздействовать на дыру — например, посылать внутрь нее опытные объекты, что вызвало бы мощные потоки радиации и возмутило бы пространственно-временной континуум в границах горизонта событий. Если [redacted] Уэй все еще жив, эксперименты подвергнут его жизнь опасности. Истица проиграла дело, но работы с черной дырой по разным причинам все же прекратили, и персонал покинул Скорость Света II. Остается только ждать, пока дыра не испарится, а для этого потребуется еще полвека.

Во всяком случае, теперь мы знаем, что по крайней мере одна женщина любила [redacted] Уэя, хотя он об этом и не подозревал. Впоследствии она ре-

гулярно приезжала сюда и пыталась посылать к черной дыре нейтринные и радиосообщения. Она даже писала слова любви большими буквами на листах бумаги, которые прикрепляла к защитной сетке в надежде, что [illegible] Уэй сможет их прочесть. Но в его системе отсчета он уже прошел горизонт событий... Ладно, это все слишком сложно.

Чэн Синь неотрывно смотрела на голубую фосфоресцирующую точку в темной дали. Значит, там, у горизонта событий, где время остановилось, есть человек, и человек этот вечно падает, падает, падает... С точки зрения нашего мира он все еще жив, но в своем собственном мире он уже мертв. Так много странных судеб, так много невообразимых жизней...

Теперь Чэн Синь казалось, будто мерцающая черная дыра и вправду посылает какое-то сообщение, будто ей действительно подмигивает чей-то глаз... Она отвела взгляд, ощущая в сердце такую же пустоту, какая царила в этих развалинах, и тихо сказала своему спутнику:

— Летим в Гало-Сити.

Эра Космических Убежищ, год 11-й. Гало-Сити

На подлете к цели путешествия шлюпка наткнулась на линию блокады. Более двадцати боевых звездолетов Флота Федерации окружили Гало-Сити. Блокада длилась уже две недели.

Звездолеты были огромными, но рядом с космоградом казались утлыми лодчонками, окружившими величественный океанский лайнер. На блокаду Гало-Сити Флот Федерации послал основную часть своих сил.

После того как оба трисолярианских флота растворились в глубинах космоса и все контакты между двумя мирами прекратились, инопланетная угроза человечеству приняла новую форму. Конгресс Флотов, образованный для войны с трисолярианами, утратил свое назначение и постепенно терял влияние, пока наконец не был распущен. Флот Солнечной системы, собственность Конгресса Флотов, перешел во владение Федерации Солнечной системы. Это был первый случай в истории, когда единое мировое правительство контролировало большинство

вооруженных сил человечества.

Поскольку необходимость в больших космических силах отпала, численность флота резко сократилась. Когда началось строительство космических убежищ, большинство из тогдашней сотни с лишним боевых звездолетов были переоборудованы для использования в гражданских целях. Их разоружили, системы жизнеобеспечения удалили, а корабли превратили в транспорты, обслуживающие проект. В строю осталось только тридцать боевых звездолетов. За последние шестьдесят с лишним лет не построили ни одного нового военного корабля — из-за их дороговизны. На постройку двух или трех боевых звездолетов требовалось столько же денег, сколько на крупный космоград. Кроме того, в новых военных кораблях просто не было нужды. Б`ольшую часть своих ресурсов Флот Федерации направил на создание системы раннего предупреждения.

Шлюпка остановилась, подчиняясь приказу. К ней направился военный патрульный катер. Он был невелик — издалека Чэн Синь видела лишь пламя из его дюз, а рассмотреть корпус ей удалось, только когда катер подлетел поближе. Пока шла стыковка, Чэн Синь разглядывала его

экипаж. Их военная форма сильно отличалась от формы в предыдущую эру: на ней красовалось меньше всякой космической символики, и выглядела она почти как обмундирование наземных войск в старые времена.

Мужчина средних лет, перешедший после стыковки на борт шлюпки, был одет в штатское. Даже в невесомости он двигался элегантно и спокойно и, похоже, не испытывал неловкости, оказавшись в тесном пространстве, рассчитанном только на двоих.

— Добрый день. Я Блэр, специальный посланник президента Федерации. Собираюсь предпринять последнюю попытку договориться с правительством Гало-Сити. Я мог бы обратиться к вам с борта моего корабля, но из уважения к обычаям Общей Эры решил встретиться лично.

Чэн Синь отметила, что даже политики в эту эпоху стали другими. Самоуверенность и прямолинейность предыдущей эры сменились рассудительностью, сдержанностью и вежливостью.

— Правительство Федерации объявило полную блокаду Гало-Сити, никому не разрешается входить или покидать его. Однако мы знаем, что на борту этого судна находится доктор Чэн

Синь. — Посланник слегка поклонился ей. — Мы вас пропустим и окажем всяческое содействие. Надеемся, вы воспользуетесь своим влиянием и убедите правительство Гало-Сити прекратить неразумное, преступное сопротивление, а также предотвратите дальнейшее ухудшение ситуации. Я являюсь выразителем воли президента.

Специальный посланник взмахнул рукой — открылось информационное окно, в котором возник президент Федерации. В кабинете за его спиной были представлены флаги городов Мира Убежищ. Чэн Синь не узнала ни одного. Национальные государства исчезли вместе со своими флагами. Президент, азиат по происхождению, производил впечатление самого обычного человека. Его лицо выглядело усталым. Поприветствовав Чэн Синь кивком, он сказал:

— Посланник Блэр прав. Такова воля правительства Федерации. Господин Уэйд сообщил, что окончательное решение остается за вами. Мы не очень-то этому верим, однако желаем вам всяческого успеха. Приятно видеть, что вы все еще молоды. Хотя для этой миссии, возможно, слишком молоды.

Окно закрылось. Блэр обратился к Чэн Синь:

— Полагаю, у вас уже имеется некоторое по-

нимание ситуации, но мне все же хотелось бы дать вам общий обзор. Постараюсь сохранять объективность и беспристрастность.

Чэн Синь обратила внимание, что оба — и президент, и посланник — обращались только к ней и полностью игнорировали ее спутника, тем самым подчеркивая свою глубокую враждебность по отношению к нему.

Собственно, Цао Бинь уже обрисовал ей картину во всех подробностях, и рассказ посланника не добавил ничего нового.

* * *

После того как Томас Уэйд взял на себя управление концерном «Гало», компания стала ключевым подрядчиком в проекте космических убежищ. Не прошло и восьми лет, как концерн вырос в десять раз и стал одним из столпов мировой экономики. Уэйд как предприниматель ничего особенного собой не представлял — по сути, он был значительно слабее ⊠ АА. Своим ростом концерн был обязан новой управленческой команде, которую нанял Уэйд. Лично в делах компании он не участвовал и не проявлял к ней особого интереса, зато изымал значительную часть прибыли и вкладывал ее в исследования

светового двигателя.

Одновременно со строительством космических убежищ концерн «Гало» приступил к сооружению собственного космограда — научно-исследовательского центра, получившего название Гало-Сити. Расположили его в точке Лагранжа Солнце — Юпитер L2, которую посчитали идеальным местом: не нужны коррекционные двигатели и не надо тратить ценные ресурсы на поддержание стабильной позиции. Гало-Сити являлся единственным научным космоградом вне юрисдикции федерального правительства. Одновременно со строительством города Уэйд приступил к сооружению гелиоцентрического ускорителя частиц. Этот проект назвали «Великой стеной Солнечной системы», потому что он окружал Солнце кольцом.

В течение полувека концерн «Гало» проводил фундаментальные исследования в области космических полетов со скоростью света. Научная деятельность «Гало» не была чем-то из ряда вон выходящим: начиная с Эры Устрашения многие крупные компании вели серьезные научные разработки, которые при новой экономической системе нередко оборачивались сверхприбылями. «Гало» не делал особого секрета из конечной

цели своих изысканий, но до тех пор, пока он занимался только фундаментальной наукой, правительство Федерации не могло обвинить концерн в нарушении закона. Тем не менее оно относилось к деятельности концерна с подозрением и неоднократно подвергало ее проверкам.

На протяжении полувека отношения между компанией и правительством были в основном дружественными. Так как и для световых кораблей, и для плана черного домена требовались в общем и целом одни и те же фундаментальные исследования, концерн «Гало» и Всемирная академия наук тесно сотрудничали. Например, проект академии «Черная дыра» использовал принадлежащий «Гало» гелиоцентрический ускоритель для получения образца черной дыры.

Однако шесть лет назад «Гало» вдруг открыто заявил о своем намерении сконструировать корабль с двигателем, искривляющим пространство. Столь явное неповиновение вызвало бурю негодования в международном сообществе. С тех пор конфликт между концерном и правительством Федерации не прекращался.

После нескольких раундов переговоров «Гало» пообещал, что, когда пространственный двигатель будет готов к испытаниям, полигон для них

расположат на расстоянии не менее пятисот астрономических единиц от Солнца, чтобы следы не выдали инопланетянам местонахождение Земли. Однако правительство Федерации считало, что разработка кораблей, способных летать со скоростью света, сама по себе является грубым нарушением законов и конституции Федерации. Опасность заключалась не только в оставляемых ими следах, но и в том, что появление такого светолета нарушило бы социальную стабильность в Мире Убежищ, а с этой перспективой мириться было нельзя. Была принята резолюция, санкционирующая захват правительством космограда Гало-Сити и гелиоцентрического ускорителя частиц. Концерну запретили проводить любые теоретические исследования и технические разработки в области двигателя, искривляющего пространство. В дальнейшем деятельность концерна «Гало» предполагалось держать под пристальным наблюдением.

В ответ на это концерн объявил о своей независимости от Федерации Солнечной системы. Таким образом, конфликт между ним и Федерацией обострился еще больше.

Международное сообщество не восприняло всерьез декларацию Гало-Сити о независимости.

Стоит отметить, что после начала Эры Космических Убежищ конфликты между отдельными космоградами и правительством Федерации были явлением нередким. Например, два города в отдаленных кластерах Урана и Нептуна — Африка II и Индийский Океан I — однажды объявили о своей независимости, но в конечном счете из их усилий ничего не вышло. Хотя Флот Федерации уступал в численности и мощи своему предшественнику, он был способен сокрушить любой космоград. По закону убежищам не разрешалось иметь собственные вооруженные силы; они могли держать лишь немногочисленную национальную гвардию, не способную к ведению войны в космосе. К тому же экономически космограды были настолько взаимосвязаны, что ни один из них не выстоял бы в блокаде, длящейся дольше двух месяцев.

— Вот тут я никак не могу понять Уэйда, — сказал Цао Бинь. — Он человек прозорливый, видит всю картину в целом и никогда не предпримет какого-либо шага, не продумав наперед все последствия. Так с чего бы ему вдруг объявлять независимость? Это же идиотизм — давать правительству повод силой забрать себе Гало-Сити!

К этому моменту посланник уже удалился,

и шлюпка продолжала путь к своей конечной цели.

Прямо по курсу возникла некая кольцевая структура. Цао Бинь приказал шлюпке приблизиться к ней и затормозить. В гладкой металлической поверхности кольца виднелись длинные светлые полоски — отражения звезд — и искаженный образ шлюпки. Картина вызывала в памяти Кольцо, которое «Синий Космос» и «Гравитация» встретили в четырехмерном пространстве. Шлюпка остановилась и зависла поблизости. Чэн Синь прикинула, что диаметр всей структуры составлял около двухсот метров, а толщина кольца — метров пятьдесят.

— Перед тобой гелиоцентрический ускоритель частиц, — сказал Цао Бинь с благоговением.

— Какой-то он... маленький...

— Ох, прошу прощения, я неясно выразился. Это один из его разгонных соленоидов. Всего их три тысячи двести, они расположены в полутора миллионах километров друг от друга и образуют кольцо вокруг Солнца, поблизости от орбиты Юпитера. Частицы проходят сквозь центр, разгоняются в силовом поле, создаваемом обмоткой, и летят к следующему соленоиду, где разгоняются опять... За время эксперимента частицы неодно-

кратно облетают Солнце.

Когда Цао Бинь раньше говорил о гелиоцентрическом ускорителе частиц, Чэн Синь представляла его себе в виде гигантского бублика в космосе. На самом же деле выстроить вокруг Солнца сплошную «Великую стену» хотя бы в границах орбиты Меркурия было бы равносильно «Инженерному проекту Господа Бога». Сейчас Чэн Синь наконец сообразила: наземному ускорителю требуется закрытое кольцо-труба, чтобы поддерживать внутри вакуум, но ведь в космосе такая труба не нужна! Частицы могут просто лететь сквозь пространство, ускоряясь в одном соленоиде за другим. Чэн Синь невольно повернула голову и вытянула шею: а вдруг удастся разглядеть соседний?..

— Следующий разгонный соленоид находится в полутора миллионах километров отсюда, то есть в четыре или пять раз дальше, чем Луна от Земли. Ты его не увидишь, — сказал Цао Бинь. — Этот суперколлайдер способен разгонять частицы до энергетического уровня Большого Взрыва. Кораблям приказано облетать его орбиту десятой дорогой. Несколько лет назад один транспорт заблудился и попал в поток ускоренных частиц сверхвысокой энергии. Они ударили по кораблю.

Возникли высокоэнергетические вторичные ливни. Транспорт вместе со всем своим грузом — миллионами тонн руды — испарился в один миг.

Еще Цао Бинь рассказал, что главным проектировщиком гелиоцентрического ускорителя был Би Юньфэн. Из последних шестидесяти с лишним лет тридцать пять он работал над этим проектом, а остальные провел в анабиозе. Его разбудили в прошлом году, но он намного старше, чем Цао Бинь сейчас.

— И все равно старику повезло. В Общую Эру он работал с наземным ускорителем, а теперь, тремя веками позже, ему выпало строить гелиоцентрический. Вот это карьера, не находишь? Но он, знаешь, тот еще экстремист! Фанатичный приверженец независимости Гало-Сити.

В то время как общественность и политики выступали против кораблей, способных летать со скоростью света, многие ученые поддерживали идею. Для них Гало-Сити стал землей обетованной. В город стремилось множество талантливых исследователей. Даже ученые, работающие на правительство Федерации, часто сотрудничали с Гало-Сити как открыто, так и тайно. Все это вывело наукоград на передовые позиции во многих областях фундаментальных исследований.

Шлюпка отошла от соленоида и продолжила путь. Гало-Сити лежал прямо по курсу. Космоград был выстроен в малопопулярной форме колеса. Конструкция обеспечивала прочность, зато внутреннего объема было маловато, отчего страдало «чувство мира». Правда, про обитателей Гало-Сити говорили, что им это чувство ни к чему, потому что их мир — вся Вселенная.

Шлюпка вошла в «ступицу» огромного колеса, а оттуда путешественникам предстояло добраться до города по восьмикилометровой спице. Пожалуй, это было самым большим недостатком данной конструкции. Чэн Синь вспомнила свой поход через станцию при терминале космического лифта более шестидесяти лет назад; вспомнила о том, как большой холл причала показался ей тогда похожим на старый железнодорожный вокзал. Но здесь ощущение было совсем другим. Гало-Сити в десять раз превышал размерами станцию космического лифта, а просторный зал прибытия совсем не выглядел запущенным.

Пока они ехали на лифте внутри спицы, тяготение набирало силу. Когда оно достигло 1g, начался собственно город. Он состоял из трех частей: Академии наук Гало-Сити, Инженерной академии Гало-Сити и Центра управления гелио-

центрическим ускорителем частиц. Фактически космоград представлял собой кольцеобразный туннель в тридцать с чем-то километров длиной. Хотя здесь и не было так просторно и открыто, как в шарообразных или овальных убежищах, клаустрофобии не возникало.

Вначале Чэн Синь не увидела в городе автомобилей: жители в основном ездили на велосипедах — те во множестве стояли по сторонам дороги, доступные всем желающим. Однако вскоре подъехала небольшая машина с открытым верхом и забрала новоприбывших.

Так как искусственная гравитация достигала наибольшей силы на дальней от центра стенке колеса, город был построен на этой поверхности. Голографическое изображение голубого неба с белыми облаками, проецируемое на внутреннюю стенку, до некоторой степени компенсировало ущемленное «чувство мира». Стайка щебечущих птичек пронеслась в вышине — не голограмма, а настоящие птицы. В Гало-Сити Чэн Синь ощутила комфорт, которого не испытывала в других космоградах. Кругом сплошные деревья и лужайки. Ни одного слишком высокого здания. Те, что принадлежали Академии наук, были покрашены в белый цвет, а те, что Инженерной академии, — в

голубой, но каждое было уникальным. Изящные строения утопали в зелени. Чэн Синь казалось, будто она попала в университетский городок.

По пути ее ждало любопытное зрелище: имитация руин древнегреческого храма. На каменной платформе возвышалось несколько полуразрушенных античных колонн, обвитых плющом. Посередине бил фонтан: его прозрачная струя весело сверкала в солнечных лучах. Мужчины и женщины в удобной одежде сидели, прислонясь к колоннам, или лежали на газоне рядом с фонтаном. Народ со вкусом отдыхал. По-видимому, людей мало заботило, что их космоград в осаде.

Лужайку около «развалин» украшали скульптуры. Внимание Чэн Синь привлекла одна из них: рука в латной рукавице поднимала из фонтана на кончике меча венок с вплетенными в него звездами; с венка непрерывно сбегала вода. В глубине памяти Чэн Синь что-то шевельнулось, но она никак не могла вспомнить, где видела что-то подобное раньше. Она не отрывала глаз от скульптуры, пока та не скрылась из виду.

Автомобиль остановился около голубого здания. Табличка на нем гласила: «Инженерная академия, Лаборатория базовых технологий 021». На лужайке у входа Чэн Синь встречали Уэйд и

Би Юньфэн.

С тех пор как Уэйд взял на себя управление концерном «Гало», он ни разу не ложился в гибернацию, так что сейчас ему было сто десять лет. Его коротко подстриженные волосы и борода стали белыми как снег. Тростью он не пользовался, походка его оставалась уверенной и ровной, лишь спина чуть-чуть согнулась. Один рукав по-прежнему болтался пустой.

Их взгляды встретились, и Чэн Синь поняла, что время не сломило этого человека. То, что составляло суть его натуры, не только не ушло с годами, но стало еще более рельефным — так скала упрямо остается на месте, когда тают покрывающие ее снег и лед.

Би Юньфэн, который вообще-то был намного моложе Уэйда, выглядел, однако, старше. При виде Чэн Синь ученый разволновался — похоже, ему не терпелось что-то ей показать.

— Привет, девочка, — сказал Уэйд. — Мне теперь в три раза больше лет, чем тебе.

Его улыбка по-прежнему не могла согреть Чэн Синь, но в ней больше не чувствовалось и прежнего лютого мороза.

Чэн Синь смотрела на обоих мужчин со смешанными чувствами. Эти люди боролись за свои

идеалы более шестидесяти лет и теперь подошли к концу своего жизненного пути. Она же прошла через множество испытаний после своего первого пробуждения в Эру Устрашения, но в реальности, вне анабиоза, провела не более четырех лет. Сейчас ей тридцать три, — совсем еще молодая женщина в эпоху, когда средняя продолжительность жизни составляет сто пятьдесят лет.

Чэн Синь поздоровалась, и на этом с формальностями было покончено. Уэйд повел ее в лабораторию, Би Юньфэн и Цао Бинь последовали за ними.

Все вошли в обширный зал без окон. Знакомый резкий привкус электростатики подсказал Чэн Синь, что они в софонозащитной камере. Прошло больше шестидесяти лет, а люди по-прежнему не уверены, что все софоны покинули Солнечную систему, и, возможно, никогда не будут уверены. Очевидно, раньше зал был заставлен приборами и аппаратурой, но сейчас все лабораторное снаряжение беспорядочно громоздилось у стен, как будто его сдвинули впопыхах, чтобы освободить середину. В центре помещения одиноко возвышался некий аппарат. Окружающий беспорядок и пустота в середине свидетельствовали о неудержимом эмоциональном подъеме. Так команда

охотников за сокровищами, найдя вожделенный клад, отбрасывает в сторону лопаты и кирки и осторожно водружает драгоценную добычу на свободное, чистое место.

Сложное устройство аппарата напомнило Чэн Синь о токамаке из Общей Эры, только в миниатюре. Основная часть состояла из сферы, разрезанной надвое горизонтальной пластиной из черного металла, выступающей на несколько метров за край сферы. Пластина, поддерживающая устройство примерно на высоте в половину человеческого роста и снабженная крепкими ножками, служила заодно лабораторным столом. Поверхность его была пуста, за исключением нескольких приборов и телескопических манипуляторов.

Металлическая полусфера под столом была утыкана трубками различной толщины, направленными в невидимый центр сферы, что придавало ей сходство с рогатой подводной миной. По всей вероятности, прибор предназначался для концентрации какого-то вида энергии в его середине.

Полусфера над столом была изготовлена из прозрачного стекла. Обе половины образовывали единое целое, разделенное металлической

пластиной. Метафора контраста: простая прозрачность против сложной непрозрачности.

Под стеклянным куполом помещалась прямоугольная металлическая платформа размером примерно с пачку сигарет и гладкой, зеркальной поверхностью. Платформа была как крохотная сцена, а сложный механизм под ней — оркестр, готовый аккомпанировать спектаклю. Вот только непонятно, что это будет за спектакль.

— Пускай же частица тебя приобщится к этому великому событию! — торжественно провозгласил Уэйд.

Би Юньфэн приподнял край стеклянного купола, а Уэйд подошел к Чэн Синь с ножницами в руке. Молодая женщина напряглась, но не отшатнулась. Уэйд с помощью манипулятора на столе осторожно приподнял прядь ее волос и отрезал самый кончик. Продолжая удерживать отрезанную прядку в манипуляторе, осмотрел ее, пришел к выводу, что она слишком длинная, и укоротил наполовину. Оставшаяся часть, всего два-три миллиметра длиной, была почти невидима. Уэйд подошел к открытой стороне купола и аккуратно уложил волоски на гладкую металлическую платформу. Хотя Уэйду перевалило за сто и действовал он только одной рукой, движения

его были точными и уверенными — ни намека на дрожь.

— Иди сюда. Смотри внимательно, — приказал он.

Чэн Синь склонилась над стеклянным колпаком. Обрезки волос покоились на гладкой платформе. Через середину платформы проходила красная линия, волоски лежали по одну ее сторону.

Уэйд кивнул Би Юньфэну, тот развернул в воздухе голографическое окно управления и включил аппарат. Чэн Синь заглянула под стол: некоторые трубки, выпирающие из машины, накалились докрасна. Это напомнило ей картину внутри трисолярианского корабля. Послышался рокот, но никакого жара она не ощутила. Вновь взглянув на платформу, Чэн Синь почувствовала, как от маленькой площадки разошлась невидимая волна. Лицо ее овеяло легким ветерком. Она не была уверена — может, все это ей только показалось?

Ее волосы теперь лежали по другую сторону красной линии, но она не заметила, как они туда переместились.

Рыкнув еще несколько раз, аппарат затих.

— Ну как тебе? — спросил Уэйд.

— Вы потратили полвека на то, чтобы передвинуть пару крохотных волосков на два сантиметра, — сказала Чэн Синь.

— Да, искривив пространство, — процедил Уэйд.

— Если мы с помощью того же метода продолжим разгонять волосок, уже через десять метров он будет двигаться со скоростью света, — проговорил Би Юньфэн. — Разумеется, пока что мы этого достигнуть не можем, да и рисковать не станем. Волосок, двигающийся со скоростью света, разрушил бы Гало-Сити.

Чэн Синь задумчиво смотрела на крошечную прядку, сдвинувшуюся на два сантиметра за счет искривления пространства.

— Вы говорите, что изобрели порох и сумели сделать петарду, но конечная цель — создать космическую ракету. Эти два достижения разделяет тысяча лет.

— Неверная аналогия, — возразил Би Юньфэн. — Мы нашли уравнение, связывающее энергию с массой, и открыли принцип радиоактивности. Конечная цель — создать атомную бомбу. Эти два достижения разделяют всего несколько десятилетий. Через пятьдесят лет мы сможем построить корабли с двигателем, искривляющим простран-

ство, способные летать почти со скоростью света. Потребуются огромные объемы технических испытаний и разработок. Мы должны выложить карты на стол сейчас — чтобы правительство могло отступить и предоставить нам условия, необходимые для выполнения этих задач.

— Но с вашим нынешним подходом вы все потеряете!

— Нам нужно твое решение, — сказал Уэйд. — Должно быть, ты думаешь, что нам нечего противопоставить мощи флота? Как бы не так! — Он сделал жест в сторону двери: — Войдите!

Группа из сорока-пятидесяти вооруженных молодых людей вошла в зал. Одеты они были в черный космический камуфляж, отчего в зале словно потемнело. Их легкие скафандры по виду были в точности как обычная военная форма, вот только эти люди могли выйти в космос в любую минуту, стоило только надеть шлемы и ранцы жизнеобеспечения. Чэн Синь, однако, больше всего поразило их оружие — винтовки из Общей Эры. Возможно, их сделали недавно, но конструкция была старой, полностью механической, с ручными затворами и спусковыми крючками. Ее догадку подтверждали и боеприпасы: на груди каждого бойца красовалось по два скрещенных

ремня с сияющими желтыми патронами.

Видеть таких бойцов в нынешнюю эпоху было все равно что в последние годы Общей Эры встретить воинов, вооруженных луками и мечами. Это вовсе не значило, что вид у боевиков Уэйда был менее устрашающим. Как раз наоборот. Чэн Синь казалось, будто она перенеслась в прошлое — не только из-за древнего оружия, но и из-за того, как выглядели бойцы. От всего их облика веяло истинно воинской спайкой: *мы едины не только формой и снаряжением, но и духом*. Крутые, сильные парни, мускулы так и бугрятся под тонкой оболочкой скафандров. Их взгляды и дерзкие угловатые лица все как один выражали бесстрастную, стальную жестокость. Для этих людей жизнь не дороже травы.

— Это силы самообороны нашего города. — Уэйд обвел рукой новоприбывших. — Парни призваны защитить Гало-Сити и нашу идею — световой корабль. Здесь почти все; еще несколько остались снаружи, но общее количество не больше сотни. Что касается их снаряжения... — Уэйд взял у одного из солдат винтовку и оттянул затвор. — Глаза тебя не обманывают: это древнее оружие, правда, изготовленное из современных материалов. Порох не используется, дальность и точность лучше,

чем у прежних винтовок. В космосе они могут поразить корабль с расстояния в две тысячи километров, но, по сути, это примитивное оружие. Должно быть, ты думаешь: мол, это смехотворно. Я бы тоже так думал, если бы не одна вещь. — Он вернул винтовку солдату и вынул из ремня на его груди один патрон. — Как я уже сказал, вид у патронов такой же, как в старину, но начинка совершенно новая. Фактически до того новая, что эти штуки можно назвать боеприпасами будущего. Пуля представляет собой сверхпроводящий контейнер, внутри которого чистый вакуум. Магнитное поле удерживает в середине пули маленький шарик так, чтобы он не касался оболочки. Шарик состоит из антивещества.

Голос Би Юньфэна звенел от гордости:

— Гелиоцентрический ускоритель частиц использовался не только для базовых научных экспериментов, но и для производства антивещества. Последние четыре года мы, собственно, только этим и занимались. И теперь у нас пятнадцать тысяч таких пуль!

Патрон в руке Уэйда, столь примитивный на вид, теперь вызвал у Чэн Синь озноб. Насколько надежно магнитное поле внутри этой сверхпроводящей пули? Ведь достаточно одной-един-

ственной неисправности, чтобы от Гало-Сити осталась только ослепительная вспышка! Она посмотрела на золотистые патронташи на груди у каждого солдата: это были ожерелья бога Смерти. Одного такого ремня хватит, чтобы уничтожить весь Мир Убежищ!

— Нам даже не нужно выходить в открытый космос, чтобы атаковать, — продолжал Уэйд. — Просто подождем, пока флот приблизится к городу. Мы можем выпустить десятки или даже сотни пуль по каждому из двадцати — или сколько их там — кораблей; хватит одного попадания, чтобы от него и мокрого места не осталось. Конечно, тактика грубая, зато эффективная и гибкая. Один солдат с винтовкой способен расправиться с целым военным кораблем. Кроме того, у нас есть вооруженные агенты в других космоградах. — Уэйд вернул патрон солдату. — Мы не хотим войны. Во время заключительных переговоров мы покажем это оружие посланнику Федерации и объясним свою тактику. Надеемся, правительство прикинет, во что им обойдутся боевые действия, и перестанет угрожать Гало-Сити. Мы не просим многого; хотим лишь построить исследовательский центр в нескольких сотнях астрономических единиц от Солнца, где мы мог-

ли бы испытывать двигатель, искривляющий пространство.

— Но если нам придется воевать, вы можете гарантировать победу? — спросил Цао Бинь. До сих пор он молчал. В отличие от Би Юньфэна он явно не был сторонником войны.

— Нет, — спокойно ответил Уэйд. — Но и они не могут. Остается попробовать.

Едва увидев пулю из антивещества в руке Уэйда, Чэн Синь поняла, чт`о ей следует делать. Судьба Флота Федерации ее не слишком заботила — наверняка они придумают способы борьбы с тактикой Уэйда. В ее голове звенела только одна фраза:

«Кроме того, у нас есть вооруженные агенты в других космоградах».

Если разразится война, любой из боевиков, затаившихся в других убежищах, попросту выстрелит в почву у себя под ногами. Произойдет аннигиляция, взрыв мгновенно разорвет тонкую оболочку и сожжет все внутри. Затем вращающийся город разлетится на куски. Погибнут миллионы людей!

Космические убежища были хрупкими, словно яичная скорлупа.

Уэйд не сказал прямо, что атакует космограды,

но он также не сказал, что не атакует. Перед мысленным взором Чэн Синь возникла картина 133-летней давности, навсегда запечатлевшаяся в ее сердце: Уэйд целится в нее из пистолета. Она не знала, насколько заледеневшей душой надо обладать, чтобы решиться на убийство миллионов, но стержень личности Уэйда как раз и составляла безумная решимость в сочетании с запредельным внутренним холодом — следствием крайней рационалистичности этого человека. Мысленно она опять видела перед собой молодого Уэйда, каким он был триста лет назад, и слышала его бешеный звериный рев: «Вперед, только вперед, несмотря ни на что!»

Ладно, пусть сам Уэйд и не собирается атаковать космические города, но что, если кто-то из его вояк решится на это?

Словно подтверждая страхи Чэн Синь, один из бойцов обратился к ней:

— Доктор Чэн, не сомневайтесь — мы будем драться до конца!

Другой подхватил:

— Мы боремся не за вас, мистера Уэйда или этот город. — Он воздел вверх палец, и в его глазах, казалось, вспыхнул огонь. — Вы знаете, чего они пытаются нас лишить? Не города и не световых

кораблей, а всей Вселенной за пределами Солнечной системы! Там миллиарды и миллиарды новых миров, но они не пускают нас туда; они хотят запереть нас и наших потомков в этой тюрьме — тюрьме радиусом пятьдесят астрономических единиц, называемой Солнечной системой. Мы боремся за свободу, как боролись когда-то наши предки, мы сражаемся за возможность жить во Вселенной свободными людьми. И мы будем бороться до последнего! Я говорю от имени всех бойцов сил самообороны.

Остальные солдаты кивнули, глядя на Чэн Синь мрачными и холодными глазами.

В последующие годы Чэн Синь не раз вспоминала слова бойца. Но в тот момент они ее не тронули. Она чувствовала, как затягивается тьмой окружающий мир, и пришла в ужас. Ей казалось, что она снова, как сто тридцать с лишним лет назад, стоит перед штаб-квартирой ООН с младенцем на руках, а вокруг собралась стая голодных волков, и она должна защитить ребенка любой ценой.

— Вы собираетесь сдержать свое обещание? — спросила она Уэйда.

Тот кивнул.

— Конечно. Иначе зачем бы я попросил тебя

приехать сюда?

— Тогда остановите все приготовления к войне и прекратите сопротивление. Передайте все пули с антивеществом правительству Федерации. Прикажите агентам, которых вы отправили в другие города, немедленно сделать то же самое!

Солдаты уставились на Чэн Синь так, словно хотели взглядом сжечь ее дотла. Разница в силе между двумя сторонами была ошеломляющей. Хрупкая женщина противостояла бездушной машине войны. Каждый из этих бойцов нес на себе более сотни водородных бомб, и под руководством сильного вождя-параноика это мощное черное колесо раздавило бы любую преграду. Чэн Синь была как травинка, не способная даже замедлить движение этого гигантского колеса. И все же она не собиралась уступать.

Однако события развивались не так, как она ожидала. Взгляды солдат один за другим обратились к вождю. Удушливое напряжение, казалось, начало отпускать Чэн Синь, но дышалось ей по-прежнему с трудом. Уэйд продолжал смотреть сквозь прозрачный купол на маленькую платформу с лежащими на ней волосками так, словно это был священный алтарь. Чэн Синь представила себе, как однажды Уэйд собрал своих воинов

вокруг этого алтаря, чтобы предречь войну...

— Может, подумаешь еще немного? — произнес Уэйд.

— Нет необходимости. — В голосе Чэн Синь звучали стальные нотки. — Я приняла окончательное решение. Прекратите сопротивление и передайте правительству все антивещество, имеющееся в Гало-Сити.

Уэйд поднял голову и посмотрел на Чэн Синь с беспомощностью и мольбой. На лице этого человека подобное выражение появлялось нечасто. Потом он медленно проговорил:

— Если мы теряем нашу человеческую натуру, мы теряем многое, но если мы теряем нашу звериную натуру, мы теряем все.

— Я выбираю человеческую, — отрезала Чэн Синь, глядя на каждого присутствующего по очереди, — и верю, что и все вы тоже.

Би Юньфэн собирался что-то сказать, но Уэйд остановил его. Глаза лидера Гало-Сити потускнели. Что-то ушло из них, погасло навсегда. Бремя лет внезапно навалилось на этого человека, и стало видно, как он устал. Он оперся рукой о металлический стол и медленно опустился в кресло, которое кто-то подкатил к нему. Затем поднял руку и, не поднимая глаз, сказал:

— Сложите оружие. Боеприпасы оставьте здесь. — Он указал на стол перед собой.

Поначалу никто не шевельнулся, но Чэн Синь почувствовала: что-то смягчилось. Тьма начала рассеиваться. Солдаты отвернулись от Уэйда, их взгляды потеряли жесткость. Наконец, кто-то подошел и положил на стол оба своих патронташа. Хотя солдат сделал это аккуратно, при звуке металла, царапнувшего о металл, Чэн Синь вздрогнула. Ремни лежали на платформе недвижно, словно две золотистые змеи. Подошел второй боец и положил свои патронташи, затем еще один и еще. Вскоре на столе уже громоздилась золотая груда. Когда все патроны были сданы, звон металла прекратился, и все снова затихло.

— Прикажите всем нашим агентам в Мире Убежищ разоружиться и сдаться правительству Федерации, — сказал Уэйд. — Правительство Гало-Сити будет сотрудничать с флотом в вопросе сдачи города. Не предпринимайте никаких необдуманных действий.

— Хорошо, — ответил кто-то. Когда солдаты, одетые в черное, лишились своих патронташей, в помещении стало еще темнее.

Уэйд жестом велел бойцам уйти. Они бесшумно удалились, и зал посветлел, как будто вместе с

ними ушла темная туча. Уэйд с трудом встал, обошел гору патронов и медленно приподнял стеклянный колпак. Дунул на платформу, и волоски исчезли. Он закрыл купол, повернулся к Чэн Синь и улыбнулся:

— Видишь, девочка, я сдержал свое обещание.

* * *

Инцидент в Гало-Сити был исчерпан, но правительство Федерации не сразу раскрыло публике тайну существования оружия на антиматерии. Международное сообщество решило, что происшествие завершилось, как и должно было завершиться, поэтому особой реакции с его стороны не последовало. Престиж концерна «Гало», строителя гелиоцентрического ускорителя, был так высок, что на случившееся закрыли глаза. Общественность высказалась за то, чтобы никого не отдавать под суд, а городу разрешить как можно скорее вернуться к самоуправлению. До тех пор пока концерн «Гало» держит свое обещание не возобновлять исследования и разработки в области пространственного двигателя и не препятствует надзору Федерации, пусть он занимается, чем хочет.

Но спустя неделю командование Федерального

Флота поведало миру о захваченных патронах с антивеществом. Золотая пирамида Смерти повергла всех в шок.

Концерн «Гало» тут же объявили вне закона, и федеральное правительство конфисковало все его имущество, включая гелиоцентрический ускоритель частиц. Флот объявил о долгосрочной оккупации Гало-Сити. Академию наук и Инженерную академию распустили. Триста человек, в том числе Уэйда и других руководителей концерна и городских сил самообороны, арестовали.

Суд Федерации обвинил Томаса Уэйда в преступлениях против человечества, военных преступлениях и нарушении закона, запрещающего исследования в области двигателя, искривляющего пространство. Приговором стала смертная казнь.

* * *

Чэн Синь пришла в следственный изолятор при Верховном федеральном суде, расположенный в космограде Земля I — столице Федерации Солнечной системы, чтобы увидеться с Уэйдом в последний раз. Они смотрели друг на друга сквозь прозрачный барьер, не говоря ни слова. Чэн Синь увидела, что этот человек ста десяти

лет от роду был тих и спокоен, как вода на дне пересыхающего колодца — на ней больше никогда не поднимутся волны.

Через окно в барьере Чэн Синь передала Уэйду ящик с сигарами, купленный в Океании I. Уэйд открыл его, вынул три сигары из десяти и толкнул ящик обратно.

— Остальные выкурить не успею, — проговорил он.

— Расскажите мне о себе, — попросила Чэн Синь. — О своей работе, о жизни. Я передам это тем, кто придет после вас.

Уэйд покачал головой.

— Я всего лишь один человек из бесчисленного множества тех, кто уже умер, и тех, кто еще умрет. О чем тут говорить?

Чэн Синь понимала, что их разделяет не только этот прозрачный барьер, но глубочайшая в мире пропасть — пропасть, через которую никогда не будет переброшен мост.

— У вас есть что-нибудь, что вы бы хотели сказать мне? — спросила она. И удивилась — ей не терпелось услышать его ответ.

— Спасибо за сигары.

Чэн Синь понадобилось много времени, чтобы понять: это и было то, что он хотел ей сказать.

Последние слова Томаса Уэйда. *Все* его слова.

Они сидели молча, не глядя друг на друга. Время превратилось в трясину, в которой тонули оба. Затем дрожь космограда, корректирующего свою позицию, вернула Чэн Синь в реальность. Она медленно встала и тихо попрощалась.

Выйдя за ворота изолятора, она вынула одну из сигар и попросила у охранника огоньку. Это была ее первая в жизни затяжка. Странное дело — Чэн Синь не закашлялась. Смотрела сквозь слезы, как поднимается белый дым в лучах столичного солнца, как он рассеивается в небытии, словно те триста лет, которые прожили она и Уэйд...

А через три дня мощный лазер за одну десятитысячную секунды превратил Томаса Уэйда в дым.

* * *

Чэн Синь вернулась в гибернационный центр Азии I и разбудила ☒ АА. Подруги отправились на Землю.

Они летели на «Ореоле». После того как концерн «Гало» был распущен, а все его имущество конфисковано, правительство Федерации вернуло Чэн Синь малую часть огромных богатств компании. Сумма оказалась примерно равной

той, во сколько исчислялась стоимость концерна, когда Уэйд забрал его под свое управление. Все равно это было огромное состояние, хотя и незначительное по сравнению с активами исчезнувшей фирмы. «Ореол» являлся частью собственности, возвращенной Чэн Синь. Собственно, это был уже третий космолет с тем же названием — маленькая яхта звездного класса на троих человек. Замкнутая экосистема яхты отличалась комфортом и изысканностью и походила на чудесный маленький сад.

Чэн Синь с АА путешествовали по почти необитаемым континентам Земли. Летали над бескрайними лесами, скакали на лошадях по травянистым равнинам, лениво валялись на пустынных пляжах... Большинство городов заросло лесом и лианами, лишь кое-где оставались маленькие очажки цивилизации — там жили немногочисленные земляне. Всего планету населяло примерно столько же людей, сколько в конце неолита.

Чем дольше путешественницы оставались на Земле, тем больше вся история цивилизации казалась им похожей на сон.

Они вернулись в Австралию. Обитаемой здесь оставалась только крохотная Канберра. Город-

ской совет громко именовал себя федеральным правительством Австралии. Здание Парламента, где когда-то Томоко объявила план уничтожения человечества, стояло на прежнем месте, но двери заросли так, что открыть их было невозможно, а по восьмидесятиметровому флагштоку карабкались лианы. Чэн Синь и АА нашли в правительственном архиве папку с личным делом Фрейса. Он прожил сто пятьдесят лет, но в конце концов время скосило и его. Старик умер десять лет назад.

Подруги поехали на островок Москен. Маяк, построенный Джейсоном, возвышался по-прежнему, но больше не горел. Местность совершенно обезлюдела. Путешественницы снова слышали грохот Москстраумена, но все, что видели, — это пустынное море под лучами закатного солнца.

Будущее представлялось им такой же пустыней.

— Слушай, — сказала АА, — а почему бы нам не отправиться во времена после атаки «темного леса», после того как Солнце погаснет? Только там мы и найдем мирную, тихую жизнь.

Чэн Синь тоже хотелось попасть в ту эпоху, но не ради тихой и мирной жизни. Она остановила катастрофическую войну, она была объектом

поклонения миллионов людей... Она больше не могла жить в этой Эре. Ей хотелось убедиться, что земная цивилизация уцелела после удара «темного леса» и процветает — только эта надежда и согревала ее сердце. Чэн Синь вообразила себе жизнь в туманности, образовавшейся после атаки. Там ее ждет покой, а возможно, и счастье. Это будет последнее пристанище в бурном странствии ее жизни.

Ей было всего тридцать три года.

И вот Чэн Синь с АА снова летят к юпитерианском кластеру и снова входят в гибернационный центр Азии I. У них оставалось по двести лет гибернационной квоты, но они внесли в контракт пункт о том, чтобы их разбудили, если атака «темного леса» произойдет раньше.

А затем обе уснули. И им ничего не снилось.

Часть V

Эра Космических Убежищ, год 67-й. Млечный Путь, рукав Ориона

Проверять данные было рабочей обязанностью Певуна; судить об искренности координат — его наслаждением.

Певун понимал: то, что он делал, неважно — так, простая, рутинная работа. Но ее тоже надо выполнять, и задача была радостной.

Кстати, о радости. Когда это семя покидало родной мир, тот еще был местом, полным счастья. Но позже, когда родной мир вступил в войну с миром чужаков, радости становилось все меньше и меньше. С той поры минуло десять тысяч зерен времени. О счастье не приходится и говорить — ни в родном мире, ни здесь, в этом семени. Счастливая прошлая жизнь осталась лишь в классических песнях, и пение было одним из немногих еще доступных удовольствий.

Не отрываясь от изучения данных, Певун начал:

Я вижу любовь свою,

Я лечу рядом с ней,

Я дарю ей подарок —

Кусочек затвердевшего времени.
Чудесные знаки вырезаны на нем,
Мягком на ощупь, как ил в мелком озере...

Певун сетовал редко. Выживание требовало огромного количества психической и умственной энергии.

Энтропия во Вселенной возрастала, а порядок шел на убыль. Как будто безграничные черные крылья гигантской балансирующей птицы давили на мироздание — вот на что походил этот процесс. Однако низкоэнтропийные сущности противились ему. Они понижали свою энтропию и увеличивали порядок, словно столбы света, возвышающиеся над непроглядно-черным морем. Это и был смысл — высший смысл, превыше любых радостей. Вот почему низкоэнтропийные сущности должны продолжать жить — ради этого смысла.

Что же касается смыслов еще выше этого, то о них думать ни к чему. Размышлять о них значило двигаться по опасному пути в никуда. И уж совершенно бесполезно раздумывать, что же находится на вершине башни смысла, потому что, возможно, никакой вершины и вовсе нет.

Да, так вот, координаты. В пространстве носится много наборов координат, подобно тому, как матричные насекомые порхают в небесах родного мира. Сбор координат — одна из задач главного ядра. Оно поглощает все сообщения, проходящие сквозь космос по средней мембране, по длинной мембране, по легкой мембране... Кто знает, может, когда-нибудь появятся сообщения и по короткой. Ядро помнит позиции всех звезд. Сравнивая полученные данные с различными картографическими проекциями и позиционными схемами, ядро выявляет из сообщения координаты мира, который его послал. Говорят, оно может оперировать позиционными схемами, отражающими положение звезд пятьсот миллионов зерен времени назад! Певун никогда так далеко не заглядывал — зачем? Бессмысленно. Слишком отдаленная эпоха, низкоэнтропийных кластеров в пространстве тогда было мало, встречались они редко и не развили еще в себе ни гена затаивания, ни гена зачистки. Но сейчас...

Прячься как следует. Зачищай как следует.

Однако из всех координат только некоторые являются искренними. Поверишь притворным координатам — будешь зачищать пустые миры. Зряшная трата ресурсов. К тому же еще и вредная.

Эти пустые миры могут пригодиться в будущем. Невозможно понять, зачем кому-то надо посылать во Вселенную притворные координаты? Ведь рано или поздно этот «кто-то» все равно получит свое.

В искренних координатах просматриваются определенные закономерности. Например, длинный набор координат обычно притворный. Однако все это, надо сказать, чистая эвристика. В определении искренности или ложности координат больш`ую роль играет интуиция. Главное ядро семени ею не обладает; впрочем, и сверхъядро в родном мире тоже. Вот поэтому низкоэнтропийные сущности незаменимы.

Певун обладал интуицией, но не врожденной, наподобие инстинкта, а приобретенной. Это был навык, отточенный опытом, который он накапливал в течение десятков тысяч зерен времени. Для непосвященного набор координат выглядел не чем иным, как простой матрицей, но в глазах Певуна он обретал жизнь. Каждая деталь говорила о многом. Например, сколько было взято ориентиров? Каким методом помечали целевую звезду? И так далее, и тому подобное. Кое-какую информацию предоставляло главное ядро: исторические записи, имеющие отношение к этому

набору координат; направление на источник, сообщивший координаты; время передачи и прочее в том же духе. Все вместе составляло органичное целое, и в сознании Певуна возникало чувство единения с источником передачи. Дух Певуна пересекал бездну пространства и времени, резонировал с духом источника, ощущал его тревоги, его опасения и другие эмоции, не известные в родном мире: ненависть, зависть, жадность... Но по большей части это был страх. Страх — вот что подтверждает искренность координат. Для всех низкоэнтропийных сущностей страх служит залогом выживания.

И тут размышления Певуна прервались: он обнаружил набор искренних координат поблизости от курса семени. Его сообщили по длинной мембране, и даже сам Певун не мог бы с уверенностью утверждать, чт`о именно подсказало ему, что эти координаты искренние. Наитие частенько не поддается объяснению.

Так, надо бы произвести зачистку. Все равно ему в общем-то нечего делать, да и задача простая, не отвлечет от любимого занятия — пения. Даже если он что-то не так понял, ничего страшного. Зачистка — вещь, не требующая особой точности и аккуратности. И не срочная. Сделать

при случае и забыть.

Вот почему его должность такая непрестижная.

Певун извлек из запасника горошину массы и повернулся, чтобы найти звезду, указанную в наборе координат. Главное ядро направило его взор, словно копье, сквозь звездное пространство. Усик силового поля, удерживающий горошину, напрягся, готовясь щелчком отправить ее по назначению. Певун увидел место, на которое указывал набор координат...

И расслабил усик.

Из трех звезд в наличии имелось только две. Одной не хватало. Вместо нее в пространстве висело пылевое облако, похожее на испражнения пучинного кита.

«Уже зачистили. Ну тогда здесь больше нечего делать».

Певун вернул горошину в запасник.

«Быстро, однако».

Он дал главному ядру задание проследить, откуда прилетела горошина массы, убившая звезду. Задача была безнадежная, шансы на успех почти равнялись нулю, но этого требовала установленная процедура. Ядро ничего не выяснило — впрочем, как и во всех подобных случаях.

Певун вскоре понял, почему систему зачистили так быстро. Не очень далеко от погибшего мира, на расстоянии примерно в полструктуры, он увидел медленный туман. Если брать туман сам по себе, его происхождение оставалось непонятным, но если принять во внимание полученные координаты, то становилось ясно: туман принадлежит этому миру. Медленный туман означал, что мир опасен. Вот почему зачистка не заставила себя ждать. Похоже, здесь побывали другие низкоэнтропийные сущности с еще более острой интуицией, чем у Певуна, — но в этом-то как раз не было ничего странного. Их Старший любил приговаривать: «Каким бы ты ни был быстрым, в космосе найдется кто-нибудь еще быстрее; каким бы ты ни был медленным, в космосе найдется кто-нибудь еще медленнее».

Каждый набор координат рано или поздно будет зачищен. Одна низкоэнтропийная сущность может решить, что эти координаты притворные, но в миллионах миллионов низкоэнтропийных миров существовали миллиарды миллиардов сущностей, занимающихся зачисткой. Уж конечно найдется кто-нибудь, кто сочтет их искренними. У всех низкоэнтропийных сущностей имелся ген зачистки; зачистка была инстинктом.

К тому же произвести ее очень просто. В космосе полно источников потенциальной силы, остается только привести их в действие. Задача настолько легкая, что даже не помешает допеть песню.

Если бы Певун не торопился выполнять свою работу, все искренние координаты были бы в конце концов зачищены не им, а кем-то другим, какими-то неизвестными низкоэнтропийными сущностями. Но ни для родного мира, ни для семени это не сулило бы ничего хорошего. Стоило только Певуну получить набор координат и взглянуть на указанный ими мир, как между ним и этим миром устанавливалась связь. Наивно думать, что эта связь действует только в одном направлении. Что там гласит великий закон симметричного обнаружения? «Если ты можешь увидеть низкоэнтропийный мир, то и низкоэнтропийный мир может увидеть тебя — вопрос лишь когда». Значит, ждать, что иные придут и сделают зачистку за тебя, рискованно.

Следующая задача — занести более не нужный набор координат в базу данных, называемую могильником. Все та же процедура. Само собой, вся остальная информация, хоть как-то связанная с этим участком космоса, тоже уйдет в могильник, подобно тому как личные вещи хоронят вместе с

телом, согласно обычаю родного мира.

Среди «личных вещей» попалось кое-что интересное: запись трех сообщений, которыми мертвый мир обменялся с другим каким-то миром по средней мембране. Средняя мембрана — самая малоэффективная из коммуникационных мембран, ее еще называют «примитивной мембраной». Большинство коммуникаций проходит по длинной, хотя, как говорят, для передачи сообщений можно даже короткую использовать. Ах, если бы так! Тогда собеседники стали бы подобны богам! Но Певуну нравилась примитивная мембрана. Он видел в ней некую простую красоту — символ эпохи, полной радости. Он часто превращал сообщения, посланные по ней, в песни. Для него они были полны прелести, хотя он их не понимал. Впрочем, их понимать ни к чему: кроме координат, в сообщениях ничего существенного не содержалось. Наслаждайся музыкой, и все.

Но на этот раз Певуну удалось кое-что понять, потому что в одном из сообщений содержался самораспифровывающийся код! И хотя Певун смог понять только очень немногое, ухватить самый общий смысл, этого оказалось достаточно, чтобы перед ним развернулась невероятная история.

Первым послал сообщение тот, другой мир,

по примитивной мембране. С этой целью низкоэнтропийные сущности того мира неуклюже щипнули свою звезду (Певун решил называть их «звездощипами»), наподобие того как древние барды родного мира щипали струны своих грубых деревенских лир. Именно в этом сообщении содержался универсальный код.

Код, примитивный и топорный, все же позволил Певуну понять, что в следующем сообщении использовался тот же код. По-видимому, мертвый мир трех звезд ответил на послание «звездощипов». Одно это само по себе было непостижимо, и все же «звездощипы» послали обратно еще одно сообщение!

Любопытно. Очень любопытно!

Певун слышал о низкоэнтропийных мирах, не обладающих ни геном, ни инстинктом затаивания, но столкнулся с одним из них впервые. Конечно, всего три сообщения не могут раскрыть их точные координаты, зато они выдали расстояние между мирами. Будь оно очень большим, это тоже не имело бы значения, но расстояние оказалось чрезвычайно коротким, всего-навсего 416 структур, то есть два мира буквально сидели друг у друга на голове! Это значило, что если известны координаты одного мира, то найти другой

— всего лишь вопрос времени.

Так были раскрыты координаты мира «звездощипов».

Через девять зерен времени после первых трех сообщений появилась новая запись: «звездощипы» снова дернули свое солнце и послали в космос... набор координат! Главное ядро не сомневалось, что это был именно набор координат. Певун взглянул на звезду, которую определяли координаты. Ее тоже кто-то зачистил примерно тридцать пять зерен времени назад.

Наверно, он ошибся. Похоже, «звездощипы» все-таки обладали геном затаивания. Ген зачистки в них присутствовал, это несомненно, а он не существует без гена затаивания. Но, как и большинство тех, кто посылал координаты, они не умели производить зачистку сами.

Любопытно. Очень любопытно!

Почему те, кто зачистил мертвый мир трех звезд, не сделал того же и с миром «звездощипов»? Мало ли почему... Может быть, они не заметили этих трех сообщений: коммуникациям по примитивной мембране частенько не уделяют должного внимания. Но ведь миров во Вселенной миллионы миллионов, кто-нибудь да должен был заметить! Певун же заметил. Не будь его,

их обнаружил бы кто-то другой — опять-таки вопрос времени. А может быть, их и заметили, но решили, что эта группа низкоэнтропийных угрозы не представляет; зачищать их — лишняя морока, не стоят они того...

Но это ошибка, ужасная ошибка! Общее правило таково: если низкоэнтропийные сущности лишены гена затаивания, то они не боятся выставить себя напоказ всей Вселенной и без страха прут напролом, расширяя границы своего мира.

По крайней мере до тех пор, пока их не уничтожат.

Однако в случае со «звездощипами» ситуация более сложная. Через девять зерен времени после первых трех коммуникаций последовала трансляция набора координат. Затем, шестьдесят зерен времени спустя, была произведена еще одна трансляция по длинной мембране откуда-то из другого места — и опять набор координат, указывающий на мир трех звезд. Вырисовывается неприятная и опасная картина. Зачистка мира трех звезд произошла двенадцать зерен времени назад, так что «звездощипы» наверняка сообразили, что расположение их мира — тоже больше не тайна. Единственным их выбором оставалось закутаться в медленный туман, чтобы все сочли

их безвредными и оставили в покое.

Но они этого не сделали. Может быть, не умеют? Но ведь с того момента, когда они ущипнули звезду и послали свое первое сообщение, прошло достаточно времени, чтобы научиться!

А может, они попросту не хотят закутываться?

Если так, тогда эти «звездощипы» очень опасны, гораздо более опасны, чем тот мертвый мир!

Прячься как следует. Зачищай как следует.

Певун рассматривал мир «звездощипов». Обычная звезда, жить ей еще как минимум миллиард зерен времени. В системе восемь планет: четыре жидких гиганта и четыре маленькие твердые планеты. Опыт подсказывал, что низкоэнтропийные сущности, пославшие сообщение по примитивной мембране, живут на одной из твердых.

Певун пустил в ход большое око, что делал очень редко. Вообще-то сейчас он превышал границы своих полномочий.

— Ты что делаешь? — одернул его Старший. — Большое око занято!

— Я только хотел поближе взглянуть на один из низкоэнтропийных миров...

— В твои рабочие обязанности не входит «глядеть поближе»!

— Мне просто любопытно...

— Мало ли что тебе любопытно! У большого ока есть объекты поважней. Возвращайся к работе!

Певун не стал настаивать. Зачиститель — самая низкая должность на семени. Его все презирают, считая его работу не требующей особого ума. Но они забывают, что координаты, переданные в космос, зачастую исходят от гораздо более опасных миров, чем те, которые прячутся и помалкивают.

Значит, остается только произвести зачистку. Певун опять вынул из запасника горошину массы... и вдруг сообразил, что против «звездощипов» она не годится. Их планетная система имела иную структуру, чем у мертвого мира: в ней существовали глухие зоны. Горошина не зачистит все, а это означает напрасную трату ресурсов. Нужна дуал-векторная фольга. Вот только у него, Певуна, нет полномочий на то, чтобы достать ее из запасника; требовалось разрешение Старшего.

— Мне нужна дуал-векторная фольга для зачистки.

— Разрешаю, — отозвался Старший.

Перед Певуном всплыл кусочек фольги, запечатанный в прозрачную упаковку. Незамысловатая вещица, но Певуну она очень нравилась. Ему были не по душе дорогие инструменты — дей-

ствуют слишком уж грубо и неэстетично. А вот деликатная непреклонность дуал-векторной фольги — это совсем другое дело! Такая красота способна превратить смерть в песню.

И все же Певуну было немного не по себе.

— Почему ты дал ее так легко, стоило только попросить?

— Невелика ценность.

— Но если мы будем пользоваться ею слишком часто...

— Ею пользуются повсюду во Вселенной.

— Да, это правда. Но ведь в прошлом нас всегда ограничивали. А теперь...

— Ты что-то слышал? — Старший принялся копаться в мыслях Певуна, и того начала бить дрожь. Старший быстро нашел то, что искал. Да, до Певуна дошел слух. Ну что ж, на семени эта тайна была уже известна всем.

Слух касался войны между родным миром и чужаками. Раньше новости приходили регулярно, но потом их поток иссяк — видно, дела плохи. Ситуация критическая, пахнет поражением. Но родной мир и мир чужаков не могут сосуществовать! Либо мы их, либо они нас. Если войну нельзя выиграть, остается лишь...

— Родной мир решил перейти в двумерное

состояние? — спросил Певун. Старший, без сомнения, заранее знал вопрос.

Он ничего не сказал, что само по себе служило ответом.

Если слух верен, настало время скорби. Певун и вообразить себе не мог такую жизнь. В иерархии ценностей выживание стояло на самой высокой ступени. Когда оно под угрозой, всем низкоэнтропийным сущностям приходится выбирать меньшее из двух зол.

Певун удалил эти думы из своего органа мышления. Ему не полагалось иметь таких мыслей, от них одно только напрасное беспокойство. Он попытался припомнить, на каком месте песни остановился. Ах да, здесь:

Чудесные знаки вырезаны на нем,

Мягком на ощупь, как ил в мелком озере.

Она окутывает свое тело временем,

И влечет меня за собой на край существования.

Это полет духа:

В наших глазах звезды как призраки,

В глазах звезд мы как призраки.

Не прерывая песни, Певун захватил дуал-векторную фольгу усиком силового поля и небрежно метнул ее в «звездощипов».

Эра Космических Убежищ, год 67-й. «Ореол»

Чэн Синь проснулась и обнаружила, что реет в невесомости.

Гибернация не похожа на обычный сон. Лежащий в гибернации не замечает хода времени, кроме шестидесяти минут засыпания и шестидесяти минут пробуждения. Неважно, сколько времени проходит между этими двумя событиями, — вышедший из анабиоза субъективно ощущает, что проспал всего пару часов. Таким образом, пробуждение всегда включает в себя некий перелом, чувство, что твое «я» прошло через портал времени и вступило в новый мир.

Чэн Синь плавала в белом сферическом помещении. Рядом парила ⊠ АА, одетая в точно такой же обтягивающий гибернационный костюм. Ее мокрые волосы и беспомощно раскинувшееся тело свидетельствовали, что она тоже только что проснулась. Встретившись с ней взглядом, Чэн Синь хотела заговорить, но онемение — следствие гибернационного холода — еще не совсем покинуло ее, и никаких звуков она произнести

не могла. АА помотала головой: мол, она в том же состоянии и ничего не знает.

Чэн Синь обратила внимание, что пространство вокруг напоено золотистым сиянием, подобным свету заходящего солнца. Лучи проникали через круглое окошко-иллюминатор. По ту сторону стекла Чэн Синь различила какие-то расплывчатые полосы и завихрения. Полосы, голубые и желтые, располагались параллельно. Все ясно: за окном был мир яростных бурь и бешеных потоков. Юпитер. Поверхность планеты выглядела гораздо более яркой, чем помнила Чэн Синь.

Как ни странно, широкая взбаламученная полоса облаков на экваторе напомнила ей Желтую реку, Хуанхэ. Она знала, что самый маленький водоворот в этой «Хуанхэ» больше всей Земли. На этом фоне в космосе плавал какой-то объект. Его основная часть представляла собой длинную колонну, составленную из секций разных диаметров. К ней в разных местах перпендикулярно присоединялись три коротких цилиндра. Все сооружение медленно вращалось вокруг продольной оси колонны. Чэн Синь решила, что это городской конгломерат, состоящий из восьми космоградов, состыкованных вместе.

Тут обнаружился еще один удивительный

факт: помещение, в котором находились подруги, оставалось стабильным относительно комбинированного города, зато Юпитер на заднем плане медленно поворачивался. Судя по яркости планеты, они сейчас находились на стороне, обращенной к Солнцу. Чэн Синь видела тень, которую городской конгломерат отбрасывал на поверхность газового гиганта. Через некоторое время показался терминатор, отделяющий юпитерианский день от ночи. В поле зрения вплыл чудовищный глаз — Большое Красное Пятно. Все подтверждало тот факт, что они больше не прячутся в тени планеты, двигаясь вокруг Солнца параллельно с ней; они теперь спутники Юпитера и обращаются вокруг него.

— Где мы? — прохрипела Чэн Синь, наконец-то обретя способность кое-как разговаривать. Пошевелить какой-либо частью тела она пока что не могла.

АА снова помотала головой.

— Без понятия. Думаю, на космическом корабле.

Они продолжали парить в золотистом свете Юпитера, словно в волшебном сне.

— Вы на «Ореоле».

Голос исходил из открывшегося информацион-

ного окна. На подруг взирал старик с пышными седыми волосами. Чэн Синь узнала Цао Биня. Судя по его возрасту, они с АА опять перепрыгнули через несколько десятилетий. Слова Цао подтвердили догадку: сегодня было 19 мая 67-го года Эры Космических Убежищ. Значит, после их краткого предыдущего бодрствования прошло пятьдесят шесть лет.

Чэн Синь оставалась вне жизни, вне потока времени, а другие старели — как ей казалось, в одно мгновение. Душу ее затопили раскаяние и грусть. С этого момента, решила она, что бы ни случилось, больше она не ляжет в гибернацию.

Цао Бинь рассказал слушательницам, что они на борту новейшего корабля, унаследовавшего название «Ореол». Ему всего три года от роду. После мятежа в Гало-Сити, случившегося более полувека назад, Цао Бинь и Би Юньфэн были осуждены на короткие сроки, отсидели свое и вышли на свободу. Би Юньфэн умер десять лет назад, перед смертью наказав Цао Биню передать Чэн Синь и АА наилучшие пожелания. Глаза Чэн Синь увлажнились.

Еще Цао Бинь рассказал, что теперь юпитерианский кластер состоит из пятидесяти двух космоградов, большинство которых объедини-

лись в конгломераты. В иллюминатор подруги наблюдали Юпитерианский конгломерат II. Двадцать лет назад систему раннего предупреждения значительно усовершенствовали. После этого все города решили стать спутниками Юпитера и укрыться в тени планеты только по сигналу тревоги.

— Жизнь в городах снова стала как в раю. Жаль, вам не доведется это увидеть. Нет времени. — Цао Бинь замолчал. Подруги обменялись тревожными взглядами. Им стало ясно, что старик все это время говорил без умолку только для того, чтобы оттянуть наступивший момент.

— Произошла атака?!

Цао кивнул.

— Да. За последние полвека случились две ложные тревоги, и каждый раз мы едва вас не разбудили. Но сейчас тревога настоящая. Дети... Мне стукнуло сто двенадцать, так что я могу вас так называть... Дети, «темный лес» наконец нанес свой удар.

Сердце Чэн Синь замерло. Не из-за атаки — человечество готовилось к ней уже более столетия. Чэн Синь подспудно чуяла, что что-то очень не так. Их с АА разбудили в соответствии с договором. Судя по их физическому состоянию, с

момента пробуждения прошло четыре или пять часов, а значит, тревогу объявили уже довольно давно. Но что-то незаметно, чтобы Юпитерианский конгломерат II начал разъединяться или менять орбиту; нет, он продолжал обращаться вокруг Юпитера, как будто ничего не случилось. Подруги повернулись к Цао Биню. На лице старика было такое спокойное выражение, что становилось ясно: отчаяние, скрывающееся за этой маской, превосходит всякие пределы.

— Где вы сейчас? — спросила АА.

— В центре раннего предупреждения, — ответил Цао Бинь и отошел, открывая картину у себя за спиной.

Чэн Синь увидела обширный зал. Информационные окна занимали почти все доступное пространство. Постоянно возникали новые, заслоняли старые и тут же перекрывались еще более свежими окнами. Это напоминало паводок, прорвавший плотину. Однако люди в зале, половина из которых носила военную форму, казалось, не делали вообще ничего: кто стоял недвижно, кто сидел, облокотившись о стол... У всех были пустые глаза, а на лицах то же зловещее отрешенное выражение, что и у Цао Биня.

«Что-то не так. Что-то очень не так!»

Они совсем не походили на людей, надежно укрывшихся в убежище и уверенных в том, что переживут катастрофу. Картина скорее напоминала сцену из прошлого триста, нет, теперь уже четыреста лет назад, когда в первые годы Трисолярианского кризиса стало известно о существовании во Вселенной некой сверхсилы. В то время в офисах АСР и СОП царила точно такая же атмосфера безнадежности и отупелой апатии, словно говорившая: «Мы сдаемся».

Некоторые с мрачными лицами перешептывались между собой, остальные молчали. Взгляд Чэн Синь упал на мужчину, сгорбившегося за столом. Перед ним валялся стакан, голубая жидкость растекалась по столешнице и капала ему на брюки, но он не обращал внимания. Около большого инфоокна, демонстрировавшего какой-то сложный график, человек в военной форме обнимал женщину в штатском. Лицо женщины влажно блестело...

— Почему они не уходят в тень Юпитера? — АА указала на городской конгломерат за стеклом иллюминатора.

— Нет смысла. Убежища бесполезны, — ответил Цао Бинь, опуская глаза.

— На каком расстоянии от Солнца сейчас фото-

ид? — спросила Чэн Синь.

— Нет никакого фотоида.

— Нет?! А что же тогда есть?

Цао Бинь испустил горький смешок.

— Клочок бумажки.

Эра Космических Убежищ, год 66-й. За границей Солнечной системы

За год до пробуждения Чэн Синь система раннего предупреждения обнаружила неизвестный космический объект, пронесшийся за облаком Оорта на околосветовой скорости. Ближайшая точка его траектории находилась всего в 1,3 светового года от Солнца. Объект исполинских размеров, летящий почти со скоростью света и сталкивающийся с редкими космическими пылинками и атомами, порождал довольно сильную радиацию. Телескопы также зафиксировали, что объект слегка отклонился от курса, облетел скопление межзвездной пыли и вернулся на прежний курс. Без сомнения, это был космический корабль разумных существ.

Впервые в истории человечество Солнечной системы — в отличие от галактической ветви людей — встретилось с инопланетной цивилизацией помимо трисолярианской.

Правительство Федерации извлекло уроки из трех ложных тревог и на этот раз не стало обнародовать открытие. Во всем Мире Убежищ о нем

знали не больше тысячи человек. Те несколько дней, в течение которых неизвестный корабль находился в самой близкой к Солнечной системе точке, эти люди себя не помнили от страха и тревоги. В десятках космических наблюдательных пунктов, в Главном контрольном центре системы предупреждения (космограде, входящем в состав юпитерианского кластера), в Главном боевом командном центре федерального флота и в офисе президента Федерации Солнечной системы люди, затаив дыхание, следили за полетом чужого космического корабля, словно стайка трепещущих рыбешек, замершая на дне в ожидании, когда уберется проходящий наверху траулер. Ужас, обуявший этих людей, вырос до степени абсурда: они не пользовались радио, ходили бесшумно, а когда разговаривали, то только шепотом. На самом деле все, конечно, понимали, что эти предосторожности просто смехотворны, — не в последнюю очередь потому, что наблюдавшееся событие произошло год и четыре месяца назад. Чужого звездолета давно и след простыл.

Даже после того как корабль инопланетян ушел, люди не выдохнули с облегчением, потому что система раннего предупреждения обнаружила кое-что, внушающее тревогу. Инопланетяне не

выстрелили в Солнце фотоидом, зато запустили что-то другое. Этот снаряд тоже мчался к Солнцу на скорости света, но не испускал характерного для фотоида излучения и был совершенно невидим в электромагнитном спектре. Система предупреждения обнаружила его только потому, что объект постоянно излучал слабые гравитационные волны, амплитуда и частота которых оставались неизменными. Волны не несли никакого сообщения; по всей вероятности, так проявлялись какие-то физические свойства снаряда. В самом начале, когда система предупреждения только-только обнаружила эти волны, их источником посчитали инопланетный звездолет, но вскоре выяснилось, что источник существовал сам по себе и направлялся к Солнцу на околосветовой скорости.

Дальнейший анализ полученных данных показал, что снаряд не был нацелен точно на Солнце. Его нынешняя траектория указывала, что он пролетит мимо светила поблизости от орбиты Марса. Если его цель Солнце, то инопланетяне капитально промахнулись. В этом состояло еще одно существенное отличие неизвестного объекта от фотоида. Согласно данным двух предыдущих наблюдений, фотоиды следовали к звезде прак-

тически по прямой (учитывая смещение звезды), безо всяких корректировок курса. Выдвигались предположения, что фотоид, по сути, — это обычный камень, разогнанный почти до скорости света и движущийся по инерции. Теперь же наблюдения за источником гравитационных волн показывали: снаряд не корректировал свой курс, следовательно, его целью вряд ли является Солнце. Этот факт несколько успокоил всех, кто знал о происходящем.

Когда снаряд оказался примерно в ста пятидесяти астрономических единицах от Солнца, частота испускаемых им гравитационных волн понизилась. Система раннего предупреждения определила, что причина тому — торможение объекта. За несколько дней скорость его снизилась до одной тысячной скорости света и продолжала уменьшаться. При таких параметрах объект не представлял собой угрозы для Солнца, что еще больше успокоило наблюдателей. К тому же теперь космолет землян вполне способен угнаться за неизвестным предметом. Другими словами, можно выслать корабли на перехват.

* * *

«Омега» и «Аляска» отчалили от нептунианского кластера и вместе отправились исследовать неопознанный снаряд.

Оба космолета были оборудованы приемниками гравитационных волн и, работая в паре, могли точно пеленговать местоположение источника волн на незначительном удалении. Таких кораблей, способных принимать и передавать гравитационные волны, со времен Эры Космической Передачи построили немало. Однако они сильно отличались от ранних кораблей-антенн. Одним из основных новшеств было то, что антенна теперь могла отделяться от космолета, после чего ее можно было присоединить к другому или заменить новой при износе. «Омега» и «Аляска», космолеты среднего класса, по своему размеру практически не уступали большим кораблям, потому что значительную часть их конструкции составляли гравитационные антенны. Этим они напоминали дирижабли Общей Эры: огромные, вид внушительный, а полезного груза — крохотная гондола под гигантским газовым баллоном.

Через десять дней после отбытия адмирал

Василенко и ☒ Айс[55], облачившись в легкие скафандры и башмаки с магнитными подошвами, вышли на прогулку по гравитационной антенне «Омеги». Им надоела корабельная теснота, к тому же при ходьбе по антенне возникало ощущение, будто шагаешь по твердой земле. Оба входили в руководящий состав первой разведывательной группы: Василенко был ее командиром, ☒ Айс заведовал технической частью.

В Эру Космической Передачи Алексей Василенко служил наблюдателем в системе раннего предупреждения. Они с астрономом Видналлом обнаружили след трисолярианского светового корабля, что стало причиной первой ложной тревоги. После инцидента младшего лейтенанта Василенко сделали козлом отпущения и выгнали со службы с позором. Он считал наказание несправедливым и надеялся, что в конечном итоге история обелит его имя. Он лег в гибернацию. Прошло время, важность сделанного им открытия стала очевидной, а вред, причиненный первой ложной тревогой, постепенно забылся. Василенко проснулся на девятом году Эры Космических Убежищ, был восстановлен в прежнем

---

[55] Примечания: 55
Фамилия «☒» произносится «Бай». — *Прим. К. Л.*

звании, а к нынешнему моменту вырос по службе, получив звание адмирала Космических сил Солнечной системы. Но его возраст приближался к восьмидесяти, и, глядя на ступающего рядом □ Айса, он думал: какая все-таки жизнь несправедливая штука — этот человек, уроженец Эры Кризиса, появился на свет на восемьдесят лет раньше Василенко, и тем не менее ему только-только перевалило за сорок — он много времени провел в гибернации.

Изначально имя □ Айса было Бай Айсы[56]. После пробуждения ему хотелось органичнее влиться в современную эпоху, поэтому он принял смешанное китайско-английское имя. В свое время он был аспирантом у Дин И. В конце Эры Кризиса Бай лег в гибернацию, а проснулся всего двадцать два года назад. Обычно такой долгий прыжок во времени означал, что проснувшемуся будет нелегко нагнать все упущенное за время анабиоза. Но в отношении теоретической физики дело обстояло особым образом. Из-за блока софонов ученые-физики Общей Эры даже в Эру Устрашения по-прежнему высоко ценились как

[56] Примечания: 56

Это романизированная форма (пиньинь) полного китайского имени □□□□». — *Прим. К. Л.*

В английском переводе это имя пишется как «□Ice». — *Прим. перев.*

специалисты, а создание гелиоцентрического ускорителя частиц перевернуло с ног на голову все гипотезы фундаментальной науки, как карты в неряшливо перетасованной колоде.

В Общую Эру теория струн считалась передовым разделом науки, физикой двадцать второго столетия. Гелиоцентрический ускоритель позволил проверить ее экспериментально. Результат, однако, оказался катастрофическим. Количество гипотез, которые пришлось отбросить, далеко превосходило число подтвержденных. Многие данные, предоставленные трисолярианами, оказались ложными. Принимая во внимание высочайший уровень, которого достигла в последнее время трисолярианская технология, невозможно было допустить, что они так ошибались в фундаментальной науке. Оставалось единственное объяснение: они обманывали землян даже в основополагающих отраслях знаний.

Среди теоретических моделей, подтвержденных экспериментами на гелиоцентрическом ускорителе, некоторые принадлежали ☒ Айсу. К моменту его пробуждения физика в значительной ее части была отозвана на линию старта. Бай быстро отличился, снискал большие почести и лет через десять стал одним из ведущих ученых.

— Выглядит привычно? — Василенко обвел рукой окружающее пространство.

— Все как всегда. Вот только самоуверенность и чванство человечества бесследно испарились, — ответил Айс.

Василенко ощущал то же самое. Он посмотрел назад по курсу корабля. Там виднелась крохотная голубая точка Нептуна, а Солнце выглядело тусклым пятнышком света, не способным отбросить на поверхность антенны даже слабую тень астронавтов. Где те две тысячи боевых звездолетов, что выстроились в этих местах величественной фалангой столько лет назад? Сейчас тут лишь эти два одиноких корабля с экипажами меньше ста человек каждый.

«Аляска» находилась в ста тысячах километров отсюда, и видеть ее они не могли. Она не только являлась второй точкой триангуляции, но и несла вторую разведывательную группу, организованную по тому же типу, что и на «Омеге». Флотское командование называло группу «Аляски» резервной, из чего следовало, что начальство отдавало себе отчет в опасностях, ожидающих экспедицию, и подготовилось весьма основательно.

Здесь, на холодной, пустынной окраине Солнечной системы, антенна под ногами разведчиков

представлялась им одиноким островом в океане Вселенной. Адмирал хотел было вздохнуть, но передумал. Вместо этого он вынул что-то из кармана скафандра. Вещица повисла между коллегами, медленно вращаясь.

— Взгляните-ка на это.

Объект походил на кость какого-то животного. На самом деле это была металлическая деталь некоего механизма; ее гладкая поверхность поблескивала в холодном свете звезд.

Василенко указал на вращающийся предмет:

— Примерно сто часов назад мы обнаружили по курсу корабля сектор с плавающими в нем обломками металла. Дрон подобрал несколько. Этот с корабля Эры Кризиса — фрагмент охладительной системы бортового термоядерного реактора.

— После битвы Судного дня? — с благоговением уточнил [redacted] Айс.

— Да. Еще мы нашли подлокотник кресла и кусок переборки.

Они проходили мимо поля сражения, разыгравшегося здесь двести лет назад. После начала строительства космических убежищ люди частенько находили останки старинных боевых кораблей. Некоторые из них обрели пристанище в музеях, другие пошли в оборот на черном

рынке. Айс притронулся к обломку. Холод пронзил перчатку скафандра и проник прямиком в костный мозг. Физик отпустил фрагмент, и тот продолжил медленно вращаться, словно ему не давала покоя заключенная внутри душа. Айс отвел глаза и посмотрел вдаль. Безграничная пустая бездна. Две тысячи боевых кораблей и миллионы мертвых тел дрейфовали в этом глухом участке космоса почти двести лет. Священная кровь погибших уже давно превратилась изо льда в газ и рассеялась в пространстве.

— Объект наших исследований, возможно, еще более опасен, чем те «капли», — заметил Айс.

— Верно. Тогда мы уже были в какой-то степени знакомы с Трисолярисом. А о мире, который создал и послал это, мы не знаем ничего... Доктор Бай, у вас есть хоть какие-нибудь догадки, что нас ожидает?

— Гравитационные волны может испускать только массивное тело, так что, думаю, объект должен быть большим как по массе, так и по объему. Возможно, это космический корабль... Но, скорее всего, нас ожидает какая-нибудь неожиданность — в нашем деле без них никуда.

* * *

Экспедиция продолжала путь еще неделю, пока расстояние между ней и источником гравитационных волн не составило всего миллион километров. Корабли сбросили скорость до нуля, а затем начали ускоряться в сторону Солнца. Таким образом, когда снаряд догонит экспедицию, они полетят параллельными курсами. «Омега» подойдет к объекту поближе и проведет б`ольшую часть исследований; «Аляска» будет наблюдать с расстояния в сто тысяч километров.

Дистанция продолжала сокращаться; снаряд находился теперь примерно в десяти тысячах километров от «Омеги». Уверенно фиксируемые приборами гравитационные возмущения позволяли точно определить местоположение объекта. Но даже на таком близком расстоянии радар не регистрировал отражений; детекторы видимого света тоже ничего не показывали. Дистанция сократилась до одной тысячи километров — и все равно разведчики ничего не видели в том месте, где находился источник гравитационных волн.

Исследователи «Омеги» были близки к панике. Перед отправлением они проработали все сценарии развития событий, но мысль о том, что они

не смогут разглядеть цель, даже когда она будет у них под носом, никому не приходила в голову. Василенко отправил радиограмму на базу близ Нептуна, запрашивая инструкций. Через сорок минут он получил приказ приблизиться к цели на расстояние в сто пятьдесят километров.

И тогда детекторы видимого света обнаружили в том месте, где находился источник гравитационных волн, маленькую белую точку, видимую с борта корабля в обычный телескоп. «Омега» выслала к цели дрон.

Расстояние между объектом и дроном быстро уменьшалось: пятьсот километров, пятьдесят, пятьсот метров... Наконец дрон завис в пяти метрах от цели. Четкая голограмма, транслируемая на оба корабля, позволяла исследователям хорошо рассмотреть инопланетный снаряд, которым космические пришельцы выстрелили в Солнце.

Это был листок бумаги.

Пожалуй, лучше и не скажешь. Формально его назвали «прямоугольным мембраноподобным объектом». Размеры: длина 8,5 см, ширина 5,2 см, — чуть больше обычной кредитной карточки. Объект был так тонок, что замерить толщину оказалось невозможно. Чистая белая поверхность. Ни дать ни взять бумажка.

Разведывательная группа состояла из лучших офицеров флота и высочайших профессионалов науки; все обладали трезвым и рациональным мышлением. Но инстинкт оказался сильнее разума: они приготовились к встрече с чем-то громадным, угрожающим; кое-кто предполагал, что это будет космический корабль размером с Европу, спутник Юпитера. Предположение было не лишено смысла, если принять во внимание амплитуду гравитационных волн. А оказалось...

При виде «бумажки» — как стали называть объект разведчики — все вздохнули с облегчением, продолжая, однако, оставаться настороже. Кто знает, а вдруг эта штуковина — оружие, способное уничтожить оба корабля? Но поверить в то, что эта безделка может угрожать всей Солнечной системе, было решительно невозможно. На вид такая легкая, безвредная, словно белое перышко, реющее в ночном воздухе... Люди давно уже не писали друг другу писем на бумаге, но по историческим кинофильмам имели представление, что это такое. Поэтому листок бумаги представлялся им вещью почти романтической.

Дальнейшие наблюдения показали, что «бумажка» не отражает электромагнитное излучение, какой бы частоты оно ни было. Белый цвет

«бумажки» объяснялся не отражением света, а собственным свечением объекта. Любое электромагнитное излучение, включая и видимый свет, попросту проходило объект насквозь — он был абсолютно прозрачным. На фотографиях, снятых с близкого расстояния, можно было рассмотреть звезды с той стороны «бумажки»; но поскольку сама она светилась, то издалека на фоне темного космического пространства вещица казалась непроницаемо-белой. На первый взгляд, она производила совершенно безобидное впечатление.

Может, это и в самом деле письмо?

Так как у дрона не было приспособления для захвата предмета, выслали другой, с манипулятором и закрывающимся ковшом наподобие экскаваторного. Оба экипажа с замиранием сердца следили, как открытый ковш на конце механической руки приближается к «бумажке».

Было в этой сцене нечто знакомое...

Ковш закрылся, заключив в себе «бумажку», манипулятор начал подтягиваться к дрону.

Вот только «бумажка» осталась висеть на прежнем месте.

Попытку повторили несколько раз — с тем же результатом. Операторы дрона на борту «Омеги» выкручивали манипулятор так и эдак — ме-

ханическая рука попросту проходила сквозь «бумажку», при этом и то, и другое оставалось неповрежденным. Ковш не встречал никакого сопротивления, «бумажка» не меняла позиции. Наконец, оператор направил дрон к ней медленно-медленно — может, удастся ее подтолкнуть? Как только корпус дрона пришел в соприкосновение с «бумажкой», та исчезла внутри аппарата, а когда дрон продвинулся вперед, вылезла из него все в том же неизменном виде. Пока инопланетный объект находился внутри дрона, его системы не фиксировали никаких аномалий.

К этому времени члены экспедиции уже поняли, что «бумажка» — это нечто экстраординарное. Словно призрак, она не взаимодействовала ни с чем в физическом мире. Она походила на крохотную космическую вешку, намертво впаянную в одну точку пространства. Ничто не могло сдвинуть «бумажку» с места — вернее, сбить с заданной траектории.

Айс решил отправиться к объекту и исследовать его лично. Василенко настоял на том, чтобы лететь с ним. Обоим лидерам идти вместе — не очень хорошая идея. Им пришлось прождать сорок минут, пока не пришло разрешение с базы около Нептуна. Просьбу с неохотой удовле-

творили, понимая, что Василенко не отступит. Впрочем, была же еще и резервная команда...

Оба руководителя направились к «бумажке» в маленьком катере. Глядя на уменьшающийся корпус корабля с его колоссальной гравитационной антенной, ▯ Айс подумал, что покидает свою единственную опору во вселенной, и сердце ученого наполнилось страхом.

— Ваш наставник, доктор Дин, должно быть, чувствовал то же самое двести лет назад, — промолвил Василенко. Старый солдат выглядел абсолютно спокойным.

▯ Айс молча согласился. Он и вправду ощущал духовную связь с Дин И. Оба они отправились навстречу великому Неизведанному, навстречу одинаково неведомым судьбам...

— Да не волнуйтесь вы так. На этот раз мы можем довериться интуиции. — Василенко похлопал ▯ Айса по плечу, но особого успокоения тот не почувствовал.

Катер подошел к объекту. Проверив исправность скафандров, разведчики откинули люк и оказались в открытом космосе. Аккуратно подвели суденышко к «бумажке», так чтобы та оказалась в полуметре над их головами. Сквозь крошечную белую, совершенно глад-

кую плоскость виднелись звезды, и это еще раз подтверждало, что прозрачная вещица действительно светилась сама по себе. Из-за ее белого свечения звезды позади «бумажки» выглядели чуть смазанными.

Разведчики привстали в катере, так чтобы их глаза оказались на одной линии с краем «бумажки». Камера не обманула: толщина у объекта отсутствовала. При взгляде сбоку «бумажка» полностью исчезала. Василенко протянул руку, но Айс остановил его.

— Что вы делаете? — сурово спросил он. Остальное договорили его глаза: «Вспомните-ка, что случилось с моим учителем!»

— Если это и вправду письмо, возможно, сообщение не откроется до того момента, пока не войдет в непосредственный контакт с телом разумного существа. — Василенко высвободил руку и коснулся «бумажки».

Ладонь в перчатке прошла сквозь предмет без всякого для себя ущерба. Не получил Василенко и никакого мысленного послания. Тогда он нанизал руку на «бумажку». Маленькая белая плоскость разделила ладонь на две части. По-прежнему ничего. Плоскость не разорвалась, не скомкалась, просто прошла сквозь перчатку целехонькой.

Василенко отвел руку, и, как и прежде, объект остался висеть там, где висел, — вернее, продолжал двигаться к Солнечной системе на скорости около двухсот километров в секунду.

Айс тоже попытался коснуться «бумажки», затем убрал руку.

— Похоже на проекцию из другой вселенной, с которой у нашей нет ничего общего.

Василенко занимали более практические соображения:

— Если на нее ничто не воздействует, значит, у нас не получится забрать ее на корабль для дальнейшего анализа.

Айс рассмеялся:

— Ну, как раз эту проблему решить легко. Забыли старую историю Фрэнсиса Бэкона? «Если гора не хочет прийти к Магомету, Магомет должен пойти к горе»[57].

Сказано — сделано. «Омега» неторопливо подплыла к «бумажке», коснулась ее бортом, а затем дала проникнуть внутрь. После чего космолет еще медленнее подправил свою позицию так, чтобы плоскость зависла посередине лаборатории. Чтобы передвинуть «бумажку», надо было

---

[57] Примечания: 57

В таком виде это высказывание приводится у Фрэнсиса Бэкона в его очерке «О смелости». — *Прим. перев.*

двигать сам корабль. Сперва подобный способ обращения с предметом исследования представлял некоторую трудность, но, по счастью, «Омега» предназначалась для работы с мелкими объектами в поясе Койпера и обладала превосходной маневренностью. Гравитационная антенна была оборудована двенадцатью точнейшими корректионными двигателями. Бортовой ИИ скоро наловчился, и дело пошло на лад. Что ж, если мир не может повертеть «бумажку», придется вертеть мир вокруг нее.

Странное это было зрелище: «бумажка» висела посреди космолета, но каждый был сам по себе. Просто оба занимали один и тот же участок пространства, вместе двигаясь к Солнечной системе на одинаковой скорости.

При ярком освещении внутри корабля абсолютная прозрачность объекта стала более очевидной. Он теперь больше походил не на листок бумаги, а на кусочек почти невидимой пленки, чье присутствие выдавало лишь слабое свечение. Люди все равно продолжали называть объект «бумажкой». При слишком сильном освещении она иногда совсем пропадала из виду; поэтому исследователи притушили лампы в лаборатории, чтобы лучше видеть изучаемый предмет.

Первым делом ученые попытались оценить массу объекта. Это можно было осуществить, только измерив его тяготение. Однако гравиметр, настроенный на самую высокую чувствительность, не показал ничего. Оставалось предположить, что масса объекта крайне мала, а может, и вовсе равна нулю. Основываясь на последнем допущении, кто-то высказал догадку, что объект, возможно, является фотоном или нейтрино в макроформе, а геометрическая правильность доказывает его искусственное происхождение.

«Бумажка» не поддавалась никакому анализу, поскольку электромагнитные волны всех частот проходили сквозь нее без малейшего преломления. То же касалось и магнитных полей любой силы. Похоже, внутренняя структура у объекта отсутствовала.

Провозившись с «бумажкой» двадцать часов, исследователи практически ничего о ней не узнали. Им удалось заметить только одно: интенсивность свечения и мощность излучаемых гравитационных волн пошли на спад. Предположительно свечение и гравитационные волны были сродни испарению. Поскольку эти два параметра служили единственными признаками существования объекта, их исчезновение будет

означать исчезновение и самого объекта.

С базы передали, что большой научно-исследовательский корабль «Завтрашний день» покинул нептунианский кластер и встретится с кораблями экспедиции через семь дней. «Завтрашний день», располагающий передовым научным инструментарием, сможет подвергнуть объект более глубокому изучению.

Привыкнув к «бумажке», экипаж «Откровения» позабыл про осторожность и уже не старался держаться от странной плоскости подальше. Исследователи знали, что объект не взаимодействует с окружающим миром и не излучает ничего опасного для здоровья. Они небрежно касались «бумажки», пропускали ее сквозь свои тела... Один даже дал ей пройти сквозь собственные глаза и мозг и попросил приятеля сделать снимок.

Увидев это, [redacted] Айс впал в бешенство.

— Прекратите немедленно! Нашли с чем шутить! — рявкнул он.

После более двадцати часов непрерывной работы он покинул лабораторию и вернулся в свою каюту.

[redacted] Айс погасил свет и попытался уснуть. Но в темноте он чувствовал себя неуютно; его пресле-

довало наваждение: «бумажка», сияя белизной, вплывает в его каюту... Поэтому он снова включил лампу и, паря в ее мягком свете, погрузился в воспоминания.

* * *

Прошло сто девяносто два года с того момента, когда он в последний раз попрощался со своим учителем.

Это случилось в сумерки. Бай Айсы и Дин И поднялись из подземного города на поверхность, сели в машину и поехали в глубь пустыни. Дин И любил размышлять, прогуливаясь по пустыне; иногда он даже переносил сюда свои лекции. Студенты этого терпеть не могли, но он объяснял свою эксцентричную привычку так: «Люблю места, где ничего нет. Жизнь отвлекает от физики».

Погода в тот день стояла прекрасная. Ни ветерка, ни тем более песчаных бурь, весенний воздух пах свежестью. Учитель и ученик прилегли на дюне. Северокитайская пустыня купалась в лучах закатного солнца. Обычно у Бай Айсы округлые песчаные холмы ассоциировались с женским телом — возможно, он перенял это восприятие у Дин И, — но сейчас они казались ему обнаженным мозгом. В золотистом свете заката

четко выявились многочисленные борозды и извилины. Бай глянул в небо. Сегодня пыль в воздухе немного поредела, и земля впитывала долгожданную синеву, словно разум, жаждущий просвещения.

— Айсы, хочу сказать тебе кое-что, чего ты не должен передавать другим, — начал Дин И. — Даже если я не вернусь, никому этого не рассказывай! Без каких-то особых причин. Просто не хочу, чтобы надо мной смеялись.

— Профессор Дин, может быть, лучше подождать, пока вы вернетесь?

Бай Айсы не стремился успокоить Дин И, он действительно сказал то, что чувствовал. Он пребывал в эйфории: человечество скоро ожидает великая победа над трисолярианским флотом! Ну какая опасность может ожидать профессора в его путешествии к капле? Никакой!

Дин И пропустил слова Бая мимо ушей.

— Сначала ответь мне, пожалуйста, на один вопрос. — Он указал на пустыню, залитую светом заходящего солнца. — Забудь на минутку о принципе неопределенности и предположи, что все в мире подчиняется закону причинно-следственной связи. Если тебе известны начальные условия, ты можешь вычислить любые послед-

ствия в любой момент времени. Предположи, что некий инопланетный ученый получил все данные о Земле несколько миллиардов лет назад. Как ты считаешь, он мог бы предсказать существование этой пустыни, основываясь исключительно на вычислениях?

Бай Айсы немного поразмыслил.

— Нет. Эта пустыня возникла не в результате естественной эволюции Земли, но как следствие деятельности человека. Влияние цивилизации на окружающую среду нельзя вычислить, руководствуясь законами физики.

— Очень хорошо. Так почему же мы с коллегами пытаемся объяснить сегодняшний миропорядок и предсказать будущее с помощью дедукции, основанной исключительно на законах физики?

Слова Дин И удивили Бай Айсы. Раньше профессор никогда не высказывал подобных мыслей.

— Думаю, — сказал Бай, — это за рамками физики. Цель физики — открывать фундаментальные законы природы. Хотя образование этой пустыни и произошло в результате деятельности человека, оно все равно подчиняется определенным законам. Законы Вселенной всегда остаются неизменными!

— Хе-хе-хе-хе! — саркастически расхохотался

Дин И. Вспоминая эту беседу, Бай Айсы думал, что в жизни не слышал более зловещего смеха. В нем слышались нотки мазохистской радости при виде того, как все обрушивается в бездну. Профессор пытался прикрыть смехом страх, пока сам страх не начал доставлять ему извращенное удовольствие. — Ах какая мудрая сентенция! Я и сам частенько ею утешался. Вечно заставлял себя думать, что на этом вселенском пиру есть еще хотя бы один стол с нетронутой жратвой... Твердил себе это без конца. И повторю еще раз — когда буду помирать.

Бай Айсы подумал, что мысли Дин И гуляют где-то в другом месте — профессор говорил словно во сне. Бай не знал, что и сказать.

А Дин И продолжал:

— В начале кризиса, когда софоны стали мешать работе ускорителей, некоторые ученые покончили с собой. Я тогда считал, что это полная глупость, бессмыслица. Да теоретики прыгать от восторга должны, получив такие результаты при экспериментах! Но сейчас я их понимаю. Этим людям открылось больше, чем мне. Взять хотя бы молодую Ян Дун. Она знала больше меня и проникала мыслью дальше. Ей были известны такие вещи, которых мы не знаем даже сейчас.

Думаешь, только софоны создают иллюзии? Думаешь, иллюзии существуют только в ускорителях элементарных частиц? Думаешь, остальная Вселенная чиста, как девственница, и только и ждет, когда мы придем и начнем ее исследовать? Эх жаль, Ян Дун ушла и все свои знания унесла с собой...

— Если бы она тогда больше общалась с вами, то, может быть, и не решила бы уйти?

— А может, я ушел бы вместе с ней.

Дин И выкопал в песке маленькую ямку. Песок с ее краев посыпался вниз, словно водопад.

— Если я не вернусь, — сказал он, следя глазами за сыплющимся песком, — все, что в моей комнате — твое. Знаю, ты всегда любил вещицы из Общей Эры, которые я притащил с собой.

— Это правда, особенно те курительные трубки... Но, думаю, мне не придется их забирать.

— Надеюсь, что так. Да, еще у меня есть кое-какие деньжата...

— Профессор, ну пожалуйста!..

— Я хочу, чтобы ты потратил их на гибернацию. Чем дольше срок, тем лучше. То есть если ты не против, конечно. Я преследую две цели. Первая: ты должен вместо меня увидеть конец игры, конец физики. Вторая... как бы это сформулиро-

вать... Не хочу, чтобы ты зря разбазаривал свою жизнь. После того как другие решат, что физика все же существует, у тебя будет еще достаточно времени для занятий наукой.

— Вы говорите, как... ну, наверно, как Ян Дун.

— Возможно, не такую уж и бессмыслицу я порю.

Бай Айсы обратил внимание, что ямка, которую вырыл Дин И, быстро расширяется. Им пришлось встать и отойти, а яма все продолжала увеличиваться, становясь глубже и шире. Вскоре дно ее утонуло в темноте. Песок струился вниз потоками. Еще через несколько минут диаметр ямы достиг почти сотни метров, в нее провалилась ближайшая дюна. Бай Айсы побежал к машине и прыгнул на сиденье водителя; Дин И плюхнулся в кресло пассажира. Бай Айсы заметил, что машина, увлекаемая песком, медленно ползет к яме. Он включил двигатель, колеса закрутились, но автомобиль продолжал скользить назад.

Дин И опять засмеялся своим жутким смехом:

— Хе-хе-хе-хе...

Бай врубил электромотор на самые большие обороты; колеса вертелись, как одержимые, песок летел во все стороны. Но автомобиль продолжал сползать в яму, будто тарелка на съезжающей со

стола скатерти.

— Прямо тебе Ниагара! Э-хе-хе-хе...

Бай обернулся назад и увидел зрелище, от которого стыла кровь: яма теперь занимала все поле зрения. Она втягивала в себя пустыню; мир превратился в гигантскую воронку, у которой не было дна. Желтый песок, сыплющийся с краев ямы, походил на величественный падающий занавес. Дин И подобрал не совсем точное сравнение: Ниагара была просто жалким фонтанчиком по сравнению с этим ужасным «пескопадом», который тянулся от ближнего края ямы до самого горизонта, образуя гигантское кольцо. Обрушивающийся песок грохотал так, будто мир раскалывался на части. Автомобиль продолжал скользить в яму все быстрее и быстрее. Бай Айсы вжал педаль акселератора в пол, налегая на нее всем своим весом, но без толку.

— Глупец! Ты в самом деле надеешься, что мы сможем удрать? — проговорил Дин И, заливаясь своим кошмарным смехом. — Скорость убегания! Почему ты не рассчитаешь скорость убегания? Ты что, задницей думаешь? Хе-хе-хе-хе...

Машина качнулась на краю ямы и полетела вниз. Завеса песка словно застыла на месте, пока все вокруг низвергалось в пропасть. Бай Айсы во-

пил от ужаса, но не слышал собственного крика — его заглушал дикий хохот Дин И:

— Ха-ха-ха-ха... На этом пиру все столы уже заняты! И нет во Вселенной нетронутых девственниц!.. Бу-га-га-га... бу-га-га-га...

* * *

Айс очнулся от кошмара весь в холодном поту, с застывшим, одеревеневшим телом. Вокруг реяли шарики жидкости — капли пота. Айс несколько мгновений недвижно висел в воздухе, а потом резко вылетел в коридор и направился к каюте Василенко. Тот открыл дверь не сразу — тоже спал.

— Адмирал! Уберите эту гадость, эту, как они ее называют, «бумажку» с корабля! То есть я хочу сказать, уберите «Омегу» от этой штуки! Надо немедленно уходить отсюда, и как можно дальше!

— Вы что-то обнаружили?

— Нет, ничего. Просто интуиция подсказывает.

— Что-то у вас вид неважный. Устали, наверно? Слишком много треволнений. Что касается «этой гадости»... Она просто ничто. Внутри ничего нет. Наверняка она безвредна.

Айс вцепился в плечи Василенко и проорал

ему прямо в лицо:

— Не будьте самонадеянным дураком!

— Что?!

— Что слышали! Слабость и невежество не помеха для выживания, а вот самонадеянность — да! Вспомните каплю!

Последняя фраза ▯ Айса возымела действие. Василенко молча смотрел на него несколько мгновений, затем медленно кивнул.

— Хорошо, доктор Бай. Послушаюсь вас. «Омега» отойдет на тысячу километров от «бумажки». Оставим здесь только катер — для наблюдений. Ладно, может, на две тысячи?

▯ Айс отпустил плечи адмирала. Вытер лоб.

— Вам решать. По мне, так чем дальше, тем лучше. Постараюсь побыстрее написать командованию официальный отчет о своих предположениях.

Айс, стукаясь на лету о переборки, уплыл прочь.

* * *

«Омега» отошла от «бумажки». Маленькая плоскость пронзила корпус корабля и снова очутилась в открытом пространстве. На темном фоне космоса она опять стала казаться непрозрачным

белым листком бумаги. «Омега» отдалилась на две тысячи километров, после чего полетела параллельно «бумажке», ожидая прибытия «Завтрашнего дня». Катер с командой из двух человек следовал в десяти метрах от инопланетного объекта, ведя непрерывное наблюдение.

Гравитационные волны, испускаемые «бумажкой», продолжали слабеть, свечение ее тоже постепенно меркло.

[redacted] Айс заперся в лаборатории «Омеги». Вокруг него мерцало десятка полтора информационных окон, держащих связь с корабельным квантовым компьютером, в настоящий момент занятым сложнейшими вычислениями. В окружении всех этих уравнений, графиков и матриц [redacted] Айс, обуреваемый страхом и раздражением, чувствовал себя как зверь в клетке.

Через пятьдесят часов после ухода «Омеги» гравитационные волны затихли окончательно. Белый огонек мигнул пару раз и тоже померк. «Бумажка» исчезла.

— Она испарилась? — спросил Василенко.

— Вряд ли. Просто мы больше не можем ее видеть. — [redacted] Айс устало покачал головой и одно за другим закрыл инфоокна.

Прошел еще час, в течение которого «бумажка»

никак себя не проявляла, и Василенко скомандовал катеру возвращаться на корабль. Но его экипаж словно не слышал приказа. Радио доносило на «Омегу» лихорадочные выкрики:

— Смотри, смотри — там внизу! Что это?!

— Оно поднимается!

— Не трогай его! Уходим!

— Моя нога! А-а-а!..

Наблюдательный терминал «Омеги» показал одного из двух наблюдателей: тот удирал от катера, включив двигатели скафандра. Наблюдатели на космолете увидели яркий свет; его источником служило днище суденышка. Оно плавилось! Катер походил на шарик мороженого, угодивший на разогретое стекло: днище таяло, растекаясь во все стороны. «Стекло» было невидимым, и существование плоскости выявлялось только благодаря растекавшейся по нему луже, в которую превращался тающий катер. Лужа, неимоверно тонкая, играла колдовскими разноцветными огнями, словно фейерверк, рассыпающийся по стеклу.

Пытаясь спастись, астронавт отлетел на некоторое расстояние, но, похоже, неведомая сила притянула его обратно к плоскости, обозначенной расплавившимся катером. Его ноги коснулись плоскости и сразу же растеклись в тон-

чайшую лужицу. Затем начало расплющиваться и все остальное тело. У бедняги хватило времени лишь на вопль, который тут же оборвался.

— Все в противоперегрузочные кресла! Полный вперед!

Василенко отдал этот приказ, едва завидев, как ноги беглеца коснулись невидимой плоскости. «Омега» не относилась к звездному классу, поэтому когда она включала полную тягу, экипажу не нужно было принимать состояние погружения. Но все равно ускорение вдавило всех глубоко в кресла. Поскольку приказ был отдан очень поспешно, кое-кто не успел добраться до своего сиденья; бедняг отбросило к корме, и они основательно побились. Потоки плазмы длиной в несколько километров, исторгнутые из сопел «Омеги», пронзили темную ночь космоса. Вдали, там, где все еще плавился катер, играло призрачное свечение, подобное блуждающим болотным огням.

Наблюдательный терминал показал катер крупным планом. От него оставалась только верхушка, да и та быстро переходила в сверкающую плоскость. Тело погибшего разведчика впечаталось в ту же плоскость в виде огромного человекообразного силуэта. Астронавт превра-

тился в кусок пленки без толщины, громадный по площади, но не имеющий совсем никакого объема.

— Мы не движемся! — сообщил пилот «Омеги». Из-за перегрузки он говорил с трудом. — Корабль не ускоряется!

— Что ты лопочешь?! — взревел Василенко, но перегрузка превратила его рык в сип.

Пилот явно ошибался. Все испытывали дикую перегрузку, из чего следовало, что космолет разгоняется с предельным ускорением. Визуально невозможно было определить, движется он или нет, потому что небесные тела, которые могли бы послужить ориентирами, находились слишком далеко, параллакс за такой короткий промежуток времени не различить.

Однако корабельная навигационная система легко измеряла самую малую скорость и самое незначительное ускорение. Она-то ошибаться не могла!

«Омега» испытывала перегрузку, но при этом не ускорялась. Неведомая сила словно пригвоздила корабль к одной точке пространства.

— Ускорение есть, — слабым голосом проговорил ☒ Айс. — Но пространство в этом регионе течет в обратном направлении и уравновешива-

ет наше движение вперед.

— Пространство течет? Куда?!

— Туда, куда же еще.

[redacted] Айс не мог поднять руку, чтобы указать, — она была слишком тяжела. Но все поняли, чт`о он имел в виду. На «Омеге» воцарилась мертвая тишина. Обычно перегрузка давала людям ощущение безопасности, потому что означала уход от угрозы в объятиях некоей спасительной силы. Но сейчас эти объятия казались смертельной удавкой.

— Установите связь с командованием, — сказал [redacted] Айс. — Пусть слышат. Времени не остается, так что будем считать это нашим официальным рапортом.

— Связь установлена.

— Адмирал, помните, вы сказали: «Она просто ничто. Внутри ничего нет»? Вы были правы. Эта «бумажка» и в самом деле ничто и ничего не содержит. Она — само пространство, такое же, как то, что окружает нас, — оно ведь тоже ничто и не содержит ничего. Но между ними существенная разница: то, другое пространство — двумерное. Это не кубик, а ломтик. Ломтик без толщины.

— А разве эта штука не испарилась?

— Испарилось защитное поле вокруг нее. Оно

выступало в качестве упаковки, отделяющей двумерное пространство от трехмерного. Но сейчас оба вошли в соприкосновение. Вы помните, что видели «Синий космос» и «Гравитация»?

Никто не ответил, но все помнили: четырехмерное пространство падало в три измерения, словно водопад с обрыва.

— Как четырехмерное пространство схлопывается в три измерения, так и трехмерное пространство может схлопнуться в два; одно измерение свернется и уйдет в квантовый мир. Площадь этого фрагмента двумерного пространства — он имеет только площадь, без объема — будет быстро увеличиваться, захватывая все больше и больше трехмерного пространства... Участок космоса, в котором мы сейчас находимся, падает в два измерения. За ним последует и вся Солнечная система. Иными словами, Солнечная система превратится в картину без толщины.

— Мы сможем убежать?

— Бежать от этого — все равно что пытаться на гребной лодке спастись от водопада. Если не грести достаточно быстро, лодку непременно перенесет через край. Это как с камешком на Земле: как высоко его ни подбрасывай, он обязательно упадет обратно. Вся Солнечная система находится

в зоне коллапса, и если кто-то намерен вырваться из нее, он должен достичь скорости убегания.

— И какова эта скорость?

— Я вычислял несколько часов. Уверен, что получил правильный результат.

— Да говорите же!

Экипажи «Омеги» и «Аляски», на данный момент полномочные представители всего человечества, затаив дыхание, ждали последнего откровения.

Айс спокойным тоном вынес приговор:

— Скорость света.

Навигационная система доложила, что «Омега» движется сейчас в направлении, противоположном тому, куда стремилась. Корабль полз назад к двумерному участку космоса — сначала медленно, затем постепенно ускоряясь. Двигатели «Омеги» все так же давали «полный вперед». Это чуть притормозит падение корабля и отсрочит неизбежное, но очень ненадолго.

В двух тысячах километров отсюда сияние, испускаемое сплющившимся катером и его экипажем, погасло. В отличие от коллапса четырехмерного пространства в трехмерное, переход трех измерений в два сопровождался намного меньшим высвобождением энергии. Две плоские

фигуры четко виднелись в звездном свете. На сплющившемся катере просматривались как детали конструкции — кабина, термоядерный реактор и прочее, — так и развернувшаяся в плоскость фигура наблюдателя в кабине. В плоском теле другого астронавта четко просматривались кости, кровеносные сосуды и другие органы.

В процессе выпадания в два измерения каждая точка трехмерного объекта проецировалась на плоскость в прямом соответствии с геометрическими законами, и потому эти две фигуры оказались наиболее полными и точными отображениями первоначально трехмерных катера и людей. Все внутренние структуры лежали теперь бок о бок в двух измерениях, ни одна деталь не перекрывала другую. Процесс проецирования, однако, сильно отличался от того, что используется в технических чертежах, поэтому визуально восстановить первоначальную трехмерную структуру было трудно.

Самое большое отличие от чертежа заключалось в том, что двумерное развертывание произошло на всех уровнях: все исходные трехмерные структуры и детали легли параллельно в двух измерениях, и результат до некоторой степени повторял эффект, получавшийся при

просмотре трехмерного мира из четырехмерного пространства. Это очень напоминало изображения фракталов: сколько ни увеличивай часть изображения, менее сложным оно не станет. Однако фракталы — это теоретические концепции, потому что их действительные изображения неизбежно ограничиваются разрешением: после увеличения в несколько раз изображения теряют свою фрактальную природу. С другой стороны, сложность трехмерных объектов, развернутых в двух измерениях, была реальной: разрешение их лежало на уровне элементарных частиц. Наблюдательный терминал «Омеги» имел ограниченное разрешение, но от сложности и количества подробностей у зрителей голова шла кругом. Это был самый сложный образ Вселенной; если непрерывно смотреть на него слишком долго, можно потерять рассудок.

И катер, и его экипаж больше не имели толщины.

Оставалось неясным, насколько широко раскинулась к этому времени плоскость; на ее присутствие указывали только две фигуры.

«Омега» все быстрее скользила по направлению к плоскости, к бездне, глубина которой равнялась нулю.

— Не падайте духом, друзья! Никому не удастся вырваться из Солнечной системы — даже бактерии или вирусу. Все мы станем частью этой грандиозной картины, — произнес ☒ Айс с невозмутимым видом стоика.

— Прекратить ускорение, — приказал Василенко. — Какая разница — минутой раньше, минутой позже... По крайней мере, встречая свой конец, дышать будем свободно.

Двигатели «Омеги» выключились. Столб плазмы, вырывавшийся из сопел, исчез, и корабль бессильно дрейфовал в космосе. На самом деле он продолжал ускоряться по направлению к двумерному участку, но так как космолет двигался туда вместе со всем окружающим пространством, экипаж не ощущал перегрузки. Снова настала невесомость, и люди воспользовались возможностью вдохнуть всей грудью.

— Знаете, о чем я думаю? — спросил ☒ Айс. — О картинах Остроглаза из волшебных сказок Юнь Тяньмина.

На борту «Омеги» лишь немногие знали о тайном послании Юнь Тяньмина. Теперь они в мгновение ока поняли значение этой детали сказок. Простая метафора, настолько ясная, что ей не нужна была дирекционная координата.

Юнь, должно быть, сознавал, что подвергает себя огромному риску, вставляя в свои истории такую очевидную метафору, и все же считал себя обязанным сделать это, потому что информация была чрезвычайно важной.

Наверно, он полагал, что, зная об открытиях «Синего космоса» и «Гравитации», человечество сможет понять его метафору. К сожалению, он переоценил проницательность человеческого ума.

Неспособность расшифровать этот ключевой фрагмент информации привела к тому, что люди возложили все свои надежды на проект космических убежищ.

В оправдание можно сказать, что в обеих атаках «темного леса», которые наблюдали земляне, были задействованы фотоиды; однако люди умудрились не заметить один бросающийся в глаза факт: уничтоженные планетные системы обладали иной структурой, чем Солнечная. Звезда, известная как 187J3X1, имела три гигантские планеты юпитерианского типа, но они обращались по орбитам, чрезвычайно близким к их солнцу. Среднее расстояние от этих планет до звезды составляло всего 3 % расстояния от Юпитера до Солнца, то есть еще ближе, чем орбита Меркурия. Поскольку они едва не задевали на ходу

свое светило, взрыв звезды полностью разрушил все планеты, их нельзя было использовать как защитные барьеры. А в системе трех солнц существовала только одна планета — Трисолярис.

Структура планетной системы легко прослеживается издалека. Опытным высокоразвитым инопланетянам, чтобы все понять, достаточно бросить один беглый взгляд.

Если люди смогли додуматься до использования газовых гигантов в качестве щита, то наблюдатели из сверхразвитой космической цивилизации и подавно.

Слабость и невежество не помеха для выживания, а вот самонадеянность — да!

«Омега» находилась сейчас не дальше тысячи километров от плоскости и падала все быстрее и быстрее.

— Благодарю всех за то, что до конца исполнили свой долг, — промолвил Василенко. — Мы хорошо работали вместе, пусть и недолго.

— А я благодарю всех представителей человеческой расы, — сказал Айс. — Однажды мы все жили в Солнечной системе.

«Омега» выпала в двумерное пространство. Всего за несколько секунд она превратилась в тончайшую пленку. Огни, подобные фейервер-

ку, еще раз осветили космический мрак. Эта громадная плоская фигура была хорошо видна с «Аляски», находившейся в ста тысячах километров от сцены трагедии. Можно было ясно различить каждого человека на борту «Омеги»: они лежали бок о бок, держась за руки, и каждая клетка их двумерных тел была открыта всему космосу.

Они стали первыми изображениями на грандиозном полотне смерти.

Эра Космических Убежищ, год 68-й. Плутон

— Давай вернемся на Землю, — тихо сказала Чэн Синь. Это была первая идея, пробившаяся сквозь хаос и мрак ее путаных мыслей.

— Земля — совсем не плохое место для ожидания конца, — произнес Цао Бинь. — Опавший лист возвращается к корням. Тем не менее мы надеемся, что «Ореол» полетит на Плутон.

— На Плутон?

— Сейчас он в апогее, далеко от двумерного пространства. Правительство Федерации готовится сделать официальное объявление об атаке «темного леса», так что к Плутону направятся многие. Хотя в конечном счете всех постигнет одна участь, но так они выиграют хотя бы немного времени.

— «Немного» — это сколько?

— Вся Солнечная система вплоть до пояса Койпера схлопнется в два измерения за восемьдесять дней.

— Всего-то! Не стоит и дергаться, — фыркнула АА. — Поехали на Землю!

— Правительство Федерации просит вас об услуге.

— И что мы можем сейчас сделать?

— Ничего особо важного. Теперь все на свете неважно. Но кое-кто выдвинул идею, что, возможно, внеземные разумные существа обладают компьютерной программой, способной обработать двумерное изображение трехмерного объекта и восстановить потом этот объект. Мы надеемся, что в отдаленном будущем какая-нибудь высокоразвитая цивилизация сможет создать трехмерную модель нашего мира из его двумерного образа. Конечно, это будет всего лишь мертвая модель, но, во всяком случае, человеческая цивилизация не уйдет в небытие бесследно.

На Плутоне находится Музей цивилизации Земли. В нем хранится огромная коллекция самых ценных сокровищ человечества. Вот только располагается музей под поверхностью планеты, и мы боимся, что в процессе перехода в плоскость эти артефакты перемешаются с горными породами и структура их нарушится. Нам хотелось бы попросить вас вывезти с Плутона на «Ореоле» хотя бы некоторые из них и рассеять в пространстве так, чтобы они схлопнулись в два измерения каждый по отдельности. Тогда их

структура, будем надеяться, сохранится нетронутой. Наверно, это можно считать чем-то вроде спасательной экспедиции… Конечно, должен признать, идея граничит с сумасшествием, но все же лучше делать хоть что-то, чем не делать ничего. Да, а еще там, на Плутоне, Ло Цзи. Хочет встретиться с вами.

— Ло Цзи? — вскрикнула АА. — Он жив?

— Да. Ему почти двести лет.

— Хорошо. Летим на Плутон, — сказала Чэн Синь. В прошлом она пришла бы в восторг при мысли о таком путешествии. Сейчас же ничто не имело значения.

Тут заговорил незнакомый приятный баритон:

— Желаете отправиться к Плутону?

— Кто вы? — спросила АА.

— Я «Ореол», вернее, искусственный интеллект «Ореола». Желаете отправиться на Плутон?

— Да. Что надо делать?

— Всего лишь подтвердить запрос, больше ничего, — ответил искин. — Я сам сделаю все, что требуется.

— Да, мы желаем лететь на Плутон.

— Команда подтверждена. Идет обработка. «Ореол» начнет ускорение при 1g через три минуты. Пожалуйста, следите за вектором тяготения.

— Вот и отлично, — подвел итог Цао Бинь. — Чем раньше, тем лучше. После того как объявят тревогу, наверняка поднимется паника. Надеюсь, нам еще представится случай поговорить. — Цао закрыл окно прежде, чем АА с Чэн Синь успели сказать ему «до свидания». В настоящий момент АА, Чэн Синь и «Ореол» не входили в число его приоритетов.

В иллюминатор подруги увидели, как на обшивке комбинированного космограда возникло несколько голубых огней — это отражалось пламя в дюзах «Ореола». Пассажирок прижало к стене сферической каюты. Они чувствовали, как наливаются тяжестью их тела. Ускорение быстро достигло 1g. Еще слабые после гибернации, подруги с трудом вернулись к иллюминатору. Теперь они видели диск Юпитера целиком. Он все равно оставался чудовищно огромным и уменьшался слишком медленно, чтобы наблюдатель мог ощутить изменение в размерах.

Бортовой ИИ устроил подругам ознакомительную экскурсию по кораблю. Как и его предшественник, этот новый «Ореол» тоже был маленькой яхтой звездного класса, способной вместить максимум четверых пассажиров. Б`ольшую часть внутреннего пространства зани-

мала замкнутая система жизнеобеспечения. По стандартным меркам она была явно избыточна — могла обслужить сорок человек, а предназначалась всего для четверых. Система состояла из четырех одинаковых подсистем, соединенных вместе и действующих как взаимозаменяемые резервные единицы. Если одна выйдет из строя, три оставшиеся восстановят ее.

Другой отличительной чертой «Ореола» являлась способность приземляться непосредственно на поверхность твердой планеты среднего размера. Такая конструкция была нехарактерна для звездолетов. Обычно для высадки на планеты пользовались челноками. Спуск в глубокий гравитационный колодец предполагал наличие у корабля очень прочного корпуса, что значительно удорожало корабль. Кроме того, для полета в атмосфере требовалась обтекаемая форма, что тоже было редкостью среди звездолетов.

Все эти конструкторские решения означали, что если бы «Ореол» нашел где-то в дальнем космосе подходящую планету, то он мог бы довольно продолжительное время служить для экипажа жилой базой. Возможно, именно поэтому «Ореол» и избрали для спасательной экспедиции на Плутон.

Яхта обладала и многими другими особенностями. Например, в ней было шесть маленьких патио, каждое площадью двадцать-тридцать квадратных метров. Все они при ускорении автоматически ориентировались по вектору псевдогравитации, а во время полета по инерции вращались независимо от остального корабля, создавая искусственное тяготение. Каждое патио представляло собой уголок природы, отличный от других: зеленый газон с ручейком, журчащим в траве, или рощицу с прячущимся в ней прозрачным ключом, или пляжик, омываемый кристально чистыми волнами... Все эти сцены были крошечными, но изысканными — словно ожерелье, для бусинок которого взяли лучшие пейзажи Земли. Среди маленьких звездолетов подобный дизайн был невиданной роскошью.

Чэн Синь печалила судьба «Ореола». Такой чудесный крошечный мир — и скоро превратится в лепешку без толщины... Она старалась не думать о других, более значительных вещах, которые ждет неминуемая гибель. Смерть простерла свои черные крылья под небом ее сознания, и Чэн Синь не решалась поднять глаза и взглянуть на нее прямо.

Через два часа после отлета «Ореола» пра-

вительство Федерации официально объявило тревогу в связи с атакой «темного леса». Президент, красивая женщина, на вид очень молодая, выступила с заявлением. Она стояла под голубым флагом Федерации и говорила совершенно бесстрастно. Чэн Синь заметила, что флаг очень похож на старинный флаг ООН, только вместо Земли на нем Солнце. Самый важный в истории человечества документ, знаменующий конец земной цивилизации, был весьма короток:

Пять часов назад система раннего предупреждения подтвердила, что «темный лес» осуществил атаку против нашего мира.

Метод атаки — изменение физической природы нашего пространства. Это означает, что Солнечная система из трехмерного состояния перейдет в двумерное. Результатом станет гибель всех форм жизни.

По прогнозам процесс займет от восьми до десяти дней. К настоящему моменту коллапс пространства уже идет, его темп и масштабы нарастают.

Мы получили подтверждение, что ско-

рость убегания из коллапсирующего участка космоса равна скорости света.

Час назад правительство и парламент Федерации приняли решение отменить все законы, касающиеся эскапизма. В то же время правительство считает своим долгом напомнить гражданам, что скорость убегания намного превосходит максимальную скорость, которую способны развить космические корабли землян. Вероятность спасения равна нулю.

Правительство, Парламент, Верховный Суд и Флот Федерации будут исполнять свои обязанности до самого конца.

Другие новости подруги смотреть не стали — ни к чему.

По словам Цао Биня, Мир Убежищ был сейчас подлинным раем. Чэн Синь и АА очень хотели взглянуть, как выглядит рай, но не осмеливались. Если все на свете пойдет прахом, то чем мир прекраснее, тем больше горя принесет зрелище его разрушения. Впрочем, рай содрогался сейчас в пароксизме страха смерти.

«Ореол» прекратил ускорение. Юпитер за кормой превратился в маленькую желтую точку.

Подруги надели сонные обручи и провели следующие несколько дней в непрерывном сне. В этом одиноком путешествии сквозь ночь перед концом света неудержимое воображение, представляющее картины одна другой ужасней, могло кого угодно свести с ума.

* * *

Искин пробудил АА и Чэн Синь от их сна без сновидений. «Ореол» прибыл на Плутон.

На экране монитора и в иллюминаторе подруги видели всю карликовую планету целиком. Самое первое впечатление от этого мира можно было охарактеризовать одним словом: потемки. Плутон был словно затянутый бельмом глаз. Свет Солнца еле доходил в такую даль. Только когда «Ореол» спустился на низкую орбиту, его пассажиры смогли различить какие-то краски на поверхности: кора Плутона казалась сшитой из синих и черных лоскутов. Черные — это скалы; и необязательно таков был их настоящий цвет, просто здесь царила темень, и глаз не различал оттенков. Синие участки — это превратившиеся в лед азот и метан. Двести лет назад, когда Плутон находился в перигее внутри орбиты Нептуна, его поверхность выглядела совсем иначе. Замерзшие

газы частично растаяли, и из них образовалась жиденькая атмосфера. Из космоса планетка выглядела насыщенно желтой.

«Ореол» продолжал снижаться. Случись это на Земле, вход в атмосферу был бы делом во всех смыслах волнующим, но здесь корабль садился в вакууме, в полном безмолвии, тормозя единственно при помощи своих двигателей. Внизу, на черно-синей поверхности, резко выделялась белая надпись:

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ

Текст был написан на современный манер, на смеси латиницы и китайских иероглифов. Под первой строкой шло еще несколько помельче, каждая повторяла то же самое, только другим алфавитом. Чэн Синь подметила, что слово «музей» ни в одной из надписей не встречается. Яхта пока еще висела в сотне километров от поверхности, из чего следовало, что текст исполинский. Чэн Синь не могла точно определить размеры букв, но это, без сомнения, была самая большая надпись из всех, когда-либо сделанных человеком. В каждом ее знаке мог бы поместиться целый город. К тому моменту, когда «Ореол» снизился до десяти тысяч метров, один из колоссальных

знаков занял все поле зрения. И наконец «Ореол» сел на широкую посадочную площадку, располагавшуюся в верхушке китайского иероглифа «цю» ⛒ — части слова «Земля».

Следуя указаниям бортового искина, Чэн Синь с АА облачились в легкие скафандры и вышли из космолета. В здешнем жутком холоде обогревательные системы скафандров работали на полную мощность. Пустая посадочная площадка в свете звезд сияла белизной. Многочисленные ожоги на почве свидетельствовали о том, что когда-то здесь взлетало и приземлялось немало кораблей, но сейчас «Ореол» возвышался на площадке в полном одиночестве.

В Мире Убежищ Плутон был чем-то вроде земной Антарктиды. Здесь никто не жил постоянно, да и визитеры бывали только изредка.

В небе среди звезд быстро двигался крупный черный шар — Харон, естественный спутник Плутона. Его масса составляла одну десятую массы Плутона, и оба небесных тела практически составляли двойную планетарную систему, вращающуюся вокруг общего центра масс.

«Ореол» включил прожекторы, но в безвоздушном пространстве лучи не были видны. Круг света упал на отдаленный прямоугольный объ-

ект. Этот черный монолит был единственным возвышением на ровной белой поверхности. От его простоты веяло жутью, как если бы он служил абстрактным воплощением реального мира.

— Выглядит немного знакомым, — проговорила Чэн Синь.

— Не знаю, что это за штуковина, но мне она не нравится.

Чэн Синь с АА направились к монолиту. Сила тяжести Плутона составляет лишь одну десятую земной, поэтому женщины передвигались длинными мягкими прыжками. По пути они обнаружили на земле ряд стрелок, указывавших на монолит.

Но лишь подойдя вплотную к нему, подруги поняли, насколько он огромен. Когда они подняли глаза, им показалось, будто из звездного неба вырезали кусок. Осмотревшись, женщины увидели ряды стрелок, сходящихся сюда с разных сторон, и все они указывали на монолит.

В нижней части стены торчало металлическое колесо метрового диаметра. Удивительно — кажется, крутить его следовало вручную! Над колесом белыми линиями на черном фоне было нарисовано схематическое руководство: закругленные стрелки указывали направление

вращения; рядом с одной стрелкой помещалось изображение открытой двери, рядом с другой — закрытой. Чэн Синь оглянулась на стрелки на земле, указывавшие путь к монолиту. Все эти четкие, понятные, бессловесные инструкции вызвали у нее странное чувство, которое АА не замедлила выразить вслух:

— Эти рисунки... Кажется, они не для людей.

Подруги повернули колесо, как было указано в инструкции. Потребовалось некоторое усилие, но в конце концов в стене монолита открылась дверь. Из нее вырвалось немного воздуха, содержащийся в нем пар быстро затвердел, и льдинки засверкали в свете прожектора. Чэн Синь и АА вошли и увидели еще одну дверь, тоже открывавшуюся при помощи колеса. На этот раз над ним шла простая надпись, объяснявшая, что они в шлюзовой камере и что, прежде чем открыть внутреннюю дверь, надо закрыть наружную. Это тоже было необычно — ведь уже в конце Эры Кризиса изобрели технологию, позволяющую открывать двери прямо в вакуум безо всяких шлюзов.

Чэн Синь и АА затворили дверь, в которую вошли, и закрутили колесо на ее внутренней стороне. Свет прожектора как отрезало. Они уже

хотели было зажечь фонарики на скафандрах, чтобы отогнать наводящую страх темноту, и тут заметили на потолке тесного шлюза маленькую горящую лампочку. Электричество! Впервые они увидели здесь что-то, работающее на электричестве. Подруги принялись крутить колесо, открывающее проход внутрь. Чэн Синь была убеждена, что даже если бы они и не закрыли первую дверь, то все равно смогли бы открыть вторую. Избежать утечки воздуха можно было только одним способом — точно следовать инструкции. В этом низкотехнологичном месте не существовало автоматической «защиты от дурака».

Поток воздуха едва не сбил девушек с ног; из-за быстро повышающейся температуры щитки их шлемов затуманились. Датчики скафандров проанализировали давление и состав атмосферы и сообщили: воздух пригоден для дыхания, можно снять шлемы.

Они стояли в начале туннеля, освещаемого тусклыми фонарями. Черные стены поглощали скудный свет, поэтому промежутки между редкими конусами света утопали во мраке. Пол туннеля круто, под углом около сорока пяти градусов, уходил вниз — тем не менее ступенек

не наблюдалось. Такой дизайн, вероятно, был обусловлен двумя соображениями: во-первых, в условиях низкой силы тяжести ступеньки не нужны; во-вторых, туннель предназначался не для людей.

— Что, лифта нет? — дрожащим голосом пробормотала АА. Ее пугала перспектива спускаться по резко наклонному полу.

— Лифт со временем может сломаться. А это здание построили так, чтобы оно пережило геологические эры, — раздался голос с другого конца туннеля, где в тусклом пятне света появился старик. Его длинные седые волосы и борода, струящиеся в воздухе при низкой силе тяжести, казалось, светились сами по себе.

— Вы Ло Цзи? — крикнула АА.

— А кто же еще? Дети, ноги у меня уже не такие крепкие, как раньше; уж простите, что не иду вам навстречу. Давайте-ка сами сюда!

Чэн Синь с АА пустились по туннелю длинными прыжками. Благодаря низкой силе тяжести трюк оказался не слишком головоломным. Приблизившись к старику, они разглядели, что это и вправду Ло Цзи. На нем был длинный белый чаншань — китайская мужская туника. Он стоял, опираясь на трость; спина его немного ссутули-

лась, но голос оставался сильным и звучным.

Чэн Синь глубоко поклонилась.

— Здравствуйте, почтенный старейшина.

— Ха-ха, к чему такие церемонии! — махнул рукой Ло Цзи. — Мы ведь с тобой были... коллеги. — Он посмотрел на Чэн Синь, и в глазах его зажглось чисто мужское восхищение, несколько не вяжущееся с его возрастом. — Да ты все еще молода! Было время, я видел в тебе только Держателя Меча, но потом прозрел: ты посмотри, думаю, какая красотка! Ха, забавно...

Кажется, Ло Цзи тоже изменился. От величественного Держателя Меча не осталось и следа. Подруги не знали, что этот циничный, фривольный Ло Цзи, которого они сейчас видели перед собой, на самом деле был возвратом к той личности, какой он был четыреста лет назад, до своего назначения Отвернувшимся. Как будто прежний легкомысленный Ло Цзи вышел из гибернации. Почтенный возраст, однако, смягчил его характер и придал ему больше глубины.

— Вы знаете, что произошло? — спросила АА.

— А как же, дитя мое. — Он указал тростью себе за спину. — Эти идиоты все удрали на своих кораблях. И ведь знают, что никуда не денутся, но все равно попытались сбежать. Дурачье.

Он говорил о других служителях Музея цивилизации Земли.

— А мы-то с тобой напрягались... — сказал Ло Цзи, обращаясь к Чэн Синь. — И все зря!

Ей понадобилось время, чтобы понять, что он имел в виду. Нахлынули эмоции и воспоминания, но Ло Цзи прервал их поток:

— Забудь. *Carpe diem*[58] — вот правильный лозунг. Конечно, для *carpe* осталось не так уж много *diem*, но не будем о грустном... Пойдемте. Нет, не надо меня поддерживать. Вы и сами еще толком не научились ходить по этому шарику.

Для старого Ло Цзи — двести лет не шутка! — трудность передвижения при столь низкой силе тяжести состояла не в том, чтобы идти быстро, а в том, чтобы идти медленно. Трость служила ему не столько опорой, сколько тормозом.

Через некоторое время туннель расширился и стал больше походить на пещеру. Потолок висел где-то высоко вверху, однако освещение оставалось по-прежнему слабым. Пещера казалась очень длинной — другого конца не видать.

— Это и есть музей, — пояснил Ло Цзи.

---

[58] Примечания: 58

Carpe diem (буквально «лови день») — фраза из оды римского поэта Горация, ставшая крылатым выражением. Означает «живи настоящим», «лови момент». — *Прим. перев.*

— А где же экспонаты?

— В залах на том конце. Да ладно, они не так важны. Ну как долго они протянут? Десять тысяч лет? Сто? В лучшем случае миллион. Впрочем, к тому времени практически все они рассыплются в прах. Но это... — Ло Цзи повел рукой вокруг, — это будет стоять сотни миллионов лет! Неужели вы до сих пор думаете, что здесь музей? Да ведь тут не бывает посетителей! Это место не для них. Это надгробный памятник. Камень на могиле человечества.

Чэн Синь обвела глазами пустую полутемную пещеру, припомнила то, что видела по дороге... И правда, на всем здесь лежал отпечаток смерти.

— Как такая идея могла прийти кому-то в голову? — спросила АА, тоже оглядываясь по сторонам.

— Ты задаешь этот вопрос, потому что слишком молода. В наше время, — Ло Цзи указал на себя и Чэн Синь, — люди часто планировали свои похороны еще при жизни. Указать, на каком кладбище хоронить человечество, не так-то просто, но вот возвести ему надгробный памятник нам вполне по силам. — Он повернулся к Чэн Синь. — Помнишь Генерального секретаря Сэй?

— Конечно, — кивнула Чэн Синь.

Четыреста лет назад, работая в АСР, она несколько раз встречала Сэй, Генерального секретаря ООН, на различных мероприятиях. Последний раз на брифинге в АСР. Уэйд тоже был там. Чэн Синь тогда делала презентацию проекта «Лестница». Сэй сидела тихо и выслушала все, не задав ни единого вопроса. Позже она подошла к Чэн Синь, наклонилась и прошептала: «Нам нужно больше людей, которые мыслят, как вы».

— Она обладала истинным даром предвидения. Все эти годы я часто вспоминал ее. Неужели она и правда умерла четыреста лет назад? — Ло Цзи оперся о палку обеими руками и вздохнул. — Сэй была первой, кто подумал об этом. Хотела сделать что-то такое, что оставалось бы в целости еще долго после гибели человеческой цивилизации. Она планировала отправить в космос беспилотный корабль с предметами культуры и информацией о нас, но эту идею посчитали формой эскапизма, и после ее смерти проект закрыли. Через триста лет, когда началось строительство космических убежищ, вспомнили и о задумке Сэй. В те времена люди боялись, что конец света может настать в любой момент. Новые власти Федерации решили одновременно со строительством убежищ поставить и могильный

камень человечеству, но официально этот объект назвали «Музей цивилизации Земли» — чтобы не выглядело слишком пессимистично. Главой проекта назначили меня.

Первым делом мы задумались, как пронести информацию через геологические эры. Начальным ориентиром нам определили миллиард лет. Ха! Миллиард! Эти идиоты думали, что это раз плюнуть, — ведь мы же построили Мир Убежищ, так неужели не справимся с такой пустяковиной? Но вскоре выяснилось, что современные квантовые накопители данных, способные впихнуть целую библиотеку в рисовое зернышко, могут сохранять информацию без потерь только в течение двух тысяч лет. А потом материал разложится, и расшифровать сведения станет никому не под силу. Да и то сказать, это верно лишь в отношении высококачественных устройств. Если взять обычные, то две трети из них не протянут и пяти веков. Вот так наш умозрительный, далекий от повседневности проект превратился в интересную практическую задачу. Пятьсот лет — срок реальный; вспомни, что мы с тобой родились четыреста лет назад. Поэтому правительство остановило работы над музеем и приказало нам заняться тем, как сохранить важную инфор-

мацию о современном человечестве, чтобы ее можно было прочитать через пятьсот лет, хе-хе... В конце концов решением этой проблемы занялся отдельный институт, а мы смогли спокойно работать над самим музеем, вернее, надгробным памятником.

Ученые выяснили, что устройства хранения данных, использовавшиеся в наше время, были намного лучше. Они откопали несколько флэшек и харддисков из Общей Эры, и — надо же! — данные на некоторых из них по-прежнему поддавались расшифровке! Эксперименты показали, что если бы эти устройства были получше качеством, то информация на них сохранилась бы в течение пяти тысяч лет. Особенно устойчивыми оказались оптические диски из наших времен. Если их изготовить из особого сплава, то они сохранят данные в течение ста тысяч лет. И даже это не шло в сравнение с некоторыми печатными материалами. Надпись, сделанная специальными чернилами на композитной бумаге, останется читабельной и через двести тысяч лет. Но это предел. Доступные нам средства сохранили бы информацию в течение двухсот тысяч лет, но ведь задача-то была миллиард!

Мы уведомили правительство, что при ны-

нешнем состоянии технологии сохранить десять гигабайт изображений и один гигабайт текста — минимальные требования для Музея — в течение миллиарда лет невозможно. Нам не поверили. Пришлось представить доказательства. Тогда они согласились снизить планку до ста миллионов лет.

Но и эта задача оставалась крайне сложной. Мы искали информацию, которая сохранилась бы так долго. Узоры на доисторической керамике пережили примерно десять тысяч лет. Пещерные рисунки в Европе имели возраст сорок тысяч лет. Если считать информацией сколы на камнях, сделанные нашими предками-гоминидами, то им два с половиной миллиона лет. Но все-таки мы нашли информацию, которой сто миллионов лет, хотя оставили ее не люди. Это были отпечатки динозавров.

Работы продолжались, но дело вперед не двигалось. Другие специалисты, по-видимому, пришли к каким-то заключениям, но озвучить их не желали. Я сказал им: «Да не мнитесь вы! Что бы вы там ни надумали, неважно, насколько это нелепо или экстравагантно, — мы примем ваши рекомендации, если не найдется других альтернатив». Заверил их, что пережил такое, что

нелепее и экстравагантнее просто быть не может; уж кто-кто, а я не стану над ними смеяться. Тогда они сказали, что, применив самые передовые теории и технологии, проведя обширные теоретические исследования и практические эксперименты, тщательно проанализировав и сравнив различные предложения, они таки нашли способ сохранить информацию в течение ста миллионов лет. Они особо подчеркнули, что этот метод — единственный реально применимый. Сказали, мы должны... — Ло Цзи воздел трость над головой. Со своими развевающимися в воздухе белыми волосами и бородой он походил на пророка Моисея, разделяющего воды Красного моря. Торжественным тоном он закончил:

— ...высечь слова в камне!

АА прыснула. Но Чэн Синь и не думала смеяться. Она застыла в ошеломлении.

— Да, высечь слова в камне. — Ло Цзи указал на стены пещеры.

Чэн Синь подошла к стене. В тусклом свете она увидела, что та покрыта тесно выбитыми строками и рельефными картинками. Стена была не просто каменная; судя по виду, в нее вплавили какой-то металл, а может быть, покрыли поверхность чем-то долговечным — сплавом титана или

золотом. Но в основе своей это ничем не отличалось от резьбы по камню. Шрифт был отнюдь не мелкий: каждый знак или буква занимали примерно квадратный сантиметр — еще один способ придать информации долговечность, потому что мелкий текст сберечь труднее.

— Конечно, такой подход означал, что удастся сохранить лишь одну десятитысячную от запланированного количества информации. Но деваться было некуда, и правительству пришлось согласиться.

— Фонари у вас больно странные, — заявила АА.

Чэн Синь присмотрелась к светильнику на стене пещеры. Первое, что бросилось в глаза, — это его дизайн: рука, выходящая из стены, держит факел. «Я где-то это видела», — подумала Чэн Синь. Но АА явно говорила не о дизайне. Вид у фонаря-факела был очень нелепый: напоминая по конструкции и размеру старинный мощный ручной фонарик, он светил еле-еле, примерно как древняя лампочка накаливания в двадцать ватт. Огонек, пробивавшийся сквозь толстое стекло рассеивателя, был слабым, будто пламя свечки.

— Вон там у нас что-то вроде электростанции, снабжающей комплекс электричеством, — объ-

яснил Ло Цзи. — Этот светильник — выдающееся достижение техники. В нем нет ни спирали накаливания, ни газа; я вообще не знаю, что в нем светится, но оно может гореть сто тысяч лет. Двери, через которые вы прошли, при нормальных условиях должны функционировать пятьсот тысяч лет. После этого они деформируются, так что тому, кто захочет сюда проникнуть, придется их взломать. К тому времени эти светильники уже давно погаснут; в течение четырехсот тысяч лет здесь будет царить кромешная тьма. Но это станет лишь началом путешествия продолжительностью в сто миллионов лет.

Чэн Синь сняла перчатку скафандра и погладила пальцами высеченные в холодном камне знаки. Затем прислонилась к стене пещеры и завороженно уставилась на светильники. Она вспомнила, где видела что-то подобное: в парижском Пантеоне. Рука, держащая факел, — в точности как та, что на гробнице Руссо. Тусклые желтые огни на стенах пещеры больше не выглядели электрическими, а напоминали крохотные язычки пламени, готовые вот-вот угаснуть.

— Что это ты притихла? — спросил Ло Цзи. В его голосе прозвучали нотки участия. К Чэн Синь давно никто так не обращался.

— Да она всегда такая, — заверила АА.

— О-хо-хо, я раньше любил поболтать, а потом забыл, как это делается. Сейчас вот опять научился и трещу, не переставая, как пацан. Тебя это не раздражает?

Чэн Синь с трудом улыбнулась:

— Нет, совсем нет. Просто... просто глядя на все это, я не знаю, что сказать.

И это было правдой. Что тут скажешь? Цивилизация была безумным рывком вперед длиной пять тысяч лет. Прогресс порождал дальнейший прогресс; бесчисленные чудеса давали начало множеству других чудес; человечество, казалось, стало всесильным, как боги... И все же истинное могущество принадлежит времени. Оставить после себя след труднее, чем создать мир. Цивилизация подошла к своему концу, а единственное, что смогло сделать человечество, — это то же, что делало в далеком прошлом, когда было еще младенцем: высекло слова в камне.

Чэн Синь вгляделась в знаки, вырезанные на стене. Они начинались с изображения мужчины и женщины — возможно, то была попытка показать будущим первооткрывателям, как выглядели люди. Но в отличие от невыразительной гравюры на металлической пластине, которую

в годы Общей Эры унес в космос «Пионер», эти пещерные рисунки были полны экспрессии и навевали ассоциации с Адамом и Евой.

Чэн Синь побрела вдоль стены. После мужчины и женщины пошли иероглифы и клинописные знаки, по всей вероятности, скопированные с древних артефактов. Многие из них даже современные люди не могли прочитать, что уж говорить о будущих пришельцах из космоса... Пройдя дальше, Чэн Синь обнаружила китайские стихи — или, по крайней мере, она предположила, что это стихи, по характеру расположения иероглифов. Но ни одного из знаков она не узнала, могла лишь сказать, что это письмена «большой печати»[59].

— Это «Шицзин» — «Книга песен», написанная за тысячу лет до Рождества Христова, — пояснил Ло Цзи. — Там дальше есть фрагменты классической греческой философии. Чтобы добраться до иероглифов и букв, которые ты сможешь прочитать, надо пройти десятки метров.

---

[59] Примечания: 59

«Большая печать» наряду с «малой печатью» является вариантом письма Чжуаньшу (по-китайски «иероглифы печати»), появившейся в VIII–III веках до н. э. Чжуаньшу — самый часто используемый из архаичных стилей каллиграфии. Большинство китайцев не могут читать чжуаньшу, его использование обычно ограничивается каллиграфией (материал Википедии). — *Прим. перев.*

Под греческими буквами Чэн Синь увидела другой рельеф, изображающий античных философов в простых хитонах, ведущих дискуссии на агоре в окружении каменных колонн.

У Чэн Синь возникла странная мысль. Она вернулась обратно и принялась что-то высматривать в начале надписей, но безрезультатно.

— Ищешь Розеттский камень? — осведомился Ло Цзи.

— Да. Ведь есть же система, которая помогает истолковывать знаки?[60]

— Дитя мое, у нас тут наскальные изображения, а не компьютер. Как бы мы воткнули сюда такую систему, по-твоему?

АА взглянула на стену, затем уставилась на Ло Цзи.

— Получается, мы здесь вырезали в камне вещи, которых сами не понимаем, и надеемся, что когда-нибудь явятся пришельцы и смогут их расшифровать?!

И правда, внеземному разуму далекого будущего человеческие письмена на этих стенах

---

[60] Примечания: 60

На случай, если кто-то забыл: в первой части романа, в эпизоде, когда исследователи «Синего космоса» и «Гравитации» общаются с четырехмерным Кольцом, упоминается система «Розетта» — база данных, созданная для обучения трисоляриан земным языкам. — *Прим. перев.*

покажутся чем-то вроде линейного письма А, критских иероглифов или еще какой-нибудь древней письменности, которую никто не может прочесть. Скорее всего, никто их читать и не станет. Как только создатели памятника поняли, какая это страшная вещь — время, их вера в то, что цивилизация может оставить после себя следы, способные сохраниться в течение геологических эпох, иссякла. Как сказал Ло Цзи, это был не музей.

Музей строили для посетителей. Могильный памятник — для строителей.

Все трое пошли дальше. Трость Ло Цзи ритмично постукивала о пол.

— Я часто брожу здесь наедине со своими шальными мыслями. — Старик остановился и указал на рельеф древнего воина в броне и с копьем. — Вот тут рассказ о завоеваниях Александра Великого. Если бы он продвинулся чуть дальше на восток, то наткнулся бы на царство Цинь в конце периода Сражающихся царств. Интересно, что бы тогда случилось? Как бы повернулась история? — Путники двинулись дальше, и Ло Цзи снова указал на стену. Письмена «малой печати»

сменились «официальным письмом»[61]. — А вот и династия Хань! С нее в Китае началось два объединения: территории и системы мышления. Единая территория и единое мышление — это же хорошо для цивилизации в целом, правда? Династия Хань вознесла конфуцианство превыше всего, но если бы разнообразие философских школ в период Весны и Осени[62] сохранилось и впоследствии, то что бы случилось тогда? Как бы изменилось настоящее? — Ло Цзи обвел тростью вокруг. — Любой момент истории содержит в себе бесчисленные упущенные возможности.

— Как и жизнь, — тихо проронила Чэн Синь.

— О нет, нет, нет! — Старик энергично потряс головой. — Во всяком случае, не для меня. Мне кажется, я ничего не упустил, ха-ха! — Он взглянул на Чэн Синь. — Дитя мое, ты считаешь, что

---

[61] Примечания: 61

Официальное письмо, или лишу — стиль китайского письма, отличающийся квадратной конфигурацией иероглифов. Иногда этот стиль называют цзошу — деловое письмо. Возник во второй половине III века до н. э., в период династий Цинь и Хань, в ответ на потребность в более быстром способе письма в связи с неуклонно возраставшим объемом официальной документации. Согласно одной из легенд, создание лишу связано с правителем Цинь Шихуанди (материал Википедии). — *Прим. перев.*

[62] Примечания: 62

Период Весны и Осени (или как его еще называют, Вёсен и Осеней, 770–476 до н. э.) предшествовал периоду Сражающихся царств (475–221 до н. э.). Оба относятся к династии Западная Чжоу. — *Прим. перев.*

на каком-то этапе жизни сделала неправильный выбор? Тогда не повторяй этого в будущем.

— Будущего больше нет, — холодно отрезала АА. Она задавалась вопросом, а не страдает ли Ло Цзи старческим маразмом.

Они дошли до конца пещеры. Обернувшись и обведя глазами эту подземную усыпальницу, Ло Цзи вздохнул.

— Мы задумывали этот памятник в расчете на сотню миллионов лет, а он не простоит и одного столетия.

— Кто знает? Может, какая-нибудь двумерная цивилизация окажется способной увидеть все это, — возразила АА.

— Хм, интересно! Надеюсь, ты права... А здесь хранятся артефакты. Всего три зала.

И опять стены раздались перед Чэн Синь и АА. Помещение, в которое они ступили, походило не на выставочный зал, а на склад. Все артефакты хранились в одинаковых металлических ящиках, на каждом из которых помещалась подробная опись.

Ло Цзи постучал палкой по ближайшему ящику.

— Как я уже говорил, эти вещи не слишком важны. Большинство из них не продержится и

пятидесяти тысяч лет, хотя некоторые статуи могут дожить до миллиона. Но не советую вам трогать статуи: они, конечно, легкие при здешнем тяготении, однако места занимают слишком много... Хотя ладно, берите, что хотите.

АА с волнением огляделась вокруг.

— Предлагаю взять картины. На древние манускрипты можно забить — их все равно никто не разберет. — Она подошла к одному из ящиков и нажала на кнопку на крышке (во всяком случае, это походило на кнопку), однако ящик не открылся, а инструкции, как это сделать, не было. Подошла Чэн Синь и, поднапрягшись, сняла крышку. АА вынула из ящика картину, написанную масляными красками.

— Хотя, кажется, картины тоже занимают много места, — сказала АА.

На соседнем ящике лежал рабочий комбинезон. Ло Цзи вытащил из его карманов небольшой нож и отвертку.

— Рама громоздкая. Снимите ее.

АА вооружилась отверткой, но только она подступилась к раме, как Чэн Синь вскрикнула:

— Нет!

Полотно оказалось творением Ван Гога «Звездная ночь».

Реакция Чэн Синь объяснялась не только великой ценностью картины. Она видела ее раньше. Четыреста лет назад, едва начав работать в АСР, она в выходной посетила нью-йоркский Музей современного искусства и полюбовалась несколькими работами Ван Гога. Особенно глубокое впечатление на нее оказало то, как Ван Гог воспроизвел на полотне космос. Художник подсознательно чувствовал, что пространство имеет структуру. В то время Чэн Синь не очень хорошо разбиралась в теоретической физике, но знала, что, согласно теории струн, космос, как и все материальные объекты, состоит из множества микроскопических вибрирующих струн. Вот их-то и нарисовал Ван Гог. В его картинах все пространство, будь то горы, хлебные поля, дома и деревья, было наполнено мельчайшими вибрациями. «Звездное небо» оставило неизгладимый след в душе Чэн Синь, и сейчас, по прошествии четырехсот лет, на Плутоне, эта картина снова потрясла ее.

— Снимайте рамы. Так вы унесете больше. — Ло Цзи небрежно взмахнул тростью. — Как думаете, эти вещи еще стоят того, чтобы дать их в качестве выкупа за целый город? Особенно сейчас, когда за любой город я не дал бы и полушки?

Они отделили раму, которой, возможно, было пятьсот лет, но оставили твердый задник — чтобы не повредить полотно, нечаянно согнув. То же самое они проделали и с другими холстами, и скоро весь пол был загромождён пустыми рамами.

Ло Цзи подошел и положил ладонь на маленькую картину:

— Пожалуйста, оставьте эту мне.

Чэн Синь и АА водрузили картину на ящик, стоявший у стены. И удивились — это была «Мона Лиза».

Подруги продолжили работу. АА прошептала:

— А у старикана губа не дура! Самую большую драгоценность захапал себе.

— Не думаю, что дело в ценности.

— Может, он когда-то любил девушку, которую звали Мона Лиза?

Ло Цзи сидел около картины и ласково водил ладонью по древней раме.

— Я не знал, что ты здесь, — шептал он. — Не то навещал бы тебя часто-часто...

Старик не смотрел на картину — он устремил взгляд вперед, словно прозревая даль времен. Чэн Синь видела, как его старые глаза наполняются слезами. Она не могла понять, не обманывают ли ее собственные глаза.

В величественной гробнице под поверхностью Плутона, где слабые светильники, которым предназначалось гореть сто тысяч лет, едва разгоняли тьму, улыбалась Мона Лиза. Казалось, ее улыбка то появляется, то исчезает вновь. Улыбка, которую человечество пыталось разгадать почти девятьсот лет, сейчас выглядела еще более таинственной и зловещей, потому что несла в себе все и ничто, подобно надвигающейся Смерти.

Эра Космических Убежищ, год 68-й. Двумерная Солнечная система

Чэн Синь с АА подняли на поверхность первую партию артефактов. Помимо дюжины живописных полотен без рам, они забрали два бронзовых ритуальных сосуда периода Западной Чжоу и несколько древних книг. Будь здесь сила тяжести как на Земле, у них бы не получилось вынести такое множество предметов, но при низкой гравитации Плутона особых усилий не требовалось. Проходя через шлюз, подруги плотно закрыли внутреннюю дверь, прежде чем открыть внешнюю, не то порывом воздуха их драгоценную ношу разметало бы во все стороны. Как только сдвинулась наружная дверь, воздух в шлюзе застыл ледяными кристалликами. Взметнулся небольшой вихрь. Поначалу подруги решили, что льдинки блестят в свете прожекторов «Ореола», но после того как метелица улеглась, они обнаружили, что прожекторы корабля потушены. Свет исходил из какого-то другого источника в космосе; «Ореол» и черный монолит отбрасывали длинные тени на белую поверхность Плутона.

Женщины взглянули вверх и потрясенно отшатнулись назад.

Из космоса на них взирала пара громадных глаз.

В небе висели два горящих овала, и впрямь похожие на глаза, с белыми или светло-желтыми «белками» и темными «радужками».

— Один — это Нептун, а другой — Уран... ой, нет, это Сатурн! — сказала АА.

Оба газовых гиганта перешли в два измерения. Орбита Урана проходила с внешней стороны орбиты Сатурна, но поскольку Уран сейчас находился по другую сторону Солнца, Сатурн схлопнулся в плоскость раньше. Собственно, планеты после коллапса стали дисками, но с Плутона они были видны под углом и потому приняли вид овалов. В строении планет ясно различались концентрические кольца. Нептун состоял из трех колец: внешнего, ярко-синего («ресницы» и «тени») — водородно-гелиевой атмосферы; среднего, белого — мантии толщиной в двадцать тысяч километров, по предположениям ученых, представляющей собой водно-аммиачный океан; и центрального, темного круга — ядра планеты. Масса ядра, состоящего из скальной породы и льда, равнялась массе всей Земли. Сатурн имел

похожее строение, за исключением внешнего синего кольца.

Каждое кольцо состояло из многочисленных колец потоньше с ясно различимой внутренней структурой. Когда подруги как следует присмотрелись, гигантские глаза стали больше напоминать им годичные кольца на срезе древесного ствола. Вокруг каждой двумерной планеты плавало с десяток кружков поменьше — их луны, которые тоже стали плоскими. Сатурн окружал еще один большой бледный круг — его знаменитые кольца.

В небе еще можно было найти Солнце — маленькую звездочку, испускающую тусклый желтый свет. Учитывая, что обе расплющенные планеты сейчас находились очень далеко, по ту сторону Солнца, их площадь превосходила всяческое воображение.

Зато толщины у них больше не было.

В свете двумерных Нептуна и Сатурна подруги понесли артефакты через белую посадочную площадку к «Ореолу». В гладком, обтекаемом корпусе космолета, словно в кривом зеркале, отражения двумерных планет вытягивались в длинные, текучие формы. Вид яхты заставлял вспомнить о «каплях»: от «Ореола» исходило

такое же ощущение прочности, силы и легкости. По пути к Плутону АА поделилась с Чэн Синь мыслью, что б`ольшая часть корпуса их корабля, по всей вероятности, изготовлена из материалов, укрепленных сильным взаимодействием.

Когда они подошли к «Ореолу», люк внизу бесшумно отъехал в сторону. Подруги внесли поклажу внутрь, сняли шлемы и глубоко вдохнули воздух своего уютного маленького мирка. Облегчение наполнило их души; сами того не осознавая, они уже считали космическую яхту родным домом.

Чэн Синь спросила искина, не поступало ли каких-либо сообщений с Нептуна и Сатурна. Едва она сделала запрос, как информационные окна наводнили салон, грозя похоронить женщин под собой, словно лавина. Сцена напоминала ту, которая случилась во время ложной тревоги сто восемнадцать лет назад, только тогда б`ольшая часть сведений исходила от средств массовой информации, а сейчас пресса, казалось, вообще куда-то пропала. На большинстве окон демонстрировались неразборчивые видео: одни были словно сняты сквозь туман, другие бешено тряслись, и почти все они представляли собой бессмысленные крупные планы непонятно чего.

Однако некоторые окна были заполнены великолепными разноцветными пятнами, которые, переливаясь и перетекая с места на место, складывались в сложные тонкие узоры. Вероятно, эти окна показывали двумерную вселенную.

АА попросила отфильтровать изображения. Искин осведомился, что именно их интересует. Чэн Синь ответила: космические города. Лавина остановилась, сменившись десятком окон, выстроившихся в ряд. Одно из них увеличилось и повисло впереди остальных. ИИ объяснил, что съемка была произведена двенадцать часов назад в Европе VI — одном из космоградов нептунианского кластера. Город первоначально входил в конгломерат, а при получении сигнала тревоги отделился.

Изображение было стабильным, поле обозрения — широким. Камера, по всей вероятности, помещалась на одном из концов убежища и охватывала весь город.

Электричество в Европе VI отключилось, и лишь немногие прожекторы отбрасывали колеблющиеся круги света на дальнюю оконечность города. Все три искусственных солнца на оси космограда превратились в серебристые луны; они лишь светили, но не давали тепла. Европа VI

имела стандартную овальную форму, но городские строения отличались от тех, которые Чэн Синь видела полвека назад. Мир Убежищ процветал, и городские здания больше не производили впечатления бесцветных и однообразных. Они возносились намного выше, и каждое было выстроено по индивидуальному проекту. Некоторые небоскребы дорастали почти до городской оси. Были здесь и дома-деревья, подобные тем, что когда-то строились на Земле, только листья на них висели гуще. Чэн Синь легко представила, каким прекрасным и величественным выглядел этот город ночью, весь в огнях. Но сейчас, когда его озаряло лишь холодное сияние лун, дома-деревья отбрасывали огромные тени, и остальной космоград казался руинами на опушке гигантского леса.

Убежище прекратило вращаться, воцарилась невесомость. Все: автомобили, вещи, даже целые здания — плавало в воздухе.

По оси космограда, соединяя оба его полюса, протянулась черная облачная полоса. Искин «Ореола» выделил на изображении прямоугольный участок и увеличил его. Открылось новое окно. Чэн Синь с АА остолбенели: черное облако состояло из людей, плавающих в середине космо-

града! Некоторые из них сбились в кучки, другие взялись за руки, образовав цепь, но большинство летали поодиночке. Все носили шлемы и костюмы, целиком закрывающие тело, — скорее всего, космические скафандры (уже в предыдущее свое бодрствование Чэн Синь затруднялась отличить будничную одежду от скафандра). Судя по виду, каждый человек запасся комплектом жизнеобеспечения: одни носили его в ранце на спине, другие просто держали в руке. Щитки шлемов у многих были подняты, к тому же Чэн Синь видела, что в городе веет легкий ветерок; значит, там пока еще сохранялась пригодная для дыхания атмосфера. Особенно многочисленные группы собрались вокруг солнц — видимо, людям хотелось не только больше света, но и тепла. Однако холодное сияние термоядерных солнц никого не могло согреть. Серебристые лучи, пробиваясь сквозь бреши в толпе, усеивали окружающий город мельтешащими тенями.

Согласно искину «Ореола», из шести миллионов обитателей половина покинула убежище на космолетах. Остальные три миллиона... Одним просто не на чем было бежать, другие — их было большинство — понимали, что любая попытка спастись безнадежна. Даже если какие-то ко-

рабли и сумеют чудесным образом вырваться из зоны коллапса и выйти в открытый космос, то что с того? На большинстве из них отсутствует замкнутая экосистема, а значит, долго они не протянут. Доступ к звездолетам, способным выдержать бесконечно долгий полет в космосе, по-прежнему оставался привилегией очень немногих.

Поэтому люди предпочли ждать конца в месте, которое считали родным домом.

Звук в инфоокне выключен не был, но Чэн Синь ничего не слышала. Людское облако и весь город хранили пугающее молчание. Все глаза были устремлены в одну точку. Та часть города ничем не выделялась среди прочих: лабиринт улиц да ряды домов, как везде. Все ждали. В водянистом, холодном лунном свете лица людей казались бледными, как у призраков. Это зрелище напомнило Чэн Синь кровавый рассвет в Австралии 126 лет назад. Тогда ей казалось, что она смотрит на муравейник; и сейчас черное людское облако было подобно плывущему в воздухе рою летучих муравьев.

Где-то в глубине облака раздался крик. Сияющая точка появилась на городском экваторе, в том самом месте, куда все так пристально смот-

рели. Словно в крыше темного дома образовалась маленькая дырочка, в которую проникли солнечные лучи.

Именно в этом месте Европа VI пришла в соприкосновение с двумерным пространством.

Свечение быстро усиливалось, отверстие превратилось в горящий овал. Исходящий из него свет, разрезанный высокими городскими строениями на множество толстых и тонких лучей, озарил человеческое облако. Космоград напоминал огромный корабль, в днище которого образовалась пробоина, и теперь корабль тонул в море без глубины. Плоскость поднималась, как вода, и все, что приходило с ней в контакт, тотчас же становилось двумерным. Группы зданий подсекались ею, и их проекция в двумерном пространстве растекалась по плоскости. Поскольку сечение города было лишь малой частью всего сплющившегося убежища, большинство двумерных зданий распространились за оболочку космограда. Поднимающаяся и расширяющаяся плоскость напоминала огромный калейдоскоп: переливающиеся изумительными красками сложные тонкие узоры, едва проявившись, тут же разбегались в разные стороны, словно многоцветные фантастические звери. Так как в городе

все еще сохранялся воздух, можно было слышать звуки, с которыми трехмерный мир схлопывался в два измерения — хруст, скрежет, треск, — словно город был отлит из хрусталя, и теперь его раскатывал в лепешку гигантский каток.

Плоскость наступала, и люди, висящие в воздухе, начали пятиться от нее; облако превратилось в занавес, который тянула вверх невидимая рука. Эта сцена напомнила Чэн Синь увиденную ею однажды огромную стаю птиц. Стая казалась единым организмом, слаженно меняющим направление полета в сумеречном небе.

Вскоре плоскость поглотила треть космограда и, лихорадочно мерцая, продолжала подниматься к оси — безжалостная, неостановимая. Некоторые люди начали падать на нее: одни по причине отказа индивидуальных двигателей скафандра, другие потому, что не видели смысла оттягивать неизбежное. Словно капли цветной туши, они в одно мгновение расплывались по поверхности, и каждый преобразовывался в уникальную двумерную фигуру. На одном из кадров крупным планом Чэн Синь и АА увидели влюбленную пару, устремившуюся вниз, не разжимая объятий. Даже после того как они стали плоскими, можно было различить две фигуры, прильнувшие друг

к другу, — их позы казались странными, словно нарисованными неумелой рукой ребенка, не имеющего понятия о перспективе. На другом кадре мать, падая, подняла младенца над головой, чтобы тот прожил на одну десятую долю секунды дольше. Мать с ребенком тоже запечатлелись на этой гигантской картине. Плоскость поднималась, и ливень человеческих тел становился гуще. Двумерные фигуры заполняли переднюю часть полотна, а его края уходили за границы космограда.

Когда двумерное пространство достигло оси, большинство еще живых обитателей прижались к дальней от плоскости стороне убежища. От космограда оставалась теперь только половина, и люди, задирая головы «вверх», видели теперь не знакомые городские кварталы другой стороны, а хаотическое, двумерное небо, надвигающееся на еще остававшиеся трехмерными части Европы VI. Спастись через главный космический причал на северном полюсе стало невозможно, так что люди сгрудились в районе экватора, где располагались три экстренных выхода. Невесомая толпа устремилась к горам, окружающим выходы.

Двумерное пространство прошло через ось и поглотило солнца, но свет, излучающийся в про-

цессе коллапса, делал мир еще ярче.

Послышался низкий свист: это воздух начал вырываться из убежища в космос. Все три экстренных выхода вдоль экватора, каждый размером с футбольное поле, были открыты настежь; за ними все еще существовало трехмерное пространство.

Искин «Ореола» вывел вперед другое инфоокно, показывающее Европу VI из космоса. Двумерная часть города широко расплылась по невидимой ровной поверхности; быстро погружающаяся в плоскость трехмерная часть выглядела по сравнению с ней просто крохотной — словно спина кита, выглядывающая из бескрайнего океана. Три клуба черного дыма поднимались из космограда и рассеивались в пространстве; «дымом» были люди, которых яростный ветер уходящего воздуха выдувал из города. Одинокий трехмерный островок продолжал тонуть и растекаться в двумерном море. Не прошло и десяти минут, как вся Европа VI превратилась в рисунок на невидимом полотне, такой огромный, что невозможно было верно определить его площадь.

Город умер, став картиной, — хотя правильнее было бы назвать это чертежом города один к одному. Чертеж скрупулезно отображал каждую

деталь космограда, вплоть до последнего гвоздя, тончайшего волоконца, самого крошечного паучка и даже бактерии. Да что там бактерии — до атома! Каждый атом исходного трехмерного пространства проецировался в двумерное в соответствии с железными законами, гласящими: на развертке не должно быть никаких налагающихся друг на друга или скрытых частей, и каждая деталь должна быть аккуратно помещена на плоскости. Рисунок получался чрезвычайно сложный, изображение с трудом поддавалось трактовке. Можно было охватить общий план города и узнать кое-какие большие сооружения, например, гигантские дома-деревья, которые даже в двух измерениях по-прежнему походили на деревья. Но другие постройки после сплющивания становились практически неузнаваемыми; при помощи одного только воображения невозможно было по двумерной проекции восстановить их прежнюю трехмерную форму. Однако программа обработки изображений, вооруженная верной математической моделью, несомненно, смогла бы осуществить такую операцию.

В том же инфоокне вдалеке виднелась еще пара двумерных космоградов. Они были похожи на два расплющенных континента, плавающих в

темном космосе и взирающих друг на друга через плоскость. Но камера, по-видимому, установленная на дроне, тоже падала на плоскость, и вскоре экран заполнила двумерная Европа VI.

Около миллиона человек выбрались из города через экстренные выходы. Теперь, когда все окружающее их трехмерное пространство схлопывалось, люди вслед за ним падали на плоскость, словно рой мошек, попавший в водопад. Грандиозный живой ливень бомбардировал плоскость, и на ней появлялось все больше двумерных человеческих фигур. Люди, превращенные в пленку без толщины, занимали довольно много места, но все равно по сравнению со зданиями они казались крошечными и походили на маленькие, отдаленно напоминающие людей мазки на громадной картине.

В информационном окне появились другие трехмерные объекты — катера и шлюпки, покинувшие Европу VI раньше. Их термоядерные реакторы работали на полную мощность, но двумерное пространство безжалостно тянуло космолеты к себе. На одно мгновение Чэн Синь показалось, что голубое пламя двигателей прожгло эту лишенную толщины плоскость, но на самом деле плазма просто стала двумерной.

Двумерные здания корежились под действием двумерного пламени. А затем и сами катера и шлюпки влились в колоссальное полотно. Подчиняясь принципу неналожения, двумерный город растянулся еще шире, чтобы дать им место. По плоскости, словно по поверхности пруда, разошлись гигантские круги.

Камера продолжала падать на плоскость. Чэн Синь пристально всматривалась в двумерный космоград, надеясь уловить хоть какое-нибудь движение. Но нет — если не считать ряби от плазмы, плоский город был неподвижен. Точно так же обстояло дело и с двумерными людьми — они совсем не шевелились и не подавали никаких признаков жизни.

Это был мертвый мир.

Мертвая картина.

Камера продолжала приближаться к плоскости, падая на чью-то двумерную фигуру. Плоское тело вскоре заполнило весь экран, затем стали проявляться сложные рисунки мышечных волокон и кровеносных сосудов. Возможно, это был обман зрения, но Чэн Синь, кажется, уловила течение красной двумерной крови по двумерным капиллярам...

Краткая вспышка — и изображение пропало.

* * *

Чэн Синь с АА отправились к монолиту за новой порцией артефактов. У обеих было ощущение, что их миссия не имеет смысла. Понаблюдав за двумерными городами, они пришли к выводу, что при коллапсе б`ольшая часть информации из трехмерного мира сохраняется, а если что-то теряется, то на атомном уровне. Согласно принципу неналожения горные породы Плутона не смешаются с музейными артефактами, а значит, вся содержащаяся в них информация, по всей вероятности, сохранится. Но раз уж подруги взяли на себя это поручение, они должны его выполнить. Как сказал Цао Бинь, лучше делать хоть что-то, чем совсем ничего.

Выйдя из «Ореола», женщины увидели, что две сплющившиеся планеты по-прежнему висят в небе, правда, заметно потускнев. От этого появившаяся под ними длинная светящаяся полоса еще больше бросалась в глаза. Полоса пересекала весь небосвод и походила на ожерелье, составленное из многочисленных горящих пятен.

— Пояс астероидов? — спросила Чэн Синь.

— Да. Следующим будет Марс, — ответила АА.

— Марс сейчас по эту сторону Солнца.

Обе замолчали. Не глядя на расплющенный пояс астероидов, они двинулись к черному монолиту.

Следующей будет Земля.

В большом зале музея они обнаружили, что Ло Цзи уже приготовил для них дополнительные артефакты, в число которых входили китайские картины-свитки. АА развернула один. Это оказался «По реке в День поминовения усопших».

Ни Чэн Синь, ни АА больше не ощущали священного трепета при виде великих произведений искусства — по сравнению с истинным величием вселенского разрушения это были всего лишь старые картинки. Когда будущие исследователи начнут изучать грандиозное полотно, в которое превратится Солнечная система, им наверняка и в голову не придет, что вот этот прямоугольник в двадцать четыре сантиметра шириной и чуть более пяти метров длиной когда-то почитался величайшей драгоценностью.

Подруги позвали Ло Цзи с собой на «Ореол». Старик сказал, что с удовольствием взглянет на корабль, и отправился за скафандром.

Когда все трое вышли со своей поклажей из монолита, их ожидало зрелище коллапсирующей Земли.

Земля была первой твердой планетой, схлопывающейся в два измерения. По сравнению с Нептуном и Сатурном ее «три кольца» были еще более насыщены мелкими деталями — особенно желтая мантия, постепенно переходящая в темно-красное железо-никелевое ядро, — но общая площадь планеты значительно уступала газовым гигантам.

Вопреки ожиданиям, зрители не увидели даже намека на голубой цвет.

— А куда же делись наши океаны? — недоумевал Ло Цзи.

— Должны быть у внешнего края... — сказала АА. — Поняла! Двумерная вода прозрачна, поэтому мы ее не видим.

По пути к «Ореолу» все трое молчали. Они пока еще не испытывали всей полноты скорби — так человек, получивший удар острым ножом, не сразу чувствует боль.

И все же переходящая в плоское состояние Земля явила одно из своих чудес. У самого внешнего края начало проступать белое кольцо. Поначалу едва заметное, оно вскоре пришло в резкий контраст с черным фоном космоса. Кольцо безупречно белого цвета выглядело, однако, неровным по краю, словно сложенным из бесчис-

ленных гранул.

— Вот наш океан! — сказала Чэн Синь.

— В двумерном космосе вода замерзла, — добавила АА. — Там очень холодно.

— О... — Ло Цзи намеревался погладить бороду, но рука его наткнулась на щиток шлема.

Они внесли ящики с артефактами в корабль. Ло Цзи, похоже, конструкция космолета была знакома, потому что он направился прямиком в грузовой отсек, не дожидаясь, пока спутницы укажут дорогу. Корабельный искин тоже распознал старика и стал выполнять его распоряжения. Надежно закрепив ящики, все трое вернулись в жилой отсек. Ло Цзи попросил у искина чашку горячего чая, и вскоре маленький робот, о существовании которого Чэн Синь с АА даже не догадывались, доставил заказ. Очевидно, для Ло Цзи это была не первая встреча с «Ореолом». Женщины сгорали от любопытства, но сначала надо было заняться более неотложными делами.

Чэн Синь попросила искина показать им репортажи с Земли, но тот ответил, что принял лишь несколько коротких передач, визуальное и звуковое содержание которых не поддается осмыслению. На немногочисленных инфоокнах виднелись размытые изображения, снятые, по-

видимому автоматическими камерами. Искин добавил, что может показать им видео, сделанное системой наблюдения за околоземным космическим транспортом. Открылось новое большое окно — всю его ширь занимала плоская Земля.

Все трое сразу же подумали: не может быть! Они даже заподозрили, что искин нарочно сфабриковал картинку, чтобы подшутить над ними.

— Это еще что такое?! — вскричала АА.

— Это Земля около семи часов назад. Камера находится в пятидесяти астрономических единицах от планеты, угловое увеличение четыреста пятьдесят раз.

Зрители внимательно вгляделись в голографическое видео, снятое телескопом. Плоская Земля была видна очень отчетливо, «три кольца» казались даже еще более плотными, чем при наблюдении невооруженным глазом. Процесс перехода уже, по-видимому, завершился, и двумерная Земля постепенно тускнела. Но больше всего потряс наблюдателей двумерный океан — белое кольцо, опоясывающее диск планеты. Теперь они ясно различили, чем на самом деле были «гранулы». Снежинки! Невообразимо огромные снежинки, шестиугольные по форме, но каждая со своим уникальным узором, изысканные и прекрасные

настолько, что не выразить словами. Видеть их с расстояния в пятьдесят астрономических единиц — одно это уже граничило с абсурдом, но снежинки к тому же лежали бок о бок, не перекрывая друг друга, что еще больше усиливало ощущение нереальности. Преувеличенно декоративные, они казались нарисованными или вырезанными из бумаги. Замерзшее море превратилось в шедевр театрального художника.

— Какого же они размера? — изумилась АА.

— Диаметр большинства — четыре-пять тысяч километров. — Голос искина, лишенного способности удивляться, звучал по-прежнему бесстрастно.

— Больше Луны! — ахнула Чэн Синь.

Искин открыл еще несколько окон, с крупным планом снежинок. Зрителям, потерявшим ощущение масштаба, они казались теперь обычными, маленькими, просто увеличенными под микроскопом. Казалось, каждая вот-вот превратится в капельку воды, если упадет на подставленную ладонь...

— О... — Ло Цзи опять погладил бороду, на этот раз успешно.

— Как они образовались? — спросила АА.

— Не знаю, — ответил искин. — Не могу найти

сведений о процессе кристаллизации воды в астрономических масштабах.

В трехмерном пространстве снежинки образуются в соответствии с законами роста ледяных кристаллов. Теоретически эти законы не ограничивают их величину. До сих пор рекордный размер снежинки составлял тридцать восемь сантиметров в диаметре.

Никто не знал, по каким законам растут ледяные кристаллы в двумерном пространстве. В любом случае, эти законы позволяли снежинкам вымахивать до пяти тысяч километров в поперечнике.

— На Нептуне и Сатурне есть вода. Аммиак тоже может образовывать кристаллы. Почему же там мы не видели никаких снежинок? — спросила Чэн Синь.

И на этот вопрос искин не знал ответа.

Ло Цзи прищурился, любуясь двумерной Землей.

— А что, океан выглядит очень даже красиво, не находите? Только Земля и заслуживает такого прекрасного венка на могилу.

— А мне очень хотелось бы увидеть, как выглядят леса, как выглядят степи, как выглядят древние города, — медленно проговорила Чэн

Синь.

И тут наконец до них дошел трагизм происшедшего. АА начала всхлипывать. Чэн Синь отвела глаза от океана снежинок и беззвучно заплакала. Ло Цзи покачал головой, вздохнул и пригубил чай. Их скорбь несколько уменьшало сознание того, что в конце концов двумерное пространство станет и их домом тоже.

Они обретут вечный мир на одной плоскости с матерью-Землей.

* * *

Подруги и Ло Цзи решили, что пора отправиться в третий поход к монолиту. Выйдя из «Ореола» и подняв глаза к небу, они увидели три двумерные планеты. Нептун, Сатурн и Земля выросли в размерах, пояс астероидов стал шире. И это не было галлюцинацией. Они спросили искина. Тот ответил:

— Навигационные приборы фиксируют раскол в существующей системе ориентиров. Система ориентиров номер один функционирует как раньше; ориентиры, которые она использует — Солнце, Меркурий, Марс, Юпитер, Уран, Плутон, часть астероидов и объекты из пояса Койпера — соответствуют критериям узнавания. Система

ориентиров номер два, напротив, претерпела разительные перемены. Нептун, Сатурн, Земля и некоторые астероиды потеряли свои характеристики как объекты ориентировки. Система ориентиров номер один движется по направлению к системе ориентиров номер два, что и обусловливает феномен, который вы наблюдаете.

В другой части небосвода на фоне звезд возникли мириады светлячков — это были космические корабли, пытающиеся вырваться из Солнечной системы. За некоторыми голубыми плазменными огнями тянулись длинные шлейфы. Три космолета пронеслись довольно близко к Плутону; слепящее пламя их двигателей, работающих на полной тяге, озарило троих наблюдателей, по земле побежали длинные тени. Ни один из кораблей не пытался совершить посадку на Плутон.

Но убежать из зоны коллапса было невозможно. Слова корабельного искина означали вот что: трехмерное пространство Солнечной системы было как огромный ковер, который невидимые руки тянули в двумерную пропасть. Эти космолеты были не чем иным, как улитками, ползущими по ковру, — они не могли сколько-нибудь значительно оттянуть неизбежное.

— Идите-ка вперед одни, — сказал Ло Цзи. — Возьмите, что под руку попадется. Я подожду здесь. Не хочу пропустить такое. — Чэн Синь и АА поняли, что он имел в виду под «таким», но им самим вовсе не хотелось стать свидетелями этой сцены.

В подземном хранилище подруги действительно взяли, что попалось под руку, — не было настроения копаться и выбирать. Чэн Синь хотела прихватить с собой череп неандертальца, но АА отшвырнула его в сторону.

— На этой картине черепов будет хоть завались, — сказала она.

Чэн Синь признала, что подруга права. Самые ранние неандертальцы жили на Земле всего несколько сот тысяч лет назад. По наиболее оптимистичным расчетам первые посетители появятся в плоской Солнечной системе еще через несколько сотен тысяч лет. Они не увидят разницы между неандертальцами и современными людьми. Чэн Синь окинула взглядом другие артефакты — ни один не привлек к себе ее внимания. И для них с АА в настоящее время, и для невообразимых исследователей в будущем все эти предметы — ничто по сравнению умирающим миром.

Они бросили последний взгляд на полутемный зал и ушли, унося с собой немногие артефакты. Мона Лиза смотрела им вслед и улыбалась злобной, внушающей ужас улыбкой.

Выйдя на поверхность, они увидели в небе еще одну сплющившуюся планету — Меркурий (Венера сейчас находилась по другую сторону Солнца). Меркурий был меньше плоской Земли, зато сиял гораздо ярче, поскольку стал двумерным только что.

Разместив поклажу в грузовом отсеке, Чэн Синь с АА вышли из «Ореола». Ло Цзи ждал снаружи, опершись о трость.

— Довольно, — сказал он. — Думаю, этого хватит. Тащить еще что-то бессмысленно.

Девушки согласились. Они стояли рядом с Ло Цзи на поверхности Плутона и ожидали самой величественной сцены этой трагедии — перехода Солнца в двумерное состояние.

В этот момент Плутон находился в сорока пяти астрономических единицах от светила. Раньше, когда Плутон и Солнце были в одном регионе трехмерного космоса, расстояние между ними оставалось одним и тем же. Но сейчас Солнце пришло в соприкосновение с плоскостью и перестало двигаться, тогда как Плутон вместе с окружаю-

щим его пространством продолжал падать на плоскость. Поэтому расстояние между звездой и карликовой планетой быстро сокращалось.

Когда Солнце начало переходить в двумерное состояние, невооруженным глазом можно было лишь видеть, что его яркость и размеры внезапно сильно увеличились. Последнее объяснялось быстрым разрастанием той части светила, что стала плоской, но издали казалось, будто увеличивается все Солнце. Искин «Ореола» спроецировал наружу большое инфоокно, демонстрирующее голографический репортаж, снятый телескопом; но по мере того как Плутон подходил все ближе к Солнцу, великая трагедия перехода светила в два измерения стала доступна невооруженному глазу.

Как только начался коллапс Солнца, по плоскости стал расползаться круг. Вскоре диаметр сплющившейся части Солнца превзошел поперечник остальной его части. Этот процесс занял лишь тридцать секунд. Принимая во внимание, что средний радиус звезды составлял 700 тыс. км, ободок двумерного Солнца рос со скоростью 20 тыс. км в секунду. Звезда продолжала расширяться, по плоскости растекалось кроваво-красное море огня, и трехмерное Солнце медленно тонуло

в нем.

Четыре века назад Е Вэньцзе стояла на горе, где когда-то находилась военная база «Красный Берег», и наблюдала за своим последним в жизни заходом солнца. Ее сердце, борясь за каждый удар, трепетало, как готовая вот-вот лопнуть струна, и черный туман застилал ей глаза. На западном горизонте солнце, опускавшееся в сплошное море облаков, казалось, плавилось, и кровь его растекалась багровым озером. «Это закат человечества», — сказала Е Вэньцзе.

А сейчас Солнце плавилось на самом деле, и его кровь растекалась по смертоносной плоскости. Это был последний закат.

Вдалеке, за пределами посадочной площадки, от почвы поднимался белый туман — твердые азот и аммиак начали испаряться. Новорожденная атмосфера рассеивала солнечный свет, и небо больше не выглядело абсолютно черным — оно приобрело пурпурный оттенок.

Трехмерное Солнце заходило, и восходило двумерное. Плоская звезда продолжала светить — двумерную Солнечную систему впервые озарили солнечные лучи. Обращенные к светилу одномерные края четырех двумерных планет — Нептуна, Сатурна, Земли и Меркурия — золоти-

сто засияли. Огромные снежинки, окружающие Землю, расплавились и превратились в белый пар, тоже окрасившийся в золото; двумерный солнечный ветер унес его в двумерный космос. Наблюдателям казалось, будто у Земли появилась грива, развевающаяся на ветру.

Прошел еще час, и Солнце окончательно схлопнулось в два измерения.

С Плутона оно выглядело гигантским овалом. Двумерные планеты были по сравнению с ним просто крохотными пятнышками. Вместо «колец», какие были у планет, Солнце разделялось на три широких концентрических пояса вокруг центрального ядра. Центр, чрезвычайно яркий, так что не было никакой возможности разобрать детали, по-видимому, соответствовал ядру изначального Солнца. Широкое кольцо вокруг ядра, по всей вероятности, соответствовало изначальной зоне лучистого переноса. Это был кипящий, ярко-алый двумерный океан, в котором быстро образовывались некие структуры, смахивающие на соты, делились, объединялись и распадались... Сущий хаос, если смотреть на каждый процесс в отдельности, но если подходить с позиций целого, то в хаосе проявлялись порядок и последовательность. Снаружи это кольцо окружало

то, что изначально было зоной конвекции. Как в исходном Солнце, текучая звездная материя передавала тепло в космос. Но в отличие от хаотической зоны лучистого переноса, новая конвективная зона имела четкую структуру, состоящую из многих кольцеобразных конвективных петель, подобных друг другу по форме и размерам и аккуратно располагающихся бок о бок. Внешним слоем была солнечная атмосфера. Многочисленные золотые потоки срывались с округлого края диска; двумерные протуберанцы походили на грациозных танцоров, выделывающих замысловатые коленца вокруг светила. Некоторые из «танцоров» даже умудрялись отрываться от звезды и уплывали далеко в двумерную вселенную.

— Солнце все еще живое, хоть оно и двумерное? — спросила АА, этими словами выразив надежду, теплившуюся во всех троих наблюдателях. Всем им хотелось, чтобы Солнце продолжало посылать свет и тепло в двумерное пространство, несмотря на то, что там больше нет жизни.

Но их надеждам не суждено было сбыться.

Плоское Солнце начало меркнуть. Сияние ядра быстро угасало, и вскоре в нем стали различаться тонкие кольцеобразные структуры.

Зона лучистого переноса тоже успокаивалась, кипение улеглось и превратилось в медленное волнообразное движение. Петли конвективной зоны деформировались, оторвались друг от друга и вскоре пропали. Золотые танцовщики у края диска потеряли всю свою живость и увяли, как сухие листья. Единственное, что можно было с уверенностью утверждать, — это что гравитация сохранялась и в двумерном пространстве. Танцующие протуберанцы потеряли опору солнечного излучения и под действием тяготения начали втягиваться обратно в диск. Наконец, «танцовщики», полностью поддавшись гравитации, впали в летаргию; атмосфера звезды стала просто тонким, гладким кольцом, обернувшимся вокруг Солнца. Звезда угасала, и золотые дуги вдоль краев двумерных планет тоже меркли; плоская грива Земли — бывший океан — утеряла свое золотистое сияние.

Все создания трехмерного мира умирали, оказавшись в двумерном. Ничто не могло выжить на картине, лишенной толщины.

Возможно, в двумерном пространстве могут существовать солнца, планеты и жизнь, но они должны формироваться и функционировать по совершенно другим законам.

* * *

Пока трое «плутониан» наблюдали за Солнцем, в двумерное состояние перешли Марс и Венера. По сравнению с коллапсом светила схлопывание этих планет не представляло собой ничего особенного. Плоские Марс и Венера, подобно Земле, состояли все из тех же трех колец. В коре Марса у самого края диска виднелось много каверн — эти места содержали воду; по всей видимости, воды на Марсе было гораздо больше, чем предполагалось. Через некоторое время вода тоже стала белой и непрозрачной, но громадные снежинки в ней не образовались. Зато вокруг Венеры они появились, но в гораздо меньшем количестве, чем на Земле, и венерианские снежинки были желтого цвета, потому что состояли не из воды.

Еще через некоторое время плоскими стали и астероиды по эту сторону Солнца. Ожерелье замкнулось в круг.

Крошечные снежинки — трехмерные — посыпались со слегка окрашенного пурпуром неба Плутона. Те самые азот и аммиак, что испарились при выбросе энергии из коллапсирующего Солнца, теперь, когда Солнце затухало и температура понижалась, замерзали, превращаясь в снег.

Снегопад становился все гуще, и вскоре монолит и «Ореол» покрылись толстым слоем снега. Хотя облака в небе Плутона отсутствовали, за занавесом снегопада двумерные Солнце и планеты выглядели нечеткими, размытыми. Мир стал казаться меньше.

— Послушайте, это ж совсем как дома! — АА обеими руками загребла снег.

— Только что подумала о том же, — кивнула Чэн Синь. Раньше она тоже полагала, что снег — это уникальное, чисто земное явление, и гигантские снежинки укрепили ее в этом убеждении. Снег, падающий в этом далеком темном мире на краю Солнечной системы, как ни странно, согрел ей душу, напомнив о родном доме.

Ло Цзи, наблюдая, как девушки пытаются поймать снежинки, прикрикнул:

— Но-но, разбаловались! Не вздумайте стянуть перчатки!

Чэн Синь действительно хотелось сдернуть перчатки и ловить снег голыми руками. Как было бы хорошо ощутить его прохладу, увидеть, как хрустальные снежинки растают, согретые теплом ее ладоней... Но, конечно же, у нее хватило здравого смысла не поддаться порыву. Азотно-аммиачные снежинки имели температуру —210

градусов Цельсия. Если бы Чэн Синь сняла перчатки, ее руки стали бы твердыми и хрупкими, как стекло, и ощущение, что она на Земле, исчезло бы в мгновение ока.

— Дома больше нет, — сказал Ло Цзи, покачал головой и оперся на трость. — Наш дом теперь всего лишь рисунок.

Снегопад продлился недолго. Снежинки поредели, и пурпурный оттенок азотно-аммиачной атмосферы исчез. Небо снова стало идеально прозрачным и черным. Солнце и планеты увеличились в размерах, что означало только одно: Плутон еще больше приблизился к двумерной пропасти.

Когда снегопад прекратился, у горизонта загорелся яркий свет. Интенсивность его быстро росла и вскоре затмила затухающее двумерное Солнце. Хотя «плутониане» не могли видеть подробностей, они поняли, что это Юпитер, самая большая планета Солнечной системы, падает на плоскость. Плутон вращается медленно, а та часть Солнечной системы, которая стала двумерной, ушла за горизонт; поэтому наблюдатели думали, что не увидят коллапса Юпитера. Однако, должно быть, скорость схлопывания в два измерения нарастала.

Они попросили искина «Ореола» поискать передачи с Юпитера. ИИ смог показать лишь немногие фотографии и видео, на большинстве которых нельзя было ничего разобрать. Зато до «плутониан» дошли звуковые сообщения. Все каналы коммуникации были забиты шумом — в основном человеческими голосами, как будто оставшееся нетронутым пространство Солнечной системы заполнилось бурным людским морем. Голоса кричали, вопили, рыдали, истерически хохотали... А некоторые пели. Хаотический фоновый шум не позволял понять, *что* именно они пели; слышно было лишь, что голоса звучали стройно и гармонично. Торжественная музыка. Гимн. Чэн Синь спросила искина, нельзя ли послушать какие-либо официальные сообщения от правительства Федерации. Искин ответил, что все правительственные коммуникации прекратились, когда Земля стала плоской. Итак, правительство Федерации не сдержало обещания исполнять свои обязанности до самого конца.

Космолеты, пытающиеся спастись, продолжали мчаться мимо Плутона.

— Дети, вам пора, — сказал Ло Цзи.

— Летим с нами! — воскликнула Чэн Синь.

Ло Цзи покачал головой и улыбнулся:

— А смысл? — Он указал тростью на монолит: — Здесь мне намного удобнее.

— Ладно. Подождем, пока Уран не превратится в блин — так мы проведем с вами больше времени, — предложила АА. И в самом деле, какой смысл настаивать? Даже если Ло Цзи и полетит с ними на «Ореоле», это лишь отсрочит неминуемое на какой-нибудь час. Он ему не нужен, этот час. Если уж на то пошло, не будь у Чэн Синь с АА поручения, которое надо выполнить, они тоже не стали бы оттягивать неизбежное.

— Нет. Вам нужно улетать сейчас! — Ло Цзи сердито стукнул палкой о землю, отчего сам тут же подлетел вверх. — Никто не знает, насколько быстрее идет сейчас коллапс. Вы должны выполнить вашу задачу! Будем держать связь по радио — это все равно что оставаться вместе.

Чэн Синь мгновение колебалась, затем кивнула:

— Хорошо. Мы улетаем. Будьте на связи!

— Конечно. — Ло Цзи отсалютовал им тростью, повернулся и направился к монолиту. При низкой гравитации он почти летел над заснеженной поверхностью и вынужден был пользоваться своей палкой как тормозом. Женщины смотрели ему вслед, пока слегка согбенная фигура Отвернувше-

гося, Держателя Меча и наконец кладбищенского сторожа человечества не исчезла за дверью монолита.

Подруги вернулись на «Ореол». Яхта незамедлительно взлетела, разбрасывая выхлопом снег во все стороны. Вскоре корабль достиг плутонианской первой космической скорости, которая лишь едва-едва превышает один километр в секунду, и вышел на орбиту. В иллюминаторы и на экране монитора женщины наблюдали, как белые линии, разделенные синими и черными участками плутонианской поверхности, вновь складываются в слова «Цивилизация Земли», написанные различными алфавитами на разных языках, но только теперь их покрывал снег, делая почти неразличимыми.

«Ореол» пересек пространство от Плутона до Харона, как будто перелетел через узкий каньон — так близко друг к другу находились оба небесных тела.

По этому самому «каньону» сейчас мчались мириады звездочек — это были корабли, пытающиеся спастись. Все они двигались быстрее «Ореола». Один космолет пронесся всего в ста километрах от них, сияние его факела осветило гладкую поверхность Харона. Подруги ясно

различили треугольный силуэт корабля и десятикилометровое голубое пламя, вырывающееся из сопел.

Искин объяснил:

— Это «Микены», планетолет среднего класса без замкнутой системы жизнеобеспечения. После ухода из Солнечной системы его пассажиры не протянут и пяти лет, даже если направить на удовлетворение их нужд все ресурсы корабля.

Искин не знал, что этот космолет вообще не сможет покинуть Солнечную систему. Ему, как и всем остальным, осталось жить в трехмерном пространстве не больше трех часов.

«Ореол» вылетел из «каньона» между Плутоном и Хароном и, оставив позади два темных мира, направился в открытый космос. Теперь Чэн Синь и АА видели целиком и плоское Солнце, и Юпитер, процесс перехода которого в двумерное состояние подходил к концу. Сейчас уже почти вся Солнечная система, за исключением Урана, стала плоской.

— О боже мой! — вскричала АА. — Звездное небо!

Чэн Синь поняла, что подруга говорит о картине Ван Гога. И в самом деле, то, что представилось сейчас их глазам, походило на живописное по-

лотно. Картина Ван Гога, какой ее помнила Чэн Синь, была едва ли не идеальным отображением плоской Солнечной системы! Все пространство занимали гигантские планеты; они, казалось, были намного больше, чем промежутки между ними. И все же необъятность планет нисколько не придавала им ощущения материальности, прочности. Скорее они выглядели как завихрения в пространстве-времени. В этой странной вселенной каждая часть космоса текла, закручивалась, металась между безумием и ужасом, словно неистовое пламя, исходящее не жаром, а холодом. Солнце и планеты — все материальное, все сущее — казалось лишь галлюцинацией, порожденной возмущением пространства-времени...

Чэн Синь сейчас стало понятным то странное чувство, которое каждый раз возникало в ней при взгляде на полотно Ван Гога. Всё на картине — деревья, словно охваченные пламенем, дома и горы в ночи — имело глубину и перспективу, но звездное небо над ними утеряло трехмерность.

Совсем как та картина, что висела сейчас в космосе, «Звездная ночь» была двумерной.

Но как смог художник написать такое в 1889 году?! Возможно ли, что во время второго приступа безумия он при помощи одного только своего

духа и отягощенного бредом сознания перенесся через пять столетий и увидел то, что видели сейчас Чэн Синь с АА? Или, может быть, все было наоборот: Ван Гог прозрел будущее, и вид этого Страшного суда стал причиной его безумия и последующего самоубийства?

— Дети, с вами все в порядке? Что вы собираетесь делать дальше?

В инфоокне появился Ло Цзи. Он снял скафандр, и его белые волосы и борода струились при низкой гравитации, словно в воде. За спиной старика виднелся туннель, которому предназначалось существовать сто миллионов лет.

— О, а вот и вы! — отозвалась АА. — Мы собираемся выбросить артефакты в открытый космос. Но не все. Оставим себе «Звездное небо».

— А я считаю, вы не должны выбрасывать ни одного. Оставьте себе всё. Забирайте их и улетайте!

Подруги переглянулись.

— Куда улетать? — спросила АА.

— Да куда хотите. В любую точку Млечного Пути. Вам хватит срока вашей жизни, чтобы

добраться до Туманности Андромеды[63]. «Ореол» способен летать со скоростью света. Он оборудован единственным в мире двигателем, искривляющим пространство.

Чэн Синь и АА потеряли дар речи.

— Я входил в группу ученых, которые в полной тайне работали над созданием пространственного двигателя, — проговорил Ло Цзи. — После смерти Уэйда его соратники не сдались. Когда те, кто сидел в тюрьме, вышли на свободу, они построили новую секретную исследовательскую базу, а ваш концерн «Гало» оправился от удара и развился достаточно, чтобы финансировать проект. Хотите знать, где помещалась тайная база? На Меркурии — одном из наименее посещаемых мест Солнечной системы. Четыреста лет назад другой Отвернувшийся, Мануэль Рей Диас, взорвал там сверхгигантскую звездно-водородную бомбу. Образовался огромный кратер. Базу соорудили в этом кратере, целиком накрыв ее куполом. Строительство заняло тридцать лет. А миру объявили, что это центр изучения солнечной активности.

---

[63] Примечания: 63

Туманность Андромеды — одна из ближайших к нам больших галактик, до нее примерно 2,56 млн световых лет. Но для тех, кто путешествует с околосветовой скоростью, время замедляется. — *Прим. перев.*

Яркий луч света пронзил иллюминатор. АА и Чэн Синь не обратили на него внимания, но бортовой искин сообщил, что это Уран «меняет свое состояние», то есть теперь и он становится двумерным. Нетронутым оставался один лишь Плутон.

— Через тридцать пять лет после смерти Уэйда на меркурианской базе возобновились исследования по пространственному двигателю. Ученые продолжили с того места, где остановились, то есть когда им удалось передвинуть двухмиллиметровый сегмент твоих волос на два сантиметра. Работы продолжались полвека, иногда прерываясь по разным причинам, и постепенно перешли от теории к технологии. На последних стадиях требовалось провести полномасштабные испытания двигателя. Для базы на Меркурии это оказалось большой проблемой, потому что ее ресурсы ограниченны, а эксперимент оставил бы весьма заметные следы, которые выдали бы всем истинные цели исследований. Вообще-то, принимая во внимание интенсивный характер перевозок на базу и с нее в течение более чем пятидесяти лет, трудно поверить, чтобы федеральное правительство не заподозрило, чем она занимается. Но до тех пор пока масштаб опытов

был невелик и проводились они под прикрытием других проектов, власти закрывали глаза на деятельность базы. Когда же пришло время полномасштабных испытаний, потребовалось содействие правительства. Мы обратились к нему... и дело пошло как по маслу.

— Неужели они отменили законы, запрещающие световые корабли? — спросила Чэн Синь.

— Да нет, куда там! Правительство стало сотрудничать с нами, потому что... — Ло Цзи запнулся и стукнул тростью об пол. — Но об этом потом. Несколько лет назад мы сделали три двигателя и провели три испытания на беспилотниках. Двигатель номер один достиг скорости света примерно в ста пятидесяти астрономических единицах от Солнца и вернулся, некоторое время пролетев на этой скорости. Для самого двигателя путешествие длилось всего минут десять, но у нас прошло три года. Второй эксперимент проводился с двигателями номер два и три одновременно. В настоящий момент оба находятся за облаком Оорта и вернутся в Солнечную систему примерно через шесть лет. Двигатель номер один, который успешно прошел испытания, установлен на «Ореоле».

— Но какой же смысл посылать нас с Чэн Синь

одних?! — воскликнула АА. — С нами должно быть по меньшей мере двое мужчин!

Ло Цзи покачал головой.

— Не было времени. Сотрудничество между концерном «Гало» и правительством держалось в тайне. Мало кто знал о существовании двигателей, искривляющих пространство, а о том, на каком корабле установлен единственный двигатель, оставшийся в Солнечной системе, не знал вообще практически никто. К тому же это было слишком опасно. Кто может сказать, на что способны люди, когда приходит конец света? Все передрались бы за место на «Ореоле», и, быть может, в конце концов от него вообще осталась бы только кучка обломков. Поэтому нам надо было увести «Ореол» из Мира Убежищ до официального объявления об атаке «темного леса». Нет, времени действительно не оставалось. Цао Бинь выслал «Ореол» на Плутон, потому что хотел, чтобы вы забрали меня с собой. Лучше бы он дал ему уйти в отрыв на скорости света прямо от Юпитера!

— Почему вы не поехали с нами?! — завопила АА.

— Я и так уже слишком зажился. Даже если бы я отправился на этом корабле, то долго бы не

протянул. Лучше закончу жизнь кладбищенским сторожем.

— Мы возвращаемся за вами! — сказала Чэн Синь.

— Не смейте! Времени у вас уже почти не осталось!

Трехмерное пространство, в котором они находились, все быстрее устремлялось к двумерной бездне. Солнце, которое к этому моменту погасло окончательно и выглядело необъятным багровым мертвым морем, занимало почти весь обзор «Ореола». Чэн Синь и АА заметили, что плоскость была не совсем плоской — она волнообразно колыхалась! Длинная волна катилась от одного края к другому. Это походило на складки в трехмерном пространстве, позволявшие «Синему космосу» и «Гравитации» находить точки прокола — входы в четырехмерное пространство. Волна проявлялась даже в местах плоскости, лишенных двумерных объектов, и была визуализацией двумерного пространства в трех измерениях. Это явление возникало только тогда, когда плоскость достигала определенного размера.

На «Ореоле» искажение континуума, происходящее под влиянием ускоренного процесса схлопывания космоса, стало проявляться все

значительнее по мере того, как пространство стягивалось в направлении плоскости. Чэн Синь обнаружила, что круглые иллюминаторы кажутся овальными, а стройная АА теперь выглядит коренастой коротышкой. Но ни одна из подруг не ощущала дискомфорта, и системы космолета работали исправно.

— Возвращаемся на Плутон! — скомандовала Чэн Синь искину. Затем, повернувшись к инфоокну, в котором был Ло Цзи, сказала: — Мы летим обратно. Время у нас есть — Уран все еще в процессе перехода.

Искин бесстрастно ответил:

— Среди всех зарегистрированных пользователей наивысший уровень доступа принадлежит Ло Цзи. Только он может отдать команду «Ореолу» возвратиться на Плутон.

Лицо Ло Цзи улыбалось в темном туннеле.

— Если бы я хотел улететь, я бы так и сделал. Но я слишком стар для таких далеких поездок. Не волнуйтесь обо мне, детки! Как я уже говорил, я ни о чем не жалею. Приготовиться включить пространственный двигатель!

Последние слова были обращены к корабельному ИИ.

— Параметры курса? — спросил тот.

— Продолжайте следовать тем курсом, которым идете. Я не знаю, куда вы хотите лететь, да думаю, вы и сами не знаете. А если вы все-таки уже наметили пункт назначения, просто укажите его на звездной карте. Корабль способен автоматически проложить курс к большинству звезд в радиусе пятидесяти тысяч световых лет.

— Подтверждено, — сказал искин. — Запускаю пространственный двигатель через тридцать секунд.

— Нам надо принять состояние погружения? — спросила АА, хотя и понимала, что при *таком* ускорении (если речь идет об обычном двигателе, не о релятивистском) во что ни погружайся, результат один — от живого человека остается лепешка.

— От вас не требуется никаких приготовлений, — ответил искин. — Наш способ движения основан на манипулировании пространством, поэтому никакой перегрузки не будет. Двигатель, искривляющий пространство, запущен. Все системы работают нормально. Местный радиус кривизны 23,8. Отношение кривизны пространства впереди по курсу к местному 3,41:1. «Ореол» достигнет скорости света через шестьдесят четыре минуты восемнадцать секунд.

Чэн Син и АА показалось, будто искин дал команду «стоп», потому что вдруг настала тишина. Понятно — шум исчез, так как выключился термоядерный двигатель. В недоумение их привело то, что гул реактора и выхлопа пропал, не сменившись каким-либо иным звуком. Было сложно поверить, что включился какой-то другой двигатель.

Но тут появились признаки того, что этот самый двигатель и вправду работает. Искажения пространства постепенно исчезли: иллюминаторы снова стали круглыми, АА «похудела». Выглянув в иллюминатор, подруги увидели другие корабли — те все еще обгоняли «Ореол», но двигались теперь значительно медленнее.

Бортовой искин стал транслировать сообщения, которыми обменивались спасающиеся космолеты, — скорее всего потому, что эти сообщения касались «Ореола».

— Посмотри на этот корабль! Как он может ускоряться так быстро?! — крикнула женщина.

— Ох! Люди внутри, наверно, уже превратились в котлету! — сказал мужской голос.

Тут заговорил другой мужчина:

— Идиоты! При таком ускорении сам корабль стал бы котлетой! А ему хоть бы что! Это не тер-

моядерный двигатель, это что-то совсем другое!

— Двигатель, искривляющий пространство? Это что — световой корабль?! Это световой корабль!

— Значит, слухи были верны! Они тайком построили светолеты, чтобы спастись самим...

— А-а-а-а-а-а!..

— Эй, кто там есть впереди? Остановите эту посудину! Протараньте ее! Если мы умрем, пусть все умрут!

— Они могут достичь скорости убегания! Они могут спастись и жить дальше! А-а-а! Я хочу световой корабль! Остановите их, остановите их! Убейте всех, кто на борту!

Тут раздался еще один крик — на этот раз кричала АА внутри «Ореола»:

— Два Плутона? Как это может быть — два Плутона?!

Чэн Синь повернулась к инфоокну, в которое смотрела АА. Окно показывало картинку Плутона, которую передавали наблюдательные системы «Ореола». Хотя планета находилась на некотором отдалении, было четко видно, что и Плутон, и Харон раздвоились. Двойники висели бок о бок. Чэн Синь обратила внимание, что некоторые другие плоские объекты в двумерном

космосе тоже удвоились. Эффект был сродни тому, когда при помощи специальной программы выбирается фрагмент картинки, клонируется, а потом помещается рядом с исходным объектом.

— Это потому, что свет внутри оставляемого «Ореолом» следа замедляется, — объяснил Ло Цзи. Его изображение в окне исказилось, но голос оставался ясно слышимым. — Плутон все еще движется. Один из Плутонов, которые вы наблюдаете, — это результат замедления света. Как только Плутон вышел из следа «Ореола», обычная скорость света донесла до вас второе его изображение. Вот почему у вас в глазах двоится.

— Свет замедляется? — Чэн Синь поняла, что ей только что открыли великую тайну.

Ло Цзи продолжал:

— Я знаю, что вы догадались о принципе пространственного движителя, глядя на бумажную лодочку, которую толкало вперед мыло. Дайте-ка спрошу: после того как она уткнулась в противоположный бортик ванны, вы перенесли ее обратно и повторили опыт?

Нет, они этого не сделали. Боясь софонов, Чэн Синь с деланой небрежностью отбросила бумажный кораблик в сторону. Но легко догадаться, что было бы, если бы они повторили эксперимент.

— Кораблик не пошел бы вперед или пошел бы, но очень медленно, — проговорила Чэн Синь. — После первого прохода поверхностное натяжение воды в ванне было бы уже меньше.

— Правильно. То же самое верно и в отношении корабля с пространственным двигателем. След его изменяет саму структуру пространства. Если второй такой же корабль поместить в след первого, он едва сдвинется с места. Находясь внутри следов, оставленных световыми кораблями, нужно задействовать более мощный пространственный двигатель. В таком космосе будет все еще возможно достичь наивысшей из возможных скоростей, но сама эта скорость будет намного ниже, чем максимальная скорость первого корабля. Другими словами, скорость света в вакууме внутри следа светового корабля понижается.

— И насколько?

— Теоретически до нуля, хотя в реальности это невозможно. Но если ты настроишь двигатель «Ореола» на максимум кривизны, то сможешь понизить скорость света в следе до той самой, которой мы и добивались: 16,7 километра в секунду.

— И тогда у вас получился бы... — протянула АА, не отрывая глаз от Ло Цзи.

«Черный домен», — подумала Чэн Синь.

— Черный домен, — сказал Ло Цзи. — Конечно, одного-единственного корабля недостаточно, чтобы построить черный домен для целой звезды и ее планетной системы. Мы подсчитали, что для этого потребуется тысяча кораблей с пространственными двигателями. Если бы все эти корабли стартовали около Солнца и разошлись в разных направлениях на скорости света, их следы расширились бы и объединились между собой, формируя сферу, в которой поместилась бы вся Солнечная система. Скорость света в такой сфере равнялась бы 16,7 километра в секунду, и получилась бы черная дыра с пониженной скоростью света, то есть черный домен.

— Значит, черный домен — это результат «выхлопа» световых кораблей...

В космосе след двигателя, искривляющего пространство, может служить как знаком опасности, так и мирным посланием. След, находящийся далеко от мира, относится к первой категории; след, окутывающий мир целиком — ко второй. Это как веревочная петля: она означает опасность и агрессию, когда ее держат в руке; но она же означает безопасность, когда надета на шею того, кто ее держит.

— Верно, но мы узнали об этом слишком поздно. В наших разработках экспериментаторы опережали теоретиков. Ты должна бы знать, что таков стиль Уэйда. Многие открытия, сделанные во время опытов, не могли получить теоретического объяснения, и некоторым явлениям подобного рода попросту не придавали значения. В первые годы исследований — когда самым большим достижением уэйдовской команды стало перемещение твоих волос — устройство, искривляющее пространство, оставляло маленькие, незначительные следы, и никто не обращал на них внимания, хотя было достаточно признаков того, что происходит что-то странное. Например, после того как след расширился, пониженная скорость света повлияла на квантовые микросхемы стоящего рядом компьютера, и тот забарахлил. Вот только никому в голову не пришло увязать эти два события. Позже, когда масштабы экспериментов увеличились, тайна следа наконец была раскрыта. Именно из-за этого открытия правительство и согласилось сотрудничать с нами. Фактически, они направили все доступные им ресурсы на разработку светолетов, просто случилось это слишком поздно. — Ло Цзи покачал головой и вздохнул.

Чэн Синь договорила за него то, что он не решался сказать:

— Тридцать пять лет прошло между инцидентом с Гало-Сити и окончанием строительства базы на Меркурии. Тридцать пять драгоценных лет были потрачены впустую.

Ло Цзи кивнул. Чэн Синь показалось, что во взгляде, которым он смотрит на нее, нет больше доброты. В глазах старика пылал огонь Страшного суда. Они словно кричали: «Видишь, что ты наделала!»

Теперь Чэн Синь понимала, что из трех способов выживания человечества — проекта космических убежищ, плана черного домена и создания кораблей, способных летать со скоростью света, — только последний был верным.

Юнь Тяньмин ясно указал на него, но она поставила на этом пути преграду.

Не останови она Уэйда, Гало-Сити добился бы независимости. Даже если бы она не продлилась долго, им бы удалось обнаружить эффекты светового следа и изменить отношение правительства к светолетам. У человечества тогда было бы достаточно времени для сооружения тысячи таких кораблей и образования черного домена. А тогда не последовало бы и удара «темного леса»...

Человечество разделилось бы на две части: тех, кто хочет улететь к звездам, и тех, кто хочет остаться в черном домене и жить в счастье и покое. Каждый получил бы то, чего желал.

Итак, она совершила очередную роковую ошибку.

Дважды Чэн Синь занимала позицию в иерархии власти, уступающую разве что только самому Господу Богу, и оба раза она столкнула мир в пропасть во имя любви. Только на этот раз никто не мог исправить то, что она натворила.

Чэн Синь почувствовала нарастающую ненависть к Уэйду. Она ненавидела его за то, что он сдержал свое слово. Зачем он это сделал? Мужская гордыня взыграла или и в самом деле решил поступить по чести? Уэйд не знал об эффекте следа. Цель, к которой он стремился, изучая способы полета со скоростью света, красноречиво выразил тот безымянный боец: они боролись за свободу, за возможность жить среди звезд, за миллиарды и миллиарды новых космических миров. Она была убеждена: знай Уэйд о том, что светолет — это единственный путь к спасению человечества, он наплевал бы на свою клятву.

Ладно, хватит перекладывать свою ответственность на других. Неважно, на какой она там

позиции после Бога, — она обязана исполнить свой долг.

Недавно на Плутоне Чэн Синь пережила момент самого большого в жизни умиротворения. Вид конца света принес ей покой: вся ответственность позади, все треволнения и страхи тоже. Жизнь проста и чиста, как в то мгновение, когда покидаешь материнское лоно. Оставалось лишь мирно ждать поэтического, живописного во всех смыслах конца, когда и она сама станет частью гигантского художественного полотна Солнечной системы.

Но сейчас все перевернулось с ног на голову. В ранней космологии обнаружился парадокс: если Вселенная бесконечна, то каждая ее точка должна ощущать кумулятивный эффект тяготения, источником которого является бесконечное число небесных тел. Чэн Синь и вправду ощущала сейчас бесконечное тяготение. Эта сила, исходящая из всех концов Вселенной, безжалостно рвала на куски душу молодой женщины. Ужас ее последних мгновений в качестве Держателя Меча 127 лет назад всплыл на поверхность, а четыре миллиарда лет истории навалились на нее всей своей тяжестью, грозя раздавить. Небо заполнилось мириадами взирающих на нее

глаз динозавров, трилобитов, муравьев, птиц, бабочек... На нее смотрели сто миллиардов пар глаз, принадлежавших всем людям, когда-либо жившим на Земле.

И еще на нее смотрели глаза АА. Чэн Синь поняла, что говорил взгляд подруги: «Вот ты и испытала кое-что пострашнее смерти».

Чэн Синь знала, что у нее нет иного выбора, кроме как продолжать жить. Они с АА единственные из всего рода людского, кто выживет. Ее смерть будет означать смерть половины человечества. Продолжать жить — вот достойное наказание за ее ошибку!

Но они по-прежнему не знали, куда лететь. В сердце Чэн Синь космос отныне стал даже не черным, а просто бесцветным. Какой смысл куда-то двигаться?..

— Куда же нам лететь? — пробормотала Чэн Синь.

— Ищите *их*! — сказал Ло Цзи. Его образ исказился еще больше, да к тому же стал черно-белым.

Его слова, словно факел, разогнали мрак, царящий в сознании Чэн Синь. Они с АА переглянулись и сразу же поняли, кого имел в виду Ло Цзи.

А старец продолжал:

— Они все еще живы. Мир Убежищ принял короткую гравитационную передачу, посланную пять лет назад. Они не сообщили, где находятся. «Ореол» будет периодически вызывать их по грави-связи. Может, *вы* найдете их, а может, *они* найдут вас.

Теперь исчезла и черно-белая картинка, но подруги все еще слышали голос Ло Цзи. Он произнес свои последние слова:

— Ну вот, пришло и мое время уйти на полотно. Счастливого пути, дети!

Передача оборвалась.

На мониторе они видели, как Плутон вспыхнул ярким светом и расплылся в двух измерениях. Та сторона карликовой планеты, где находился музей, коснулась плоскости первой.

При нынешней скорости «Ореола» стал проявлять себя доплеровский эффект. Звезды впереди приобрели голубоватый оттенок, тогда как звезды позади стали красноватыми. Изменение цвета касалось и двумерной Солнечной системы.

Снаружи больше не было видно других кораблей — «Ореол» оставил их за кормой. Все спасающиеся бегством космолеты падали на плоскость, как капли дождя на стекло.

Теперь со стороны Солнечной системы до-

ходили только немногочисленные обрывки радиоразговоров. Благодаря доплеровскому эффекту короткие всплески голосов звучали странно, походили на пение.

— Мы очень близко! Вы за нами?

— Не делай этого! Не де...

— Боли не будет. Говорю же тебе: все закончится в один миг...

— Ты все еще не веришь мне после всего этого? Ну и ладно, не верь...

— Да, малыш, мы станем очень-очень тонкими...

— Идите все сюда! Мы должны быть вместе...

Чэн Синь с АА слушали. Голосов становилось все меньше, и раздавались они все реже. Через тридцать минут из Солнечной системы донесся последний выдох:

— А-х-х-х-х-х-х-х...

Голос прервался. Исполинская картина под названием «Солнечная система» была закончена.

«Ореол» продолжал падать на плоскость. Разгон, который он к этому времени набрал, замедлял его падение, но корабль еще не достиг скорости убегания. Сейчас светолет был единственным в Солнечной системе рукотворным трехмерным объектом, а Чэн Синь и АА — единственными

людьми вне картины. «Ореол» находился очень близко от плоскости, и с этого угла зрения смотреть на двумерное Солнце было все равно что смотреть на море с берега: тусклая багровая поверхность тянулась в безграничную даль. Только что перешедший в плоское состояние Плутон стал огромным и продолжал расширяться такими темпами, что это было заметно невооруженным глазом. Чэн Синь всматривалась в три изящных кольца Плутона и пыталась выискать хоть какие-нибудь следы музея, но ничего не нашла — музей был слишком мал.

Гигантский каскад, которым трехмерное пространство изливалось в плоскость, казался необоримым. Чэн Синь начала сомневаться, сможет ли их двигатель и в самом деле придать кораблю скорость света. Она была бы не против, чтобы все поскорее закончилось.

Но тут заговорил искин:

— «Ореол» достигнет скорости света через сто восемьдесят секунд. Пожалуйста, задайте курс.

— Мы не знаем, куда лететь, — сказала АА.

— Вы можете выбрать пункт назначения после того, как мы достигнем скорости света. Однако чисто субъективно световой полет займет немного времени, и можно легко промахнуться мимо

цели — перелететь через нее. Лучше выбрать сейчас!

— Мы не знаем, где их искать, — произнесла Чэн Синь. Существование этих людей сделало будущее немного более светлым, но она по-прежнему ощущала себя потерянной.

АА схватила подругу за руку.

— Ты что, забыла? Кроме них, во Вселенной существует еще и *он*!

«Да, он все еще существует». Чэн Синь ощутила сильнейшую щемящую боль в сердце. Никого и никогда ей не хотелось видеть так, как его!

— Тебе назначили свидание, — напомнила АА.

— Мне назначили свидание, — машинально повторила Чэн Синь. Она слегка отупела от нахлынувших эмоций.

— Так полетели к твоей звезде!

— Да, летим к нашей звезде!

Чэн Синь обратилась к бортовому искину:

— Можешь найти DX3906? Этот номер ей дали в начале Эры Кризиса.

— Конечно. Теперь ее номер S74390E2. Запрашиваю подтверждение.

Перед подругами развернулась большая голографическая карта со всеми объектами в радиусе пятисот световых лет от Солнца. Одна из звезд

сияла ярко-красным, и на нее указывала белая стрелка. Чэн Синь узнала свою звезду.

— Это она. Летим туда.

— Курс установлен и подтвержден. «Ореол» достигнет скорости света через пятьдесят секунд.

Звездная карта исчезла. Собственно говоря, исчез весь корпус корабля, и двум пассажиркам показалось, будто они парят в открытом космосе. Искин никогда раньше не включал полноэкранный режим. Перед ними расстилалось звездное море Млечного Пути, сейчас чисто голубое, и это напоминало им о настоящем море. Позади лежала двумерная Солнечная система, окрашенная в кроваво-красные тона.

Вселенная содрогнулась и трансформировалась. Все звезды впереди светолета вытянулись в полоски, как будто половина Вселенной превратилась в черный колодец и они падали на его дно. Там, перед кораблем, они сбивались в плотное скопление и сияли, словно гигантский сапфир, в котором невозможно было различить отдельные звезды. Время от времени из сапфира вырывалась искорка и, промчавшись в чернильно-черном пространстве, пропадала позади «Ореола», на лету все время меняя цвет: с голубого на зеленый, затем на желтый, а за кормой корабля на крас-

ный. Оглядываясь назад, подруги видели, как двумерная Солнечная система и звезды сливались в алый шар, похожий на костер, пылающий на другом конце Вселенной.

«Ореол» со скоростью света мчался к звезде, которую Юнь Тяньмин подарил Чэн Синь.

Часть VI

Галактическая Эра, год 409-й. Наша Звезда

«Ореол» отключил пространственный двигатель и летел по инерции, сохраняя прежнюю скорость.

Весь полет АА старалась утешить Чэн Синь, хоть и понимала, что это задача безнадежная.

— Просто смешно обвинять себя в разрушении Солнечной системы! Кто ты такая, по-твоему? Думаешь, что если встала на руки, то подняла над головой Землю? Даже если бы ты не остановила Уэйда, кто знает, чем бы закончилась война? Смог бы Гало-Сити добиться независимости? Даже Уэйд не был в этом уверен. Разве Федеральное правительство и флот испугались бы горстки пуль из антивещества? Не исключаю, что Гало-Сити сумел бы уничтожить парочку военных кораблей, пускай даже целый космоград — но в конце концов флот Федерации разнес бы его в пыль. И в этом варианте истории не было бы ни базы на Меркурии, ни второго шанса.

Даже если бы Гало-Сити удалось стать независимым, если бы он продолжил исследования

пространственного двигателя, открыл замедляющие свойства его следа, а под конец решил бы сотрудничать с Федеральным правительством и успел к сроку построить тысячи светолетов — думаешь, люди согласились бы на создание черного домена? Помнишь, как все были уверены, что Убежища переживут удар «темного леса?» С чего бы это им самоизолироваться в черном домене?

Слова АА скользили по поверхности мыслей Чэн Синь и скатывались с них, не оставляя следа, словно капли воды на листьях кувшинки. Чэн Синь думала только о том, как бы найти Юнь Тяньмина и все ему рассказать. Подсознательно она ожидала, что путешествие длиной в 287 световых лет займет долгое время, но бортовой искин уверял, что внутри корабля пройдет всего пятьдесят два часа. Происходящее казалось молодой женщине нереальным, словно она умерла и перенеслась в другой мир.

Чэн Синь долго смотрела в космос сквозь иллюминаторы. Она понимала, что, когда из голубого скопления впереди по курсу выскакивает светлая точка, проносится мимо и тает в красном облаке позади, это значит, что «Ореол» прошел мимо очередной звезды. Девушка считала звезды и следила, как они из голубых становятся красными

— воистину гипнотическое зрелище. А потом уснула.

Когда Чэн Синь проснулась, «Ореол» уже приближался к месту назначения. Корабль развернулся на 180 градусов и задействовал пространственный двигатель для торможения — летел, по сути, упираясь в собственный след. По мере снижения скорости голубое и красное скопления начали раскрываться, напоминая распускающиеся «цветы» фейерверка, и вскоре превратились в звездное море, окружившее корабль со всех сторон. «Ореол» замедлился, и доплеровский эффект сошел на нет: голубое перестало сменяться красным. Подруги видели, что расстилавшийся перед ними Млечный Путь выглядит примерно так же, как и прежде, зато позади светолета знакомых звезд не было. Солнечная система давно пропала из виду.

— Мы находимся на расстоянии двести восемьдесят шесть целых и пять десятых светового года от Солнечной системы, — объявил искин «Ореола».

— Это значит, что там уже прошло двести восемьдесят шесть лет? — переспросила АА. Казалось, она только что очнулась ото сна.

— Да, если пользоваться их системой отсчета.

Чэн Синь вздохнула. Какая разница для Солнечной системы в ее нынешнем состоянии, сколько минуло лет — 286 или 2,86 миллиона? И тут ей пришла в голову мысль:

— Как давно завершилось свертывание в двумерное пространство?

От этого вопроса АА утратила дар речи. И верно — когда оно остановилось? И остановилось ли вообще? Была ли заложена в ту «бумажку» команда остановиться? Ни Чэн Синь, ни АА не владели теорией сворачивания трехмерного объема в двумерную плоскость, но обеим сама идея такой команды, закодированной в двумерном пространстве, невольно представлялась чем-то совершенно невероятным, высшей магией.

Что, если свертывание не остановится никогда?

Лучше об этом не задумываться.

Звезда DX3906 была размером с Солнце. Когда «Ореол» приступил к торможению, она выглядела самой обычной, ничем не примечательной звездой, но ко времени отключения пространственного двигателя стало заметно, что она краснее Солнца.

«Ореол» запустил термоядерный реактор, тишина сменилась шумом. Гул двигателя заполнил

весь корабль, вибрировала каждая переборка. Искин проанализировал данные, собранные приборами наблюдения, и подтвердил основные характеристики звездной системы: вокруг центрального светила обращаются две планеты, обе с твердой поверхностью. Та, что на дальней орбите, по размерам близка к Марсу, но не имеет атмосферы. Почва на ней серого цвета, поэтому Чэн Синь и АА решили назвать ее Серой планетой. Другая, ближе к звезде, была похожа на Землю и по размеру, и по типу: с кислородом в атмосфере и многочисленными признаками жизни, но без каких-либо следов сельского хозяйства или промышленности. Поскольку планета была голубой, как Земля, подруги назвали ее Голубой планетой.

АА ужасно льстило, что ее предположения подтвердились, ведь это именно она свыше четырехсот лет назад обнаружила у звезды DX3906 планеты. Прежде считалось, что это одинокая звезда. Научная деятельность АА завершилась знакомством с Чэн Синь. Если бы не стечение обстоятельств, ее жизнь пошла бы совершенно по-другому. Судьба — вообще странная штука: когда четыре столетия назад АА рассматривала этот далекий мир в телескоп, ей и в голову не

могло прийти, что однажды она прилетит сюда.

— Ты уже тогда могла разглядеть эти планеты? — спросила Чэн Синь.

— Нет. Их невозможно было обнаружить в видимом участке спектра. Может быть, удалось бы что-нибудь заметить через телескопы системы раннего предупреждения. Мне же не оставалось ничего другого, как вывести факт их существования, наблюдая линзирование света[64] в солнечном гравитационном поле... Я тогда строила теории, как эти планеты могут выглядеть. Похоже, я была во многом права.

«Ореолу» потребовалось всего пятьдесят два часа (по бортовому хронометру), чтобы преодолеть 286 световых лет, разделяющих Солнечную систему и звезду DX3906. Но субсветовое путешествие сквозь шестьдесят астрономических единиц от границы звездной системы до Голубой планеты заняло восемь дней.

Когда корабль приблизился к Голубой планете, Чэн Синь и АА обнаружили, что ее сходство с

---

[64] Примечания: 64

Гравитационная линза — массивное тело (планета, звезда) или система тел (галактика, скопление галактик, скопление темной материи), искривляющая своим гравитационным полем направление электромагнитного излучения, подобно тому как обычная линза искривляет световой луч (https://ru.wikipedia.org/wiki/Гравитационная_линза). — *Прим. перев.*

Землей весьма отдаленное. Голубой цвет ей придавал не океан, а растительность, покрывающая континенты. Океаны же были бледно-желтыми и занимали приблизительно одну пятую всей поверхности.

Это был мир холода; голубые заросли покрывали не более трети суши, остальная территория лежала под снегом. Почти весь океан, за исключением небольших участков на экваторе, был затянут льдом.

«Ореол» облетел Голубую планету и начал снижение. Внезапно искин корабля объявил:

— На поверхности обнаружен искусственный источник радиосигнала. Это посадочный маяк. Он использует протоколы связи, которые датируются началом Эры Кризиса. Хотите ли вы, чтобы я следовал его указаниям?

Чэн Синь и АА взволнованно переглянулись.

— Да! — воскликнула Чэн Синь. — Следуй его указаниям и садись!

— Перегрузки достигнут уровня 4g. Займите положение для посадки. Я инициирую циклограмму спуска, как только вы будете готовы.

— Думаешь, это он?! — воодушевилась АА.

Чэн Синь покачала головой. Все счастливые моменты ее жизни были только промежутками

между глобальными катастрофами. Теперь она боялась радоваться.

Чэн Синь и АА легли в противоперегрузочные кресла, и те сомкнулись вокруг них, словно большие ладони, плотно удерживая пассажиров. «Ореол» сбросил скорость, лег на посадочную траекторию и после нескольких мощных толчков вошел в атмосферу. Подруги наблюдали, как на обзорных экранах разворачиваются сине-белые континенты.

Через двадцать минут «Ореол» приземлился недалеко от экватора. Искин корабля порекомендовал Чэн Синь и АА минут десять оставаться в креслах, чтобы привыкнуть к тяготению — оно не слишком отличалось от земного. В иллюминаторах и на экранах корабля путешественницы видели, что яхта села в голубой степи. Не слишком далеко отсюда поднимались невысокие горы, засыпанные снегом, — место посадки оказалось у подножия горной гряды. Небосклон был бледно-желтым, как океан, который они видели из космоса. В небе сиял ярко-красный шар солнца. На Голубой планете стоял полдень, но цвета неба и солнца делали его похожим на земной час заката.

Чэн Синь и АА не слишком приглядывались

к окружающей природе. Их внимание привлек небольшой летательный аппарат, около которого приземлился «Ореол». Он был совсем крохотным, длиной от четырех до пяти метров, с темно-серой обшивкой. Форма его корпуса была обтекаемой, с миниатюрными хвостовыми стабилизаторами. Похоже, это не самолет, а орбитальный челнок.

Рядом с челноком стоял мужчина, одетый в белую куртку и темные брюки. Ветер, поднятый «Ореолом» при посадке, взлохматил его шевелюру.

— Это он? — спросила АА.

Чэн Синь покачала головой. Она сразу поняла, что это не Юнь Тяньмин.

Мужчина пошел сквозь голубые заросли к «Ореолу». Он брел медленно, движения и походка выдавали легкую усталость. Человек не выказывал ни удивления, ни волнения, словно посадка космического корабля здесь дело обычное. В паре десятков метров от яхты он остановился и принялся терпеливо ждать посреди травы.

— А он симпатичный, — заметила АА.

Мужчина азиатской наружности, лет сорока, с широким лбом и мудрыми, добрыми глазами, был действительно красивее Юнь Тяньмина. При взгляде на него создавалось впечатление, что он

никогда не перестает размышлять и нет во Вселенной ничего, включая и «Ореол», что могло бы его удивить. Столкнувшись с чем-то необычным, он просто задумается еще глубже.

Человек поднял руки и поводил ими вокруг головы, словно касался шлема. Потом помотал головой и сделал жест рукой, означающий, что скафандр здесь не нужен.

Корабельный искин согласился:

— Состав атмосферы: кислород — тридцать пять процентов, азот — шестьдесят три процента, двуокись углерода — два процента; незначительное количество инертных газов. Пригодна для дыхания. Однако атмосферное давление всего пятьдесят три процента от земного. Физическая активность не рекомендуется.

— Что за биологическое существо стоит рядом с кораблем? — спросила АА.

— Обычный человек, — ответил искин.

Чэн Синь и АА вышли из корабля. Они еще не привыкли к тяготению, и ноги их пока не слушались. Снаружи дышалось легко, разреженность воздуха совсем не ощущалась. Налетевший ветерок принес освежающий запах травы. Перед девушками открывалась панорама степи, сине-белых гор и бледно-желтого неба с красным

солнцем. Казалось, что это фотография Земли, правда, в искаженных тонах. За исключением необычной расцветки, все выглядело знакомым. Даже трава была похожа на земную, только синяя.

Мужчина приблизился к трапу.

— Обождите минутку, трап крутой. Я помогу вам спуститься. — Он легко поднялся по трапу и приготовился повести Чэн Синь вниз. — Вам стоило бы подольше отдохнуть, прежде чем выходить. Спешить некуда. — Чэн Синь отметила, что человек говорит с сильным акцентом Эры Устрашения.

Чэн Синь ощутила прикосновение теплой и сильной руки; незнакомец защитил ее собой от холодного ветра. Ей внезапно захотелось броситься в его объятия, — объятия первого же мужчины, которого она встретила после путешествия в двести с лишним световых лет.

— Вы прилетели из Солнечной системы? — спросил незнакомец.

— Да. — Поддерживаемая мужчиной, Чэн Синь двинулась вниз по трапу. Она доверяла ему все больше и опиралась на него сильнее и сильнее.

— Солнечной системы больше нет, — сообщила АА и села на верхнюю ступеньку трапа.

— Я знаю. Удалось ли спастись кому-нибудь еще?

Чэн Синь сошла на землю, ступила в мягкую траву и присела на нижнюю ступеньку.

— Скорее всего, нет.

— Эх... — Мужчина кивнул и вновь двинулся вверх по трапу, чтобы помочь АА. — Меня зовут Гуань Ифань. Я вас здесь дожидался.

— Но как вы узнали, что мы прилетим? — спросила АА, позволяя взять себя под руку.

— Мы приняли вашу гравитационную передачу.

— Так вы с «Синего космоса»?

— Ха! Если бы вы задали этот вопрос тем, кто только что улетел, они бы сочли вас чудачкой! «Синий космос» и «Гравитация» уже древняя, четырехсотлетняя история. Но я и сам древний. Работал астрономом на «Гравитации». Провел четыре века в анабиозе, проснулся только пять лет назад.

— Где теперь «Синий космос» и «Гравитация»? — Чэн Синь попыталась встать, цепляясь за перила трапа, по которому спускались Ифань с АА.

— В музеях.

— А музеи где? — допытывалась АА. Она обняла Ифаня за плечи, так что тот практически нес ее

на себе.

— На Мире I и Мире IV.

— А сколько всего миров?

— Четыре. Скоро откроют для заселения еще два.

— И где они находятся?

Гуань Ифань аккуратно поставил АА на землю и рассмеялся.

— Дам совет: кого бы вы ни встретили, человека или любое другое существо, не спрашивайте, где находятся их планеты. Таковы космические правила приличия, наподобие того как не положено интересоваться возрастом женщины... Тем не менее я спрошу: сколько вам сейчас лет?

— Столько, на сколько мы выглядим, — хихикнула АА и присела в траву. — Ей семьсот, мне пятьсот.

— Доктор Чэн выглядит практически так же, как и четыре века назад.

— Вы знакомы? — АА уставилась на Гуань Ифаня.

— Я видел доктора Чэн в передачах с Земли. С тех пор прошло четыреста лет.

— На этой планете много людей? — спросила Чэн Синь.

— Только мы трое.

— Это значит, что все ваши планеты лучше этой, — заключила АА.

— Вы имеете в виду природные условия? Вовсе нет. Кое-где воздух почти не пригоден для дыхания даже после ста лет терраформирования. Как раз эта планета — одна из лучших для переселенцев. Хоть мы и рады вам здесь, доктор Чэн Синь, мы не признаем ваших прав собственности.

— Я от них давно отказалась, — сообщила Чэн Синь. — Так почему же здесь никто не живет?

— Слишком опасно. Часто прилетают чужаки.

— Чужаки? Инопланетяне? — переспросила АА.

— Да. Чересчур близко к центру рукава Ориона. Здесь проходят два оживленных грузовых маршрута.

— Тогда что вы тут делаете? Просто нас дожидались?

— Не совсем так. Я прилетел с научной экспедицией. Они уже отбыли, а я задержался, чтобы подождать вас.

* * *

Через десяток часов трое людей на Голубой планете встретили ночь. Здесь не было луны, но по сравнению с Землей звезды сияли намного

ярче. Млечный Путь казался рекой серебристого пламени, в свете которого от путешественников на земле лежали тени. Отсюда до центра Галактики ненамного ближе, чем от Солнечной системы, но пространство между DX3906 и Солнцем заполнено межзвездной пылью, поэтому с Земли Млечный Путь смотрелся более тускло.

В ярком свете звезд люди заметили, что окружающая их трава движется. Поначалу Чэн Синь и АА решили, что им почудилось, а на самом деле растительность колышется от ветра; но потом они поняли, что трава под ногами тоже шуршит и извивается. Ифань объяснил: голубая трава действительно кочует. Корни служат ей «ногами», и при смене времен года трава мигрирует с одной широты на другую — преимущественно по ночам. Услышав такое, АА отбросила стебельки, которыми поигрывала. Ифань заверил, что травинки — действительно растения, питаются фотосинтезом и почти не способны ощущать прикосновение. Другие растения на этой планете тоже умеют перемещаться. Он указал на горы, и девушки увидели, как в свете звезд шевелятся леса. Деревья двигались намного быстрее травы и напоминали марширующие в ночи армии.

Ифань указал на небо, туда, где горело не так

много звезд:

— Еще несколько дней назад вон там мы могли видеть Солнце — куда яснее, чем увидели бы с Земли эту звезду. Разумеется, мы видели Солнце таким, каким оно было двести восемьдесят шесть лет назад. Солнце погасло в тот самый день, когда экспедиция улетела и я остался один.

— Солнце больше не светит, но занимает огромную площадь. Возможно, вам удастся рассмотреть его в телескоп, — сказала АА.

— Нет, не удастся. — Ифань покачал головой и снова указал в ту же точку на небе. — Даже если вы вернетесь туда, то ничего не увидите. Та область пространства теперь пуста. Плоские Солнце и планеты, которые вы наблюдали — это просто выброс энергии при коллапсе трехмерного вещества в двумерное. То, что вы видели, было не двумерным веществом, а преломлением электромагнитного излучения на границе между двумерным и трехмерным мирами. Как только энергия рассеется, эффект исчезнет. Преобразованная Солнечная система не имеет общих точек с трехмерным пространством.

— Но как же так? — спросила Чэн Синь. — Ведь трехмерный мир отлично виден из четырехмерного.

— Да, виден. Мне самому довелось посмотреть на трехмерные объекты из четырехмерного пространства. Но двумерное не видно из трехмерного. Это потому, что в трехмерном пространстве есть такой параметр, как толщина — измерение, в котором свет, исходящий из четырехмерного пространства, поглощается или рассеивается. В двумерном пространстве толщины нет, поэтому свет пронизывает его насквозь, нигде не останавливаясь. Двумерный мир абсолютно прозрачен, и увидеть его невозможно.

— Нет вообще никакого способа? — спросила АА.

— Никакого. Теория не позволяет.

Чэн Синь и АА на какое-то время смолкли. Солнечная система исчезла полностью. Пропала последняя надежда на спасение родной планеты. Но Гуань Ифань немного их утешил:

— Существует только один способ найти двумерную Солнечную систему из трехмерного пространства: по притяжению. Масса Солнечной системы никуда не делась, поэтому систему можно обнаружить как невидимый источник гравитации.

Чэн Синь и АА многозначительно переглянулись.

— Что, похоже на темную материю? — засмеялся Ифань, затем сменил тему: — Почему бы нам не поговорить о свидании, ради которого вы прибыли сюда?

— Вы знакомы с Юнь Тяньмином? — поинтересовалась АА.

— Нет.

— Что случилось с трисолярианским флотом? — спросила Чэн Синь.

— Нам мало что известно. Первый и Второй флоты так и не объединились. Более шестидесяти лет назад в созвездии Тельца разыгралось крупномасштабное космическое сражение. Бились беспощадно! Из обломков получилось целое новое облако межзвездной пыли. Мы знаем, что одной из сторон был Второй Трисолярианский флот, но не знаем ни против кого он сражался, ни чем все это закончилось.

— А с Первым что? — задала вопрос Чэн Синь. Ее глаза блестели в свете звезд.

— Про них нам ничего не известно... В любом случае, вам не следует надолго задерживаться здесь, это небезопасно. Почему бы вам не полететь со мной? Терраформирование на моей планете завершено, жизнь налаживается.

— Я согласна! — воскликнула АА. Затем взяла

руку Чэн Синь в свою. — Давай полетим туда! Даже если ты решишь торчать здесь до конца своих дней, скорее всего, ничего не дождешься. Нельзя же превращать жизнь в одно сплошное ожидание!

Чэн Синь молча кивнула. Она знала, что гонится за мечтой.

* * *

Они решили подождать еще один день на Голубой планете, а потом улететь.

Небольшой космический корабль Гуань Ифаня дожидался его на геосинхронной орбите. Корабль был совсем крохотным и даже не имел названия, только номер. Но Ифань дал ему имя «Охотник» и пояснил, что это в честь приятеля, Старого Хантера[65], служившего на «Гравитации» четыреста лет назад. На «Охотнике» не было замкнутой системы жизнеобеспечения, поэтому в длительном полете пассажирам требовалось ложиться в гибернацию. Хотя размерами корабль Гуаня сильно уступал «Ореолу», он также был оснащен пространственным двигателем и мог двигаться со скоростью света.

---

[65] Примечания: 65

По-английски «охотник» будет hunter (хантер). — *Прим. перев.*

Решили совместно лететь на «Ореоле», а «Хантером» управлять дистанционно. Чэн Синь и АА не задавали вопросов о маршруте, а Ифань отказался даже сообщить, сколько времени займет путешествие. Он всячески оберегал любые сведения о местонахождении человеческих миров.

День провели, гуляя по степи недалеко от «Ореола». В эти дни с Чэн Синь и АА — а в их лице и со всеми жителями исчезнувшей Солнечной системы — многое случилось впервые: первое путешествие к планетам другой звезды, первые шаги по экзопланете, первый полет к миру за пределами Солнечной системы, где есть жизнь.

По сравнению с Землей экология Голубой планеты была незамысловатой. Кроме переползающей с места на место голубой растительности особой жизни не было, водилось только несколько видов рыбы в океанах да простейшие виды насекомых на суше. Планета напоминала упрощенную Землю. Природные условия позволяли культивировать земные растения, поэтому люди могли бы жить здесь даже без высоких технологий.

Гуань Ифань не скрывал своего восхищения интерьером «Ореола». По его словам, у жителей Солнечной системы была одна способность, ко-

торую человечество Галактики — те люди, что поселились на Млечном Пути — не унаследовали и не смогли научиться: умение наслаждаться жизнью. Он подолгу засиживался в роскошных патио, с восхищением рассматривал голографические пейзажи древней Земли. По-прежнему задумчивые глаза Гуаня теперь влажно поблескивали.

Все это время ☒ АА бросала на Ифаня заинтересованные взгляды. За день их отношения постепенно изменились. АА придумывала самые разные предлоги, лишь бы оказаться поближе к астроному, и внимала каждому его слову, порой кивая и улыбаясь. До сих пор она никогда так не вела себя с мужчинами. За столетия знакомства с Чэн Синь у АА было множество любовников, порой даже несколько одновременно, но Чэн Синь знала, что подруга не любила ни одного из них по-настоящему. А теперь она явно неровно дышит к этому космологу из Эры Устрашения! Чэн Синь только радовалась такому развитию событий. АА заслужила счастливую новую жизнь в этом новом мире.

Что же до самой Чэн Синь, то она знала, что духовно мертва. Еще совсем недавно ею двигала одна-единственная надежда — найти Тяньми-

на, а теперь это стало недостижимой мечтой. Честно говоря, Чэн Синь всегда понимала, что свидание, назначенное через четыре века и 286 световых лет, ничем иным быть и не может. Она продолжит поддерживать жизнь в своем теле, но исключительно из чувства долга: нельзя допустить, чтобы погибла половина населения, выжившего после уничтожения земной цивилизации.

Снова стемнело. Они решили заночевать в «Ореоле» и взлететь поутру.

В полночь Гуань Ифаня разбудил его наручный коммуникатор. Пришло сообщение от «Хантера» на геосинхронной орбите. «Хантер» служил ретранслятором для трех небольших спутников наблюдения, оставленных экспедицией. Два из них обращались вокруг Голубой планеты и один — вокруг Серой, с которой и поступил сигнал тревоги.

Тридцать пять минут назад пять неизвестных кораблей сели на Серую планету. Через двенадцать минут они взлетели и пропали, даже не достигнув орбиты. Возникли сильные помехи, и снимки, присланные со спутника, были нечеткими.

Перед экспедицией Ифаня была поставлена

задача разыскивать и изучать следы присутствия иных цивилизаций в этой планетной системе. Получив сигнал со спутника, астроном немедленно решил отправиться на челноке к «Охотнику», чтобы разобраться с происходящим. Чэн Синь настояла на том, чтобы лететь с ним. Поначалу Ифань не соглашался, но после того как АА сказала: «Возьми ее с собой. А вдруг это как-то связано с Юнь Тяньмином», передумал.

Перед отлетом Ифань напомнил АА, что вызывать «Охотника» по радио можно разве что только в чрезвычайной ситуации. Кто знает, какая инопланетная аппаратура слежения может оказаться поблизости. Передача сообщений может привести к беде.

В этом одиноком мире, приютившем всего трех человек, даже краткое расставание стало поводом для беспокойства. АА обняла Чэн Синь и Гуань Ифаня и пожелала им доброй дороги. Прежде чем шагнуть в челнок, Чэн Синь обернулась и увидела, что АА стоит в бледно-струящемся свете звезд и машет им рукой. Вокруг нее поднималась синяя трава, а холодный ветер трепал ее короткую прическу и гнал по траве волны.

Челнок взлетел. В окне системы наблюдения Чэн Синь видела, как пламя двигателя осветило

синюю траву, и та поспешила убраться подальше. Челнок удалялся, и пятно света на земле быстро тускнело. Вскоре это место вновь заливал лишь свет звезд.

Часом позже челнок достиг геосинхронной орбиты и пристыковался к «Охотнику». Корабль имел форму небольшой пирамиды. Жилое пространство оказалось крохотным, спартанским, большую его часть занимал гибернатор на четверых.

Подобно «Ореолу», «Охотник» был оборудован двумя двигателями — пространственным и термоядерным. Для путешествий между планетами внутри системы пользовались только термоядерным двигателем — если включить пространственный, то проскочишь место назначения, не успеешь затормозить. «Охотник» сошел с орбиты и направился к Серой планете, казавшейся отсюда маленькой точкой. Опасаясь причинить своей спутнице неудобство, Гуань Ифань довел тягу двигателя до ускорения только в 1,5g, но Чэн Синь попросила не беспокоиться о ней и лететь побыстрее. Тогда он поднял ускорение до 3g. Теперь им оставалось только лежать в объятиях противоперегрузочных кресел; даже шевелиться было трудно. Ифань включил

голографические проекторы внешнего обзора, и обшивка корабля растаяла. Люди висели в пустоте космического пространства и наблюдали, как удаляются от Голубой планеты. Чэн Синь вообразила, что тройная тяжесть исходит от Голубой планеты — так космос поделился на «верх» и «низ», и они летели «вверх» по направлению к Галактике.

При тройной перегрузке можно было разговаривать без особого напряжения. Чэн Синь спросила Ифаня, почему он так долго пролежал в анабиозе. Тот ответил, что во время поиска пригодных для жизни миров дел для него не нашлось. Когда обнаружили Мир I, занимались в основном подготовкой планеты к заселению и начальным обустройством. Первое поселение походило на средневековый городок, и никаких условий для ведения научных исследований там не было. Правительство решило, что все ученые должны лечь в гибернацию и оставаться в ней, пока технология не поднимется до нужного уровня. Ифань был единственным представителем фундаментальных наук на борту «Гравитации»; на «Синем космосе» служило еще семь. Из всех этих людей его разбудили последним — через двести лет после того, как два корабля достигли

Мира I.

Чэн Синь была заворожена рассказом Ифаня о новых планетах, где живет человек. Но она заметила, что он рассказывает о Мире I, Мире II и Мире IV, но не о Мире III.

— Я там никогда не бывал. И другие тоже. Точнее, кто бы туда ни отправился, не может вернуться. Мир III запечатан внутри световой гробницы.

— Световой гробницы?

— Это черная дыра с пониженной скоростью света, образованная следами пространственных двигателей. На Мире III что-то случилось, и они решили, что их координаты стали известны. Им не оставалось ничего иного, кроме как превратить свой мир в черную дыру.

— Мы их называем «черными доменами».

— Хорошее название. Кстати, население Мира III сначала назвало этот эффект «световым занавесом», но чужаки именуют это «световой могилой».

— Как «занавес»?[66]

— Совершенно верно. Разные люди по-разному смотрят на вещи. Жители Мира III говорили, что

---

[66] Примечания: 66

Игра слов на китайском. □ («му»), «занавес», звучит так же, как □ («му»), «гробница». — *Прим. К. Л.*

там просто рай — правда, не знаю, считают ли они так же и сейчас. Как только мир заключают в «световую могилу», ни одно сообщение не может выйти наружу. Но мне кажется, что люди там вполне счастливы. Для некоторых безопасность — непременное условие счастья.

Чэн Синь спросила Ифаня, когда в новом мире построили первый пространственный корабль, и узнала, что это случилось сто лет назад. Значит, расшифровка секретного послания Тяньмина позволила жителям Солнечной системы прийти к этому достижению на двести лет раньше галактического человечества. Даже принимая во внимание время, ушедшее на обустройство новых миров, Тяньмин ускорил прогресс как минимум на одно столетие.

— Он великий человек, — сказал Ифань, выслушав рассказ Чэн Синь.

Но цивилизация Солнечной системы не сумела воспользоваться этим шансом. Было потеряно тридцать пять бесценных лет — возможно, из-за нее. Сердце Чэн Синь уже не кололо от этой мысли; молодая женщина ощущала лишь оцепенение — признак мертвой души.

— Пространственные корабли оказались важнейшим достижением человечества, — про-

должал Ифань. — Таким же, как вторая эпоха Просвещения, второй Ренессанс. Путешествия со скоростью света фундаментально повлияли на мышление человека, изменили цивилизацию и культуру.

— Понимаю. Я и сама почувствовала, что изменилась, как только помчалась со скоростью света. Я поняла, что могу за отпущенные мне годы перенестись сквозь пространство-время, достичь края космоса, края Вселенной. То, что раньше казалось лишь философским вопросом, стало осуществимым на практике.

— Верно. Такие понятия, как судьба и смысл существования Вселенной, раньше считались абстрактными рассуждениями философов, но теперь о них приходится беспокоиться и обычному люду.

— А задумывался ли кто-нибудь в новом мире о полете к концу Вселенной?

— Разумеется. Уже пять кораблей отправили в бесконечность.

— В бесконечность?

— Некоторые называют их «кораблями конца света». У них нет точки назначения. Они запускают пространственные двигатели на полную тягу и разгоняются, как сумасшедшие, беско-

нечно приближаясь к скорости света. Их цель — проскочить сквозь время, полагаясь на теорию относительности, и достичь тепловой смерти Вселенной. По их подсчетам десять лет на корабле соответствуют пятидесяти миллиардам наших лет. Собственно, тут и планировать-то нечего. Если на твоем корабле после разгона до скорости света что-нибудь сломается и торможение окажется невозможным, ты тоже доживешь до последних дней Вселенной.

— Мне так жаль людей Солнечной системы, — сказала Чэн Синь. — Даже под конец своего существования большинство из них проживало жизни в крохотном участке пространства-времени, словно те древние люди в Общую Эру, которые никогда не покидали своей деревни. Вселенная оставалась для них загадкой до самого конца.

Ифань поднял голову и посмотрел на Чэн Синь. При тройной перегрузке это было непросто, но он не спешил отводить взгляд.

— Не надо, не жалей. Очень прошу. Реальности Вселенной не позавидуешь.

— Почему?

Ифань поднял руку и указал на звезды, а потом под тяжестью перегрузки уронил ее обратно.

— Мрак. Сплошной мрак.

— Ты имеешь в виду «темный лес»?

Гуань Ифань покачал головой — при тройной тяжести это непросто.

— Для нас нет ничего важнее «темного леса», но для космоса в целом это лишь мелкая деталь. Представь себе, что космос — это поле боя. Так вот, удары «темного леса» на нем не более чем выстрелы снайперов по нестроевикам — посыльным, кашеварам... В общей картине битвы они ничто. Ты еще не видела, что такое настоящая межзвездная война.

— А вы видели?

— Мы кое-что углядели. Но в основном наши знания строятся на догадках... Ты и в самом деле хочешь знать? Чем больше ты про это узн`аешь, тем меньше света останется у тебя в сердце.

— В моем сердце и так черным-черно. Я хочу знать.

И тогда, спустя больше шести веков с того дня, когда Ло Цзи провалился под лед, с глаз одного из немногих выживших представителей земной цивилизации спала очередная пелена, скрывавшая правду о Вселенной.

— Представь себе цивилизацию с почти неограниченной технологией, — начал Ифань. — Какое ее оружие будет самым мощным? Это не техни-

ческий вопрос, а философский.

Чэн Синь какое-то время думала, а потом с усилием покачала головой:

— Не знаю.

— Поищи подсказку среди испытанного тобой.

И что же она испытала? Она видела, как жестокий враг понижает размерность пространства на единицу и разрушает Солнечную систему. *А что такое размерность?*

— Основные законы Вселенной, — ответила Чэн Синь.

— Совершенно верно. Основные законы Вселенной являются самым страшным оружием и самым эффективным средством обороны. Где бы это ни происходило — в Млечном Пути или Туманности Андромеды, в масштабе местной группы галактик[67] или сверхскопления Девы[68], у противостоящих друг другу цивилизаций,

---

[67] Примечания: 67

Местная группа галактик — гравитационно связанная группа галактик, включающая Млечный Путь, Галактику (Туманность) Андромеды (M31) и Галактику Треугольника (M33) (https://ru.wikipedia.org/wiki/Местная_группа_галактик; https://ru.wikipedia.org/wiki/Местное_сверхскопление_галактик). — *Прим. перев.*

[68] Примечания: 68

Суперкластер Девы — нерегулярное сверхскопление галактик размером около 200 миллионов световых лет, включающее Местную группу галактик, скопление галактик в Деве и несколько других скоплений и групп галактик. — *Прим. перев.*

владеющих технологией, неотличимой от божественной, не дрогнет рука воспользоваться основополагающими физическими законами как оружием. Для войны пригодны многие законы, но чаще всего пользуются количеством измерений пространства и скоростью света. Обычно уменьшение размерности пространства — средство нападения, а для обороны снижают скорость света. Удар по Солнечной системе понижением размерности был технически сложной атакой, знаком уважения. А в этой Вселенной заслужить уважение не так-то просто. Пожалуй, земной цивилизации оказали честь.

— Я вот что хотела спросить. Когда закончится свертывание трехмерного пространства в двумерное вблизи Солнечной системы?

— Никогда не закончится.

Чэн Синь вздрогнула.

— Тебя это пугает? Может, ты думаешь, что в этой Галактике, в этой Вселенной одна лишь Солнечная система схлопывается в два измерения? Ха-ха!

От горького смеха Гуань Ифаня сердце Чэн Синь замерло.

— Но это же не имеет никакого смысла! По крайней мере, не имеет смысла пользоваться

понижением размерности в качестве оружия. Со временем эта атака уничтожит не только жертву, но и агрессора. Пространство стороны, прибегшей к этому оружию, точно так же провалится в двумерную пропасть, ими самими созданную.

В ответ — ничего, лишь тишина. Устав ждать, Чэн Синь позвала:

— Доктор Гуань?

— Ты слишком... добросердечна, — негромко произнес Гуань Ифань.

— Не понимаю...

— Агрессор может избежать смерти. Подумай об этом.

Чэн Синь поразмыслила и признала:

— Не могу ничего придумать.

— Я знаю, что не можешь. Это потому, что ты не допускаешь мысли, что кто-то может быть настолько жестоким. Все просто: агрессор сначала трансформирует себя в форму жизни, способную уцелеть во Вселенной с меньшим числом измерений. Например, четырехмерные существа могут стать трехмерными, а трехмерные — двумерными. Когда вся цивилизация прошла такое преображение, агрессор может применять оружие понижения размерности, не опасаясь последствий.

Чэн Синь снова умолкла.

— Тебе это ничего не напоминает? — спросил Ифань.

Чэн Синь вспоминала события, происшедшие свыше четырехсот лет назад, когда «Синий космос» и «Гравитация» наткнулись на четырехмерный фрагмент. Ифань был в составе экспедиции, беседовавшей с Кольцом.

> «Это вы создали этот четырехмерный фрагмент?»
>
> *«Вы сообщили, что вышли из моря. Разве вы создали море?»*
>
> «Ты утверждаешь, что для тебя или, по крайней мере, для твоих создателей это четырехмерное пространство как для нас море?»
>
> *«Скорее как лужа. Море пересохло».*
>
> «Почему в таком небольшом объеме так много кораблей-усыпальниц?»
>
> *«Когда море пересыхает, рыба перебирается в лужи. Эта лужа тоже высыхает, и скоро рыбы не останется».*
>
> «Значит, вся рыба здесь?»
>
> *«Той рыбы, по вине которой высохло море, здесь нет».*

«Извини. Тебя трудно понять».

«Та рыба выбралась на сушу, прежде чем иссушила море. Она перешла из одного темного леса в другой».

— Разве стоит за победу в войне платить такую цену? — спросила Чэн Синь. Она даже не представляла, как можно жить в пространстве с меньшим количеством измерений. В двумерной Вселенной весь видимый мир состоит из нескольких отрезков разной длины. Как может кто-то, рожденный в трех измерениях, добровольно переселиться в лист бумаги, не имеющий толщины? Точно так же трехмерное пространство покажется непредставимым и ограниченным для созданий четырехмерного мира.

— Лучше так, чем умирать, — возразил Ифань.

Пока Чэн Синь отходила от потрясения, Ифань продолжал:

— Скорость света тоже зачастую используют как оружие. Я не имею в виду световые гробницы, или, по-твоему, черные домены — они просто средства защиты, которыми пользуются такие жалкие черви, как мы. Боги до этого не снисходят. На войне можно создавать черные дыры с пониженной скоростью света, чтобы запечатать

врага внутри. Но чаще эту технику применяют для строительства оборонительных сооружений наподобие рвов и городских стен. Некоторые из таких оборонных поясов пересекают весь рукав Галактики. Там, где звезды расположены близко друг к другу, множество черных дыр соединяют в цепочки длиной в десятки миллионов световых лет. Это Великая Стена в масштабе Вселенной. Если в ловушку попадется даже самый могучий флот, он не сможет из нее выбраться. Проникнуть сквозь эти барьеры крайне сложно.

— Но какова же конечная цель всех этих манипуляций с пространством-временем?

— Удары размерностью постепенно приведут к тому, что больше и больше участков Вселенной будут становиться двумерными. А однажды двумерной станет вся Вселенная. Точно так же создание укреплений приведет к тому, что все области с пониженной скоростью света сольются, и различия между ними уравняются. Это новое среднее значение станет новой скоростью света во Вселенной.

И тогда ученые какой-нибудь новорожденной цивилизации — типа нашей — решат, что скорость света в вакууме едва достигает десятка километров в секунду и что это непоколебимая

мировая константа, — точно так же, как мы думаем о трехстах тысячах километров в секунду.

Разумеется, я привел только два примера. В качестве оружия применяют и другие физические законы; мы их все не знаем. Весьма вероятно, что в оружие превращен каждый закон природы. Возможно, что в некоторых участках Вселенной даже... Впрочем, я и сам в это не верю.

— Что ты хотел сказать?

— Аксиомы математики.

Чэн Синь попыталась представить себе подобный мир... нет, такое просто невозможно!

— Это же... безумие! — Она помолчала, затем спросила: — Станет ли вся Вселенная послевоенными развалинами? Или вот так, точнее: не превратятся ли после войны законы природы в развалины?

— Весьма возможно, они уже в них превратились... В новых мирах физики и космологи работают над воссозданием исходного состояния Вселенной, до войн, больше десяти миллиардов лет назад. Они уже разработали довольно подробную модель, описывающую такую Вселенную. Это была отличная эпоха, Вселенная тогда напоминала сад Эдема. Конечно, ее красоту можно представить только математически. Нарисовать

ее в воображении мы не можем — нашему мозгу не хватает размерности.

Чэн Синь опять вспомнила разговор с Кольцом:

> «Это вы создали этот четырехмерный фрагмент?»
>
> *«Вы сообщили, что вышли из моря. Разве вы создали море?»*

— Ты хочешь сказать, что Вселенная эпохи сада Эдема имела четыре измерения и что скорость света была намного выше?

— Нет, совсем не так. Вселенная эпохи сада Эдема имела десять измерений. Скорость света в те времена не просто была выше — она приближалась к бесконечности. Свет тогда был способен к действию на расстоянии[69] и мог пересечь весь космос, от одного края до другого,

---

[69] Примечания: 69

Теория действия на расстоянии говорит о прямом действии одних тел на другие на расстоянии непосредственно через пустоту. Тела как бы «чувствуют» друг друга. При этом действие передается мгновенно (https://ru.wikipedia.org/wiki/Дальнодействие_и_короткодействие). *— Прим. перев.*

за планковское время[70]... Если бы тебе довелось побывать в четырехмерном пространстве, тогда у тебя создалось бы отдаленное представление о том, как прекрасна была жизнь в десятимерном саду Эдема.

— Ты утверждаешь...

— Я ничего не утверждаю. — Ифань словно очнулся от сна. — Мы только видим кое-какие намеки, все прочее — догадки. Считай это предположениями, мрачной сказкой, которую мы придумали.

Но Чэн Синь продолжала размышлять.

— Значит, войны в эпоху сада Эдема привели к коллапсу одного измерения за другим из макроскопического мира в микроскопический, а скорость света раз за разом понижали...

— Как я только что сказал, я ничего не утверждаю, просто строю догадки. — Ифань заговорил тише. — Кто знает, может быть, правда еще мрачнее, чем наши домыслы... Несомненно лишь одно: Вселенная умирает.

Корабль прекратил разгон, и в кабине возникла невесомость. В глазах Чэн Синь звезды

---

[70] Примечания: 70

Планковское время — единица времени в планковской системе единиц. Равна $\approx 5{,}4 \times 10^{-44}$ секунды (https://ru.wikipedia.org/wiki/Планковское_время). — *Прим. перев.*

и пространство представали все более и более призрачными, более и более пугающими. Только тройная перегрузка придавала им какую-то устойчивость. Девушка радовалась крепким объятиям тяжести — в них она находила защиту от ужасов и могильного холода темных мифов Вселенной. Но теперь перегрузка исчезла, остался только кошмар. Млечный Путь представился ей полоской льда, в которую вморожены кровавые останки, а близлежащая DX3906 казалась печью крематория, полыхающей над пропастью.

— Ты не мог бы выключить внешний обзор? — попросила Чэн Синь.

Ифань нажал кнопку, и Чэн Синь вернулась из бесконечности космоса в тесную скорлупку-кабину. Здесь она отчасти вновь обрела ощущение такой желанной сейчас безопасности.

— Мне не следовало рассказывать все это, — сказал Ифань. В его словах звучало неподдельное сожаление.

— Рано или поздно я бы все равно узнала, — ответила Чэн Синь.

— Повторяю, это лишь наши домыслы. Научных подтверждений нет. Не задумывайся об этом. Смотри на то, что перед тобой, и просто живи. — Ифань накрыл ее руку своей. — Даже если то,

что я рассказал, правда, эти события измеряются сотнями миллионов лет. Летим со мной на мою планету — теперь она и твоя тоже. Хватит скользить по времени. Если будешь жить в пределах сотни тысяч временн`ых лет и тысячи световых лет, ничто из этого тебя не коснется. А такого срока хватит кому угодно.

— Да, этого, конечно, хватит. — Чэн Синь стиснула руку Ифаня. — Спасибо!

* * *

Чэн Синь и Гуань Ифань провели остаток полета во сне, наведенном сонными обручами. Путешествие заняло четыре дня. Когда они очнулись в разгар перегрузок торможения, Серая планета занимала б`ольшую часть поля зрения.

Серая планета была маленькой. Она напоминала Луну — такой же безжизненный каменный шар, только вместо кратеров почти вся поверхность — голая равнина. «Охотник» лег на орбиту вокруг планеты. Атмосфера отсутствовала, поэтому орбиту выбрали как можно ниже. Корабль приблизился к координатам, которые передал спутник, — к месту, где приземлились и взлетели пять неизвестных аппаратов. Ифань собирался сесть невдалеке и изучить их следы; но вот чего

они с Чэн Синь не предвидели: загадочные гости оставили за собой настолько явные свидетельства своего присутствия, что их можно было разглядеть из космоса!

— Это еще что такое?! — воскликнула Чэн Синь.

— Линии смерти. — Ифань сразу же их узнал. — Не подходи близко, — приказал он искусственному интеллекту.

Начинаясь от поверхности и уходя в космос, из Серой планеты вырастали пять черных линий, словно пять черных волосков. Каждая обрывалась высоко за орбитой «Охотника».

— Что это за линии?

— Следы светового двигателя. Возникают при максимальном искривлении пространства. Внутри них скорость света равна нулю.

На следующем витке Гуань Ифань и Чэн Синь перешли в челнок и отправились на поверхность. Благодаря низкой орбите и отсутствию атмосферы спуск прошел быстро и гладко; челнок приземлился в трех километрах от линий смерти.

Исследователи передвигались длинными плавными прыжками — притяжение составляло всего 0,2 от земного. Поверхность Серой плане-

ты покрывал тонкий слой пыли вперемешку с камешками разной величины. Солнечный свет не рассеивается в безвоздушном пространстве, поэтому границы света и тени прорисовывались четко. Когда до линий смерти осталось около сотни метров, Гуань Ифань подал Чэн Синь знак остановиться. Каждая линия была от двадцати до тридцати метров в диаметре и походила на колонну.

— Наверное, это самые черные объекты во Вселенной, — сказала Чэн Синь. В линиях смерти не было видно никаких деталей, кроме невероятной черноты, выявляющей границы области с нулевой скоростью света. Осязаемой поверхности там тоже не было. Девушка посмотрела вверх: колонны выделялись даже на темном фоне космоса.

— И самые смертоносные, — подтвердил Гуань Ифань. — Нулевая скорость света означает гарантированную, стопроцентную смерть. Внутри них умирает любая элементарная частица, любой кварк. Там нет колебаний. Даже без внутреннего источника гравитации линия смерти является черной дырой. Черной дырой с нулевой гравитацией. Что бы в нее ни попало, никогда уже не вернется.

Ифань подобрал камешек и швырнул в одну из

линий смерти. Камень растворился в абсолютной черноте.

— А ваши пространственные корабли могут создавать такие линии смерти? — спросила Чэн Синь.

— Даже близко не способны.

— Значит, тебе эти линии встречались раньше?

— Да, но редко.

Чэн Синь, задрав голову, смотрела на гигантские колонны мрака, поднимающиеся в космос. Казалось, они держат на себе купол неба, а Вселенную превращают в храм Смерти. «Рано или поздно все этим и закончится, разве не так?» — подумала она.

Девушка разглядела, что далеко в небе колонны обрываются. Она указала на это Ифаню:

— Должно быть, это там корабли разогнались до скорости света?

— Да. У этих следов длина около ста километров. Мы встречали колонны и покороче. Думаем, их оставили корабли, перешедшие на скорость света почти мгновенно.

— Это самая передовая технология пространственного двигателя?

— Возможно. Но такие следы попадаются неча-

сто. Линии смерти обычно оставляют корабли Нулевиков.

— Нулевиков?

— Их еще называют Перезагрузчиками. Группа разумных существ, или цивилизация, или группа цивилизаций... Мы точно не знаем, кто они такие, но убедились, что они есть. Нулевики хотят «перезапустить» Вселенную и вернуть ее в состояние Эдемского сада.

— Каким образом?

— Прокрутив часовую стрелку за полночь. Возьми для примера количество пространственных измерений. Вселенную нижних измерений практически невозможно вернуть в высшие. Так, может, лучше действовать в другом направлении? Что, если понизить число измерений до нуля, а потом еще ниже? А вдруг тогда часы Вселенной начнут новый цикл и все вернется к началу? Тогда во Вселенной снова появятся десять макроскопических измерений.

— Ноль измерений! Вам доводилось видеть такое?

— Нет. Мы только были свидетелями коллапса в два измерения. Никогда не видели сворачивания в одно. Но где-то кто-то из Нулевиков наверняка экспериментирует. Никому не ведомо, достигли

ли они хоть какого-то успеха. Гораздо проще понизить скорость света до нуля, и нам попадались следы попыток увести скорость света ниже нуля, а потом восстановить до бесконечного значения.

— А такое хотя бы теоретически возможно?

— Не знаем. Может быть, у Нулевиков есть теории, допускающие это, но, думаю, все-таки вряд ли. Нулевая скорость света — это непреодолимое препятствие, полнейшая смерть всего сущего, прекращение любого движения. В таких условиях субъект — наблюдатель — не способен никоим образом повлиять на объект — Вселенную. Так каким же образом он сможет подтолкнуть «часовую стрелку» на новый оборот? Думаю, что для Нулевиков эта идея — что-то вроде религии, этакий перформанс.

Испуганная и потрясенная, Чэн Синь неотрывно глядела на линии смерти.

— Если это следы, почему они не размываются?

Гуань Ифань крепче сжал руку девушки:

— Я как раз собирался об этом сказать. Нужно уносить ноги — и я говорю не только о Серой планете, а обо всей звездной системе. Теперь здесь невероятно опасно находиться. Линии смерти — это не обычные следы. Если их не тро-

гать, они навсегда останутся такими. Но если их потревожить, они быстро расширятся и тогда могут накрыть собой всю Солнечную систему. Ученые называют это явление «разрывом линии смерти».

— Когда линия разрывается, то нулевая скорость света устанавливается во всей системе?

— Нет, нет. После разрыва линия становится самым обычным следом пространственного двигателя. Этот след расширяется, занимает собой значительное пространство, и скорость света внутри повышается — но она никогда не превысит десятка метров в секунду. Распад линий смерти может превратить всю систему в черный домен, в черную дыру с пониженной скоростью света... Нам надо спешить.

Чэн Синь и Гуань Ифань длинными прыжками устремились к челноку.

— А какие именно воздействия приводят к разрыву? — спросила Чэн Синь и обернулась, чтобы еще разок взглянуть на линии смерти. Черные колонны позади отбрасывали длинные тени, которые тянулись по равнине до самого горизонта.

— Мы не уверены. Есть гипотезы, что так воздействует появление поблизости другого следа пространственного двигателя. Мы уже убеди-

лись, что находящиеся рядом следы влияют друг на друга.

— Значит, если «Ореол» включит двигатель...

— Именно поэтому мы отлетим подальше на термоядерной тяге и только тогда включим пространственный двигатель. Нам потребуется удалиться хотя бы на... м-м-м... сорок астрономических единиц, если считать в знакомых тебе терминах.

Когда челнок оторвался от поверхности, Чэн Синь, неотрывно глядя на удаляющиеся линии смерти, сказала:

— Нулевики дают мне кое-какую надежду.

— Вселенная многообразна, — ответил Ифань. — В ней можно найти любые миры и любых существ. Среди них и идеалисты, такие как Нулевики, и пацифисты, и филантропы... Есть даже цивилизации, полностью посвятившие себя искусству и культуре. Но их мало, и они не способны повлиять на ход истории Вселенной.

— У нас на Земле было такое же разнообразие.

— По крайней мере, работу Нулевиков когда-нибудь выполнит сам космос.

— Ты говоришь о смерти Вселенной?

— Да.

— Насколько я знаю, Вселенная продолжит

расширяться, охлаждаться, а материя в ней будет встречаться реже и реже.

— Ты знакома со старой космологией, но мы ее опровергли. Она недооценивает количество темной материи. Вселенная прекратит расширяться, а затем под воздействием сил гравитации начнет сжиматься. В конце концов она схлопнется в сингулярность, и произойдет очередной Большой взрыв. Все сбросится на ноль, вернется в исходное состояние. Природа всегда побеждает, рано или поздно.

— В новой вселенной будет десять измерений?

— Кто знает? Вариантов сколько угодно. Это же новая вселенная, с новой жизнью.

* * *

Возвращение на Голубую планету прошло так же спокойно, как и полет к Серой. Б`ольшую часть времени Чэн Синь и Гуань Ифань провели во сне, надев сонные обручи. Когда они проснулись, «Охотник» уже находился на орбите Голубой планеты. Чэн Синь взглянула на бело-синий мир далеко внизу, и ей на мгновение почудилось, что она вернулась домой.

АА вызвала их по радио. Ифань отозвался:

— Здесь «Охотник». Что там у вас стряслось?

Голос АА дрожал от волнения:

— Я несколько раз вызывала, но искин корабля отказывался вас будить!

— Я же просил соблюдать радиомолчание! Что случилось?

— Здесь Юнь Тяньмин!

Чэн Синь словно громом поразило. Остатки сна улетучились. Даже Ифань раскрыл рот от удивления.

— Что? — еле слышно переспросила Чэн Синь.

— Юнь Тяньмин здесь! Его корабль приземлился три часа назад.

— О... — только и смогла вымолвить Чэн Синь.

— И он по-прежнему молод — такой же, как ты!

— Правда? — Даже самой Чэн Синь казалось, что ее голос доносится откуда-то издалека.

— Он привез тебе подарок!

— Он уже сделал мне подарок. Мы находимся в нем.

— То был пустяк! А это восхитительный подарок, и он намного больше... Тяньмин снаружи, я сейчас его позову...

— Нет. Мы немедленно спускаемся, — перебил Ифань. — Связь по радио, да еще такая продолжительная, слишком опасна. Конец передачи.

Ифань и Чэн Синь посмотрели друг на друга и рассмеялись.

— Это точно не сон? — спросила Чэн Синь.

Даже если это сон, Чэн Синь желала, чтобы он подольше не кончался. Она включила внешний обзор. Звездное небо уже не казалось ей мрачным и холодным — наоборот, оно наполнилось чистой красотой, словно после дождя. Казалось, что даже от звездного света исходит запах весенней листвы. Молодая женщина словно заново родилась.

— Переходим в челнок и спускаемся, — распорядился Ифань.

* * *

«Охотник» начал расстыковку с челноком. В тесной кабине Ифань работал с окном интерфейса, выполняя последние проверки перед входом в атмосферу.

— Как ему удалось добраться сюда так быстро? — пробормотала Чэн Синь, словно в полусне.

Ифань уже полностью овладел собой.

— Это подтверждает нашу догадку — Первый Трисолярианский флот основал колонию невдалеке, в пределах сотни световых лет. Очевидно, они тоже приняли гравипередачу с «Ореола».

Челнок отстыковался от «Охотника». Крохот-

ная пирамида в инфоокне стала отдаляться.

— Каким же должен быть подарок, если он больше, чем звезда со всей ее планетной системой? — улыбаясь, поинтересовался Ифань.

Взволнованная Чэн Синь только покачала головой.

Заработал термоядерный реактор челнока, петли внешнего радиатора засветились красным. Двигатели начали разогрев; окно управления сообщило, что до схода с орбиты тридцать секунд. Челнок войдет в атмосферу Голубой планеты и быстро снизится.

Внезапно Чэн Синь услышала какой-то звук, словно челнок вспарывали по всей длине, от носа до кормы. Последовала серия резких толчков. Она пережила жуткое мгновение — жуткое потому, что нельзя было даже сказать, действительно ли прошло лишь мгновение. Оно одновременно казалось и бесконечно коротким, и бесконечно долгим. У Чэн Синь создалось впечатление, будто она движется сквозь время, оставаясь вне времени.

Впоследствии Ифань объяснит ей, что она ощутила «временной вакуум». Длительность этого события невозможно измерить, поскольку в течение него времени не существует.

В тот же самый момент она почувствовала себя звездой, схлопывающейся в сингулярность. Масса ее самой, Гуань Ифаня и челнока приблизилась к бесконечности.

А затем воцарилась темнота. Сперва Чэн Синь решила, что у нее что-то случилось с глазами. Она поверить не могла, что внутри челнока может быть так темно — до того темно, что она не видит даже собственного носа. Чэн Синь позвала Гуань Ифаня, но коммуникатор скафандра молчал.

Ифань руками нашарил во тьме голову Чэн Синь. Ей показалось, что их лица соприкоснулись. Она не сопротивлялась — наоборот, обрадовалась. Затем поняла, что Ифань всего лишь пытается с ней поговорить. Передатчики скафандров вышли из строя, остался единственный способ общаться — сдвинуть шлемы, чтобы звук проходил сквозь стекло.

— Не бойся! Не паникуй! Слушай меня и не шевелись! — услышала Чэн Синь сквозь скафандр. По интонациям она поняла, что Ифань кричит, но до нее доносился лишь слабый шепот. Потом почувствовала, как астроном повел рукой, после чего в кабине появился свет. Он исходил от предмета в руке ученого — полоски длиной с сигарету. Чэн Синь узнала в ней лампу химиче-

ской люминесценции — в аварийном комплекте на «Ореоле» были такие же. Полоску сгибают, и лампа начинает светиться.

— Не двигайся! Скафандры перестали подавать кислород. Дыши помедленнее. Я сейчас заполню кабину воздухом. Это недолго!

Ифань передал светящуюся лампу Чэн Синь, выдвинул ящик рядом со своим креслом и достал из него металлический баллон, похожий на маленький огнетушитель. Он повернул кран, и из баллона стали извергаться потоки белого газа.

Чэн Синь задышала чаще. Весь доступный ей воздух находился в шлеме, и чем глубже она вдыхала, тем сильнее задыхалась. Она инстинктивно поднесла руку к защелке шлема, но Ифань вовремя ее остановил. Он снова обнял ее — на этот раз чтобы успокоить. Девушка представила себе, что тонет, а он ее спасает. В холодном свете лампы она увидела его глаза — значит, они уже почти на поверхности. Чэн Синь чувствовала, как растет в кабине давление воздуха. Когда она уже готова была потерять сознание, Ифань раскрыл и ее шлем, и свой собственный. Оба глубоко вдохнули.

Придя в себя, Чэн Синь взглянула на металлический баллон. К горлышку крепился древний

механический манометр со стрелкой. Стрелка указывала на зеленый сектор.

— Кислорода из этого баллона надолго не хватит, — сообщил Ифань. — Кабина очень скоро остынет. Нам нужно сменить костюмы. — Он рывком поднялся с кресла и вытащил из задней части кабины два металлических ящика. Открыл один — в нем лежал скафандр.

Современные скафандры — как в Солнечной системе, так и здесь — были очень легкими. Если в костюме не создавать положенного давления, отсоединить небольшой модуль жизнеобеспечения и снять шлем, то такой космический наряд мало чем отличается от повседневной одежды. Однако скафандры в ящиках оказались тяжелыми и неудобными, наподобие тех, что производились в Общую Эру.

В воздухе заклубился пар от дыхания. Чэн Синь сняла свой легкий костюм и ощутила пронизывающий до костей холод в кабине. Надеть тяжелый скафандр оказалось непросто, понадобилась помощь Ифаня. Девушка чувствовала себя ребенком, нуждающимся в помощи взрослого мужчины — давно забытое ощущение. Прежде чем Чэн Синь надела шлем, Ифань объяснил ей, где находятся рукоятка подачи кислорода,

рычажок герметизации, регулятор температуры, выключатели связи и освещения и так далее. В этом скафандре не было никакой автоматики, все управлялось вручную.

— В нем нет ни одной микросхемы, — сказал Ифань. — Сейчас наши компьютеры, как электронные, так и квантовые, не работают.

— Почему?

— Скорость света в данный момент не превышает двадцати километров в секунду.

Ифань помог Чэн Синь пристегнуть шлем. Она совсем замерзла. Астроном включил подачу кислорода и обогрев, и молодая женщина почувствовала, что оттаивает. Ифань стал облачаться в свой скафандр. Он действовал споро, но после того как он надел шлем, прошло какое-то время, прежде чем заработала связь. Впрочем, обоим было не до разговоров, пока их остывшие тела не отогрелись.

Облачение оказалось до того тяжелым и жестким, что оставалось только удивляться, как вообще в нем можно двигаться при нормальной гравитации. Чэн Синь воспринимала свой скафандр не столько как одежду, сколько как дом — единственное место, где она могла укрыться. Химическая лампа, плавающая по кабине, начала

тускнеть; тогда Ифань включил фонарь на своем шлеме. В тесноте кабины Чэн Синь подумала, что они словно доисторические шахтеры, попавшие в завал глубоко под землей.

— Что произошло? — спросила Чэн Синь.

Ифань всплыл над креслом и не без труда открыл шторку одного из иллюминаторов — их автоматика тоже вышла из строя. Потом перебрался на другую сторону кабины и сделал там то же самое.

Чэн Синь посмотрела на изменившуюся Вселенную.

В противоположных концах космоса светились два скопления звезд — синее впереди и красное позади. Чэн Синь видела похожую картину, когда «Ореол» перешел на скорость света; но теперь эти два скопления были нестабильными. Их форма постоянно менялась, они казались двумя огненными клубками, бьющимися под напором ураганного ветра. Вместо звезд, иногда перескакивающих из синего скопления в красное, два конца Вселенной соединялись поясами света, один по левому борту челнока, другой по правому.

Один из поясов был шире, он занимал полнеба. Его закругленные концы не дотягивались до

синего и красного скоплений. Чэн Синь догадывалась, что этот «пояс» не что иное, как сильно сплющенный овал или растянутая окружность. По поясу пробегали цветные пятна разной величины — голубые, белые и светло-желтые. Чэн Синь поняла, что смотрит на Голубую планету.

Пояс на другой стороне челнока был тоньше, но ярче, и на его поверхности глаз не различал никаких деталей. В отличие от Голубой планеты, форма этого пояса быстро изменялась, переходя из прямой линии, соединяющей красное и синее скопления, в окружность и обратно. Регулярно принимаемый поясом вид круга подсказал Чэн Синь, что это звезда DX3906.

— Мы на орбите Голубой планеты, — пояснил Гуань Ифань, — и движемся со скоростью света. Вот только эта скорость очень низкая.

До катаклизма челнок кружил по орбите значительно быстрее, но скорость света — высший предел, и поэтому скорость аппарата упала до световой.

— Линии смерти разорвались?

— Да. И накрыли собой всю Солнечную систему. Мы в ловушке.

— Это из-за воздействия следа корабля Тяньмина?

— Не исключено. Он ведь не знал про линии смерти.

Чэн Синь не хотела спрашивать, что делать дальше; она знала: ничего сделать нельзя. Ни один компьютер не будет работать, когда скорость света не превышает двадцати километров в секунду. Искусственный интеллект челнока и все системы управления мертвы. В челноке даже свет включить невозможно — без электричества и двигателей он стал консервной банкой. То же самое наверняка произошло и с «Охотником», и он точно так же мертв. До того как угодить в зону с пониженной скоростью света, челнок еще не приступил к торможению, поэтому небольшой космолет находился где-то рядом, но с тем же успехом мог бы быть на другой стороне планеты: без систем управления ни челнок, ни «Охотник» не могли даже открыть люки.

Чэн Синь подумала о Юнь Тяньмине и [illegible] АА. Они внизу, на планете, и должны быть в безопасности. Но связаться с ними невозможно. Ей не довелось даже сказать Тяньмину «привет»...

Что-то легкое тюкнуло по стеклу шлема. Кислородный баллон. Чэн Синь снова бросила взгляд на древний манометр, а затем пощупала свой скафандр. Угасшая надежда разгорелась вновь,

словно светлячок.

— Ты готовился к подобной катастрофе? — спросила она.

— Да. — В динамиках скафандра голос Ифаня звучал необычно, искаженный старой аналоговой электроникой. — Не к разрыву линий смерти, конечно, но мы были готовы случайно пролететь сквозь след пространственного корабля. Эффект в обоих случаях один и тот же — пониженная скорость света останавливает все... А теперь мы запустим нейроны.

— Что?

— Нейронные компьютеры. Они могут работать при пониженной скорости света. И челнок, и «Охотник» оборудованы двумя системами управления. Одна из них использует нейронные сети.

Чэн Синь была поражена: вот это да! Неужели такие машины существуют?!

— Их ключевая характеристика — не скорость света, а системный принцип действия. Передача химических сигналов в мозге осуществляется довольно медленно — два-три метра в секунду, примерно с такой скоростью мы ходим. В нейронных компьютерах имитируется особенность, присущая мозгу высших животных, — одновременная обработка множества параллельных

сигналов. Поэтому такие компьютеры могут работать при низкой скорости света. И все микросхемы в них специально спроектированы так, чтобы функционировать в этих условиях.

Ифань открыл настенную панель, обозначенную точками, соединенными в сложную сеть, словно щупальца осьминога. За ней находилась небольшая консоль управления с жидкокристаллическим экраном, переключателями и индикаторами. Все эти детали считались устаревшими уже в конце Эры Кризиса. Астроном щелкнул выключателем, и по засветившемуся экрану побежали строчки текста. Чэн Синь узнала в них протокол загрузки какой-то операционной системы.

— Для запуска параллельной нейронной обработки требуется сначала загрузить операционную систему в последовательном режиме. Ты даже не поверишь, как это долго при невысокой скорости света. Посмотри, скорость передачи всего несколько сот байтов в секунду. Даже до килобайта не дотягивает.

— Тогда загрузка займет много времени.

— Верно. Но постепенно в дело будет вступать параллельный режим, и скорость повысится. И все равно процесс завершится нескоро. — Ифань

указал на индикатор — строчку текста внизу экрана.

> Запись модуля загрузчика: остается 68 часов, 43 минуты, [мелькание] секунд.
>
> Запуск операционной системы: остается 297 часов, 52 минуты, [мелькание] секунд.

— Это же двенадцать дней! — ахнула Чэн Синь. — А что будет с «Охотником»?

— Он сам обнаружит, что попал в зону пониженной скорости света, и автоматически запустит нейронный компьютер. Но процесс займет почти столько же времени.

Двенадцать дней! Только через двенадцать дней они смогут добраться до аварийных комплектов на челноке и «Охотнике». До тех пор им придется полагаться на примитивные скафандры. Если у них ядерные источники питания, то энергии хватит — но не хватит кислорода.

— Придется лечь в гибернацию, — сообщил Ифань.

— Разве на челноке есть гибернатор? — Как только Чэн Синь проговорила эти слова, она поняла свою ошибку. Даже если такое оборудование имеется, им надо управлять через компьютер — а

он не действует.

Ифань потянулся к тому же ящику, из которого ранее доставал баллон с кислородом, и извлек небольшую коробочку. Внутри лежало несколько таблеток.

— Это средство для кратковременной гибернации. В отличие от обычного анабиоза, оно не требует внешней системы поддержания жизни. Когда заснешь, будешь дышать очень медленно, и кислорода потребуется совсем немного. Одной таблетки хватит на пятнадцать дней.

Чэн Синь подняла забрало шлема и проглотила таблетку. Ифань сделал то же самое. Потом она посмотрела в иллюминатор.

Цветные пятна теперь так быстро неслись по Голубой планете — широкому поясу, соединявшему синий и красный концы медленной вселенной, — что сливались воедино.

— Ты можешь различить периодически повторяющиеся узоры на поясе? — Ифань не смотрел в иллюминаторы. С полузакрытыми глазами он застегивал ремни на своем противоперегрузочном кресле.

— Они проносятся слишком быстро.

— Постарайся проследить их глазами.

Чэн Синь попыталась догнать взглядом теку-

щие по поясу узоры. На мгновение ей удалось рассмотреть голубые, белые и желтые пятна, но они тут же расплылись.

— Не получается, — ответила она.

— Не расстраивайся, они слишком быстро движутся. Один и тот же узор может повторяться сотни раз в секунду. — Ифань вздохнул. Чэн Синь заметила, что он расстроен, хоть и пытается это скрыть. И она знала почему.

Каждый раз, когда узор на широком поясе повторялся, это означало, что челнок совершил еще один оборот со скоростью света вокруг Голубой планеты. Дьявольские законы теории относительности продолжали действовать и при пониженной скорости света! Время на планете проносилось в десятки миллионов раз быстрее, чем здесь, на челноке. Сердце Чэн Синь обливалось кровью.

Здесь — одно мгновение; там — тысячелетия.

Чэн Синь отвернулась от иллюминатора и тоже пристегнулась к креслу. В иллюминаторе по другому борту челнока мелькал свет. Солнце этого мира становилось то яркой линией, соединяющей два конца Вселенной, то огненным шаром. Оно танцевало безумную пляску смерти.

— Чэн Синь, — негромко позвал ее Ифань. — Не

исключено, что, когда мы очнемся, на экране будет сообщение об ошибке.

Чэн Синь повернулась и улыбнулась ему сквозь шлем скафандра.

— Я не боюсь.

— Я знаю, что ты не боишься. Я просто хочу кое-что сказать тебе, на случай если... Мне известно, что ты была Держателем Меча. Знай: ты не сделала ничего плохого. Тебя выбрало человечество, а это значит, что оно выбрало любовь, даже если за это пришлось дорого заплатить. Ты исполнила волю мира, приняла его ценности, осуществила его выбор.

— Спасибо, — ответила Чэн Синь.

— Не знаю, что случилось с тобой потом, но не сомневаюсь, что и тогда ты не совершила ничего плохого. В любви ничего плохого нет. Один человек не способен уничтожить целый мир. Если миру настал конец, то это результат усилий множества людей, как ныне живущих, так и уже умерших.

— Спасибо, — повторила Чэн Синь. На ее глаза навернулись горячие слезы.

— А что случится с нами... я тоже не боюсь. Когда я служил на «Гравитации», все эти звезды в пустоте космоса навевали на меня страх и уны-

ние. Я хотел перестать размышлять о Вселенной. Но это словно наркотик, и я не мог остановиться. Теперь, наконец, смогу.

— Хорошо. Знаешь, я боюсь только одного: что ты испугаешься.

— И я тоже.

Они взялись за руки и в мерцании солнца, продолжающего свою безумную пляску, мало-помалу потеряли сознание и перестали дышать.

Около семнадцати миллиардов лет от начала времени. Наша Звезда

Пробуждение вышло нескорым.

Чэн Синь постепенно пришла в себя. Как только взор и сознание прояснились, она сразу же поняла, что нейронный компьютер успешно загрузился. Кабину освещал мягкий свет, и она слышала успокаивающий гул механизмов. Воздух был теплым. Челнок вернулся к жизни.

Но вскоре Чэн Синь заметила, что свет исходит не от тех ламп, которыми пользовались раньше. Наверное, это были специальные аварийные фонари для зоны пониженной скорости света. В воздухе не висели инфоокна — вероятно, при такой скорости света они не действуют. Интерфейс нейронного компьютера ограничивался одним маленьким плоским экраном; сейчас он был похож на цветной растровый дисплей Общей Эры.

Гуань Ифань плавал перед экраном компьютера, то и дело касаясь его пальцами. Перчатки он снял. Астроном обернулся, улыбнулся девушке, показал жестом, что можно пить, и передал ей бутылку с водой.

— Прошло шестнадцать дней, — сообщил он.

Бутылка была теплой. Чэн Синь заметила, что у нее на руках тоже нет перчаток. Она по-прежнему находилась в примитивном скафандре, но шлем был отстегнут. Температура и давление в кабине были комфортными.

Поскольку Чэн Синь уже могла двигать руками, она расстегнула привязные ремни и подлетела к Ифаню, чтобы посмотреть на экран. Два скафандра плотно прижались друг к другу боками. На экране светилось несколько окошек, в которых бежали цифры — результаты диагностики различных систем челнока. Ифань сообщил Чэн Синь, что установил связь с «Охотником», тоже успешно запустившим нейронный компьютер.

Чэн Синь осмотрелась и заметила, что шторки на двух иллюминаторах по-прежнему открыты. Она подлетела поближе. Гуань Ифань притушил свет в кабине, чтобы отражения не мешали смотреть. Гуань и Чэн Синь теперь настолько точно предугадывали желания друг друга, что казались единым существом.

На первый взгляд Вселенная ничуть не изменилась по сравнению с тем, что девушка видела раньше. Челнок продолжал обращаться вокруг Голубой планеты на пониженной скорости света;

два скопления звезд, синее и красное, все так же пульсировали на противоположных концах Вселенной; солнце по-прежнему дрожало в безумном танце, становясь то линией, то окружностью; а по поверхности Голубой планеты не прекращали бежать цветные пятна. Когда Чэн Синь попыталась проследить за ними взором, она наконец обнаружила различие: голубой и белый цвета сменились фиолетовым.

Ифань указал на экран:

— Диагностика двигателя завершена. По сути, все исправно. Мы можем приступить к торможению, когда пожелаем.

— Термоядерный двигатель по-прежнему действует? — спросила Чэн Синь. Этот вопрос возник у нее еще до того, как они легли в гибернацию. Тогда она не спрашивала, опасаясь получить разочаровывающий ответ, и не хотела беспокоить Ифаня понапрасну.

— Нет, конечно. При такой скорости света ядерный синтез дает слишком мало энергии. Воспользуемся резервным двигателем на антиматерии.

— Антиматерии? Но разве изменившаяся скорость света не повлияла на поля, удерживающие антивещество?

— С этим все в порядке. Аннигиляционный двигатель разработан специально для условий пониженной скорости света. Когда мы посылаем дальние экспедиции наподобие этой, то оснащаем все корабли низкосветовыми двигателями. Наш мир энергично разрабатывает эти технологии. Не из опасения ненароком наткнуться на след пространственного двигателя, а на тот случай, если потребуется укрыться в световой гробнице, то есть в черном домене.

Через полчаса челнок и «Охотник» включили аннигиляционные двигатели и начали торможение. Перегрузка вдавила Чэн Синь и Гуань Ифаня в кресла, шторки иллюминаторов закрылись. Челнок сильно затрясся, но понемногу вибрация сошла на нет. Торможение заняло не более двадцати минут. Двигатели отключились, и в кабине снова возникла невесомость.

— Мы уже не на скорости света, — объявил Гуань Ифань. Он нажал кнопку, и шторки двух иллюминаторов раскрылись.

Выглянув наружу, Чэн Синь увидела, что синее и красное скопления исчезли, а солнце стало обычным. Но Голубая планета, видимая через иллюминатор с другой стороны, удивила: она стала «Фиолетовой планетой». Океан оставался

бледно-желтым, но все прочее было окрашено в фиолетовый цвет. Даже снег пропал. Но больше всего девушку поразил вид космоса.

— Что это за линии? — воскликнула Чэн Синь.

— Полагаю, это... звезды. — Ифань был удивлен не меньше нее.

Все звезды на небе превратились в тонкие светлые полоски. Чэн Синь вообще-то была знакома с таким феноменом. Она видела множество фотографий звездного неба, снятых на Земле с длительной выдержкой. Из-за вращения Земли точки звезд становились концентрическими дугами приблизительно одинаковой длины. Но теперь звезды предстали прямолинейными отрезками разной длины и ориентации. Несколько самых длинных из них перечеркивали почти треть неба. Линии пересекались друг с другом под различными углами, и небо казалось намного более хаотическим и непонятным, чем раньше.

— Да, думаю, это звезды, — повторил Ифань. — Свет звезды должен пройти сквозь несколько поверхностей раздела сред, прежде чем он достигнет нас. В первый раз он изменяется на границе скорости света, во второй — на горизонте событий черной дыры. Поэтому звезды и выглядят так странно.

— Мы внутри черного домена?

— Да, внутри световой могилы.

Система звезды DX3906 была теперь черной дырой с пониженной скоростью света, полностью отрезанной от остальной Вселенной. Звездное небо, сотканное из миллионов пересекающихся серебристых нитей, стало видимой, но недостижимой мечтой.

— Давай спустимся на поверхность, — нарушил долгое молчание Ифань.

Челнок возобновил торможение, снизил высоту орбиты, несколько раз вздрогнув всем корпусом, вошел в атмосферу и спустился к поверхности планеты, на которой им двоим суждено провести всю оставшуюся жизнь.

Экран системы наблюдения заполнился фиолетовыми пейзажами. Путешественники убедились, что фиолетовый — это цвет растительности. Вероятно, перемены в спектре солнечного излучения побудили растения на Голубой планете поменять цвет, когда они приспосабливались к новому освещению.

Даже само существование солнца оказалось фактом неожиданным. Поскольку $E = mc^2$, выход энергии в термоядерной реакции в условиях низкой скорости света должен быть незначитель-

ным. Возможно, внутри звезды скорость света осталась обычной?

Челноку задали для посадки ту же точку, с которой он взлетел, покидая «Ореол». Когда они снизились, то увидели там густой фиолетовый лес. Ифань уже намеревался подняться и поискать открытое место, но деревья бросились наутек, спасаясь от факела двигателя. Тогда суденышко аккуратно село на образовавшуюся поляну.

На экране высветилось сообщение: воздух за бортом пригоден для дыхания. По сравнению с последним разом, когда они здесь были, процент кислорода в атмосфере существенно вырос, а сама атмосфера стала плотнее, давление поднялось в полтора раза.

Чэн Синь и Гуань Ифань вышли из челнока и вновь ступили на землю Голубой планеты. Их приветствовал теплый, влажный воздух, а почва была покрыта мягким, упругим слоем чернозема. В земле осталось множество углублений от корней росших здесь деревьев. Теперь эти деревья толпились на опушке, а их широкие листья шелестели на ветру. Казалось, что людей окружили перешептывающиеся гиганты. Такая плотная растительность совершенно перемени-

ла планету.

Чэн Синь не любила фиолетовый цвет. Он всегда представлялся ей каким-то нездоровым, удручающим, напоминал фиолетовые губы людей с больным сердцем, не поставляющим достаточно кислорода. Но здесь, куда ни посмотри, все вокруг фиолетовое, и ей предстоит прожить в этом мире всю оставшуюся жизнь!

И никаких следов присутствия человека — ни «Ореола», ни корабля Юнь Тяньмина.

Гуань Ифань и Чэн Синь осмотрелись и поняли, что ландшафт этого участка планеты за прошедшее время полностью изменился. Они точно помнили, что поблизости находились невысокие холмы, но теперь это была равнина, заросшая лесом. Путешественники вернулись в челнок, чтобы проверить координаты, — ошибки не было. Тогда они снова особо тщательно осмотрели окрестности, но так и не смогли найти следов пребывания людей. Их окружала нетронутая целина, словно они тогда садились на какой-то другой планете, в каком-то ином пространстве-времени.

Ифань вернулся в челнок и установил связь с «Охотником», оставшимся на низкой орбите. На «Охотнике» стоял мощный нейронный компьютер с искусственным интеллектом, способным к

речевому общению. Из-за низкой скорости света связь шла с задержкой больше десяти секунд. С тех пор как «Охотник» вместе с челноком снизил орбитальную скорость, корабль непрерывно сканировал поверхность планеты с орбиты. Он уже закончил съемки большей части суши, но так и не обнаружил ни следов деятельности человека, ни признаков любой другой разумной жизни.

Чэн Синь и Гуань Ифань нехотя приступили к работе, которая их страшила, но была абсолютно необходимой: определить, сколько прошло времени в этой системе отсчета. Для условий низкой скорости света существовала специальная радиометрическая методика. Некоторые элементы, стабильные при нормальной скорости света, при пониженной начинали распадаться с разной быстротой, что позволяло измерить течение времени. Поскольку челнок готовили для научной экспедиции, на нем имелось оборудование для измерения распада атомов — но оно нуждалось в компьютере. Ифаню пришлось потрудиться, прежде чем он сумел подключить установку к нейронному компьютеру челнока. Тогда он настроил аппаратуру для анализа десяти образцов горных пород, собранных в разных местах планеты. Через полчаса можно будет сравнить

результаты.

Чэн Синь и Гуань Ифань вышли из челнока на поляну и стали дожидаться окончания анализа. Между крон деревьев пробивались солнечные лучи и освещали землю под ногами. Повсюду порхали маленькие странные существа: насекомые с винтом сверху наподобие вертолетного; крохотные прозрачные пузырьки, плывущие по воздуху и радужно сверкающие в лучах светила... Но ни у одного из них не было крыльев.

— Наверное, прошли десятки тысяч лет, — пробормотала Чэн Синь.

— А то и больше, — ответил Гуань Ифань, вглядываясь в лес. — Для нас все одно, что десятки тысяч лет, что сотни.

Больше они ни о чем не говорили, просто сидели на ступеньке трапа, прильнув друг к другу, — каждый слушал биение сердца другого и черпал в нем утешение.

Через полчаса они поднялись в челнок, чтобы узнать правду. На экране светились результаты исследований десяти образцов. Анализатор измерил распад многих химических элементов и построил сложные графики. Все образцы дали похожие результаты. Окончательный ответ находился в последней строчке отчета:

Усредненные результаты датировки по методу атомного распада (ошибка не превышает 0,4%): совершено оборотов вокруг звезды: 6177906. Истекло земных лет: 18903729.

Чэн Синь трижды пересчитала цифры в последнем числе, развернулась и молча вышла из челнока. Она спустилась по трапу и вернулась в фиолетовый мир. Ее окружали высокие фиолетовые деревья, солнечный луч высвечивал небольшое яркое пятно у самых ног, влажный воздух развевал ее волосы, над головой летали живые пузырьки... а за плечами у нее осталось без малого девятнадцать миллионов лет.

Подошел Ифань. Они посмотрели друг другу в глаза, и их души слились воедино.

— Чэн Синь, мы с ними разминулись.

Через восемнадцать с лишним миллионов лет после того, как система звезды DX3906 стала черной дырой с пониженной скоростью света, через семнадцать миллиардов лет со дня рождения Вселенной, мужчина и женщина стояли, крепко обняв друг друга.

Чэн Синь разрыдалась на плече Ифаня. Насколько она помнила, она так плакала лишь

однажды, когда из тела Тяньмина извлекли мозг. Это было... 18903729 лет плюс еще шесть веков назад; впрочем, эти шесть веков — лишь погрешность округления на воистину геологической шкале времени. На сей раз молодая женщина оплакивала не только Тяньмина, но и свое поражение. Наконец-то ей стало ясно, что она не более чем пылинка, подхваченная ураганом, крохотный листок, летящий над широкой рекой. Она сдалась целиком и полностью, позволила ветру продувать ее насквозь, разрешила солнечному лучу пронзить ее душу...

Пусть прошлое останется в прошлом. А в ее сердце пусть растет теплое чувство к Гуань Ифаню.

Не разжимая объятий, они опустились на мягкую землю и долго сидели так, не замечая хода времени. Вокруг них медленно кружили пятна солнечного света, следуя за вращением планеты. Порой Чэн Синь спрашивала себя: «А не прошло ли еще десять миллионов лет?» Меньшая, рациональная часть ее сознания удивленно шептала, что такое возможно. Действительно, бывают миры, где можно сделать один шаг — и перенестись на тысячу лет. Возьмем те же линии смерти. Если они разорвутся и лишь чуть-чуть расши-

рятся, скорость света внутри поднимется от нуля до какого-то небольшого значения, подобного скорости дрейфа континентов — скажем, один сантиметр за десять тысяч лет. Отойдет девушка в таком мире от возлюбленного на несколько шагов — и их разделят десять миллионов лет...

И больше они никогда не встретятся.

Наконец Ифань нарушил молчание, тихо спросив:

— Что же нам теперь делать?

— Продолжим поиски. Какой-нибудь след обязательно должен найтись!

— Мы ничего не найдем. Восемнадцать миллионов лет сотрут в прах что угодно. Время — это самая жестокая сила.

— Высечь слова в камне...

Ифань непонимающе взглянул на Чэн Синь.

— ⊠ АА догадалась бы вырезать послание на камне, — пробормотала девушка.

— Не понимаю...

Вместо объяснений, Чэн Синь схватила Ифаня за плечи:

— Ты можешь приказать «Охотнику» произвести глубинное сканирование этой местности и поискать что-нибудь под поверхностью?

— Что именно надо искать?

— Слова. Пускай он ищет слова.

Ифань покачал головой:

— Я понимаю твое стремление, но...

— Надпись должна быть крупной — так она лучше сохранится в течение миллионов лет.

Ифань кивнул, но только чтобы не спорить. Они вернулись в челнок. Хотя идти им было всего несколько шагов, они шли, тесно прижавшись друг к другу, словно опасались, что время разлучит их, если они расстанутся. Ифань установил связь с «Охотником» и дал команду на сканирование подземных объектов в радиусе трех километров и на глубине от пяти до десяти метров от этой точки. Следовало искать надписи или любые другие признаки деятельности человека.

«Охотник» пролетел над головой через пятнадцать минут, а еще через десять прислал результаты поиска: ничего не найдено.

Гуань Ифань изменил глубину сканирования; теперь искать предстояло между десятью и двадцатью метрами. Прошел еще час, в основном в ожидании пролета корабля. По-прежнему ничего. На такой глубине почвы уже не было, сплошной камень.

Гуань Ифань переключил сканирование на глубину от двадцати до тридцати метров:

— Это предел, — сказал он. — Сенсоры не смогут заглянуть дальше.

Они стали дожидаться очередного витка корабля по орбите вокруг Голубой планеты. Солнце уже садилось, в небе появилось множество прелестных пламенеющих облачков, а над фиолетовыми лесами заиграло золотистое сияние.

На сей раз на экране в челноке вспыхнули изображения, переданные с корабля. После компьютерной обработки на темном фоне камня проявились обрывки белых слов: «м», «изнь», «ва», «леньк», «нутри», «правля». Белый цвет означал, что знаки вырезаны в коренной породе. Каждый символ был размером около метра, и все вместе они складывались в четыре строчки. Послание располагалось на глубине от двадцати трех до двадцати восьми метров и было высечено на крутом склоне.

МЫ ПРОЖИЛИ СЧАСТЛИВУЮ ЖИЗНЬ ВМЕСТЕ
МЫ ДАРИМ ВАМ МАЛЕНЬКУЮ
СПАСАЙТЕСЬ ОТ КОЛЛАПСА ВНУТРИ
ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ В НОВУЮ

Искусственный интеллект «Охотника» привлек к работе геологическую экспертную систему

и провел дальнейшую обработку полученных данных. Оказалось, что гигантские символы высечены на поверхности большого массива осадочных пород на склоне горы. Площадь, занимаемая текстом, доходила до 130 квадратных метров. За миллионы лет гора погрузилась в почву; поэтому надпись и оказалась глубоко под землей. В послании было больше четырех строк, но нижняя часть камня за долгое время раскрошилась, и находившийся там текст оказался утрачен. Да и в последних трех строчках из тех, что удалось прочитать, недоставало заключительных слов.

Чэн Синь и Гуань Ифань снова обняли друг друга. Они плакали от счастья, узнав о судьбе [illegible]АА и Юнь Тяньмина, и проникались радостью, которой сто восемьдесят тысяч веков назад с ними поделились их друзья. В отчаявшиеся сердца пришло утешение.

— Интересно, как они жили? — спросила Чэн Синь. В ее глазах блестели слезы.

— Возможно множество вариантов, — ответил Ифань.

— У них были дети?

— Почему бы и нет? Они могли даже основать здесь цивилизацию.

Чэн Синь понимала, что такое и в самом деле могло быть. Но даже если их цивилизация просуществовала десять миллионов лет, последовавшие восемь стерли бы все их следы.

Время действительно самая жестокая сила во Вселенной.

И тут что-то странное прервало их раздумья: над поляной реял прямоугольник высотой в рост человека. Его края, обрамленные бледными светлыми линиями, походили на пунктир, который оставляет компьютерная мышь при выборе участка изображения. Прямоугольник двигался в воздухе, но, отлетев немного, тут же возвращался на исходную позицию. Не исключено, что он парил здесь с самого начала, но у него настолько бледный и тонкий контур, что днем его не увидеть. Из чего бы ни состоял прямоугольник — из силовых полей или обычной материи, — совершенно очевидно, что он создан разумными существами. Линии контура напоминали звезды, ставшие светлыми черточками в небе.

— Ты как думаешь, это и есть тот... подарок, который они нам оставили? — спросила Чэн Синь.

— Вряд ли. Как он мог уцелеть после восемнадцати миллионов лет?

Ифань ошибался. Объект и в самом деле пере-

жил восемнадцать миллионов лет. При необходимости он дожил бы до последних дней Вселенной — потому, что существовал вне времени.

Дверь помнила, что изначально ее поместили рядом с камнем, на котором выгравировали текст, и что у нее было настоящее металлическое обрамление. Но металл распался прахом через какие-то пятьсот тысяч лет, а объект всегда оставался таким же новым. Он не боялся времени — его собственное время еще не начало ход. Он обретался под землей, на глубине тридцати метров, рядом с надписью на камне, но, обнаружив присутствие людей, поднялся на поверхность. По пути наверх земля не препятствовала ему, и он летел, словно призрак. А теперь убедился, что эти двое и в самом деле те, кого он ждал.

— Мне кажется, это дверь, — сказала Чэн Синь.

Ифань подобрал небольшую ветку и швырнул ее в прямоугольник. Ветка пролетела насквозь и упала на землю с другой стороны. Подлетело несколько фосфоресцирующих существ-пузырьков. Некоторые из них прошли сквозь прямоугольник, а одно даже пересекло светящийся контур.

Ифань протянул руку и коснулся контура. Световая линия и его палец прошли друг сквозь

друга, и он ничего не ощутил. Недолго думая, он сунул руку в плоскость прямоугольника. Чэн Синь завизжала. Ифань вытащил руку обратно — с ней ничего не случилось.

— Твоя рука... Ее тут не было! — Чэн Синь указывала на оборотную сторону прямоугольника.

Ифань попробовал снова. Его ладонь и предплечье не прошли насквозь, а исчезли, как только пересекли плоскость. С другой стороны Чэн Синь видела руку, будто рассеченную стеклом. Четко выделялись кости, мышцы, кровеносные сосуды. Ифань вытянул руку обратно и еще раз повторил эксперимент с веткой. Она просто прошла сквозь прямоугольник, и все. А затем через объект пролетели несколько насекомых с крутящимися воздушными винтами.

— Это действительно дверь, — согласился Ифань. — Но она умная — распознает, *что* проходит сквозь нее.

— Тебя она впускает.

— Наверное, и тебя тоже впустит.

Чэн Синь робко попробовала, и ее рука тоже исчезла в «двери». Ифань увидел сечение руки с противоположной стороны. Дежавю...

— Подожди здесь, — сказал Ифань. — Я схожу посмотрю, что там.

— Мы пойдем вместе, — решительно заявила Чэн Синь.

— Нет, ты останешься здесь.

Чэн Синь схватила Ифаня за плечи и развернула к себе. Посмотрела прямо в глаза.

— Ты в самом деле хочешь, чтобы нас тоже разделили восемнадцать миллионов лет?

Ифань долго глядел в ее глаза, потом наконец кивнул:

— Пожалуй, нам надо кое-что прихватить с собой.

Через десять минут они, держась за руки, шагнули в дверь.

Вне времени. Наша вселенная

Первородная тьма.

Чэн Синь и Гуань Ифаня вновь окутал временной вакуум. Ощущение было похожим на то, когда их челнок попал в зону пониженной скорости света. Время здесь не двигалось — а может быть, лучше сказать, что его тут не существовало. Они утратили чувство времени, и у них опять создалось впечатление, что они проносятся сквозь время, оставаясь вне его.

Тьма развеялась, и время пошло вперед.

В языке человека нет слов, которыми можно описать момент, когда время начинает ход. Нельзя даже сказать, что время началось после того, как они прошли сквозь дверь, поскольку «после» требует времени. Но времени здесь не было, а потому не было ни «до», ни «после». То самое время «после» входа могло быть как короче одной миллиардной доли от одной миллиардной доли секунды, так и длиннее миллиарда миллиардов лет.

Зажглось солнце — медленно и постепенно. Сначала оно казалось просто диском, а потом в его свете начал проявляться мир вокруг — словно

мелодия, начинающаяся самыми тихими нотами и вырастающая в мощный хор. Вокруг солнца возникла голубая окружность, разрослась и стала голубым небом. Под небом начала неспешно вырисовываться идиллическая картина: черное, незасеянное поле, а рядом прелестный белый домик. Экзотическая деталь: несколько деревьев с широкими листьями странной формы — намек на необычное. Солнце неторопливо разгоралось, и мирная сцена, казалось, приветливо раскрывала свои объятья.

— Там люди! — Гуань Ифань указал вдаль.

Возле самого горизонта спиной к ним стояли две фигуры — мужчина и женщина. Мужчина только что опустил поднятую руку.

— Это мы сами! — догадалась Чэн Синь.

Перед далекими фигурами виднелись белый домик и деревья, точные копии тех, что были поблизости. На таком расстоянии разглядеть, чт`о у людей под ногами, не получалось, но, скорее всего, это еще одно черное поле. В конце этого мира начиналась его копия, а может быть, проекция.

Копии или проекции мира обнаружились со всех сторон. Путешественники огляделись и увидели кругом то же самое. Их пара присутствовала в каждом из миров, но они видели лишь затылки

своих копий: те отворачивались, стоило только Чэн Синь и Гуань Ифаню повернуться к ним. Оглядываясь, новоприбывшие видели все тот же мир, только смотрели на него теперь с другой стороны.

Дверь, через которую они вошли сюда, исчезла.

Чэн Синь и Гуань Ифань двинулись, ступая по дорожке из каменных плиток, а их копии в копиях мира шли вместе с ними. Им встретился ручеек; моста не было, но ручей был настолько узким, что они его перешагнули. Только сейчас люди осознали, что гравитация здесь стандартная, 1g. Прошли мимо рощи деревьев и оказались возле белого домика. Дверь была закрыта, синие занавески на окнах задернуты. Все выглядело совершенно новым, ни пылинки ни соринки, — собственно, оно и было новым; время здесь началось только сейчас.

Перед домом лежала груда примитивных сельскохозяйственных инструментов: лопаты, грабли, корзины, ведра... Кое-какие предметы имели необычные очертания, но тем не менее догадаться об их назначении было несложно. Больше всего путешественников заинтересовал ряд металлических колонн, стоящих неподалеку

от инвентаря: высотой с человека, полированная поверхность блестит в солнечных лучах. У каждой колонны было по четыре металлических приспособления — по-видимому, сложенные руки. Скорее всего, это неактивированные роботы.

Чэн Синь и Гуань Ифань решили ознакомиться с территорией, прежде чем заходить в дом, поэтому прошли мимо него. Через километр они добрались до края этого маленького мирка и замерли перед расстилающейся перед ними копией. Поначалу они решили, что это всего лишь отражение, хотя оно и не было зеркальным. Потом поняли, что это не отражение — настолько все было реально. Сделали шаг — и, не встречая никакого сопротивления, оказались в дубликате мира. Чэн Синь огляделась, и ее сердце екнуло от испуга.

Все выглядело точно так же, как в тот момент, когда они впервые оказались в этом мире. Тот же самый деревенский пейзаж с копиями впереди, позади и по сторонам. А в тех копиях — копии их самих. Чэн Синь и Ифань обернулись и увидели, что их двойники на дальнем конце только что оставленного ими мира тоже смотрят себе за спину.

Ифань глубоко вздохнул:

— Не думаю, что есть смысл идти дальше. До конца все равно не дойдем. — Он указал вверх, затем вниз. — Спорю, что если бы земля и небо не перекрывали обзор, мы увидели бы то же самое и над головой, и под ногами.

— Ты знаешь, что это такое?

— Ты знакома с работами Чарльза Мизнера?[71]

— Кто это?

— Физик из Общей Эры. Один из первых, кто придумал эту модель. По сути, мы находимся в очень простом мире. Это куб со стороной около километра. Представь себе комнату с четырьмя стенами, полом и потолком. Но комната создана так, что потолок — это и пол, а каждая стена совпадает с противоположной. На деле у нее только две стены. Как только пройдешь через одну, немедленно оказываешься у другой. То же самое с полом и потолком. Это полностью замкнутый мир, в котором конец одновременно служит началом. То, что мы видим, — это свет, проносящийся от одного края до другого и возвращающийся к начальной точке. Мы находимся в

---

[71] Примечания: 71

Чарльз Мизнер — американский физик, специализирующийся на общей теории относительности и космологии. Его работы посвящены фундаментальным основам таких областей физики, как квантовая гравитация и численная относительность (https://ru.wikipedia.org/wiki/Мизнер,_Чарльз). — *Прим. перев.*

том же мире, в который вошли, потому что только он один и существует. Каждая из окружающих нас копий — это просто вид на наш мир.

— Значит, это...

— Да! — Ифань обвел рукой все вокруг. — Юнь Тяньмин однажды подарил тебе звезду, а теперь он дал тебе вселенную. Чэн Синь, это целая вселенная! Пускай она маленькая, но зато полновесная, самая настоящая!

Чэн Синь смотрела вокруг и не находила слов. Ифань спокойно присел на холмик в поле, подхватил горсть чернозема и медленно просеивал его сквозь пальцы. Похоже, его что-то угнетало.

— Он настоящий мужчина; подарил своей любимой сначала звезду, потом вселенную. А у меня для тебя ничего нет.

Чэн Синь села рядом и прислонилась к его плечу. Рассмеялась и сказала:

— Ты единственный мужчина в целой вселенной. Не думаю, что тебе нужно что-нибудь мне дарить.

Их раздумья об одиночестве в этой вселенной вскоре прервал звук открывающейся двери. Из домика вышла фигура в белом и двинулась в их направлении. Этот мир настолько мал, что можно различить кого угодно на любом удалении.

Путешественники увидели, что к ним приближается женщина в кимоно. Ее одежда, украшенная маленькими красными цветами, казалась шествующим кустом роз; по вселенной пронеслось дуновение весны.

— Томоко! — вскрикнула Чэн Синь.

— Я ее знаю, — сказал Ифань. — Это робот, которым управляют софоны.

Они двинулись ей навстречу и сошлись под одним из деревьев. Чэн Синь убедилась, что это действительно Томоко, — невероятная красавица ничуть не изменилась.

Томоко низко поклонилась Чэн Синь и Гуань Ифаню. Выпрямившись, она посмотрела на Чэн Синь и улыбнулась.

— Я тогда сказала, что Вселенная велика, но жизнь еще больше. Судьба и в самом деле опять свела нас.

— Уму непостижимо, — ответила Чэн Синь. — Я действительно рада тебя видеть. Очень рада! — Томоко напомнила ей о событиях, случившихся восемнадцать миллионов лет назад. Впрочем, это не совсем так — сейчас они находились в совершенно другом потоке времени.

Томоко снова поклонилась:

— Добро пожаловать во Вселенную № 647. Я ее

управляющий.

— Управляющий вселенной? — Ифань ошеломленно смотрел на Томоко. — Вот это должность так должность! Для меня как для космолога...

— Нет, нет, — рассмеялась Томоко, отметая его предположения. — Настоящие хозяева Вселенной № 647 — это вы, делайте здесь, что хотите. Я лишь служу вам.

Томоко жестом пригласила их в дом. Они вошли в изысканную гостиную, оформленную в восточном стиле, с несколькими умиротворяющими картинами и каллиграфическими свитками на стенах. Чэн Синь оглянулась, надеясь найти артефакты, которые она привезла с Плутона на «Ореоле», но их здесь не было.

Все сели за старинный деревянный стол, и Томоко разлила чай — на этот раз обошлись без сложных ритуалов чайной церемонии. Чай, похоже, был сорта «Лунцзин»; чаинки собрались на дне чашек, словно миниатюрный зеленый лес, и источали аромат свежести.

Чэн Синь и Гуань Ифаню все происходящее казалось сном.

Томоко заговорила:

— Эта вселенная — подарок. Господин Юнь Тяньмин подарил ее вам обоим.

— Я полагаю, он предназначал ее для Чэн Синь, — ответил Ифань.

— Нет. Вы тоже один из получателей подарка. Ваш доступ был добавлен в систему распознавания позже; иначе вас бы сюда не впустили. Господин Юнь надеялся, что вы укроетесь в этой крохотной вселенной и переживете коллапс Великой Вселенной — то, что называют «Большим сжатием». А после очередного «Большого взрыва» выйдете в новую Вселенную, в ее эпоху Эдема. Сейчас мы находимся в независимом временном потоке. В Великой Вселенной время летит быстро, и вы несомненно проживете достаточно, чтобы увидеть ее финал. Если точнее, по моим оценкам, Великая Вселенная схлопнется в сингулярность где-то через десять лет по нашим часам.

— Если произойдет новый «Большой взрыв», как мы об этом узнаем? — спросил Ифань.

— Мы узнаем. Мы чувствуем через супермембрану, чт`о происходит в Великой Вселенной.

Слова Томоко напомнили Чэн Синь о послании, которое Юнь Тяньмин и ☒АА вырезали на каменном склоне. Но Гуань Ифань подумал о другом. Он заметил, что Томоко упомянула «эпоху Эдема» новой вселенной. Этот термин ввело в употребление человечество Галактики. Получаются два

варианта. Первый: трисоляриане совершенно случайно тоже выбрали это название. Второй, более страшный: Трисолярис обнаружил поселения человека в Галактике. С учетом того, как быстро Юнь Тяньмин смог добраться до Голубой планеты, очевидно, что Первый Трисолярианский флот должен быть где-то недалеко от человеческих миров. А теперь цивилизация Трисоляриса развилась до того, что умеет создавать небольшие вселенные... Угроза! Страшная угроза для человечества!

А затем он рассмеялся.

— Над чем ты смеешься? — спросила Чэн Синь.

— Над собой.

До чего же он смешон! С того дня, когда он взлетел с Мира II и направился к Голубой планете, прошло уж больше восемнадцати миллионов лет. И все это случилось прежде, чем они ступили в эту вселенную, у которой свой ход времени. В Великой Вселенной прошли сотни миллионов лет! Он беспокоится о событиях невероятной древности.

— Ты встречалась с Юнь Тяньмином? — спросила Чэн Синь.

— Нет, никогда, — покачала головой Томоко.

— Видела ☒АА?

— В последний раз это было на Земле.

— Как же тогда ты оказалась здесь?

— Вселенная № 647 была сделана на заказ. Я нахожусь в ней с момента ее создания. Не забывай, я по сути всего лишь программа, можно сделать сколько угодно моих копий.

— Ты знала, что Тяньмин привез эту вселенную на Голубую планету?

— Я не знаю, что такое Голубая планета. Если это и в самом деле планета, то господин Юнь не мог доставить на нее вселенную № 647 — ведь это независимая вселенная, не находящаяся внутри Великой Вселенной. Он мог взять с собой лишь дверь.

— А почему Тяньмин и АА не здесь? — спросил Ифань. Этот вопрос был для Чэн Синь важнее всех прочих. Сама она не спрашивала из боязни услышать ответ, который ей не понравится.

Томоко снова покачала головой:

— Я не знаю. Система распознавания была всегда запрограммирована на допуск господина Юня.

— А может ли она впустить кого-нибудь еще?

— Нет. Она допустит только вас троих.

Немного помолчав, Чэн Синь сказала Ифаню:

— АА всегда любила окружающий ее мир боль-

ше, чем я. Не думаю, что ей было бы интересно очутиться в новой вселенной, через десятки миллиардов лет.

— А мне было бы интересно, — ответил Ифань. — Я очень хочу увидеть новую вселенную, прежде чем жизнь и цивилизация вмешаются и все испортят. Мне кажется, она должна быть прекрасной и гармоничной.

— Я тоже хочу попасть в новую вселенную, — согласилась Чэн Синь. — Сингулярность и «Большой взрыв» сотрут все воспоминания о старой Вселенной. Я принесу с собой немного воспоминаний о человечестве.

Томоко многозначительно кивнула:

— Ты ставишь перед собой великую задачу. Другие тоже занимаются чем-то подобным, но среди них ты будешь первым человеком из Солнечной системы.

— По сравнению со мной ты всегда стремилась к более высоким целям, — Ифань шепнул Чэн Синь. Она не поняла, шутит тот или говорит серьезно.

Томоко поднялась из-за стола:

— Добро пожаловать в новую жизнь во Вселенной № 647. Давайте пройдемся, покажу вам что к чему.

Снаружи полным ходом шла весенняя посевная. Все роботы-столбы трудились в поле. Одни ровняли граблями почву — грунт был до того рыхлый, что не требовал вспашки. Другие сажали семена в подготовленную землю. Они использовали самые примитивные технологии растениеводства. Бороны не было, поэтому поле разравнивали небольшими граблями, один кусочек за другим. Сеялки тоже не было; робот доставал семена из мешочка по одному и закапывал их в почву. Эта сцена навевала мысль о древней простоте. Роботы здесь почему-то казались более уместными, чем настоящие крестьяне.

— У нас запасено продовольствия только на два года, — начала пояснения Томоко. — Потом вам придется полагаться на то, что вырастите. Эти семена — потомки тех, которые Чэн Синь отправила вместе с господином Юнем. Разумеется, они все генетически улучшены.

Ифаню не давал покоя чернозем:

— Мне кажется, что аэропонные технологии, не нуждающиеся в почве, здесь были бы уместнее.

Ему ответила Чэн Синь:

— Любой землянин испытывает ностальгию по почве. Помнишь, что отец Скарлетт сказал ей в «Унесенных ветром»? «Земля — единственное

на свете, что имеет ценность, потому что она — единственное, что вечно, единственное, ради чего стоит трудиться, за что стоит бороться и умереть!»[72]

Ифань не согласился:

— Люди Солнечной системы пролили свою кровь до последней капли, цепляясь за территорию — ну, не считая двух капелек, тебя и АА. И что это им дало? Не выжили ни они, ни их земли. С тех пор в Великой Вселенной прошли сотни миллионов лет. Полагаешь, кто-нибудь помнит о них? Твоя раса уничтожена именно из-за одержимости идеей дома и своей земли, из-за того, что люди навсегда застыли в отрочестве; они были уже не дети, но по-прежнему страшились покинуть родной дом. Извини, если обидел, но это правда.

Чэн Синь улыбнулась разошедшемуся Ифаню:

— Ты меня ничуть не обидел. Ты прав. Мы тоже это понимали, но не могли ничего поделать. И ты бы, наверное, не смог. Не забывай, что и тебя, и весь экипаж «Гравитации» пришлось сначала захватить в плен, не то и вы не стали бы галактическим человечеством.

---

[72] Примечания: 72
Перевод Т. Озерской. — *Прим. перев.*

— И верно. — Гуань Ифань поумерил пыл. — Я никогда не считал себя годным для космоса.

По стандартам космоса «годных» было не так уж много, и Чэн Синь сомневалась, что они ей понравились бы. На ум ей пришел один человек, который, скорее всего, был одним из таких «годных». Его крик по-прежнему звенел в ее ушах: «Мы пойдем вперед! Только вперед! Мы ни перед чем не остановимся!»

— Не переживайте о прошлом, — прозвучал нежный голос Томоко. — Здесь все начинается с чистого листа.

* * *

Во Вселенной № 647 прошел год.

Уже собрали два урожая пшеницы; дважды Чэн Синь и Гуань Ифань наблюдали, как зеленые ростки превращаются в море золотых колосьев. Соседние поля, на которых росли овощи, были зелеными постоянно.

В этом мирке им предоставили и все прочее, что требуется для жизни. На предметах, изготовленных трисолярианами, не красовались фирменные марки, но они выглядели точно так же, как земные аналоги.

Чэн Синь и Гуань Ифань иногда выходили в

поле и трудились наравне с роботами. Порой они прогуливались по вселенной — если не оставлять следов, то можно гулять бесконечно и чувствовать себя путешественниками по бесчисленному количеству миров.

Однако в основном они проводили время перед компьютером. В любой точке небольшой вселенной можно было открыть окно терминала, пусть они и не знали, где находится процессор. В компьютере хранилось значительное количество земных документов, фотографий и видеороликов, большей частью из периодов до Эры Космической Передачи. Очевидно, трисоляриане собрали эти сведения, чтобы изучать человечество; информация касалась всех отраслей естественных и гуманитарных наук.

Но намного больше сведений в компьютере хранилось на языке трисоляриан. Чэн Синь и Гуань Ифаня это море знаний интересовало больше всего. Поскольку им не удалось найти на компьютере программы-переводчика с трисолярианского на языки Земли, им пришлось изучать саму трисолярианскую письменность. Томоко стала их учителем, но вскоре выяснилось, что научиться ей крайне сложно — она оказалась чисто идеографической. В отличие

от земных алфавитов, большинство из которых фонетические, текст на языке Трисоляриса не имел ничего общего с произношением, а выражал идеи напрямую. В далекой древности люди тоже пользовались идеографическим письмом — иероглифами, но позже эти системы письменности исчезли[73]. Люди читают, расшифровывая зарисованные звуки речи. Но это препятствие не смогло надолго задержать Чэн Синь и Гуань Ифаня. Проведя два месяца в напряженной учебе, они стали быстро постигать чужой язык. Самое важное достоинство идеографического алфавита — высокая скорость чтения. Чэн Синь и Гуань Ифань читали трисолярианские тексты в десять раз быстрее, чем земные.

Они приступили к изучению хранящихся в компьютере документов — сначала спотыкаясь на каждом шагу, затем увереннее. Они поставили перед собой две задачи. Во-первых, хотели

---

[73] Примечания: 73

Некоторые западные читатели могут удивиться такому утверждению. Китайские символы (ими написан оригинал этой книги) часто называют иероглифами, но это не совсем верно. Китайская письменность является фонетической, так же как и почти все современные алфавиты. До наших дней в ней сохранилось всего лишь несколько идеографических символов. Как именно «действуют» китайские символы, объясняется, например, в книге Джона ДеФрансиса «Chinese Language: Fact and Fantasy» (https://www.amazon.com/Chinese-Language-Fact-Fantasy/dp/0824810686). — *Прим. К. Л.*

узнать, как именно трисоляриане описали период контакта двух цивилизаций. Во-вторых, их интересовало, как удалось создать эту мини-вселенную. Они понимали, что не достигнут в этом вопросе уровня знаний специалистов, но им хватит и научно-популярного объяснения. Томоко предположила, что достичь этих целей можно за два года. Один год уйдет на совершенствование навыков чтения на трисолярианском и еще год — на внимательное изучение материалов.

Основополагающие принципы функционирования небольшой искусственной вселенной казались им непостижимыми. Они подолгу мучились даже над простейшими вопросами. Например, как может работать экологическая система, замкнутая в объеме всего одного кубического километра? Что здесь за солнце, откуда оно берет энергию? И самое поразительное: куда сбрасывается избыточное тепло?

Они спрашивали Томоко. На одни вопросы та отвечала, а с другими отсылала к документам в компьютере.

Чэн Синь и Гуань Ифаня особенно интересовал такой вопрос: может ли мини-вселенная обмениваться сообщениями с Великой Вселенной? Томоко уверяла, что не существует способа пере-

дать информацию из мини-вселенной наружу, но можно принимать широковещательные сообщения извне. Она пояснила, что все вселенные висят над супермембраной словно пузырьки. Понятие супермембраны является одним из фундаментальных в трисолярианской физике и космологии, и объяснить подробнее она не в силах. В Великой Вселенной накоплено достаточно энергии, чтобы передать информацию по супермембране. Но это сложно и требует невероятного расхода энергии — пришлось бы обратить в чистую энергию столько же массы, сколько ее есть во Млечном Пути. Между прочим, системы наблюдения Вселенной № 647 часто регистрируют всплески, приходящие от других великих вселенных на супермембране. Какие-то из этих сигналов — явления природы, другие — послания от разумных существ; расшифровать их не удается. Но из той Великой Вселенной, из которой пришли люди, не было ни одного сообщения.

Время текло день за днем, словно тихая вода в ручейке.

Чэн Синь начала работу над мемуарами, в которых собиралась описать известные ей исторические события. Она назвала свою книгу «Прошлое вне времени».

Иногда они пытались представить себе жизнь в новой вселенной. По словам Томоко, космологическая теория предсказывает, что в ее макромире наверняка будет больше четырех измерений; возможно, даже больше десяти. Как только новая вселенная родится, Вселенная № 647 автоматически создаст вход в нее и изучит образовавшиеся в ней условия. Если обнаружится больше четырех измерений, дверь между вселенными можно будет перемещать, пока в Великой Вселенной не найдется пригодное для жизни место. Одновременно мини-вселенная установит связь с беженцами, скрывавшимися в других трисолярианских мини-вселенных, а может быть, и с переселенцами галактического человечества. В новой вселенной все беженцы из старой станут практически одной расой и совместно приступят к созданию нового мира. Томоко подчеркнула, что шансы на выживание во вселенной высших размерностей намного лучше из-за одной особенности: весьма вероятно, что из множества макроскопических измерений на долю времени придется больше одного.

— Многомерное время? — Чэн Синь поначалу не понимала этой концепции.

— Даже если бы время было лишь двумерным,

оно предстало бы не линией, а плоскостью, — объяснил Ифань. — На ней существует бесконечное количество направлений, и мы могли бы одновременно принимать бесчисленное количество различных решений.

— И как минимум одно из них окажется верным, — добавила Томоко.

* * *

Однажды ночью, после уборки второго урожая, Чэн Синь проснулась и не обнаружила Ифаня рядом с собой. Она поднялась, вышла из дома и увидела, что солнце уже стало луной и крохотный мирок залило призрачным, холодным светом. Мрачный Ифань сидел возле ручейка.

В этом мире для двоих каждый особенно остро чувствовал переживания другого. Чэн Синь уже давно знала, что Ифаня что-то беспокоит. Прежде он был веселым оптимистом. До недавнего времени он то и дело делился своей мечтой: если им посчастливится устроить себе спокойную жизнь в новой Великой Вселенной, не исключено, что их детям удастся воссоздать человеческую расу. Но затем он резко переменился, стал бродить в одиночестве и о чем-то размышлять, а порой проводил какие-то расчеты на компьютере.

Чэн Синь села рядом с Ифанем, и тот обнял ее. Подлунный мир затих, лишь журчал ручей. Свет озарил поле спелой пшеницы; завтра следует приступить к уборке урожая.

— Потеря массы, — произнес Ифань.

Чэн Синь промолчала. Она следила, как отражение луны танцует в ручейке. Она знала, что Ифань пояснит свою мысль.

— Я изучал трисоляриансскую космологию и нашел доказательство деликатности баланса нашей старой Вселенной. Количество массы во Вселенной было точно таким, как надо: ни больше, ни меньше. Трисоляриане доказали, что этой массы едва достаточно для «большого сжатия». Если массу уменьшить, даже незначительно, Вселенная из замкнутой станет открытой и будет расширяться бесконечно.

— Но масса уменьшилась, — сказала Чэн Синь. Она сразу же поняла, к чему клонит Ифань.

— Да. Трисоляриане уже создали несколько сотен мини-вселенных. А сколько создано другими цивилизациями, чтобы пережить «большое сжатие» или для других целей? Каждая из них вырвала из Великой Вселенной какое-то количество материи.

— Нужно спросить Томоко.

— Уже спрашивал. Она говорит, что вплоть до момента создания Вселенной № 647 трисоляриане не обнаруживали никаких эффектов потери массы Великой Вселенной. Она была закрытой и несомненно должна была сжаться.

— А после создания Вселенной № 647?

— Разумеется, это ей неизвестно. Она также упомянула, что во Вселенной есть группа разумных существ, похожих на Нулевиков, но они называют себя Возвратниками. Они призывают отказаться от строительства мини-вселенных и вернуть их массу в Великую Вселенную... Но она больше ничего о них не знает. Ну ладно, не будем об этом задумываться. Мы же не Господь Бог.

— Но нам уже давно приходится задумываться над проблемами, находящимися в ведении Бога.

Они сидели у ручья, пока луна снова не стала солнцем.

Через три дня после уборки урожая, как только зерно обмолотили и засыпали в закрома, Чэн Синь и Гуань Ифань стояли у кромки поля и наблюдали, как роботы пашут землю, подготавливая ее к посеву. Зернохранилище было заполнено доверху, следующий урожай негде будет хранить. Раньше они принялись бы спорить, что именно сеять. Но теперь их тяготили раздумья, и сельско-

хозяйственные дела их больше не интересовали. Всю уборочную они просидели дома и обсуждали вероятное будущее. Они осознавали, что даже решение одного-единственного человека влияет на судьбу Вселенной, а может быть, и на судьбы многих вселенных. Они чувствовали себя Богом. От груза ответственности им стало трудно дышать; тогда они вышли из дома.

Они увидели, что к ним вдоль края поля идет Томоко. Она редко беспокоила людей и появлялась только тогда, когда в ней возникала необходимость. На этот раз ее походка была необычной — она торопилась и не старалась шагать грациозно и величественно. Напряженное выражение ее лица было тоже непривычным.

— Мы получили широковещательную передачу из Великой Вселенной! — Томоко высветила инфоокно и сделала его побольше. Чтобы было удобнее читать, она пригасила солнце.

По окну побежали волны странных, не поддающихся расшифровке знаков — символы-рисунки из передачи по супермембране. Чэн Синь и Гуань Ифань заметили, что каждая из строчек отличалась от прочих. Они бежали по инфоокну, словно воды бурной реки.

— Передача длится уже пять минут и конца ей

пока не видно! — Томоко указала на окно. — Само сообщение простое и короткое, но передача занимает столько времени потому, что его посылают на множестве языков. Мы уже насчитали сотню тысяч!

— Передача адресована мини-вселенным? — спросила Чэн Синь.

— Несомненно. Кто еще сможет ее принять? Они истратили так много энергии, что это наверняка важное сообщение.

— Ты видела среди языков трисолярианский или один из земных?

— Нет.

Чэн Синь и Гуань Ифань поняли, что послание — это своего рода перечень рас, выживших в Великой Вселенной.

К этому моменту в Великой Вселенной прошли десятки миллиардов лет. Независимо от содержания передачи, если в ней присутствует язык цивилизации, это значит, что она или до сих пор существует, или просуществовала настолько долго, что оставила отметину в истории.

По экрану продолжала течь река знаков: двести тысяч языков, триста тысяч, четыреста тысяч... миллион... передача не прекращалась.

Ни трисолярианский язык, ни какой-нибудь

земной так и не появились.

— Неважно, — произнесла Чэн Синь. — Мы знаем, что мы существовали; мы жили. — Она и Гуань Ифань прижались друг к другу.

— Трисолярианский! — воскликнула Томоко и указала на экран. К этому моменту сообщение передали уже на 1,3 миллиона языков, и только что промелькнула одна строчка на языке Трисоляриса. Ни Чэн Синь, ни Гуань Ифань не заметили бы ее, но Томоко среагировала моментально.

— Земной! — через несколько секунд крикнула Томоко.

Дойдя до 1,57 миллиона языков, передача закончилась.

В окне теперь светились лишь две строчки: одна на трисолярианском, другая на языке Земли. Чэн Синь и Гуань Ифань не могли даже прочесть, что там написано — у них в глазах стояли слезы.

В Судный день Вселенной два человека и робот, представители цивилизаций Земли и Трисоляриса, радостно обнялись.

Они знали, что языки и алфавиты быстро развиваются. Если обе цивилизации прожили достаточно долго, а то и живут до сих пор, их письменность наверняка отличается от того, что они видят на экране. Авторы послания были

вынуждены воспользоваться древними языками и алфавитами, чтобы их смогли понять те, кто скрывается в мини-вселенных. Если сравнить с общим числом цивилизаций, когда-либо существовавших в Великой Вселенной, 1,57 миллиона — капля в море.

Две цивилизации падающими звездами пронеслись в вечной ночи рукава Ориона галактики Млечный Путь, и Вселенная не забыла их свет.

Когда Чэн Синь и Гуань Ифань успокоились, они прочитали сообщение. Оно было очень простым и одинаковым на обоих языках:

> «Информация от Возвратников: общая масса нашей Вселенной упала ниже критической отметки. Вселенная из закрытой станет открытой, начнет неограниченно расширяться и медленно погибнет. С ней уйдет вся жизнь и вся память. Пожалуйста, верните массу, которую вы отняли, и отправьте в новую Вселенную только ваши воспоминания».

Чэн Синь и Гуань Ифань встретились взглядами. В глазах друг у друга они видели мрачное будущее Великой Вселенной. Неограниченное расширение приведет к тому, что галактики от-

далятся друг от друга и перестанут быть видны. Куда ни посмотри из любой точки во Вселенной, увидишь только черноту. Одна за другой погаснут звезды, а все планеты рассыплются в облака тончайшей пыли. В мире воцарятся холод и ночь, а Вселенная станет громадной пустой могилой. В этой бесконечной гробнице будут похоронены все цивилизации и вся память. Навсегда воцарится Смерть.

Есть один-единственный способ предотвратить такое будущее: вернуть материю, замкнутую в мини-вселенных, построенных всеми цивилизациями. Но это значит, что мини-вселенные не уцелеют, а всем беженцам придется возвратиться в Великую Вселенную. Вот что означает название движения Возвратников!

Два человека взглядом сказали друг другу все, что следует, и безмолвно приняли решение. И все же Чэн Синь проговорила:

— Я хочу вернуться. Но если ты хочешь остаться здесь, я останусь с тобой.

Ифань медленно покачал головой:

— Я исследую Великую Вселенную, диаметр которой превышает шестнадцать миллиардов световых лет. Я не хочу провести остаток своей жизни в этой скорлупке не больше километра в

любую сторону. Давай вернемся.

— Я должна предостеречь вас от этого поступка, — произнесла Томоко. — Мы не можем определить, с какой скоростью течет время в Великой Вселенной, но я уверена, что с тех пор как вы сюда попали, прошло не меньше десяти миллиардов лет. Голубая планета уже исчезла, а звезда, которую вам подарил господин Юнь, давно погасла. Нам неизвестно, какие условия царят в Великой Вселенной; не исключено, что она уже не трехмерная.

— Я думал, ты можешь перемещать дверь мини-вселенной со скоростью света, — заметил Ифань. — Разве нельзя поискать пригодное для жизни место?

— Если вы настаиваете, я так и сделаю. Но считаю, что самым лучшим решением было бы остаться. В этом случае возможны два варианта. Первый: Возвратники добьются своего, Великая Вселенная сожмется в сингулярность и произойдет новый «большой взрыв». Тогда мы выйдем в возрожденную Вселенную. Второй: Возвратники потерпят неудачу, Вселенная погибнет. Тогда вы сможете провести в этой мини-вселенной всю оставшуюся жизнь. Не так уж и плохо.

— Если все в каждой мини-вселенной будут так

думать, — возразила Чэн Синь, — то они погубят Великую Вселенную.

Томоко безмолвно смотрела на Чэн Синь. Учитывая скорость ее мышления, для нее, наверное, прошли века. Трудно было поверить, что программы и алгоритмы способны создать настолько сложное выражение лица. Вероятно, искусственный интеллект Томоко перебрал все воспоминания, накопившиеся за почти двадцать миллионов лет с того дня, когда она впервые встретилась с Чэн Синь. Эти воспоминания читались в ее взоре: сожаление, восхищение, порицание, раскаяние — множество сложных чувств, слившихся воедино.

— Ты всегда отличалась повышенным чувством ответственности, — произнесла Томоко.

Отрывок из «Прошлого вне времени»

Ступени ответственности

Всю жизнь я взбиралась по ступеням ответственности.

Когда я была маленькой, моим единственным долгом было хорошо учиться и слушаться родителей.

Позже, в колледже, от меня по-прежнему требовалось хорошо учиться, но вдобавок появилось обязательство стать полезной, а не висеть никчемным грузом на шее общества.

Когда я приступила к работе над докторской диссертацией, мои обязанности стали более определенными. Мне нужно было развивать технологию химических реактивных двигателей, чтобы строить больше надежных ракет и доставлять на орбиту больше грузов и людей.

Позднее я поступила на работу в АСР, и на меня возложили ответственность за отправку зонда для перехвата трисолярианского флота на расстоянии в один световой год от Земли. Это расстояние в десять миллиардов раз превышает все то, с чем я работала как специалист по ракетам.

А потом я получила в подарок звезду. В новой эре она принесла мне не представимую до того ответственность. Я приняла на себя обязанности Держателя Меча, и моим долгом стало устрашение «темным лесом». Глядя с высот сегодняшнего дня, было бы преувеличением сказать, что я держала в руках судьбу человечества. Но я и в самом деле задала направление развития для двух цивилизаций.

Впоследствии мой долг стал еще тяжелее. Я хотела дать людям световые крылья, но была вынуждена отказаться от этого намерения, чтобы предотвратить войну.

Не знаю, в какой мере эти катастрофы и в конце концов уничтожение Солнечной системы связаны со мной. На эти вопросы никогда не получить однозначного ответа. Но я уверена, что они имеют прямое отношение ко мне и моему долгу.

А теперь я взошла на вершину ответственности: я отвечаю за судьбу Вселенной. Разумеется, эта ответственность не только моя и Гуань Ифаня, но мы несем какую-то ее долю — и это кажется мне невероятным.

Хочу сказать всем тем, кто верит в Бога: я не Избранная. Атеистам скажу: я не вершитель истории. Я самый обычный человек. К сожалению,

мне не довелось пройти путем обычного человека. Мой путь оказался путем цивилизации.

Сейчас мы знаем, что такова дорога любой цивилизации: проснуться в тесной колыбели, сделать первые шаги, совершить первый полет, летать быстрее и дальше и, наконец, объединить свою судьбу с судьбой Вселенной.

Всем разумным существам предначертано стать настолько же великими, насколько велики их устремления.

Вне времени. Наша вселенная

При помощи системы управления Вселенной № 647 Томоко начала передвигать выход из крошечного мирка внутри Великой Вселенной. Дверь быстро перемещалась в поисках пригодных для жизни миров. Она могла передать только очень ограниченный объем информации. Никаких видеороликов — поступали лишь приблизительные оценки природной среды. Качество мира измеряли числом от минус десяти до плюс десяти. Человек мог выжить только в мирах с оценкой выше нуля.

Дверь совершила десятки тысяч скачков по Великой Вселенной. Прошло три месяца, но они лишь однажды наткнулись на приемлемую планету с рейтингом «три». Томоко признала, что это, наверное, самый лучший результат, на который они могут рассчитывать.

— Рейтинг «три» означает опасный и неуютный мир, — предупредила она.

— Мы не боимся, — ответила решительная Чэн Синь.

Ифань кивнул:

— Туда и направимся.

Во Вселенной № 647 появилась дверь. Как и ту, которую Чэн Синь и Гуань Ифань видели на Голубой планете, ее образовывали светящиеся линии. Но эта была намного больше — наверное, чтобы было легче проносить материалы. Сначала дверь не соединялась с Великой Вселенной, и что бы сквозь нее ни проходило, оно оставалось здесь, в этом крохотном мире. Томоко настроила параметры так, чтобы предметы исчезали из миниатюрной вселенной и появлялись в Великой.

Пришла пора возвращать позаимствованную материю.

Томоко объяснила, что у мини-вселенной нет собственного вещества — все оно было взято из Великой Вселенной. Среди нескольких сот мини-вселенных, созданных трисолярианами, Вселенная № 647 была одной из самых маленьких. На ее создание пошло около пятисот тысяч тонн материи — это сравнимо с массой большого океанского танкера. По масштабам Вселенной — ничто.

Начали с почвы. Собрав последний урожай, поля они уже не засеивали. Роботы перевозили влажную землю в тачке. У двери два робота поднимали тачку, высыпали почву в проем, и та исчезала. Это не заняло много времени. Через

три дня в мини-вселенной не осталось грунта. Даже деревья, растущие возле дома, протолкнули сквозь дверь.

Под грунтом обнаружился металлический пол мини-вселенной. Он был собран из зеркальных плиток, отражавших солнечный свет. Роботы сняли плитки одну за другой и отправили сквозь дверь.

Под полом оказался небольшой космолет. Он был не длиннее двадцати метров, но использовал новейшие трисолярианские технологии. Трехместный корабль изготовили специально для людей, он был оборудован как термоядерным, так и пространственным двигателем. Имелись миниатюрная замкнутая система жизнеобеспечения и оборудование для гибернации. Подобно «Ореолу», корабль мог садиться и взлетать с поверхности планеты. Он имел тонкий, обтекаемый профиль — наверное, чтобы легче пройти сквозь дверь мини-вселенной. Космолет предназначался для выхода в новую Великую Вселенную после «большого взрыва». На нем можно было жить долгое время, пока экипаж не найдет себе подходящее место в новой вселенной. А сейчас люди воспользуются им, чтобы вернуться в старую.

Когда сняли последние плиты пола, под ними

обнаружились механизмы. Впервые за все время здесь Чэн Синь и Гуань Ифань увидели вещи, носящие несомненные признаки трисоляриан-ского происхождения. Как и предполагала Чэн Синь, эту аппаратуру создавали, исходя из инопланетных, нечеловеческих представлений об эстетике. Люди даже не сразу поняли, что это механизмы, — они походили на какие-то странные скульптуры или естественные геологические образования. Роботы принялись разбирать их и выбрасывать за дверь.

Чэн Синь и Томоко закрылись в комнате и не разрешали Ифаню туда заходить. Сказали, что работают над «женским проектом» и это будет сюрприз.

Когда отключили очередной механизм под полом, в мини-вселенной исчезла гравитация. Белый домик поднялся в воздух.

Плавающие в невесомости роботы начали разбирать небо — тонкую голубую мембрану, на которой изображались облака. В самом конце демонтировали и выбросили остатки пола под оборудованием.

Вода в мини-вселенной испарилась, все затянул густой туман. Сквозь пелену туч светило солнце, а великолепная радуга поднялась от одного кон-

ца вселенной до другого. Остатки жидкой воды собрались в сферические капли разного размера и плавали вокруг радуги, отражая и преломляя свет.

С отключением аппаратуры прекратила работу система жизнеобеспечения. Людям пришлось надеть скафандры.

Томоко подправила настройки двери так, чтобы она пропускала газ. Раздался низкий гул, мини-вселенная завибрировала — это рвался наружу воздух. Белый туман под радугой образовал возле выхода гигантский водоворот — так выглядит тайфун из космоса. А затем клубящийся туман превратился в смерч, издающий тонкий вой. Плавающие в невесомости водяные шары засосало в торнадо, разорвало и выкинуло сквозь дверь. Попутно воронка проглотила всякую мелочь, дрейфующую в воздухе. Солнце, дом, космический корабль двинулись в том же направлении, но роботы, оснащенные реактивными двигателями, быстро водворили их на место.

Атмосфера становилась все более разреженной, радуга погасла, туман растаял. В ставшем прозрачным воздухе проявился космос мини-вселенной. Как и в Великой Вселенной, он был черным и глубоким, но без звезд. В космосе плава-

ли всего три объекта: солнце, дом и космический корабль, а также дюжина роботов. Этот упрощенный мир напомнил Чэн Синь те наивные, незамысловатые картинки, которые она рисовала в детстве.

Чэн Синь и Гуань Ифань включили двигатели скафандров и понеслись в глубь космоса. Пролетев около километра, они достигли края вселенной и мгновенно оказались там, откуда начали полет. Куда ни посмотри — бесконечные проекции плавающих в воздухе предметов. Словно между параллельными зеркалами, ряды проекций уходили в бесконечность.

Разобрали дом. Последней демонтировали гостиную в восточном стиле, в которой Томоко угощала их чаем. Все картины, чайный столик и панели дома роботы отправили сквозь дверь.

Наконец погасло солнце. Оно оказалось металлической сферой, половина которой — та, из которой исходил свет, — была прозрачной. Три робота протолкнули солнце в дверь. Теперь мини-вселенную освещали только лампы; вакуум космоса быстро остыл. Остатки воды и воздуха превратились в льдинки, сверкавшие в свете фонарей.

Томоко приказала роботам выстроиться в ко-

лонну и по одному выйти в дверь.

Теперь в мини-вселенной оставались только грациозный корабль и три фигуры, плавающие рядом.

Томоко держала в руках металлическую коробку. Ее оставят здесь; это «послание в бутылке» для новой вселенной, которая родится после следующего «большого взрыва». В коробке находился миниатюрный компьютер, в его квантовой памяти содержалась вся информация компьютера мини-вселенной — практически все воспоминания о цивилизациях Земли и Трисоляриса. Когда родится новая вселенная, дверь отправит коробке сигнал. Тогда компьютер при помощи крохотных реактивных двигателей пройдет сквозь дверь. Он начнет дрейфовать в многомерном пространстве до тех пор, пока его не подберут и не прочтут. Он и сам станет непрестанно передавать сообщения при помощи нейтрино — если, конечно, в новой вселенной будут нейтрино.

Чэн Синь и Гуань Ифань не сомневались, что то же самое происходит и в других мини-вселенных, — по крайней мере, в тех, где прислушались к призыву Возвратников. Если новая вселенная и в самом деле родится, то в ней будет плавать множество «бутылок» с посланиями. Не исключено,

что в значительном количестве таких «бутылок» хранятся воспоминания и мысли каждого существа цивилизации, в дополнение к полной модели их биологии. Возможно, этих данных окажется достаточно, чтобы новая цивилизация в новой вселенной возродила прежнюю.

— Можно нам оставить здесь еще пять килограмм? — спросила Чэн Синь. Одетая в скафандр, она находилась с другой стороны космолета. В руке она держала светящуюся прозрачную сферу диаметром около полуметра. Внутри парили водяные шары. В нескольких из них резвились крохотные рыбки и клубились зеленые водоросли. Там же плавали два миниатюрных континента, покрытых зеленой травой. Свет исходил из вершины прозрачной сферы, где находилась крошечная лампочка — солнце маленького мирка. Это был герметичный экологический контейнер, результат более чем десятидневных трудов Чэн Синь и Томоко. Жизнь внутри сферы будет продолжаться, пока светит ее солнце. Пока экоконтейнер здесь, Вселенная № 647 не будет темным, мертвым миром.

— Конечно! — ответил Гуань Ифань. — Ничего с Великой Вселенной не станется от потери пяти килограммов. — Ему пришла в голову дру-

гая мысль, но он решил промолчать. Ведь не исключено, что Великая Вселенная продолжит расширяться потому, что ей не хватило массы всего одного атома. Тонкость настроек мироздания просто поразительна. Например, для возникновения жизни потребовалось точнейшее сочетание физических констант — до миллионных долей процента. Но, конечно же, Чэн Синь может оставить экологическую сферу. Из бесчисленного множества мини-вселенных, созданных бесчисленными цивилизациями, наверняка какие-то не прислушаются к Возвратникам. Великая Вселенная несомненно недосчитается нескольких сотен миллионов тонн вещества — а может быть, и миллиона миллиардов миллиардов тонн.

Будем надеяться, что Великая Вселенная переживет эту потерю.

Чэн Синь и Гуань Ифань вошли в корабль; за ними последовала Томоко. Она уже давно не носила свое роскошное кимоно и опять преобразилась в стройную и ловкую воительницу в камуфляже. Томоко обвешалась оружием и средствами для выживания; особо выделялась катана за спиной.

— Не беспокойтесь, — заверила она своих приятелей-людей. — Пока я жива, вам ничего не угрожает.

Заработал термоядерный двигатель, и в дюзах вспыхнуло бледно-синее пламя. Космолет медленно направился к выходу.

* * *

В мини-вселенной остались только «послание в бутылке» и экологическая сфера. «Бутылка» растаяла в темноте; во вселенной размером один кубический километр только маленькое солнышко внутри сферы разгоняло мрак. В этом крохотном живом мирке шарики воды спокойно плавали в невесомости. Рыбешка перескочила из одного шарика в другой и принялась беззаботно лавировать между водорослей. С конца травинки, растущей на одном из миниатюрных континентов, сорвалась капелька росы, поднялась, закружилась в воздухе и стрельнула ясным солнечным лучом в глубины космоса.